



**Косплей Сергея Юркина. Чужая шкурка.  
(книга первая)**

## Annotation

*Куда только не носила судьба наших попаданцев и в кого они только не попадали! В героев, в властителей империй, в повелителей галактик... Серёге в этом плане повезло не очень. А если точнее — совсем не повезло. Ему достался мир, по уровню развития очень схожий с нынешней Землёй и тело корейской девочки-подростка. И семья, низкого социального статуса. И чего теперь ему делать? Прогрессорством не займешься, мудрых советов воздю не дашь... Проще, как говорится — сразу повесится. Но одна богиня сказала Сергею, что его будущие воплощения в мире живых будут зависеть от этой прожитой жизни. Придётся думать о душе. Придётся как-то крутиться...*

---

- [Кошкинко Андрей Геннадьевич](#)

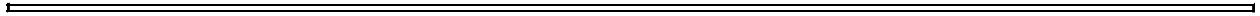
- [Шкурка первая](#)
- [Шкурка вторая](#)
- [Шкурка третья](#)
- [Шкурка четвертая](#)
- [Шкурка пятая](#)
- [Шкурка шестая](#)
- [Шкурка седьмая](#)
- [Шкурка восьмая](#)
- [Шкурка девятая](#)
- [Шкурка десятая](#)
- [Шкурка одиннадцатая](#)
- [Шкурка двенадцатая](#)
- [Шкурка тринадцатая](#)
- [Шкурка четырнадцатая](#)
- [Шкурка пятнадцатая](#)
- [Шкурка шестнадцатая](#)
- [Шкурка семнадцатая](#)
- [Шкурка восемнадцатая](#)
- [Шкурка девятнадцатая](#)
- [Шкурка двадцатая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)



**Кощиенко Андрей Геннадьевич**

***Чужая шкурка, или косплей Сергея Юркина***

## Шкурка первая

*Откуда печаль в корейских глазах?  
с утра не нашел он чего-то в штанах...  
Колготки поправь, затяни туже лифчик,  
И вновь к горизонту на полных парах!*

*Место действия: Небольшой круглый кинозал. В зале чувствуется слабый запах синтетической обивки и пыли. Ряды кресел с высокими спинками, уходят вверх крутым амфитеатром. Все они заполнены молодыми юношами и девушками. Свет в зале выключен. На экране демонстрируется фильм. Яркие, насыщенные цвета. Сменяющие друг друга изображения природы и строений с крышами восточных пагод.*

...«Основным источником информации о Гуань Инь является „Саддхмапундарика-сутра“, в которой описываются 32 основных облика этой бодхисаттвы. В буддийской традиции бодхисаттва Гуань Инь занимает одно из центральных мест. Её имя обычно переводится как — „Слушающая звуки мира“. Канон изображает бодхисаттву в женском облики, что является наследием добуддийских представлений о Гуань Инь...»

Сижу в мягком, удобном кресле и чуть дремлю в темноте, смотря сквозь полуприкрытые веки на экран, на котором крутят «кино». В нашем институте — «неделя Кореи». Сегодня очередные «запланированные мероприятия». Смотрим фильм о пантеоне страны Утренней свежести, который привезла с собою её делегация. В Сеульском университете есть кафедра русского языка. Её ученики-то и сделали перевод к этому фильму. Нормально сделали. Голос за кадром идёт ровно, «без затыков» и «внезапных» речевых конструкций. Профессионально сделано. Если бы не слегка «мяукающий» акцент переводчика, то можно подумать, что текст читает «носитель языка». Почему я об этом сужу? Потому, что сам, «без пяти минут», переводчик. Я, Сергей Юркин, двадцати одного года отроду, студент Московского института иностранных языков. Четвёртый курс, переводческий факультет, кафедра восточных языков. Изучаю английский и японский языки. А ещё, факультативно: корейский, французский и немецкий. «Побаловался» немного итальянским и испанским. Как мне это удаётся? Всё просто. Я — полиглот. Языки даются мне легко и непринужденно. Я не сижу, проводя дни и ночи над учебниками и

словарями, тупо зубря, как другие студенты. Правила грамматики, значения слов и их произношение, «укладываются» в моей голове легко и непринуждённо. Без всякого напряжения и «умственного драйва». Спасибо за это моей маме. За то, что родила меня такого, и за то, что всегда считала, что её единственный и горячо любимый сын — талантлив. С самого раннего детства она таскала меня по всяким кружкам и студиям, пытаясь найти для меня то занятие, в котором я смог бы выразить себя и сделать окружающий мир прекраснее. Ребёнком я был послушным, маме — не перечил и поэтому к третьему классу средней школы, я уже был апробирован: в изостудии, в кружке художественной лепки, в секции плавания, в коллективе русского народного танца, в хоре, в театральном кружке, в студии балета и игре на балалайке. В балет меня, как я сейчас думаю, слава богу, не взяли, а вот балалайка получила дальнейшее развитие в виде музыкальной школы по классу фортепиано. В ней я и «осел», отучившись пять лет. Подозреваю, что если бы не надежда на то, что я стану знаменитым музыкантом, мама «потащила» бы меня дальше. Там были ещё спортивные танцы, фигурное катание, спортивная гимнастика... Если, «внимательно так подумать», то сидеть за роялем гораздо лучше, чем сигать где-то по льду, с риском свернуть себе голову на каждом прыжке. Или, «выдрыгиваться» на паркете, получая растяжения рук, ног, шеи и всего остального. А рояль — солидный инструмент, приятный звук. Плюс чёрные фраки, белые рубашки, камерная атмосфера... Совсем интересно с музыкой стало, когда я освоил синтезатор. Это вообще — «чума»! Считаю, у тебя целый оркестр под руками! Хочешь — орган, хочешь — скрипка, хочешь — акустическая гитара с нейлоновыми или стальными струнами... Плюс ещё, оказалось, что подзаработать с этой «машинкой», вполне просто и реально. Вещь достаточно компактная, легко можно взять куда-нибудь с собою. Это вам не концертный рояль или пианино. Я, поступив в институт, почти сразу же познакомился с ребятами, у которых уже была — «своя рок-группа». И я, даже ещё не закончив первую сессию, сразу, с ними — по свадьбам, по дням рождения, по кабакам... Лабали «живую музыку», своё, и так, «под заказ». Очень кстати я парням пришёлся. Хороший «клавишник», да на синтезаторе, да с образованием, он ведь что угодно сыграть сможет! А мы ж, с ними, ещё все с института иностранных языков. Спеть хит на английском? Ноу проблемс, как говорится! Итальянское диско? Да запросто! «Бабки» тащите!

Правда, на других языках, кроме английского, исполнение как-то особо «не заказывали». Ну, почти не заказывали... Итальянское диско, Челентано там, да, бывало. Иногда, на французском. Причём, такое

впечатление, что народ у нас из всех исполнителей Франции знает только Мирей Матье. Но её реально сложно повторить. У неё ж, голосина-то, дай боже каждому нашему «российскому фанерщику», от него хоть четвертушку. Но, раз «заказывают», нужно держать марку и исполнять. Оленька, наша солистка и исполняла. А если точнее — пыталась. Хе-хе... Мирей, наверняка бы перекосило, если б услышала. Да ладно, с неё не убудет! Можно сказать, что мы её — популизировали в окрестных кабаках. Выводили русский народ на новый эстетический уровень! Всё это конечно хи-хи да ха-ха, но мне такое времяпровождение и заработок — абсолютно не «в лом». Учёба много времени у меня не занимает, а в кабаках часто бывает весело. Полно девушек, ищущих приключений. Иногда — танцы на столах. Иногда — драки. Или там, отколет кто, чего, новенького, неожиданного. Например — в Хогвартс, сквозь стену проходить начнёт... Не, пьяные рожи, «заказывающие» одно и то же, они конечно — надоедают, но если промежать кабаки детскими утренниками и собственными концертами, да ещё выступлениями на разных рок-сборищах, то, в общем-то, никаких душевных напрягов. И при всей своей внешней неэстетичности, пьяные рожи — люди весьма и весьма щедрые на деньги. А деньги — они всегда нужны. Особенно молодому парню. Не сидеть же на родительской шее? Я уже, считай, совсем взрослый. Живу уже четыре года сам, в общежитии, без родителей. Ещё один год учёбы — и у меня будет профессия, которой буду зарабатывать себе на жизнь. Нет, можно было бы, конечно, подрабатывать и переводами... Я так иногда и делаю. Но, это — скучно... Под музыку, с ребятами, «косить капусту» гораздо веселее. Да и потом? Я зря, что ли, в музыкальной школе, пять лет зад отсиживал? Что, вот так вот взять и выкинуть всё? Пусть хоть какая-нибудь, да отдача будет...

Как я вообще попал в институт иностранных языков после музыкальной школы? Очень просто. Опять — спасибо маме. Учительница в школе, как-то на родительском собрании, сказала ей, что у меня — «хорошо идёт» английский. И я тут же получил от неё дополнительную нагрузку! В виде индивидуальных занятий с учителем английского языка. Мотивационный посыл был прост: мол, когда я, буду ездить с концертами по Европе, то мне, знаменитому пианисту, знание английского — очень и очень пригодится. Ну, ладно... Маму я привык слушаться. Стал учить английский. Тут-то, внезапно и выяснилось, что у меня не только английский — «идёт». Учитель, крупная такая тётя в возрасте и с большим педагогическим опытом, посмотрела на мои успехи, посмотрела и вдруг подсунула мне — немецкий. На котором я «залопотал» без особого труда.



Что немецкий, что английский, мне было особо без разницы. Помню меня, тогда сильно смешили немецкие слова. Бесконечно-длинные, составленные из трёх-пяти нормальных, коротких слов.

— У вашего мальчика отличные способности к языкам, — строго смотря на неё поверх своих очков с толстыми стёклами, сказала маме репетиторша, — несомненно, это — талант! Думаю, вашему мальчику нужно всерьёз подумать о карьере переводчика...

Мама была в восторге! Она знала, что её сын талантлив, а тут такое подтверждение! И это вам не грамота с конкурса балалаечников, а — ЯЗЫК! Да ещё и не один! На тот момент, в музыкальной школе, я особых звёзд с неба не хватал. Отличник, хорошист — да. Но, слово «талант», учителя в связке с моим именем и фамилией не использовали. Обычно говорили — «хороший мальчик»... Думаю, что маме, наверное, тогда, после слов репетиторши, представилось, как я работаю переводчиком при каком-нибудь нашем посольстве в Европе или Америке...

...Серый двухэтажный особняк, с тонированными стёклами больших окон, ярко-зелёная лужайка коротко подстриженной травы перед ним. Черного чугуна, ажурная ограда, окружающая особняк... Её сын ездит на дорогих иностранных машинах, с дипломатическими номерами... Переводит на важных международных встречах, стоя за спиной президента и наклоняясь к его уху....

В общем, вопрос, куда я поступаю после школы — в консерваторию или институт иностранных языков, решил очень быстро. Куда? Конечно же в институт! Музыканты нынче нищенствуют, а «языки» — перспективно и доходно. И мир можно посмотреть... И за границей можно жить остаться.

— Ес! Ов кос! — ответил я маме, соглашаясь с её решением. Хорошо зарабатывать и путешествовать — это здорово! На это я был согласен. Хотя, бросать музыку было жалко. Но я тогда подумал, что вполне можно ею заниматься самостоятельно, сделав её просто своим хобби. Профессия в жизни должна быть надёжной. А музыка будет для души.

С выбором кафедры мне помог отец.

— Смотри, — сказал он, — английский у нас нынче учат все кому только не лень. Все вагоны в электричках листовками курсов уклеены. Что из этого следует? Следует из этого то, что в этом сегменте рынка большая конкуренция. У нас, с мамой, увы, нет таких знакомств, чтобы в «дипломатичку» тебя впихнуть. Сам знаешь, не маленький уже, что на «хорошие места» сейчас попадают лишь «по знакомству». А в «дипломатичке» — вообще всегда так было. Даже при Советском Союзе.

Поэтому, если кто-то будет знать язык хуже тебя, но у него будет блат, возьмут его. Лишь под тем предлогом, что он что-то там «мычит» и у него есть какие-то «левые» корочки с курсов. А ты, если сам туда как-то «влезешь», будешь работать за гроши, да ещё, за себя и за того «мычащего» парня. Потому, что взяли тебя не по знакомству, а с улицы. Благодарен, должен быть. Понимаешь? Пока ты там связями обзаведешься, пока вырастешь, полжизни пройдёт. Стоит ли такая овчинка выделки? Раз у тебя так хорошо идут языки, попробуй тогда какие-нибудь более экзотические и трудные. Например, восточные. Регион активно развивается. Китай — точно станет скоро сверхдержавой, Корея и Япония — кузницы технологий. Думаю, что со связкой из языков: английский — китайский, английский — корейский или английский — японский, ты точно не пропадёшь. Если всё сложится, заключишь договор непосредственно с иностранной фирмой. Минуя наш «блатняк». Чтобы не быть потом, по гроб жизни, кому-то обязанным...

Ну, я, послушал отца и попробовал. Получилось! Вполне возможно, что тут сыграло роль то, что я до этого занимался музыкой. Восточные языки, они ведь «модуляционные». От интонации, с которой произнесена фраза, зависит смысл сказанного. Я слышу все тональности — без проблем. Для других же, занимающихся вместе со мною, это что-то вроде шаманизма. По десять раз слушают, прежде чем услышат различие в произношении. А я — с первого раза. В общем, мне моё будущее понятно. Это восток. Либо Корея, либо Япония. Поэтому, я учусь, делая упор на изучении этих двух языков. Была ещё у меня идея учить китайский, чтобы потом «замутить» в Китае что-то типа своего бизнеса, но от этой идеи я отказался. Отказался не от идеи бизнеса, а от изучения китайского, потому что возник ряд причин. Во-первых, в нашем институте его попросту не преподают.

На вопрос — «почему?» заданный ректору на его встрече с первым курсом, тот хитро улыбнулся.

— А зачем вам? — спросил он.

— Ну как же? — недоумённо спросили из зала, — все знают, что скоро весь мир будет говорить на китайском...

— То, что весь мир будет говорить на китайском — абсолютная чушь! Никогда такого не будет! — категорическим тоном ответил ректор, — подобное говорят поверхностные люди, которые не являются лингвистами и не представляют себе реального положения вещей. Не повторяйте чужих глупостей. Изучить английский — трудно, изучить японский — очень трудно, изучить китайский — архитрудно! Иероглифическая система

китайской письменности невероятно сложна и громоздка в написании. Она совершенно не подходит для современного мира, в котором скорость и лаконичность передачи информации является основной установкой развития общества. Вы просто не представляете, насколько это сложно, что-то написать на китайском языке! К тому же, в Китае, из-за множества народов, составляющих китайскую нацию, существуют десятки наречий, зачастую кардинально разнящихся между собой. Разнящихся настолько, что люди из разных провинций иногда просто не понимают друг друга, хотя все они живут в одной стране и говорят на одном языке — китайском. И это у них считается нормальным... Не смотря на то, что болтают в СМИ о необходимости учить китайский, в реальности, всё больше и больше самих китайцев учат английский язык, который является общепризнанным языком международного общения. Вы сами сможете в этом убедиться, побывав в Китае. Зная английский, вы гораздо быстрее найдёте там себе китайского собеседника, а главное — вы поймёте всё, что он вам сказал...

— Так что, — продолжил ректор, переждав смешки в зале, — вместо китайского — учите английский, и будет вам, как говорится, счастье... Но, конечно, если вы хотите быть китаеведом, то, тогда вам, несомненно, нужен будет китайский язык. Однако, повторюсь, в нашем институте, его не изучают...

В общем, услышав сказанное ректором, я решил, не торопится и не «гнать коней к яру». Заглянул в учебники по китайскому — действительно, чёрт ногу сломит! Послушал диалекты — да, разные. Во-вторых, уже учась на втором курсе, удалось смотаться в Китай со знакомым отца, предпринимателем. Очень не понравилось. Шумно, людно, грязно. Прилетели в Пекин, выходим, а там такой смог — Москва отдыхает!

Видимость на дороге — не более ста метров и дышать реально нечем. Может, конечно, там где туристические отели и получше, с экологией, наверняка получше, но друг отца прилетел «по делам», поэтому маршрут своего путешествия он проложил по трём промышленным центрам, там, где ему было нужно. Я, собственно говоря, и хотел их посмотреть в плане своего гипотетического бизнеса, поэтому и «упал ему на хвост» с помощью отца. Посмотрел. Посмотрел и понял, что жить мне тут совершенно не хочется. «Ежу понятно», что через пару лет жизни в окружении миллионов чадящих труб и гор вонючих отходов, любой человек получит себе какое-нибудь нешуточное заболевание. Зарабатывать деньги, чтобы потом отдавать их все за лечение? Это не тот жизненный путь, которым должен следовать разумный человек. Не, в Китае правительство, конечно, понимает, что нужно что-то делать. Но его указы о том, что свалки не

должны превышать высоты шестнадцати этажей и располагаться не ближе чем в пятистах метрах от жилых домов... По мне, они только стимулируют мысль у граждан о том, что — «пара валить»...

Потом я узнал про расстрелы... Нет, я конечно знал, что в Китае есть смертная казнь. Подробностей вот только не знал. Оказывается, что большинство приговорённых не просто расстреливают, а используют для общественного блага — пускают на органы: чего, мол, добру пропадать? Причём график смертных казней подстраивается под график операций, а приговорённых перед расстрелом обследуют на предмет того, у кого какие органы можно взять. В зависимости от результатов обследования приговорённому стреляют либо в голову (если нужны внутренние органы), либо в сердце (если нужны роговицы глаз и тому подобное). Однако такого способа расставания с жизнью удостаиваются далеко не все приговорённые. Есть некоторые органы, которые нужно извлекать быстро, а таскание мёртвых тел от расстрельной стенки к операционному столу требует времени и поэтому портит товар. Из-за этого, некоторых приговорённых не расстреливают, а просто потрошат. Примерно до 2007 года перед операцией делали анестезию, но потом решили, что это чрезмерный гуманизм и лишние расходы из бюджета. Поэтому, теперь приговорённых лишь привязывают покрепче и поглубже заталкивают кляп...

Я как представил себе это, враз всё желание жить в Поднебесной у меня окончательно и пропало. Ну, его нафиг, этот бизнес. Нет, я конечно согласен, что маньяки и убийцы должны нести заслуженную кару и пусть испытывают на себе всё то, что они творили со своими жертвами, но... Всё же это уже как-то слишком... В Китае, ведь если поймали пьяным за рулём, тоже — смертная казнь. Даже если ни на кого не наехал. В общем-то, согласен. Пьяный за рулём — убийца. Может оно так и надо, но мало ли какие случаи бывают в жизни? Я тоже, пару раз на байке своём рассекал после принятия пива. Ну нужно было поехать. Да, был не прав. Осознал и больше так стараюсь не делать. А попадись я на первом разе — разобрали бы нафиг на «запчасти», и осознать бы ничего не успел...

Короче говоря, кое-где, дела в Китае творятся такие, что доктор Менгеле грустно завидует им со своей сковородки в аду, а я ориентируюсь теперь только на Японию и Корею. Больше на Японию. Вроде есть вариант пристроиться в российское представительство японской компании, торгующей системами автомобильной диагностики. Конечно, хотелось бы сразу уехать на работу в Японию. Там можно и язык мигом «поднять» да и просто пожить интересно будет. Я же не потому хочу уехать, что эмиграция

— светлая мечта всей моей жизни. Меня и в России, житьё-бытьё вполне устраивает. Просто это вопрос профессионального роста. Невозможно досконально изучить язык не пожив несколько лет среди его «носителей» и не «погрузившись в среду». А я хочу стать профессионалом. Но, пока что есть, то есть. Если подвернётся нечто лучшее теперешнего варианта, переберусь туда. На моём курсе уже многие подыскивают себе место работы. Хороших мест мало... Усиленно «долблю» японский и параллельно слушаю бесплатные интернет-курсы по компьютерным технологиям. Курсы для того, чтобы в терминологии разбираться. Язык — это одно, толкование специализированных терминов — это другое...

На экране, между тем, продолжался фильм.

«...Обычные атрибуты Гуань Инь: кувшин с веткой ивы, верёвка (символ спасения от бед), книга, чётки, посох, трезубец, юбка из тигровой шкуры (символ бесстрашия)....

Наиболее часто Гуань Инь изображают с четырьмя руками, восемью руками и одиннадцатью ликами, тысячерукой, хотя канонами предусматриваются и более сложные изображения, вплоть до 84000-рукого и 84000-ликого (они практически не встречаются)....

У тысячерукого изображения на каждой ладони есть глаз. Ими бодисаттва видит одновременно всех находящихся в беде в бесчисленных мирах Вселенной, этими руками она их спасает....»

Восемьдесят четыре тысячи рук! — изумлённо присвистнул я про себя, открывая глаза и разглядывая появившееся на экране изображение многорукой фигуры, — вот это ничего себе! Как сколько можно нарисовать? А если разделить восемьдесят четыре тысячи на два... Тогда получится, что существует сорок две тысячи миров! Здорово! Это же «тайное знание древних» прочитанное между строк! Можно будет потом, где-нибудь, при случае, сумничать...

Я наострил уши, желая услышать ещё, что-нибудь интересненькое и уставился на экран, разглядывая изображение многорукой богини. В этот момент пошёл фрагмент из выступления китайских танцовщиц. Группа девушек изображали собой многорукую богиню. Зрелище было завораживающим.<sup>[1]</sup>

«...В традиции Великого Белого Братства, Гуань Инь известна как Вознесённая Владычица, которая занимает пост Богини Милосердия, так как она воплощает Божественные качества закона милосердия, сострадания и прощения. У Гуань Инь было множество воплощений, предшествующих её вознесению тысячи лет назад, и она принесла обет бодхисатвы, научить невознесённых детей Бога уравнивать карму и выполнять

божественный план, с любовью служа жизни и используя фиолетовое пламя посредством науки изречённого Слова...»

Что за — «фиолетовое пламя»? — не понял я, — о чём это?

Но тут фильм закончился и в зале плавно загорелся свет. Все стали аплодировать вышедшим на низенькую сцену, к экрану, его переводчикам — двум низко кланяющимся корейским девушкам и парню.

Ну, вот, — подумал я, щурясь от света и тоже, активно хлопая, — только заинтересуешься, как всё кончается. Впрочем, нужны мне сейчас эти боги... Нет, конечно, если собираешься жить в стране, то нужно знать её культуру и обычаи, чтобы где-нибудь по-глупому не попасть впросак. Но, если сложить всех богов Кореи и Японии, так там же запросто — череп треснет! На память не жалуюсь, мозги у меня хорошие — но отнюдь не резиновые. Голову — беречь нужно! Лучше запомнить пару новых слов, чем имя какого-то бога. Вот станет окончательно понятно, в какой стране я буду работать, тогда углублённо и изучу её иконостас. А пока, мне вполне достаточно общего представления...

Я встал с кресла и вместе со всеми потихоньку пошёл на выход, уйдя мыслями вперёд, к сегодняшнему вечеру. Может, ну его, и лучше пойти в концертный зал и начать готовиться? Вечером у меня с парнями — выступление на самодеятельности. Будет совместный концерт. Корейцы будут показывать, чего они умеют, наши, институтовские, будут выступать «в ответку». Один из концертных номеров за моей группой. С парнями долго думали — чего бы такого придумать, чтобы не ударить, так сказать, по-полной, «фейсом в тейбл»? С корейцами тягаться сложно. У них поддержка эстрады возведена чуть ли не в ранг национальной программы. Вся молодежь поёт и танцует как сумасшедшая, по двадцать четыре часа в сутки, мечтая стать звездой. Тут как-то в СМИ писали, что в Южной Корее, за прошлый год, в среднем, по две новые группы в месяц дебютировали. Это вам не тут, где ничего не деля, все спокойно ждут, когда какой-нибудь «самородок» вдруг вылезет и, не требуя никаких вложений в себя, осчастливит своим талантом всю Россию-матушку... А все непричастные потом ещё и «бабки» будут с него стричь...

Короче, думали мы, с парнями, думали и наконец, придумали! Взяли один из последних хитов группы T-ara — «Number Nine» и написали к нему свои слова. На русском.<sup>[2]</sup>

А что? Корейцы русский учат, должны шутку понять. И музон там хороший, ритмичный. Я оранжировочку сделал, я это умею. Думаю, что будет нормально. Не осраимся. А что бы уж совсем точно не опозориться, нужно бы сейчас пойти и посмотреть, что там, с подготовкой происходит...

— Юркин, ты не забыл, что должен выступить на диспуте?

Оборачиваюсь на голос. Леночка Гречкина! Шухер! Крокодилы — «атакуе»!

— Конечно, помню, Ленусик, — со слащавой улыбкой, ответил я.

Ещё бы тут забыть! Я бы конечно просто так, добровольно, на такую дурь не пошёл бы, но в ректорате обещали, «двум особо отличившимся активистам» поездку в Корею. На разговорную практику. Хоть мне и очень хочется в Корею, но с Синичкиной, в пасть к её подругам, идти абсолютно нет никакого желания. Они там придумали провести диспут, на тему «Проблемы равноправия женщин в современном обществе» и притащить на него наших гостей. Да, это беспрюгрышный ход... Корея — одна из немногих нормальных стран, в которой сохранился здоровый патриархальный уклад, поэтому, тутошние вопли про то, что бабам чего-то не хватает и жить они поэтому нормально не могут, гарантируют корейцам круглые глаза и впечатления на всю оставшуюся жизнь. В Корее, там всё чётко. Там следят за тем, чтобы женщины никуда не лезли, куда им не положено и поэтому страна нормально живёт себе и развивается. Не то, что вырожденка-Европа, гибнущая в стальных объятиях матриархата. Так что наши больные на голову «активистки», вместе Гречкиной, это точно рассчитали. Скандал, это всегда — скандал! А поскандалить пригласили меня и ещё нескольких парней, у которых язык хорошо подвешен. Сценарий действия таков — женская половина, присутствующая на этом фемошабаше, выкатывает претензии к присутствующим мужчинам, те, в ответ, возражают, желательно с проявлением мужского шовинизма и ретроградства, девушки начинают полемику, шум, крик гам, борьба идей, свобода слова и всяческая иная либерастия. Итог — корейцы потрясены разгулом демократии в России и уезжают к себе в полном ауте. У них-то, такого — точно нет! А вот у нас — есть! И мы, типа, круче получаемся. Дурь полная и нормальный человек участвовать в этом не станет, но, повторяюсь ещё раз, очень хочется в Корею... Может, если постараться, я стану одним из этих, двух «особо отличившихся активистов»? Полчаса позора и ты в Корее...

— А ты — подготовился? — заглядывая мне в лицо, поинтересовалась Гречкина.

— А то! — ответил я, — ночь не спал, слова искал!

— Тогда, — пошли!

— Ну пошли, — индифферентно пожав плечами согласился я, направляясь по коридору вслед за нею.

Не то что бы Леночка страшная... Просто когда она смотрит на

парней, у неё такое лицо словно она прицеливается — откуда кусок мяса выдрать? Возможно, мне это только кажется, поскольку я в курсе, что Ленусик усиленно работает над бизнес-идеей приобретения мужа для своего светлого будущего. Но всё равно, даже без этого, есть у неё в глазах нечто такое... аллигаторное. Причём, мужем у неё может стать любой. Любой, в смысле с нашего потока и с института. Любой парень, лишь подходящий под её критерии. Я подхожу и тоже могу им стать. Могу, но не хочу. Ибо знаю, что она, будучи ещё на первом курсе, на даче, у Коляна, в «группен секс» участвовала. Колян мне сам, в подробностях и рассказывал. И не один раз там такое было. До тех пор было, пока Кольку, со всей его компанией, не «замёл» его отец, не вовремя приехавший на дачу. Колян тогда получил конкретных «люлей» и чёткое указание — «блядей на дачу не водить!», после чего любителям оргий пришлось искать для своих забав новое место. Но, как говорится, кто ищет, тот всегда найдёт.... Я сам тогда не участвовал в ихнем действе, ибо был на тот момент скромным, домашним мальчиком, только-только окончившим музыкальную школу... Это я сейчас испортился. Понасмотрелся по кабакам, всякого... Ну и попробовал, конечно. Тем более, что проблем с этим никаких нет. Молодым, не страшным на морду парням, сложно играть музыку во всяких там питейно-увесилительных заведениях. Подвыпившие девки, пришедшие за приключениями — это что-то. Сквозь стены пройдут, но приключений на свой зад всё равно найдут. Порою реально приходится думать — как бы незаметно исчезнуть, чтобы не стать жертвой этих самых приключений? Впрочем, не только молодым музыкантам сложно. Бармен, Жорик, которому уже за тридцатиник, тоже «перегрузки» испытывает. После полуночи, вечно у него в подсобке какая-нибудь баба сидит. Ждёт, когда её трахаться повезут. Один раз две девахи у него даже подрались. За поездку на «олимпиаду» боролись, хе-хе... Жоре, полезшему их разнимать, «по запаре», морду расцарапали. Тот озверел и натурально, пинками в зад, выпинул этих пьяных кошек из своей подсобки. Как я понял, в тот вечер он остался без секса, но по его виду я бы не сказал, что он выглядел от этого огорчённым. Конечно, чего там жалеть, если у него день через день такая бодяга творится? Похоже, Джорджика такая жизнь слегка утомила. И мне кажется, может даже и не слегка...

Как-то днём, ещё до открытия, зашли мы с парнями в кабак, вернуть аппаратуру, которую таскали на выступление. Заходим и видим картину маслом: в пустом зале, за столом, сидит Жорик и, подперев рукою подбородок, грустно слушает радио, смотря куда-то сквозь стену невидящим взором. А по радио, Семён Слепаков, ему проникновенно поёт,



жалуясь:

*Я затрахался трахаться...  
Я реально затрахался...  
Не хочу тебе плакаться,  
Но ещё больше — трахаться...* [\[3\]](#)

Услышав шум, Жора вернулся из астрала, сфокусировал взгляд на нас и, глубоко вздохнув, сказал: Мужик, Слепаков! Понимает...

Может, у Семёна тоже — день через день? С чего-то ж пришли ему в голову такие слова? А судя по той активности, которую порою излучают пьяные «юные невинные девушки», вполне может быть... Впрочем, бабы в возрасте, в этом плане тоже стараются не отставать от «юных дефффф». Оо-о, этот хит всех времён и народов от Натали! Вах, сколько мы его исполняли! Думал, язык сотрётся. Короче, типичная картина, повторявшаяся каждый вечер, в течении полугода: стоит, значит, на танцполе тётка, тело без талии, «сарделька» такая, в туфлях на здоровенных шпильках и голосит на весь зал, во всю мощь своих связок: «О боже, какой мужчина!!» А потом начинает бить «копытом» в пол, требуя — «я хочу от тебя сына! И я хочу от тебя дочку, и точка, и точка!» И непонятно, толи прямо тут, прям сей миг, обеспечить ей требуемое, то ли везти её куда, срочно, пока не протрезвела... Пипец полный. А ещё говорят — мужики озабоченные. Не верь ушам своим, верь глазам! Кажется, Козьма Прутков сказал, хотя, я могу и ошибаться...

Поэтому, с девушками, я стараюсь... аккуратненько так. На расстоянии. Не, если потрахаться с ней — это всегда пожалуйста, если она симпатичная, а в остальном... Врут они постоянно. Всё ими сказанное лучше сразу множить на ноль. И жить без проблем. Ибо не разберешь, где они «пургу гонят», а где правду говорят. Та же Гречкина, к примеру — днём, скромная такая, в библиотеке книжки берёт, не курит, одета не вульгарно, даже не красится особо. Но вечером, может запросто у Жорика на дежурство в подсобке заступить или на дачку, к Коляну, поехать... Не знай я, я бы про неё и не подумал даже. И главное, наглая такая! Глазки она мне строит! Что, не знает, что все давно в курсе? Дура совсем, что ли? Головой бы своей, хоть немножко бы подумала — нафиг мне такая жена нужна? Чтобы мне потом всем институтом рассказывали — как она умеет? Ага, щас! Разбежалась!

Впрочем, Леночка глазки строит всем. За остальным женским

коллективом тянется. Наши девочки, на четвертом курсе, усиленно невеститься стали. Всех перспективных женихов в округе окучили. Пожалуй, без постоянных девушек, из нормальных парней, на нашем факультете остались только я и Серёга Шапкин. Я — «бегаю», а Шапкин — мажор. Папа ему там какую-то «тёлку с деньгами подгонит», как он брякнул как-то по-пьяни. У неё там офигительно крутой папа, чуть ли не олигарх, а может даже и олигарх, короче, наши простушки ему — «не пляшут». С Серёгой всё ясно. Деньги у него есть, будет ещё больше, а менять «бабок» на «любофф» он не собирается. Женский пол это уже давно просёк и поэтому его особо не донимают. Так, иногда проверяют, типа — «а вдруг»? У меня же денег нет, но препода меня хвалят и говорят, что я вполне могу сделать хорошую карьеру. Поэтому, на меня — «есть спрос». «Пусть не сразу, так потом» — наверное, так думают наши девушки, оценивая рассматривая меня. Все они, как одна, в России оставаться не намерены. Все хотят жить и работать за границей. А я — потенциальная стартовая ступень, на которой можно перелететь за эту границу. Поэтому, я и «бегаю», поскольку знаю, что стартовые ступени всегда сбрасывают, чтобы не мешали дальнейшему высокому полёту... Для себя я решил так: если, вдруг, знакомиться с девушкой, так не говорить при этом, кто ты и откуда. Наладить простой человеческий контакт для начала. Без всяких отягощающих обстоятельств, вроде тех — кто, сколько зарабатывает и у кого какие перспективы и возможности. И постараться натихую разузнать, по каким кабакам она шлялась и на какие дачи она ездила, чтобы не офигевать потом...

— Заходи! — сказала Леночка, остановившись возле двери аудитории.

— Только после вас, мадам!

— Заходи первым. У нас ведь равноправие. Сбежишь ещё...

— А что, надо? — поинтересовался я, распахивая дверь.

Мгновение спустя я понял, что было — надо! В аудитории, за партами, сидели одни бабы! Все их оппоненты куда-то слиняли, и из мужиков был один я.

Похоже, я крупно влип.... — подумал я, переведя взгляд с амфитеатра на сцену, на которой за столом сидели члены корейскую делегации и с интересом смотрели на меня.

Блин! Но не убегать же испуганно на их глазах! Вот, парни, гады. Подставили! А Гречкина — под конвоем привела. Ладно. Как там фраза-то звучит? «Если у вас лимон, сделайте из него лимонад»? Так, кажется? Ок, буду жать лимонад. Какая там заявка на тусняк была? Мужской шовинизм и сатания? Хорошо, будет шовинизм и сатания...

— Ну и какие же это у нас права женщин ущемляют? Какие? Лично я вижу, что женщины вокруг меня что хотят, то и делают. Хотят — спортом занимаются, хотят — в космос летают, хотят — в думе сидят или бизнес свой прокачивают. Разве это не так? Власть, деньги, свободный выбор профессии и места жительства. Что ещё вам для свободы-то не хватает?

— Юркин, а ты знаешь, что по статистике, женщины, получают заработную плату примерно на тридцать процентов меньше, чем мужчины?

— Не знаю, откуда у тебе такие секретные данные. В нашей стране, на госпредприятиях — тарифная сетка. Всем платят по сетке. А в ней нет деления на мужскую и женскую половину. Никаких «гендерных» вычетов в ней нет. Это совершенно точно, я лично узнавал. О каких тридцати процентах ты говоришь?

— А в частной фирме? Там всегда, на той же должности, женщине платят меньше чем мужчине.

— В частной фирме — кто как договорился, тот так и получает. Не нравится — уходит в другую контору. Если ты не можешь продать себя дорого, то это всего лишь проблемы отсутствия у тебя головного мозга и ничего иного. Это капитализм. Все крутятся, как могут. И женщины и мужчины.

— Но всё равно, Юркин, ты же не станешь отрицать, что к женщинам на работе у нас другое отношение, чем к мужчинам?

— К тем, кто ничего не делает, а целыми днями только трепится, выбивая себе какие-то привилегии — да. А к тем, кто работает, к тем, кто профессионал, к тем отношение нормальное. Вот возьми нашу кафедру хотя бы. Половина преподавателей — женщины. Две из них — профессора, сама их знаешь. Ну и где, позволь тебя спросить, их тут — ущемляют? По мне так, они сами, кого хочешь, ущемят...

(смех в аудитории)

— Я тебе говорю о мировой статистике!

— А зачем мне мировая статистика? Ты б мне ещё про трудную жизнь женщин тумба-юмба рассказала!

— А что, они не женщины, что ли?

— Может и женщины. А помнишь, что профессор Преображенский про помощь голодающим в Африке сказал? «У нас свои проблемы есть!» — вот, что сказал он. Пусть они там сами разбираются. У нас тут своя... Африка!

...

— Ты ещё скажи, что женщинам высшее образование не нужно!

— Если подходить по нормальному, то, в общем-то да...

— Как это — «по нормальному»?

— Ну, смотри. Демографы подсчитали, что для того, что бы нация росла, нужно, чтобы каждая женщина рожала в среднем три целых, двадцать пять сотых ребёнка. Слышала такую цифру?

— Да.

— Давай теперь считать. Три целых, двадцать пять сотых — родить именно столько, я понимаю, сложно, поэтому округлим до четырёх. По уходу за ребёнком, наше государство даёт женщине три года. Умножаем три на четыре — получаем двенадцать лет. Институт девушки заканчивают в двадцать два — двадцать три. Год поработать, туда-сюда, замуж, декрет. Ну, где-то двадцать четыре, двадцать пять — первый ребёнок. Прибавляем к этому возрасту двенадцать лет. Получаем тридцать пять — тридцать семь лет. Вот у меня вопрос — кому нужен специалист, который, грубо говоря, ни дня не работал по профессии? А ведь он учился. На него тратились человекочасы и материальные ресурсы, которые фактически вылетели в трубу. Зачем? Зачем он занимал чьё-то место? Чтобы найти себе мужа в институте? И всё?

(очень неодобрительный гул женских голосов в аудитории)

— Поэтому нужно создать условия, чтобы женщина могла восстановить свои профессиональные навыки после перерыва!

— Ага. Вот представь — у тебя внезапно заболел зуб. Ты ночь промучилась, а утром побежала в зубоврачебную клинику — сдаваться. Прибегаешь туда, а там, на ресепшене, тебя встречает улыбчивая девушка, которая тебе радостно так говорит: Как хорошо, что вы к нам пришли! У нас все врачи по записи, но вчера на работу вышла женщина, которая десять лет сидела по уходу за ребёнком. Она с удовольствием поковыряется в вашем зубе, пытаясь вспомнить что там и как! Пожалуйста, проходите!

(смех в аудитории)

— Лен, скажи честно, услышав такое — ты пойдёшь помогать этой женщине поднимать её профессиональный уровень? А? Вот только честно? Я Уверен, что ты со всех ног кинешься в другую клинику, искать врача, у которого была непрерывная практика каждый день. Ты же не дура и не враг себе. Так ведь?

— Сергей, то, что ты сказал — это большая проблема для женщин, выходящих на работу после перерыва связанного с деторождением. Необходимо создавать условия, при которых женщина, родившая детей и выполнившая свой долг перед обществом, могла бы с наименьшими усилиями вернуться к работе...

— А кто за это будет платить?

— В смысле?

— Ну, просто так ничего не бывает. Чтобы поднять профессиональный уровень — нужны какие-то курсы, какие-то преподаватели, какие-то материальные и временные затраты. За всё это нужно будет заплатить. Кто это сделает?

— Ну, руководство предприятия должно иметь для этого специальный фонд...

— Работодатель? Ага. Прямо он так и кинется из своего кармана чью-то учёбу оплачивать. Даже если его законом обяжут это делать, то тогда — где он средства возьмёт? Взять их он может только в одном месте — у меня. У покупателя. А это значит, что вся его продукция — подорожает, ибо в её цену вобьют деньги на наполнение этого фонда. Мне это нужно, чтобы продукция дорожала? Нет, не нужно. Да и никому не нужно. Вон, спроси кого хочешь, согласны ли они оплачивать переучивание каких-то неизвестных им женщин ростом стоимости услуг и товаров? Вряд ли найдётся много желающих встать на этот скорбный путь...

— Юркин, но она же детей родила! Долг перед Родиной выполняла!

— Если за выполнение долга требуют оплату, то это уже не долг, а нечто иное... У мужчин, между прочим, тоже никто долг не отменял — детей этих кормить. Пусть мужчинам тоже тогда льготы дают...

(неодобрительный гул в аудитории)

— И что ты предлагаешь?

— Пусть женщины сидят дома и занимаются детьми. Мужчины работают. До двадцатого века всегда так было. Вон, спросите, как в Южной Корее дела обстоят? Всё именно так и устроено. Поэтому страна нормально живёт и развивается. А у нас, да и в Европе тоже, вместо развития, — ежедневный цирк на конной тяге...

(смех в аудитории)

... То *фемин* голышом, то министры в одних трусах, после развода, бегают... А экономика — стоит.

— То есть ты — за патриархат?

— Да, я за патриархат и за мужской шовинизм. Я консерватор. Аллилуйя!

(неодобрительный гул женских голосов в аудитории)

— Значит, ты отказываешь женщинам в праве, на равных, вместе с мужчинами участвовать в развитии общества? Так?

— Ну, вы сами это признаёте. Требуя женщинам льгот и привилегий, вы тем самым говорите, что при нормальных условиях, женщина не может участвовать в его развитии, ибо ей нужны какие-то особые, тепличные условия.

— Женщина в жизни слабее мужчины. Это естественно, что ей нужна дополнительная поддержка.

— Постой. Но мы же вроде за равноправие тут говорим? Равноправие — то это конкуренция на равных, без всяких льгот. Какие такие льготы тогда? Неконкурентоспособен? Сиди дома и не чирикай. Есть что предложить — выходи и предлагай. Вся правда жизни. Если же вы, Гречкина, ставите себе задачу улучшить жизнь людей, сделав законы более человечными — тогда пишите в законах слово *гражданин*, вместо слова *женщина*. И тогда вас поддержат не только женщины. Мужчины — тоже люди, тоже жить хотят...

(смех в аудитории)

\* \* \*

— ... По нынешним временам, самое главное — не плоть и не душа. Самое главное сегодня — это деньги!

— А любовь? Хочешь сказать, что она тоже, после денег стоит?

— Когда я вижу, сколько бабла поднимают на День Святого Валентина или на то Восьмое Марта, продавая это светлое чувство оптом и в розницу, то у меня невольно начинают возникать сомнения, в самом смысловом значении этого слова. Думаю, что между словом любовь и деньги можно смело ставить знак — «равно». Говорят, что до семнадцатого века, понятия любовь, вообще не существовало. И ничего, как-то жили. А сейчас, прямо все как с цепи с этой любовью сорвались. Опять же классики. Помнишь фильм — «Здравствуйте, я ваша тётя?». Как там Калягин пел — «И не цветёт любви цветок, без славы и успеха-а!» А? Ну, подумай сама, кому ты нужен, если ты хороший, добрый и весёлый бомж?

(смех в аудитории)

\* \* \*

— Уважаемые гости нашего форума! К сожалению, наше время подошло к концу. У нас вышла, на мой взгляд, весьма интересная и познавательная дискуссия, которая, как я надеюсь, дала понять, какое виденье мира существует в головах наших современников, в особенности у мужчин. Спасибо всем за это. А теперь, наше мероприятие, я объявляю — закрытым!

(аплодисменты в аудитории)

\* \* \*

...

— Ну, Ленусь, я вытянул твоё «мероприятие»? Считаю — буквально реанимировал этот труп.

— Юркин, где ты только такого понахватался?

— Это циничный взгляд на жизнь современного, прагматичного мужчины. А что? Чем он тебе не нравится? У нас свобода мнений. Кто чё хочет, тот то и несёт...

— Ну, ты и тип, оказывается, Юркин...

— Нормальный я тип. Ты, главное, в деканат, отметочку не забудь сделать, что я тут жизни и своего доброго имени, не щадил в борьбе за плюрализм мнений! В одиночку, заметь!

— Блин, Юркин!

## Шкурка вторая

*Место действия: Безбрежная равнина серого песка. Прозрачное закатное небо зловеще-алого цвета. Где-то высоко-высоко — узкие полосы тёмных облаков. Над равниной дует ровный, сильный ветер. Холодно и пронзительно. По равнине, выстроившись узкой тёмной лентой, раскачиваясь, бредут мужчины и женщины. Все они одеты в какие-то просторные чёрные хламид, «до пят». Их длинные рукава и подолы треплет ветер. Звучит торжественная органная музыка.*

Где это я?

Ошарашено озираюсь по сторонам, потом задираю голову вверх.

Вау, небеще-то, зловещее какое! И ветер.... Брр-р! Холодрыга! Жутко неуютно. Опускаю голову вниз: кто эти люди?

У всех бледная, серо-синего оттенка кожа на лицах, погасшие взгляды, опущенные плечи, сторбленные спины. Все, как один, одеты в какие-то непонятные балахоны.... И шагают... странно. Как-то механически. Словно... роботы! Кто они? Что я тут делаю? На мне тоже какой-то... мешок с широкими рукавами! Где я его взял? Зачем я его надел? И когда? И что это за музыка тут играет? Откуда она?

Я вновь заозирался по сторонам.

Кого-то эти люди мне напоминают... Зомби? Или мертвецов? Точно! Духи мёртвых! Их так часто рисуют в аниме! Хм, а что я тогда делаю среди них? Ммм... В голову приходит только одно. То, что я умер. Но когда я успел это сделать? Я ведь вернулся в общагу, немного перекусил на ночь и лёг спать! С чего это мне вдруг умереть во сне? Молодой, ничего не пил. Сердце у меня нормальное... Та нее-е ж! Это сон! Это просто сон! Я сейчас лежу в своей постели и мне снится что-то типа кошмара. Нефиг было бутерброды с колбасой на ночь жрать! Оп-ля! Я сплю и знаю, что я — сплю! Это же осознанное сновидение! Класс! У меня получилось!! Я уже и бросил этим заниматься, а тут, наконец, получилось! Ну, всё.... Сейчас я оторвусь! Буду делать всё, что захочу! Так, что сделать первым? Трахнуть какую-нибудь звёздную красотку? Е-еее, точно! А кого? Ммм... Гермиону! Ес! Эммочка ничего так... кобылка выросла. Или, может, Джесика Альба? У неё правда наколки на руке стрёмные... Словно сидела... Зачем девки себя уродуют этими тату? Смотреть неприятно... Впрочем, дуры они и есть дуры... А может, ну их нафиг, этих баб? Успею. Друганам, всё равно их не



показать, не похвастать, а тогда — зачем? Это же всего лишь сон. Что я, девок, что ли не видел? Да полно. И со всеми одно и то же. Пять секунд удовольствия, а затем — пара месяцев «геммора» на всю голову! Беее, мее, феее... «Скажи, ты меня любишь?» Сопли, слёзы в три ручья и какие-то невнятные упрёки. На кой это нужно нормальному человеку? Потрахаались и разбежались, без всяких претензий. Вот это — нормальные отношения. Можно подумать, что секс только мне нужен. А они, мол, так прямо страдают и мучаются в процессе. Постель — это вообще не повод для посягательства на чужую жизнь! Однако, существа, которые рядом, почему-то думают, что повод. Ага, щас! Аж три раза! Все только и мечтают — мужику на шею сесть. Никакими методами не гнушаются. «Ах, я беременна! Ах, у меня две полоски!» Ну и дура ты значит, если у тебя две полоски! Наклей себе на лоб и ходи, чтобы все видели, какая ты дура! Институт скоро закончишь, а предохраняться так и не научилась. Как говорится — «нет такой проблемы, которую женщина не сможет создать»! Запросто сон мой порушат какой-нибудь мутью... Не... ну их в баню! Лучше я... летаю! Сексом, без проблем, можно и в реале заняться, а вот полетать в нём не получится. Всё! Хочу летать!.. Хочу летать!.. Хм...? Не лечу... Почему? Может, осознанный сон, это сон какой-нибудь повышенной реалистичности? И в нём нужно всё представлять подробно? Например — крылья для полёта... Ладно, попробую представить...

За моею спиною распахиваются могучие чёрные крылья.... распахиваются могучие.... Распахиваются... Распахиваются...

Ничего не распахивается! А почему? Может, поменять цвет?

...Распахиваются могучие, белые крылья.... Белые... Белые, большие крылья!

Опять ничего! Только не говорите мне, что я должен их представить до последнего пёрышка, чтобы они появились! Это же сон! В нём должно быть всё просто! Может, крыльям мешают духи, бредущие мимо меня? Сон настолько реалистичен, что если нет места, чтобы распахнуть крылья — они не открываются? Если это так, то тогда нужно убрать духов? Ок, сейчас попробую.

— Все — исчезли! — отдаю я, громким голосом приказ.

Эмоций — ноль! Как брели, шатаюсь, мимо меня, так и продолжают брести.

Что за чушь? Это же мой, осознанный, сон! Я могу делать в нём всё, что захочу! Почему они не пропали?

— Все исчезли! Исчезли — все! Пропали! Сгинули! Ну?!

Однако, никто, никуда не исчез и не сгинул.

Но почему? Как же так? Может, мне просто не хватает каких-то умений? Наверное, да. Ведь это у меня первый, такой сон. Но если я ещё не научился управлять своим миром, то, по крайней мере, я могу управлять собой. Отойду в сторону и открою крылья там, где им не помешают. Точно! Так и сделаю!

Я сделал несколько шагов вперёд. Неожиданно, возникло острое желание не идти дальше. Настолько сильное, что я просто замер на половине шага. Постоял несколько секунд, пытаюсь понять охватившие меня чувство и причину его возникновения. Ничего не понял и решил вернуться назад. Но не тут-то было! Что-то невидимое, за моей спиной, податливое и упругое, словно плёнка, не пускало меня. Получалось, что идти можно только вперёд. Вперёд мне не хотелось, и я, потыкавшись, пошёл вправо, стараясь не сталкиваться с духами. Они, хоть и придуманы мною во сне, но всё равно — выглядят неприятно.

— Упссс... И тут «плёнка» какая-то....

Кисть правой руки упёрлась во что-то невидимое. То, что под рукою действительно что-то есть, показывает слабое голубое свечение вокруг растопыренных пальцев. Я немного «попружинил» рукою туда-сюда, думая, что делать дальше.

Пройти за неё? Духов там нет, дальше — свободное пространство... Но зачем-то она же нужна, эта «плёнка»? Хмм...

Я сильнее надавил рукою. Рука прошла чуть дальше и остановилась, снова упёршись в невидимую преграду. Я надавил рядом второй рукой. Руки продвинулись ещё немного. Я навалился всем телом, упираясь ногами в «поехавший» под ними песок.

— Чпок!

По глазам резанула яркая вспышка, сопровождаемая звуком как от лопнувшего пластикового пакета и я, полетел вперёд, в неожиданную тьму....

\* \* \*

Мрак... Тишина... Ни лучика света, ни звука, ни ползвукa. Плюс полное отсутствие ощущения движения и понимания где верх, где низ. Сколько я тут? Месяц, год, пять минут? Ощущение времени тоже потеряно. Какой жуткий сон! Я хочу проснуться! Я устал! Мне надоело! Это — неправильный сон! Во сне должно что-то происходить! А тут — одна сплошная чернота! Я так с ума могу сойти. Это же одна из самых садистках

пыткок — лишить человека ощущений!

Внезапно, где-то далеко-далеко во мраке, появилась светящаяся жёлтая точка. Медленно и неспешно, она приближалась ко мне, постепенно становясь всё ярче и увеличиваясь в размерах. Ближе, ближе, ещё ближе... Вот она уже совсем рядом! Раз! И я с удивлением вижу удивительную женщину со множеством рук выходящих у неё откуда-то из-за её спины. Рук так много, что они сливаются где-то вдали в одну сплошную массу, не позволяя различать их по отдельности. Хорошо видны только первые несколько пар из этого скопища. На ладони каждой из них чётко виден большой чёрный глаз. Причём, все те руки, которые за спиной у женщины — они не двигаются. Двигаются только самые первые, которые нормально растут у неё из плеч. Лицо незнакомки говорит о том, что родом она откуда-то из Азии. И всё у неё какое-то восточное. И фасон платья, и орнамент, вышитый на нём блестящими нитями, и украшенная жемчугом высокая шапка, чем-то напоминающая пагоду...

— «Здравствуй...» — неожиданно ласково улыбнувшись мне, произнесла она.

— «Здравствуй...те» — растеряно произнёс я, с удивлением её разглядывая.

Меня почему-то совершенно не испугало такое количество рук. Было только чувство искреннего удивления.

— «Вижу, ты — „выпал“?» — внимательно глядя на меня, спросила женщина.

— «Выпал? Откуда? А... ну да. Выпал...» — кивнув, согласился я, вспомнив свой полёт в темноту.

— «Значит, в мире у тебя остались очень важные дела. Похоже, тебе обязательно нужно исполнить свою пуруша-кара...»

— «...? Пуруша-кара? Что это?»

— «Пуруша-кара — это вторая часть кармы. У кармы есть две части — дайва, или — „судьба“ и пуруша-кара, или — „человеческое действие“. Первая часть связана с прошлыми поступками души и её, человек, никак не может изменить. Вторая часть — пуруша-кара, это те поступки, которые человек совершает в своём текущем воплощении. Они влияют на будущие перерождения. Случается, что конкретное воплощение оказывается очень важным. Всего одна прожитая жизнь может надолго определить дальнейшую судьбу души. Продолжит ли она восхождение вверх, либо вновь упадёт вниз, начиная с самого начала. Ты ушёл с „дороги мёртвых“. Значит, твоя душа противится возвращению. Она хочет прожить воплощение. Видно — это очень важно для неё...»

— «Дорога мёртвых? Выходит, я — умер?»

— «Да. Ты — умер...»

— «Но... как же так? Почему? Я же спал. От чего мне было — умирать?»

— «В подвале твоего дома произошёл взрыв. Дом рухнул. Тебя раздавило...»

«Сахар»! — разрядом молнии полыхнула в голове мысль, — мешки с «сахаром»!

Перед моим внутренним взором встала картинка светло-жёлтых бумажных мешков с нанесённой на них через трафарет чёрной краской, словом — «САХАР». Мешки таскали на своих спинах в подвал, какие-то мужики, разгружая воняющий соляркой КамАЗ.

Я же до этого никогда не видел сахара в бумажных мешках! Только в пластиковых, или тряпошных! Это взрывчатку в бумажные мешки фасуют! Ах, я, пустоголовый дурак! Ещё ведь возникло ощущение, что что-то не так, когда мимо проходил! Ну и что, что там всегда оптовый склад был? Ещё мысль мелькнула — чего это на ночь, глядя, под окнами разгрузку устроили? Но не понял и пошёл спать. Поспал! Выспался! До упора! Блиин... Опять дома взялись взрывать? Ну, твари! Вешать их без суда и следствия! Своими руками бы задушил! Целая общага! Сколько народа... Это же сколько родителей без детей остались! Мама... Папа... Они же не переживут! Мама всегда говорила: «Я не переживу, если с тобою что-то случится.» Вот и случилось... Эхххх... Но... может... это всё же — сон? Страшный, ужасный, но — сон? И я сейчас проснусь в своей кровати, комнате... И ничего этого не будет. Ни этого мрака. Ни этой многоруки... А, собственно, кто она такая?

— «Простите, а вы — кто? Откуда вы всё знаете?»

— «Я — Гуань Инь. Та — которая наблюдает за миром. Та — которая прислушивается к звукам мира...»

— «Эээ... Очень... приятно... Здравствуйте!»

Ну, точно — сон! Я же смотрел сегодня в кинозале лекцию о Гуань Инь! А «дорога мёртвых» — это из какого-то аниме приснилась. А про взорванные дома — это из старых новостей по телеку. Просто мозг мешает всё в одну кучу, вот всякая белиберда и снится! Ура!! Это всего лишь сон!! Фух...

— «Виджу, что моё имя для тебя ничего не значит?»

— «Почему же? Я слышал легенду о вас. Но, разве боги... существуют?»

Может, если я начну противоречить, сон — закончится?

— «Я знаю, что в вашем мире вы ни во что не верите, поэтому, я, — не огорчаюсь...»

— «... нашем? Море?»

— «Да. Море — тысячи. И ты можешь воплотиться в одном из них, чтобы твоя душа смогла закончить начатое...»

— «Ух, ты! А с магией моря — есть?!»

— «Есть. Но сейчас тебе открыта дорога только в один. Почти такой же, как и твой...»

— «Нууу... Это неинтересно! Мне бы, что-нибудь такое, как... как в какой-нибудь он-лайн игре! С магами, баферами, крафтерами! Где много всяких рас.»

— «Тогда — ты остаёшься тут? Я — богиня милосердия. Когда-то, давным-давно, я остановилась на пороге небесного царства, услышав плач мира. Я вернулась и дала обет — спасти всех детей бога. С тех пор, я слеую ему, помогая нуждающимся во всех мирах. Но я никогда не заставляю принимать мою помощь. Нет? Значит, нет. Такова судьба...»

— «Нет, что вы?! Я не отказываюсь! Просто я хотел... выбрать что-нибудь... получше... Коль есть такая... возможность.»

— «Ну, раз так, тогда — пойдём? Я помогу тебе...»

Что мне делать? Наверное, нужно идти. Сидеть в темноте, пока не проснусь — совсем «не комильфо». И потом. Это же, всего лишь — сон! Я всё равно проснусь. А там, может, что-то интересное будет...

— «Спасибо! Куда идти?»

Внезапно всё вокруг осветилось фиолетовым сиянием, а потом, через несколько секунд, в глаза мне ударил дневной свет.

Щурясь, я оглядываюсь по сторонам.

Похоже на больничную палату... Операционная, или... реанимационная? Смотрю откуда-то сверху на то, как четверо медиков в светло-зелёной одежде и белых марлевых повязках на лицах, борются за чью-то жизнь. Самого пострадавшего не видно из-за их склонившихся спин, а его лицо почти полностью скрыто кислородной маской. В палате громко и противно пищит медицинский прибор, рисуя на своём экране две непрерывные линии.

— Три минуты остановки сердца! — напряжённым голосом, громко сообщает один из врачей, бросив взгляд на его экран.

— Продолжаем реанимацию! — приказывает другой, видимо главный в команде реаниматологов, — дефибриллятор готов?

— Готов! — отвечает ему ещё один врач, держа за пластиковые ручки контакты разрядника.

— Давай!

— Готовимся к разряду! Убрали руки! Внимание, разряд!

— Ду-тух!

Тело на каталке выгибается дугой и падает назад.

— ...Бип!..Пиинииинииинииинии....

— Нет сокращений!

Прибор, нарисовав на экране двойной всплеск, продолжает противно пищать, таща по нему безнадежные прямые.

— Массаж сердца!

Один из врачей, уперев ладони в грудь умирающего, снова начинает делать ритмичные толчки, наваливаясь телом.

Похоже, дела тут плохи...

— «Вот. Твоё новое тело...»

— «Что-о?»

— «Тело. Душа его покинула и оно свободно. Можешь его занять...»

— «Пффф... Но это же — почти труп!? Я не хочу быть инвалидом!

Что с ним вообще случилось?»

— «Сбили на дороге. Из повреждений — всего лишь удар головой. Не беспокойся. Воплотившись, ты станешь совершенно здоров. Будешь всё прекрасно помнить из прежней жизни. Я позабочусь о том, чтобы твоя голова была в полном порядке...»

— «Нннда...?»

— Четыре минуты! Внимание, разряд!

— Ду-тух!

— ...Бип!..... Пиинииинииинииинии....

— Нет сокращений!

— Массаж!

— «Так что ты решил?»

— «Всё так... неожиданно... и очень... странно... Очень.»

— Пять минут!

— Два кубика бикарбоната натрия внутривенно!

— Есть!

— Разряд!

— Ду-тух!

— ...Бип!..... Пиинииинииинииинии....

— Нет сокращений!

— «Решай быстрее. Время властвует над всем. Твоё время — это время этих людей. Пока они борются за чужую жизнь, у тебя есть возможность воплощения. Как только они сдадутся, тело умрет, и ты

*вернёшься назад, во тьму. Будешь ждать следующей возможности исполнить свою пуруша-кара...»*

*— «И как долго мне придётся ждать?»*

*— «Не могу сказать. Может день, а может — тысячу лет. Не знаю. Лишь твоя судьба знает об этом...»*

*— «Тысячу? А сколько я там пробыл? Год?»*

*— «Ты был там два ваших часа...»*

*Всего-то? А я думал — вечность прошла! Не, назад — не хочу! Тысячу лет?! Да я там, через день — с ума сойду!*

*— Шесть минут!*

*— Разряд!*

*— Ду-тух!*

*— ...Бип!..... Пиинииинииинииинии....*

*— Нет сокращений!*

*— Эпинефрим — 5 миллиграмм! Массаж!!*

*— «А какой у меня тут будет — скилл?»*

*— «Что, прости?»*

*— Семь минут! Критическое время остановки сердца!*

*— Продолжаем реанимацию!*

*— Есть!*

*— «Умение. Бонус. Какой вы мне дадите — бонус?»*

*— «Я должна тебе дать — „бонус“?»*

*— «Да. Всегда, когда бог или богиня отправляет своего избранника в другой мир, они дают ему какие-нибудь уникальные умения. Например — виртуозное владение клинком, или, потрясающие способности к магии... Во всех книгах и фильмах — все боги так поступают!»*

*— Восемь минут!*

*— Разряд!*

*— Ду-тух!*

*— ...Бип!..... Пиинииинииинииинии....*

*— Нет сокращений!*

*— Массаж!!*

*— «Ты оказался в беде. Я помогаю тебе, ничего не прося взамен, а ты ещё требуешь с меня даров? Не кажется ли тебе, что это — наглость?»*

*— «Но я же без них не выживу! В чужом и враждебном мире! Без умений! Смысл тогда — посылать, если я там сдохну? Обязательно нужно что-то, что поможет мне. Хотя бы на первых порах!»*

*— «....Не настолько уж он и враждебен, этот твой новый мир... Он очень похож на твой. Поэтому, тебе будет несложно начать в нём новую*

жизнь. Но, да, действительно, может прийтись нелегко... Особенно, как ты сказал — „на первых порах“. Ладно, хорошо. Что бы ты хотел получить?»

— «Секундочку! Дайте подумать. Если этот мир, похож на мой... То, я, хотел бы получить... Хотел бы получить... Талант к деньгам! Или, если сказать по-другому, умение их зарабатывать!»

— «Деньги, деньги, деньги... В вашем мире одни лишь деньги кругом...»

— «А что, разве здесь не так? Он же — „очень похож“?»

— «Любовь — тебя не интересует?»

— «Да ну! Любовь можно найти всегда... Были бы деньги. Будут деньги, будет и любовь.»

— Девять минут!

— Два кубика адреналина в сердечную мышцу!

— Бессмысленно! Такого не делают уже во всём мире!

— Вы слышали, что я сказал?! Укол адреналина в сердце!! Выполнять!!

— «Ты сам не знаешь, от чего отказываешься. Хватаешься за позолоченную побрякушку, отбрасывая в сторону истинную драгоценность. Но — нет, значит — нет. Я не бог торговли и не могу дать того, что ты просишь... Однако, в замен, могу предложить тебе... вот это...»

— «Что это?» — с удивлением спросил я, глядя на светящийся тёплым жёлтым светом шарик, внезапно появившийся на раскрытой ладони богини.

— «Это — „природная красота“. Человек с таким даром, всегда будет красив, молод, здоров и будет нравиться людям....»

— «Да-а? Красота? А на кой... она мне? Как я, ею, заработаю? Как она меня защитит, если что?»

— «Придумаешь...»

— «Ну, я, право слово... даже и не знаю...»

— «Другого — ничего не будет. Хочешь — бери, хочешь — нет. Времени на разговоры у тебя почти не осталось. Что ты решил с воплощением?»

Я посмотрел на Гуань Инь, прикидывая, — что мне делать? Красота — выглядит абсолютно беспонтовым скиллом. И что? Брат? Зачем? Чтобы быть — «красивым мальчиком»? Я, пусть и не Брюс Уиллис, но вполне себе, достаточно брутален. На кой мне это? Девочек, что ли, много будет? Да их и так много будет, купюрами только пошелести. У последнего урода с деньгами, тёлка на два порядка больше чем у распервейшего красавца.



Как показывает практика, с течением времени, девочки мигрируют от эстетических красот к красотам материальным. Сваливают туда, где кормят, поят, одевают и развлекают. И потом ещё бабла на карман дают. Никакая красота не устоит против набитого кошелька. Впрочем...? Чего я тут раздумываю? Это же — сон! Нужно брать всё, что дают! Хуже не будет! Я беру — и перехожу на новый уровень. Не беру — возвращаюсь назад, в темноту...

— «Согласен!» — сказал я, — «На „воплощение“ и на „красоту“. На всё — согласен!»

— «Да, значит — да...»

— Десять минут остановки сердца!

— Внимание! Укол адреналина в сердечную мышцу!..Есть!

— Дефлиблятор! Отошли! Разряд!

— Ду-тух!

— ... Бип!.....Бип!.. Бип!.. Бип!..

— Сокращения на мониторе!! Есть сокращения!! Есть устойчивые сокращения!! Оно бьётся!! Бьётся!!

— «Мой дар...»

Яркая звездочка слетает с ладони богини, и гаснет, исчезнув в накрытом наполовину простыней, теле.

— «Прощай... Надеюсь, моя помощь, будет для тебя не напрасной...»

Внезапно свет начал меркнуть в моих глазах. Становилось всё темнее и темнее, а на плечи навалилась страшная тяжесть. Голоса медиков отдалились и стали звучать глухо, словно «из бочки». Стены и пол неприятно закачались, идя какими-то заигулистыми волнами.

— Капельницу... — откуда-то из далёкого-далёка донёсся усталый голос врача, — ставьте капельницу.... Кислород не отключайте... Фуууухх.... Ну, девочка, и напугала же ты нас...

«Девочка? Какая девочка?»

И тут свет в моих глазах окончательно померк.

\* \* \*

Богиня задумчиво смотрела на новоявленного попаданца.

«Я не успела ему сказать, что мой дар проявится не сразу...» — подумала она, — «...и ещё о том, что он делает человека талантливым во всём, в чём он будет искренне стараться преуспеть. Что ж? Придётся ему жить, не зная об этом. Меньше нужно было о деньгах болтать. А

*теперь — поздно. Пусть его душа, отныне, сама ищет свой путь....»*

\* \* \*

— Доктор, доктор! Что с моей дочерью?! Что с ней случилось? Мне позвонили и сказали, что она в этой больнице! Скорее скажите, что с ней произошло?!

— Как зовут вашу дочь?

— Пак Юн Ми!

— А... да. Ваша дочь сейчас в реанимации.

— Что с ней?!

— Не беспокойтесь, она жива и её жизнь находится вне опасности. Девушка была доставлена в наше отделение неотложной помощи с черепно-мозговой травмой, полученной в автомобильной аварии...

— Авария?!

— Да. Автомобильная авария. В заявке на выезд скорой помощи указано, что легковая автомашина сбила скутер. Скутером управляла ваша дочь. Никаких повреждений, кроме травмы головы, она не получила. Однако, судя по проведённому рентгену, имеется обширное кровоизлияние в мозг. Сейчас ваша дочь находится в реанимации. Она подключена к системе обеспечения жизнедеятельности.

— К системе? Почему? Всё так плохо?

— Простите, но я не знаю вашего имени...

— Пак Дже Мин... Меня зовут Пак Дже Мин...

— Дже Мин-*сии*...<sup>[4]</sup> Есть ещё одна плохая новость. У вашей дочери была остановка сердца. К счастью, мы смогли её реанимировать. Но сейчас она находится без сознания и ей производится искусственная вентиляция лёгких.

— Кк... как... — остановка?

— К сожалению, при травмах головы это иногда случается... Поэтому, очень важно ездить на дороге в шлеме.

— Но она всегда ездила в шлеме!

— Похоже, в этот раз она была без него...

— Юн Ми всегда надевала шлем!

— В шлеме, получить такую травму невозможно... Но давайте не будем об этом спорить, Дже Мин-*сии*. Сейчас уже не важно, не надела она его или надела, но забыла застегнуть... Это уже прошлое. А в настоящем, она больна и мы её должны вылечить. Пойдёмте со мною, Дже Мин-*сии*.

Нам с вами нужно будет поговорить о дальнейшем лечении вашей дочери. Если вы, конечно, сейчас в состоянии об этом говорить.

— Доктор, я хочу видеть свою дочь!

— К сожалению, я буду вынужден вам отказать. Посторонним, доступ в реанимацию запрещён.

— А когда я смогу её увидеть?

— Думаю, что не раньше следующего дня. Если эта ночь пройдёт спокойно, то завтра, к обеду, мы её переведем в обычное отделение. Тогда вы сможете быть рядом с ней.

— Так долго ждать...

— Даже Мин-сиу, уже поздно... Думаю, вам стоит вернуться домой и отдохнуть. Ничем помочь вы тут не сможете. У вас есть, кому заехать за вами?

— Старшая дочь... Но она пока не знает... Не буду ей звонить! Скажу ей завтра. Доктор, я останусь тут!

— Как пожелаете. Тогда лечение Юн Ми вы обсудите тоже завтра, с другим врачом. Думаю, это будет даже правильнее, так как динамика изменения состояния пациента к завтрашнему дню станет более понятной... Прошу прощения, но меня ждут пациенты.

— Да, конечно... Большое спасибо, доктор...

\* \* \*

Открываю глаза. День. Свет. В теле — полная опустошённость. Ни намёка на каплю силы даже на то, чтобы хотя бы пошевелиться. Ощущение чего-то инородного и неприятного в левой руке. Скашиваю глаза и чуть напрягаюсь, фокусируя зрение. Вижу, что из-под белой повязки на моём локте, наверх, к прозрачному квадратному пакетику с жидкостью, уходит прозрачная трубочка, по которой что-то неторопливо капает. Некоторое время просто смотрю на падающие капли, без единой мысли в голове.

«Капельница...» — всплывает слово в мозгу.

Я — в больнице? Да, похоже... Почему? Не помню... Что-то не так... Что-то меня беспокоит... Что? Какое-то... слово... Какое?

Голова пустая и звонкая как колокол. Опускаю глаза вниз.

Странная у меня рука... Отчего она, вдруг такая — тонкая? А это, точно, моя рука?

Внезапно в поле моего зрения появляется девушка в белом

медицинском халате, прижимающая двумя руками к своей груди, что-то, издали похожее на планшет. Она ласково улыбается, кивает, смотря на меня, и что-то мне говорит. Судя по интонации — что-то спрашивает. Молча, бездумно, смотрю на нее, не понимая ни слова из того, что она произносит.

Казашка какая-то, — наконец формирую я своё мнение о ней и о её внешности, — не соображает, что нужно говорить по-русски... Понабрали, тут...

Девушка продолжает говорить мне что-то успокаивающим тоном. Внезапно на меня наваливается дикая усталость. Веки мои закрываются, и я засыпаю....

\* \* \*

— Добрый день уважаемая Дже Мин-сии! Я назначен лечащим врачом вашей дочери. Я закончил Сеульский Университет и пять лет проходил стажировку в Соединённых Штатах. Зовут меня Пак Чун Сон.

— Здравствуйте, Пак Чун Сон-ним!<sup>[5]</sup> Что с моей дочерью? Ей лучше?

— Эээ, Дже Мин-сии, давайте я расскажу с самого начала, чтобы последовательность событий была ясной и понятной. Итак, вашу дочь привезли к нам вчера вечером, без сознания, после того, как её скутер сбила машина. При осмотре, у пострадавшей, была обнаружена травма головы. Сделанный рентген не выявил трещин и переломов костей черепа, но на снимке было большое затемнение, что указывало на наличие в её мозге гематомы. Юн Ми были введены препараты, рекомендованные в таких случаях и она была помещена в реанимацию, так как она не приходила в сознание. Внезапно, без каких либо предварительных симптомов, у неё произошла остановка сердца. К счастью, наши реаниматологи сумели его снова запустить. Но, это удалось сделать лишь на одиннадцатой минуте...

— Доктор, вы говорите таким тоном, что мне становится страшно! Это что-то очень плохое?

— Понимаете, Дже Мин-сии... В современной медицине, семь минут остановки сердца считается крайним сроком, которое может пройти для организма, условно — без последствий. Каждая лишняя минута после этого времени многократно повышает риск последующих осложнений. Кроме этого, из-за плохого кровоснабжения в момент остановки сердца, может пострадать мозг... Визуально, впоследствии, это может проявиться в

виде нарушения речевой и двигательной активности, потери памяти, нарушений мыслительной деятельности. Остановка сердца в десять с лишним минут... это очень большой срок, Дже Мин-сиу.

— Неужели это всё с ней случится? Что же теперь делать, доктор?

— С утра, мы успели повести некоторые исследования и у меня есть для вас хорошие новости. Результаты томографии показывают, что сердце вашей дочери — здорово. Это удивительно, но никаких нарушений в его работе нет. Гематома в её мозгу тоже оказалась очень небольшой. Совсем не такого размера, как можно было бы подумать, глядя на рентгеновский снимок. Единственно — нехорошо то, что располагается она в мозгу в области гиппокампа. Хотя учёным до сих пор не удалось установить, где именно у человека в голове находится память, однако, с точкой зрения о том, что гиппокамп связан с функциями памяти, согласны очень многие исследователи. При его поражении возникает заболевание, при котором больной, при сравнительной сохранности следов долговременной памяти, утрачивает память на текущие события. Так как я уже сказал, что этот участок мозга у неё травмирован, то вполне возможно, что у Юн Ми могут возникнуть проблемы с кратковременной памятью. Однако, окончательно говорить сейчас об этом пока рано. Следует дождаться полного исчезновения гематомы. Только тогда можно будет поставить окончательный диагноз. Мы будем давать Юи Ми укрепляющие память препараты и всё, что положено в таких случаях для ускорения рассасывания гематомы. Но, по моим прогнозам, её исчезновение следует ждать не раньше чем через неделю. Всё это время вашей дочери придётся провести в больнице. Кроме этого, придётся и, пожалуй, несколько раз — провести томографические исследования, для наблюдения за процессом рассасывания кровяного сгустка. Ещё будут нужны периодические анализы крови. Так же понадобятся лекарственные препараты. Всё это делает лечение весьма дорогостоящим. Примерно, это может обойтись в десять миллионов вон. Вы сможете оплатить такую сумму?

— ... Да, я оплачу.

— Хорошо. Тогда я подготовлю документы, и мы продолжим лечение.

— Доктор... Но она... выздоровеет? Ведь с ней, всё будет хорошо? Правда?

— Дже Мин-сиу, мы сделаем всё, чтобы с вашей дочерью было всё в порядке. Я вам обещаю это.

— Спасибо, доктор...

Открываю глаза. Опять день. Опять свет. Опять люди. Снова какие-то казахи... В этот раз — две. Пожилая женщина и молодая девушка. Они плачут, вытирая платочками свои глаза и щёки, и что-то наперебой мне говорят, периодически произнося одни и те же слова — Юн Ми, Юн Ми!

Я с недоумением смотрю на них. Почему они плачут? Что значит, это ихнее — Юн Ми? Что они говорят? На каком языке? Кто они, вообще, такие? Где мои родители? Если я в больнице — мама с папой обязательно должны прийти! Ничего не понимаю... Бред какой-то... И минуты не прошло, а я уже так устал от их голосов...

Продолжая смотреть на этих странных женщин, несколько раз медленно моргаю. Мои веки опускаются всё ниже... ниже... ниже... Закрываются... И всё уходит, исчезая из моих глаз. Я проваливаюсь в сон.

## **Шкурка третья**

Лежу в больничной кровати. На спине. Тупо смотрю прямо над собою. В потолок. Он тут навесной. Белые квадраты, разделённые полосками кремового цвета. Такой же, как делают на моей Земле... Моей Земле... Дома... От тоски натурально хочется выть. Я один, в чужом мире и вокруг — чужие люди! Мама, папа... Неужели я их никогда больше не увижу? Не открою дверь нашей квартиры своим ключом, не зайду в свою комнату... Не пойду на занятия в институт... Не поеду с парнями гонять на байке... И музон играть они теперь будут без меня... Когда я начинаю думать об этом, на глазах — буквально слёзы наворачиваются. Но, мужчины — не плачут! Мужчины — страдают молча. А поводов, для страдания, у меня сейчас больше, чем достаточно. Сначала, я всё надеялся проснуться. Думал, — «вот сейчас засну, а проснусь уже у себя в общежитии, а не в этой дурацкой больнице...». Но время всё шло и шло, шло и шло, а я — «не просыпался». И как-то стали у меня закрадываться сомнения — а сон ли это? Уж очень было всё реальным. Ощущения от прикосновения к постельному белью, боль от уколов, горечь во рту, от принимаемых лекарств... Никто, как это иногда бывает во сне, не возникает, откуда не возьмись, и не исчезает, непонятно куда... Первое время, как я попал сюда, я почти всё время спал и как-то особо не придавал значения всем этим фактам. Но потом, я стал спать меньше и вот тут-то, у меня и появились подозрения, что что-то идёт не так. Складывается такое впечатление, что я, похоже, как бы и не сплю вовсе! И всё это, что вокруг меня — на самом деле! А потом я ещё выяснил, что я — ДЕВУШКА! Полез рукою, почесать, а там — хоп! НЕТУ!! НЕТУ И ВСЁ!! Я сначала перепугался. Решил — врачи по ошибке отрезали!! Кинулся смотреть — посмотрел и.... Ну не знаю, какое слово способно передать мои чувства! Тут мало и тысячи слов! Да что там тысячи, миллиона мало! Миллиона-миллионов слов мало!

Эмоции у меня в тот миг были такие, что медицинский аппарат, к которому я подключен, завыл и зазвенел, призывая — «Христа ради, спасите его!»! Прибежала дежурная медсестра, прибежал дежурный врач. Увидели «переклинившего» меня. Сделали укол. Вкатали, похоже, изрядную дозу успокоительного. Потому, что буквально секунд через десять после укола, я, — «отрубился». Не знаю, сколько я после этого проспал, но вот, проснулся, лежу, смотрю в потолок. Голова — пустая-пустая. Как воздушный шарик. Мысли в ней — редкие-редкие... Как

автобусы, после девяти вечера...

Конечно же, придя в себя, я снова ВСЁ проверил. Результат — тот же! Нету! Того, что было — нету! А того, чего не было — есть! Ощупал всего себя. Обнаружил — грудь! Женскую! Небольшую, размера эдак, наверное, начала первого. Спасибо, что не пятого... Но всё равно! Это — не моё! Всё — не моё! Тело — чужое!

Шаблон моего разума разорван в клочья, мозги — набекрень, организм — в прострации.... Пытаюсь собрать всё в «кучку» и найти какие-то логические опоры в окружающем кошмаре. Впрочем, Гуань Инь, говорила, что у меня будет другое тело... Но я же думал, что это — сон! И она, ведь, ни полслова мне подробностей не сказала! Сказала лишь, вот мол, «свободно» — занимай! А я и не видел, из-за врачей, кто там лежит. Если бы я знал, что тело женское, я бы и не согласился бы! Даже во сне. Лучше в темноте с ума сойти... Говорят, сумасшедшие, самые счастливые люди... Живут себе в своём придуманном мире и ничего их не «колышет». А тут... А если меня, вдруг, кто — трахнет? Маньяк, какой-нибудь... Их же сейчас кругом, как грязи... Что я тогда делать буду? Повешусь?... Не, сначала я эту тварь поймаю и зарежу... И отрежу! Отрежу и зарежу! Стоп-стоп-стоп! Я сейчас размышляю так, словно всё, что вокруг меня — реальность и я с этим согласен! Но так ли это? Голова просто кругом идёт... Нет, мне нужно конкретно определиться — сон это или не сон? Иначе я с ума сойду... Если не сон, то, тогда... значит... была и «дорога мёртвых» и тьма, и мой разговор с Гуань Инь. И где-то там, теперь на далёкой-далёкой Земле, лежит грудой красного битого кирпича и серых ломаных перекрытий, с торчащей во все стороны ржавой арматурой, моя родная общага... И я, действительно — умер, и это, действительно — другой мир, и это, действительно — чужое тело!

Бррр...! Как такое принять? Представишь, жалко-жалко себя становится. И родителей, жалко... И общагу, с ребятами, жалко... Однако, если я проснусь, то все окажутся живы и никто не умрёт! Но вот только, я всё никак не просыпаюсь! И зад от уколов болит... Разве может во сне задница болеть? Значит, это не сон? Но такого, просто, не может быть! Не может — и всё! Хотя... Я же читал, что люди в состоянии клинической смерти видят происходящее со своим телом как бы со стороны. И ещё туннель, по которому они потом летят. А те, кто заглядывают за его конец, видят умерших родственников. Наука, что-то там говорит о галлюцинациях мозга, лишённого кислорода... Но все её доказательства, какие-то вялодоказуемые... Если же подумать о том, что много разных, незнакомых между собою людей, видели, в одинаковой ситуации, одно и то же... То,



тогда, можно, в общем-то, согласиться с тем, что, да, «что-то там такое, похоже, есть». Но коли есть душа, которая куда-то перемещается, то почему тогда не может быть и «всего остального»? Богов, чертей, ангелов? Если сказал «А», говори тогда и «Б»! Выходит, Гуань Инь — существует? И она помогла моей душе, желая ей добра? Но кто я такой, чтобы целая богиня вдруг мне помогала? Неужели, заштампованная во всех кинофильмах и книгах, болтовня о ценности души — это правда? А в чём тогда «прикол» — впихнуть меня в женское тело? Это что, шутка такая, остроумная, что ли? Спасительница — пошутила? Если да, то это самая, что ни на есть дурацкая шутка, а сама она — идиотка тупая! Как можно дать парню женское тело? Что в этом может быть смешного? Смотреть, как он страдает? Она, что, садистка? Почему нельзя было дать мне тело, соответствующее моей душе? На кой эти выверты? Как я буду теперь жить? Быть девчонкой — стрёмно... Они на голову... слабые. Сколько с девушками не общался, одни «чуЙства» на уме... Всю карьеру легко готовы строить через постель... Пффф... Потом, у них, эти, ежемесячные... бееее... Значит, я теперь, тоже, буду ежемесячно — бееее...? Тьфу! Ну почему это случилось со мною? За что? Что, я такой адский грешник, что ли? Хуже — только Гитлер? Гуань Инь говорила про карму... Может, это мне, какая-нибудь «отработка»? В гробу я видал такие «отработки»! Но, что же мне теперь делать? Что мне делать?! Что мне делать??!! ЧТОЖЕДЕЛАТЬМНЕНЕЕЕЕЕ?! Стоп! Я спокоен, я абсолютно спокоен... Не нужно волноваться. А то опять начнёт всё звенеть, визжать, грохотать. Опять прибегут, колоть будут. И так уже искололи всего... И задницу и руки, вон, всё...

Я поднял вверх левую руку, чтобы посмотреть на вены, забыв, что на локте повязка, и я ничего не увижу.

Чёрт, какая тонкая, — подумал я, глядя на свою конечность, — сколько же мне теперь лет? Дома мне было почти двадцать два, а тут? Только, ради бога, не говорите, что мне тринадцать лет, и мой круг общения — шестой класс! Я же сдохнуу...

— Юн Ми! Ты проснулась? Уже зарядку делаешь?! Какая ты молодчина! — неожиданно раздался радостный голос от двери, — как ты себя чувствуешь?

С хлопком роняю поднятую руку на постель и смотрю в направлении голоса. А-аа, это та самая казашка, которую я уже видел!

Внимательно присматриваюсь к ней. Невысокая. Тёмные глаза. Чёрные, короткие волосы. Приятная, располагающая улыбка. Но на лицо совсем не красавица. Фигура — непропорциональная. Короткие ноги и

излишне широкие бёдра. Одета в светло-синие, линялые джинсы и белую, с разноцветными пятнами рубашу на выпуск, с большим открытым воротом. На ногах — «танкетки» на высокой платформе из «пробки». На правом запястье — неширокие пластмассовые браслеты: синий, желтый и красный. На шее — большие красные бусы. Тоже, похоже, пластиковые. Молодёжно и недорого. В левой руке девушка держит за ручки белый пластиковый пакет с какой-то надписью красными иероглифами. На её правом плече — ремешок маленькой жёлтой сумочки.

Никакая она не казашка... Она — кореянка! Почему? Да потому, что она говорит — на корейском языке!!

Я вдруг понимаю, что понял, что она сказала. И на каком языке. И от этого понимания в моей голове суматошно заскакали мысли.

Выходит, что я нахожусь в Корее? Почему не в России? Это — с чем-то связано? С чем? С тем, что Гуань Инь из восточного пантеона богов? Или, потому, что я изучал восточные языки? Так, ладно. Обдумаю это чуть позже. Мне нужно что-то ответить. Собеседница ждёт.

— Э... добрый день... — несколько растеряно говорю я.

Мой голос звучит для меня хрипло и странно. Наверное, потому, что я его впервые слышу.

— Ой, Юн Ми, ты заговорила! Заговорила! — радостно завизжала девушка, уронив пакет, запрыгав на месте и захлопав в ладоши, — заговорила! Ты — поправилась!

Не обращая внимания на упавшее на пол, она, бегом, кинулась к кровати, на которой я лежал и, плюхнувшись на её край, быстро заговорила, близко наклонившись ко мне.

— Ой, Юн Ми! Я так рада, что ты, наконец, начала поправляться! Я так рада! А как мама будет рада! Она так переживает за тебя! Только о тебе и говорит. Ей так тяжело! И подружка твоя про тебя тоже спрашивала! Я сегодня обязательно позвоню Мин Джее! Скажу, что ты — начала разговаривать!

Под напором обрушившихся на меня слов я вжался в кровать, попытавшись, безуспешно отодвинуться от незнакомки подальше. А вдруг, у неё — «не все дома»? Хотя, у неё, с головою, как раз-то, наверняка, всё в порядке. Это я тут — без пяти минут, сумасшедший...

Она называет меня — Юн Ми, — торопливо соображаю я, — похоже, что это имя умершей девушки. Но... кто она ей такая? Сестра? Скорей всего да. Ну, а если вдруг нет? Мало ли... Что делать? Сказать, что я её не знаю, и вообще, я не Юн Ми, а Сергей Юркин, «из соседнего мира»? Да? И что тогда будет в этом случае? А в этом случае, по мне, как пить дать —

«дурка заплачет». Девочка головой ударилась, никого и ничего вокруг не узнаёт и ещё утверждает, что она — «мальчик внутри».... Куда такую девочку отправят лечиться, а? Понятно, куда... А в «дурке», говорят, «клиентов», током лечат... Для ускорения «осознания»... Неужели я сюда попал, чтобы угодить в дурдом? Не-е. Так не пойдёт! Но как же мне тогда поступить? Молчать? И долго я смогу это делать? Тем более, уже рот открыл — показал, что могу говорить... Эх, не стоило торопиться! Помалкивать нужно было! Но кто ж знал-то?! Теперь мне остаётся только одно — выдать себя за умершую. Другого варианта не вижу. Но как я смогу это сделать? Похоже, что никакой памяти от Юн Ми мне не осталось. Я ничего не помню, ни про её семью, ни про неё саму... Вообще, про жизнь тут — ничего не помню! О! А это выход! Не помню! Я ведь головой ударился! Буду симулировать амнезию! Примитивно и затаскано, но что ещё можно придумать? У меня в голове только то, что помню я. Больше — ни бум-бум! Нужно только как-то сказать, о моей потере памяти...

— Эээ... прости, — говорю я, воспользовавшись тем, что девушка сделала паузу, чтобы набрать воздуха, — я почему-то ничего не помню... Ты — кто? Как тебя зовут?

И смотрю на неё, старясь сделать как можно более удивлённое выражение на лице. Радостная улыбка на лице девушки враз погасла.

— Юн Ми, ты, что, ничего не помнишь? — с жалостью глядя на меня, спросила она.

Сделав паузу, так, словно в этот момент я старался хоть что-то вспомнить, я, молча, медленно, покрутил головой в разные стороны.

— Совсем-совсем ничего?

Я опять отрицательно помотал головой.

— Да. Ты с самого начала, когда только открыла глаза, смотрела на нас так, словно видишь впервые, — глубоко вздохнув, с болью в голосе произнесла девушка, — Доктор сказал, что такое может быть. У тебя в голове — кровоизлияние. В том месте, где, как думают учёные, находится память. Но он сказал, что это пройдёт. Нужно подождать, пока рассосется гематома. И память к тебе вернётся. Не волнуйся, Юн Ми. У тебя очень хороший доктор. Он сказал, что ты обязательно выздоровеешь. Видишь — ты уже разговаривать начала! Значит, идёшь на поправку! Всё будет хорошо! И ты, снова...

Хорошо? Мне бы твоего оптимизма... О! Минуточку! Что я слышу? Так мне местный доктор, официально, амнезию «прописал»? Спасибо, доктор! Мне ваш диагноз очень кстати! Можно тогда и не «шифроваться».

— Как меня зовут? — требовательно спрашиваю я, невежливо перебив

девушку.

— Тебя? — растерянно переспрашивает она, чуть отодвинувшись и с некоторым испугом глядя на меня, — тебя... Юн Ми! Пак Юн Ми...

Ага! Значит, я не ошибся, предположив, что Юн Ми — имя умершей девушки. Если вспомнить то, что я знаю о корейских именах, то, Пак — это фамилия, а Юн Ми, собственно, имя...

— А тебя?

— Меня? Меня — Пак Сун Ок...

— Ты... кто мне?

— Я? Я твоя старшая сестра....

— А-а... Ага. А сколько мне лет?

— Девятнадцать....

Блии-ин! Ну ладно, хоть не шестнадцать! И на этом спасибо. Хорошо, продолжаем разговор. Чтобы ещё спросить? Нужно столько узнать, а мыслей почему-то нет... Голова — как ватой набита... Лекарство, что ли, всё ещё действует? Хотя, есть у меня вопрос! Точнее — идея! Помню, что когда я занимался «осознанными сновидениями», в одной из книг я прочёл рекомендацию — «Как выйти из нежелательного сна?». Так вот, в ней предлагалась разыскать во сне зеркало и посмотреться в него. Утверждалось, что после этого, «сновидец», обязательно должен будет проснуться.

Вот сейчас окончательно и проверим, — подумал я, — сон это или не сон? Если уж и после этого не проснусь, то всё... крандец! Не сплю!

— Сун Ок, у тебя есть... зеркальце?

Должно быть! У всякой девушки должно быть с собою зеркальце!

— Да, есть.

— Дай!

Сун Ок полезла в сумочку и вытащила небольшую красную коробочку — пудреницу.

— У тебя сейчас синяки под глазами, — с жалостью глядя на меня, честно предупредила она, со щелчком откидывая крышку.

Синяки — это не то, о чём мне сейчас стоит переживать, — с волнением подумал я, беря из её рук зеркальце и пытаюсь разглядеть своё отражение.

!!!! — пару секунд спустя сформировал я в голове непечатную фразу, — это не сон!! Я — не проснулся!! Это — реальность! Я — умер и переселился в женское тело! Но какого фака, Гуань Инь, нужно было засовывать меня ещё и в тело уродины? Это же просто %%%%% какой-то! Страшила! Мазафака!! За что?!

И мне опять резко поплохело. Рука, держащая пудреницу — упала на постель, пудреница — стуча и кувыркаясь, полетела по полу, а медицинский аппарат радостно зазвенел-заулюлюкал, зовя дежурную сделать мне ещё укольчик. А я — «отключился»...

\* \* \*

Смотрю в большое зеркало, в котором в полный рост отражается невысокая черноволосая девочка в ярко-жёлтой фланелевой пижаме и розовых тапочках с пушистыми помпончиками. У девочки — узкие «азиатские» глаза, выступающие скулы и «тяжёлый», квадратной формы подбородок. Ещё есть: широкий приплюснутый нос, брови, задранные вверх, словно у Пьеро, короткие, полненькие ноги и слабый намёк в середине прямоугольного туловища на талию. В общем, просто ахтунг, какая красавица, с лицом, сильно похожим на лицо парня. Ещё она — лысая. Обрили, когда лепили ей на голову датчики для измерения уровня биотоков мозга. Если я поднимаю руку, то отражение лысого чучела — поднимает в ответ ту же руку. Отставляю ногу — оно тоже делает движение ногой. Морщу нос — отражение вновь повторяет мою гримасу. Это моё новое тело. Эта уродина, теперь, типа, отныне такой я. По несколько раз в день подхожу к зеркалу в холе возле лифтов смотрю в него, и каждый раз — отказываюсь верить своим глазам! Ну не может быть такого! Не мо-же-т! Как так?! Был я, а стал... эта Юн Ми! Это чудовище... А ведь Гуань Инь обещала «природную красоту»! Ну и где она? Я не то чтобы мечтал выглядеть писанным красавцем, но, «пардон муа», обещала ведь?! Раз обещала, нужно выполнять! А то ведь — ну «чистая крокодила» в зеркале! Или это тут так выглядит эталон местной красоты? Если да, то тогда у меня просто нет слов...

Вздыхаю, отворачиваюсь от зеркала и, старчески шоркая подошвами тапок, бреду по коридору назад, в палату. Две недели с лишним уже прошло, как я обретаюсь в этой больнице. Всё это время, с момента как я сюда попал, чувствую себя подавлено. Часто вспоминаю родителей, друзей, свою прежнюю жизнь, смерть и что случилось потом. Постоянно снятся сны о той, моей Земле. Наверное, это от того, что я ничем не занят. Сон, уколы, процедуры, кормёжка — это все мои занятия тут. Вот голова постоянно и вспоминает, поскольку больше ей делать нечего... Не знаю, как там эти попаданцы в книгах, попав, уже на второй день привыкают, а на третий идут завоёвывать мир безо всяких проблем. Наверное, я плохой

попаданец, потому, что и три недели спустя я никак не привыкну. Вокруг — всё абсолютно чужое, незнакомое, вызывающее чувство опасности. Опасаюсь, что допущу какую-нибудь ошибку, скажу что-то не то, где-то «проколуюсь» и меня раскроют. Постоянно слежу за своей речью, постоянно помню о том, что нужно говорить о себе в женском роде. От этого я испытываю дикий напряг, и в моей голове усиленно «чешется вопрос» — на кой мне всё это нужно? Как-то я вообще не представляю себе свою дальнейшую жизнь. Просто какой-то полный алес капут! Наверное, в таком угнетённом состоянии люди и вешаются. Вполне возможно, что это может быть и выходом, но, во-первых — никогда даже и в мыслях не было становиться самоубийцей, а во-вторых — зачем тогда Гуань Инь прибегала? Помогала, зачем? О душе моей беспокоилась? А я вот так возьму и просто перечеркну всё. Отправляюсь на перерождение. Начну сначала. С какого-нибудь там, червячка или жучка. Страшно это или нет? Не знаю. Наверное, да, раз этим даже богиня озаботилась...

Если в душевном плане у меня всё плохо, то в физическом, у Юн Ми, вроде всё даже и ничего. Неделью спустя, после того, как я пришёл в себя — стала меньше спать, появились силы, начала самостоятельно передвигаться. Разговаривать, опять же, начала. Вполне возможно, что для стороннего наблюдателя, у неё всё отлично. Однако, лично у меня, проблем — полно. Даже помимо психологических. Постоянно возникают какие-то неожиданные трудности. Первое, на что я «наткнулся», когда встал на ноги — проблемы с координацией. Ноги у Юн Ми почему-то ходили весьма странно. Как-то «по-особому». Не так, как я привык. Я пару раз «конкретно навернулся» на ровном месте посреди палаты, а один раз — «не вписался» в дверной проём. Прямо на изумлённых глазах своего лечащего врача. После этого он устроил мне дополнительное обследование. Выяснилось — с руками проблем нет. Уверенно нахожу свои уши, нос, глаза, а вот с ногами — что-то не то... Ходят, но как-то не так и куда-то не туда. Меня опять засунули в томограф, просветили, качнули крови на анализы, но причину проблемы — обнаружить не обнаружили. Врач, тщательно изучив нарисованные компьютером цветные картинки срезов мозга Юн Ми, задумался, а потом честно мне сказал, что не знает, в чём тут дело. Добавил, что поскольку ситуация ему не ясна, то, никаких препаратов, чтобы мне не навредить, он давать не будет, но попробует решить проблему другим путём. Приказал выдать мне инвалидную кресло-каталку для детей. Лёгкую, чтобы мне, как только-только начавшему ходить, хватило сил с нею справиться.

— По коридору, не спеша, катишь её впереди себя, — сказал он,

объясняя, зачем она мне сдалась, — сама опираешься на её ручки руками. Устала, остановилась, села, прямо в неё, посидела. Отдохнула, встала — дальше пошла. Главное, помни, что твоя задача — не думать о том, как ты ходишь. Не следи за этим. Смотри по сторонам, на стены, на людей. Думай о чём-нибудь постороннем. Ты не должна вовлекать в процесс ходьбы головной мозг. Не должна им контролировать свои ноги. Как ходить — должно вспомнить твоё тело. Только так. Иначе у тебя ничего не выйдет...

Врач оказался молодцом. Предложенная им методика сработала «на все сто». Тренироваться с коляской было действительно удобно. Не так «заносило», как без неё и попервой, когда у Юн Ми, внезапно «кончались батарейки», я мог тут же сесть в кресло и отдохнуть. Где-то, примерно через неделю такого хождения за коляской по коридору, необходимость в дополнительной опоре отпала. То ли сил прибавилось, то ли моя душа, где-то, как-то согласовалась с телом... Не знаю. Но, короче говоря, спустя неделю, мы с Юн Ми начали ходить, как все другие, нормальные люди. Пока «расхаживался», немного познакомился с больницей в пределах своего этажа. Впечатления сложились положительные. Выглядит всё неплохо. Чисто, просторно. Ничем «таким», больничным, не пахнет, высокие потолки, большие, хорошо вымытые окна. Кондиционированный воздух. Современное выглядящее медицинское оборудование. Спокойная обстановка. Никто не шумит, не кричит. Пациенты почтительно разговаривают с врачами. Похоже, доктора — весьма уважаемая здесь профессия...

С ногами была моя первая проблема, которая благополучно разрешилась. Вторая проблема объявилась, когда я, «гуляя» за коляской по этажу, взялся подслушивать разговоры людей, пытаюсь собрать больше информации о мире, в который попал. Выяснил для себя весьма неприятный факт — «мой корейский» недостаточно хорош для того, чтобы я мог свободно общаться. Вроде всё понятно, понятно, потом вдруг — бах! Вылезает какое-то незнакомое слово, а то и не одно! Смысл сказанного теряется, и я не понимаю услышанное. А ещё, оказалось, что у меня, с корейской письменностью, практически — «komplette Null». Понимаю написанное — с пятого на десятое. Даже простые объявления в холле, возле лифтов, прочитать толком не смог. Это весьма и весьма неприятный для меня факт. Насколько я помню из института, корейский язык, хоть и считается проще японского, но тоже, ещё тот, «подарочек». В нём достаточно своих, «эксклюзивных», чудес. Например, буквы в корейских словах могут не всегда следовать друг за дружкой. Ну, вот так у них! Потом, в пределах слога, буквы могут соединяться в устойчивые

комбинации — лигатуры. Их нужно все знать и помнить, потому, что читаются они по-особенному, уже не как простые буквы. По виду, эти лигатуры похожи на китайские иероглифы, поэтому корейское письмо иногда и называют — *иероглифоидным*. Ещё, в корейском языке, существует так называемое смешанное написание слов, при котором для написания грамматических окончаний используется — Хангыль, а для обозначения китайских корней слова — Ханча. Ханча — это китайские иероглифы, используемые в контексте письменности корейского языка. Они используются только для записи слов китайского происхождения, которые составляют примерно половину лексики корейского языка. Но в основном, корейцы сейчас используют Хангыль. Хангыль — фонематическое письмо. Его характерной особенностью является то, что буквы объединяются в группы, примерно соответствующие слогам...

Короче, будет, чем мне мозги напрячь... Может, зря я у Гуань Инь умение зарабатывать деньги просил? Пожалуй, вместо этого лучше стоило попросить знание языка и всех реалий местной жизни. Но я же не знал, что попаду в Корею! Ведь то, что говорили реаниматологи, я ведь прекрасно понимал! У меня и мыслей не возникло, что я не в России... Интересно, а действительно, почему я их понимал, хотя они наверняка говорили на корейском? Возможно, это какое-нибудь свойство — умершего? Может, душа человека, вне тела — не нуждается в переводе? Слышит как-нибудь, «так», «напрямую»? А может, это влияние богини? Какое-нибудь заклинание, или амулет... Не знаю. Я ничего не знаю! Знаю, только, что я в глубокой жжжж.... Выбраться из которой, похоже, невозможно. Можно только углубиться...

\* \* \*

*Место действия: Небольшой медицинский кабинет. Стены окрашены в светлые кремовые тона. У двух стен стоят узкие зелёные шкафчики, полки которых почти заполнены толстыми папками с разноцветными корешками. Окно, закрытое пластинами белых жалюзи. У одной из стен стоит большой стол, тоже, в тон стен, со светлой столешницей. За столом сидит молодой врач в белом халате и «хипстерских» очках<sup>[6]</sup>. Рядом со столом, сидит женщина с усталым и тревожным выражением на лице. Врач, заглядывая в лежащие перед ним бумаги, что-то рассказывает женщине. Та, внимательно его слушает.*



— С медицинской точки зрения, в физическом плане, ваша дочь — полностью здорова. В её организме нет никаких отклонений от общепринятых медицинских норм. Все органы тела функционируют нормально. Гематома в её мозгу рассосалась без следа и сейчас, в нём нет никаких патологий. И, не кривя душой, скажу, что это — невероятный результат!

— Почему? Почему — невероятный?

— Дже Мин-сиу, долгое пребывание в состоянии клинической смерти невозможно без осложнений. Особенно страдает мозг. Нередки случаи, когда люди после такого превращаются в так называемые — «овощи». Их мозг теряет способность к мышлению и они становятся просто телами, в которых как-то теплится растительная жизнь.

— Ой, доктор, что вы говорите такое!

— Это не ваш случай, Дже Мин-сиу. Ваша дочь, по анализам, имеет сейчас такое здоровье, которое, без всякого преувеличения, я бы мог пожелать всякому подростку в нашей стране. С мыслительной деятельностью у неё тоже порядок. Проведённые нами тесты не выявили никаких нарушений. Ваша девочка абсолютно правильно находит взаимосвязи между разными событиями, строит правильные логические цепочки и умеет задавать правильные вопросы. Всё это она делает на уровне здорового человека. Единственной проблемой является её память. Когда мы с вами встретились первый раз, я позволил себе высказать предположение о том, что в этом аспекте возможны некие нарушения. К моему большому сожалению, мои опасения оказались верны. Юн Ми никак не вспомнит свою прежнюю жизнь.

— И что же теперь делать, доктор? — с тревогой спрашивает женщина, наклоняя голову и стараясь поймать своими глазами взгляд врача.

— Будем бороться с болезнью дальше. Сдаваться не станем. Правда, в данный момент существуют обстоятельства, которые несколько затрудняют лечение...

— Что за обстоятельства, доктор?

— Понимаете, Дже Мин-сиу, лечение амнезии предусматривает в первую очередь — терапевтическое воздействие на основное заболевание человека. Однако, как я уже сказал, по результатам проведённых исследований — ваша дочь здорова. Получается, что в данный момент воздействовать нам не на что. Нет конкретного места локализации болезни. Но такого не бывает, когда болезнь есть, а её причин — нет. Просто эти причины почему-то не видны на физическом плане. Исходя из этого, я

предполагаю, что причиной амнезии у вашей дочери является какое-то сложное психологическое состояние, вызванное клинической смертью. К сожалению, определить наличие такой патологии приборами — невозможно. А если говорить откровенно, то люди просто ещё не создали такие приборы. Но, несмотря на это, опыт лечения подобных заболеваний в медицине есть. И врачи соответствующие имеются. Поэтому, дальнейшим лечением Юн Ми займётся врач-психиатр...

— Моя дочь — сумасшедшая?!

— Ну что вы, что вы! Ни о каком сумасшествии даже речь быть не может! Ваша дочь имеет абсолютно адекватное, социальное поведение. Нарушения логики мышления, как я уже сказал, у неё не выявлено. Томография показывает полное отсутствие патологий в мозге. На данный момент ей поставлен диагноз — *травматическая, ретроградная амнезия*. И всё. Ничего другого кроме этого.

— А что это значит?

— Травматическая амнезия — является последствием разных травм головы. Чаще всего физических. Бывают ещё поражения током, облучение радиоактивными излучениями или воздействие магнитными полями, но это уже редкость. В большинстве случаев речь идёт именно о физических травмах. Я уже вам как-то рассказывал о том, что, что же такое память — до конца никем так и не выяснено. Но многие учёные занимались этим вопросом и сейчас существуют разные теории, объясняющие механизм её работы. Одна из них предполагает, что память хранится в клетках мозга — нейронах. Соединяясь друг с другом, эти клетки образуют связи, по которым они обмениваются между собою информацией. Если сказать коротко, то память, это нейроны и связи между ними. При сильных сотрясениях мозгового вещества часть клеток — гибнет, связи — разрываются, информация — теряется. В результате происходит потеря части воспоминаний. Восстанавливаясь, мозг создаёт новые нейроны вместо умерших, а оставшиеся в живых передают новым имеющуюся у них информацию. Память — возвращается. Но, в зависимости от количества погибших клеток, восстановление может произойти не полностью. Чем меньше их выжило, тем больше вероятность того, что у человека будут провалы в памяти. При ситуации, когда нейроны гибнут больше определённого процента по отношению к их общему числу, человек теряет память полностью, ибо восстанавливать её в этом случае не из чего. Что, в общем-то, странно, если говорить о случае с вашей дочерью. Судя по рентгеновским снимкам и результатам томографии, полученный ею удар был не настолько силен, чтобы вызвать столь большие

последствия. Нет даже трещин в черепной коробке. Все симптомы указывают на имевшее место быть лёгкое сотрясение мозга. Ничего серьёзного, после таких травм, с людьми обычно не происходит. Поэтому, почему произошла потеря памяти и остановка сердца — тут совершенно непонятно...

— Это то, что касается травматической амнезии. *Ретроградная* же, *амнезия*, это нарушение памяти о событиях, предшествовавших приступу заболевания либо травмирующему событию. Таким образом, диагноз, поставленный вашей дочери, говорит о том, что она потеряла память в результате физической травмы головы. И ничего не помнит из того, что было до этого происшествя. Вот и всё. Ни о каких психических отклонениях в диагнозе и речи нет.

— Но... почему тогда — психиатр? А вы, разве вы не можете продолжить лечить мою дочь? У вас так хорошо это получается, *сачжанним*...<sup>[7]</sup> Вы такой хороший врач!

— Спасибо, Дже Мин-сиу. Но дело тут, видите ли, в том, что врачи — психиатры обладают навыками применения специальных психотерапевтических методик, направленных на восстановление памяти. Это отдельная область в медицине и они проходят для этого специальное обучение. Я, к сожалению, такими знаниями не обладаю.

— Что это за методики такие?

— Однозначно мне будет сложно о них сказать. Их достаточно много. Задача психиатра как раз и состоит в том, чтобы выбрать из них наиболее эффективную для лечения пациента. Как правило, выбор осуществляется после проведения серии тестов, призванных определить психо-эмоциональное состояние больного. Далее, в зависимости от их результатов, может быть назначено медикаментозное, либо какое-нибудь иное лечение.

— Для этого Юн Ми переведут в псих-больницу?

— Вас это беспокоит?

— Аджжж<sup>[8]</sup>, доктор! Вы же знаете, какими порою несносными сплетниками бывают люди! Вы так всё хорошо и понятно мне рассказали, но всем-то это не объяснишь! Начнут сплетничать, а Юн Ми ещё замуж выйти нужно. А если пустят слух, что она сумасшедшая, разве тогда найдётся для неё хороший мужчина?!

— Я понял. Не беспокойтесь об этом. В штате нашей больницы есть врач — психиатр. Думаю, что проводить тесты он сможет проводить прямо у нас. Для них нужен только стол и компьютер. Тем же, кто будет

любопытствовать, просто скажете, что ваша дочь ходит на посттравматические осмотры.

— Спасибо, господин доктор! Вы успокоили моё материнское сердце. Господин доктор, а сколько ещё нужно будет лечиться? Через три месяца Юн Ми заканчивает старшую школу. Она так готовилась к экзаменам! Как же она теперь сдаст их, раз она ничего не помнит?

— Это проблема... К сожалению, я не могу точно сказать, когда именно здоровье вернётся к ней полностью. Будем надеяться, что за время, оставшееся до окончания школы, мы достигнем успеха в лечении. Потом, есть шанс, что мы имеем дело с частичной амнезией. Юн Ми забыла прежнюю жизнь, но помнит о многом, что её тогда окружало. Она не спрашивает — что такое кровать или, допустим, стекло. То есть, эти вещи ей понятны и узнаваемы ею. Может, тогда, она сохранила и знания по школьным предметам? Думаю, стоит попросить её школьных учителей это выяснить. Если вдруг это окажется так, то она может сдать экзамены вместе со всеми.

— А если — нет? Что тогда?

— Тогда я дам вам справку о том, что по состоянию здоровья, ваша дочь, сейчас не может сдавать экзамены.

— Но ведь она потеряет целый год! Все будут учиться, а она...

— Будем надеяться на лучшее. На то, что этого ей не понадобится. Но ничего другого, кроме справки, я в этом случае предложить не могу.

— Может, тогда её лучше сейчас не выписывать? Пусть побудет ещё в больнице...

— Думаю, это излишне. Во-первых, ваша дочь физически здорова и лечить её не нужно. Пребывание же в больнице стоит денег. Во-вторых, выписывая вашу дочь, я рассчитываю на то, что она вернётся в ту жизнь, которой жила до этого. Увидит людей, которых она видела, одноклассников, знакомых, близких. Увидит знакомые здания, улицы... Свои любимые фильмы, услышит музыку, которая ей нравилась. Всё это будет непрерывными раздражающими факторами для её мозга. Коль проблема амнезии лежит вне физиологической, а в психологической плоскости, то такая активная его бомбардировка звуками и образами, как раз может дать тот необходимый толчок к восстановлению памяти. Посетите с ней места, в которых она любила бывать. Приготовьте ей её любимые блюда. Наденьте на неё её любимую одежду, обрызгайте любимыми духами, сделайте макияж. С помощью всех этих зрительных, осязательных, тактильных действий — перебросьте ей мостик из её настоящего в её прошлое! В любой миг, любое из таких воздействий может

пробудить её память и она всё вспомнит! Вы понимаете меня, Ким Дже Мин?

— Да доктор. Я обязательно так и сделаю! Спасибо вам за то, что вы так не равнодушны к моей бедной девочке...

\* \* \*

Смотрю в монитор компьютера как баран на сто новых ворот. А если точнее, пялюсь на три предложения, составленные из корейских иероглифов. Нужно выбрать из трёх одно. Ничего сложного, но это лишь при том условии, если понимаешь, что в них написано. А я — не понимаю. И как мне теперь следует поступить, не знаю. Врач, лечивший мне голову, сегодня сказал, что он меня — «совсем вылечил» и по всем анализам, я — здоров. Всё, что он мог, он сделал, но, поскольку память мне так и не вернулась, то чего теперь делать со мной, он как бы, не знает и поэтому, передаёт меня другому врачу — психиатру. Ибо проблема, как он сказал, похоже, лежит в области психологи...

Невозможно восстановить то, чего нет, — подумал тогда я, с вежливым видом выслушав врача, и добавил уже для себя, — а «дурка-то», всё ближе и ближе... Вот уже и о психиатрии разговор пошёл...

Видно я не справился с эмоциями, и на лице у Юн Ми появилось выражение тревоги, потому что врач принялся успокаивать, объясняя, что ничего страшного в этом нет и это стандартная последовательность лечения подобных заболеваний. Дабы подсластить выданную им пилюлю, он сообщил, что планирует меня выписать в ближайшее время. Пусть меня психиатр посмотрит, а там, мол, и на все четыре стороны...

Психиатром оказался сухопарый пожилой кореец с морщинистым лицом. Внимательно оглядел меня, потом вперился в глаза. Секунд пятнадцать мы с ним поиграли в гляделки. Потом он многозначительно хмыкнул и дипломатично, первым, отвёл взгляд в сторону. Тут только я вспомнил, что пялиться мне так не положено. Он мужчина, гораздо старше, плюс Юн Ми ещё девочка. Девочки не должны себя так дерзко вести. Это же азиатские заморочки, протокол ведения разговора! А я как-то и забыл об этом...

— Что ж, давай начнём, — сказал врач, не став комментировать грубое нарушение правил корейского этикета, — я твой новый лечащий врач-психиатр. Зовут меня — доктор Ким Чен Сёк. Я попытаюсь определить, причину, по которой ты ничего не можешь вспомнить. Для начала мы

просто с тобою поговорим, чтобы немного познакомиться...

Поговорили. Минуты три. Всё это время я прикидывался «полной амнезией» и девяносто процентов моих ответов было — «не помню». Десять оставшихся процентов были — «не знаю». Ну не твердить же всё время одно и тоже? Будет выглядеть подозрительно...

В конце-концов врач исчерпал свои вопросы и перешёл к следующей части беседы — рассказу, что нас с ним ждёт в будущем. Точнее, больше меня ждёт, но он тоже будет участвовать, поэтому можно сказать, что ждёт нас обоих.

— В ближайшие дни тебя выпишут, и ты вернёшься домой, — сказал он мне, — вернешься к родным, друзьям, учёбе и своим повседневным занятиям. Знакомая обстановка будет создавать постоянную стимуляцию твоего мозга, которая должна привести к восстановлению памяти. Как показывает опыт, использование подобного подхода в лечении зачастую более эффективно, чем проведение лечения в клинике. Ты молода, здорова и твоя психика ещё очень пластична. Поэтому, это будет лучшим вариантом. Но, без присмотра я тебя не оставлю. Я буду следить за твоим психо-эмоциональным состоянием с помощью специальных тестов. Накопив с их помощью информацию, я смогу понять, что следует предпринять в текущий момент. Например, может тебе нужно будет принимать какие-нибудь лекарства или провести в клинике сеанс гипноза...

— Тесты нужно делать каждый день. Чтобы впустую не терять время на дорогу ко мне и обратно, их я буду присылать тебе на электронную почту. Выполнение их будет занимать у тебя от силы 10–15 минут в день. Если тест будет большой, на час времени, я тебе об этом дополнительно сообщу, чтобы ты спланировала своё время. Выполнив задание, ты будешь отсылать файл мне обратно. Сначала, тесты, ты будешь выполнять часто — каждый день. Потом, в зависимости от развития ситуации, они могут выполняться реже. Раз в месяц, ты будешь приходить ко мне на приём. Интернет интернетом, но хоть иногда, врач-психиатр должен видеть глаза своего пациента... Тесты будут разные. От десяти, до тысячи вопросов, без ограничения и с ограничением по времени их выполнения. Внимательно читай пояснения, которые я буду присылать вместе с заданиями. Это поможет тебе избежать ненужных ошибок. А теперь, Юн Ми-ян<sup>[9]</sup>, иди, садись за тот компьютер. Сделаем первый тест.

Я встал со стульчика, на котором сидел, прошёл и сел на указанное место. А у самого, в это время, в голове крутилась фраза — «сеанс гипноза», «сеанс гипноза»... В «клинике»! Если меня там загипнотизируют, то я им такО-ого понараскажу! Вот тогда-то меня точно,

либо навсегда в дурдоме закроют, либо сдадут учёным на опыты! Никаких клиник и никаких гипнозов! Ни в коем случае!

Доктор Ким подошёл ко мне, мышкой навёл курсор на иконку, щелчком клавиши запустил приложение. В тот же миг весь экран монитора заняло раскрывшееся окно программы. На ядрёно-салатовом бэкграунде, посередине, было три белых кружочка, а рядом с каждым из них — фраза, написанная по-корейски чёрными иероглифами.

— Всё просто, — сказал Ким, — тесты по внешнему виду почти такие же, в твоей школе. Читаешь предложения, выбираешь из них то, которое считаешь правильным и мышкой ставишь точку в кружочке. Потом нажимаешь вот эту кнопку, внизу экрана и переходишь на следующую страницу... И так, пока не дойдёшь до конца. Этот тест простой, всего на пятьдесят вопросов без ограничения времени на ответы. Его основная задача состоит в том, чтобы ты освоилась и поняла, как это делается. Приступай, Юн Ми-ян!

Кивнув головой, я сделал вид, что читаю, потом ткнул мышкой в средний кружочек, поставил точку и щёлкнул клавишей, переходя на следующую страницу.

— Хорошо, — одобрительно сказал врач, — работай и потрудись хорошо. А я, чтобы тебя не смущать, пойду, схожу по своим делам. Если закончишь быстрее, чем я вернусь — не уходи. Дождись меня. Посмотрим результаты твоего теста.

Ким Чен Сёк ушёл, оставив меня один на один с компьютером. Вот, сижу, пытаюсь понять, чего мне делать? Можно, конечно, и остальные странички так же, рандомно натывать. Только вот — стоит ли? А вдруг, в результате тест покажет, что меня спасёт только сеанс гипноза? В «клинике»? Нафиг-нафиг такое счастье! Тогда сказать, что не понимаю, что тут написано, поскольку «забыл» алфавит? И что тогда? Тогда никаких тестов на почту не будет, а будет наверняка снова — «клиника»! Как иначе врач тогда сможет следить за пациентом и задавать ему вопросы? Ему нужно чтобы больной был «под рукой». Здесь меня вылечили, выписывают. А домой, получается, меня везти смысла нет, поскольку там я буду «недоступен» врачу. Только «клиника» и остаётся... А в клинике — «гипноз». Не, так не пойдёт! Туда мне не точно не нужно. Но что тогда делать? Как же пройти этот дурацкий тест?

Тут мой взгляд, хаотично шарящий по экрану монитора, наткнулся на узкую строчку из английских слов в самом его верху. Там было написано: *файл, вид, сервис, окно*. Автоматом, даже не думая, я ткнул курсором в слово «сервис». Появился ниспадающий список, в котором третьим из

шести пунктов значилось — «язык». Ткнул в «язык». На выбор мне предложили — английский, корейский.

Английский? Еееес, оф кос! Экран моргнул и на нём, вместо корейской абра-кадабры появились три совершенно понятные и ясные как божий день английские фразы!

Какой же я умный! — искренне восхитился собою я, — вот, пожалуйста, нормальный язык! Всего-то, нужно было — потыкать... Похоже, эта программа — локализация какой-то английской версии...

Я поудобнее ухватился за мышку.



## **Шкурка четвертая**

*Время действия: почти четыре недели спустя после попадания.*

*Место действия: Небольшая больничная палата с двумя кроватями. Одна из них застелена, а другая нет. Рядом с той кроватью, которой пользуются, стоит на зелёной пластмассовой треноге капельница. На небольшой полке, на стене — увлажнитель воздуха. Несколько стульев, маленький квадратный столик со светлой столешницей «под дерево». Белый потолок и салатового цвета стены. Окно, с широким подоконником. На нём, обхватив колени руками, сидит обритая девочка в желтой пижаме и смотрит в окно.*

Сижу... В окно гляжу. За окном местная зима — начало февраля. Деревья и кусты — голые, без листьев. Серый асфальт, серые, низкие облака, затянувшее всё небо. Снега нет. Сухо.

Сижу... Жду Сун Ок. Сегодня меня выписывают. Она должна привезти мою одежду. Точнее — одежду Юн Ми...

Сижу... Размышляю...

...Если мне обязательно нужно прожить это воплощение, и прожить, как я понимаю — «правильно», то, тогда получается, что все мои предыдущие воплощения были — «не очень»? Я где-то крупно «накосячил»? И как же я мог это сделать? Может, я был в прошлых жизнях каким-нибудь преступником, грабителем или вором? Воровал, убивал, грабил, насиловал? Пфффф... Не очень приятно узнать о себе такое! А почему я так жил? Я вроде бы человек не конфликтный, не злой, с людьми лажу... Как я мог такое делать? Если бы я был в душе злодеем, наверное, это бы уже проявилось, ведь так? А я — нормальный... Хотя, есть ведь ещё и другие грехи: гордыня, чревоугодие, похоть, зависть... Может, это они — «замусорили» мою карму? Просто копились, копились из жизни в жизнь, и наконец, достигли критического уровня. И никого я не убивал... Обычный, естественный ход вещей. Просто у меня в прошлых жизнях — характер слабый был. А сейчас я могу всё исправить, разгрести всю эту помойку с грехами. Радоваться этому надо, а не сидеть, сопли жевать. Жаль, только Гуань Инь не сказала, что конкретно нужно делать, чтобы «выпрямить» карму... Но понятно, она этого мне сказать не могла, потому, что это было бы инсайдерской информацией... Однако, и без её подсказок ясно, что мне следует вести благочестивый образ жизни и не грешить. Может, есть смысл

пойти в монахи? Хмм... может... Правда, мысль о том, чтобы провести всю жизнь за стенами монастыря, честно говоря, не воодушевляет, но если надо, то надо! Был бы только толк с этого. А то, в кино, частенько показывают, что монахи и покушать любят и пиво в монастырях своих гонят, да и по монашкам иногда ещё прошвырнуться могут... Смысл тогда сидеть в четырёх стенах, если внутри них будут те же соблазны, что и «на воле»? Тут главное — сила воли. Можно соблазнов избегать и в мирской жизни, было бы желание. А может, Гуань Инь запихнула меня в женское тело, чтобы как раз, и оградить меня от каких-нибудь этих соблазнов? Каких? Ну, например — блуд! Любовь к противоположному полу. Может, в прошлых жизнях я был жутким ловеласом вроде Дон Жуана и «оприходовал всё, что только шевелиться, женского полу»? А что, вполне может быть! С женщинами у меня проблем нет, они мне нравятся, я им тоже. Наверняка и раньше так было... Разбивал сердца, приносил страдания и слёзы... Вот меня богиня и засунула в женское тело, чтобы я вновь не пошёл по «протоптанной дорожке»! Неявно помогла, не сказав ничего. Логически — вполне возможная ситуация. И опять же — всё из-за баб! Тоже, как обычно...

Сижу... Смотрю в окно... Размышляю...

...Если это действительно так, с Гуань Инь, то тогда можно считать, что Юн Ми — это что-то вроде искупления. А раз так, то тогда нужно сидеть, «не чирикать» и радоваться тому, что я жив и мне даден второй шанс. Уверен, что не всякому такое выпадает! Плюс, я побывал в таких местах и увидел своими глазами множество невероятных вещей, которые никто из живых, наверняка, не видел, и может, не увидят никогда! Я разговаривал с настоящей, живой богиней! И она, помогла мне сохранить мою бессмертную душу, хотя думаю, что, в общем-то, я был не в праве на такое рассчитывать... Грех на судьбу жаловаться... Нужно брать себя в руки. Кончать ныть и начинать думать, как прожить свою новую жизнь, чтобы она прошла не напрасно. Чтобы всё было — не зря! Только вот как это правильно это сделать? Хорошо бы посоветоваться с кем-нибудь по этому вопросу... Может, есть смысл сходить в какой-нибудь здешний монастырь и спросить? Восток славится своими мудрецами.... А что, неплохая идея... Может, что скажет полезного...

Сижу... Смотрю в окно... Размышляю...

...В принципе, хорошо, что меня выписывают. Уже поднадоедать тут стало. Нельзя же всю жизнь в больнице просидеть? Да и от врачей лучше держаться подальше. Психиатр-то больно шустрый попался. Я даже не ожидал, что он меня так... «подловит». Я прошёл данный им тест, перевёл

язык программы вновь на корейский, сижу, жду. Пришёл доктор, сел за свой комп, видно через сеть посмотрел мои результаты, сказал, что всё хорошо, а потом и говорит: видишь, Юн Ми, ты помнишь, как пользоваться компьютером, хотя забыла все, что было до аварии. Значит, память у тебя, похоже, сохранилась. Просто, у тебя к ней почему-то «нет доступа». Думаю, принятое мною решение о способе твоего лечения — совершенно верное...

Если бы я уже не сидел, точно бы на зад плюхнулся от изумления! Блин, ведь всё заметил и сопоставил! А я даже не подумал об этом! Как баран кинулся к компу, когда сказали. Спрашивается — а что он завтра заметит? И какие выводы сделает, с увиденного? Не, лучше держаться подальше от психиатров. С мозгами и наблюдательностью у них тут, похоже, всё в порядке...

Сижу... Смотрю в окно...

Несколькими этажами ниже, под моим окном пролетела большая птица в сером оперенье. Я проводил её взглядом до тех пор, пока она не скрылась вдали, за рекою, исчезнув на фоне многоэтажных зданий.

Большой город, — подумал я, разглядывая эти высотки, — река, мосты, небоскрёбы... Может, это Сеул? Что-то я даже не сподобился узнать, как этот город называется... То лечился, то печалился... Всё некогда было. Но ничего, приеду домой к Юн Ми, залезу оттуда в сеть и всё узнаю. Интернет тут есть, это я совершенно точно узнал. Проще шариться по «паутине» не привлекая к себе внимания, чем задавать окружающим глупые вопросы. В этом случае даже без знания корейского языка можно обойтись. Пойду сразу на англоязычный сайт. С английским у меня должно быть всё нормально. Прочитал же я предложения в тесте? В крайнем случае, если и с английским окажется — «труба», то с русским-то, всё точно будет — окей!

Сижу... Смотрю в окно... Размышляю...

... Интересно, Юн Ми — девятнадцать лет... Она где-то учится? В каком-нибудь институте? Если да, то тогда мне придётся ходить на учёбу. А как я буду это делать с моими знаниями языка? С одной стороны, я могу быстрее адаптироваться, а с другой стороны — в институте ведь нужны результаты какие-то показывать, учиться ведь нужно! Я же реально сессию завалю! Вот радости будет... Впрочем, пожалуй, я впереди телеги бегу. Может она не учится, а работает... Работает? Кем? Тогда мне, что, придётся ходить на её работу вместо нее? Хм! Конечно, придётся! Я же в её теле и должен же я как-то на жизнь зарабатывать? Кормить задаром вечно не будут... А чем я могу тут заработать? Переводами? Ага, с моим-то

корейским! Я такого им наперевожу — ахнут! Да, нужно срочно подтягивать корейский. Потом, ещё нужно проверить, что у меня с другими языками. Помню я что-то или нет? Как это сделать? Хммм... Ну, попробовать почитать и послушать речь на разных языках, можно и в интернете. А вот поговорить на них... с кем? Поговорить, чтобы выяснить — понимают меня или нет? Оценить, какое у меня теперь произношение. Где мне найти «носителей европейских языков»? Ну-у... тоже можно это решить. Не такой уж сложный вопрос. Если этот город большой, то значит, в нём наверняка должен быть аэропорт. Тоже большой, как и город. А в аэропорту, в большом аэропорту, должны быть международные рейсы. Там где международные рейсы — там водятся иностранцы: немцы, французы, итальянцы, русские... Можно просто приехать в аэропорт и походить по залу. Послушать и попытаться поговорить с пассажирами. Если спросят — скажу, что студент... ка! Практикуюсь. Если европейские языки здесь не отличаются от «моих», то, тогда, всё будет нормально. Подтяну за пару лет корейский и устроюсь работать переводчиком. Проживу!

— Юн Ми! Ты чего там, на подоконнике сидишь? — внезапно раздавшийся от двери громкий голос Сун Ок, заставил меня вздрогнуть от неожиданности, — тебе там не холодно? Ты не замёрзла? Иди, скорей, переодевайся! Я привезла твои вещи. Поедешь домой, красивая, как принцесса! Я взяла твою любимую юбку! Ты помнишь свою юбку?

Юбку?! Я? Свою?....Помнишь?

От вопроса сестры Юн Ми я впал в то чудное состояние ума, когда в голову не приходит ни одного вразумительного ответа...

\* \* \*

Такси, большой и просторный автомобиль серебристого цвета и неизвестной мне марки, мягко покачиваясь на рессорах, неспешно везёт меня по городу. Сижусь сзади, один, на удобном сиденье, смотрю в боковое окно на неторопливо проплывающие мимо незнакомые дома и улицы. Сун Ок — сидит на переднем сидении, рядом с водителем. Мама Юн Ми — ждёт нас дома. Готовит встречу. Обстановка в машине несколько напряжённая. Это я виноват. Нужно было всё же сначала подумать, какой может быть реакция на мой вопрос — «А как называется этот город?», а уж потом его задавать. Услышав, что я спросил, сестра Юн Ми снова расстроилась, что я ничего не помню, а водитель, пожилой кореец с плоским и хитрым лицом, похожий на японца — сильно удивился. Ну что

ж, «ляпнул» не подумав. Бывает. Зато я теперь знаю, что это — Сеул, столица Кореи. А «ляп» простителен, ибо нахожусь я в некотором ошеломлении. Во-первых, это мой первый выход под открытое небо из уже знакомого и безопасного убежища — больницы. А во-вторых, это — одежда! Женская одежда! Обычно я её с кого-то снимал... Нынче же, процесс прошёл в другом направлении, заставив вернуться меня к мыслям об отработке кармы. В итоге, в завершении процесса, на Юн Ми были надеты: трусы, майка, жёлтая рубашка с длинными рукавами, чёрная, плиссированная юбка с двойной блестящей окантовкой по низу, зелёного оттенка кофта, плотные тёплые колготки коричневого цвета, чёрные ботинки на шнурках и вязаная шапочка из разноцветных ниток с помпончиком, прикрывающая лысый череп. После того, как врачи сбрили волосы на голове, расти они особо не спешат.

Сун Ок оказала неоценимую помощь по натягиванию колготок. Постоянно перекручивались! Пфффф, ну что за одежда?

Единственным светлым моментом в процессе одевания стало отсутствие в комплекте одежды — «сиськоуловителя». У Юн Ми, ловить им нечего. Грудь совсем маленькая. Можно и без него.

Юн Ми оделась, и мы, с её сестрой, прошлись по этажу, заглянув в несколько кабинетов. Поблагодарили врачей и медсестер. Низко кланялись, распевно произнося — *камсайамнидаа-а*<sup>[10]</sup>! Я повторял поклоны за Сун Ок, широко улыбался и помалкивал, прислушиваясь к своим ощущениям от одежды. Такое чувство, что ноги чем-то сжаты и голые... И как-то неудобно, когда все видят твои ноги... И снизу, как будто... поддувает. Пффф...

В кабинетах, все нам радостно улыбались, кивали в ответ и желали здоровья. В общем, больницу мы покинули на волне позитива. Спустились на лифте вниз, в большой холл с квадратными чёрными колоннами вдоль стен и блестящим, зелёного оттенка, мраморным полом.

Не слишком ли солидный холл, для больницы? — подумал я, оглядев обстановку.

Пока я озирался, Сун Ок вновь полезла в свою большую, ярко-синего цвета сумку, в которой принесла с собой одежду для меня, достала короткий, красный пуховичок и надела его на Юн Ми. Сама застегнула молнию, сама защёлкнула все «кнопки», поправила воротник. Я стоял — только глазами «лупал», не возражая, резонно решив, что она уж-то точно лучше меня знает, чего и как тут нужно делать. А если знает, то пусть и делает...

Наконец, дополнительно утеплившись, мы вышли на улицу. После

почти двух недель, проведённых в помещении, воздух был невероятно вкусный. Пах холодом, машинами, каким-то дымком, асфальтом, сухими листьями и чем-то ещё, незнакомым, но приятным. Кажется, специями. Но не успел я с удовольствием несколько раз вздохнуть полной грудью, как к нам уже подъехало такси. Надышаться не вышло. Сун Ок быстро усадила меня в машину и закрыла за мною дверь. Вот, едем теперь по городу, «к себе домой».

— Юн Ми, как ты себя чувствуешь? — спрашивает, развернувшись ко мне, Сун Ок, — ничего не болит?

— Хорошо. Ничего.

— Тебе не жарко?

— Нет.

— Тебе не холодно?

— Нет, — отрицательно качая головой я, и односложно отвечаю, — всё хорошо.

— Эх, — сокрушённо говорит она, качая головой, при этом сморщившись и слегка скалясь, так, как это умеют делать корейцы, — я так переживаю за твоё здоровье! Наверное, нужно было тебе ещё побыть в больнице!

— Нет, всё хорошо, — вновь говорю я.

Это она уже третий раз спрашивает. Очень беспокоится. По-моему впечатлению, мне кажется, что у Юн Ми хорошая, дружная семья, в которой люди действительно любят друг друга. Мама и сестра Юн Ми искренне волнуются и заботятся о ней. Отца, как я знаю, в семье нет. Умер десять лет назад. С тех пор они живут без мужчины в доме, вдвоем — мама, Сун Ок и Юн Ми. Сун Ок старше Юн Ми. Учится в институте. В каком именно и на кого — я ещё не спросил. Знаю, что семья живёт где-то на окраине города, в доме с магазинчиком, который принадлежит матери Юн Ми. Больше ничего о семье мне неизвестно. Не расспрашивал. Решил разузнать обо всём в более подходящей обстановке.

— Скоро уже приедем, — вновь обернулась ко мне Сун Ок, — немножко уже осталось. Ты счастлива, что едешь домой, Юн Ми?

— Да, — односложно говорю я, стараясь выглядеть воодушевлённо.

— Мама, дома, тебе столько вкусного приготовила! И твоё любимое *пульткоги*<sup>[11]</sup>!

— А... хорошо...

— Ты не рада?

— Почему? Рада. Просто я не помню, что такое — *пульткоги* ... Прости...

Сестра Юн Ми несколько секунд молчит, затем кивает и разворачивается в кресле, садясь прямо. Замечаю внимательный взгляд водителя такси, смотрящего на меня через зеркало заднего вида. Я отворачиваюсь и снова смотрю в окно.

За окном — современный город. Широкие улицы, высокие здания из стекла и стали. Много магазинных витрин. Много ярких рекламных щитов. Много машин. Много людей на скутерах и небольших мотоциклах. Много больших автобусов. Много пешеходов. Короче говоря — столица.

Машина въезжает на мост через широкую реку. Вдали, на горе, замечаю тонкий серый шпиль телевизионной башни с толстой «нахлобучкой» недалеко от верхушки.

Наверное, оттуда — потрясающий вид на город... Нужно будет как-нибудь сходить, посмотреть...

Переезжаем мост, гора и телебашня башня скрываются слева за домами. Едем дальше. Дома потихоньку становятся ниже, дорога пошире... Водитель поворачивает направо, съезжая с автотрассы. Теперь путь пролегает по неширокой улице, вдоль которой, за каменными и металлическими заборами, выстроились в ряд невысокие, в два-три этажа, дома. Причём дома, по степени своей крутизны, идут вразнобой. Шикарные домики-котеджи современного европейского дизайна, спокойно соседствуют с домами попроще, а то и с постройками откровенно «халупистого» вида. Появилась лёгкая холмистость. Дорога «заиграла» вверх-вниз, вверх-вниз... Когда такси забирается на верхушку холма, в окно видно уходящее вдаль море таких же небольших домиков, мимо которых мы сейчас едем. Похоже, это уже край города. Наконец, сворачиваем налево, в проулок, и заехав в какой-то малюсенький дворик, машина останавливается.

— При-еехали! При-еехали! — дурашливым голосом радостно произнесла два раза Сун Ок, открывая дверь, — Юн Ми, выходи!

Послушно вылезаю из машины. В некоторой растерянности озираюсь по сторонам, не зная чего дальше делать.

— Юн Ми! Ты чего стоишь? А ну, давай, пошли! Мама уже, наверное, совсем заждалась!

Куда идти-то?

— Пойдём, пойдём! — позвала Сун Ок, направляясь к дверям в стене дома, в которой кроме двери не было больше ничего. Одна голая стена. До того, как меня позвала Сун Ок, я стоял к ней спиной.

Вздохнув, я пошёл за нею следом, зашёл в открытую ею дверь и попал в небольшую, слабо освещённую электрическим светом, прихожую.

Огляделся. Слева, у стены — аккуратный деревянный шкафчик с обувью, вешалка для одежды с тумбочкой-сидением под ней. Справа — стена. Вкусно пахнет едой.

— Ма-ма! Мы дома! — громко закричала Сун Ок, нагнувшись и стягивая с себя уличную обувь, — Мам! Юн Ми вернулась!

— Раздевайся! — скомандовала она, оглянувшись и увидев, что я просто стою.

Я расстегнул и снял с себя пуховичок, повесил на вешалку. Снял шапку, провёл ладонью по чуть вспотевшей голове, чувствуя, как коротенькие волосы колют ладонь. Сун Ок, не сняв уличной куртки, убежала куда-то вперёд, видно к маме Юн Ми. Я, не торопясь, снял ботинки, аккуратно поставил на полочку в шкафчик. Надел стоявшие задниками ко входу розовые тапочки и вздохнув, сделал несколько осторожных шагов по полу из светлого дерева, думая при этом об одной «штуке», внезапно пришедшей мне в голову.

Сестры у меня нет. Поэтому, обратится к Сун Ок — «сестра», ничего сложного. Это не вызывает в моей душе антагонизма. Но как быть с мамой Юн Ми? Несомненно, мне следует называть её мамой. Но ведь у меня же есть своя, настоящая, мама. Мысль о том, что я буду говорить чужой женщине — «мама», мне неприятна. Такое чувство, словно я какое-то предательство совершу... И как быть?

— Юн Ми, доченька! Ты приехала! Я так тебя ждала! Бедная ты моя девочка!

Не успел я и как говорится «мявкнуть», как меня крепко сжали в объятиях. Дальше, меня обнимали, целовали, прижимали, говорили, что я — «бледная», с синяками под глазами, отощавшая, уставшая... Короче, со мною делали всё то, что обычно делают женщины, встречая после разлуки своих детей. Я стойко все переносил тяготы, терпеливо ожидая окончания, поскольку у меня есть опыт подобных встреч. Не особо-то она, в общем-то, отличается от тех, которые устраивала мне на первом году учёбы мама, когда я, поступив в институт, заселился в общежитие и стал редко появляться дома...

Сун Ок тоже приняла участие в «радости», слегка потискав и пообнимав меня. Но, всё когда-то кончается. Наконец, мама Юн Ми выпустила меня из объятий.

— Мои дети дома, — улыбаясь, произнесла она, пальцами вытирая слезинки в уголках глаз, — теперь моё сердце спокойно. Пойдёмте, поедим вместе!



- Сун Ок, где твоя сестра?
- Мам, она пошла в интернет. Я включила ей ноутбук. Она в нашей комнате.
- А-а, хочет посмотреть, что ей подружки написали?
- Ну-у, не знаю, удастся ли ей это...
- Почему?
- Ма, она забыла все пароли! Как она посмотрит, если не сможет никуда войти? Сидит, пытается вспомнить.
- Аджжж! У меня сердце кровью обливается, когда я на неё смотрю! Ты видела, как она держала палочки для еды? Так, словно впервые взяла их в руки?
- Да. Так странно...
- Вся моя радость уходит, когда я вижу Юн Ми такой... потерянной.
- Мам, доктор говорил, что может быть нарушение правильности движений. Помнишь, он назвал это — моторикой? Может, с её пальцами, это оно и есть? По её виду — она совсем палочками есть разучилась!
- Ох... Неужели это те последствия, о которых говорил доктор? И вкус у неё изменился. Сказала, что всё очень острое... А я ведь совсем чуть-чуть специй положила! *Пулькоги*, своё любимое, всего кусочек съела... А кимчи<sup>[12]</sup> вообще есть не стала... Как такое может быть? Что это с ней? Может, у неё живот от лекарств болит?
- Мама, доктор сказал, что нужно подождать. Помнишь, она забыла, как ходить нужно? А сейчас нормально ходит. Всё вспомнила! И компьютер помнит, как с ним обращаться нужно. Просто память к ней медленно возвращается. Но она — обязательно вернётся. Вот увидишь! Мама, пожалуйста, не беспокойся.
- Ох, Сун Ок, я так на это надеюсь. Но одной надежды мало. Я ей завтра сварю «здоровый супчик».
- Маа-а! Ну не надо!
- Почему? Ей нужно поправляться. А ты знаешь, какой он полезный? Люди говорят, что он даже от туберкулёза вылечить может! Ты слышала об этом?
- Ма! Юн Ми же сказала, что не будет есть его никогда! Ты помнишь, как она тогда плакала, когда узнала, что он сварен из маленьких собачек?
- Ну-у, это давно уже было...
- Хочешь, чтобы она опять расстроилась?

— Она сейчас об этом не помнит. И ничего страшного не случится, если она его немножко покушает. Пользы от этого будет гораздо больше, даже если она потом расстроится. Я уже сделала заказ. Завтра привезут мясо.

— Мам, ты такая упрямая! Зачем спрашиваешь, если уже всё решила?

— Ну, нужно же мне с кем-то советоваться, Сун Ок?

\* \* \*

Сижу перед монитором, торопливо сканируя сеть с невыполнимым желанием — за раз впихнуть в себя всю информацию. Сун Ок тактично оставила меня наедине с компьютером, решив, что я хочу посмотреть свои личные сообщения в соцсети. Не стала смущать младшую сестру. Спасибо, конечно, за такое вежливое обращение, только вот прочитать мне ничего не суждено. Во-первых — я кода доступа не знаю, к этой сети, а во-вторых — оно мне нужно? Как только Сун Ок ушла, оставив меня сидеть перед открытым на экране «окном» для ввода пароля, я быстренько его свернул и ринулся в сеть.

Первое, с чего я начал — посмотрел карту мира. Выяснил, что земля здесь тоже — круглая, материки — такие же и столько же, очертания их — похожи на наши, крупные острова — вроде там же. С этим всё понятно.

Потом полез искать — есть ли Россия? Есть! Так же называется, там же находится и размеры страны — такие же. Москва — столица. Тоже хорошо!

Затем изучил результаты поиска по своему запросу — «основные исторические события». Я собственно в истории не очень разбираюсь, так, помню, в общем-то, только основные моменты, но и моих знаний хватило для того, чтобы заметить различия. Во-первых, здешние сроки войн, и первой и второй мировой, и войны 1812 года, не совпадают с нашими. Войны, примерно в то же время — были, называются так же, но начались они и закончились в другие годы. Во-вторых, исторические деятели. Совпадений нет. Никаких! Ни Ньютона, ни Королёва! Странно это всё конечно, но должен же этот мир чем-то отличаться от моего? Гуань Инь сказала, что он — очень похож. Да, действительно, похож. Есть отличия с которыми нужно будет разобраться... Но, это после. Сейчас, пока меня от компа не отогнали, нужно быстро посмотреть, что это за страна, в которую я попал? Хотя какое-то представление составить, о том, что меня может тут ожидать...

Набираю запрос — Южная Корея. Набираю по-русски. Я не стал заморачиваться английским, сразу пошёл на русскоязычные сайты. Зачем мучить английский если есть — русский?

Комп обновляет изображение на экране, вываливая на него новые ссылки.

— Так, — шепчу я себе под нос, — ну и что тут у нас?

«...Республика Корея — государство в восточной Азии, расположенное на Корейском полуострове. Столица — Сеул. Неофициальное название страны, широко употребляемое в средствах массовой информации, — Южная Корея...»

Ага...

«...По-корейски, Республика Корея называется *Тэхан мингук*. Чаще используется сокращение полного названия — *Хангук*...»

Окей, не возражаю...

«...Главой государства в Южной Корее является президент. Нынешний президент Пак Кын Хе, первая женщина-президент, представляющая партию Сенури, была избрана в 2012 году...»

Женщина-президент? В Азии? Ну что, круто... Так, сейчас у них тут февраль 2014 года... Тот же год, что и у нас. Понятно...

«...Женщинам в Южной Корее запрещено носить излишне откровенную одежду. Под „излишне откровенной одеждой“ понимается та, которая „провоцируют чувство стыда и дискомфорта у окружающих...“»

Не понял? Женщина-президент и такая фигня в стране? Как их феминистки с потрохами не сожрали за такое? Или тут феменисток нет? Забавно, если так...

«Республика Корея занимает южную часть Корейского полуострова...»

Ага.

«Общая площадь страны — 99 617,38 квадратных километров...»

Не важно...

«...Республика Корея является экономически развитым государством с высоким уровнем доходов на душу населения...»

Это хорошо...

«...Крупнейший в мире судопроизводитель (45 %-ная доля рынка). Большой спрос в Китае на корейские товары, особенно автомобили...»

Сорок пять процентов мирового рынка — это дофига... Во куда нужно устраиваться переводчиком — в судостроительную компанию! Наверное, платить там должны неплохо.

«...Экономика Южной Кореи по состоянию на 2008 год является 13-й в мире по валовому внутреннему продукту и 15-й в мире по номинальному ВВП. Валовой национальный продукт на душу населения вырос со 100 долларов США в 1963 году, до более чем 20 000 долларов США в 2005 году...»

Количество нулей на одну душу выглядит весьма позитивно...

«...Корейцы являются коренным и основным народом. По результатам переписи 2007 года население Кореи составило 48, 678 тысяч человек..»

Сорок восемь с половиной лямов для такой территории? Наверное нормально. В нашей Японии почти 130 миллионов сидит. Всегда, когда слышу эту цифру, думаю — «Как они там все помещаются»? В России, населения — сто сорок миллионов. Но нашу территорию с ихней-то — не сравнить...

Так, что тут дальше? Техника... энергетика... транспорт... В данный момент это не актуально. Что ещё?

«...Основные религии в Южной Корее — традиционный буддизм и относительно недавно проникшее в страну

христианство...»

Буду иметь в виду... Так, тут всё понятно, а что пишут нам на другом сайте?

**«...Южная Корея** (*тэхан мингук, Республика Корея (Р.К.), Страна утренней свежести*) — государство в южной части корейского полуострова, родина доширака, чокопая, самсунга, элджи, тхэквондо, и множества геймеров-ноулайферов. Несознательными гражданами путается с Японией (что простительно: субподрядчики, рисующие львиную долю аниме, расположены именно в ЮК). Говорят, что характерно, на корейском языке, пишут хангылем (который алфавит, а не иероглифы) и ханччой (которая таки да)....»

Хм, забавная подача материала... С юмором.

**«... Чем известна...**

**Девайсы и автомобили** — производят over 9000 электронных девайсин (мобилки, смартфоны, тель-авизоры) и самобеглых повозок, которые, из-за своей относительной дешевизны и приемлемого качества, пользуются спросом у широких слоёв населения: „Daewoo“, „Samsung“, „LG“, „Hyundai“, „Kia“, „SsangYong“ совместные русско-корейские „QUMO“, десятки их. Также производят комплектующие, вроде чипов памяти, которые используют сторонние производители (китайцы, японцы) — Hynix и Samsung на пару закрывают до 60 % всего рынка памяти в мире. Так как китайский дядюшка Ляо с самодельным паяльником и треснутыми очками пока не проник в наномир, то цены на память зависят от ситуации в Р. К.

**Игрота** — значительная часть популярных задротских MMORPG было рождено именно в южной части корейского полуострова. А среди заинтересованных лиц там бешеной популярностью пользуются любые задротские электронные развлечения, особенно Star Craft.

**Гитаристов** — порой радуют корейские гитары „Ibanez“ и „PRS“ среднего ценового сегмента; 10 лет назад львиная доля среднеценовых Ибанезов лепилась именно в Корее. Ныне же производство таких гитар перекочевало в Индонезию, которая

отдала Китаю производство дешёвых Ibanez GIO.

**Доширак** же.

**Тхэквондо** — ногомашеская разновидность мордобойного спорта.»

Пффф, всё в принципе, так же как у нас... И фирмы с теми же названиями...

«...Южнокорейцы сильно зависят от внешней политики США, но при случае не упускают возможности и сами взять штурвал на себя — особенно если расхлёбывать весь негатив будут Штаты. Также РК дружит с Китаем (стал в 90-е основным партнёром в регионе), Японией (несмотря на разногласия по вопросу принадлежности пары каменюк в Японском море и географического названия самого моря, а также тёплую любовь к джапам по поводу милого периода совместной истории) и Россией (у которой копипастит ракетные технологии)...»

Вау! И тут наши ракеты продают!

«... **Экономика и промышленность**... Клеят разные машинки, паяют электронику; вдобавок страна — лидер в поклейке корабликов: на 2011 год контролировала около 40 % мирового рынка судостроения, обогнав на нём япошек ещё в 2003. Среди топ-10 судоклепательных компаний мира корейских — аж 7 штук. Крупнейшая в мире верфь — тоже здесь, ну и вообще...

Основную роль в экономической жизни Кореи играют **чеболи** — корейские корпорации, аналогичные японским „Дзайбацу“, существовавшим до конца Второй мировой. Упомянутые выше *Samsung*, *LG* и являются фирмами подобного типа. Власть в этих фирмах, как правило, передаётся по наследству. Отличительная черта корейских корпораций — многопрофильность: под эгидой одной фирмы могут работать до чёрта мелких субподразделений, занятых в совершенно различных сферах, от пищевой до ракетно-космической. Коррупция в Корее полностью побеждена — путём безоговорочной сдачи ей в плен. Всё настолько плохо, что даже хорошо — коррупционная система легко и ненавязчиво слилась с

„легальной“ экономикой в неистовом экстазе, дополняя и усиливая последнюю. Выдрать её оттуда, без риска грохнуть всю экономическую систему, не представляется возможным. Зато гаишники там взятки не берут, вот.

Государственная пенсионная система никогда не существовала. Крупные корпорации имеют собственные пенсионные фонды. Крестьянин? Рожай больше детей — авось обеспечат в старости, если хикковать не станут.

Положение работяги в Южной Корее, как ни странно, куда хуже положения его коллеги в РФ — в том числе и на южнокорейских предприятиях, где уже выучили слово „щебаль“. Про „азиатского тигра“ слышали даже дети, а вот то, что забастовки в Южной Корее обычно кончаются кровью, известно не столь широко. С точки зрения „корейского менеджмента“ единственный закон, действующий на территории предприятия — правила компании и корпоративный кодекс, по которому, к примеру, разговоры о профсоюзе — уже повод для выписывания люлей, а любая марксистская литература — вещдок в суде. „Заёмный труд“ и срочные контракты в Южной Корее процветают пышным цветом — средний корейский работяга работает немерическое количество часов, если верить статистике. Красноречиво и то, что по показателю самоубийств Южная Корея в полтора раза обгоняет Россию с её 20 жмурами на 100k населения... [\[13\]](#)»

Мда? Как-то сурово тут у них...

«...**Армия.** Призывная, 700k юнитов: а как же, когда на севере коммуняки? Призываются поголовно ВСЕ носители яиц, белый билет получают лишь ущербные инвалиды и откровенные уголовники, остальные могут получить лишь отсрочку на окончание учёбы. Дедовщина возведена в официальный метод воспитания. Вооружены импортными танчиками и самолётками, среди которых затесалось даже несколько образцов из этой страны (Т-80У, например). Активно пытаются клеить собственную броне- и авиатехнику и ею же вооружаться, получается пока что-то невнятное.

В случае войны вся южнокорейская армия полностью переходит под командование США. Данный факт порождает

настроения „СШАшка всё сделает за нас!“. В итоге стратегов в армии РК нет как класса.

Далее стоит проблема полного и безоговорочного отсутствия боевого опыта. Войсками рулят амбициозные карьеристы, для которых война — это что-то полувиртуальное, с веспенем и минералами. Таким образом, самостоятельная боеспособность данной армии вызывает определённые сомнения.»

Хмм...

«...Главное в жизни Р. К., если обобщённо — это иерархичность (младшие подчиняются старшим), патриархальность (бабы ничего не решают) и престиж...»

Ну, в Японии так же... О! Вот это интересно! Гендерная ситуация...

«... **Гендерная ситуация.** Долгое время в Корее считалось, что удел „приличной девушки“ из среднего класса — только дом и дети, и работать она не должна в принципе. А раз так, то и высшее образование ей, как козе баян или обезьяне граната. Так было годов до 60-х, когда мамочки начали пропихивать дочурок в вузы для того, чтобы те там знакомились с перспективными молодыми людьми. Естественно, самые перспективные были в самых элитных вузах, руководство которых, видя, что сии особы не осваивают даже начальную программу, запилило специальные факультеты домоводства, где не было ничего лишнего. Только домоводство и домашние финансы (деньги, кстати, муж по традиции полностью отдаёт жене).

70-е — диплом вуза становится обязательным атрибутом потенциальной Жёнушки, желающей пожизненно приносить тапочки своему Хозяину, за его бабло. Желание работать по специальности решительно пресекается.

80-е. Профсоюзы таки выбили право баб оставаться на работе после замужества. Но это мало что поменяло — они, как были мебелью в униформе с функцией „принеси кофе“, так ими и остались. Реальных дел им не доверяли.

Ну и наконец, девяностые и наше время: девки учатся работать, могут работать, хотят работать — но им не доверяют ничего сверх подшивки бумаг да всё того же кофе. И форменной



юбки, обязательной для носки в пределах фирмы. И зовут „кофейными барышнями“. Поэтому бабы, хоть сколь-нибудь рубящие в матане, предпочитают работать на представительства иностранных компаний, а то и вообще укатить на тракторе в закат, в Эуропу или САСШ — там сделать карьеру можно. И наконец-то отменили уголовную статью, грозившую за супружескую измену тюремным сроком в два года и действующую в основном на баб.

Это всё было про представительниц среднего класса и илитки — а бедная, ничем не примечательная тётка впахивала всё это время на ткацких фабриках, сборочных производствах, на огороде мужа-фермера. В последнем случае — практически за бесплатно. А некоторые плевали на всё и шли в проститутки, где могли тоже „сделать карьеру“, отдавшись кому-нибудь из сливок общества.

В Корее годов до девяностых любая невеста была обязана быть девственницей. Мужик — нет. Создавшуюся проблему и решала весьма развитая сеть борделей, куда катались за секасом даже из Японии. Хотя проституция в Корее как бэ запрещена с 1948 года, всем как обычно... И стоило только президенту Но Му Хёну в 00-х привести taki закон в исполнение — проститутки быстро самоорганизовались в профсоюзы и под лозунгом „всё равно я работать не буду!“ провели серию шествий и пикетов, продемонстрировав обалдевшему с таких раскладов гаранту конституции мать Кузьмы.

Но проституция и сама потихоньку начала загнивать в Корее, ибо даже туда докатилась сексуальная революция, пусть и в несколько искажённом виде: теперь боязливые куны посредством официантов знакомятся с девками в спецзаведениях для съёма — „найтах“, а совращают их в „лав хотелях“ — заведениях с почасовой оплатой помещения (содранных с соседней Японии). Но женятся большинство из кунов всё равно под контролем родителей: некоторые настолько замордованы учёбой/работой, что не то, что подойти — посмотреть на живую бабу боятся, ибо навыков самостоятельного контактирования с представителями внеземных цивилизаций никаких, да и времени нет. Бабам же тем паче по определению положено быть робкими и боязливыми.

И тут, когда у родителей куна таки появляется решение женить своё непутёвое дитяtko, внезапно встаёт дилемма — баб

фертильного возраста в Корее внезапно на 500 тыс. меньше, чем мужиков. И если городские мажоры обделёнными не останутся при любых раскладах, то сельские пацаны плачут горячими слезами: последняя селянка свалила в Сеул прочь от картошки, риса, четырёх стен и тотального патриархата, который из корейской дярёвни и не исчезал никогда. Вначале пытались импортировать китайнок — но те валили вслед за корейнками в Сеул в первые же секунды получения вида на жительство. Потом остановились на вьетнамках — и это было взаимовыгодное соглашение. Вьетнамские провинциалки рады перебраться из Чжунглей в тёплый дом со спутниковым ТВ и привычны к тяжёлой сельской пахоте. В итоге на этом выросла целая брачная индустрия — около 10 % браков нонче в Корее заключаются с представительницами зарубежных государств. Впрочем, в этом плане Корея не уникальна, вьетнамские невесты популярны и в Китае (а что поделать, одна семья — один ребёнок, и это, как правило, мальчик)...»

\* \* \*

— Юн Ми, ты вспомнила пароль?

Неожиданно раздавшийся из коридора громкий голос Сун Ок заставил меня вздрогнуть. Я торопливо закрыл окно сайта русского сайта, там, где я был и снова «развернул» во весь экран приглашение ввести пароль.

— Вспомнила? — спросила Сун Ок, открыв дверь и заглядывая в комнату.

Я, молча, отрицательно покачал головой.

— Не расстраивайся. Потом вспомнишь. Пойдём пить чай. Там мама всего столько вкусного к чаю сделала! Ты тут не замёрзла?

— Нет, а что?

— Опять наш котёл засорился. В низу нормально греет, а тут, наверху — плохо. Нужно мастера вызывать, чтобы почистил.

— А-а... понятно.

— Сколько уже раз говорила маме, чтобы не покупала это дешёвое масло. Всё равно потом за ремонт платить приходится. Почему она меня не слушает?

— А что за масло? — поинтересовался я, закрывая ноутбук и вставая из-за стола.

— Ну, для котла. Котёл же маслом топится.

— Аа. а! — снова глубокомысленно сказал я, не очень понимая о каком масле, идёт разговор. У нас, на Земле, насколько мне известно, в котлах сжигают либо газ, либо уголь, либо дрова. О каком масле идёт речь? Может, это нефть — «земляное масло»? Или я опять неправильно что-то понял?

## Шкурка пятая

*Место действия:*

*Небольшая прямоугольная комната без окон с высоким белым потолком. Вдоль трёх стен — стеллажи с узкими деревянными полками. Четвёртая стена — вход в комнату, закрываемый раздвижными дверьми с белыми матовыми стёклами. Мебели практически нет. Лишь у стены, напротив входа — невысокая длинная тумбочка со стоящим на ней плоскопанельным телевизором. Ещё есть низенький тёмно-коричневый столик, на котором теснятся маленькие блюдечки с едой. Посредине стола, парит парком из носика пузатый керамический чайник с маленькой крышкой. Из коричневой глины, в цвет столику. Пол в комнате — паркетный, цвета светлого дерева, покрыт лаком. Большое количество в комнате золотисто-жёлтого дерева делает её уютной и тёплой на вид.*

Сижу, вместе с родственниками Юн Ми на полу, рядом со столиком, на круглом мохнатом коврикe тёмно-коричневого цвета, пью какой-то цветочный отвар и смотрю, вместе с ними, телевизор. Они все — в нём. Похоже на то, что в этом доме просмотр сериалов — семейная традиция. Ну, а что ещё могут женщины делать вечерами? Конечно, только смотреть по ТиВи. А что они могут смотреть? Тут даже ежу понятно — сериалы. По телеку как раз и показывают дораму. «Осколки сердец» — так я перевёл название, появившееся в начале серии. Хотя, возможен и другой вариант перевода. Например — «Разбившиеся сердца». Да, мой корейский... плачет крокодильими слезами. Нужно срочно подтягивать.

Сидеть на полу неожиданно комфортно. Я думал — ноги затекать будут. Но нет — ничего подобного. Может причина этого в конструкции женского скелета? Девчонки вечно норовят сесть в какой-то странной позе не испытывая при этом видимого неудобства. Да, наверное, причина в этом. Плюс коврик мягкий, плюс разноцветные подушки набросаны, которые можно положить под локоть. А ещё, на полу приятно сидеть, потому что он — тёплый. Это вообще классно. Отлично придумано. На моей Земле, корейцы утверждают, что именно они, первыми в мире, придумали тёплый пол — ондол. Придумали и пользуются, чуть ли не со времён средневековья. Суть его устройства проста. Берётся печь, например, для готовки еды и ставится у одной из стен дома, а дымоход от неё, направляется под дом, в подпол. Сам пол кладётся на каменные столбики

— сваи. Горячий воздух от плиты проходит между ними, нагревает снизу доски пола, нагревает камни свай и выходит через вытяжную трубу, сделанную у противоположной стены дома. Пока готовится еда — нагревается пол, который в свою очередь, нагревает затем воздух во всех помещениях. Сейчас, в современных домах, печного отопления, конечно, уже нет, но система обогрева осталась прежней — через пол. Только сейчас его нагревают либо электричеством, либо горячей водой. Поэтому, корейцы ходят по дому только в тапочках или босиком, так как пол должен быть всегда чистым, поскольку на нём сидят, едят и спят. Похоже, тут то же самое, что и на моей Земле. Мне тоже дали — «мои», домашние тапочки. Мохнатые, ультра-сиреневого цвета. Где только такие продают?

В этот момент по телеку «пошла» реклама.

— Юн Ми, тебе нравится дорама? — оборачивается ко мне от телевизора мама Юн Ми.

— Угу, — киваю я.

— А ты помнишь, что было в первых сериях? — тоже оборачивается ко мне Сун Ок, — мы ведь тогда только первые три или четыре успели посмотреть, до того, как ты попала в больницу.

— Уку, — отрицательно мотаю я головой, — не помню.

— Даже *Ли Хон Ки* не помнишь? — поразилась Сун Ок, — Он ведь тебе нравился. Он играет главную роль в этой дораме. Правда, он — красавчик?

Главный герой — красавчик? Пффф... вот уж не сказал бы.

— Нуу... — неопределённо отвечаю я, делая задумчивое лицо, — наверное, да.

— Эй, Юн Ми, у тебя что, поменялся вкус? Тебе стали нравиться другие парни?

— А они мне нравились? — насторожившись, спрашиваю я.

— Конечно. Всем девушкам нравятся парни-артисты. Что в этом такого?

— Наверное, ничего, — пожал плечами я, поняв, что речь идёт о кумирах телеэкрана, — только я... не помню.

— Сун Ок, не тормози её, — сказала мама Юн Ми, — дай ей придти в себя. Лучше позаботься о своей сестре — положи ей что-нибудь. А то, смотри, она один чай пьёт. Юн Ми, дочка, разве не вкусно мама приготовила? Почему ты не чего не ешь?

— Вкусно, — кивнул я головой в подтверждении сказанного, — просто... много всего, сразу...

— Мама у нас всегда много готовит, — сказала мне Сун Ок, деловито

накладывая что-то в маленькую плошку.

Что-то красное. Издали похоже на томатную пасту.

— На! — протянула она мне плошку, наложив в неё «с горкой», — поешь!

— Что это? — поинтересовался я, беря её из её рук.

— Попробуй! Тебе раньше нравилось.

— Ах, дети, дети. Как хорошо, что вы дома, — с доброй улыбкой, произнесла мама Юн Ми чуть качая головою, — смотрю на вас, и моё сердце плачет от счастья... Если бы отец видел, какие вы стали уже взрослые и красивые!

— Ма... — чуть нахмурившись, ответила Сун Ок, — всё хорошо, мама.

— Да, Сун Ок, всё хорошо. Мои дочери рядом со мною. Что ещё нужно матери для счастья?

В этот момент, по телевизору, началось продолжение дорамы. Женщины перевели своё внимание с меня на экран. Я тоже, автоматом, «переключился» туда же. За время учёбы в институте у меня появилась привычка смотреть все передачи на иностранных языках. Если вижу что-то подобное — сразу «врубаюсь», слушаю. Нарбатываю слуховое восприятие чужой речи. А именно про дорамы могу сказать, что разговоры в них — упрощённые, близко приближенные к обычному, разговорному языку. Смотреть их, как дополнение к разговорной практике, рекомендовали в институте...

Блин, что это?! Сладкие помидоры?! Тьфу, какая дрянь!

Красное, в той плошке, что мне наложила Сунн Ок, оказалось помидорами с сахаром, да ещё с добавкой какой-то приправы, напоминающей по запаху кинзу. Вот чего никогда не любил, так это кинзу и сладкие помидоры! Помню, в институте, когда нужны были маринованные помидоры, всегда старался найти в магазине банку, на которой в составе продукта не указан сахар. А то поналожат сахара — в рот не взять! Помидоры должны быть солёные и уксусные. Вот это нормальный продукт! А закусывать сладким — бррррр...

— Вкусно? — обернулась ко мне Сун Ок.

— Угу, — криво улыбнувшись, угукнул я, плотно сжав губы.

— Кушай! Тебе нужно хорошо кушать после больницы, — сказала она и снова повернулась к телевизору.

Я же, осторожно двигая челюстями, брезгливо, несколько раз «жевнул» попавшую мне в рот гадость и, сделав некоторое усилие над собой, проглотил. Было большое желание выплюнуть, но не хотелось

огорчить присутствующих. Особенно маму Юн Ми. Старалась, наготовила гору всего, чтобы побаловать дочь. Она же не виновата в том, что я — не её дочь? И мне не нравится то, что нравилось ей. А с другой стороны — я тоже не могу, есть подряд всё, что только мне предлагают. Тут всё какого-то странного вкуса, куча приправ и всё «реально» острое. До сегодняшнего дня я был убеждён, что корейская кухня это — круто! Однако, столкновение с действительностью, как говорится, «обнаружило подводную часть айсберга». Похоже, настоящая корейская кухня это совсем не то, что втюхивают под её видом у нас и мне придётся привыкать к местной пище. Хотя это странно. Юн Ми это ведь ела? Ела! Ела и ей нравилось. Но у меня же тот же рот, тот же язык. Всё её. Почему же я тогда это есть не могу? Получается, что вкус — он где-то «в голове хранится»? Вместе с душой? Иначе, как объяснить то, что он у меня остался прежним? Да ладно, бог с ним. Не так уж важен сейчас этот вопрос. Есть более важное, о чём следует размышлять — что мне делать дальше? Сейчас нужно думать о том, как устроиться в этом мире, как найти занятие, которое станет в нём источником моего существования и как, наконец, «выпрямить» свою вторую часть кармы. Вот о чём следует мне думать, а не о том — «какая гадость эти ваши помидоры!»! Не сдохну я же от них, в конце-то концов... Судя по первой, «ухваченной» из иннета информации, иметь женское тело, здесь, автоматом значит — иметь проблемы. Что это за такое ихнее — «девки хотят работать — но им не доверяют ничего кроме подшивки бумаг и кофе»? Если, допустим, при раздаче, кому-то вдруг досталось не то тело, так это что же получается — я всю жизнь теперь должен посвятить подшивке бумаг и бегать за кофеём? Просто потому, что мне «тупо» не повезло «на раздаче»? «Ну, нифига себе!» — сказал бы я себе! Ещё и гроши небось, жалкие, платить станут. Нет, ну а кто будет обыкновенной *кофеподавальщице* платить приличные деньги? Да никто! Дураков таких нет...

В этот момент, в телевизоре, серия сериала, которую мы смотрели, подошла к концу. Зазвучала тихая печальная музыка и по экрану, снизу вверх, поплыли титры.

— Юн Ми, ну как? Тебе понравилось? — повернулась ко мне от телевизора Сун Ок, — что скажешь?

В глазах её стояли слёзы. Как я понял, сестра Юн Ми близко принимала к своему сердцу судьбу главной героини. У той же, как раз в этой серии, пошла носом кровь и, хотя диагноз врачи ещё не объявили, мне было совершенно ясно, что кроме рака, там просто ничего другого быть не может. Что я, драм не видел, что ли?

— Нуууу... Мне показалось, что герои ведут себя как-то не совсем логично, — честно поделился я своими впечатлениями, — девушка могла взять и спросить его прямо, а не слушать всех подряд. И он, тоже... Давно бы заявил в полицию на этого придурка, который людей убивал, да и всё. А он в какого-то детектива взялся играть. Нормальные люди так нелогично не поступают.

— Юн Ми, что ты говоришь! — искренне возмутилась Сун Ок, — Ты совершенно ничего не поняла! Они так поступали потому, что любят и переживают за чувства друг друга. Поэтому, у них так и получилось! Ничего нелогичного в этом нет. Да и вообще, Юн Ми! Дорамы смотрят сердцем! Поняла?

— А-а, ну да... — несколько растерянно промямлил я в ответ, — я не знала...

Чёрт же меня дёрнул за язык, критиковать сериал, в присутствии его поклонника! Что случилось с моими мозгами?

— Ты, не не знала, ты — забыла, — уверенно сказала Сун Ок, обращаясь ко мне.

Она уже улыбалась, и было видно, что она совсем не сердится на свою «глупую» младшую сестру.

— Мы с тобою будем смотреть телевизор вместе, — пообещала мне она, — если тебе что-то будет непонятно, то я тебе буду объяснять. А потом, ты сама вспомнишь, как нужно правильно смотреть дорамы. Поняла?

Пфффф... Я бы сказал — весьма сомнительная перспективка! Язык, он, конечно, нужен... Но не слишком ли это — принудительный просмотр дорам? Однако, куда деваться? Придётся соглашаться.

— Спасибо тебе, Сун Ок!

Я качнул головой я, изображая поклон.

— Юн Ми! У тебя такая замечательная старшая сестра! — с улыбкой глядя на меня, сказала мама Юн Ми.

— Конечно, — ответила Сун Ок, тоже, с улыбкой глядя на меня, — я весьма хороша, и стану ещё лучше! Правда, ма?

— Конечно, доченька. Если ты будешь хорошо трудиться, ты станешь ещё лучше!

— Сестра, вставай! — скомандовала мне Сун Ок, — Пошли, я тебе покажу дом. Чтобы ты не выглядела в нём как гостя. Пойдём!

— Пойдём, — согласился я, с некоторым трудом поднимаясь с пола.

Отметив, что ноги всё-таки, немного, затекли...

Дом оказался небольшим, состоящим из двух половин. Жилая: на



первом этаже — коридор, прихожая, ванна, туалет, маленькая кухня с отопительным котлом и зал, где мы вчера смотрели телевизор. На втором этаже — две комнаты. Побольше — сестёр и поменьше — мамы Юн Ми. На второй этаж ведёт неширокая лестница в один пролёт. Кроме жилой половины, в доме есть ещё и «производственная часть». Кафе, с оптимистичным названием — «Весёлый цыплёнок». Оказывается, я неправильно понял Сун Ок, когда она мне рассказывала о семейном бизнесе. Не магазин у её мамы, а точка общепита. Зал на двенадцать столиков, кухня. Подсобки с холодильниками, стеллажами с коробками продуктов и мешками с картошкой и луком. Ещё есть небольшой склад с выходом на улицу, в котором опять же на деревянных поддонах вдоль стен складированы продукты, упаковки с напитками, тазики и какой-то — хлам не хлам. В углу склада, у самых подъёмных ворот, я заметил «мотик», замотанный куском толстой непрозрачной полиэтиленовой плёнки так, что было видно только его заднее колесо и блестящий железный ящик на багажнике.

— Твой скутер, — сказала Сун Ок, заметив, что я смотрю на него, — на котором ты разбилась. Он сломан. Мы его так и поставили, как его привезли с места аварии.

— Да-а? — заинтересовался я, — мой скутер? А как я вообще попала в аварию? Я ведь до сих пор не знаю. Расскажи!

— Ты делала доставку. Три порции острых жареных крылышек, шесть банок пива и три *кимчи*. Я тебе их и упаковывала. А когда ты уже возвращалась, в твой скутер врезалась машина.

— То есть, виноват водитель машины?

— Да, полиция считает что так.

— И что? Что ему за это будет?

— Да ничего. В полиции он заплатил штраф, а мама подписала с ним договор об урегулировании разногласий. Он обязался оплатить твоё лечение, а за это мы не будем подавать на него в суд.

— Вот как?

— Да. Мы сначала хотели засудить его, чтобы он получил сполна. Но потом, когда выяснилось, что ты жива и нужны деньги на твоё лечение, мама подписала этот договор. Это известный человек. Он не хотел судебной огласки. Поэтому, он сразу заплатил десять тысяч долларов и обязался платить ещё, если потребуется.

— Понятно, — кивнув, сказал я.

— Если бы не ты, то мы бы подали в суд, — скрестив на груди руки и нахмурившись, сказала Сун Ок, — терпеть не могу богатеньких! У которых

полно денег и хитрых адвокатов. Всегда они выкрутятся. Но твоё здоровье было важнее справедливости. Поэтому мы так и поступили.

— Я всё поняла. Всё нормально, — сказал я и спросил, — Сун Ок, а как у нас с деньгами? На что мы живём? Есть ли долги?

Сун Ок хмуро посмотрела на меня.

— Зачем тебе это? — спросила она.

— Хочу знать, — спокойно ответил я, встретившись взглядом с её глазами, — или это — секрет?

— Мы живем на то, что приносит кафе. Ещё, я сейчас уже начала подрабатывать. Это всё, что у нас есть.

— А долги? Есть?

— У мамы есть два кредита, — нехотя, медленно произнесла Сун Ок, — она взяла их на твоё и моё обучение.

— На какую сумму?

— Юн Ми, зачем ты спрашиваешь такое?! Не беспокойся. Мы с мамой справимся с этой проблемой. Не желаю об этом говорить!

— Хорошо, — не стал спорить я.

Не желаешь, так не желаешь... В общем, из увиденного в доме и услышанного от Сун Ок, можно сделать вывод, что в денежном плане, семья Юн Ми не процветает. Но и не бедствует. Наверное, можно отнести её к среднему уровню достатка. Есть источник дохода, в виде небольшого бизнеса, но и долги тоже есть. Полно людей так живёт...

Надо бы посмотреть, что там, со скутером... — подумал я, переводя взгляд с сестры Юн Ми на накрытую полиэтиленом машину, — может, я смогу его починить?

— Ну вот, — сказала Сун Ок, — я тебе всё и показала, — пошли обратно в комнату, а то тут холодно!

— Пошли, — согласился я.

На складе действительно было прохладно.

\* \* \*

Ночь. Почти ночь. Почти спим. Прошло уже минут пять, как Сун Ок выключила в комнате свет и мы легли спать. Спим на полу. Комната — квадратная, не очень большая, с одним окном. Два невысоких шкафа вдоль стен, стол, стеллаж с книгами. И пустое место на полу, посередине, на котором мы раскатали белые матрасы, принесённые из шкафа в коридоре, и легли спать, укрывшись одеялами без пододеяльников. Мне, пока

стелились, спать хотелось — просто зверски. Думал — усну, едва голова коснётся подушки. Однако я ошибся. Едва лёг, как сон тут же куда-то делся. В голове — мелькают фрагменты увиденного за день, в ушах — эхом повторяются услышанные слова и фразы. Плюс, ещё мысли всякие дурацкие лезут... Похоже, от обилия впечатлений выпавших сегодня на мою долю, моя нервная система «конкретно» перевозбудилась. Если тело, от ломящей усталости шепчет лишь — спать, спать, спать, то голова делает — бум, бум, бум! Бьёт в барабан и марширует под духовой оркестр. И когда она утихомирится — непонятно... Завтра у меня запланирована большая развлекательная программа вместе с Сун Ок. Сначала мы «прошвырнёмся» с нею по любимым местам Юн Ми. Какой-то развлекательный центр, кафе и парк. Потом — покупка парика на её лысый череп. Потом — прогулка по Сеулу. По центру. Я увижу своими глазами район Каннам, воспетый легендарным Саем. Это будет завтра, в воскресенье. А гвоздём программы, вне сякого сомнения станет мой поход в школу, в понедельник. Чего я там делать буду, я искренне не понимаю. Но женщинам-то этого не объяснишь! Я попытался было начать диспут на эту тему, задав вопрос — а зачем? Мне тут же повторили всё, «что доктор прописал». Да слышал я, слышал, что он мне говорил! Только вот его логические построения базируются на ошибочных предположениях. Но, кому это докажешь или расскажешь... Я же, как представлю себя в юбке, да с рюкзаком за спиной, да незнающим толком языка, да в окружении энергичных аборигенов... У меня с этой картины перед глазами — «крыша» едет! Не то чтобы я боюсь, но такое чувство, что добром это не кончится. Да ладно, с этими незнакомыми словами. Бог с ними! Буду молчать как партизан на допросе. Но я же ещё ко всему откровенно не понимаю — как себя там вести нужно? Что говорить, что не говорить? Кому кланяться, кому не кланяться? Да и вообще... Школа, где учится Юн Ми, оказывается, только для девочек. Что я буду делать один, в абсолютно женском коллективе? Хорошо, если день продержусь. Но на второй — точно «спалюсь»... Чего они так упёрлись в эту школу? Ну, подумаешь, пропущу год. Что в этом такого? Юн Ми не парень. В армию не заберут.

— Юн Ми, ты не спишь? — вдруг раздаётся рядом тихий шёпот Сун Ок.

— Нет, а что? — так же, шёпотом, отвечаю я.

— Да я слышу, что ты вздыхаешь. Не спиться?

— Ага.

— Мне что-то тоже. Юн Ми... я хотела у тебя кое о чём спросить... Если можно...

— О чём?

— Юн Ми, скажи... Ты там... что-то видела? Ну, когда умерла на десять минут... Там правда есть туннель?

Я задумался над её вопросом. Что ей ответить? Соврать или сказать, что ничего не видел? А как будет лучше? Что-то в мою «дум-дум» голову ничего и не приходит.

— Ночь за окном, — отвечаю я, — темно уже. Завтра, днём, при свете расскажу. Хорошо?

— А-аа! — понимающе, с оттенком страха в голосе протянула Сун Ок, — ладно, если так хочешь.

Если спать — никто не спит, может, может, тогда лучше — поговорить?

— Сун Ок, я тоже, хочу спросить у тебя...

— Что?

— Мне нужно идти в школу. Меня это беспокоит.

— Ты не хочешь идти в школу?

— Понимаешь, я ничего не помню. Я не помню отдельные слова, не помню, что я учила, не помню, как нужно правильно говорить с людьми... Что я буду делать там с такой дырявой головой?

— Не бойся, Юн Ми! Твоя старшая сестра поможет тебе!

— Как? Как ты мне поможешь?

— Я всё тебе расскажу, что ты учила. Всё-всё-всё! Ты обязательно всё вспомнишь. Не сомневайся.

— Да, но школьные занятия ведь уже послезавтра... И потом, учёба, это не просто что-то рассказать. Там математика, физика... Задачи нужно уметь решать. Что можно сделать за один день? Как ты мне сможешь помочь?

— Я буду заниматься с тобою по вечерам.

— Но ты же сама учишься! Разве нет? Откуда ты возьмёшь время?

— Для моей маленькой сестрёнки, время я — всегда найду!

— Спасибо, Сун Ок... Но всё же, что я буду делать в школе?

— Юн Ми, не будь такой трусихой! Доктор сказал, что твоя память сохранилась. Просто ты её не помнишь. Тебе нужно немножко напрячься, что бы вспомнить. Ты ведь не забыла, как работать с компьютером? Не забыла! Вот видишь! Ты его увидела и вспомнила, что он такое и что с ним нужно делать. И в школе будет так же. Ты посмотришь в учебники, увидишь школу, учителей, учеников и всё сразу вспомнишь. Так будет. Верь в это.

— Как-то я в этом... не очень уверена.

— Эй, Юн Ми! Почему ты не веришь доктору? Он же научил тебя ходить, когда ты забыла, как это делается? Научил! Значит, он знает, как правильно лечить. Ты, наверное, просто боишься, что все решат, что ты глупая? Выше нос, Юн Ми! Мы с мамой были у директора школы и рассказали ему, что случилось с тобой. И что сказал врач. Директор сказал, чтобы ты приходила в школу и что он — позаботится о тебе. Так что ничего не бойся.

— Позаботится обо мне? Директор?

— Да. Ты хорошая ученица. Поэтому он так сказал. И ещё он сказал, что сообщит учителям.

— Я — хорошая ученица?

— Да. У тебя хорошая успеваемость.

— Мда? Сун Ок... А расскажи, какая я?

— Что значит — какая ты?

— Ну, какой я была до аварии. Я ведь ничего не помню о себе... Совсем.

— Ой, Юн Ми, бедняжка! Представляю, что бы было бы со мной, если бы я забыла себя. Наверное, я бы очень испугалась! А ты молчишь и пытаешься справиться сама. Теперь я понимаю, почему ты такая грустная и тихая. Прости, что не подумала об этом раньше.

— Ничего страшного. Просто расскажи мне про меня.

— Ну... Ты добрая... Весёлая... Трудлюбивая. Хорошо учишься. Воспитанная... Хорошая сестра. Ты хорошая, Юн Ми-ян!

— А чем я увлекаюсь? Что я люблю?

— Ты? Что ты любишь?... Ты любишь... Ты любишь слушать музыку, смотреть фильмы. В средней школе ты играла на каягуме, но в старшей у тебя не стало на это времени. Ты хорошо на нём играешь. Мне нравится. У тебя есть даже награда за выступление на конкурсе. Вот.

— Награда?

— Да! Я тебе её завтра покажу. Ты умеешь добиваться цели. Ты — очень упорная, Юн Ми!

— А друзья? У меня есть друзья?

— У тебя есть подруга — Дже Ын. Она позаботится о тебе в школе. Юн Ми, ты помнишь Ким Дже Ын?

— Нн... нет! Но, может, вспомню, когда увижу? А у меня только одна подруга? И всё?

— В школе у тебя есть ещё друзья. Но *Дже Ын* — твоя самая лучшая подруга. Ты дружишь с ней с младшей школы. Вы вместе учились.

— Ааа... Понятно... Сун Ок, а что будет, если я всё же... не вспомню?

Ничего не вспомню из того, что учила? Что будет тогда?

— Тогда... Это будет очень плохо.

— Почему? Расскажи.

— Если ты не сумеешь хорошо окончить школу, тогда ты не сможешь поступить в хороший университет.

— Это так важно?

— Конечно, Юн Ми!

— Почему?

— Юн Ми, в Корее, все родители мечтают, чтобы их дети учились в престижных университетах. Если человек поступает в такой университет, он можешь изменить всю свою жизнь. Лучше всего учиться в SKY. Но попасть туда — очень сложно, словно на небеса. Недаром это сокращение звучит как «небо», по-английски. Однако, если это кому-то удаётся, то он попадает на самое «небо» общества, на самый верх.

— В этом университете учатся дети богачей и политиков?

— Нет, с чего ты это взяла? Там учатся люди разного социального статуса. И SKY, это не один университет. Это три самых престижных университета Южной Кореи: Seoul National, Koryo, Yonsei. Сокращённо, по первым буквам получается слово — SKY.

— А-а, понятно... Но если в них могут учиться все, то, тогда, что же в них такого особенного? Почему нельзя учиться в каком-нибудь другом университете? Или, в других — гораздо хуже учат?

— Ой, Юн Ми-ян, ты задаёшь такие смешные вопросы! Когда ты придёшь наниматься на работу, работодатель всегда будет смотреть в первую очередь на университет, который ты закончила. А уж во вторую — на все остальное. Все люди это прекрасно знают. А с дипломом из SKY тебя примут везде. В любую первоклассную фирму, куда ты только захочешь. Поняла?

— Ну, а если человек закончит университет... уровнем пониже? Он что, не сможет попасть в такую фирму?

— В первоклассные фирмы, на работу, принимают выпускников только престижных университетов.

— Что, всегда-всегда?

— Всегда-всегда. Поэтому, так важно поступить в хороший университет.

— Это так обязательно — работать только в первоклассной фирме?

— Смешная! Во второразрядной фирме — и зарплата всю жизнь второразрядная и отношение к тебе со стороны людей будет тоже, как ко второразрядному человеку. А ещё, ты тогда сможешь выйти замуж только

за второразрядного мужчину.

— Второразрядного мужчину?

— Да. Который закончил второразрядный университет и работает на второразрядной работе. Ты и твоя семья будет низкого уровня.

— Создать семью можно только из своего круга? Что, простая девушка не может полюбить богатого мужчину и выйти за него замуж? Это запрещено?

— Ах, Юн Ми, такое бывает только в дорамах! Когда богатый влюбляется в бедную, это замечательно. А когда бедная влюбляется в богатого, это нелепо. Родители жениха обязательно будут смотреть на то, чтобы невеста соответствовала их сыну. Если у неё будет не тот диплом, не те родители и не тот уровень — свадьбы не будет. Понимаешь?

— Пффф... Ну, ладно, пусть так. А если человек захочет заняться торговлей и на этом разбогатеть? Не обязательно ведь для этого заканчивать университет? Нужно просто иметь к этому талант.

— Да, если уметь торговать, то деньги заработать можно. Но, всё равно, «первосортные» люди не захотят вести дела с «второсортным» человеком. Ты останешься там же, где была. Я не слышала, чтобы кто-то в Корею поднял свой уровень просто став богачом. Для высокого статуса обязательно нужно приносить пользу обществу. А этого нельзя сделать, не имея нужного образования. Лучше всего если оно получено в Европе или США. Дети богатых людей все сейчас учатся там. Но для этого нужно много денег.

— То есть, чтобы преуспеть — нужно сначала выучиться?

— Конечно, а как иначе? Без этого, даже если тебе повезёт, все станут говорить, что ты недостаточно трудились и это просто удача. За что уважать такого человека? Удача может постучать в дверь к любому...

— Но ведь тот же торговец... Он же тоже трудится, работает, рискует своими деньгами. Оказывает людям услуги... Разве это не труд и не польза? Почему нельзя уважать торговца?

— Юн Ми. Заниматься торговлей — это низкий уровень. Даже если при этом много трудиться. Торговец, он ведь ничего не создаёт нового. Он лишь продаёт то, что сделали другие люди. Перестанут мастера делать товар и торговец разорится. А для того, чтобы уметь делать вещи — нужно учиться. А чтобы придумать что-то новое — нужно очень хорошо учиться. Посмотри кругом. На дома, на дороги, на машины, на телефоны... Разве торговцы всё это сделали? Нет, всё это придумали учёные! Скоро у нас и космонавт свой будет. Весь мир смотрит на нас и видит, что Корея — это настоящая страна, в которой люди зарабатывают своим умом и трудом, а не

толпа необразованных торговцев, которые только и делают, что целыми днями обманывают других людей. И за то, что мы такие, нас можно уважать. Ты понимаешь, что я говорю, Юн Ми?

— Кажется да... Значит, мне нужно обязательно поступить в SKY?

— Эй, эй, полегче! Я конечно бы очень хотела, чтобы моя младшая сестра попала на «небо», но я совсем не желаю, чтобы она умерла, готовясь к поступлению. В Сеуле есть ещё другие университеты, которые тоже считаются отличными, хоть они и не SKY. Если к тебе вернётся память — ты поступишь в хороший университет. Ты сможешь это сделать. Я уверена.

— Почему — уверена?

— Я же твоя сестра. Я знаю, как ты учишься. Юн Ми! У тебя — хорошая голова!

— Да? Ну, тогда ладно... Я постараюсь вспомнить, что я учила.

— Хорошенько постарайся, Юн Ми! От этого будет зависеть твоё будущее. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Сун Ок, а ты, в каком университете учишься? Какая у тебя будет профессия?

— ...Я учусь в университете информационных технологий Ёнесай... Когда я его закончу, я буду бакалавром делового администрирования, специализирующегося в области туризма и управления.

— О-о, туризм? Звучит хорошо.

— ...Юн Ми... Спасибо, что ты поддерживаешь меня, но... Ёнесай — не очень хороший университет... Пожалуйста, прости меня.

— За что?

— За то, что ты не можешь гордиться старшей сестрою...

— Не могу гордиться тобою? Из-за какого-то университета? Это же ерунда!

— Не смей так говорить! Университет — не ерунда! Ты должна хорошенько постараться. У тебя — хорошие баллы. И школа, твоя, лучше, чем та, в которой я училась. У тебя есть шанс поступить в первоклассный университет. Непусти его, Юн Ми!

— Моя школа лучше? Почему?

— А, ты ведь не помнишь... Когда я училась в школе, мы тогда жили в другом месте... Потом случилась... нехорошая история. Нашу семью лишили жилья и выкинули на улицу. Родителям пришлось переехать, а мама заболела. У нас было очень мало денег. Потом умер папа. Мама устроилась на работу, а я ходила в школу и сидела с тобой. Денег тогда почти не было. Мы не могли купить даже уголь, чтобы обогреть дом. Я надевала на тебя все твои вещи, чтобы ты не замёрзала. Мама тогда часто



плакала, когда думала, что я уже сплю и ничего не слышу... Юн Ми... давай, я не буду тебе сейчас это рассказывать, хорошо? А то я расстроюсь из-за воспоминаний и не смогу уснуть. Я тебе завтра всё расскажу. Когда мы пойдём с тобою гулять. Ладно? Нам с тобою завтра придётся много ходить. Поэтому, сегодня, нужно хорошенько отдохнуть.

— Да, Сун Ок... Конечно. Давай спать.

— Да, давай спать. Спокойной ночи, сестра.

— Спокойной ночи.... Сестра.

\* \* \*

Сижу, один на небольшой кухоньке. Вяло завтракаю корейскими экзотическими блюдами. Одновременно, краем глаза, наблюдаю за корейцем средних лет в синем комбинезоне, который с сосредоточенным видом чистит засорившийся котёл. В мою сторону кореец старается не смотреть. Видно, бритая голова Юн Ми его пугает. Наверное, первое, что он подумал, когда её увидел — «не заразная ли»? Бросил на меня пару настороженных взглядов и «углубился» в котёл, сосредоточив внимание на работе. Отсюда вижу, что он, сняв кожух, тоненьким шилом прочищает мелкие дырочки на небольших круглых трубках, которые находятся внутри. Похоже, это те самые забившиеся нагаром горелки. Я в технике не очень, но «двигло» на своём байке разбирал. И собирал. И он даже работал после этого. Так что, хоть я по образованию гуманитарий, но представление о «железе» — кой-какое всё же имею...

Пребываю с утра в настроении ослика Иа-Иа — меланхолично-созерцательное. Это из-за того, что некоторое время назад созерцал обнажённую Юн Ми. Проснувшись, воспользовался моментом отсутствия Сун Ок в комнате. Стянул пижаму и пошёл красоваться к большому зеркалу, которое стоит в углу. В больнице, возможности разглядеть своё приобретение в голом виде не было. Полюбовался. Ну, что сказать? Печалька... Без одежды, Юн Ми ещё более некрасива. Страшненькая, нескладная девочка, с непропорциональной фигурой. Ноги — короткие и кривенькие. Ляжки — толстые. Талии — почти нет. Грудь тоже, практически отсутствует. Не, с одной стороны это хорошо, что убого всё так — мужики приставать не будут. Но с другой стороны... Такое чувство, что пересел с «клёвой тачки» на практичный и функциональный ГАЗ-53, на котором мне как-то довелось поучиться в автошколе. В котором нет ни одной лишней функции. Убери хоть одну, из тех что есть, так он с места не

сдвинется, ибо — ничего лишнего... И всё ковано могучим кузнечным молотом... И прилагать в нём ко всему нужно — силу кузнеца...

Посмотрел я в зеркале на отражение и так и сяк, обнаружил на правой руке, возле локтя, тонкий шрам, который до этого мне не попадался на глаза и, закончив осмотр, пришёл к однозначному выводу, что моё прежнее тело было гораздо лучше. И на лицо и по пропорциям, и по мускулам. У меня четыре «кубика» на прессе было. Пусть не шесть, но всё равно — майку было снять не стыдно. И руки себе я хорошо подкачал. Тут же... Такое ощущение, что спортом вообще не заморачивались... Короче говоря, ознакомившись с тушкой, в которой я очутился и вспомнив мир, в который мне нет возврата, я оделся, и хмуро-хмуро почапал на завтрак.

Сун Ок и её мама, похоже уже давно были на кухне. Готовились к новому рабочему дню. Появлению моему искренне обрадовались, как явлению красно-солнышка. Сун Ок прекратила шинковать лук, отложила нож, сняла с лица очки для плавания и, взяв меня за руку, повела меня завтракать на маленькую кухню, в которой я сейчас сижу. Достала всего из холодильника, сделала чай, сказала, чтобы я ела, а она пока закончит помогать маме, а потом мы будем с ней собираться. Ладно, я не спешу. Как говорится — «до пятницы я совершенно свободен»...

С негромким хлопком в котле, с которым возился ремонтник, вспыхнуло пламя.

— Ну вот, молодая хозяйка, — с улыбкой обернулся ко мне кореец, видно радуясь, что закончил, — теперь у вас снова будет тепло!

Я хмуро окинул его взглядом.

— И сколько это будет стоить? — мрачно поинтересовался я, — сколько стоит ваша работа?

— ... Сто тысяч вон... — растеряно ответил тот, видно не ожидая, что лысая девочка вступит в разговор.

Сто баксов? За пятнадцать минут? Не много ли?

Я уже узнал курс пересчёта местной валюты на доллары. Всё было просто. Нужно всё делить на тысячу. Тысяча корейских вон — это один доллар США. Сто тысяч вон — сто баксов, один миллион — тысяча долларов. Правда, чего я ещё не знаю, так это покупательной способности денег. Сколько и чего можно тут купить на ту же, допустим, тысячу вон. Но, сто баксов... Сто баксов — это сто баксов. Мне кажется, что это неплохие деньги.

— Подождите, я сейчас проверю, — сказал я, вылезая из-за стола.

— Что проверишь?

— Проверю вашу работу, — ответил я, подходя к котлу.

— Девочка, как ты разговариваешь со старшими?

Не став отвечать на этот явно провокационный вопрос я чуть присел и уперевшись руками в колени, вытянул шею, внимательно разглядывая внутренности котла.

— Девочка, почему ты так себя ведёшь? Где твоё воспитание?

— Я не девочка, я молодая хозяйка, как вы сказали... Не горит.

Я вытянул руку, и осторожно тыкая указательным пальцем рядом с огоньками начал показывать: вот, вот и вот.

— А вот тут и тут — огонь горит не вверх, а в бок. А вот здесь, он почему-то не синий, а жёлтый. Все синие, а этот жёлтый. Исправите.

— Что ты такое говоришь? Я сделал всё как нужно!

— Ничего не знаю. Работа должна быть сделана качественно. Мы вам платим деньги, а они на нас с неба не падают. Делайте. Я потом проверю ещё раз.

— Да как...

— Юн Ми, что ты делаешь? — раздался от входа в кухню испуганный голос Сун Ок.

— Работу принимаю, — обернулся я к ней, — а что?

— Пожалуйста, простите её, — поклонилась Сун Ок наладчику, — она только вчера из больницы...

— Знаете, ваша девочка, она... — начал было тот, вступая с ней в разговор.

— Не надо слов! — резко повернулся к нему я, — лучше потратьте свои силы на то, чтобы сделать всё как следует.

— Что ты говоришь! Я сделал всё как нужно!

— А те дырки, что не горят?

— Они «заварились».

— Ну, так проковыряйте! Или вы собираетесь только смотреть на них? Так они в конце-концов заварятся все и нам, что, котёл придётся новый покупать? Вы не профессионал?

Покраснев как рак, кореец замер с открытым ртом, видно не находя от возмущения слов.

— Юн Ми, как ты разговариваешь со старшими? — испуганно ахнула Сун Ок, прикрыв ладонью рот.

— Я просто хотела быть полезной, — сказал я, подумав, что, наверное, зря полез в это дело. Ну, жили же они как-то до этого без меня? Без моей помощи?

— Прошу прощения, если сделала что-то неправильно, — сказал я и немного подумав — поклонился. Посчитав, что это будет правильно.

— Грубиянка! — наконец подобрал слово наладчик, — сколько я уже работаю, но ещё ни в одном доме так со мною дети неуважительно не разговаривали! Что у тебя за воспитание такое?! Я вот всё твоей матери расскажу! Хамка!

— Пожалуйста, простите её! Она только из больницы!

— Безобразие!

— Пожалуйста, простите!

— Я этого так не оставлю!

— Пожалуйста, простите!

Я посмотрел на это всё, посмотрел, и решил что мне лучше отсюда удалится, чтобы не вызывать раздражения к своей персоне. Хотя было сильное желание продолжить «разборки» с ремонтником дальше. Молча, вышел из кухни и поднялся на второй этаж. Убрал с пола кровать, немного подумал и взялся изучать содержимое шкафов в комнате, с целью найти себе штаны на выход. В город, в юбке — не поеду!

Минут через десять прибежала раскрасневшаяся Сун Ок.

— Юн Ми! — прямо с порога комнаты закричала она, — что такое?! Как ты разговариваешь со старшими? Почему ты нас позоришь?

— Он всё сделал как надо? Ты проверила? — обернулся к ней из шкафа я.

— Ты слышишь, что я спрашиваю?

— Прости, я забыла, как нужно разговаривать со старшими.

Сун Ок осеклась, услышав мой ответ.

— Правда? — растерявшись, после некоторой паузы спросила она, — правда, забыла?

— Да. Ты проверила — все дырки горят?

— Д-да. Мастер мне всё показал.

— Ну вот. А упирался. Нужно было всего лишь поскандальить.

— Юн Ми, что ты делаешь в моём шкафу?

— Штаны ищу. Извини, я не знала, что это твой шкаф.

— Зачем тебе — штаны?

— Холодно на улице. В штанах теплее...

## Шкурка шестая

*Место действия.*

*Комната сестёр в доме их мамы. Юн Ми и Сун Ок собираются в город.*

— Юн Ми, вот, возьми. Твоё удостоверение личности. В нём записан наш адрес. Смотри, не потеряй!

— О! Спасибо.... Ммм... А почему тут написано, что я родилась в 1997-м году?

— Потому, что ты тогда родилась.

— Но ты же сказала, что мне девятнадцать лет? 2014, минус девятнадцать, это 1995-й. Или, сейчас не четырнадцатый год?

— Аа-а! Вот ты о чём. В удостоверении записан тот год, в который ты родилась. Но возраст люди считают по-другому. Когда ребёнок рождается, считается, что ему уже год. Он же рос в животе у мамы, понимаешь?

— Ну-у... наверное. А второй год у меня откуда?

— Не наверное, а точно. А второй год у тебя прибавился потому, что ты родилась в ноябре, осенью. Потом наступил Новый год и тебе прибавился ещё один год. Всё просто.

— Аа-а... Вот как, значит...

— Да. Когда ты родилась, в Сеуле пошёл очень сильный снег. Это большая редкость для этого времени года. Говорят, что у людей, родившихся в снегопад, душа такая же белая и чистая как падающий снег. Мама, когда видит, как идёт снег, всегда вспоминает о тебе.

— Ммм... А когда ты родилась, Сун Ок?

— Я родилась летом. Тогда в небе светило яркое жгучее солнце. Я горячая девушка, Юм Ми! Мы с тобою — зима и лето, жара и холод! Как две половинки природы! Правда, здорово?!

— Здорово... Значит, мне всего — семнадцать лет? И я ещё несовершеннолетняя?

— Конечно.

— А когда я стану совершеннолетней? В восемнадцать?

— Почему в восемнадцать? В двадцать один.

— В двадцать один??

— Чему ты так удивляешься?

— Да нет, ничему. Так... [\[14\]](#)

\* \* \*

— Возьми свой телефон... Вот. Я его зарядила. Доктор сказал тебе в больницу ничего такого, «электронного», не приносить. Ни телефон, ни ноутбук. Чтобы ты не напрягалась. Надеюсь, ты не сильно расстроилась из-за этого?

— Расстроилась? Да нет, ничего, спасибо... Телефон такой маленький...

— Он у тебя всегда такой был.

— А пароль?

— Разве я его знаю? Это же твой телефон!

— Мммм... а я забыла...

— Что же тогда делать? Как ты тогда сможешь звонить с него?

— Ну, не знаю...

\* \* \*

— Юн Ми, зачем ты влезла в эти страшные джинсы?

— Почему страшные?

— Они тебе совершенно не идут!

— Почему?

— У тебя в них ноги толстые.

— Ну и что?

— Как что? Некрасиво ведь.

— Зато удобно.

— Надела бы лучше юбку и колготки. Девушкам приличнее носить юбку, чем штаны.

— Я так пойду.

— Ну, как хочешь. А под низ ты что-то надела? Колготки надела?

— Зачем?

— Юн Ми, на улице очень холодно. Всего плюс пять. Замёрзнешь.

— Не замёрзну.

— Замёрзнешь.

— Не замёрзну.

— Ну что ты как маленькая? Замёрзнешь и заболеешь! Знаешь, как дорого стоят врачи?

— Я не замёрзну!

— Какая ты упрямая, Юн Ми! Почему ты не слушаешь свою старшую сестру? Я сказала — надень!

— Пфффф...

\* \* \*

— Юн Ми, а ты разве не сделаешь себе макияж?

— Не буду.

— Почему?

— Не хочу!

— Юн Ми, каждая девушка должна ухаживать за своим лицом.

— Это так важно?

— Конечно, важно. Нет ухода — нет красоты. Нет красоты — нет парня. Нет парня — не за кого выйти замуж. Не за кого выйти замуж — нет семьи. Нет семьи — будешь есть всегда одна, и тебе будет очень грустно и печально. Понимаешь?

— Всё ради парней?

— Конечно! Парни выбирают только красивых девушек. Ты это не знаешь?

— Пфффффф... Ну... в общем-то, знаю...

— Тогда не упрямься. Или, ты забыла, как это делается? Давай, я тебе помогу.

— Знаешь, Сун Ок... Мне кажется, что парни, это не то, о чём мне сейчас нужно думать. Сейчас главное — думать об учёбе и о своём будущем...

— Оо-о! Как ты правильно говоришь, Юн Ми! Я полностью на твоей стороне!

— Поэтому, давай отложим макияж... на потом. Когда я стану совершеннолетней. Хорошо?

— Что-о? За пять лет даже губы не наклеишь?! Монашкой решила стать?!

— Пфффффф...

\* \* \*

— Юн Ми! Ты забыла, как правильно разговаривать с людьми?

— Почему?

— Ты ужасно грубо разговаривала с мастером. Так нельзя. Ты раньше никогда себя так не вела.

— Прости. Я не хотела. Я действительно, наверное, многое забыла...

— Не беспокойся, я тебя научу. Расскажу самое главное, чтобы ты на улице не опозорилась, а остальное — попозже. Хорошо?

— Спасибо, Сун Ок.

— Юн Ми, запомни, что обращаться по имени к человеку можно только тогда, когда он твой очень близкий родственник или друг. Ещё, по имени, называют своих детей родители. Вот и всё. В остальных случаях, при разговоре, нужно использовать специальные слова. Например, титулы или названия должности, которую занимает этот человек. Иначе ты обидишь его неуважительным обращением. Если этот человек тебе совершенно незнаком, обращайся к нему по его возрасту. Это нужно делать так.

— *Ачжума*<sup>[15]</sup> — это обращение к женщине после 35 и это очень важно не перепутать. Если ты назовёшь так молодую девушку, то ты её смертельно оскорбишь. *Ачжумма* — женщина в годах.

— *Ачжосси*<sup>[16]</sup> — это обращение к мужчине.

— *Аегусси*<sup>[17]</sup> — говори так, когда хочешь уважительно обратиться к незнакомой девушке. Поняла, Юн Ми?

— Да, Сун Ок. Спасибо.

— Это как нужно обращаться к людям, которые значительно старше тебя. А теперь, как люди обращаются к тем, кто старше их, но не намного:

— *Хён*<sup>[18]</sup> — обращение, которое используют ТОЛЬКО мужчины по отношению к мужчинам. То есть они не родственники, но они хорошо общаются;

— *Оппа* — обращение, которое произносят девушки, обращаясь к парням, которые старше их. Но есть правило. Одним словом — *оппа* девушка может называть либо своего старшего брата, либо своего парня. В других случаях, когда тебе нужно обратиться к парню, которого ты знаешь, но он для тебя просто знакомый, добавляй слово *оппа* к его имени. Например — Сон У *оппа*. Так будет правильней. Но если ты его не знаешь, а он старше тебя, ты можешь тоже говорить ему *оппа*, пока не узнаешь его имени. Поняла?

— А если он моего возраста? Как к нему обратиться тогда?

— *Оппа*.

— Почему?

— Он же мужчина!



— То есть, хоть он и моего возраста, но он считается старше, потому, что он мужчина?

— Да, правильно.

— Аа-а...

— Слушай дальше, Юн Ми. Завтра, в школе, обращай к своим подругам — *унни*. Это немножко фамильярно, но для подруг это можно;

— *Онни* — это обращение младшей подруги к более старшей. Или, младшей сестры к старшей. Можешь тоже говорить мне *онни*, Юн Ми. Я ведь твоя старшая сестра!

— Хорошо... *онни*.

— Ты всё запомнила?

— Да.

— Ты молодчина, Юн Ми! Я же говорю, что у тебя — хорошая голова! Ладно, давай пойдём. Будем гулять, я тебе ещё расскажу. Пошли!

— Да, *онни*.

\* \* \*

*Место действия.*

*Юн Ми и Сун Ок идут по улице, направляясь к автобусной остановке.*

Да, чёт как-то зябко... Пяти минут не прошло как вышли на улицу, а ноги, в ботинках, уже начали замерзать. Разве это холодно — плюс пять? Причём не на месте стою, а иду. Странно... Может, тут влажность слишком большая, поэтому так? Ммм... А может, это потому, что Юн Ми не парень? Помню, знакомые девчонки вечно мёрзли. Чуть похолодает — им уже холодно. Руки, ноги... Что-то у женщин не так, как у мужчин устроено с «внутренним обогревом». Вот тоска... Ко всему, мне ещё и мёрзнуть придётся! Следующий раз оденусь потеплее...

— Негодяи! — громко произнесла Сун Ок, отвлекая меня от мыслей о холоде.

— Кто? — не понял я, оборачиваясь к ней.

— Вон, они, — мотнула головой она, указывая, о ком идёт речь.

Я посмотрел в заданном направлении. Через небольшую площадь, на край которой мы вышли из проулка, была видна стройка. Начата она, похоже, была недавно, поскольку строители ещё «не вылезли» из котлована на уровень земли. Судя по размерам площадки, здание было запланировано построить большое.

— Почему — «негодяи»?

— Они строят торговый комплекс!

— И... что в этом плохого?

— Разве ты глупая, Юн Ми? Там будут десятки магазинов и кафе! Люди пойдут туда и к нам перестанут ходить. На что мы будем жить? У нас уже ведь было так! Неужели всё должно повториться вновь?

— Ммм... *онни*, извини, а что — «было»?

— А... прости, я забыла, что ты не помнишь. Когда я вижу эту стройку, меня просто начинает трясти от злости! Как они могут делать такое, совсем не думая о других людях?! Как?! Разве смогут выжить владельцы маленьких магазинчиков и кафе рядом с ними? А? Что они об этом думают?!

— Ну, а если заключить договор и открыть кафе в торговом центре?

— Юн Ми, ты не понимаешь. Там нужно будет платить большую аренду. Потом, торговый центр первое время будет проводить политику привлечения клиентов, держа цены низкими. У больших компаний, ведущих этот бизнес, очень много денег и они могут позволить себе такое. За это время люди привыкнут ходить только к ним, а все их мелкие конкуренты в округе — разорятся. Потом они, конечно, поднимут цены и многократно вернут всё потерянное. Однако, до той поры, если ты захочешь торговать у них — тебя обяжут следовать их ценовой политике. Но на что тогда ты сможешь жить? Ты же не большая компания и у тебя нет столько денег, чтобы дождаться хороших времён. Понимаешь?

— Откуда ты это знаешь?

— Папа рассказал. Он всё про них знал.

— *Онни*, ты обещала рассказать историю семьи... Та, неприятная история о которой ты говорила... Она связана с торговым центром?

— Да, Юн Ми... Мы тогда жили в другом районе. В *Чондожо*. У родителей был небольшой ресторанчик на хорошем месте. Дела шли неплохо, пока не стали строить торговый центр. Компания, которая вела застройку, выкупила землю у города и улицу, на которой стоял наш дом — просто снесли. Всем, кто потерял имущество, выплатили компенсации. Но это была очень маленькая компенсация. На неё было нельзя купить ресторан в хорошем месте. Отец и ещё двое пострадавших людей подали в суд, требуя справедливой цены. Но у строительной компании много денег и хорошие адвокаты. Они говорили, что все снесённые дома очень старые и не стоят больше. Отцу ничего не удалось доказать, только зря потратил деньги в суде. А потом сильно заболела мама. Она очень переживала из-за того, что нам не на что будет жить, и мы оказались на улице. Папа, все

деньги, которые ещё оставались, потратил на её лечение. Он её очень любил, Юн Ми...

— А потом? — спросил я, — видя, что Сун Ок замолчала, смотря в землю и, по-видимому, уйдя в воспоминания, — что было потом?

— Потом? — подняла она на меня глаза, — потом... Мы переехали в другой район. Жили в двух маленьких комнатах. Папа устроился на работу. Он пытался работать сразу в нескольких местах. Помню, что он приходил очень поздно. Иногда, работал всю ночь и приходил только утром. Он совсем не берёг себя ради нас. И однажды ему стало плохо с сердцем. Папа умер прямо на работе... Думаю, что это случилось из-за того, что он сильно переживал, что его семья живёт таким неподобающим образом...

В глазах Сун Ок появились слёзы. Я, честно говоря, не знал, что делать. Сказать, чтобы она больше не рассказывала?

— ... После смерти папы, стало совсем плохо. Мама нашла работу, но платили ей очень мало. Мы переехали в совсем маленькую комнату, но всё равно, денег не хватало даже на то, чтобы её отопить... Так мы жили почти полтора года...

— А родственники? — спросил я, — у нас есть родственники? Они не могли помочь?

— Видишь ли, Юн Ми, — медленно произнесла Сун Ок, отвернувшись в сторону и видно не желая встречаться со мною взглядом, — мамины родственники живут в провинции Хоангхэдо. Это сельскохозяйственный район. Люди, что живут там, очень небогатые... У маминой семьи почти ничего нет и помочь, поэтому, они ничем не могли. А семья отца... Папина мать прокляла нашу маму. Сказала, что она ведьма, которая околдовала её сына. Папа ведь женился против воли своей семьи. Там не хотели, чтобы его жена была нищей невестой. У его мамы была на примете другая девушка. Но папа отказался. Тогда, папина семья отреклась от него. Мама говорит, что это всё из-за бабушки. Она настроила всю свою родню против нас. Сказала, пусть поживёт один, посмотрит, как это, жить без поддержки семьи. Она думала, что он не сможет, бросит маму и вернётся. Но у мамы было немножко денег приданного и у папы было немножко денег. Они их сложили и купили дешёвый дом, который перестроили под ресторан. Мама рассказывала, что дела в нём шли очень хорошо, так как папа правильно выбрал место. Они быстро расплатились с банком за кредит, который брали и стали хорошо зарабатывать. Наши родители вместе преодолели все трудности, как подобает настоящим супругам, но бабушка их всё равно не простила. Даже, когда мы родились, она не пришла поздравить. Она нас так ни разу и не видела...

Мдаа-а, мрачная история семейных взаимоотношений... Вот что значит, в Корее, пойти против воли родителей... Впрочем, у нас тоже, я что-то подобное слышал... Кажется, по телевизору рассказывали...

— А откуда сейчас у мамы ресторан? — спросил я вновь замолчавшую Сун Ок.

— У папы есть младший брат, дядя Юн Сок. Когда отца изгнали из семьи, он стал наследником. Через полтора года, как умер папа, умер его отец. Мама говорит, что дедушка сильно переживал о случившемся. Старшим мужчиной в семье стал папин брат. Он пришёл к нам, посмотрел, как мы живём и сказал, что так нельзя. Он сказал, чтобы мама шла и жила в том доме, где мы сейчас живем, и помог ей открыть в нём ресторанчик. Бабушка очень ругалась на него за это, но он не изменил своего решения. Дом принадлежит их семье, но живём в нём мы. Дядя... он очень хороший... Если бы не он, то я не знаю, чтобы с нами было... У него тоже есть семья, двое сыновей. Ему тоже нужны деньги, чтобы содержать свою семью, но он всё равно нам помогает. Пусть не часто, но помогает. Деньгами, продуктами или вещами... Как может...

— А-а... понятно, — сказал я.

Ну, а что тут скажешь? Семейная драма... А дядя-то у Юн Ми молодец! Такому только в пояс кланяться. Против матери пошёл... Мама там еще, похоже, та, мегера... Надо же — сына из дома выгнать!

— Юн Ми, я тебя попрошу... — сказала Сун Ок.

— О чём?

— Знаешь, мама считает, что она виновата в том, что случилось с папой. Особенно из-за того, что она тогда заболела. Что, если бы не она, то папа не потратил бы на неё все деньги и был бы жив. Поэтому, я прошу тебя, если мама начнёт об этом говорить, да и вообще, что-то говорить о папе — постарайся прекратить этот разговор. Как-нибудь увести его в сторону. У мамы слабое здоровье и ей нельзя расстраиваться. А она, если начинает вспоминать — очень сильно расстраивается. Поэтому, не давай ей этого делать. Хорошо?

— Да, *онни*. Хорошо.

— И запомни хорошенько, Юн Ми! Никогда не связывайся с богатыми. Никогда! Это безжалостные люди. Они всё меряют деньгами. У них вместо сердца — банковская карточка. Держись от них как можно дальше! Ты меня поняла?!

— Да, *онни*. Поняла.

А зачем мне с ними связываться? Оно мне надо? Или... Может, она имеет ввиду, что с Юн Ми может закрутить шуры-муры, какой-нибудь

богач? Пффф... Это она ей льстит... Кто на такую «красавицу» бросится?

\* \* \*

*Место действия.*

*Юн Ми и Сун Ок ходят по большому супермаркету. Юн Ми присматривается к ценам.*

Хожу, мониторю цены, пересчитывая ценники в *вонах* на понятные мне рубли. Молоко, 45–55 рублей за литр... Хлеб, 50–60 рублей за буханку... Яйца, за дюжину, где-то около семидесяти рублей... Мясо — чертовски дорогое! Говядина — почти девятьсот рублей за килограмм! Офигеть, чем тут коров кормят, что оно такое дорогое?! Золотой пылью?... Так... Свинина дешевле, почти в два раза... Курица — ещё дешевле. Где-то двести пятьдесят рублей за килограмм выходит... Экзотика — консервированные супы, по четыре бакса за пачку. Никогда такое «мумиё» не ел... Горы соевого соуса... Ну, это не такой расходный продукт... Рыбного отдела что-то не вижу. Может, его тут нет? Сладости и печенюшки — 120–150 рублей за упаковку... Пиво местное — 60 рублей за банку, импортное — 100 рублей... Местная водка, *соЧжу*, — около сорока рублей за бутылочку...

Ну что ж, «крепкие» московские цены... Ничего необычного... А вот сколько тут получают, вот вопрос...

— *Онни*, скажи, пожалуйста, когда ты окончишь университет, какая у тебя будет зарплата?

— А что? Зачем это тебе?

— Ну, хочу подсчитать, сколько можно купить здесь продуктов на одну твою зарплату.

— Смешная, — улыбнулась Сун Ок, — здесь дорого покупать, на рынке можно купить продукты дешевле.

— Ну, а всё же? — не дал я уйти разговору в сторону, — сколько?

— Это будет зависеть от фирмы, куда тебя возьмут на работу. Обычно, тем, кто только закончил учёбу, платят где-то один миллион вон...

Тысячу баксов? — подумал я, переводя взгляд на ценники на прилавках, — не густо... А ведь ещё и за жильё нужно платить и одежда нужна...

— Потом, конечно, будут добавлять за проработанные года, опыт... — продолжила говорить Сун Ок, — лет через пять, если будешь хорошо

трудиться, можно получать два с половиной, три миллиона вон в месяц...

— *Онни*, но разве это — много? — удивлённо спросил я.

— Да, немного, — кивнув, согласилась *онни*, — В Сеуле хорошо получать пять-шесть миллионов в месяц, тогда тут можно жить без проблем. Вот почему, я говорю тебе, чтобы ты поступила в хороший университет! Их выпускники получают всегда в два раза больше тех, кто окончил обычный. Всегда! А то даже и не в два, а в три раза больше! Понимаешь теперь, зачем это?

— Понимаю... — вздохнул я.

Это просто пипец какой-то...

\* \* \*

*Место действия. Школа Юн Ми.*

Сижу, с печалью в лист гляжу... Что значит — «Функция на линии???????????????????????????????? 34? Найти???.....??? максимална???»... А чёрт его знает, что это значит!

Сегодняшнее утро началось с влезания в школьную форму. Тёмно-синие пиджак и юбка, белая рубашка, тёмно-красный галстук в виде бабочки... Плюс чёрные туфли без каблука, которые положили в «сменку». Чёрное пальто. За плечи — розово-жёлтый девчачий школьный рюкзачок с какой-то зелёной крысой на брелке... Телефон, тоже девчачий... Samsung, розовый, «раскладушка». Экранчик маа-аленький. И ещё под паролем. Пришлось купить новую *симку*, чтобы можно было пользоваться. Эта Юн Ми, вообще всё «запоролила», что только смогла. И телефон, и ноутбук свой. В доме — два ноута. Один её, второй — Сун Ок. Хотел в воскресенье вечером выйти в сеть, посидеть, почитать о Корее — облом. Комп Юн Ми — под паролем, который, естественно, как и с телефоном, тоже никто не знает. Что там можно скрывать? Прыщавые физиономии поклонников? Или она агент 007? Короче, *онни* свой ноутбук забрала, который она мне первый раз давала, ей институтское задание нужно делать, а я, благодаря Юн Ми, вместо иннета, лапу сосал... Полез посмотреть, может, можно батарейку вытащить? Ноут, однако, через одно место оказался сделан. В нормальных девайсах вынимаешь большую батарею — где-то рядом, под ней, на плате, обычно торчит батарейка БИОСа... А в этом — чёрт его знает, где она стоит?! Смотрел, смотрел... Нету. Нету и всё! Нужно в мастерскую тащить, разбирать...

До школы, меня проводила Сун Ок. Школой оказалось невысокое двухэтажное здание со светлыми стенами и большими окнами. Перед школой — большой сквер с высокими кустами, с которых, не смотря на зиму, так и не опали мелкие жёлтые листья. От дома мы дошли до неё пешком, минут за пятнадцать, быстрым шагом. Помня, как я вчера замёрз, в этот раз я не стал выступать, надел, что сказали. Подумал — «Ну, они, наверное, не первый раз Юн Ми в школу отправляют? Значит, знают, что делать. Тем более, что за окном утро и сейчас ещё холоднее чем было вчера, днём»...

У дверей школы, нас встретила подруга Юн Ми — Ким Дже Ын. Черноволосая девочка в сером пуховике, и на лицо — отнюдь не красавица. Моему появлению она искренне обрадовалась. Стала спрашивать — как я себя чувствую, помню ли я её, какие у меня красивые волосы... Парик, да? Короче, набор чепухи, который несут девочки при встрече.

Они быстро передала меня ей с рук на руки, попросила позаботиться и помчалась в свой университет, а Дже Ын повела меня в школу. Пока шли до дверей, она задала мне вопрос, услышав который, я понял, что легко мне тут не будет.

— Ты, правда, не помнишь, как я спасла тебя в средней школе, когда на тебя бросилась бешеная собака? — спросила унни, — Я тогда спасла тебя, бросив ей сосиску!

Я, честно говоря, не понял, то ли это шутка такая у них, с Юн Ми, то ли она спросила на полном серьёзе? Может, я, что-то не так перевёл? Я промычал что-то неопределённое, но тут мы уже зашли в двери и вопрос с собакой отпал.

Первое, на что я обратил внимание, зайдя в холл — на два высоких, вытянутой формы, венка и подставку между ними, на которой стояла фотография в траурной рамке. С фотографии грустно улыбалась девушка возраста Юн Ми и в той же форме, которая была на мне.

— Ким Те Хи, — тихо сказала Дже Ын, увидев, что я смотрю на фотографию, — её вчера похоронили, — ты её помнишь?

— А что с ней случилось? — спросил я, отрицательно покачав головой, — несчастный случай?

— Ты что, не знаешь?

— Я была в больнице.

— А-а! Наверное, тебе не стали говорить, чтобы не расстраивать. Она покончила с собой. Отравилась таблетками.

— Отравилась? — удивился я, — почему?

— У неё были плохие отметки...

Тут я опять впал в ступор. Отравится из-за плохих отметок? Что, правда? Или всё же тут были иные причины? Может, несчастная любовь? Девчонки любят возвести всё в абсолют...

— Она ещё была изгоем... — оглянувшись по сторонам, пошептала Дже Ын, близко наклонившись ко мне.

Вот те раз! Затравили что ли? Хотел расспросить, но подробности узнать не получилось. Дже Ын потащила меня переодеваться, так как до начала занятий осталось мало времени. Показала мне мой шкафчик, рядом со своим, что и куда нужно в нём класть. Быстро переодевшись, бегом помчались в класс. Едва сел на показанное место, как в класс вошёл учитель и начался урок математики.

Урок начался тоже странно. Откуда-то с потолка зашуршал динамик и мужской голос произнёс: Внимание! Говорит директор по безопасности Ким Тэ Хён! Всем ученицам школы и учителям — прослушать важное сообщение! Поступила информация, что возле нашей школы замечен эксгибиционист. Преступник имеет следующие приметы: одет в чёрный плащ, носит большие чёрные очки. Всем, кто что-либо знает, или видел похожего человека, следует сообщить либо в полицию, либо в отдел безопасности школы, лично мне. Прошу не поддаваться панике. Полиция будет патрулировать окрестности школы на патрульной машине. Повторяю...

Фига себе, — подумал я, малость, втянув голову в плечи, — в самой школе — ученицы травятся, в окрестностях школы — маньяки рыщут... Плюс какие-то бешеные собаки. Чудное местечко... И это у них называется — «хорошая школа»? Куда я попал?

\* \* \*

*Место действия.*

*Школьный класс. Три больших окна, наполовину стеклянная перегородка, отделяющая помещение от коридора... Небольшие парты, рассчитанные на одного человека. За партами сидят девочки-тинэйджеры в одинаковой форме. Все они внимательно следят за учительницей. Все кроме одной, которая, подперев голову рукой, задумчиво смотрит в окно. Учительница — молодая кореянка в чёрном пиджачке с длинными рукавами, чёрной, сужающейся к низу юбке, чёрных туфлях на низком каблуке и белой рубашке с узким красным галстуком. В её руках длинная указка, а на носу — большие круглые очки в толстой чёрной*



*оправе. В классе идёт урок английского языка.*

Сижу. В окно гляжу. Думаю. Есть над чем. Хребтом чую, что чуда не будет и SKY Юн Ми не светит. По крайней мере, в этом году — точно. С утра было четыре урока — две сдвоенные пары. Два часа — физика, два часа — математика. На первом часе — практика, с половины второго часа — тесты. Я, честно пытался! Но, даже без оглашения результатов проверки, как говорится — «и ежу ясно», что — «ловить мне нечего». Во-первых, я понял, наверное, лишь с половину вопросов к заданиям. Во-вторых, из этой половины, я, дай бог, если половину правильно решил. Ну, гуманитарий я, гуманитарий по складу ума! Выше крыши, как говорится — не прыгнешь. Помню, в моём институте, на первом курсе, нас «вышкой» — душили, душили, физикой — душили, душили... Чуть совсем не задушили. Вот тогда у меня был реальный шанс вылететь из родной Альма-матер. Уже, считай, четыре года прошло с тех пор, но для меня до сих пор осталось загадкой — неужели нельзя стать переводчиком, не зная, куда стремится какая-то функция на каком-то там отрезке и не ведая заклятий Лапласа? Что, это так жизненно необходимо знать переводчику? Вот уж никогда не поверю! Едва только эта «мусть» закончилась, я, тут же, как впрочем, и все остальные, нормальные студенты иняза, постарался её забыть и выкинуть напрочь из головы. И вот, поди ж ты! Давно уже было забытые мною «мертвецы», вновь на пороге моего дома. «Иногда они возвращаются». Лучше и не скажешь...

— Лондон, столица Англии... (по англ.)

Громко прозвучавшая фраза прервала нить моих мыслей. Очередная ученица, встав за партой, начала пересказ домашнего задания.

Господи, ну, сколько же можно мучить этот несчастный Лондон? — подумал я, обернувшись от окна на девчонку, — у него же изжога будет... Тут через пару недель финальные экзамены начинаются, а они всё Лондон «долбят». Понятно ведь уже, что кто что выучил, тот с тем на экзамен и пойдёт... Вряд ли две недели спасут какого-нибудь Отца Корейской Демократии... А точнее — Мать её...

Я немного послушал неуверенно-сбивчивый рассказ о столице Туманного Альбиона и, потеряв к нему интерес, вновь повернулся к окну, возвращаясь к своим печальным мыслям.

...Что я буду говорить родным Юн Ми — даже не представляю... Мне как бы всё равно, но чисто по-человечески, неудобно. Они так рассчитывали на то, что их «сокровище» поступит в «хороший» университет, а я тут такую «свинью подкладываю». Но я же не специально?

Делал, что мог...

Чёрт, чего живот так болит? Не нужно было вчера слушать Сун Ок и пробовать то, что она предлагала. Напробовался. Теперь кишки крутит. И грудь как-то неприятно ноет... Как будто надулась. Может, лифчик сильно затянут? Пережал какую-нибудь вену, оттока крови нет? Ещё гангрена начнётся... Во веселуха будет. Нужно будет сходить на перемене в туалет, как-то ослабить эти дурацкие лямки. Говорил этой Сун Ок — ну зачем он мне? Нет, переубедила. Сказала, что в школе девочки смеяться будут, если заметят, что я без него. Я подумал — «Кто его знает, какие там в этой школе порядки и как там, у девочек, заведено?» и согласился. Дурак потому что. Сижу теперь, мучаюсь...

— ...usually<sup>[19]</sup>...

Криво произнесённое слово резануло слух, заставив меня вынырнуть из своих мыслей и невольно поморщиться.

...Просто поражаюсь, последний год учёбы, а такое произношение... Пожалуй, ясно, почему они до сих пор «на Лондоне» сидят. Наверное, этот класс — для отстающих по английскому... Как ещё иначе объяснить то, что я сейчас слышу? Впрочем, что мне об этом волноваться? У этих девочек будущее более-менее определено, дальнейшие шаги по жизни понятны и они не испытывают от этого дискомфорта. У меня же, стезя иная... Вчера, когда пили кофе с *онни* в кафе, я постарался расспросить её поподробнее на предмет — «какие у неё планы на будущее? Что же ей светит в плане карьеры?» Про зарплату я узнал раньше, но мне хотелось проверить, правдива ли информация в иннете о том, что девушкам тут только кофе доверяют носить? Расспросил... Сначала, Сун Ок бодро говорила о карьере, о профессиональном росте, что можно стать начальником отдела, если хорошо трудиться, но потом, как-то разговор про работу у неё «закруглился» и перетёк в плоскость — «найти хорошего мужа». Подобное изменение темы меня несколько озадачило, и я попытался понять вызвавшую её причину, задав вопрос типа — «а что, мол, без мужа никак»? И вот тут-то я узнал об изумительном местном обычае! Оказывается, в Корее, каждый нормальный человек, максимум до тридцати двух лет, обязательно должен обзавестись семьей! Особенно это касается женщин. Если же она этого не сделает в положенный срок, то, как сказала Сун Ок — «люди придут к ней на помощь...». На мой удивлённый вопрос — «это как?», она объяснила, что знакомые, коллеги по работе, друзья, в общем, все, кто её знает — все будут предлагать ей подходящие, по их мнению, кандидатуры для создания семьи и организовывать ей с ними свидания. Даже руководство фирмы, в которой работает женщина, будет в этом

участвовать. Сам генеральный директор может заняться этим вопросом. «А если всё равно у неё ничего не получится? Что тогда?» — поинтересовался я. «Тогда, значит, с этой женщиной что-то не в порядке», — ответила Сун Ок, — «люди будут считать её „странной“ и не захотят иметь с ней дел. Она даже может стать „изгоем“...». Я попросил объяснить мне, что это значит, быть — «изгоем»?

«Ну... С таким человеком стараются не общаться, поручают ему самую скучную и неприятную работу, он ходит есть один, его „не замечают“, не приглашают на *хвесик*, и, обычно, его увольняют первым...» — разъяснила она.

«*Хвесик*», как я чуть позже узнал, это корпоративный ужин, который устраивается не только руководством, но и любым сотрудником фирмы. Поводы для него могут быть самые разнообразные — продвижение по службе, прибавление в семье, день рождения... Не пойти на *хвесик* — это очень плохо. Значит, ты не уважаешь человека, который тебя пригласил и людей, которые пришли на него. А если тебя никто не приглашает на *хвесик* — это ещё хуже. Значит, никто тебя не уважает, коллектив тебя не признаёт и ты *изгой*...

Да бог с ним, с этим *хвесиком*! Пьянка, она и в Африке — пьянка. А вот с возрастом... Да, помню, было такое в дорамах. Проскакивало в разговорах корейнок — «мне уже тридцать» или «тридцать два — а я не замужем»! И произносится таким тоном, что это — ужас полный. Я как-то особо не обращал на это внимания, думал, женщины о молодости плачутся, а тут вон, оказывается, какая подоплека! Просто офигеть! Кому, вообще, какое дело, когда человек решит создать семью? Или детьми обзавестись? А может, я не хочу сейчас? Нет подходящей кандидатки? И что мне прикажете, на первой встречной жениться? Только потому, что возраст подошёл? Ага, щас! Три раза! Я что, скотина, что ли какая, которой пришло время размножаться? Я сам способен решить, когда и чего мне нужно делать. Особенно в таком важном деле как создание семьи. Без всяких науськиваний и тычков в спину. Да и кто все эти люди, которые решили, что мне — «пора уже»? Небожители, которые всё знают? Та пошли они...

— ...In London reigns eternal autumn<sup>[20]</sup>...

В моей душе тоже царит вечная осень... Блин... Судя по полученной информации, проживание в этой стране может быть весьма комфортным. Ну, выучусь, я тут, допустим. Найду работу. Только начну строить карьеру, как наступит «пора цветения» и все вокруг начнут требовать, чтобы Юн Ми... замуж вышла! Женихов ей приводить начнут. Естественно, они все они будут мною посланы, после чего Юн Ми объявят

— «странной», переведут в *изгой* и выпрут с работы. И все мои мега-усилия, затраченные на учёбу, полетят псу под хвост! И буду я где-то улицы подметать или на рынке сидеть. Пффф... Чтобы такого не случилось, лучше всего — уехать сразу, до начала этого маразма. В страну, в которой отсутствие у женщины мужа не будет никого волновать. В Европу или Америку. И выучиться там и работу сразу найти. Это будет самым правильным ходом. Правильным-то правильным, только вот как его сделать, этот ход? Сун Ок говорила, что у них тут, учёба за границей — это дорого. Да и у нас, оно тоже было, дорого... Сколько мне на это нужно денег? Если ориентироваться на то, что здешние цены не особо отличаются от цен на моей Земле, то, у нас, более-менее «нормальные» зарубежные институты — это пять-шесть тысяч баксов в год. На пять лет учёбы — это двадцать пять *ка* вечнозелёных... Ещё жить на что-то нужно... Ещё добавим пятьсот баксов в месяц... Ну, пусть не пятьсот, а триста. Триста на двенадцать месяцев — это три шестьсот. Округлим до четырёх. Итого, пять плюс четыре, это девять-десять тысяч в год... В общем, на учёбу нужно тышшшш шестьдесят... Где их взять?

Мммм... Глядя на семейный бизнес Юн Ми, думаю, что вряд ли в нём найдутся подобные деньги. Были бы — Сун Ок, наверное, за границей бы сейчас училась... Плюс ещё, рядом этого мегамонстра торгового строят... Вообще неизвестно, как с деньгами будет... Хм... Кредит? А подо что? Кто мне его даст? У меня ведь ничего нет, и Юн Ми — несовершеннолетняя. Просить её маму? Она и так уже в долгах, а потом, согласиться ли она, чтобы её дочь уехала? Уехала навсегда? Думаю, это будет для неё очень непростым решением. Мммм... Ещё варианты? Может, попробовать найти какую-нибудь программу по обмену студентами, да и «усвистать» под это дело? Наверняка в университетах должны быть такие программы. У нас же были? Однако, для этого нужно сначала поступить в университет! Опять учить физику, математику... Пффф... Может, второй раз оно и легче будет, но, всё равно. Это будет подвиг! Причём эпический. Правда, есть ещё один вариант. Можно ведь поехать не в европы с америками, а в Россию. Русский я знаю... Устроюсь куда-нибудь... Вот именно, что куда-нибудь... И как я поеду? Двадцать один мне исполнится только через четыре года... Поехать нелегально? Ффффф... Думаю, это бредовая идея. Болтаться где-то без документов? Без них на приличную работу всё равно не возьмут. Потом, нелегальная эмиграция — это криминал. А Юн Ми — девушка. Вколят, чего-нить, очнешься потом, либо на операционном столе чёрного трансплантолога, либо прикованным к койке в подпольном публичном доме... Нафиг-нафиг, такое счастье! Тут есть еда, крыша над головой,

присмотр... Помогут, расскажут... Если что, хоть в полицию сообщат о пропаже... Может, спасут... Принимая это во внимание, сдаётся мне, что куда-то нынче рваться, смысла нет никакого. Мне сначала нужно до конца адаптироваться с новым телом, определиться с мироощущениями, а уже потом что-то там затевать, «мутить»... Сейчас, разумнее всего будет напрячься и поступить в местный университет, который выдаёт дипломы международного образца. Закончу учиться — уже буду совершеннолетним. Вот тогда, с образованием, можно будет хоть в Европу ехать, хоть в Россию. Там уже совсем другой разговор будет со мною. Это самый правильный путь...

— Юн Ми! Юн Ми! Юн Ми...

Оборачиваюсь к толкающей меня в спину девчонке и хмуро спрашиваю: Чего?

— Юн Ми! Сонбе-ним...

— Что, сонбе-ним?

— Ну, наконец-то нам удалось разбудить Пак Юн Ми! — внезапно раздаётся за моею спиной насмешливый голос учительницы.

Оборачиваюсь. В классе оживление и со всех сторон раздаются смешки. Смотрю на учительницу и пытаюсь сообразить, что нужно сделать — встать и поклониться, просто встать, или изобразить поклон за партой? Как правильнее?

— Встань, — долетает до меня сбоку шёпот Дже Ын унни.

Воспользовавшись подсказкой, встаю, кланяюсь. Учительница с интересом смотрит на меня.

— Я не спала, сонбе-ним, — говорю я, решив предупредить «атаку» на себя.

— Разве? А мне показалось, что у тебя были закрыты глаза.

— Я...я просто очень медленно моргаю, сонбе.

Снова в классе раздаются смешки.

— Вот как? — чуть улыбается учительница, — раньше я за тобой такого не замечала.

— Я не спала, сонбе-ним — вновь повторяю я, — я просто задумалась.

— Интересно о чём? Наверное, о Лондоне. Тогда, может, ты расскажешь нам о нём? Я знаю, что ты болела, но раз ты в школе, ты должна была подготовиться к урокам. Ты готова?

— Да, готова, — кивнув, отвечаю я.

Ничего себе! Только вышел после болезни и уже должен быть готов! Никакой жалости к ученикам...

— Рассказывай.

Я вздохнул и, покопавшись в своей памяти, приступил к рассказу, стараясь говорить «в общем», без всякой конкретики.<sup>[21]</sup>

— Удивительный и необыкновенный город Лондон — огромное сердце Великобритании, крупнейшего государства Европы. Это не только любимое место туристов, но и город мирового значения, финансовый центр, который диктует законы экономики, политики, бизнеса, культуры и даже моды. Несмотря на унылую погоду и затянутое тучами небо, жители гостеприимного Лондона весьма приветливы, улыбчивы и, кажется, никогда не грустят. Теплая атмосфера города буквально пропитана радостным настроением и творческим духом...

...Чтобы ещё такого сказать? — спустя пару минут подумал я, исчерпав свои «сведения ни о чём» об этом, несомненно, замечательном городе в котором я никогда не был, — может, о Лондонской бирже? А она там есть? Опsss, а чего... так тихо?

Смотрю на учительницу. У той, за её круглыми очками — круглые глаза, чуть ли не в размер стёклышек. Плюс — отвисшая челюсть. Оборачиваюсь и оглядываю класс. Картина та же. Круглые глаза и открытые рты, изумление на лицах. Все смотрят на меня

Чего они? — не понимаю я, — почему они на меня так смотрят? Я что, что-то не то сказал?

Но тут до меня доходит.

Я же шпарю по-английски! Не задумываясь! А Юн Ми?! Какие у неё были способности в языке? Судя по реакции окружающих, она так не могла... Блииин... Спалился! Да что ж такое? В первый же день так по-глупому попасться!

— Юн Ми...

Учительница закрыла рот, вернула глаза к нормальному виду и приступила к моему допросу, а я, постарался сделать лицо печальным, опустил голову и — «включил дурачка».

— Юн Ми, когда ты так научилась говорить на английском?

— Не помню, сонбе... *(бееее... я несчастная овечка...)*

— Две недели назад у тебя были совершенно другие результаты!

— Простите, сонбе... *(бееее... разве вы не видите бесконечную печаль на моём лице?...зачем так мучить человека?...)*

— Ты прошла курсы интенсивного обучения языку? Это так?

— Не помню, сонбе...*(бееее... я бедная глупая овечка... какие курсы?.. учительница, разве вы не знаете, что мой мозг на это просто неспособен?...)*

— Подожди, но ведь ты же в это время была в больнице?!

— Простите, сонбе... (бееее... я больная на голову овца... отпустите...)

— Значит, ты не могла учиться! Что с тобою случилось, Юн Ми?

— Не знаю, сонбе... (бееее... отстаньте от несчастного...)

Учительница задумалась, молча смотря на меня. В классе, удивлённо, шушукались девочки.

— Хорошо, — наконец сказала учительница, видно что-то решив, — не будем тратить попусту время. Поговорим об этом после. Садись, Юн Ми! Следующим, про город Лондон, нам расскажет...

— Спасибо, сонбе...(фух...)

\* \* \*

«Я думал, они разорвут меня на тысячу маленьких медвежат...» Да, это было что-то похожее на то, как несчастного Балу драла на клочки стая бандерлогов, — подумал я, ставя на свой поднос чашку с рисом.

После английского, по расписанию, была большая перемена и весь класс, пользуясь наличием времени, искренне возжелал у меня узнать, где это Юн Ми так научилась — «спикать»? На первых двух переменах ко мне тоже подходили девочки, здоровались, спрашивали, как я себя чувствую. Но не толпой же, как сейчас?! Не всем же классом?! Короче, я сбежал в сортир, ибо сказать мне им было нечего, да и этот проклятый лифчик нужно было «подкрутить». Попервой, попав в тело Юн Ми, я думал, что у меня будут проблемы с посещением туалета. Всё-таки женский... Вроде, неудобно... Но, жизнь оказалась проще, чем я себе представлял. Везде закрывающиеся кабинки. Иди, садись, занимайся своим делом. Единственно, всё сидя приходится делать. Но, что теперь, повесится что ли из-за этого? Не смертельно. Короче, я сбежал, от одноклассниц Юн Ми, заперся в кабинке и, расстегнув рубашку, вывел показатели натяжения лямок в значение — «ноль, минус один». Иными словами — отпустил их полностью. Но, легче от этого мне не стало. Грудь как ныла, так продолжала ныть.

Наверное, из-за застоя крови. Нужно подождать, пока она «разойдётся» — решил я, приводя одежду в порядок.

Вышел, помыл руки и пошёл за ждавшей меня унни Юн Ми, обедать. Конечно, она донимала меня вопросами, на которые я отвечал — «не знаю», «не помню», чувствуя себя при этом злым, адски раздраженным и испытывая неподдельное желание кого-нибудь убить. В столовой, где

проходил обед, было шумно и полно народу. Питание было организовано по типу «шведского стола». Берёшь поднос и тащишь его «по рельсам» мимо стоек с едой. Набираешь, что понравилось. Я старался выбирать что-то безопасное, которое трудно «заперчить». Рис, йогурт, печенье...

— Ты так мало взяла?! — удивилась унни, стоящая за мною, — нет аппетита?

— Живот болит, — коротко ответил я, продвигая дальше свой поднос.

— Аа-а! Ты раньше хорошо ела...

Понятно. Юн Ми любила покушать. Поэтому, талия и не наблюдается... Закончив набирать еду, я взял поднос и вышел из-за перегородки отделявшей зал от раздачи. Столики в зале, за которыми сидели обедающие школьницы, были рассчитаны на шесть человек. Быстро оглядевшись по сторонам, я констатировал, что практически все они заняты и рассчитывать сесть вдвоём только с Дже Ын, не стоит. Поэтому, я направился к ближайшему столу, за которым сидели трое.

— Агасси, — вежливо улыбнувшись, обратился я к сидящей с краю девочке, — можно мне с подругой сесть за ваш стол?

Девушки, до этого активно болтавшие за поглощением пищи, замерли и уставились на меня, как на нечто невообразимое.

— Что... что ты сказала? — изумлённо спросила меня та, к которой я обратился. На её лице было искреннее недоумение.

Я ругнулся про себя, поняв, что меня поняли не так, как мне бы того хотелось, мысленно прокрутил фразу в голове, не нашёл никакого криминала и повторил её ещё раз, медленно и чётко проговаривая слова, решив, что виновато моё произношение. После того, как я закончил, вокруг установилась тишина. По крайней мере, в ближайшем ко мне районе. Школьницы, за окрестными столами, бросили есть и развернулись ко мне, смотря удивлённым взглядами. Девушка, которую я спрашивал, медленно поднялась из-за стола. Чем-то её показушно-неторопливое движение напомнило мне российские фильмы про бандитов. А именно — сцену, в которой оскорбленный авторитет, с физиономией, преисполненной немислимого превосходства, неспешно встает из-за стола.

Так. Похоже мой выбор столика был неудачным, — подумал я, наблюдая, как девушка делает шаг ко мне.

— Юн Ми, смерти ищешь?! — ласково улыбаясь, громко, так, что бы все слышали, спросила девушка.

Она знает Юн Ми! Но я её — не знаю! Что-то я не так сказал... Блин, так и знал, что будут проблемы! И чего делать? Нужно как-то успокоить и может, извиниться. Только, как это сделать?



— Ну, чего замолчала? — поинтересовалась девушка.

— Ты неправильно всё поняла, — миролюбиво сказал я.

Девушки вокруг, разом вздохнули. Я понял, что опять сказал что-то не то.

— Ах, ты *кынё!* — закричала девушка и сильно толкнула меня рукой в плечо.

Я отшатнулся. От толчка, еда с моего подноса, «стартанула» в сторону стола, попав во всех, кто за ним сидел. Томатный сок — угодил в лицо зачинщице драки, йогурт с фруктами — обляпал сидевших за столом, а взлетевшая вверх чашка с рисом — щедро осыпала их своим содержимым.

Девчонка, получив стакан сока в лицо, на две секунды опешила, потом, поняв, что с ней произошло, завизжала и кинулась на меня, драться. Через пару мгновений к ней присоединились её подруги, выскочив из-за стола.

Малость охренев от скорости развития событий, я, в начале, бросив поднос, вяло отбивался, соображая, как выкрутиться из ситуации, но получив болезненный удар в лицо, разозлился.

Какого чёрта? Втроём на одного? Я вам что, груша для битья? Но, с девочками драться нельзя... Кому нельзя?! Мальчикам нельзя! А Юн Ми девчонка! Значит — можно!!

— Бац! Бац! Бац! Бац! Бац! Бац! Бац! Бац!

Это бьют меня.

— Бум!..... Бум!..... Бум!

Это отвечаю я.

Кругом стоит сплошной крик, визг и ор. На меня плотно надели со всех сторон. Парик съехал на глаза, и я «отмахиваюсь» практически вслепую, не видя, куда я машу руками. Ещё несколько секунд продолжается этот бескомпромиссный раунд, но тут, наконец, на поле боя появляются педагоги и нас растаскивают.

\* \* \*

Стою, молча, хмуро смотря в пол, слушаю, как три девчонки наперебой жалуются на меня. Перечисляют обиды и ущерб, который я им причинил: у всех троих — испорченная одежда, у одной — из носа кровь, у другой — разбита губа, у третьей — физиономия целая, но жалуется на боль в животе. Якобы, ей нанесён туда сильный удар. У меня — тоже потери. Губы разбиты, в боку больно, коленка болит, в другом боку болит и

спина ещё... Кроме этого зверски чешется вспотевшая под париком голова, болит живот и грудь. А ещё, у Юн Ми куда-то, вообще, чёрти куда, перекрутился лифчик. Такое ощущение, что перед его теперь у меня на спине, а лямки болтаются где-то в районе локтей. Я же его «ослабил» перед дракой. Вот и результат...

— А ты, что скажешь, Пак Юн Ми? — обращается ко мне Ким Тэ Хён, директор по безопасности. Разбор полётов происходит в его кабинете в присутствии ещё двух женщин. То ли учительницы, то ли местные завучи... Я их не знаю.

— Юн Ми, почему ты молчишь? — обращается ко мне одна из них, — все говорят, что драку затеяла именно ты.

Ну что я могу сказать? Абсолютно никакого желания что-то объяснять и разбираться. Совершенно ясно, что в школу я пришёл слишком рано. Рано, в плане того, что я «плаваю» в языке. Когда гуляли вчера с Сун Ок, я тоже, порою не понимал, что она говорит. Но тогда я её переспрашивал или делал вид, что понял. Но школа, это не *онни*. Тут скидок нет. Самое лучшее, что сейчас можно сделать — это свалить отсюда домой. Боюсь, если я открою рот и начну оправдываться, результат может оказаться, скажем, так... весьма неожиданным. Как мне свалить домой, с этих разборок? Чёрт, голова под париком прямо исчезалась вся... О! Парик! А это мысль!

— Голова болит, — грустно говорю я и стягиваю со своей головы парик, — можно, я домой пойду?

Немая сцена. Все, вытаращив глаза, смотрят на лысую Юн Ми.

\* \* \*

— Юн Ми, зачем ты назвала Юн Со И — проституткой? — спрашивает меня Дже Ын.

Я? Её? Проституткой? Не помню такого!

— Ммммм... — глубокомысленно мычу я *унни* в ответ.

— Юн Со И — очень популярна в школе, — говорит Дже Ын, — вы же вроде бы с ней не ссорились? Зачем ты так на неё?

Пфффф... я бы тоже хотел это знать.... Ладно, придём домой, разберусь, чего я там сказал...

Дже Ын отправили со мною, чтобы она помогла мне дойти до дома. Когда я стащил с себя парик, все сразу вспомнили, что я только что из больницы, что директор им говорил и — «боже мой, какая неприятность»! Конечно, неприятность. Особенно для меня. Короче, школьный врач меня

осмотрел, выяснил самочувствие и дал рекомендацию — отпустить меня домой. Что, педагогическим составом, с облегчением, было и сделано. В сопровождающие мне выделили Дже Ын, подругу Юн Ми, чтобы я не потерялся. Вот, вышли из школы, идём через сквер.

— У Со И — семья высокого статуса. У них есть свой адвокат...

Намёк понял. Могут быть неприятности. Ладно, будем показывать лысый череп Юн Ми, и размахивать справкой из больницы... Отобьёмся...

— Ой! — неожиданно остановившись, испуганно воскликнула Дже Ын, — мамочка!

Я посмотрел вперёд. Перед нами, преграждая дорогу, стоял мужик в чёрном, криво запахнутом, кожаном плаще. Руки незнакомца были глубоко засунуты в карманы, на глазах — большие чёрные очки-капельки, в уголке искривлённых зловещей усмешкой губ — зубочистка.

— Маньяк! — закричала Дже Ын, — Юн Ми, бежим!

Но сбежать нам не удалось. Мужик распахнул плащ, расставив поднятые вверх руки с зажатыми в них полами и, закинув назад голову, захохотал в небо: Ха-ха-ха!

Дже Ын завизжала, присев и закрыв глаза руками. Под плащом у маньяка ничего не было. Но зря он пялился в небо. Зря. Всегда нужно следить за тем, что творится у тебя под носом. Моему удару позавидовали бы и Марадонна и Пеле. Я пробил ему чётко между расставленных ног. С разгона и с полного замаха ноги.

— Ууууууу! — взвыл он, хватаясь обеими руками за своё «беспокойство» и складываясь пополам.

— Ааааааа! — заорал я, от острой боли, пронзившей мою правую ступню.

— Виинии! — непрерывно визжит Дже Ын, продолжая закрывать глаза ладонями.

— Ууууууу!

— Ааааааа!

— Виинии!

— Ууууууу!

— Ааааааа!

— Виинии!

— Вау-вау-вау... — добавилась к нашему трио сирена патрульной машины...

*Место действия.*

*Больница. Первый этаж со множеством коек, разделённых раздвижными занавесками. Это приёмный покой, куда привозят пострадавших. На одной из кроватей сидит, вытянув ноги, хмурая-прехмурая Юн Ми с забинтованной правой стопой. Рядом с её кроватью, на маленьком стульчике — Сун Ок.*

— Юн Ми, ты такая смелая! — восторженно глядя на меня, говорит Сун Ок, — полицейские сказали, что за задержание опасного преступника тебя могут наградить! Его уже целый год поймать не могут! Представляешь?! А ты — раззз! И поймала!

Ага, чуть ногу при этом об его мудни не сломал... Стальные они у него, что ли? Хотя, скорее, это Юн Ми — хрупкая... В футбол, небось, сроду не играла. А я — зафинделил со всей дури от злости... Результат — опухшая сверху стопа и растянутые связки сустава. Болит, блин... Судя по воодушевлению Сун Ок, про драку в школе, *онни* ещё не знает... Но не сомневаюсь, что весть о ней до неё дойдёт...

— Хорошо, что мне позвонили, а не маме, — блестя глазами, продолжает возбуждённо говорить Сун Ок, — она бы очень взволновалась бы! А я ушла с занятий и поехала к тебе в больницу. Доктор говорит, что ничего страшного и тебе можно ехать домой. Опухоль спадёт через день. Будешь снова ходить. Ну что, поедem домой? У тебя точно, ничего больше не болит? А что с твоими губами? Ты — упала? Или тебя маньяк ударил?

— Болит, — ответил я, немного подумав, — живот и... грудь болит.

— Грудь?! — поразилась Сун Ок, — грудь болит? Как она болит? Где?

— Везде... Как будто надутая...

— Надутая? А живот как болит?

— Как будто тянет... Внизу...

Сун Ок на мгновение задумалась, нахмурившись.

— Юн Ми! А где твой календарик? Когда у тебя месячные?

МЕСЯЧНЫЕ? У меня? А-А-А!! Кто-нибудь! Убейте меня.... Пожалуйста.... Убейте....

\* \* \*

*Место действия:*

*День спустя. Вечер. Дом мамы Юн Ми. Семья смотрит телевизор под поедание ужина.*

Сижу, смотрю какое-то развлекательное шоу по телевизору. Похоже, что смешное. По крайней мере, Сун Ок, периодически хихикает. Я же ничего не понимаю. Нет, что говорят — я понимаю почти всё. Не понимаю я смысла шуток. Помню, как однажды сказал мой преподаватель японского в институте: «Если вы выучили русско-японский словарь, вы выучили русско-японский язык. Недостаточно просто знать лексику и помнить все грамматические конструкции, необходимо знать реалии языка и общества, где этот язык используется, знать ту самую пресловутую „языковую среду“, про погружение в которую так часто говорят в своей рекламе различные языковые школы. Из шуток и сценок в обычную жизнь проникают слова и целые выражения, и если вы будете знать контекст и ситуацию, в которой это слово родилось, вам будет намного проще его выучить, понять, что оно значит, и главное — понять, что хочет сказать носитель языка, употребляя это слово. Когда до вас станет „доходить“ примерно 60 % от всех шуток и прибауток из юмористических шоу — вы будете хорошо знать язык. Когда эта цифра подберется к 95 %, тогда уже можно называть вас профессионалом в языке и официально подавать на гражданство... Хе-хе...»

Мда-а, похоже, учитель был прав... «Языковая среда» — это не фунт изюма...

Звонили из школы, сказали, чтобы я больше не приходил. Со слов мамы Юн Ми, директор не хочет рисковать репутацией школы. Он сказал, что вот-вот экзамены, а в школе — драка. Родители, которые будут недовольны баллами, которые набрали их дети, могут запросто обвинить школу, что в ней отсутствовали нормальные условия для их обучения...

В общем, позиция директора ясна. Зачем ему — подставляться? Я его прекрасно понимаю. На его месте, я бы, поступил так же. У него и так там ученицы травятся насмерть. Ещё скандалов с драками ему не хватало.

В доме траур, но виду стараются не подавать. Решили, что берём у врачей справку, относим её в школу и сдаём экзамены на следующий год. Меня это устраивает. У меня тоже траур. Сижу с больной ногой, в ожидании месячных у Юн Ми. Весь в предвкушении. Всё болит. Живот — болит, грудь — болит. Всё раздражает. Понятно, чего я на этого газовщика кинулся, который котел чистил. У Юн Ми просто — ПМС...

Блин, как можно так жить? Это что, каждый месяц такая ерундень теперь будет? Пффф.... Кажется, проще сдохнуть... В общем, всё — плохо. Нужно упираться. Сейчас месячные переживу — пойду искать работу и займусь языком. Это сейчас самое главное. Разобрался я, из-за чего драка

произошла. Я обратился к Юн Со И — «агасси», что в переводе значит — «девушка». Всё правильно. Это слово именно это и значит. Но, как объяснила мне Сун Ок, обращаться так к девушке ни в коем случае нельзя, поскольку слово «агасси» имеет ярко выраженный негативный оттенок. Так называют девушек легкого поведения. В редких случаях, старенькие дядечки и тетечки могут так назвать молодую девушку<sup>[22]</sup>. Негативный смысл это слово приобрело недавно, еще при жизни этих самых старичков, отсюда и использование ими этого слова по старой памяти. В русском языке есть похожее слово — девка. Классики, в своих произведениях спокойно используют это слово, описывая быт помещичьих усадеб или крестьянских дворов. Никто «бочку» от этого на классиков «не катит». Но попробуйте кого-нибудь сейчас назвать — девка. Враз схлопочите. Это понятно, когда объяснят, но я-то, откуда это знал?

Потом, я ещё обратился к ней — «но»<sup>[23]</sup>. Онни мне долго объясняла почему я был не прав. Я потом и в интернете подробности посмотрел. Короче говоря, употребление слова «ты» в корейском языке несколько отличается от употребления оногo в русском языке. В русском существует всего две степени вежливости, «ты» и «вы», в корейском же их несравненно больше, и «но» — это одна из самых низших ступеней обращения. Это местоимение могут употреблять только близкие друзья по отношению друг к другу, родители — к детям, и все. «Но», если использовано правильно, указывает на сильную близость людей, во всех остальных случаях оно весьма и весьма невежливо и подчеркнуто грубо. Если, например, начальник, начинает «нокать» подчиненному, он явно им недоволен и вот-вот перейдет на открытый крик и брань. Разумеется, это местоимение недопустимо по отношению к старшему, даже если у вас с ним очень хорошие отношения. Корейское «ты» — это всегда обращение сверху вниз, реже — обращение к абсолютно равному тебе. И хотя мы с Юн Со И одного возраста, и можно нас посчитать за равных, но в контексте начавшейся свары, моё «но» выглядело как продолжение эскалации конфликта. В общем, на пустом месте, просто стараясь быть вежливым, я сотворил безобразную ссору.

Эх! Что ж так неудачно — то всё складывается? Ещё с этой учёбой... Вкалывать, чтобы потом получать жалкие тыщу баксов? Или, всё бросив, куда-то уехать, начать всё с нуля и опять, же, получая жалкую тыщу баксов? Не, в принципе, со штукаря и у нас начинают... Меня это раньше как-то не печалило. Но, почему-то сегодня, эта сумма мне кажется жалкой и ничтожной. Может, это результат нашей прогулки с Сун Ок по Сеулу?

Ценники везде в магазинах — дай боже... Или, это так угнетающе действуют на психику критические дни? Интересно, а как в таком состоянии, как у меня сейчас, женщины ходят на работу? Это же просто кирдык какой-то.... Пфффф... Помнится, была такая шутка — поговорка для женщин. О том, как правильно выходить замуж: Надо либо выйти замуж так, чтобы не приходилось работать, либо найти такую работу, чтобы не приходилось выходить замуж...

Мой вариант — второй. Мне нужна такая работа — «чтобы не приходилось выходить замуж»... И чтобы не тысяча баксов...

— Юн Ми, смотри, смотри! Сейчас будут показывать концерт группы *Ye-A* в Токио Доум, в Японии! — обернулась ко мне Сун Ок.

Пока я сидел, печалился, шоу закончилось. Под бодрую ритмичную музыку на экране телевизора появилось изображение четырёх девушек.

— Ты их помнишь, Юн Ми? Они тебе очень нравились! Ты даже хотела стать *айдолом* и выступать вместе с ними, хи-хи-хи!

Сун Ок, весело засмеялась, а я, замерев, с палочками во рту, вытаращился на экран, на котором начался первый номер концерта.

Так вот же... ОНО!!

\*\*\*

— Юн Ми, смотри, смотри! Сейчас будут показывать концерт группы *Ye-A* в Токио Доум, в Японии! — сказала Сун Ок, обернувшись от телевизора к Юн Ми.

Та, вынырнув из своих мыслей, вопросительно посмотрела на сестру, потом, поняв, что ей говорят, меланхолично перевела взгляд на телевизор.

— Ты их помнишь, Юн Ми? Они тебе очень нравились! Ты даже хотела стать *айдолом* и выступать вместе с ними!

Весело рассмеявшись, Сун Ок снова повернулась к сестре предлагая посмеяться вместе. Но поддержки она не получила. Юн Ми сидела, замерев, с палочками для еды во рту и, изумлёнными, широко распахнутыми глазами смотрела на экран.

— Юн Ми, ты что? — испугалась Сун Ок, — что с тобой? Или... Ты всё вспомнила?! Да?!

Юн Ми неспешно вынула изо рта палочки, оглядела *онни*, перевела взгляд на маму и голосом человека, абсолютно уверенного в том, что всё будет, так, как он говорит, сказала:

— Я стану — айдолом!

## **Шкурка седьмая**

*Место действия:*

*Комната в доме мамы Юн Ми. Работает телевизор. Маленький столик, уставленный чашками с едой. Сун Ок и мама удивлённо смотрят на Юн Ми. Та же, до этого вяло ковырявшаяся в своей чашке, энергично работает палочками, быстро кидает в рот рис и быстро жуёт, с видом человека, увидевшего решение своей проблемы и усиленно обдумывающего пришедшую к нему в голову мысль.*

— Дочка.... Ты... шутишь? — удивлённо спросила мама, наклонив голову и с тревогой заглядывая ей в лицо.

— Почему? — спросила Юн Ми, активно двигая челюстью.

— Ну... — растерялась та, — просто... Стать *айдолом* — очень сложно!

— Я знаю, — кивнула Юн Ми, проглотив очередную порцию риса.

— Юн Ми, в агентствах очень большой конкурс... — осторожно сказала Сун Ок, переглянувшись с мамой.

— Я пройду, — уверенно сказала Юн Ми, продолжая жевать и что-то обдумывать, смотря при этом куда-то вдаль, сквозь стену.

— Как — пройдёшь?

— Просто. Возьму и пройду.

— Но, Юна... Это совсем не просто! По телевизору, в передаче, когда рассказывали о *SM Entertainment*, сказали, что агентство, из четырёх тысяч претенденток отобрало всего две девушки! Две девушки из четырёх тысяч! Представляешь, какой это конкурс?!

— Круто, — прекратив жевать и задумавшись на мгновение, кивнула Юн Ми и обернулась к Сун Ок, — А почему выбрали именно их?

— У них была модельная внешность.

— И всё?

— Не только. Но внешность сыграла главную роль. Юна, у тебя нет такой внешности как у них! Тебя не возьмут!

— Посмотрим, — хмыкнула Юн Ми, вновь обращаясь к своей чашке.

— Доченька, деточка, — ласково сказала мама, — послушай свою старшую сестру. Она правильно говорит. Стать звездой очень сложно. Это случается с одним из тысяч. Лучше подумай о том, как хорошо окончить школу и поступить в университет.



— Чтобы потом получать тысячу долларов?

— А что в этом плохого, получать целую тысячу долларов?

— Они нас не спасут... — рассеяно ответила Юн Ми, жуя и смотря в одну ей видимую даль.

— Юн Ми, дочка! Что значит — «не спасут»? О чём ты говоришь?

Мама непонимающе, с недоумением посмотрела на младшую дочь. Та, в ответ, вынырнув из своих мыслей, перевела взгляд на неё и коротко вздохнув, принялась объяснять: Мама, у нас — кредиты. Мы живём в доме, который нам не принадлежит. *Онни* нужно учиться ещё три года. Рядом с нами строят торговый центр. Ты знаешь, что это значит. Что будет с нашими доходами через год — я не знаю. Хорошо, если будет хватать на выплату кредита и еду. На меня — денег нет. Какой смысл пытаться поступить в университет, если на учёбу нет денег? Для начала, нужно сначала начать нормально жить, а потом уже думать об учёбе. А чтобы нормально жить, нужно, чтобы кто-то хорошо зарабатывал. Твой бизнес много денег не приносит, Сун Ок сейчас учится. Значит — остаюсь я. Я буду зарабатывать.

— Юн Ми, как это, на тебя — «нет денег»?! — искренне возмутилась мама, взмахнув руками от полноты чувств, — да что ты такое говоришь, негодница?!

— Юна, не говори так! Я заработаю денег на твою учёбу! — тоже, с возмущением в голосе воскликнула Сун Ок.

Юн Ми пристально посмотрела в лицо мамы, потом в лицо сестры. Несколько секунд помолчала, смотря в пол.

— Спасибо, что вы меня так любите и беспокоитесь за моё будущее, — сказала она, поднимая взгляд, — но, — вопрос решён. В университет я не пойду. Мне, это — неинтересно. Я стану *айдолом*. Всемирно известным.

— Дочка, да что ты такое говоришь? — лицо мамы исказилось как от боли, а в голосе послышались слёзы, — как это ты — не пойдёшь учиться? Как же ты тогда будешь жить? На что? Кем ты станешь? Слышать ничего не хочу! На следующий год ты пойдёшь учиться! Ты меня поняла?!

Юн Ми промолчала, лишь поджала крепко сжатые губы.

— И не смей делать такое лицо, упрямыца! Слушай, что говорит тебе твоя мама! Пока я жива, будешь делать так, как я скажу! Ты меня поняла?!

— Глупо.

— Как ты разговариваешь с матерью? — возмутилась Сун Ок, — а ну, немедленно извинись!

Юн Ми, поджав губы, неуверенно, из-за больной ноги, поднялась на

ноги.

— Прошу меня простить, — сказала она и поклонилась, — я пойду.

— Куда пойдёшь? — не поняла Сун Ок.

— Мне нужен интернет и — подумать, — ответила та, и, развернувшись к ней спиной, похромала к выходу из комнаты, чуть слышно шипя при этом от боли.

Сун Ок и мама, онемев, смотрели вслед младшей.

— Спасибо за ужин, — остановившись в дверях, не оборачиваясь, сказала Юн Ми, — всё было очень вкусно.

— Что это с ней такое? — повернулась мама от опустевшего дверного проёма к своей старшей дочери, — что за странная мысль пришла ей в голову?

— Не знаю, — нахмутив лоб, ответила Сун Ок, продолжая смотреть в след ушедшей сестре.

— Она себя так необычно ведёт... — покачала головой мама, — И говорит, ну в точности как её отец! У него тоже была такая манера — я решил! И всё тут. Что хочешь с ним делай...

— Мам, не надо...

— Ах, если бы я тогда не заболела!

— Мама, не надо! Хватит об этом говорить! Давай, лучше подумаем, что нам делать с Юн Ми. Может, ей нужны какие-нибудь лекарства? Она вся какая-то... нервная!

— Лекарства? Может, мне сварить ей ещё — «здорового супчика»? Она его с удовольствием съела...

— Мама, давай не будем экспериментировать с твоим супчиком! Я отрицательно отношусь к этой идее. Думаю, нам нужно поговорить с доктором.

— Думаешь?

— Да. Сами мы ничего не придумаем.

\* \* \*

*Место действия:*

*Комната сестёр. За столом сидит Юн Ми, перед нею раскрытый ноутбук. Юн Ми ждёт, пока загрузится операционная система.*

Что у меня такое с головой? Чего я так в этого «переводчика» вцепился? Наверное, потому, что привык думать, что это моя будущая

профессия. Но ведь у меня есть ещё одна специальность — музыкант! Пусть меня талантом не считали, но музыкальную школу я окончил с отличием. Владею нотной грамотой, умею играть на фортепиано, рояле, синтезаторе. Акустической и электрогитарой немножко баловался... Акустика — для девчонок. Где-нибудь под звёздами побренчать, у костра... Электро — типо крутой рокер-мэн. Как «вжаришь»! В жизни ведь не только переводами можно зарабатывать! Музыкой — тоже можно! Да ещё как! Если «прикинуть», сколько я знаю классных мелодий... Классика — Шопен, Бетховен, Чайковский... Хиты — 60-х, 80-х, 90-х... Мелодии и песни из кинофильмов... А современная эстрада? Мадонна, Гага, Шакира... Ещё земная японская и корейская попса — АКВ48, T-ara, Orange Carmel... Мелодии и песни из дорам... Да это же золотое дно! Да! Ещё я знаю сюжеты кассовых фильмов! Можно будет попытаться написать и продать какой-нибудь сценарий. Например, к фильму — «Терминатор» или, скажем... «Матрица»! А что? Топовый американский сценарист — уверен, что это дорого. Ну, ладно, бог с ним, пока с Америкой. Далеко до неё пока. Но и сюжеты к дорамам, думаю, можно будет здесь неплохо продать. Я их ведь столько пересмотрел! Блии-иин, какие перспективы! Аж ладони зачесались! Вспомнить бы только это всё...

Так, пока комп грузится... Что я ещё могу? Хмм...

Ещё я знаю всякие шутки, анекдоты и тосты. Специально заучивал. Где мы только не «лабали» с парнями — и на свадьбах, и на юбилеях... То Новый год, то 8 Марта, то «днюха» чья-то, то корпоратив, а то и совсем — детский утренник... А люди любят, когда не только музыка, но и юмор есть. Умение исполнителя что-то вовремя сказать, удачно пошутить — очень приветствуется у народа, особенно подвыпившего. И зачем мне, спрашивается, сцепив зубы, «на бровях», лезть в университет? Чтобы потом, отучившись в нем пять лет, получать какую-то смешную штуку баксов? Ещё и за кофеем гонять будут, все, кому не лень. Да я... Да за эти пять лет! Да вообщеее! Фух!..Так, комп «завёлся», наконец... Давайте посмотрим, что тут пишут о корейской эстраде...

Оставив сладкие мечты, я погрузился в пучину интернета. Минут через пятнадцать вебсерфинга, картина прояснилась.

Так! — подвёл я краткое резюме проведённому поиску, — здесь тоже есть *к-поп*, *айдолы*, музыкальные агентства и пресловутая *Корейская волна*, о которой, как и у нас, похоже, особо никто не знает, кроме самих корейцев... Странное совпадение... Ладно, мне же лучше. Хмм... Какая интригующая ссылочка — «*К-роп: Кто заработал больше всех за первую половину 2012 года?*» Ну-ка, кто тут сколько заработал?

Я перешёл по ссылке и принялся читать текст под заголовком:

*«К-рор: Кто заработал больше всех за первую половину 2012 года?»*

*Недавно Юна из SNSD была названа самой высокооплачиваемой девушкой среди участниц различных групп.*

*12 июля в новом эпизоде E!'s K-star News рассматривались доходы участниц девичьих групп. Юна, по итогам анализа, стала самой высокооплачиваемой участницей группы в Корее. Она появилась в 20 рекламных роликах и получила около 10 миллионов вон за каждый эпизод дорам. Таким образом, в первой половине этого года, звезда заработала больше 4 миллиардов вон (~\$4 млн).*

Неплохо... Четыре ляма долларов за полгода! Это вам не тысяча баксов....

Интересно. Тут тоже есть SNSD. А какие песни у них? Если те же самые — это будет плохо. Нужно узнать!

Сделав заметку в памяти, я продолжил чтение.

*«....Следом за ней идут, Сюзи, UEE и Со Хи. Между тем, самой богатенькой сольной певицей стала IU, заработав около 10 миллиардов вон. Молодая певица IU, которой лишь 19 лет, упорно трудились, начиная с ее дебюта в 2008 году. От продаж своих альбомов и проведенных концертов, певица получила более 6 млрд. вон. IU также заработала более 4 млрд. вон за съемки в фотосессиях, дорамах и различных рекламных роликах. Несмотря на свой юный возраст, она смогла заработать большую сумму. На шоу канала SBS „Сильное сердце“ IU сказала, что мама управляет её доходами.»*

Ва-уу! «Сольники» тут тоже неплохо получают!.. IU — девятнадцать лет. Почти мой теперешний возраст. Вот чем надо заниматься, а не зад на лекциях отсиживать! Хм... Мама Юн Ми и Сун Ок явно против моего выбора. Женщины, что с них взять? Действуют, как принято. Хотя... Они ведь не знают того, что знаю я? Возможно, расскажи я им, они бы и сменили позицию... Но делать я этого не стану. Точно тогда в сумасшедшие запишут... Однако, и молчать нельзя, пытаюсь всё сделать тихой сапой. Юн Ми несовершеннолетняя и если у меня возникнет необходимость заключения каких-либо договорных отношений, расписываться за меня будет должна мама Юн Ми... Так что нужно продолжать гнуть свою линию, делая упор на финансовую сторону вопроса, так как я уже сделал. Желание заработать деньги выглядит более понятно и разумно, чем желание, к примеру, творить, или желание мировой славы.

— Юн Ми, что ты делаешь?

В комнату быстро вошла возбуждённая Сун Ок.

— Смотрю, кто, сколько зарабатывает в к-поп, — с невозмутимым видом ответил я, смотря в экран ноутбука.

*Онни* подошла и встала за моей спиной.

— О, Юна! Она очень красивая. Она мне нравится! — сказала она.

— Мне тоже. Но ещё больше мне нравится её работа. Она заработала больше 4 миллиардов вон за полгода.

— Четыре миллиарда? — поразилась Сун Ок.

— Да. Вот, почитай, — сказал я, вылезая из-за стола и освобождая ей место за ноутбуком.

Сун Ок села на стул и быстро прочитала короткий текст.

— Здорово! — сказала она, обернувшись ко мне, — но для этого нужно иметь очень большой талант. Чтобы получать такие деньги. Понимаешь?

— Думаешь — у меня нет таланта? Сама ведь говорила, что я хорошо играла на *каягыме*.

— Ну! *Каягым* — это одно, а стать *айдолом* — это другое. На *каягыме* многие играют...

— Я стану *айдолом*.

— Юн Ми, откуда у тебя вдруг появилась такая уверенность?

— Я просто знаю, что так будет. Поверь.

Сун Ок осуждающе покачала головой.

— Юн Ми, то, что ты хочешь сделать — очень сложно. Тысячи и тысячи подростков мечтают в Корее об этом. Но только единицы достигают своей мечты. Все остальные остаются ни с чем. Всё кончится тем, что ты просто зря потратишь время, попытаешься стать звездой. Время, за которое ты можешь получить образование. В результате, у тебя не будет нормальной работы и ты не сможешь найти себе хорошего мужа. Забудь об этом. Займись учёбой! Если ты беспокоишься о деньгах, то не волнуйся. Мы с мамой найдём средства на твоё обучение.

Хм, похоже, она категорически против. Как её убедить? Может, добавить немножко мистики? Девушки легко верят во всякие «такие штуки».

— Нет, *онни*, — отрицательно покачал я головою, — жизнь, она так или иначе, всё равно кончится. Вне зависимости от того, хороший ты университет закончила или не очень. Ты всё равно умрёшь. Так же как я, как и все остальные люди. Только, когда это случится, ты будешь очень жалеть, что была как все. Не позволила себе жить так, как хочется. Я уже один раз умерла. Я знаю.

В комнате наступила тишина. *Онни* молчала, смотря на меня

расширенными глазами и часто дыша. Видно было, что мои слова её взволновали. Я грустно улыбнулся ей. Да, в принципе, ничего я тут не наврал. Обидно, когда жизнь заканчивается, а ты — ничего не сделал. Был — как все. И вот ты умер, но никто кроме твоих близких, этого не заметил, ибо, таких как ты — полно! Одним больше, одним меньше... Кому какая разница?

— Юн Ми, ты обещала мне рассказать.... Ты что-то... видела?

Я прищурился, глядя на Сун Ок.

— Темнота, — выдержав паузу, ответил я ей, — темнота, внутри которой есть ещё большая темнота. И она смотрит на тебя...

— Смотрит? Темнота?

— Да.

— Там... кто-то был?

— *Онни*, не стоит говорить об этом. Ночь за окном...

— Аа-а... Ну да... Хорошо...

Сун Ок обернулась и посмотрела в тёмное окно. Вид у неё был встревоженный.

— Юн Ми, то, что ты решила стать айдолом... Тебе кто-то это сказал? Ну, *там*...

— Нет, — отрицательно покачал я головой, — это моё желание. И я знаю, что у меня — получится. Не волнуйся. Всё будет хорошо. Я справлюсь. Лучше, помоги мне.

— Помочь? Как?

— Просто не ругай меня.

— Но, Юн Ми... А что, если ты ошибаешься? И у тебя ничего не выйдет?

— Выйдет. По-другому просто быть не может. Давай, закончим этот разговор. Уже поздно. Тебе завтра в университет, а я пойду искать работу.

— Работу? Как, работу?

— Ну не могу же я сидеть на ваших шеях?

— Юн Ми, что ты говоришь?! Ни на чьих шеях ты не сидишь! Ты что, разве — чужая? Не вздумай такое маме сказать! Ты меня поняла?!

— Да, *онни*. Прости. Просто я хотела сказать, что пойду работать.

— Какою работу ты сможешь найти без образования?

— Которая занимает мало времени и приносит много денег, — улыбнулся я.

— Где ты такую найдёшь?

— Посмотрим. Как говорится — «будет день, будет и пища». Давай спать.

- Кто это так говорит?
- Ммм... не помню. Давай спать. Спать хочется.
- Хорошо. Давай спать. Завтра поговорим.
- Да, *онни*.

\* \* \*

*Место действия:*

*Комната сестёр в доме мамы Юн Ми. На полу, расстелен тонкий матрасик, на котором, под цветастым мохнатым пледом, свернувшись клубочком, лежит Юн Ми.*

Оууу, как же мне плохо... Как мне плохо... уууу....Как женщины живут с этими месячными? Кажется, я сейчас сдохну...

У Юн Ми, наконец, пришли «праздники». Вот, умираю, под пледом, ощущая всё их праздничное волшебство вместе с ней. Мама Юн Ми, вместе с двумя работницами, которым она платит, работает внизу, в ресторанчике. *Онни*, не выспавшаяся и недовольная, поехала в университет, прихватив ноут Юн Ми, пообещав отдать его компьютерщикам. Не выспавшаяся потому, что я полночи крутился от перевозбуждения, тасуя в голове пачки вариантов идей, скопом приходящих в голову. А потом, под утро, у Юн Ми случилась «катастрофа». Не имея опыта в борьбе с «бедой», я перепачкался сам и одежду выпачкал. Моя возня разбудила Сун Ок. Пообещав мне выписать «люлей» за свой порушенный сон, *онни* оказала неоценимую помощь в ликвидации последствий «аварии». Утром я чувствовал себя так, словно побывал под асфальтовым катком. Всё тело ломит, тоже не выспался, ещё и какие-то «протечки» происходят. Мама Юн Ми, посмотрев на меня — покачала головой и пообещала приготовить к обеду «здоровый супчик». Как только привезут какое-то специальное мясо. Она пообещала, что мне с него обязательно должно полегчать. Это было бы хорошо, если бы полегчало. Готов чёрта лысого съесть, лишь бы отлегло. В общем, выказав мне сочувствие, все занялись своими делами, бросив «умирать» меня в одиночестве. Блин, даже нута нет! Хоть посмотрел бы, что там, для облегчения «ощущений», пьют при таких делах. Краем уха когда-то, где-то слышал, что вроде витамины нужно пить. Но какие? И с прокладками нужно разобраться. Они, оказывается, разные бывают... Эхххх, никогда не думал, что придётся узнавать такие вещи! Но если сам не сделаешь, никто не сделает! Невозможно же, каждый месяц,

превращаться в такую развалюху?! Но, зато, сейчас мне никто не мешает. Лежу, привожу в порядок мысли, которые надумал за ночь....

Короче говоря, ещё несколько раз тщательно обдумав неожиданно пришедшее мне в голову решение, я пришёл к выводу, что внезапное озарение «озарило» меня совершенно правильно.

Во-первых, занятие. Я действительно люблю музыку и мне нравится выступать на сцене. Когда играешь для зала, полного людей, когда все на тебя смотрят, слушают, подпевают... Это такие ощущения... Ух! Даже не знаю, как передать словами. Это нужно хотя бы раз испытать. Слова тут бессильны. Так что, выбранное занятие будет для меня совершенно не напряжным. Более того — оно будет мне интересным. Как говорится в известной поговорке — «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни»! Я на это абсолютно согласен.

Во-вторых, деньги. Звёзды хорошо зарабатывают. Главное, следить за условиями контракта, который подписываешь, думать, прежде чем подписывать, и следить за своими агентами, чтобы не надували. Ничего невероятно-сложного в этом нет. В любом деле нужен контроль за своими деньгами, иначе тупо обворуют.

В-третьих, это занятие отлично подходит для меня как для парня, попавшего в женское тело. Звёзды эстрады, они ведь себе не принадлежат. Кумиры принадлежат поклонникам. В корейских дорамах эта тема чётко раскрыта. Стоит только *айдолу* попытаться обзавестись «своею половинкой», как на него тут же обрушивается ярость фанатов, которых он «бросил», предпочтя всем им, кого-то одного, конкретного. Лично мне этот момент очень подходит, поскольку обзаводиться «половинкой» я не собираюсь. Я буду любить фанов, они будут любить меня. И если ко мне начнут приставать, требуя, чтобы Юн Ми вышла замуж, я всегда могу сказать, что моя семья, это мои фанаты. Они будут счастливы, услышав подобное от своего идола. А те, кто не поверит, посмотрят на мой доход и найдут себе объяснение в нём, решив, что я люблю больше всего на свете деньги, которые я «дою» с фанов. И всё будет нормально.

Главное, что никаких *кунчанимов*<sup>[24]</sup>, которые будут устраивать мне принудительные свиданки или подбирать мне пару, уже не будет. Каждая звезда имеет право на экстравагантность и на свою, особенную, «болезнь» головы. Все знают, что у эстрадных топов, зачастую, с мозгами не всё в порядке...

Можно тогда даже будет никуда и не уезжать из Кореи. Жить на одном месте разумнее, с точки зрения обзаведения жильём и имуществом. А мир посмотреть можно будет, едзя в мировые турне... Мнда...



В-четвёртых — у меня есть «стартовый капитал», необходимый для начала любого дела. Это хиты-тексты, хиты-фильмы, хиты-шутки, хиты-мелодии, которые помогут мне быстро «раскрутиться» и стать известным. Что лучше: нервно блуждать в потёмках, думая — будут ли слушать то, что ты написал или уверенно «шлифовать» исполнение песни, чётко зная, что это хит? Конечно же, второй вариант, несомненно, лучше.

Вот, четыре ясные и понятные причины, аргументирующие мой выбор. Все остальные занятия, которыми я бы мог заняться в этой жизни, проигрывают профессии *айдола* — вчистую. Большие вложения времени и сил, при малой, а то и вообще неопределённой отдаче...

Остаётся только реализовать задумку. И вот тут возникает масса вариантов. В зависимости от тактико-технических характеристик тела Юн Ми.

Первое — голос. Я без понятия о её вокальных данных.

Второе — её способность к хореографии. Судя по пропорциям её тела, ничего хорошего мне ждать, здесь не стоит. Очевидно, что нужно начинать худеть ударными темпами, чтобы избавиться от этих лях и начинать бегать, дабы поднять выносливость для танцев и развить дыхалку, для пения. Похоже, девочка отродясь спортом не занималась. Придётся сидеть голодом, бегая при этом как лось... Мда, весёлая жизнь меня ждёт...

Третье — руки. Нужно посмотреть, что у неё с пальцами и кистями. Как быстро я смогу восстановить свою технику игры, да и смогу ли вообще? Не! Без синтезатора я ничего сделать не смогу. Придётся костылями лечь, но добиться необходимого уровня.

Четвёртое — внешний вид. С таким фейсом как у Юн Ми, сложно рассчитывать на что-то на эстраде. Слышал, что в нашей Южной Корее очень развита «пластика». Нужно будет узнать, как с этим дело обстоит тут. Если так же, следует сходить в какую-нибудь клинику и попытаться понять — можно, что-нибудь сделать с её лицом, или нет? Если нет, то тогда, придётся ориентироваться только на написание песен для кого-то и сценариев. Обидно, однако, будет...

Тоже, как ни странно, получилось четыре пункта.

Ну и теперь, технические, так сказать вопросы...

Первое — доехать до аэропорта, «поконтакиться» с иностранцами, с целью понять, что у меня осталось от моих знаний по языкам.

Второе — мне нужен инструмент. Профессиональный синтезатор и достаточно шустрый комп с какой-нибудь SoundStudio, для работы со звуком.

И третье — мне нужны деньги. На синтезатор, на уроки вокала, на

студию танца, ибо сам я, практически ничего не смыслю ни в профессиональных танцах, ни в профессиональной пении. Вполне возможно, что деньги понадобятся ещё на «пластику», на одежду, на запись песен, на визажиста, на костюмера... Сомневаюсь, что смогу правильно подобрать сценический костюм для Юн Ми, поскольку я парень, а она — девушка. Могут понадобиться деньги на видеоклип... А ещё нужно каждый день есть, пить, ездить на транспорте и что-то покупать, те же прокладки к примеру, будь они неладны! Похоже, первым вопросом, который следует решать — это вопрос денег. Попутно собирать информацию о местной эстраде, купить синтезатор, учиться заново играть, петь, танцевать... Но на первом месте — деньги...

Ёлки — палки! Просил же эту Гуань Инь, дать мне умение их зарабатывать! Нет! Всучила какую-то «красоту». В итоге — ни того, ни другого. А «красота» мне бы сейчас очень пригодилась бы... Мда... Обманула, богиня... От жешь, сплошной жульё кругом! Даже здесь...

Блин! Что-то там опять... течёт! Чёрт! Чёрт! Чёрт!

\* \* \*

*Место действия:*

*Большой зал аэропорта с блестящим серым мраморным полом и с высокой, лежащей на ажурных металлических балках, крышей. У панорамного окна, с видом на лётное поле, стоит Юн Ми, провожая грустным взглядом взлетающий аэробус.*

Эх... Сесть сейчас бы в этот самолёт, да махнуть бы на нём до Москвы! А там: мама, папа, парни, институт... Всё бы отдал, за билет на такой рейс! Но, увы... Мечтать, конечно не вредно, но в здешних кассах такие билеты не продают...

Я глубоко вздохнул, смотря на исчезающий вдали самолёт.

Сегодня я — «русо туристо». С «облико морале» и прочими делами, включая мелкую сумму кэша «на кармане». Слиял из дома, под предлогом поиска работы. Пообещал маме Юн Ми, что похожу в округе, поищу работу, но сам сделал «рывок» и, в «рывке», достиг сеульского международного аэропорта — Инчхона. Телефон я «забыл» дома, так что до возвращения, меня никто не побеспокоит. Получаю лёгкое чувство удовольствия от того, что я, наконец — один. Что за мною никто не «присматривает».

Моё желание пойти с утра искать работу, встретило неодобрение у женщин. *Онни* хмурилась, мама Юн Ми вообще сказала, что не понимает, зачем мне куда-то идти? У неё есть место на кухне, где я себе вполне себе могу ей помогать.

— Да, — согласился я с ней, и добавил, — вот только денег это в семью никаких не принесёт. Просто женщины, которым ты платишь, будут меньше работать. И всё.

Мама Юн Ми не нашлась, что сказать на это. Зато Сун Ок предложила, сначала вспомнить, как правильно разговаривать с людьми, а уже потом, пытаться устроиться на работу. А пока — можно и маме помогать...

Ну что ж, вполне разумно...

— Хорошо, — легко согласился я, — *онни*, думаю, что ты права. Я так и сделаю. Схожу, завтра, немного погуляю, попробую вспомнить, что тут в округе есть, а потом буду помогать маме.

Сун Ок и её мама с удивлением переглянулись, услышав что я сказал. Наверное, Юн Ми, просто так не соглашалась с доводами старших... А может, ещё почему переглянулись. Не знаю. Но согласие на одиночную прогулку, хоть и со скрипом, я получил. Вчера вечером, у Юн Ми, месячные «закруглились», и я почувствовал себя гораздо лучше. Вполне способным к передвижению. Опухоль на ноге тоже спала, осталась лишь лёгкая хромота. В общем, я решил выполнить первую часть своего плана — доехать до аэропорта. Взяв у *онни* её ноут, под предлогом выполнения очередного присланного врачом задания, я, по-быстрому, «пробил маршрут», записав его ключевые точки на бумаге. Надоело уже плыть по течению! Сходи туда, сделай то, скажи сё! Нужно двигаться! Рулить самому! Тем более, что делать в доме особо нечего. Ноут Юн Ми обещали починить за три дня. Свой, Сун Ок уносит с собою в университет. Он ей там нужен для учёбы. Для добычи информации остаётся телек. Но как-то я привык к интернету и не особо доверяю этому ящику «с говорящими головами». Не, в интернете тоже соврут — недорого возьмут, но в сети гораздо больше мнений на один и тот же вопрос. Можно его тщательно «обмусолить» с разных сторон... Плюс ещё моё знание корейского... В общем, без интернета мне — никак!

Короче говоря, я «усвистал» в Инчхон, решив посмотреть всё своими глазами и услышать всё своими ушами. Деньги на поездку собрал по частям. Что-то осталось с первого нашего похода с *онни* в город. Тогда она мне их дала — «на всякий случай». Вчера я попросил у неё ещё, а утром, уже уходя из дома — «стрельнул» немного у мамы Юн Ми. В общем, на дорогу, туда и обратно, мне, по расчётам, хватает. Первый участок пути был

через метро. Метро в Сеуле мне понравилось сразу. Красивые, чистые станции, без ощущения пыли в воздухе. Большие, просторные, современные вагоны. Гораздо шире, чем в Москве. Внутри — кондиционированный воздух. Сун Ок рассказала, что температура воздуха в составе — разная. По центру — воздух в вагонах более тёплый. В крайних вагонах — более холодный. Можно выбирать, кому, как нравится. Мне такая придумка очень понравилась. Мелочь, как говорится, а приятно. Сразу видно, что о пассажирах заботятся. В вагонах, по краям — сидения тёмно-красного цвета. Сун Ок сказала, что лучше на них никогда не садиться. Эти места для пожилых людей.

— Знаешь, какие *ачжуммы*<sup>[25]</sup> противные бывают? — наклонившись ко мне, доверительно произнесла Сун Ок, — увидят, что ты на место для старших села — на весь вагон опозорят! Лучше на них вообще не садиться...

Похоже, *онни* раз попалась, — подумал я, кивнув ей с умным видом, — бабки, похоже, везде — скандалистки...

Ещё, на станциях есть туалеты. Странно, но действительно так. Заглянул, посмотрел. Нормальный, чистый туалет... Зайти не страшно, не смотря на то, что он находится в таком напряжённом по человеко-потоку, месте. Я, в общем-то, и отправился в поездку, зная, что в метро они есть. Если у Юн Ми, вдруг, в дороге, возникнут проблемы, будет, где их решить...

Ещё, из интересного в метро — на входах на станции, у стен, стоят электронные девайсины, похожие на наши терминалы для оплаты телефона. Только, внешним видом, значительно круче. Люди к ним подходят, то ли что-то фотают, то ли что-то скачивают с них, на свои сотовые... Не знаю, что это такое, пока не разбирался. Ещё есть большие панели «интерактивного поиска». Можно посмотреть план города, где какие улицы находятся рядом с метро, подвигать, укрупнить, уменьшить картинку. Я с одной такой панелью «поигрался», воспользовавшись отсутствием у неё людей. Ну, что сказать? Забавно...

Потом, после метро у меня был автобус. Аэропорт Инчхон находится в 70-ти километрах от Сеула. Автобус, «допилит» до него за час с копеечкой, делая остановки по пути. Билеты я взял на обычный рейс, не на экспресс, поскольку тот дороже на пять баксов. Разница по времени с экспрессом — двадцать минут. Та, я, в общем-то, никуда не спешу... До пятницы, как говорится, я совершенно свободен... Пока ехал, смотрел в окно на незнакомые пейзажи, ощущая себя туристом в экскурсионном автобусе. Вроде всё тип-топ и я еду отдыхать. Пока доехал до Инчхона, настроение

улучшилось на сто процентов.

Инчхон меня особо не впечатлил. В интернете прочитал про него, что он, уже пять лет подряд, признаётся лучшим в мире, по версии какого-то там международного совета Аэропортов. Ну, красивый, да. Чистый. Большой. Но, если сравнивать с тем же Домодедово... Чтоб уж так — лучший в мире? Ну не знаю...

В аэропорту я уже час с лишним. За это время поговорил с французами, немцами, англичанами, японцами. С нашими поговорил. Все так забавно на меня вытаращиваются, когда я обращаюсь к ним на их родном языке. Удивляются. Но я объясняю, что учусь в Сеульском университете, а тут просто пытаюсь проверить свои знания у «носителей языка» и, народ, после такого объяснения — «отпускает». Люди начинают улыбаться, кивать головами, смеяться. Наших, впрочем, это не касается. Наши так и остались, с подозрительными физиономиями... Бдят? Хе-хе... Удивительно, но все, с кем я пообщался, сказали, что я говорю очень чисто, без акцента. Не верили, что я всю жизнь провёл в Корее. Спрашивали, не жил ли я в Германии, Англии, Франции? Пффф... Это несколько странно... Пусть я и имею способности, но языковой практики у меня-то особой не было. Откуда же из меня лезет этот чистый и не замутнённый акцентом — говор? Непонятно... Не, я конечно, только — за! Но всё же... странно!

Из запланированного мною списка на «поговорить» не охваченными остались только итальянцы и испанцы. Почему-то за час, проведённый в аэровокзале, мне никто из них не попался на глаза. Ну, нет, значит, нет. Не судьба. Думаю, что это не принципиально. Если я помню всё, что знал на других языках, то почему я должен был забыть итальянский и испанский? Думаю, что с ними будет как же, как и с другими. Проверять некогда, ибо время у меня уже на исходе. Пора возвращаться назад. Иначе меня потеряют, и будет скандал. Тем более, что у меня есть ещё одно дело...

Гуляя по залам, я несколько раз видел рекламный ролик, демонстрирующийся на больших телевизионных экранах. В ролике фигурировала симпатичная корейская девушка за небольшой стойкой-будкой зелёного цвета, с надписью на английском языке — «Information Help». Ролик на разных языках призывал всех иностранцев, не владеющих корейским языком, обращаться в такие будки, для получения информации — куда, как и на чём проехать. Где, какие гостиницы, достопримечательности, да и вообще, короче говоря, по любым другим вопросам. Вот у меня и появилась мысль, глядя на эти ролики — «Не узнать ли мне там насчёт работы?». А что? С моими знаниями — вполне подходящее место. Правда, я не представляю «куда как проехать» и в

корейском — «плаваю». Но узнать-то можно? Вдруг, какие варианты будут?

Ладно, пошли, — вздохнул я про себя, бросив последний взгляд на стоящие у здания самолёты, — нужного мне рейса тут нет.

Вздохнув ещё раз, я повернулся спиной к окну и направился к эскалатору, со второго на первый этаж. Стойки «Information Help», по информации рекламного ролика, располагались там, возле выхода пассажиров в город. Через пару минут, длинная ступенчатая лестница неспешно вёзла меня вниз. Я задумчиво смотрел сверху на зал перед выходом на улицу, благо с высоты он виден почти весь. Неожиданно моё внимание привлекла группа людей, находящаяся чуть в стороне от центрального прохода. Парень, в светло-коричневом пальто, синих джинсах и белых кроссовках. Шея — замотана в тёмно-красный шарф, на глазах большие солнцезащитные очки. На правом плече — небольшая, коричневая сумка. Его встречающие — четверо плотных мужчин в чёрных костюмах и чёрных очках, стоящих слева и справа от невысокого мэна<sup>[26]</sup>, видно, главного среди них. Мэн, сделав два шага вперёд, к парню, похоже, что-то произнёс, почтительно поклонившись. Его подчинённые повторили поклон, замерев в согнутом положении.

Мафия какая-то, — подумал я, наблюдая сверху за этим действием.

Парень, к которому было обращено приветствие, почему-то отвечать на него не спешил. Он поднял голову и посмотрел вверх, на меня. Хотя на нём были очки и было не видно, куда именно он смотрит, у меня возникло ощущение, что смотрит он — именно на меня. После пары секунд моего разглядывания, он опустил голову и что-то произнёс, сделав при этом небрежный кивок. Мужики в чёрном, выпрямились и двинулись вперёд, беря парня в «коробочку». Их главный, сделал приглашающий жест в сторону двери и ушёл вбок и чуть назад, за парня. Заинтересовавшая меня группа двинулась на выход.

Чего? Чего он на меня так уставился? Что, с Юн Ми что-то не так? Вот ещё мне внимания мафиози не хватало! Хотя, может он и не мафиози... Просто чей-то богатый сын... В дорамах часто сюжет начинается с того, что кто-то прилетает в аэропорт, а его встречает охрана...

Продолжая спускаться вниз, я проводил взглядом парня и его телохранителей, успев увидеть сквозь стеклянный фасад, как они сели в две большие чёрные машины, стоявшие у входа, и уехали. Больше, никто из них в мою сторону не посмотрел.

Наверное, просто так глянул, — успокаиваясь, подумал я о парне, переходя с эскалатора на пол в зале, — может, он был просто не очень рад увидеть встречающих? Ну и поднял глаза к небу, прося у того сил... а тут я,

еду... Так, где тут этот «Information Help»?

Зелёная будка была видна издали, и нашлась сразу. Подходя к ней, я увидел издали интересную картину. Девушка за стойкой, в светло-зелёной форме с повязанным на шее ярко-красным галстуком-косынкой, такой же, как у девушки в рекламе, находилась, похоже, в сложном положении. Перед стойкой стояла женщина, в возрасте, с подбородком, в теле, в тёмном висячем одеянии, в шляпе тёмно-малинового цвета, с большими, чуть обвисшими полями. Сзади себя, она держала за выдвинутую ручку большой красный чемодан на колёсиках. На её лице и на лице девушки была растерянность.

— Scusi, mi sa dire dove si trova... *кваннаку?*<sup>[27]</sup> — произнесла женщина, видно делая очередную попытку установить контакт.

— Sorry, I do not understand you... Speak in English, please! Now comes the manager... — в ответ, растеряно ответила девушка, беспомощно разводя руками.

Ага, похоже, девушка итальянского не знает. Вполне возможно, что она знает только английский, — понял я так для себя эту ситуацию, — а тётка не понимает ничего, кроме родного итальянского... Как же её сюда занесло-то, несчастную? Девушка послала за помощью, за менеджером... Может, вмешаться? Итальянская *ачжумма* явно принимает ситуацию близко к сердцу... такое несчастное лицо... Ещё вдруг плохо станет. Тем более, что я хотел проверить свой *итало*... Попробую.

Я решительно направился к стойке.

— Buon giorno, signore!<sup>[28]</sup> — простите, что вмешиваюсь, но мне кажется — вам нужна помощь?

Фраза на чуждом языке вылетела из меня как очередь из пулемёта, без единой запинки. Девушка вытаращилась на меня как на инопланетянина, а женщина — как на спасителя.

— О, вы говорите по-итальянски? — радостно обратилась она ко мне.

— Да, немного. Рада, что вы меня понимаете. В чём ваша проблема?

Проблему порешали в три минуты. Оказывается, синьору должны были встретить, но не встретили. У неё была бумажка, на которой, на этот случай был записан маршрут и телефон, но она, куда-то, у неё делась... В памяти синьоры остались только название района Сеула, и название гостиницы, в которой ей был забронирован номер, которые она и пыталась «воспроизвести». Но дело было в том, что произносила она корейские названия на итальянский манер так «криво», что девушка из «Information Help» их не улавливала на слух и поэтому, никак не могла ничего понять. Я

взялся работать переводчиком с итальянского на корейский и, через пару минут, мы во всём разобрались. Девушка достала из стойки лист бумаги, написала на нём, по-корейски, куда едет сеньорита, и повела её на остановку такси, с целью посадить в машину, лично объяснив шоферу, куда нужно ехать. Место девушки, на время её отсутствия, занял прибежавший менеджер. Тоже девушка, но на взгляд — гораздо старше по возрасту. Счастливая путешественница покатила свой красный чемодан за проводником, на прощание восторженно произнесла: «Я никогда не думала, что в Корее так хорошо знают итальянский!» и я остался с менеджером с глазу на глаз.

— Большое спасибо тебе от имени компании «Information Help», — сказала менеджер, внимательно смотря на меня, — ты нам очень помогла.

Это были первые слова, которые я услышал от неё. Прибежав, она не вмешивалась в наш разговор с итальянкой, просто, улыбаясь, стояла рядом и смотрела, видно видя, что мы уверенно идём к успеху.

Самое время поговорить насчёт работы!

— Я ищу работу, — ответил я, кивнув, — могу ли я у вас работать?

Менеджер удивилась.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

— Семнадцать.

— Не говори со мною неформально. Обращайся ко мне — *пуджан-ним*, — чуть поморщившись, сказала она.

*Пуджан-ним* — начальник отдела? Целый начальник отдела бегают по «горящим вызовам»? Ладно, может у них так устроено. Или, может только она знает итальянский? Что-то она морщится... Видно, опять я как-то не так себя веду...

— Да, *пуджан-ним*, — сказал я и поклонился, на всякий случай.

— Где ты учишься? — враз подобрев, спросила меня начальница.

— В школе, — не стал уточнять я.

— Где ты научилась так хорошо языку? Ты учишься в специальной школе, или, может, ты жила за границей?

— Нет. Я учусь в обычной школе. И не жила за границей. Я занималась самостоятельно.

— Самостоятельно?! — поразились в ответ та.

— У меня есть способности к языкам, — обтекаемо объяснил я, — и сейчас я ищу работу. Нет ли у вас вакансии?

— Ммм... видишь ли, работа в «Information Help» — очень ответственная. Мы встречаем гостей на пороге нашей страны и работники компании должны быть безукоризненны во всём. Я не слышала, чтобы у



нас работали несовершеннолетние. Но, если ты в совершенстве знаешь язык, то почему бы тебе не попробовать прислать своё резюме? Может, для тебя сделают исключение, приняв стажёром? Какой у тебя балл *TOEIC*?

— Что? — не понял я, — *TOEIC*? А что это?

— Ты не знаешь что такое *TOEIC*?! — вновь искренне поразились начальница, — девочка, ты *точно* из Кореи?

— Да, — ответил я, радостно улыбаясь, — просто... немножко забыла... хе-хе... да...

— *Забыла*?!

— Ну... иногда у меня так бывает. А какой нужен бал?

— В нашу компанию принимают людей, у которых он не ниже 850-ти, — сердито глядя на меня, сказала девушка.

— А... понятно, — кивнув, сказал я, — извините, *пуджан-ним*, но мне нужно уже идти... Всего доброго!

— До свидания, — чуть наклонила голову моя собеседница, я же, на всякий случай, поклонился и, повернувшись к ней спиной, быстро пошёл к выходу из аэропорта. Оглянувшись, я увидел, что *пуджан-ним* удивлённо смотрит мне вслед.

\* \* \*

*Место действия:*

*Кухня в доме мамы Юн Ми. Вдоль стен — длинные железные столы. У одной из стен — большой жарочный шкаф. По центру — большая плита, уставленная кастрюлями. В углу кухни — дверной проём без двери. За ней — помещение посудомойки. Железные раковины, посудомоечная машина, на стенах — сушки для посуды. У одной из раковин Юн Ми. На её руках — длинные, по локоть, резиновые перчатки, ярко-голубого цвета, на теле — тёмно-красный клеёнчатый фартук, на голове — кепка с длинным козырьком. Юн Ми, энергично орудуя щёткой с жёсткой пластиковой щетиной оттирает от пригорелого мяса круглые металлические решётки.*

Хорошая работа — мыть посуду. Механическая... Голова в ней совсем не нужна. Можно думать о чём угодно. Например, про то, как я «тупанул» с *TOEIC*. *TOEIC* или, если расшифровать — *Test of English for International Communication* — это же тест на знание английского языка! Я его уже проходил, в институте. Причём несколько раз, в качестве тренировки.

Почему я вдруг подумал, что он есть только у нас, а тут его быть не может? Наверное, из-за того, что у меня что-то с головой. Если тут есть такой же английский язык, то ничего удивительного в том, что к нему прилагаются такие же тесты. Чего это меня вдруг «переклинило», я не понял... Похоже, это из-за того, что я ещё не вник в окружающую действительность...

Но, в общем-то, съездил — удачно. Знания я свои не потерял и мои языки — в полном ажуре. На хлеб я себе тут заработаю. Вон, как на меня все вытаращились, когда я «ботать» начал. Может, не стоит мне связываться с эстрадой? Заделаюсь переводчиком. Просто и понятно...

Я на секунду замер, прекратив оттирать решётку и обдумывая эту мысль.

Нет! — спустя секунду я решительно опустил щётку вниз, — отказаться от реального шанса стать мировой звездой, это просто глупо. Ну, сначала будет немного трудно, зато какой потом «эффект» будет! А переводчик... Ну что такое — переводчик? Много таких людей... Да и «эффекта» не будет...

...Так, вроде чистая...

Я критически осмотрел решетку, которую тёр. У мамы Юн Ми, в меню её кафе были не только жареные цыплята, согласно вывески, но и мясо. Мясо, посетители жарили сами на круглых жаровнях, установленных в центре стола, приготавливая то самое *пулькоги*, которое так любит Юн Ми. Короче говоря, *пулькоги*, это тонко нарезанная говядина (свинина или курица), маринованная в смеси из соевого соуса, сахара, кунжутного масла, чеснока и перца чили. Замаринованное мясо подаётся в мисках и жарится прямо за столом, на гриле. *Пулькоги* буквально означает — «огненное мясо». Также готовят *гальби* — жареные свиные или говяжьи ребра, предварительно замаринованные по такому же рецепту. Ну, не знаю... По моему мнению, мясо должно быть — солёным. Жареное сладкое мясо, как-то меня — «не врубает». Хотя, может, тут дело привычки. Местные трескают за милую душу, оставляя после себя горы решёток с «пригорелостями». «Пригорелости» нужно счищать, ибо каждому клиенту положено класть на гриль чистую решётку. Вернувшись из аэропорта, я вызвался на это грязное дело, ибо работа, как я уже говорил — тупая, не занимающая голову, а мне хотелось подумать. Проанализировать результаты путешествия. Когда я вернулся, мама Юн Ми меня уже потеряла, поскольку я отсутствовал почти пять часов. На обрушившиеся, на меня вопросы ответил — «немножко заблудилась», а телефон — «забыла». Меня накормили «здоровым супчиком» и я выявил желание помочь семейному бизнесу, выбрав посудомойку...

Чистая! — вынес я окончательный вердикт осматриваемой решётке, — годится!

— Ага! Попалась! Серый волк пришёл! — внезапно кто-то заорал у меня над ухом и меня крепко ухватили за бока.

Резко поворачиваю голову вправо. Чёрные очки-капельки, чёрный плащ с поднятым воротником. Мужик. Маньяк!!

Резким ударом правого локтя пробиваю ему в нос. Маньяк громко вскрикивает и хватается обеими руками за повреждённый орган. Воспользовавшись тем, что меня выпустили, обрушиваю ему на голову решётку, которую мыл. Нужно было бы двумя руками, но правая, после удара локтём, отнялась. Поэтому, «нахлобучиваю» ему на голову её одной рукой, левой. Естественно, удар получается не очень сильный. Маньяк выпускает свой нос и с диким криком — «караул, убивают!» хватается обеими руками за голову.

Ща, я тебя дам! — кровожадно думаю я и, отскочив к столу, на котором сушится посуда, хватаю за ручку, очень удачно подвернувшуюся сковороду.

Маньяк топчется на одном месте, что-то мычит, держась одной рукой за разбитый нос, другой за голову. Я делаю в его сторону шаг, примериваясь как поудобней приложить ему сковородой с левой руки, но тут в дверях посудомойки появляется мама Юн Ми и, изменившись в лице, испускает полный ужаса крик: Юн Ми, что ты делаешь с дядей?!

ДЯДЯ?! Опс...

\* \* \*

*Место действия:*

*Комната в доме мамы Юн Ми. За низеньким столиком с едой сидит мужчина в расстёгнутом чёрном плаще — дядя Юн Ми, Пак Юн Сок и мама Юн Ми. У дяди — отёкший и посиневший нос, в одну ноздрю которого вставлена белая ватка. Очков уже нет. Сломанные, они лежат на тумбочке рядом с телевизором.*

— Аджжж! — произносит Юн Сок качая головой, — невестка, почему ты мне ничего не сказала?

— У тебя и так много забот, деверь, — опустив глаза, тихо отвечает мама Юн Ми, — мы с Сун Ок сами справились....

— Вижу, как справились! Девочка память потеряла!

— Врачи не смогли больше ничего сделать... Говорят, память, совсем не изучена...

Мама Юн Ми кланяется, не вставая с пола.

Юн Сок вновь сокрушенно качает головой и обращается к невестке: Где деньги взяла на лечение?

— Виновник аварии оплатил счета врачей. Ещё три миллиона осталось...

— Не трать. Может, Юн Ми ещё что понадобится.

— По договору, если потребуются, он оплатит ещё...

— Всё равно, не трать. Чтоб он сдох, гад такой!

Мама Юн Ми ничего не говорит на это.

— Что будешь теперь делать, невестка?

— Не знаю. Молюсь, чтобы память к ней вернулась. Врачи говорят, что это может случиться в любой момент...

— Ээээ... — кривится Юн Сок, — они много чего говорят...

В комнате наступает продолжительная тишина. Каждый из взрослых молчит, уйдя в свои мысли.

— Деверь, может... тебе *соджу* налить?

— Нет, — отрицательно качает головой Юн Сок, — я к врачу еду. Заехал к тебе по дороге.

— К врачу?

В голосе мамы Юн Ми тревога.

— Почему ты едешь к врачу, Юн Сок-*сии*? Что случилось с тобой?

— Что-то... сердце побаливает, — глухо отвечает тот, смотря в сторону, и трогая правой рукою свою грудь, — вот, решил съездить, показать. Может, что посоветуют.

— Сердце?! — восклицает мама Юн Ми.

В её голосе слышен страх.

— Не волнуйся, невестка. Я не умру.

— Я буду молиться за тебя.

— Хорошо. Уверен, что твои молитвы мне помогут. Вот, возьми...

С этими словами Юн Сок лезет во внутренний карман плаща и, достав узкий белый конверт, протягивает его женщине.

— Тут немного, но...

— Дверь, но тебе самому нужны деньги! Лечится сейчас дорого!

— Замолчи, женщина! Я знаю, что я делаю. Если я даю тебе деньги, значит, я знаю, что могу тебе их дать! Хватит каждый раз отказываться! Ты же знаешь, что твои девочки для меня как дочери. К сожалению, я не могу им дать всего, как бы это сделал мой старший брат, но чем могу, я помогаю.

— Храни тебя господь, — со слезами на глазах шепчет мама Юн Ми, беря конверт.

— Какое несчастье, — помолчав, говорит Юн Сок, качая головой, — и так не вовремя! Даже Мин, может, тебе её выдать замуж?

— Ты что? — пугается мама Юн Ми, — ей же ещё только семнадцать лет! О каком замужестве ты говоришь, деверь?

— Оформим помолвку, — говорит Юн Сок, — это по закону. Станет совершеннолетней — выйдет замуж. У меня есть на примете две подходящие семьи.

— Ну, не знаю... — растеряно отвечает мама Юн Ми, — я как-то об этом ещё не думала...

— Мало ли, как там будет, — задумчиво произносит Юн Сок, — вспомнит она или нет... А так у девочки будет крыша над головой и муж на кусок хлеба заработает. Я мог бы отписать этот дом твоим дочерям, но, к сожалению, отец оставил завещание, по которому распоряжаться имуществом я могу только с согласия матери. Ты же понимаешь, что для тебя она ничего не даст сделать. Прости.

— Это моя вина...

— Нет ни в чём твоей вины! — резко и сердито говорит Юн Сок, — если мой брат выбрал тебя наперекор всем, значит, он считал, что это стоило того. Посмотри на своих девочек, Даже Мин! Они у тебя умницы и красавицы. Хотел бы я иметь таких дочек. Какая может быть за тобою вина, если у тебя есть такие дочери?

Мама Юн Ми плачет, опустив голову.

— Не плачь, — говорит Юн Сок, — лучше давай, налей нам *соджу*.

— А как же твой врач, деверь?

— Аа-а... — машет рукою в ответ тот, — с одной стопки ничего не будет. Хочу выпить за твою Юн Ми! Какая она шустрая у тебя растёт! И маньяка в школе поймала и меня чуть сковородкой не убила! Я как увидел, что она её схватила, подумал, ну всё, конец! Убьёт! Ха-ха-ха!

Юн Сок весело смеётся, закидывая голову назад.

— Ты её просто напугал, — вытирая слёзы ладонями, объясняет мама Юн Ми, — она подумала, что ты — маньяк. Она забыла, что вы с ней всегда так играли, при встрече...

— Ха-ха, я маньяк! — вновь смеётся Юн Сок, — давай, выпьем за маньяка и твою дочь, которая его «обезвредила»! Давай!

Мама Юн Ми наливает *соджи* из зелёной бутылочки в две маленькие стеклянные стопочки. Чокнувшись, выпивают.

— А насчёт свадьбы, ты подумай, — веско говорит Юн Сок сочно жуя

*кимчи*, — семьи там хорошие и парни у них неплохие растут. Пока их никто к рукам не прибрал...

## Шкурка восьмая

*Место действия:*

*Вид с высоты птичьего полёта на богатое поместье. Большая территория, огороженная высоким забором из серого камня. По верху забора идёт керамическая плитка тёмно-красного цвета. Видны оранжерея, бассейн и множество служебных строений. В центре участка — жилой комплекс из большого главного здания и нескольких окружающих его домов, выполненных в национальном стиле. Снаружи, к воротам в ограде, подъезжают две дорогие, блестящие черной краской машины. Ворота открываются, пропуская их внутрь. Первая машина направляется к парадному входу главного здания, вторая, с охраной, сворачивает вправо, к гаражу. Преодолев расстояние в сотню с небольшим метров, вдоль кустов с засохшими жёлтыми листьями и разлапистых невысоких сосен с зелёными иголками, первая машина останавливается у входа в здание. Там её уже ждут. От дороги, к высоким раздвижным стеклянным дверям, расстелена широкая красная дорожка, вдоль которой, с одной стороны стоят женщины в чёрных костюмах, белых блузках и белых перчатках, с другой стороны дорожки — мужчины. Тоже, в чёрных костюмах, белых рубашках и белых перчатках. К остановившейся машине подходит мужчина и открывает заднюю дверь, отходя в сторону. Из машины неспешно выходит парень. В светло-коричневом пальто, синих джинсах и белых кроссовках. Шея — замотана в тёмно-красный шарф, на глазах большие солнцезащитные очки. Строй мужчин и женщин синхронно склоняется в поклоне. Ступив на красную дорожку, парень останавливается и смотрит по сторонам, оглядываясь. Через несколько секунд, стоящий с самого края шеренги, представительный мужчина в возрасте, выпрямляется и делает шаг к парню.*

— Добро пожаловать домой, господин младший наследник! С возвращением! — говорит он, вновь почтительно кланяясь, — прошу, проходите в дом! Ваша бабушка и матушка ждут вас.

— А где мои отец, брат и сестра? — спрашивает парень.

— Господин президент находится в Китае, в деловой поездке. Ваш старший брат и сестра находятся сейчас на острове Чоджу.

— Хм... — хмыкает парень, — значит, главная в доме — бабушка? Понятно...

Парень вздохнул и неторопливой походкой направился в дом, мимо согнувшихся в поклоне слуг.

*Место действия: Малая гостиная комната в поместье. Очень богатая обстановка. Посредине гостиной стоит пустой стол из натурального светлого дерева. За столом сидят приехавший парень и две женщины: одна среднего возраста со скорбным и печальным выражением на лице, другая — пожилая и очень сердитая.*

— Бах!! — с громким звуком впечатывается в столешницу сухонькая ладонь пожилой женщины.

— Ким Чжу Вон! — громко и сердито говорит она, с гневным прищуром смотря на парня сквозь стёкла очков на её носу, — ты ни к чему не годный, ленивый придурок! Как ты мог бросить учёбу? И полгода скрывать это от семьи?! А? Немедленно отвечай!

Женщина среднего возраста вздрагивает и её лицо становится ещё более печальным.

— Ты тратил деньги семьи направо и налево, развлекаясь эти три года! Всё никак не наиграешься, Чжу Вон?! — продолжила ругаться на парня пожилая женщина.

— Гмм...гм... Это так хорошо, — наконец ответил тот, улыбнувшись, — я наконец почувствовал, что я дома, услышав твой громкий голос, бабушка!

— Ты хитрюга, как ты смеешь со мною заигрывать? Я отправила тебя за границу, обучаться менеджменту и экономике! А ты бросил учиться!

— Гмм...гм... Видишь, ли, бабушка... Я решил, что менеджмент и экономика, это не совсем то, чем я бы хотел заниматься в жизни...

— Бах!

Бабушка снова громко хлопает ладонью по столу.

— А раньше, о чем ты думал, засранец?! Когда поступал?

— Ну, вообще-то, меня особо не спрашивали. Ты ведь решила всё за меня.

— Бах!!

— А теперь ты решил жить своим умом?!

— Ну, вообще-то да... Бабуля, я говорил тебе, что ты очень умная женщина? Будь осторожна. Не ушиби руку.

— Бах!!

— Не смей ко мне подлизываться, Чжу Вон! В этот раз ты разозлил меня по-настоящему! Подумать только?! Сын Ким Дон Вука, президента



корпорации «Sea group corporation» — бросил учёбу! Ты не подумал, что скажут люди, когда услышат такое? «Может, у него нет ума?» — вот что они про тебя скажут, Чжу Вон! А что подумают люди о твоём отце, у которого такой непутёвый сын? И как это отразится на корпорации? Ты об этом подумал?!

— Бабушка, с тысячами студентов такое происходит... И ничего...

— Бах!!

— Ты не тысячи, придурок! Таких как ты — по единицам пересчитать! Ты — наследник «Sea group corporation»!

— Мама, пожалуйста, не говорите так грубо с вашим внуком... — попыталась вступить за парня женщина средних лет.

— А ты молчи невестка, — обвиняющее направила на неё указательный палец бабушка, — это ты виновата, что он вырос у тебя такой! Потакала ему во всём, баловала. Вот и результат! Ты плохо воспитала своего сына, Ин Хэ!

— Мама, но... Простите меня...

Женщина, сидя за столом, сделала поклон.

— С тобой я ещё поговорю, а ты, маленький негодник, отвечай, что ты теперь собираешься делать?

— Ну, я пока не решил, бабушка... Хотел оглядеться...

— У тебя задолженности по шести кредиткам! Если ты думаешь, что я позволю тебе кутить налево и направо, ничего при этом не делая, то ты сильно ошибаешься, Чжу Вон! В этой семье мужчины все работают! И ты будешь работать! Если не можешь работать головой, будешь работать другим местом!

— Каким? — насторожился парень.

— Мне нужны правнуки. Поэтому, я тебя женю!

— Как — женю?! — искренне возмутился Чжу Вон, и завопил, — бабушка, что ты такое говоришь?! Мне только двадцать два года! Мне рано ещё обзаводиться семьёй! Пусть мой старший брат делает тебе правнуков! Он уже год как женат! Ему уже давно пора!

— Твой старший брат получил образование в Оксфорде! И в отличие от тебя, понимает всю ответственность, лежащую на его плечах. Он работает дни и ночи напролёт, как положено мужчине и поэтому уделяет мало времени своей жене. Ты же, наоборот, показал свою полную неспособность к образованию, проводя время с какими-то французскими девицами! И не делай такое лицо, я всё знаю, чем ты там занимался, в Париже! В итоге, профессию ты не получил, значит, и рассчитывать на то, что ты будешь работать своими мозгами, не стоит. Их у тебя, по-видимому,

нет. Значит, для компании ты бесполезен. Но ты член семьи. А в семье все работают. Даже твой дед, который свихнулся на старость лет со своими часами. Но он, по крайней мере, заслужил отдых, создавая эту компанию. И всё равно, даже при этом, он работает! Значит, и ты будешь работать! Если нельзя использовать твою голову, буду использовать тебя как племенного жеребца!

— Мама! — ахнула невестка, прикрывая рот пальцами, — Как можно?! Что вы такое говорите?!

— Что думаю, то и говорю! — отрезала бабушка, — твой сын, Ин Хэ, вырос безответственным и ленивым. Семейная жизнь пойдёт ему на пользу. Ему нужна крепкая женская рука, которая поможет преодолеть его недостатки. Думаю, что я найду ему такую девушку!

— Но, бабушка... — начал было Чжу Вон.

— Бах!!

— Молчи негодник! Молчи! И попробуй только не ходить на свидания!

— А тогда что будет?

— Можешь тогда вычеркнуть себя из семейного регистра!

— Угрожаешь лишением наследства?

— Самый эффективный метод. Всегда срабатывает.

— Мама-а... — жалобно протянула невестка.

— Молчи! — рявкнула на неё та, — или ты забыла, кто тут старшая?

Бабушка снова повернулась к внуку.

— Срочно женись, Чжу Вон! — сказала она, — Ты меня понял?!

— Хорошо, бабушка, я буду ходить на свидания с девушками, которые ты выберешь. Но это должны быть очень милые девушки. Это надо не мне, а твоим правнукам. Ты же хочешь, чтобы они были красивыми? — улыбнувшись, покорно согласился Чжу Вон.

Бабушка поджала губы и свирепо посмотрела на внука.

— Только попробуй отказаться от своих слов, Чжу Вон! — с угрозой произнесла она, направляя уже на него указательный палец, — Только попробуй!

\* \* \*

*Место действия:*

*Дом мамы Юн Ми. В гостиной, мама разговаривает со старшей дочерью.*

— Что она сделала?! — потрясенно переспрашивает у мамы Сун Ок, — разбила дяде нос?!

— Угу, — грустно кивает головою мама, — ещё ударила его решёткой от гриля по голове и хотела ударить сковородкой...

— Сковородкой?! Да она с ума сошла! Почему она так поступила?

— Она подумала, что он — маньяк. Из школы. Ты же знаешь дядину манеру одеваться? Этот его любимый чёрный плащ... Она совсем не помнит дядю, Сун Ок...

Мама тяжело вздохнула. Сун Ок с полуоткрытым ртом и круглыми глазами «переваривает» услышанное.

— Забыла? — наконец говорит она, — как можно забыть дядю?

— Видно, как и всё остальное...

Сун Ок ещё немного думает.

— Нужно показать ей фотографии, — наконец говорит она, — я почему-то не подумала об этом. Как дядя? Он на неё не обиделся? Она его не сильно побила?

— Нет, не сильно. И он не обиделся. Ты же знаешь, что он вас очень любит. Он всё понял. Ругался, что я ему не сказала о случившемся с Юн Ми.

— Не сказала? — удивилась Сун Ок, — я думала, ты ему сообщила.

— Зачем, дочка? Мы сами справились.

— Ну, он же наш родственник. Родственникам нужно сообщать.

— Родственникам... — с горечью в голосе произнесла мама, — мои родственники, сами, едва концы с концами сводят... Чем они помогут? А твой дядя... Он и так столько для нас сделал... Мне просто стыдно его о чём-то ещё просить. Стыдно говорить, что несчастья по-прежнему преследуют меня и мою семью... Стыдно, что я такая неудачница...

— Мама, прекрати! — рассердившись, топнула ногою Сун Ок, — терпеть не могу когда ты начинаешь заниматься самоунижением! Совсем никакая ты не неудачница! Ты самая лучшая мама на свете! Слышишь?

Дочь подошла к матери и обняла её.

— Я тебя очень люблю, мамочка, — сказала Сун Ок, заглядывая маме в глаза, — у нас всё хорошо, а будет — ещё лучше. Я закончу университет, получу хорошую работу и буду тебе помогать. А ты будешь — отдыхать. Вот увидишь!

— Конечно, дочка, — со слезами на глазах ответила мама, — всё так и будет. А пока мне нужно идти работать, чтобы дожить до этих светлых дней.

- Я тебе помогу, мамуля!  
— Спасибо, Сун Ок. Ты моя самая крепкая опора в жизни.

\* \* \*

*Место действия:*

*Дом мамы Юн Ми. Комната сестёр. На полу сидят Юн Ми и Сун Ок. Рядом с девушками, стопкой, лежат фотоальбомы в ярких разноцветных обложках. Сун Ок увлечённо тычет пальцем в раскрытый фотоальбом, что-то объясняя младшей сестре. Та же, втянув голову в плечи и нахохлившись, словно воробей, с хмурым видом слушает онни.*

— Это сестра твоей двоюродной тёти — тыча пальцем в фото улыбающейся кореянки, говорит онни, — она приезжала к нам два года назад. Мы тогда все вместе ходили в океанариум. Помнишь?

— Уку, — отрицательно мотаю головою я, — не помню...

Я наказан. За избиение дяди. Наказан просмотром семейных альбомов. Что может быть скучнее и бессмысленнее разглядыванием чужих фото, которые тебе не интересны? Так и тянет произнести вслух известную фразу — «Кто все эти люди?». Но... Эти люди родственники Юн Ми. И мне их нужно знать, чтобы не вышло как с дядей. А с дядей очень нехорошо вышло. Избил благодетеля семьи... Так неудобно... Одно радует, что не причинил ему серьёзных увечий. Не успел пустить сковородку в ход... Но я же не знал? Подумал, — маньяк сбежал из полиции и на кухню пробрался. Отомстить... Когда увидел перепуганное лицо мамы Юн Ми, понял, что опять натворил что-то из ряда вон выходящее. Поэтому, долго кланялся и извинялся, как полагается нормальной корейской девушке. Дядя, к слову сказать, оказался нормальным мужиком, как я про него и думал. В бутылку лезть не стал, простил и даже посмеялся. В общем, обошлось. Но теперь, «в искуплении» грехов, сижу, рассматриваю фотки, которые притащила онни. Не возникаю. Хотя, конечно, хочется заняться совершенно другим — воплощением своего проекта «айдол». Однако, виноват, значит виноват.

— А это её сын, Со Чжи Сок! Он тогда за тобой так забавно ухаживал, — радостно сообщила Сун Ок тыча пальцем в фотографию какого-то тинэйджера, — и тебе он тоже понравился. Помнишь?

Вот эта обезьяна с оттопыренными ушами? — подумал я, посмотрев на фото, — ну и вкусы у этой Юн Ми, однако! Будь я девушкой, я бы такого за километр обошёл бы...

— Что, неужели не помнишь? — огорчилась *онни*.

— Уку, — отрицательно мычу я.

— Постой... — неожиданно сказала Сун Ок, о чём-то на мгновение перед этим задумавшись, — Юна<sup>[29]</sup>, что ты знаешь о парнях?

Что я знаю о парнях? Вот это поворот! Вообще-то я о них знаю всё! Но...

— Что я должна о них знать? — делая непонимающее лицо, спрашиваю я.

— Ты помнишь значение слова — секс?

Хм, разговор неожиданно становится интересным...

— Нет, не знаю. Расскажи, пожалуйста.

— Ну... — издалека начала внезапно порозовевшая лицом *онни*, — в мире живут мужчины и женщины...

Минуты за три я прослушал курс поведения приличной корейской девушки. Ничего такого невероятного я не услышал, хотя, впрочем, были и нюансы. Оказывается, знакомиться на улицах, для девушки, считается категорически недопустимым. Для знакомств существуют так называемые — «свидания вслепую», куда молодые люди приходят по рекомендациям друзей и родственников. Ну, ещё, конечно можно знакомиться на работе или на учёбе. Но на улицах — ни-ни. Абсолютно низкий класс. Про свидания «в слепую», я был в курсе, а вот про то, что на улицах не знакомятся, не знал. А так, в основном, рассказ *онни* был с уклоном про «парней, которым нужно только одно». Интересно, а у неё есть парень?

— *Онни*, а у тебя есть парень? — поинтересовался я, когда она сделала паузу в своём рассказе, припоминая, что она ещё мне не сказала.

— Почему ты спрашиваешь? — смутившись, ответила она.

— Интересно, — честно ответил я.

— Ну... как бы... есть... один...

— А вы уже переспали?

— Ты что! — испуганно отшатнулась от меня Сун Ок, — что ты такое спрашиваешь, Юн Ми?!

Понятно. Гипотетическая модель сферического коня в вакууме, похоже, вот что такое её представления о парнях.

— Дочки... — сказала мама Юн Ми, входя в комнату с подносом в руках на котором стояли два длинных стеклянных стакана с чем-то ярко-оранжевым, — я вам сок принесла. А что вы делаете, мои красавицы?

— Сун Ок рассказывает мне о сексе! — радостно сообщил я, постаравшись улыбнуться как можно лучезарнее.

Это тебе, *онни*, за фотоальбомы! Маленькая месть!

Судя по её движению, мама Юн Ми, от неожиданности, чуть поднос не уронила. Лицо у Сун Ок стало красным, как помидор.

— Да? — через пару секунд «стабилизировав» стаканы, испуганно поинтересовалась мама Юн Ми, — и...и что?

— Так интересно! — так же радостно улыбаясь и стараясь придать своему голосу максимум искренности, ответил я, — думаю, что мне нужно обязательно это попробовать!

— Что-о? Сун Ок, чему такому ты учишь свою младшую сестру?!

— Да мам... ничего такого... — пролепетала красная как рак *онни*, — просто я подумала, что Юна, забыла, как себя вести с парнями, и вот... решила ей рассказать...

— Как же ты ей так рассказывала, что она решила попробовать? — возмущённым голосом спросила её мать.

— Ну, я не знаю... почему она всё странно так... поняла...

— Значит, ты не так всё рассказала, как надо!

— Она всё правильно рассказала, — сказал я, вставая в разговор, — это была шутка. Прости, *онни*. Я обязательно сделаю, так как ты сказала. Не подпущу к себе ни одного парня ближе, чем на километр!

— Ээээ... — озадаченно промычала *онни*, растеряно смотря на меня.

— Ммм... — так же, растеряно, поддержала её мама.

\* \* \*

*Место действия:*

*Сеул, раннее утро. По неширокой улице, в небольшую горку, медленно, с трудом переставляя ноги и натужено дыша, бежит девушка в чёрных спортивных штанах, ярко-красной куртке и серых кроссовках. На голове у неё — вязаная из разноцветных ниток шапочка.*

— Х...х...х...х...

Я приступил к похудательной программе. Вывел Юн Ми на первую пробежку. Бегу. Вырывающее изо рта дыхание превращается в облачка пара. На улице прохладно, всего плюс два, но мне жарко. Пот течёт по спине и ногам. Ежик волос под шапкой взопрел и колется. Как же тяжело! Какая всё-таки Юн Ми жирная! Разве можно быть такой малоподвижной? Такое впечатление, что она вообще бегать, в жизни, не бегала. Чуть пробежал, а в боку уже колет, ноги отнимаются, и просто адски хочется остановиться и прекратить эту пытку. Не, надо худеть! Нужно просто

переключить мысли! Сдвинуть их фиксацию с боли в теле на что-то другое. Хотя бы на тот же TOEIC! Идти мне завтра на экзамен или не идти? Вчера, *онни* обиделась на меня и мою шутку и отказалась дать мне ноут. Пришлось изображать из себя кающуюся Марию Магдалену, извиняться, обещать всегда и во всём слушать старшую сестру и выпрашивать комп, напоминая о задании для врача. Впрочем, сам виноват. Кто меня за язык тянул? В конце-концов Сун Ок сменила гнев на милость и дала мне час посидеть в иннете, который я полностью потратил на выяснение вопроса — «как тут сдают этот TOEIC?». Нарыл кучу интереснейших вещей по этой теме. Оказывается, все корейцы просто сходят с ума по этому тесту. Это какой-то фетиш нации. Результаты его требуются в Корее везде: при приеме в университет, для окончания университета, но, что важнее всего, они нужны при приеме на работу. Причём, что смешно, на любую. Даже уборщика. Понятно теперь, почему так удивилась девушка-менеджер в аэропорту, когда я спросил про TOEIC — «а что это»? Максимально возможная оценка в *тоике* — 1000 баллов, обычно требуют больше 700, либо 750, но некоторые фирмы задирают планку и хотят, чтобы у них работали только люди «хорошо говорящие по-английски» и требуют не ниже 850. Балл в 900 считается высшим пилотажем и приравнивается к уровню носителя языка. Судя по всему, вся жизнь любого корейца в возрасте от <...> (нужную цифру вставляют родители, это может быть и 3 года) до лет, так, 29–31 посвящена подготовке к сдаче и непосредственной сдаче этого теста. Чем больше твой балл по *тоику*, тем круче ты в глазах окружающих. Экзамен этот корейцы сдают раз по 30, пока не добьются хороших, по их мнению, результатов...

Представляю, сколько тут зарабатывают, готовя людей к сдаче теста! Похоже, это местное «золотое дно» для преподавателей. Вроде нашей подготовке к ЕГЭ....

Пока «лазил» по теме, наткнулся на новость, ярко иллюстрирующую, что значит английский язык для корейцев. Прочитанное, меня, честно говоря, крепко озадачило. Значит, так... Поскольку город Сеул многонациональный, то в нем имеются специальные школы для иностранцев, а если точнее — для их детей. Подразумевается, что в этих школах учатся дети дипломатов, различных офисных служащих, тех же преподавателей английского и т. д. Все учителя в этих школах, их всего пара штук на весь Сеул, — носители английского, всё преподавание ведется на английском. Однако, когда журналист одной из крупнейших телекомпаний Кореи тайком проник в эту школу, то иностранцев среди детей он практически не увидел, — все, как один, были корейцы и

бодренько разговаривали на языке Страны Утренней Свежести, несмотря на то в школе это официально запрещено. Выяснилось, что более 97 % всех учеников в этих школах — корейцы. Но как это возможно, если самое главное условие для поступления в эту школу — это иностранный паспорт? Вот тут-то и проявляется вся странная логика корейских мам и пап, из всех сил стремящихся дать своему чаду образование на «самом лучшем языке мира». Ради того, чтобы их детей взяли в эту школу, где обучение, между прочим, стоит порядка 10 миллионов вон за один семестр и даже в самом дорогом университете Кореи — Ёнсе — нет таких цен, эти мамы и папы.... меняют своим детям гражданство! Они бегут в посольство какой-нибудь Буркина-Фасо или Кот-ди-Вуар, или Чада или любой другой подобной африканской страны и... покупают их паспорт. Посольства этих стран продают свои паспорта охотно, даже не особо много за это берут. За гражданство Центрально-Африканской республики, например, требуют 2000 долларов и как выяснилось, это их основной доход от посольств за рубежом. В той же Центрально-Африканской республике, оказывается, продажа собственного гражданства занимает до 30 % от общего ВВП страны! Вот и выходит, что в этих иностранных школах все поголовно приехали с черного континента, все как надо и по закону. А то, что по корейским законам, гражданин Кореи не имеет права обладать другим гражданством (двойное гражданство в Корее запрещено), на это родителям наплевать. Не долго думая, они лишают своих детей корейского гражданства только ради учебы в этой школе, где еще вопрос, будет ли ребенок общаться на английском среди всех этих «нигерийцев». И что потом этот ребенок будет иметь много проблем, когда ему стукнет 21, корейцы, видимо, тоже не думают. Ведь главное — это английский! Все обучение на английском! О-о! И все преподаватели — американцы! А-а! Вот он, корейский рай!

Просто пипец какой-то, — подумал я, когда это прочитал и попытался это обдумать, — это что? Комплекс неполноценности нации или что-то иное? Так преклоняться перед английским... Странно... Ну ладно, спишем сей факт на местный менталитет...

Потом я «полез» искать «подробности» — какие же именно задания выполняются на этом популярнейшем тесте? Наткнулся на «живой журнал» какого-то русского мэна, живущего и работающего в Корее. Так вот, он у себя, рассказал приключившуюся с ним историю, в которой он, как-то раз, на спор, сходил и сдал этот TOEIC, набрав 980 баллов. Этот мэн утверждал, что тест на самом деле очень легкий и рассчитан на носителей азиатских языков, прежде всего корейского и японского, грамматическая



структура которых диаметрально отличается от грамматики английского языка. Делясь опытом, он объяснял, что «корейский тоик» рассчитан, прежде всего, на знание грамматики английского языка, но не на знание лексики, реалий англоговорящего общества или сложных моментов этого языка, как например, в тестах TOEFL или IELTS, поэтому сдать его носителю русского будет НАМНОГО проще, чем носителю корейского...

Что ж? Мне это понравилось, и я проникся. Поискав, нашёл примеры заданий. Там было так:

1) John.... flowers every day.

- a) water
- b) waters
- c) watering
- d) watered

2) Your words don't make any sence! Please, be....!

- a) ration
- b) rational
- c) rationally
- d) rationality

Изучив примеры, я, честно говоря, ничего не понял. Это что, всё вот такое, в этом тесте? Но это, вообще-то, кажется, наш шестой класс. Там подобное изучают. И мне это будет раз плюнуть, если оно и вправду так. И вот теперь вопрос. По расписанию взятом из инета, завтра, в одном из ближайших центров, которые этим занимаются, будет проходить экзамен. Вообще-то, пишут, что экзамены сдают по записи за месяц вперёд. Но вчера там почему-то были свободные места. Я, на всякий случай, записался. Поэтому, можно будет пойти и попробовать сдать. Но я же совсем не готовился! Не слишком ли это нагло? А с другой стороны — экзамен бесплатно, деньги берут только за выдачу сертификата, и сдавать тест можно столько раз, сколько хочешь. Либо я завтра драю решётки, думая о светлом будущем, либо что-то делаю для этого самого светлого будущего... Чё б мне на разведку не сходить? Увижу всё своими глазами... Если провалюсь — второй раз приду подготовленным. Как говорится, за одного битого, двух небитых дают!

— Хррр...хррр. ххрр...

Ноги окончательно отказали, а «колотьё» в правом боку кажется, добралось, чуть ли не до горла. Я остановился, держась рукой за бок и

хрипло дыша. Хорошо, будем делать дыхательную гимнастику. Ноги на ширине плеч, руки в стороны и.... раз! Ии...два! Ойй, жизнь моя, жестянка!

\* \* \*

*Место действия:*

*Склад-гараж в доме мамы Юн Ми. На низенькой деревянной табуреточке, перед прислоненным к стене мотороллером, сидит Юн Ми с плоскогубцами в руках. На сером бетонном полу, в чёрной тканевой «кассетнице» лежат блестящие гаечные ключи.*

Так, тросик я закрепил... Осталось соединить провода...

Сижу, никого не трогаю, починяю колёсную машину. Машина оказалась особо не повреждённой. Свёрнут руль, порван трос управления подачи топлива и вырван «с мясом» замок для ключа. Причём так, что два провода из трёх, оказались оборванными. Как так могло получиться — не представляю. Замок зажигания? Совершенно не та вещь, причём стоящая в таком месте, чтобы подвергаться таким разрушениям. Хотя, если удар пришёлся в руль, то его и вынесло...

Сегодня я решил принести семье видимую пользу и заняться ремонтом скутера. Альтернативой помощи семье было мытьё грязной посуды из ресторана. Но этот процесс — «не видим». Сколько её не мой, меньше её не становится. Да и не мужское это дело, в посудомойке торчать... Поэтому, я решил заняться ремонтом. Куда более интеллектуальный процесс...

Вчера я всё же сходил, сдал тест TOEIC. Уложился в два часа времени. Сам тест — 50 минут и дорога туда — обратно. Так что в доме никто этого и не заметил. Сказал — гулял. Отпускают меня из дома неохотно, но отпускают. Движение и воздух — полезны для здоровья. Так и говорю. Возразить на это нечего, поэтому и соглашаются. Вчера, в день экзамена я поехал на место проведения «казни» даже не зная толком врага в лицо: что там будет, как оно будет, какую форму будут иметь задания... Корейцы же, в отличие от меня, были подготовлены превосходно. Девушка, которая сидела возле меня, явно сдавала экзамен не в первый раз. Быстренько заполнив бланк ловкими и небрежными штрихами, она достала йогурт и методично уничтожила баночку ровно за четыре минуты, которые нам дали на перерыв перед экзаменом. Я, вяло позавтракавший и ничего с собой не

взявший, глядя на нее, сразу начал осознавать собственную убогость. Девушка же, смотря, как я переписываю в анкету свои личные данные с заготовленной с вечера «шпоры», похоже, составила совсем не лестное мнение о моих умственных способностях. По крайней мере, смотрела она на мои потуги с жалостью. Далее, все корейцы, как один, друженько достали сотовые (инструктор даже рта не успел раскрыть), выключили их, вынули батарейки, наклеили стикеры на экраны телефонов, подоставали карандаши, наточили их и приготовились слушать. Я же в это время еще заполнял анкету. Все же опыт — великая вещь. Меня чуть не выгнали с экзамена, потому что, как выяснилось, допускался только единственный вид карандашей, которыми можно было делать отметки на листе ответов. Я, разумеется, этого не знал. Меня бы и выгнали, если бы «йогуртная» девушка милостиво не протянула мне свой запасной карандаш. Пожалела, соседку-дурочку...

Так.... Замок на место я вставил, провода соединил, изолянтной замотал. Ключ в замке. Его, похоже, никто оттуда с момента аварии и не вынимал... В баке плещется бензин... Можно попробовать завести...

Я встал с табуретки, открыл ворота, подняв их вверх, чтобы не устраивать газовую камеру и, взяв скутер за руль, откатил его от стены. Сел сверху, покрутил ключ зажигания в замке туда-сюда на предмет лучшего контакта, крутанул стартер. Двигатель завёлся сразу. Выбросив из глушителя струю тёмно-синего дыма, он заработал уверенно и ритмично. Я дал ему прогреться и немножко «погазовал», наблюдая, как он отзывается на поворот ручки газа.

Вот, какой-никакой но транспорт теперь есть, — с удовольствием подумал я, слушая рокот мотора и вдыхая знакомый запах бензина и выхлопа, — вполне может пригодиться. Колёса — это всегда удобно...

— Юн Ми! Что ты делаешь?!

Оборачиваюсь. Мама Юн Ми! Стоит в дверях гаража, уперев руки в боки и сердито смотрит на меня. Глушу двигатель.

— Я байк починила! — улыбаюсь ей я, не понимая, почему она сердится.

— ....? Что ты починила?

Полное непонимание на её лице. Не знает слова *байк*?

— Ну-у... ффф... Я его починила!

— Немедленно слезай! И не смей мне больше никогда на него садиться! Слышишь, что я тебе говорю? Я запрещаю тебе! Ты поняла?!

— Ну-у... ааа... А почему? Можно теперь снова заниматься доставкой. Буду зарабатывать деньги.

— Чтобы ты ещё раз попала в аварию?! Ни за что! Поклянись мне, что ты в жизни на него больше не сядешь!

Блиин! Вот и накрылись медным тазом мои колёса! Впрочем, в мире ведь есть и другие колёса, не так ли? А на эти, я уж так и быть — не сяду. Вполне возможно, что они несчастливые, раз попали в аварию.

— Юна! Ты слышала, что я тебе сказала?!

— Клянусь, — вздохнул я, слезая со скутера, — клянусь, что больше никогда на него не сяду...

\* \* \*

*Место действия:*

*Маленькая кухня в доме мамы Юн Ми. Поздний вечер. Вернувшаяся с учёбы Сун Ок ужинает за высоким столом. Мама сидит рядом с чашкой чая и смотря как дочь ест, жалуется на Юн Ми.*

— Представляешь, она сказала, что снова будет ездить на доставку! Я как увидела её верхом на этом мотороллере, у меня чуть сердце не оборвалась!

— Так он же сломан? — с набитым ртом говорит Сун Ок, — как она будет ездить?

— Она его починила! Завела и уже собралась ехать!

Сун Ок замирает, прекратив жевать и держа на весу палочки.

— ПОЧИНИЛА? Юна — починила мотороллер? САМА?

Дочь, непонимающе, с удивлением смотрит на мать.

— Ой, — говорит та, испуганно смотря в ответ, — а ведь действительно? Как я об этом не подумала? Наверное, вспомнила про аварию и всё из головы вылетело. Как она могла его починить? Ведь она же этого не умеет! А?

Мама вопросительно смотрит на дочь.

— Странно... — задумчиво говорит Сун Ок, вновь опуская палочки в чашку с рисом, — никогда с ней такого раньше не было...

*(в этот момент на кухню заходит Юн Ми с коротким ёжиком волос на голове)*

— Аннён!<sup>[30]</sup> — улыбаясь, певуче произносит она, машет ладонью и смотрит на сестру, — как прошёл день, онни?

— Спасибо хорошо, — кивает в ответ та и спрашивает: Юн Ми, мама говорит, что ты починила мотороллер. Как ты смогла это сделать?

— Там было оборвано всего два провода. Я зачистила изоляцию, скрутила жилы между собой и замотала изолентой. И всё. Любой бы смог это сделать.

— А-а! — кивает головою *онни*, — но я вот бы так не сделала.

— Просто ты не начинала делать, — отвечает ей Юн Ми, — начала бы делать и сделала. Главное тут — начать.

Мама и Сун Ок переглядываются между собой.

— Юна, дочка, — спрашивает мама, поворачиваясь к младшей дочери, — будешь чай? Садись с нами.

— Да, спасибо, — отвечает та и садится за стол, наливая себе зелёного чая в маленькую кружечку из коричневой керамики.

Некоторое время на кухне царит тишина. Мама и Юн Ми пьют чай, Сун Ок ест.

— Завтра суббота, — говорит мама, смотря на лысую голову Юн Ми, — будет много посетителей. Юн Ми, ты поможешь мне на кухне?

— Конечно, — кивнув, соглашается та, — мне только нужно будет сходить в информационный центр. Хочу узнать свой результат по TOEIC.

— Ты сдала тест? — искренне изумляется Сун Ок, — зачем?

— Его требуют при приёме на работу. Ты же знаешь.

— Так ты серьёзно решила пойти работать?! — удивляется мама.

— Конечно, — пожимает плечами Юн Ми, — я же уже говорила.

— Да, но я не думала...

— Всё будет хорошо, — говорит Юн Ми, — не волнуйтесь.

— А зачем ходить? — спрашивает Сун Ок, — можно ведь через интернет посмотреть. Там, на квитке с номером, который тебе дали, написан индивидуальный код доступа к результатам экзамена.

— Уууу... А я его выкинула... Я не знала.

*(Некоторое время спустя. На кухне только мама и Сун Ок. Юн Ми ушла наверх, в комнату.)*

— Сун Ок, сходи завтра с ней вместе, — просит мама.

— Зачем? — не понимает та, — сама сходит.

— Дочка, ну что она там получит? — с болью в голосе говорит мама, — английский язык такой трудный! Она же ничего не помнит. Она что-то там придумывает себе или думает, что у неё всё в порядке. Представляешь, как она расстроится, когда реальность не совпадёт с её мечтами? Я боюсь, как бы она потом ничего такого не сделала. Пожалуйста, сходи. Присмотри за нею.

— Да, мама, — секунду подумав, кивает головою Сун Ок, — хорошо, я схожу. Не волнуйся.

Что вот ей дома не сиделось? Я бы сам прекрасно сходил. Без всяких разговоров, от которых уже уши в трубочку сворачиваются.

Онни вдруг решила пойти со мною за результатами теста. Я не возражал, хотя, если бы знал, что она мне первую половину пути будет расспрашивать меня о том, как же в всё-таки починил скутер, а вторую — говорить про английский язык, я бы отказался от такого спутника. Про скутер, когда я его решил починить, у меня были мысли, что это будет выглядеть как «палево», но там действительно, повреждения оказались незначительными, и даже девушка могла бы с ними справиться. Я же не двигатель разбирал? Не двигатель. Двигатель — это было бы да, подозрительно. А так — два провода и тросик. Ну, руль свёрнут. Отпустил три винта, поправил, да обратно затянул. Всё просто и понятно. Никаких чудес. Так что... Ну и что, что Юн Ми на скутере только ездила? Всё когда-то случается первый раз. Пусть привыкают, что она стала другой. Подделываться под неё я не собираюсь, ибо всё равно не смогу, да и резона нет. Так что с «мотиком» — вот так. И с английским тоже. Поначалу я решил ничего не говорить, но потом подумал — а собственно, чего? Если устраиваться на работу, наверняка потребуется согласие мамы Юн Ми так как её дочь несовершеннолетняя. Всё равно, придётся показывать результаты теста. Ну и зачем тогда делать из этого тайну? Никакого смысла в этом нет. Зря я только с онни пошёл. Болтает и болтает всю дорогу. Как можно столько говорить? Сейчас она переключилась с разговора о скутере на английский. Рассказывает, кто и сколько из её знакомых получил за TOEIC, и какой английский — сложный язык. Что если результат теста не очень, то расстраиваться не стоит, нужно просто ещё раз хорошенько подготовиться... Это не конец света, а трудность, которую можно преодолеть трудолюбием... У многих, не сразу всё получилось, но они старались и были в итоге — вознаграждены...

Она что, морально готовит меня к провалу? — доходит до меня, — а-а, вот почему она со мною увязалась! Пошла оказать поддержку младшей сестре! Хм... Хоть она и болтлива, но... хорошо иметь такую сестру! А у меня вот никого нет. Я в семье один...

— Онни, — спрашиваю я, — а сколько у тебя баллов за TOEIC?

— У-у... Не так много, как мне бы хотелось, — враз загрустив, отвечает она, — пятьсот тридцать шесть. Думаю, что мне нужно ещё позаниматься и сдать его ещё раз. Но английский язык — такой трудный...

Пятьсот тридцать шесть? И она собирается работать в области турбизнеса? Мда-а... Сложно ей будет...

— Почти тысяча баллов! Ничего себе!

— Наверное, нужно прожить всю жизнь в Англии, чтобы получить столько...

— Думаю, ты права.

Мимо нас прошли две девушки, разговаривая между собой. Мы, с *онни*, как раз подошли к входу в информационный центр. Девушки вышли оттуда и, похоже, обсуждают чью-то удачу.

— Тысяча баллов! — завистливо произнесла Сун Ок, проводив их взглядом, — слышишь, Юн Ми? Кто-то получил целую тысячу баллов! Везёт же некоторым! Мне бы так. Наверное, кто-то из богатеньких. Конечно, если постоянно жить за границей, тогда можно и тысячу получить. Это не то, что некоторые, для которых съездить в другую страну — мечта всей жизни...

Я покосился на *онни*. Её мечта жизни — съездить за границу? Вот уж, не думал. В прочем, я её почти не знаю...

— Ну, пошли, чего остановилась? — хмуро сказала мне Сун Ок.

Похоже, настроение у *онни* резко упало.

Мы зашли внутрь здания и поднялись по лестнице на второй этаж, где в начале длинного коридора, справа на стене, были вывешены результаты тестов. У стенда почти никого не было, лишь у его дальнего края стояли двое парней и две девушки, негромко разговаривая между собою. Листов с оценками было много, и они были расположены по группам. Короче говоря, там были вывешены результаты нескольких групп за разное время.

Мы с *онни* взялись просматривать листы с ближней к входу стороны, ища мой. Но пока он нам не попадался. Постепенно мы сдвигались влево к парням и девушкам. Краем уха я слышал, они обсуждают вопрос — можно ли учась в Корее получить столь высокий бал? И вообще, правильно ли это, допускать до сдачи теста иностранцев, наравне со всеми? Сун Ок, продвигаясь по стенду, вошла уже между ними и доской. Я шёл следом. Внезапно *онни* издала громкий звук и, ткнув указательный палец в листок, замерла. Говорившие замолчали и уставились на неё. Как, впрочем, и я.

— Юн Ми! — потрясённо произнесла Сун Ок, оборачиваясь ко мне и продолжая давить пальцем в стенд, — ты получила девятьсот девяносто девять баллов! Вот! Смотри!

Молодые люди, в одной из которых я узнал «йогуртную девушку», тоже повернулись ко мне, смотря на меня с непередаваемым изумлением. Возникла немая сцена. Вроде как — «К нам приехал ревизор»!

Неспешно, под внимательными взглядами пяти пар глаз, я подошёл к стенду, посмотрел. Да, действительно, Пак Юн Ми — 999 баллов. Вот это да! Вот это я дал! Однако, Серёга, уж скажи что-нибудь? Публика явно ждёт.

— Гм... гм... — прочистил я горло, — а почему девятьсот девяносто девять? Почему — не тысяча? Куда они дели один бал?

Я с недоумением посмотрел на *онни*, а потом обвёл взглядом присутствующих.

Сун Ок завизжала и кинулась меня обнимать.

\* \* \*

— Вне всякого сомнения, это очень достойный результат, — сказал пожилой кореец, с лёгким полупоклоном двумя руками протягивая мне сертификат, — думаю, в твоей школе его с удовольствием повесят на «стену наград».

Моей школе? После устроенной мною драки? Хм...Ну не знаю...

— Возможно, — уклончиво сказал я, протягивая руку за листом из плотной бумаги золотого цвета. В зависимости от набранных баллов бланк сертификата тонируется в определённый цвет: 10-215 баллов — оранжевый, 220-465 баллов — коричневый, 470-725 баллов — зелёный, 730-855 баллов — голубой. Мне положен золотой — от 860 до 990 баллов.

— Юн Ми, — прошипела сзади *онни*, дернув за одежду, — как ты себя ведёшь? Бери двумя руками и благодари.

Нда? Ну ладно... Принимаю бланк обеими руками и кланяюсь. Сун Ок, за моей спиной тоже кланяется. Дядечка, с удивлением смотря на меня, кланяется в ответ. Мы кланяемся. Он кланяется. Повторяем это три раза. Наконец можно идти. Идём. На ходу смотрю в сертификат. Меня интересует, за какой раздел с меня срезали бал. *Listening* — 500, *Reading* — 499. Ага, таки за письменную часть сняли. Но один бал? За что его можно снять? Я что, где-то запятую не поставил?

— Возьми, — протянул я сертификат Сун Ок, — положи к себе. У меня некуда.

— Ты что? С ума сошла? Смотри, все на тебя смотрят!

Поднимаю глаза. За дверью, в коридоре, собралась уже изрядная толпа. Все смотрят на меня и на сертификат в моих руках. Пауза. Стоим и смотрим друг на друга. Но тут Сун Ок сделала выступление.

— Это моя сестра, Пак Юн Ми, — сделав шаг вперёд, неожиданно



громко произносит *онни*, — она получила золотой сертификат, сдав тест на 999 баллов!

Совершенно посторонние люди, внезапно раздражаются в ответ приветственными возгласами и начинают хлопать и радостно улыбаться, словно для них это действительно радость. От такой неожиданной реакции я теряюсь и стою столбом, не зная, что делать.

— Благодарю! — шепчет мне Сун Ок и начинает кланяться. Сообразив, я присоединяюсь к *онни*.

Некоторое время мы благодарим, потом ликование толпы спадает. И становится тихо.

— Скажи, — внезапно обращается ко мне на неважном английском языке, какой-то молодой мужчина — ты жила за границей? Где ты научилась английскому?

— Нет, — отвечаю я ему тоже на английском, — я училась в школе и занималась самостоятельно.

Услышав моё чистое и чёткое произношение, толпа вытягивает губы и завистливо дружно тянет: У-ууу...

— А что за школа? — уже на корейском заинтересованно спрашивает мужчина, — это какая-то известная школа? Как она называется?

Уууупссс... Хоть убей не помню, как называется школа, в которой я был всего один раз в жизни!

— *Онни*, — поворачиваюсь я к сестре Юн Ми, — как называется школа, в которой я учусь?

За моей спиной, в коридоре возникает непонимание, потом раздаётся смех. Люди решили, что это шутка.

— Моя сестра учится в школе *Ви Рyeong* для девочек, — говорит *онни*, с недоумением смотря на меня.

— О-оо, — благоговейно выдыхает толпа.

Похоже, у школы *Ви Рyeong* скакнул рейтинг. Какие-то странные люди. Совершенно неадекватная реакция. Чего они так радуются, будто я их родственник?

— Пошли, — дёргаю я за рукав Сун Ок.

Вдруг ещё, кусаться начнут...

## Шкурка девятая

*Место действия:*

*Дом мамы Юн Ми. Мама, со своими дочерьми кушает за столом в маленькой кухне на первом этаже. За столом царит приподнятое настроение. Мама и Сун Ок улыбаются и шутят. Юн Ми посматривает на них и молчком ест.*

*— Какой хороший вчера праздник получился! — говорит Сун Ок, поднимая руки и тянясь вверх, прогибая спину, — только как-то без подготовки всё вышло. Думаю, нужно хорошенько подготовиться и отметить ещё раз.*

*— Сун Ок, не тянись за столом! — говорит ей мама, с улыбкой смотря на дочь, — мне тоже понравилось. Давно в нашей семье праздника не было. А всё благодаря тебе, Юна. Может быть действительно, устроить праздник ещё раз, по всем правилам? Хочешь?*

*Юн Ми, под обращёнными на неё взглядами, индифферентно пожимает плечами.*

*«В Белориве, который день, горят конопляные поля. Ветер дует в сторону Велобаджи. В Велобаджи, который день, продолжается праздник...» — глядя на улыбающуюся маму Юн Ми, пришла мне в голову побасенка-переделка известной рекламы.*

*Праздник в нашей Велобаджи начался в тот момент, когда Сун Ок увидела результат моего *тоика*. Вначале она как-то сдерживалась, но после её выступления перед людьми, *онни*, как говорится, понесло. Выходя на улицу, мы прошли с ней весь длинный коридор второго этажа и всем встречным — поперечным, она сообщала, указывая на меня, что — «это моя сестра». При этом, я держал в руках золотой сертификат. Все встречные улыбались, и казалось, искренне радовались. Я был, малость, растерян столь странным отношением к своей персоне посторонних людей и поэтому автоматом улыбался, кланялся и благодарил, вместе с сестрою Юн Ми. Однако, спустившись по лестнице и выйдя на улицу, я очнулся и сообразил, что если я не хочу кланяться и благодарить всю дорогу до дома, то «шоу» нужно сворачивать. Я, категорически потребовал от Сун Ок, спрятать сертификат в сумку и прекратить хвастовство, напомнив заупрямившейся *онни* о скромности и приличиях поведения. Нехотя, она согласилась. Сертификат убрали, и мы, как нормальные люди пошли*

домой. Я ждал, что сейчас начнётся допрос о том, как мне это удалось, но тут, возбуждённая Сун Ок вспомнила, что — «мама-то, ещё не знает!» Сначала, она хотела было позвонить, но потом решила, что приехать с золотым сертификатом в руках — гораздо круче! Тут же поймала такси и, посадив меня на заднее сиденье, плюхнулась рядом. Притянула к себе, обняла и принялась тормошить как куклу, говоря всякие девичьи «уси-пуси». Я по три раза узнал — какая я умница, молодчина и что я теперь предмет гордости старшей сестры. А раньше, что, Юн Ми не была предметом ей гордости? Нечем, выходит, было гордиться? Конечно, же, и водитель узнал, о том по какому поводу все эти пiski-визги. Ему тоже показали сертификат. Он, странный, тоже, как и другие корейцы, обрадовался и сказал, что здорово и что, «не все ученики престижных школ получают столько баллов за *тоик*». Сун Ок, получив дополнительную «стимуляцию», опять взялась тормошить меня, и я уже совсем было хотел возмутиться, но тут мы приехали. В прихожей, не раздеваясь, *онни* буквально выпрыгнула из своих «шузов» и с криком — «мама, мама, Юн Ми получила 999 баллов!!», размахивая сертификатом, понеслась внутрь дома. Я только мученически закатил глаза к потолку. Прибежала с кухни мама Юн Ми в кухонном фартуке, и началась «вторая часть Марлизонского балета». Я узнал, что Юн Ми — умница, замечательная дочь, вторую такую ещё поискать, солнышко, красавица и тд и тп. Потом, когда мы уже сидели за столом со «вкусняшками», мама Юн Ми достала телефон и начала «обзвон» родственников. Первым, конечно, обо всём узнал дядя. Потом пошли родня в провинции и знакомые. Я сидел, слушал, как хвастаются дочерью, и потихоньку «опухал». «Ну, получил, ну удачно вышло, ну чего там?» — подумал я, — «нужно прекращать это. Надоело!» Уже было открыл рот, чтобы это сказать, но посмотрел, в светящееся радостью лицо мамы Юн Ми и прикусил язык. «Не порти людям праздник, Серёга» — сказал я сам себе, — «её мама столько лет боролась с трудностями, растя дочь, что теперь имеет полное право побыть счастливой. Тем более, что это может быть своеобразной компенсацией от меня за то, что я, обманываю её и Сун Ок...» В общем, я промолчал, а праздник, спустя некоторое время, «выплеснулся на улицу». Нуна написала ярко-зелёным фломастером объявление на листе бумаги, который за уголки приклеила скотчем на стеклянную дверь кафе, и в котором объявлялось, что в виду моего «феерического» успеха в *тоике* (успеха дочери хозяйки!), всем посетителям полагается по бесплатной (за счёт заведения!) бутылочке со Чжу. Вчера, в субботу, гулянка в кафе явно удалась. Привалила толпа знакомых мамы Юн Ми, соседей, знакомых знакомых соседей... В итоге,

закрылись почти в час, хотя работаем до одиннадцати. Поддав, многочисленные *ачжуммы* и *ачжосси* стали хором просить маму Юн Ми, чтобы её ребёнок показал свои способности. Та обратилась ко мне. Вариантов отказать не было, пришлось поработать на публику. Встав на возвышение у входа, я оглядел притихший в ожидании зал, набрал в грудь воздуха и неожиданно для себя, начал:

*To be, or not to be: that is the question?  
Достойно ли, смиряться под ударами судьбы,  
Иль надо оказать сопротивление?  
И в смертной схватке с целым морем бед  
Покончить с ними?  
Умереть. Забыться. И знать, что этим обрываешь цепь.  
Сердечных мук и тысячи лишений, присущих телу.  
Это ли не цель желанная? Скончаться.  
Сном забыться. Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ...*

Ну, что сказать? Народ, хоть, похоже, особо ничего не понял, но очень проникся моим произношением и громким голосом. Проникся и я. Но не этим. Честно говоря, я не понял, с чего это меня вдруг на Шекспира — «кинуло»? Никогда не был поклонником его таланта. А тут, вдруг — «нате вам»? Может это какая-то внутренняя потребность? Вроде гласа души? Уж больно так в тему моей нынешней жизни «легло». Кроме своего неожиданного выбора, меня ещё поразил факт того, что слова великого классика нашлись в моей памяти легко и непринужденно. Так, словно монолог Гамлета я когда-то выучил наизусть. Хотя ничего такого в моей жизни не было. Ну, читал, пару раз. Ну, может пять раз прочёл. Но не учил. А тут, чеканно и чётко, словно каждое слово вбито в мою память аршинными гвоздями. Странно...

— Можно будет твоих подруг пригласить, — сказала мама Юн Ми продолжая развивать тему повтора праздника, — ты Дже Ын звонила? Унни знает?

Я отрицательно покачал головой.

— Ты ей ничего не сказала? — удивилась мама Юн Ми, — почему?

— Я не знаю её номер телефона.

— Как не знаешь?!

— Он у меня в телефоне был, а он у меня теперь новый. В смысле, симка новая....

— Так ты ей не дала свой новый номер?  
— Уку...  
— Почему?  
— Забыла.  
— Юн Ми, — с прищуром, задумчиво смотря на меня, спросила онни, — а как ты так хорошо сдала тест, если всё забыла?  
Ну, начинается... — вздохнул я, — а я уж думал, не вспомнят...

\* \* \*

*Место действия:*  
*Дом мамы Юн Ми. В комнате сестёр за столом, перед открытым ноутбуком сидит Юн Ми.*

Сижу, никого не трогаю, «рою» информацию. А именно, куда можно устроиться работать несовершеннолетнему корейскому подростку? Причём, девочке...

От нового праздника, вчера, я отбился, от подозрений в свой адрес — тоже. На вопрос Сун Ок — «как мне удалось так хорошо сдать тест, если я всё забыл?» я ответил фразой Доцента из известного фильма: «тут... помню, тут — не помню!». Ну и всё... Вопрос снялся сам собой. Вообще, начинаю приходить к мысли, что иметь справку о больной голове хоть и «стрёмно», но — удобно. Всегда можно прикинуться «полной амнезией» и взятки гладки...

Наконец-то «разложили» комп Юн Ми! Можно теперь заниматься своими делами, не привязываясь к режиму дня Сун Ок. Ноут взял, да пошёл. Можно ещё сказать, что тест от врача пошёл делать. На это вообще реагируют как на Святой Грааль — «Конечно, конечно! Иди, иди!» По быстрому, галочки в тесте расставил — и свободен. Вопросы в тестах, кстати, какие-то странные... Чушь какую-то шлют... Ну да ладно.

Кстати, пошарился по жесткому диску. Поискал порнушку. Ничего не нашёл. Никакого криминала. Абсолютно мирные, девчачьи картинки — оленята, котики, собачки. Фотографии подружек. Фотография Юн Ми с *кайгом* в руках. Правда, в отдельной папке, много фоток парней айдол-группы «CHAOs». А если точнее, одного парня. Как я понял — лидера группы.

Это, что ли, была та самая — «секретная информация»? — подумал я, — нашла ж, на что пароль ставить! Ну, нравится кто-то из

исполнителей... Что в этом такого? Это всё равно как луну любить. Видеть-видно, а встретиться — никогда не доведётся. А может, это первая любовь Юн Ми, которую она бережно хранила от всех? Впрочем, это её личные дела, в которые не стоит совать нос. Человек умер, а об умершем — только хорошо или — никак.

Папку, с фотками «СНАОС» я удалил, а картинки и подружек — оставил. Ну должно же что-то быть на диске из девичьего?...

... **«Корейские школы пытаются ввести новую систему наказаний взамен телесных»** — попался мне на глаза броский заголовок новости.

Пфффф... Чего? Их тут что, в школах розгами секут? Серьёзно, что ли? Ну-ка, ну-ка...

*«...До недавнего времени во многих корейских школах сохранялась система телесных наказаний. За разнообразные провинности ученики могли получить не только выговор, но и чувствительный удар специальной палкой. В некоторых школах ученик принимал позу „упор лёжа“ и стоял так, пока учитель не разрешал занять своё место.*

*Изобретательные педагоги придумывали и другие наказания, более или менее сходные с теми, что испытывают на себе, например, новобранцы армии. Однако, последнее время, всё больше и больше школ отказываются от подобной практики в пользу более либеральных видов наказаний. Департамент образования города Сеула издал распоряжение об отмене всех видов телесных наказаний со второго семестра этого учебного года. Такое решение было принято по примеру школ, которые по своей инициативе перешли на альтернативные методы наказания.*

*К новым методам выяснения отношений относятся, например, совместные походы учителей и провинившихся учеников в горы, чтобы в непринуждённой атмосфере обсудить имеющиеся проблемы. Другим примером является система штрафных баллов, по мере накопления определенного количества которых ученики обязаны безвозмездно заняться работами по оказанию социальной помощи или физическими упражнениями.*

*Подобные системы уже действуют в нескольких сеульских школах...»*

Блин! Это мне повезло, что ли, что меня в школе за драку не

выпороли? Ничего себе, порядки! Омбудсменов на них амеровских нет!

«... По словам учительницы по фамилии Юн, телесные наказания дают только краткосрочный эффект, а неприятный осадок от физической боли остаётся на долгое время. Поэтому, добавляет она, необходимо дать самому ученику осознать и понять, в чём его вина и воспитать в нём чувство ответственности за свои поступки.

По признанию шестнадцатилетней ученицы Ким Ён Хён, телесные наказания дают обратный эффект, только усиливая желание сопротивляться. Очень хорошо, когда чувствуешь, что учителя с уважением относятся к школьникам.

С другой стороны, несмотря на положительные отзывы, некоторые школьники считают, что новые меры повлекут за собой еще большее непослушание и новые проблемы с дисциплиной. По их мнению, телесные наказания — это горькое лекарство, без которого не обойтись.

В некоторых столичных школах активно применяется система штрафных баллов...»

Дикая страна... Хотя...? Если вспомнить родную школу, некоторым дЭбилам, которые там были, физические наказания — это самое то, что доктор прописал. Ибо, при отсутствии мозга, только активная стимуляция их ягодичных мышц занозистой палкой, способна оказать дрессирующий эффект на эти организмы... Можно ещё ею и по голове. Всё равно там ничего у них нет...

Так, это я отвлёкся. Мне нужно по работе пройтись, а не по новостям. Интернет, это такая зараза, что зайдёшь на пять минут — два часа просидишь! А уж интернет в ином мире, это воообщще! Жесть! Всё интересно!

Ага, вот, нашёл!

**«Оплата труда несовершеннолетних ниже минимальной почасовой оплаты!»**

Как-то мало оптимизма в этом заголовке... И, что пишут?

«...Проблема оплаты труда несовершеннолетними была и продолжает оставаться одной из актуальных проблем

современного корейского общества. Согласно официальным данным корейского статистического бюро, почти 50 % всех студентов корейских вузов (то есть, каждый второй) и чуть более 10 % школьников старших классов школы вынуждены в силу тех или иных причин подрабатывать во внеучебное время. Основная причина подработок — нехватка денег на обучение. Стоимость обучения в университетах растет не по дням, а по часам. На сегодняшний день стоимость одного семестра в самых дешевых университетах, государственных (Сеульский Государственный и т. д.), достигла отметки в два миллиона вон (примерно 2000 долларов США по нынешнему курсу), а традиционно дорогие частные и престижные университеты (Ёнсе, Идэ, и т. д.) требуют со студентов более пяти миллионов вон за семестр! Для многих ребят единственный способ оплатить столь дорогое образование — кредит в банке, однако, как всем известно, банки тоже деньги не просто так раздают. Для того, чтобы оплатить саму сумму кредита и набегающие на нее проценты, молодые студенты и вынуждены подрабатывать после занятий в караоке-барах, интернет-кафе, различных ресторанах и забегаловках, на заправочных станциях, парковках и т. д.

Минимальная заработная плата в час, установленная корейскими законами — 3,320 вон (около 3 долларов), однако далеко не все работодатели согласны выплатить даже такую сумму молодой рабочей силе. В большинстве круглосуточных супермаркетов, где продавцами чаще всего и являются студенты, часовая оплата составляет 2500–3000 вон. При поступлении на работу начальник берет молодого человека с „испытательным сроком“ и обещанием поднять зарплату через пару месяцев, если он будет хорошо работать. Однако, как показывает практика, больше пары месяцев на подобных „должностях“ никто не задерживаться, поэтому это все лишь завуалированный способ для работодателя платить меньше.

Работая подобным образом, пять часов в день, три-четыре раза в неделю, за месяц можно заработать порядка 240 тысяч вон (примерно 240 долларов), что не идет ни в какое сравнение со стоимостью обучения в университете и во много раз ниже средней стоимости съема комнаты (если студент вынужден жить один, а не с родителями). Разумеется, основное финансовое бремя практически всегда ложится на родителей, деньги же,



заработанные самим студентом, как правило, идут на ежедневные расходы и (если повезет с работой и, разумеется, оплатой) на оплату ренты...»

Ёёёё! И тут — «наебайтэн» с «испытательным сроком»! Меня один раз так «накололи». Как дурак, месяц, считай, «за спасибо» проработал. А потом, вместо меня, такого же лопуха, как я взяли. Козлы позорные! И здесь, то же самое. Что за странная страна? В школах — физические наказания, кланяться постоянно нужно, старших уважать, а те же старшие — обманывают младших, не выплачивая причитающиеся тем деньги за их работу... Как это всё соотносится друг с другом?! И что такое — 240 баксов за *месяц*? Куры даже смеяться не станут, ибо не смешно. Не-е... такие работы нам не нужны... Нужно что-то более интеллектуальное и высокооплачиваемое. С «языком»! А есть ли тут биржа труда? Непременно должна быть! Развитое капиталистическое общество, как-никак!

....

Н-да... *Онни* сказала правду... — подумал я, задумчиво закрывая крышку ноута.

За проведённый час в поиске работы с помощью сети, ничего подходящего найти мне не удалось. Для несовершеннолетних везде предлагалось одно и то же. Караоке-бары, интернет-кафе, рестораны, забегаловки и заправочные станции, о которых я прочитал в самой первой, попавшейся на глаза статье и тем же размером оплаты. Всё остальное, где платили хоть какие-то вменяемые деньги, требовало два документа — диплом и *тоик*. И, причём, да. Чем круче указанное образовательное заведение в дипломе, тем выше зарплата. Никаких там «опытов работы», как пишут у нас. Диплом и *тоик*. Всё! Больше от работника ничего не требуется. Может, там, на месте, будет ещё и собеседование, но в объявлениях об этом нет ни слова.

Чёрт! *Тоик* у меня есть. А диплома — нет! И чего делать? Получается, что на «не детское» место меня не примут, если исходить из того, что работодатель будет следовать букве закона. Тогда остаётся полукриминальный способ устройства на работу. Тут вижу два варианта. Первый — по знакомству. Как у нас делается. Второй — пойти, кого-нить найти и заболтать ему зубы, рассказав какой я замечательный, весь из себя, а главное — обойдусь ему гораздо дешевле, чем работник с дипломом.

Хммм...? Ну, из знакомых, у меня тут только родные Юн Ми и недобитый сковородою дядя... Совершенно не представляю, как далеко простирается их цепочка «связей». Однако, можно будет спросить. А

второй вариант... Вполне допускаю, что смогу кого-то найти и уболтать. Вполне. Только вот вопрос — с чего это вдруг «уболтанному» платить мне как полноценному специалисту? Наверняка он обрадуется появившейся возможности «отстёгивать» из своего кармана меньше чем до этого, причём на законных основаниях. Диплома-то у меня ведь нет! В итоге, получится, что работу я найду, а вот денег за неё, скорее всего, не будет. Пфффф...

Ладно, хорош сидеть, нужно совесть иметь. Пойду вниз, помогать. Посуду помою. Информация к размышлению есть, пока буду греметь тарелками, обдумую всё ещё раз...

\* \* \*

*Место действия:*

*Большой торговый комплекс. На втором этаже, под высоким потолком и большими панорамными окнами, выходящими на оживлённую улицу, расположился небольшой отдел музыкальных инструментов. Через окно доносится приглушённый шум едущих автомобилей. Несколько рядов электронных пианино, синтезаторов, барабанов. В воздухе чуть слышно пахнет нагретым пластиком. За стеклянным прилавком, на стене — электрогитары, блестящие разноцветными корпусами. На прилавке — яркие глянцевые каталоги.*

*Продавец-консультант по имени Им Хо, лениво бродит по залу среди инструментов.*

Скучно, — подумал Им Хо, дойдя до окна и разворачиваясь в обратный путь, — покупателей нет. Не так часто покупают музыкальные инструменты, тем более, в будние дни... Скорей бы начальник вернулся с обеда. А то уже в животе бурчит...

Им Хо вздохнул и бросил взгляд на круглые часы с чёрными стрелками, висящими на стенке возле кассы.

Три часа, — подумал он, — ещё только три часа... До десяти — ещё целая вечность!

Внезапно он ощутил за своей спиной чьё-то присутствие. Им Хо быстро повернулся. Девочка! В красной курточке, кроссовках, клетчатой юбочке и сердитым выражением на лице. Если судить по возрасту, одежде и розовому рюкзачку за спиной — школьница.

— Добрый день, *ачжосси* — сказала девочка, высоко держа голову и смотря прямо в глаза Им Хо. Поклон она даже не попыталась изобразить.

— Здравствуй... — осторожно ответил Им Хо, внимательно рассматривая собеседницу и пытаясь понять, кто она такая и почему так себя ведёт? По внешнему виду — обычная корейская старшеклассница. Но почему она тогда разговаривает с ним в такой неуважительной форме?

— Я занималась музыкой, — между тем продолжила говорить девочка, — но у меня произошёл перерыв в занятиях. Я переехала, и инструмент пришлось оставить на прежнем месте жительства. Сейчас я решила вернуться к занятиям. Мне нужен новый инструмент.

— Ммм... — промычал Им Хо, соображая, и спросил, — Речь идёт о каком-то конкретном экземпляре?

— Мне нужен синтезатор профессионального уровня, на 61 — клавишу... — девочка развернулась к Им Хо спиной и направилась к инструментам, на ходу перечисляя качества, которыми должна обладать её предполагаемая покупка, — 24-голоса, не менее двухсот программ, должна быть возможность добавления дополнительных, ну и система синтеза звука... — *eXpanded Modeling Technology*...

Эмигрантка, — понял о ней Им Хо, услышав, как она чётко произнесла английскую фразу, — сказала, что переехала, хорошее произношение и совершенно не воспитана, как все иностранцы. Понятно. Похоже, жила за границей и недавно вернулась в Корею. Стоит ли требовать, чтобы она обращалась ко мне, как положено? Если её за всю её жизнь не научили манерам, вряд ли я смогу это сделать за пять минут. Всё равно она не знает, как себя вести. Начнёшь воспитывать — обидится и уйдёт. Вон, лицо, какое, недовольное. А так есть шанс продать её родителям инструмент. Денег у эмигрантов много... Хотя одета она, не особенно хорошо... Может, старается не выделяться? Этих американцев не поймёшь... Денег полно, а одеваются кое-как. Никакого вкуса! Что возьмёшь, одно слово — американцы!

— У вас есть что-то подобное? — не оборачиваясь, через плечо спросила девочка, подходя к электронному пианино, стоящему с краю.

— Дайте подумать, — ответил Им Хо.

В этот миг потенциальная покупательница издала неопределённый звук, по интонации прозвучавший как крайняя степень изумления.

— Он у вас что, золотом покрыт?!

Девочка повернулась к продавцу, смотря на него круглыми глазами.

— Кто? — не понял тот.

— Casio! Шесть миллионов вон!? Это что? Почему оно столько стоит? — спросила она, указывая рукою на ценник, стоящий на крышке пианино.

— Ну... Оно всегда столько стоило... — растерялся от неожиданности Им Хо, — и у нас бывают распродажи, накопительные скидки! Вы не подумайте, что у нас самая дорогая цена в Сеуле...

Девочка закрыла глаза. Несколько секунд постояла. Открыла глаза.

— Да, — сказала она, — я поняла. Так как насчёт синтезатора, о котором я вам говорила? Есть у вас такой?

— Ммм... может, вы хотите приобрести ту же модель, на которой играли раньше? Как назывался инструмент, который был у вас?

Девочка замерла, молча, вытаращившись на Им Хо. Им Хо понял, что спросил что-то не то. Пауза затянулась.

— Это не важно, на каком инструменте я играла, — наконец ответила она, отводя глаза в сторону так, словно что-то скрывая, — Я хочу купить новый. У вас есть что-то вроде того, что я перечислила?

— Ну... в данный момент, к сожалению, из представленных здесь образцов, подобного нет... Но можно посмотреть и заказать по каталогу! Каталоги у нас на прилавке. Пойдёмте, я покажу...

— Можно мне сначала услышать, как звучит хотя бы вот это пианино?

— Конечно! Садитесь и играйте. Именно для этого оно тут и стоит, что бы можно было оценить качество звука.

Девочка кивнула, сняла со спины свой рюкзачок, поставила его рядом с ножкой пианино и села на вращающийся стульчик, за клавиши. Сцепила руки в замок и характерным движением профессионала-пианиста размяла пальцы. Занесла правую руку над клавишами, на миг замерла и решительно опустила её вниз. Инструмент отозвался сильным, громким звуком.

— Как сделать тише? — обернулась девочка к Им Хо.

Тот показал. Затем, примерно в течение пяти минут, он наблюдал, как девочка старательно пыталась исполнить какое-то, одной ей ведомое музыкальное произведение. Им Хо слушал и никак не мог понять, что же за мелодию она играет? Вроде классика, вроде что-то знакомое, но, что именно? И нельзя было сказать, что девочка вообще не умеет играть и поэтому пианино издаёт набор несвязных звуков. Нет, было видно, что она действительно когда-то занималась музыкой. Но, похоже, тот перерыв в занятиях, о котором она говорила, давал о себе знать. Пианистка часто сбивалась, попадая не на те клавиши, фальшивила и порою, банально не успевала за мелодией, пропуская ноты. Всё это было прекрасно слышно привычному уху Им Хо. Техника исполнения явно нуждалась в своём улучшении. Наконец, прозвучала последняя нота. Девочка подняла над клавишами руки, зачем-то внимательно осмотрела ладони, пошевелила пальцами. Потом повернула кисти и осмотрела их снаружи. Затем, с

чувством произнесла короткое, но звучно прозвучавшее слово на неизвестном Им Хо языке.

— Большое спасибо, — сказала девочка, вставая и опуская крышку, закрывающую клавиши.

— Пожалуйста, — ответил Им Хо и поинтересовался, — а что это была за мелодия?

Девочка окинула его взглядом и задумалась.

— Почему вы спрашиваете, *ачжосси*? — спросила она, наклонив голову к плечу и вопросительно смотря на него.

— Я студент четвёртого курса университета *Согён*. Учусь музыке, а в магазине немного подрабатываю. Я знаю множество музыкальных произведений, но то, что сейчас прозвучало, я не понял. Чисто профессиональный интерес.

Девочка недовольно поджала губы.

— Это была музыкальная фантазия. Из моей головы, — спустя секунду ответила она.

— Ты пишешь музыку? — поразился Им Хо, перейдя на *ты*.

— Иногда, — коротко ответила ему собеседница, наклоняясь рюкзачком и подхватывая его за лямки, — мы, кажется, хотели посмотреть каталоги?

— Да, пойдём.

Зайдя за прилавок, Им Хо подвинул по стеклу лежащую на нём стопку каталогов в сторону девочки.

— Синтезаторы фирмы Yamaha считаются лучшими на рынке, в ценовой категории до... — начал, было, он и замолчал, увидев, как девочка ухватила лежавший верху синий каталог KORG на английском языке. Открыв оглавление, она быстро провела по листу сверху вниз указательным пальцем, перевернула лист, снова провела пальчиком, удовлетворённо хмыкнула и открыла нужную страницу. Прочитала, секунду — другую подумала, словно что-то вспоминая, улыбнулась и, развернув книжку, подала её Им Хо.

— Мне нужен... вот этот!

Им Хо посмотрел на её выбор и удивлённо приподнял брови.

— Вот этот?

— Да. Сколько он стоит?

— Мммм... Я сейчас посмотрю по базе...

Им Хо подошёл к компьютеру. Девочка терпеливо ждала, смотря, как он вводит буквы и цифры с клавиатуры.

— Последняя цена, — произнёс Им Хо получив ответ на запрос, —

была пять миллионов, девятьсот девяносто девять тысяч вон...

— Пффф... — девочка выдохнула сквозь губы.

— Но, к сожалению, данной модели нет в продаже... Она снята с производства.

— Как снята?!

Девочка чуть ли не возмутилась.

— Так, — пожал плечами Им Хо, — её выпустили небольшой партией. Я слышал, что она оказалась слишком дорогой и специфичной в освоении, и не пользовалась спросом. Поэтому, KORG снял её с производства. Однако, взамен, фирма предлагает другие инструменты подобного уровня. Yamaha, тоже, выпускает синтезаторы сопоставимые по классу с этой моделью...

— Н-да? — отозвалась девочка.

В голосе её был слышен скептицизм. В этот момент у девочки зазвонил телефон.

— Да? — сказала она, достав его из внутреннего кармана своей красной курточки, открыв и приложив к уху.

— Уже иду, — десять секунд спустя, сказала она, выслушав, что ей сказали.

— Прощу прощения, но мне нужно идти, — сказала девочка, убирая телефон обратно в карман, — я зайду в следующий раз. Большое спасибо.

Девочка поклонилась.

— Всего доброго, — кисло ответил Им Хо, кивая в ответ и понимая, что покупки не будет.

... Эти иностранцы... — подумал он, глядя вслед уходящей девочке в красной курточке, — такие странные... Но хоть время провёл не скучно...

\* \* \*

*Место действия:*

*Дом мамы Юн Ми. Семья ужинает в маленькой кухне. Юн Ми хмурая, как осенний день, Сун Ок сочувствующе поглядывает на сестру, мама загадочно улыбается.*

— Юна, не хмурься, — говорит онни, — завтра повезёт. Знаешь, как люди говорят? Если бог закрывает двери, то он открывает окно!

Ага... Окно. Я и не предполагал, что на фирмах тут такие хамы сидят. В первых двух местах, стоило только про работу заикнуться — сразу на

дверь указали. Без разговоров. Типа, выход вон там — проваливай! После приобретённого «бесценного» опыта, я решил действовать хитрее. Загодя доставал сертификат и сразу начинал им размахивать. Да, это позволило мне продержаться в других местах подольше. Народ разглядывал, восхищался оценкой и предлагал мне поступать с в Пусанский университет иностранных языков или Сеульский государственный университет. Но итог был тот же — «нам не требуется!». Я, честно говоря, не понял. Судя по реакции Сун Ок и окружающих на результаты моего *тоика*, работника, подобного мне, должны были бы сразу, как говорится — «с руками оторвать». Однако, этого совершенно не происходило. Неужели, — недоумевал я, — в туристических фирмах, по которым я хожу, занимаясь саморекламой, никому не нужен человек с хорошим знанием английского?!

Я так бы и ушёл, терзаемый нераскрытой тайной бытия, но в последней «намеченной точке», куда я зашёл «продаться», меня просветили. Это случилось в фирме, занимающей маленький офис, в котором никого не было кроме господина генерального директора. По крайней мере, так было написано на узкой табличке, стоявшей у него на столе.

— Смотри, — сказал он мне, рассмотрев мой диплом и выслушав мою коротенькую презентацию, — ты, несовершеннолетняя. По закону, ты не можешь работать больше пяти часов в день. Если превысишь и меня поймают на этом нарушении — заплачу штраф. Дальше. Поскольку ты не можешь работать полный рабочий день, значит, мне нужно искать кого-то ещё, на вторую половину дня. В результате, вместо одного сотрудника, у меня появляются двое. Потом, у меня есть экскурсии по ночному Сеулу с посещением ночных клубов и ресторанов. С твоим возрастом, тебя, в такое время, туда, просто не пустят. Пустят — заплатят штраф. И я заплачу. Значит, с тобою, нужно обращать внимание ещё и на это. Зачем мне это всё? И вообще. Тебе, с твоими успехами, учиться нужно. Ты сейчас полгода у меня «поработаешь», едва чему-то научишься, а потом поступишь и только я тебя и видел. Работать переводчиком, гидом, как ты хочешь, — это достаточно тяжёлая работа, требующая сил, времени и квалификации. Не для девочки твоего возраста. Не знаю, с чего это ты вообще вдруг решила, что тебя кто-то допустит работать с иностранцами? Это ответственность. А ты ни за что отвечать не можешь, потому что сама ещё ребёнок. За тебя саму отвечать нужно. Ко всем проблемам, которые у меня есть в жизни, прибавишься ещё ты. Будь ты парнем, я бы, может, ещё и подумал, а так, извини — нет. Вообще, я считаю, что девочки должны сидеть дома, заниматься хозяйством, готовиться стать хорошей женой и матерью.

Раньше бы так и было, но, к сожалению, мир меняется... И меняется не в лучшую сторону. Общество забывает о традициях. Женщинам разрешили работать. Вполне возможно, это не так уж и плохо, но... В общем, выучишься, получишь диплом, тогда и приходи...

— А до того времени, я с голоду, что ли, сдохнуть должна? — зло спросил я, чувствуя злость на себя, за свою глупость, не предусмотревшего такого варианта развития событий.

После заданного мною вопроса, хозяин фирмы искренне огорчился, что девочка оказалась хамкой и выгнал меня прочь, напутствуя достаточно крепкими словами и пожеланиями, типа, сначала обучиться хорошим манерам, а потом уже пытаться работать с людьми.

— Манеры ему подавай, шовинист узкоглазый... — прошипел я сквозь зубы, очутившись за дверьми, — парня он, значит, взял бы! А девчонке куда податься? В жрицы, что ли?

Что за дурацкая забота? Человек хочет и может работать, а его берегут, не давая ему этого делать. Тот потыкается, потыкается, и в результате окажется, что единственное место, куда его возьмут без проблем — это либо наркотой торговать, либо, на панель... Заботливые взрослые... Пфффф...

Но это была не последняя неудача в этот день. Злой, от осознания того, что я полдня изображал из себя клоуна и ни одна «собака» не удосужилась мне об этом сказать, а сам я — идиот гуттаперчевый, я понёсся назад, к автобусной остановке. Минут через десять, когда я малость остыл, до меня вдруг дошло, что улицу, по которой я иду, и дома, которые стоят вдоль неё — я вижу первый раз в жизни. Короче говоря, выскочив из офиса в расстроенных чувствах, я «полетел» куда-то не туда. Как только я это понял, мне тут же «захолодало». Пойдя искать работу, я скрепя сердце, влез в юбку, дабы создать образ обычной, скромной девушки. Почему-то сверстницы Юн Ми джинсы практически не носят. Один раз только видел. Девушки постарше, студентки, те да, многие носят. А вот школьницы — юбка, тёплые колготки, ботиночки. Прямо униформа какая-то. Ну, и я в неё влез, чтобы не выделяться. Но холодно-то так рассекать! Чай не май месяц на дворе, а февраль! Тем более, что у Юн Ми с «обогревом» тела что-то не то. В общем, чуть проведя время на улице, я замёрз и, увидев попавшийся мне на глаза торговый центр, шмыгнул в него, чтобы погреться. На первом этаже я увидел рекламу отдела музыкальных инструментов с изображением синтезатора. Рекламировали инструменты с новым революционным звуком — *eXpanded Modeling Technology*. Вспомнив, что я собирался посмотреть здешние музыкальные инструменты и цены на них, я решил это сделать



сейчас, уж коль так выпал случай. Поднявшись на второй этаж, я нашёл отдел, чья реклама была внизу. В отделе было пусто, ни одного человека, кроме грустного молодого продавца. Безлюдье было мне на руку. Я решительно направился к парню. Дальше был «Шок и трепет». Шоком стали цены. Пианино, CASIO — шесть тысяч баксов! Да оно никогда столько не стоило! Ну, по крайней мере, у нас. А тут... Откуда такие цены? Что, Китай в этом мире пошёл другим путём? Он — не всемирная фабрика? Поэтому электроника так дорого стоит? У нас же всё делается в Китае, где, считай, дармовая рабочая сила. То же китайское пианино, максимум, полторы тысячи вечнозелёных стоит! А сделай его целиком в Японии или Корее, тогда да. Цену можно будет смело умножить на два или даже на три... На здешние деньги и выйдем...

Но это был только «шок». «Трепетом» стали мои руки. Сел за инструмент, чтобы понять — где я нахожусь в данный момент по технике исполнения? Поиграл, понял, что я нахожусь в одном, очень нехорошем месте, в которое никто, по доброй воле, не стремится попасть. Клавиши — помню, как играть — помню, но... Руки, руки, *РУКИ* Юн Ми! Это просто крадец какой-то! Коряги! Помню, мама любила брать мою руку в свои ладони.

— Рука музыканта, — улыбаясь, говорила она, глядя мои пальцы.

Я смущался и отбирал руку. Ну, такая игра у нас с мамой была. Но, да, да! Пальцы у меня были длинные и «чувственные» как говорила мама. Как у настоящего пианиста. А тут... У Юн Ми круглая, «пролетарская ладошка» с короткими пальцами. В такую — только тятку давать, да в поле, картошку окучивать! Никакой техники, понятно, в этих пальцах отродясь не ночевало. Хоть она и играла, там, на её *кайгыме*, но я это никак не ощутил. В общем, я понял, что пахать мне и пахать, пока появится хоть какая-то гибкость в пальцах, пока, хоть что-то получаться начнёт...

Тут ещё продавец вылез. А что это, — говорит, за музыка была? Не узнаю, мол.

Вообще-то это был Ференц Лист. По крайней мере, должно было быть так. Но, в итоге, прозвучало *нечто*... Имя композитора, я ему называть не стал, чтобы не травмировать. Всё равно он его не знает. Нет в этом мире этого имени. А парень в консерватории учится. Пришлось соврать, что это моя импровизация...

Единственным светлым моментом во всём этом стало то, что, оказывается, в этом мире существует такой же синтезатор, какой был у меня. Ну хоть что-то... Нет, конечно, существуют *аналогичные*, как сказал продавец, модели. Существуют, да. Но я своего «короля», я ни на что не

променяю. В своё время я купил его, когда уже знал, что поступаю в институт и профессионально заниматься музыкой не буду. Буквально случайно услышал, как он звучит и понял — эта *ВЕЩЬ* должна быть моей! В тот момент я собирал деньги на байк. Не секунды не сомневаясь, взял всех их и ещё и занятую сумму, пошёл и «грохнул» на синтезатор. Один раз пожалел. Когда распаковывал. Подумал — «на кой?», всё же одно музыкантом не буду. Лучше бы *мотик* взял, девчонок катать! Но, как только положил пальцы на клавиши и взял первые ноты — все сомнения пропали. Больше никогда не сомневался в разумности своей внезапной потраты. Мой инструмент. И здесь такой же есть! Надо брать. Только вот с производства сняли, чудаки. Придётся поискать... Или, объявление дать... Должны же с рук продавать! Денег вот только нет...

— Не расстраивайся, завтра тебе обязательно повезёт, — возвращая меня из мыслей, сказала Сун Ок и сделала движение рукой сверху вниз подняв кулак, — Файтинг!<sup>[31]</sup>

— Угу, файтинг, — кивнул я, думая о том, как закинуться о том, чтобы обратиться за помощью к дяде, как воспримут?

— Давай я тебе подниму настроение, — улыбнулась в этот момент мне мама Юн Ми, — у меня для тебя есть хорошая новость. Твой дядя договорился о *согэтхин* для тебя.

— *Согэтхин*?! — поразились *онни*, изумлённо смотря на маму, — мам, но Юн Ми ведь только семнадцать!

— Дядя сказал, что можно будет сделать это как помолвку...

Помолвку?! Коо-ому?! Мне?! Да офигеть!

— Стоп! — сказал я, — стоп! Объясните для начала, что такое — *согэтхин*?

— *Согэтхин* — это свидание, которое устраивают знакомые для своего кандидата в супруги, — пояснила *онни*.

— Свидание?! — изумлённо переспросил я.

— Да, — улыбаясь и смотря на меня, сказала мама Юн Ми, — ты довольна, что пойдёшь на свидание?

\* \* \*

— Нет!

— Что значит — нет, Юн Ми?

Мама с недоумением смотрит на дочь.

— Это значит, что я — не пойду!

— Почему, дочка? Дядя говорит, что это — хорошая семья. Отец — профессор, парень учится в университете Согён, станет врачом. На их семью очень большое впечатление произвёл твой результат *тоик*.

— Гм... Мама, я считаю, что мне ещё рано думать о браке.

— Отчего? Девушке никогда не рано подумать об этом. Тем более, что мужчин, могущих стать хорошими мужьями, не так уж и много...

— Я намереваюсь стать айдолом. А замужество — поставит крест на моей мечте!

— Опять ты об этом! Дочка, айдолами становятся — единицы из тысяч! Ты уверена, что у тебя достаточно таланта и красоты для этого?

— Уверена!

— Юна, подумай над тем, что век звезды — недолог. Особенно для женщины. В тридцать лет они уже уходят. Обзаводятся семьями. Может, стоит сразу пропустить этот сомнительный участок жизни? В возрасте, хорошего мужчину, будет сложно найти...

— Я собираюсь умереть на сцене!

— Юн Ми! Да что ты такое говоришь, упрямая негодница! Хочешь, что бы сердце твоей матери — разорвалось?!

— Нет, не хочу. Но я говорю правду. Я намереваюсь выступить пока будут силы стоять на ногах.

— Ну, а потом? Потом, что ты будешь делать?

— Ещё не решила... Там видно будет.

— Юн Ми, почему бы тебе не послушать свою маму? Которая знает, чем закончится твоё упрямство.

— Мама! Я, конечно же, выслушаю тебя. Но вначале, позволь задать тебе вопрос. В твоём доме — два «ласковых вора»... [\[32\]](#)

— ....Сможешь ли ты дать им приданное, за которое ни вам, ни нам, не будет — стыдно? Стыдно — за дешёвые подарки для родственников, за дешёвые платья, за бедные украшения... Чтобы потом, в доме мужа, нас свекрови не называли — нищенками?

— Юн Ми! Что ты такое говоришь маме! — с возмущением воскликнула Сун Ок, обращаясь к сестре.

— Я говорю так, как оно есть! — ответила ей та, смотря прямо в глаза, — Маме ещё нужно и о своей старости подумать. Мама, если вы отдадите всё, включая своих дочерей — как вы потом будете жить одна? Кто позаботится о вас в старости?

— Как-нибудь проживу.... — тихо сказала мама, опустив глаза, — главное, чтобы у вас было всё...

— Это неправильно! — перебила её Юн Ми, взмахнув рукой, — Ты

слишком многое сделала для нас, чтобы жить потом — как-нибудь. И ещё. Нехорошо младшей дочери выходить замуж, когда её старшая сестра ещё не устроила свою жизнь. Поэтому, я предлагаю: пусть все отложенные тобою деньги, на наше приданное — пойдут на свадьбу Сун Ок. А я, мама, буду сыном, которого у вас нет. Буду зарабатывать, и заботиться о вас. Замуж я не собираюсь!

— Доченька, какая же ты у меня... — сказала мама, вытирая пальцами слёзы, появившиеся в глазах.

— Поэтому, на свидание, я не пойду... — слегка набычившись, тихо сказала Юн Ми.

## Шкурка десятая

*Время: неделю спустя. Три недели после выписки Юн Ми из больницы.*

*Место действия: зал ресторана в гостинице «Golden Palace». За столиком, уютно примостившимся за высокой декоративной оградой из зелёных растений, интимно отделяющей его от зала, сидит Ким Чжу Вон и девушка. Её одежда, украшения, макияж, сумочка, всё-всё говорит о том, что девушка принадлежит к состоятельной семье. Перед молодыми людьми на столе, на блюдечках, стоят изящные белые чашечки с кофе.*

— Замечательный отель! — с удовольствием произнесла девушка, оглядываясь по сторонам, — я тут никогда раньше не была.

Откинувшийся в кресле Чжу Вон в ответ промолчал, чуть иронично оттянув уголок рта, разглядывая собеседницу.

— Твоя сестра отлично управляетсся с делами, — продолжила говорить девушка, — не просто наладить работу такого большого персонала. Думаю, что полученное ею образование...

— Ю Чжин, — перебил её парень, — хватит болтать. Ты же осталась в Париже. Почему ты здесь?

— Я узнала, что мой любимый *онпа* вернулся в Корею. Я всё бросила и прилетела сюда.

— Ты бросила учёбу?

— *Онпа*, я красивая. Зачем мне учиться?

Девушка кокетливо улыбнулась собеседнику. Тот, с выражением муки на лице закатил глаза.

— Ю Чжин, у тебя никогда не было мозгов, — сказал он, открывая глаза, — как можно вот так взять и бросить университет?

— Но ты же это сделал?

— К твоему сведенью я оформил академический отпуск.

— Я тоже оформила! — улыбнулась девушка.

— Что ж, придётся признать, что в твоей голове есть капля разума, Ю Чжин.

— Я это сделала только на тот случай, если ты решишь вернуться в Париж, *онпа*! — сказала девушка, чуть наклоняясь вперёд и аккуратно беря чашку за ручку, — Тогда я тоже вернусь и снова буду рядом с тобой!

— Мммм... — промычал, скривившись Чжу Вон, — мммм...

— *Онпа*, разве ты не рад моей предусмотрительности?

В ответ Чжу Вон глубоко вздохнул и тоже взялся за свою чашку.

— Ууууууу! Какое вкусное! — попробовав напиток, зажмурилась от удовольствия девушка, — настоящая арабика! Хе Бин организовала отличную кухню в своём отеле!

— Во-первых, Ю Чжин, кофе — мужского рода. Поэтому, не «какое вкусное», а «какой вкусный». Во-вторых, ты совершенно в нём не разбираешься. Это не арабика, а робуста. И в третьих — хватит уже нахваливать мою сестру. Делать заключение о кухне отеля по одной чашке кофе — слишком легковесно для девушки из высшего общества. Это похоже просто на грубую лесть

— Уверена, что кухня здесь не менее великолепна, чем чашка этого кофе, — ничуть не смутившись, ответила та, — я бы с удовольствием её попробовала. *Оппа*, угости меня обедом!

— Ю Чжин, ты что, припёрлась из Парижа горя светлым желанием пожрать за мой счёт?

— Фу-у, *оппа*, какой ты грубый! Жалко девушку обедом накормить?

— Ты опять потратила на одежду все родительские деньги? Сама купить не можешь?

— *Оппа-а*, как можно есть в одиночестве?! Так делают только изгои. А девушки, у которых всё хорошо, все обедают вместе со своими парнями!

— С каких пор я стал твоим парнем?

— С тех самых, когда я первый раз увидела тебя два года и девять месяцев назад. Ты помнишь этот день, *оппа*? Это была среда. В тот день...

— Так, всё, заткнись. Я это слышал уже десяток раз. И про солнечные лучи и про звёзды в небе. Что тебе надо? Чего тебя сюда принесло? Зачем назначила встречу?

— Я прилетела облегчить твою участь, *оппа*!

— Да неужели? До этого момента твоё появление её всегда только осложняло. И как же ты намеренна *это сделать*?

Последние слова парень произнёс, выделив их особой интонацией.

— *Оппа*, я слышала, твоя бабушка решила тебя женить?

— Об этом знают уже и в Париже? — хмыкнул Чжу Вон, поднося к своим губам чашку.

— *Оппа*, я сэкономлю тебе массу времени, — не ответив на его вопрос, произнесла Ю Чжин и предложила, — *Оппа*, давай поженимся! И тогда тебе не нужно будет ходить на свидания вслепую! Тебе повезёт, если женишься на мне! У меня хорошая семья! Я учусь в престижном парижском университете! Я гламурная! И у меня размер чашки бюстгальтера — В!

Чжу Вон поперхнулся от услышанного, облившись горячим кофе.

\* \* \*

*Время: в то же время*

*Место действия: там же. В десяти метрах за стеною, в подсобных помещениях ресторана.*

— Эй, стажёр! Мусор из разделочной вынесла?

— Считайте, что уже вынесен, *кунчан-ним*!

— Что значит — считайте? А ну бегом! Сейчас штрафной бал запишу!

— Бегу, бегу, бегу, бегу!

Девушка, в белой рубашке с короткими рукавами, широких черных брюках и чёрных ботиночках, бегом бежит в разделочную. Спереди, у неё повязан длинный чёрный фартук, закрывающий её почти целиком. На голове — фирменная кепка с длинным козырьком. Вбежав в помещение, девушка переходит на шаг и подходит к стоящему в углу большому пластмассовому баку, со вставленным внутрь пластиковым мешком. В баке навалены очистки овощей, шелуха, кожура, скорлупа... В общем, одним словом — отходы, образующиеся в процессе поварской деятельности. Завязав горловину мешка, девушка с натугой вытягивает его наружу и смачно плюхает на пол. Затем, схватив мешок обеими руками, она тащит его волоком за собою по коридору, пытаясь спиной вперёд. На небольшом прямоугольном *бейджике* зелёного цвета, приколотом к фартуку с левой стороны груди девушки, одна над другой написаны две строчки:

*Стажёр*

*Пак Юн Ми.*

\* \* \*

Тяжёлый, зараза! Раньше, такой вес был бы для меня пустяком, однако, нынче, в теле Юн Ми приходится напрягаться.

Матюгаясь про себя, пыхтя, волочу мешок по полу коридора на улицу, на помойку.

Вот никогда не думал, что буду работать на кухне чернорабочим! Но, «от суммы и тюрьмы — не зарекайся!» — гласит народная мудрость. И она права, эта мудрость. События цепляются друг за друга, превращаясь в

цепочку жизни. Одно, «зацепилось», за другое и вот я тут, на кухне, с тяжёлым мешком мусора в руках. А всё потому, что дядя Юн Ми оказался — «конкретным перцем». Он меня-то сюда и устроил. В фешенебельную гостиницу «Golden Palace», принадлежащей «Sea group corporation», одной из крупнейших судостроительных компании Кореи. У которой «бабок» — просто дофигища и она их вкладывает во всякие параллельные активы и пассивы. Не только в строительство пароходов. Ну, разумно, что тут скажешь? Я бы тоже так делал, будь на их месте. Гостиница действительно крутая. Одно только то, что управляет ею лично дочь генерального президента «Sea group», госпожа президент Ким Хе Бин, говорит о том, что тут всё — «чики-чики». Надраено, вычищено и вылизано до зеркального блеска. И всё безумно дорого. Гостиница для состоятельных людей, ориентированная на иностранцев. А моё место тут в самом низу. Ма-ааленькое такое местечко. Ниже некуда. Помощник-стажёр при ресторане. Вообще, Корея, похоже, ненормальная страна. Обязанности стажёра — уборка грязной посуды со столов, вытаскивание мусора и прочие «низкоуровневые» работы вроде наведения повсеместной чистоты и порядка, к которым могут «припахать» в любой момент. И вот, для этого, им нужен сотрудник с результатом *тоика* — не менее 850 баллов! То есть, человек, «на отлично», по местным меркам, знающий английский! Они что, действительно думают, что с меньшим балом вытаскивать мусор на помойку — невозможно? Трудно будет? Или, может, думают, что я могу встретить у мусорного контейнера иностранца, который спросит меня на английском — «Сорри, как пройти в библиотеку?». Что, серьёзно? Ну-ну. Но этот маразм оплачивается «чистыми» четырьмястами баксами в месяц. Два месяца испытательного срока, однако, в течение оно, зарплата выплачивается полностью. «Golden Palace» держит марку. «Облик морале», понимаешь ли! Шесть тысяч за синтезатор, да разделить на четвереста... Это будет... Это будет — бесконечность! Совершенно нет никакого желания год тут с лишним прозябать. Но, блин, как ни крути — деньги нужны просто позарез. К намеченным тратам на синтезатор добавилась ещё необходимость покупки нового компьютера. Нашёл на русском пиратском сайте программу для работы со звуком. Скачал, установил, крикнул. Запустил в прогон пробный файл. «ЧТО ЭТО?» — несказанно изумился ноутбук и «помер», так видно и не успев понять, что ему подсунули. Загрузка процессора — сто процентов, десять минут прошло, а прогресса процесса не видать... Короче, «машинка» Юн Ми для таких программ совершенно не предназначена. Нужно что-то помощнее брать. Да и так понятно, что звуковая карта в ноуте — самая, что ни на есть



простая. Мне не пойдёт. Потом, кроме синтезатора и компьютера, ещё, кое-что придётся прикупить. По мелочи, как говорится, но на неё тоже деньги нужны, на эту мелочь. Поискал по сайтам объявлений — бэушные «клавиши». Странно, но нужной модели мне нет. Только в Америке есть один «король» за четыре с половиной тысячи баксов. Не так уж и дёшево-то, для б/у. Плюс пересылка. Потом ещё «грохнут» по дороге, где-нибудь. И будет у меня железный ящичек с клавишами, в котором будет что-то греметь внутри. Нее-е. Покупать инструмент не глядя — это несерьёзно.

Честно говоря, «ресторанный бизнес», которым я сейчас занят, это самое последнее в списке из того — «чем бы я хотел заняться в жизни?». Но дядя задействовал личные знакомства, чтобы устроить меня на это «хорошее» место. А дядю подводить нельзя. Дядя — это *имба*. Дядя — это наше всё. Поэтому, как он сказал, то так оно и будет. Это мне доходчиво объяснили дома, когда выпихивали меня сначала на свидание, а потом на работу. Ну, это мы ещё, как говорится — посмотрим, кто там чего сказал. Однако, в данный момент, проявлять легкомыслие вроде того, что захотел — пришёл, захотел — ушёл, не стоит. В следующий раз, если чего вдруг понадобится, он откажет мне как несерьёзному человеку, да и всё. И будет прав. А дядя кадр интересный. Я тут выяснил, что зарабатывает он на жизнь импортом и экспортом продуктов. Может, он параллельно ещё контрабандой балуется потихоньку? По крайней мере, вид его, в этом его чёрном плаще, весьма загадочен. Плюс непрозрачные очки-капельки, плюс — связей, похоже, много... Место, для несовершеннолетней девчонки нашёл быстро и по делу. В принципе, по деньгам, здесь, для школьника, очень даже хорошо, просто — «отлично», как сказала *онни*. И очень престижно, как место работы.

Ну, престиж я бы легко поменял на дополнительные сто баксов. Какой может быть престиж у уборщика? Уборщик он и есть уборщик, где бы он не убирался. А по деньгам, я с ней, в общем-то, согласен. Я тут «прикидывал» возможность своей работы в аэропорту Инчхон, но после общей оценки, взвесив всё за и против, решил, что «Golden Palace» — лучший вариант для меня. Ну, во-первых, в аэропорт далеко ездить. Тратить каждый день по три часа на дорогу абсолютно нет никакого желания, гостиница гораздо ближе. Во-вторых — договор. За меня, на него, отпечаток пальца поставила мама Юн Ми. А в самом договоре, кратенько, перечислены работы — что я буду делать. Не знаю, у нас такого я не видел, чтобы так расписывали, а тут вот есть. Может, это опять форма заполнения такая, специальная, для несовершеннолетних, но факт есть факт. Представляю, какие были бы у бедной женщины глаза, увидь она перечень

из семи иностранных языков, на которых я обязан был бы общаться с пассажирами... Кстати, насчёт языков... Начал операцию прикрытия. Для этого сходил, прикупил в магазине книжку путешественника. Называется — «Как сказать?». На пяти языках всякие расхожие фразы для туриста — как пройти, где находится, сколько стоит и так далее. Книжку притащил домой, показал всем. Сказал, что коль работаю в такой суперской гостинице, буду учить фразы на разных языках, чтобы если что, если кто чего вдруг спросит, из иностранцев, я ему в ответ — раз! И отвечу! И будет мне счастье...

Книга и моё рвение, произвели на родных Юн Ми весьма положительное впечатление. Да, да, мол, давай, давай, умница! Рости! Менеджером зала станешь!

Ага. Мечта всей жизни...

Вообще-то, в книжонке всего пять языков, вместо семи, но я не стал акцентировать на этом внимание близких, решив — кто их там будет считать? А так, если вдруг спросят, откуда знаю, скажу — в самоучителе вычитал. Книгу видели? Видели! Ну, то-то! Отстаньте!

Ну и в третьих. Вряд ли мне в «Information Help» больше зарплату положили бы. Диплома нет, связей, как тут — нет. Да ещё с врачом общаюсь каждый день. Вообще бы, скорее всего, просто не взяли бы...

...Деньги нужны. Нужны деньги. Придётся, пусть работа и неприятная, пока сидеть тут, собирая «стартовый капитал». Коль так вышло, постараюсь получить по максимуму от ситуации. Займусь тренингом-адаптацией к обществу. Научусь соблюдать местные политесы, правильно разговаривать с людьми и не выбиваться поступками из поведения аборигенов. На работе стараюсь рот открывать как можно реже, от поклонов уже в спину тянет, а от улыбки — мышцы лица сводит. Но! Через тернии к звёздам! Всё одно мне это понадобится, когда я стану айдолом. Культура поведения — многое значит на востоке. Печально, конечно, что мой путь к вершине начинается с выноски мусора, но... все же с чего-то начинают, не так ли? Кто как, кому как повезло... Зато, потом, когда стану мега-топом, буду под белым светом софитов и отсвечивающими фиолетовым цветом зрачками объективов телекамер с грустной улыбкой рассказывать о том, как трудно мне поначалу пришлось, но я всё выдержал и превозмог. На ТиВи любят такие «душещипательные» истории... Ещё мне хорошо тут то, что в «Golden Palace» соблюдают законодательство. А по закону, работать мне больше пяти часов в день нельзя. С утра отработал — и, считай, полдня свободно. Можно заниматься своими делами. Потом, гостинца с иностранцами вселяет в меня оптимизм. Уверен, что это то

самое место, в котором возможны «варианты» дополнительного заработка. Нужно только держать глаза и уши открытыми и быстрее соображать. В кафешке мамы Юн Ми, однозначно, никаких «вариантов» нет...

— Стажёр! Юн Ми! Ты где?!

— Бегу-бегу-бегу-бегу, кунчан-ним!

Задолбала эта мЭнЭджерша! Двух минут без меня прожить не может! Скилл начальницы на мне прокачивает, зараза такая... Да! Не забыть поклонится, как прибегу! И радостно улыбнуться от лицезрения руководящего лица! Это тут святое.

\* \* \*

*Время: тот же день, ближе к вечеру.*

*Место действия: Комната сестёр. За столом, перед открытым ноутбуком сидит Юн Ми.*

Сижу, никого не трогаю, проверяю «официальную ловушку» — нет ли добычи? Нет, добычи нет, поэтому, в голове крутится подходящий для ситуации мотивчик: Полковнику никто... бум! бум!.. не пишет... бум! бум!.. Не ждёеёт...

«Официальная ловушка» — это сайт корейских фрилансеров, на котором я «зарегался» в надежде сшибить десяток-другой долларов на переводах. Но... Пока желающих что-то не наблюдается, что, впрочем, неудивительно. Рейтинг на сайте у меня — ноль, отзывов — ноль, возраст — адски юный... Блин! Странная эта страна — Корея! При регистрации потребовали заполнить кучу форм, в которых было, пожалуй, всё, что известно в этом мире об Юн Ми. Ну, по крайней мере, официально. Можно было бы конечно несколько «скорректировать» данные при вводе, но, во-первых, чёрт его знает — а ну как проверяют? А во-вторых, заполнять заявку мне помогала *онни*. Чтобы я — «не ошиблась», как она сказала. Поэтому, как говорится, «вариантов» на шаг влево, шаг вправо у меня не было никаких. И фотку Юн Ми на сайт поместили, и номер удостоверения ввели, и поля все заполнили. Всё сделали! Разве, что с бубном только не сплясали. Однако, от приложенных усилий отдачи пока никакой. Не идут-с, жирные караса, не клюют-с... У меня правда есть ещё три «неофициальные ловушки», кроме этой. Пока *онни* не было дома я натихоря зарегался на других, уже не корейских сайтах удалённой работы, вписав туда всё, чего могу, но уже без всяких подробностях о своей личности. Но и там, почему-

то тоже тихо. Никто не спешит дать мне заработать. Уррррроды...

Ладно, будем ждать, — сказал я сам себе, закрывая ноутбук, — терпение и ещё раз терпение! Будет и на моей улице праздник! А пока — «дискотека»!<sup>[33]</sup>

\* \* \*

*Время: поздний вечер того же дня*

*Место действия: Гостиная в доме мамы Юн Ми. Семья, собравшись перед телевизором, смотрит новости.*

«...В городе продолжается сильный снегопад, который, по прогнозам синоптиков может стать самым сильным за последние пятьдесят лет. Из-за выпавшего снега город оказался практически парализован. Прекращено движение городских автобусов. Из-за попадания снега на контактные провода также прекращено движение линий метро, имеющих выход на поверхность. На остальных линиях, интервал движения поездов увеличен до 10–12 минут. В данный момент температура воздуха в Сеуле минус десять градусов. Завтра ожидается продолжение выпадения обильных осадков сопровождаемых шквалистым ветром. Температура воздуха ночью может упасть до пятнадцати — семнадцати градусов мороза...»

Семнадцать градусов! Отличные шансы околеть к утру вместе со всем городом!

Сию перед телеком, по примеру старших одетый в уличную одежду, смотрю и слушаю глазастую телеведущую, рассказывающую об ужасах погоды. Никогда не думал, что в Сеуле может быть так холодно. В городе, совершенно внезапно, вдруг наступил локальный *армагедд*. Ещё в обед было минус два, солнечно, а к пяти часам, небо стремительно затянуло серыми, конкретного цвета мрачного свинца, облаками, из которых на землю повалил густой-прегустой снег. Температура резко упала и до сих пор продолжает ползти вниз. По сообщениям синоптиков, виноват в таком положении дел — холодный фронт, неожиданно пришедший на корейский полуостров из Сибири и Дальнего востока.

«Ну, матушка — Сибирь даёт!» — подумал я, выскочив на пару минут вечером из дома, чтобы глянуть на то, что творится на улице, — «Это да. Шок! Это по-нашему!»

За пару часов на улице образовались настоящие сугробы, пахло холодом, льдом, снегом. Ветерок, даже не сказать, что особо сильный, легко

проникал сквозь одежду, заставляя кожу покрываться мурашками. Я попробовал было немножко поностальжировать, уж больно Сеул под снегом стал походить на зимнюю Москву, но не получилось. Через пару минут нахождения на улице я понял, что ещё чуть-чуть, и я тут замёрзну нафиг. Я отложил свою «тоску по берёзкам» на другой раз и ринулся в дом, греться.

«Из окна зима тоже неплохо выглядит» — решил я, устраиваясь у окошка на кухне, рядом с горячей плитой. Посетителей в кафе не наблюдалось, наверное, их всех занесло метелью по дороге, поэтому, грязной посуды не было и можно было побездельничать. Поглазеть на улицу, вспомнить — «синие, московские метели»... Повспоминал. Взгрустнул. Потом на кухню пришла мама Юн Ми, сказала, что отпустила всех работниц домой. Став рядом и глядя в окно на падающий снег, она рассказала мне, что когда родилась Юн Ми, тогда, вот так же, на улице шёл снег. И по поверью, поэтому, душа у меня, то бишь у неё, должна быть такая же чистая и светлая, как снег. Выслушав это и вспомнив, что то же самое мне рассказывала Сун Ок, я понял, что эту историю я услышу ещё не раз и не два в своей жизни. Покивал, улыбнулся. Согласился. Пусть будет белая как снег. Я не против... Кстати, напомнил себе, что собирался сходить в храм. Выяснить пару вопросов духовного содержания...

Дальше мы смотрели на улицу уже вдвоём, долго ждали Сун Ок.

Наконец, из университета, припрыгала в тоненьких ботиночках и дерматиновом пальтишке, синенькая на лицо, дрожащая и замёрзшая до кляцанья зубами, *онни*. Автобус, на котором она ехала, встал посреди дороги, и до дома ей пришлось добираться «пешкодралом» по сугробам. А сеульские студентки валенки и овчинные полушубки в университет категорически не носят... Впрочем, наверное как и все остальные столичные студентки в мире. В том числе и русские...

*Онни* отогрели, засунув её в горячую ванную. Потом вместе поужинали, потом выяснилось, что у нас проблемы с отоплением. Температура в доме уверенно падала вместе с «забортной». И не совсем понятно, в чём тут причина. Котёл вроде недавно чистили... Что, такие гигантские потери тепла через стену и крышу? Я совершенно не разбираюсь в строительстве, поэтому особых мыслей на этот счёт у меня не было.

Может, дует где? — предположил я самое простое, вспомнив, как пару раз приходилось клеивать окна в общежитии.

Сходил, проверил. Ну да. Из пластиковых окон конкретно сквозит. Почему так вдруг стало — неясно. До этого всё было нормально... Может,

материал, из которого они сделаны, не рассчитан на такой холод? Скукожился, на морозе, вот щели и появились...

Извёл остатки скотча в семье — заклеил окно в маминной комнате. Оно там одно. Дальше скотч тупо закончился, и остальные окна остались так — «свистеть мелодию зимы». В нашей с *онни* спальне стало реально холодно и по полу ощутимо сквозило. Не долго думая, предложил Сун Ок перебраться ночевать вниз, на первый этаж, рядом с горячим котлом. Кровать тащить не нужно, спим всё равно на полу, поэтому, какая разница — где именно спать? *Онни* подумала, посомневалась, но согласилась. Сейчас сидим, надев на себя уличную одежду, смотрим ужасы по телеку. Прямо как фильм «Послезавтра». Досмотрим, пойдём спать...

\* \* \*

— Ты же собралась айдалом стать!

— Причём тут это?

— Разве ты не знаешь правила? А если ты попадёшься? Девушек с криминальной историей ни одно агентство к себе не примет!

Ннда? Но, всё же?

Мы лежим с Сун Ок рядом, на спальнях матрасиках, принесённых сверху. Я — в светлом уличном пальто, тёплом свитере, штанах и носках. *Нуна*, в уличной чёрной курточке и ещё под синтепоновым одеялом. Расположились мы на полу, на маленькой кухне. Рядом стол, стулья, гудящий включенный на полную мощность отопительный котёл. Подушки упираются прямо в стену. Слышно, как за нею, на улице свистит ветер, погромыхая листьями железа на крыше. Судя по звукам, там разыгралась настоящая метель. Обстановка, я бы сказал, малость «приключенческая». Воспользовавшись моментом, я опять «подъехал» к *онни* с вопросом заработка. Я уже предлагал ей узнать — может, в её университете нужно кому переводы сделать? Не за так, конечно, а за деньги. Она тогда обещала подумать, и вот теперь, когда я вновь вернулся к этой теме, она мне отказывает, но я не понимаю — почему?

— А что криминального в переводе? — спрашиваю я.

— Это не перевод, а репетиторство уже будет. Ты же чьё-то задание будешь делать! А репетиторством заниматься нельзя!

— Почему? — искренне удивляюсь я.

— Потому, что это будет несправедливо! — резко говорит Сун Ок, — если разрешить такое, то самые лучшие преподаватели будут у тех детей, у

чьих родителей есть деньги. В результате они сдадут экзамены лучше и получают лучшие должности. А у тех детей, которые могут рассчитывать только на себя, шансов на место под солнцем — вообще не будет никаких! Понимаешь?

— Аа-ааа... — глубокомысленно тяну я с понимающим видом.

Вот оно что! Это чтобы не было, как говорится, одним — всё, другим — ничего. Помню, да, были такие сюжеты в дорамах — бедный парень из корейской тьму-таракани приезжает в столицу или в крупный город и, благодаря своему таланту, трудолюбию и упорному следованию заветам Конфуция, становится министром. А все богатенькие бездельники оказываются посрамлены... Если судить по тому, как жёстко принимали экзамены на английском, без всякого шанса на списывание или помощь со стороны, тут действительно следуют этой идее... Нда-а, понятно теперь, почему в Корее такая истерия с обучением. Видно здесь это реальный шанс для бедных куда-то вылезти. Причём — шанс единственный. И упустивший его, тупо встаёт, идёт и вешается. Или травится... Как та девчонка в школе Юн Ми. Интересно, а то, что я взялся подтягивать *онни* по английскому? Это как, репетиторством не считается? Или, своим можно — нельзя только чужим?

— ...Есть закон, — продолжила между тем объяснять мне Сун Ок, — запрещающий индивидуальные занятия за деньги. Есть курсы, одинаковые для всех. Любой может пойти и заниматься там...

Ага, с Сун Ок я деньги не беру, значит, под закон не попадаю... Ох, блин! Мне нужно ещё законы местные вдумчиво прочитать... Потом осмыслить. А то нарвусь на ровном месте... Сколько же мне нужно ещё сделать!

— ...конечно, есть люди, которые это нарушают. В основном студенты....

Студенты нарушают? Не удивляет сие. Голодные студенты что угодно нарушат...

— ...они готовят школьников индивидуально к сдаче английского...

Что? Индивидуально? Не, такое мне не надо. Про такое я уже слышал. Ещё на первом курсе в нашем институте рассказывали страшную историю про одну студентку, которая вот так же, «натаскивала» одному школьнику английский. Тот, толи дебилоидом оказался, то ли ещё чего, но экзамен он не сдал. А папаша его был бандюканом. В общем, девчонка оказалась виноватой во всём. В итоге — вернула всё, что получила за занятия и ещё должна осталась. Якобы, за отмазку сына-идиота от армии. Поставили на счётчик и начали квартиру с её родителей трясти. В общем, беспредел

вышел полнейший. Пока по телевизору репортаж не показали, не успокоились. Девчонка, говорят, с этого институт бросила, уехала скрываться к родственникам на Украину. Так что такое репетиторство — это ещё то занятие. Тут на кого нарвёшься, как говорится. Тем более, что здесь оно криминал и запрещено. Враз, без последних штанов останешься вместо заработка...

В общем, понятно, — подумал я, подводя итог услышанному от Сун Ок, — репетиторство — дело тёмное. Уверен, что наверняка тут оно есть, но «нужно места знать». А соваться так, наобум — больше потеряешь, чем найдёшь...

— Давай спать, — сказала онни, зевая, — я так сегодня так устала, пока по снегу шла. Так замёрзла! Спокойной ночи, Юна!

— Спокойной ночи, Сун Ок!

Онни закрыла глаза и, через пару минут тихо засопела, заснув. А я, лежал в темноте, смотрел на блики на стенах, от огня, горящего в котле, слушал завывания ветра за стеною и думал о том — где я? Что я? Почему я здесь? Может, всё же, это мне снится? Хорошо бы уж проснуться... Тут всё так странно. И мне приходится подстраиваться, тоже делать странные мне вещи, вроде хождения на посиделки в качестве девушки...

От свидания, которое мне организовал дядя Юн Ми, как я не вертелся, открутиться мне не удалось. Родные просто стеною встали против моего желания пропустить это «мероприятие». Ни разумные доводы, ни моё красноречие — ничего не помогло. «Как можно отказать — ДЯДЕ?!» — вот был основной и «непрошибаемый» их аргумент.

«Ну, вообще-то да,» — подумал я тогда, сдавшись и поняв, что мои усилия бесполезны, — «мужик договорился, а я его своим отказом — „подставляю“. Кто его знает, какие у него отношения с той семьёй, и какие могут быть для него от этого последствия? Потом, я ведь собирался попросить его помочь мне с работой. Если я дядю сначала „прокачу“, а потом пойду его просить что-то сделать для меня, то с моей стороны это будет весьма глупо и недипломатично. Тем более, что свидание меня ни к чему не обязывает...»

— Просто посидите, поговорите, — сказала Сун Ок, убеждая меня, — если понравитесь друг другу — обменяетесь телефонами. Всё. Не понимаю, чего ты так упрямисься? Свидание — это же так романтично!

«Романтишшшшше....» — вспомнилось мне произнесение слова из одной песни, — «вот только её мне сейчас не хватало!»

— Он что, будет платить за меня? — поинтересовался я у неё.

Ещё не хватало, чтобы за меня платили, как за девчонку, которую



водят по ресторанам!

— Платить за тебя? Вы же ещё не парочка! Вы пришли познакомиться, поговорить. Вы ещё чужие друг другу. Поэтому, каждый платит за себя. Возьми себе кофе или сок. Сидеть за пустым столом — невежливо. Если ты будешь сидеть за пустым столом, то ты сразу даёшь понять, что парень тебе не нравится. Поняла?

Ну, если так... Тогда ладно, — вздохнул я по себя, — схожу, посижу в кафе. Заодно с дядей «перетру». Даже, может, это будет интересно, «взглянуть с другой стороны» на процесс свидания. Обычно я девчонок приглашал, «посидеть», а тут, вроде как наоборот... Дурдом, конечно, но всегда следует искать во всём светлые стороны. Иначе и свихнуться недолго от раздумий....

Перед свиданием пришлось пережить битву «нарядов и красоты». От макияжа я отбилась, аргументировав тем, что естественность — это есть сама суть правды, которая потом всё равно вылезет наружу. К моей несказанной удаче туфли на высоком каблучке в гардеробе Юн Ми отсутствовали, ибо молодая ещё, но от юбки открутиться не удалось. Сун Ок припёрла меня к стенке, сказав, что дядя не одобрит, если я появлюсь на свидании в джинсах, словно парень. Ну, дядя, есть дядя. Пришлось уступить.

Свидание прошло достаточно забавно. В назначенный час, в назначенном месте, дядя встретил, представил мне парня, ему меня и собрался «отчаливать», но я его перехватил, поговорить «за работу».

— Мне нужна языковая практика, — так я объяснил ему своё желание пойти работать, — мытьё тарелок вещь конечно нужная, но в профессиональном плане, английскому, оно ничего не добавит. И дополнительные деньги в семье будут!

Юн Сок озадачился, задумался, но, похоже, мой деловой настрой ему понравился. Кивнул, пообещал подумать и ушёл, оставив меня с потенциальным женихом наедине. Джин Гу, так звали парня, оказался «тем ещё кадром». Во-первых, он сильно смущался, хоть был старше Юн Ми почти на четыре года.

«Похоже, опыта общения с противоположным полом у него немного» — подумал я тогда, оценивающе смотря на его потуги вести себя естественно и солидно выглядеть. Вспомнилась прочитанная в интернете фраза о том, что — «корейцы замордованы учёбой или работой настолько, что посмотреть на живую женщину боятся, и навыков самостоятельного контактирования с представителями *внеземных цивилизаций* у них нет никаких...»

Когда я это вспомнил, мне стало смешно, и я улыбнулся. Мою улыбку, Джин Гу воспринял как свой успех и, преодолев смущение, предложил поиграть в игру, в которую, как он сказал, играют на таких свиданиях все. Суть её проста — задать собеседнику вопрос, выслушать, что он скажет, а потом сказать самому, что сам думаешь по этому поводу. Как он мне пояснил, это помогает понять, насколько совпадают точки зрения на жизнь. И предложил мне первому задать вопрос, который мне кажется важным. Сразу вспомнилась передача «К барьеру». Но к шоу нужно готовиться заранее, а я пришёл с пустыми руками. Я ему так и сказал, что это моё первое свидание, я ничего не знаю и, поскольку мужчина — он, то пусть он и берёт всё в свои руки. Вспомнил поведение знакомых по прошлой жизни девочек, которые, чтобы им было удобнее жить, ловко «спрыгивали» при любом случае, переводя решение проблем на меня. Аргументировали они это тем, что женщины — слабые существа, ты мужик, тебе надо, вот ты и бейся, а они с удовольствием посмотрят, как ты там победишь. Короче, я применил ловкий женский приём — «перевод стрелок на самца». Джин Гу, самец, воспринял мой «прокид» совершенно нормально, как должное. Кивнул и не торопясь, солидно, достал из кармана и выложил на стол... список! Он пришёл полностью подготовленным!

Оффигеть! — подумал я, с изумлением смотря на два бумажных листа формата А4, — да что бы я, да ходил со списком на свидания?

— Что такое для тебя брак? — с серьёзным выражением на лице прочитал первый вопрос Джин Гу.

— Брак — это три месяца любви, три года ругани и тридцать лет компромисса! — решив пошутить, быстро ответил я.

Тот опешил. Такого он явно не ожидал. Но, моя попытка привнесения юмора в ситуацию не удалась. Собеседник не поддержал моего веселья. Посмотрел на меня долгим, осуждающим взглядом, подождал, понял, что другого я не скажу и начал занудно говорить о том, как лично он видит брак. Я выслушал.

«Печалька» — сделал я вывод от услышанного, — «сочувствую той, которая решит с ним связать свою жизнь»...

— Что такое любовь? — задал Джин Гу следующий вопрос.

— Любовь, это когда просыпаешься в постели с кем-то незнакомым и точно знаешь, кому ты сейчас хочешь позвонить и пожелать доброго утра! — ответил я, решив, коль начал, продолжать в том же духе.

В общем, «вечер вопросов и ответов» вышел скомканным. Джин Гу понял, что я над ним подтруниваю и обиделся. Я, опять же припомнив манеры знакомых по прошлой жизни девчонок, старательно наморщив нос,

сказал ему, что он — «скуууучный» и, в общем, мы расстались, не обменявшись телефонами, с обоюдным желанием больше никогда не видеться.

— ...Она же ещё совсем девочка, — слышал я потом, как мама Юн Ми оправдывала свою дочь перед дядей по телефону, — у неё ещё куклы на уме... Он для неё слишком взрослый....

«Правильно, правильно!» — подумал я, — «нечего Юн Ми всяких стариканов подсовывать! Пусть по домам сидят!»

Короче говоря, после свидания я сделал вывод, что ничего страшного в них нет. Если придётся ходить на них под нажимом родственников, можно будет рассматривать такие походы в качестве развлечения. Посидеть, немножко поприкалываться над женихами. Шутки всяких я много в своё время заучил. А если будут родственники, за моё поведение, на меня «наезжать», отбрешусь. Скажу, например, что проверял чувство юмора. Считаю, мол, что у мужчины должно быть обязательно чувство юмора. Без него, мол, мужчина — не мужчина. И что мне смогут на это возразить? Юн Ми, ещё молодая. Молодым девочкам глупости простительны...

Вот и спать захотелось... Ладно, Серёга! Спокойной ночи! Всё будет хорошо...

\* \* \*

Проснулся я от какого-то писка. Открываю глаза — мрак, хоть глаз коли! А что пищит?

— Юна, ты тут? — раздаётся рядом из темноты голос *онни*.

— Ага, — говорю я, — что это за звук?

— Не знаю, — с тревогой в голосе отвечает она, — нужно включить свет.

Светлая мысль. Кто пойдёт шарахаться в темноте?

— Я сейчас включу, лежи, не бойся, — говорит невидимая Сун Ок и судя по звукам вылезает из-под одеяла.

Настоящая старшая сестра! Сказала младшей, чтобы не вылезала, а сама смело отправилась навстречу опасности. Жаль всё же, что я был один у родителей. Будь у меня брат или сестра, я бы тоже их защищал, или они меня...

Щелчок выключателя и кухню заливают свет, кажущийся после темноты ослепительным.

Щурюсь сквозь веки на источник звука. Ба, котёл! Стоит и пищит. И

огонь в нём не горит. Что случилось? Походу в нём сработала какая-то автоматика. Что-то ему не хватает. Воды, топлива, давления, огня, электричества... Последнее впрочем есть. Раз пищит и свет на кухне горит, значит, напряжение есть. А вот всё остальное... А вдруг, где-то в доме трубы «перехватило» морозом? Тогда это будет полный алесс. Представляю, в какие деньги обойдётся ремонт «размороженной» системы отопления! Так, нужно быстро соображать, чего делать? Если дело не в замёрзших трубах, а в чём-то другом, то нужно скорее это что-то найти и исправить. Иначе они действительно замёрзнут. Ночью обещали минус семнадцать...

— Я пойду разбужу маму, — сказала Сук Ок.

— Окей, — кивнул я.

А я пойду за инструментами. Нужно разобрать и посмотреть что-там внутри. Хотя я ничего в котлах не понимаю, ну а вдруг? Постучу ключом по трубе, пошкрябаю, глядишь, оно и заработает? Да и вообще! Уж не думаю, что котёл сложнее двигателя внутреннего сгорания.

Пока *онни* будила маму, я смотался в склад-гараж, туда, где стоял починенный мною скутер. Там, на полке, остался лежать чемоданчик с инструментами. Ключи, плоскогубцы, отвёртки... Рем комплект, короче.

В гараже было дико холодно и изо рта, при выдохе, шёл пар. Из-под ворот, в щели между ними и полом, внутрь намело изрядно снега, который образовал приличной высоты сугроб. Сугроб высокомерно щурился на меня, переливался ледяными искрами в лучах электрического света.

Хана напиткам! — подумал я, бросив взгляд на него, а потом на прокрытые инеем два штабеля упаковок с соками и газировкой, — сплошной убыток! Блин! Как я о них забыл!

Я быстро хапнул голой рукою чемоданчик с инструментом за его ледяную пластиковую ручку и, мысленно благодаря бога за то, что ручка не железная, иначе бы я к ней примёрз бы нафиг, помчался обратно, плотно закрывая за собою все двери. Когда я, перекидывая с руки на руку, «морозильный чемоданчик» вернулся на кухню, семья уже была в полном сборе.

— Дочка, ты куда ушла? — обратилась ко мне мама Юн Ми.

— За инструментами ходила, — сказал я, брякая лязгнувший гаечными ключами ремкомплект на пол и прикладывая замёрзшие ладони к ещё тёплому боку котла.

— Инструментами? Зачем? — удивилась та.

— Котёл разбирать буду.

— Разбирать? Разве ты умеешь?

— Чего там уметь? Видела, как это делается. Всего-то четыре винта открутить нужно. Главное, кожух себе потом на ноги не уронить.

— Ну, видеть это одно, а уметь это другое... — поддержала сомнения мамы Сун Ок, — нужно, чтобы мастер это делал. Юна, а вдруг, ты что-то сломаешь?

— И где ты найдёшь сейчас мастера? — обернувшись к *онни*, поинтересовался я, с удовольствием ощущая, как теплое железо изгоняет холод из моих ладоней, — посреди ночи, да ещё транспорт не ходит? Считай, пока дороги не расчистят, мастера нам не видать. Думаю, на это уйдёт не меньше суток. При таком морозе, да за такое время, мы тут в ледышек превратимся. И трубы полопаются...

— Почему полопаются? — удивилась Сун Ок.

— Вода замёрзнет, а лёд, расширяясь, разорвёт трубу. У него коэффициент расширения больше!

Блин, дикари! Они зимы тут никогда не видели, что ли? Не жили при морозах?

— Аа-а, да, да, — закивала головой *онни*, — я слышала про такое. Но это бывает на севере, в горах. Там где холодно. В Сеуле такого не бывает...

— Всегда что-то случается первый раз, — философски произнёс я, и добавил, — *онни*, лучше не спорь, а найди мне фонарик. У нас в доме есть фонарик?

— Фонарик? Зачем?

— Света мало. Буду лампу спиной загораживать когда займусь ремонтом. Ничего не видно будет, что там внутри котла.

— А! — сообразила Сун Ок, — Есть фонарик! Сейчас принесу!

Пока она ходила, я под робкие возражения мамы Юн Ми, достав отвёртку, открутил два нижних винта. Потом, уже с помощью вернувшейся *онни*, мы вдвоём открутили оставшиеся два верхние и сняли тяжёлый кожух.

— Свети! — сказал я сестре, наклоняясь и заглядывая во чрево котла.

— Ну, что? — спросила она, заглядывая мне через плечо и светя фонариком.

— Видимых повреждений нет, — ответил я, сообщая результаты осмотра, — трубки — на месте, не расплавлены... Ничего не капает... Ну и в общем-то и всё...

— И всё? — насмешливо фыркнула за спиной *онни*, — Юна, зачем было крышку снимать? Ты ведь ничего не понимаешь!

— Ну а что, нужно было молча сидеть и замерзать? — ответил ей я, — ты знаешь, где кран, чтобы воду из системы слить?

— Кран? — растерялась она, — нет, не знаю. А зачем сливать воду?

— Я же уже объясняла, — терпеливо ответил я, — если вода замёрзнет, трубы полопаются. Представляешь, сколько будет стоить их замена? Если мы сейчас не запустим котёл, нужно сливать воду и разводить посреди комнаты костёр, чтобы не замёрзнуть. Поняла?

— Уу-у, — озадачилась *онни* и обратилась к маме, — маа, ты слышишь, что Юна говорит? Как думаешь, она права?

Блин, — ругнулся я про себя, продолжая рассматривать устройство котла, — ещё не верит! Фома неверующая!

Краем уха слушая, как сзади женщины пытаются выработать решение по возникшей проблеме, я ещё немного посмотрел внутрь котла, понял, что высматривать больше нечего, можно завинчивать обратно, взял и постучал отвёрткой по трубкам. Так, на всякий случай. В ответ, с них что-то полетело вниз. Не понял? Я постучал ещё. Снова что-то посыпалось.

— Что ты там стучишь? — прижимаясь к моей спине, спросила над ухом *онни*.

— Что-то сыпется.

Протянув руку, я провёл пальцем по верху одной из трубок. На пальце остался густой, чёрной след. Блин! Сажа!

— А почему он такой грязный? — поинтересовался я, оборачиваясь и показывая испачканный палец.

— Не знаю, — удивлённо сказала *онни*, смотря на него, — а что это?

— Нагар, копоть, сажа, — пояснил я.

— Маа! — повернулась Сун Ок, к матери, — ты опять дешевое масло купила? Я же говорила тебе его больше не покупать!

— Ничего я не покупала! — сварливо ответила та, — мы ещё старое не израсходовали. Вот оно кончится, тогда куплю другое.

Так, понятно. Топливо для котла, похоже, откровенная дрянь, забивающая горелки. Но котёл же вроде недавно чистили? Ну и что? Мама Юн Ми ведь сказала, что собирается расходовать масло, пока оно не кончится. Может, как раз сейчас расходуются его остатки, в котором весь отстой скопился? Да вполне возможно! Плюс, сейчас котёл включен на полную, идёт усиленное горение. Вот, форсунки и засрались ударными темпами. Не за месяц, а за сутки. Тем боле, что до этого он почти месяц проработал.

— Тащи иголку, — сказал я *онни*, — толстую. Будем дырки ковырять!

Через десять минут интенсивного труда, поочередно тыкая иголкой под ярким лучом фонарика, которым мне светила *онни*, я прочистил все форсунки.

— Отойдите! — скомандовал я родным Юн Ми и, дождавшись, когда они сделали шаг назад, повернул на котле ручку, одновременно нажимая кнопку поджига.

— Пыххх!

На трубках с хлопком загорелись многочисленные огоньки тёмно-красного света, с какими-то жёлтыми и голубыми сполохами. Ну, точно, какая-то гадость в топливе! Ладно, сейчас это уже не важно. Важно сейчас то, что метаться не нужно — воду сливать. Вот это важно. А топливо потом поменяем.

— Работает! — изумлённо сказала онни, переводя взгляд с меня на котёл и обратно, — работает! Юна, ты его починила? Когда ты научилась так всё ремонтировать? Ты же раньше никогда отвёртки в руках не держала?

Начинается... — подумал я, — награждение причастных...

\* \* \*

*Время: утро следующего дня*

*Место действия: Гостиная в доме мамы Юн Ми. Семья, по прежнему в уличной одежде, смотрит новости и пьёт горячий отвар.*

Хедлайнер к главным десятичасовым новостям на телеканале МВС: «Дневная температура в Корее сегодня -30 по Цельсию, холоднее, чем в Сибири!».

Это они раздувают. Подобная катастрофическая температура была зарегистрирована не в столице, где ночью температура достигла аж -19 по Цельсию, при средне-умеренном северном ветре, а в Чхорвоне и Чхунчхоне, провинция Канвон-до. Там, кстати, замерзло озеро Тэчхон, не замерзавшее, как сказали, никогда ещё за всю свою историю. Что ж? Зато теперь у корейцев появился реальный шанс освоить искусство зимней рыбалки... Хе-хе...

Строго говоря, всем корейцам в общем, и администрации города Сеула в частности, можно смело ставить двойку за растерянность, неподготовленность и непрофессиональность. Снег с дорог не убран до сих пор, перебои с транспортом никуда не делись, люди, как не могут никуда уехать, так и продолжают это делать. Миллионы жителей города не смогли попасть утром на работу, десятки теряют сознание на переполненных платформах метро, зарегистрированы сотни аварий на дорогах, скоростные

шоссе к Сеулу либо перекрыты, либо движение на них происходит с такой скоростью, что можно считать, что они перекрыты. Все авиарейсы в аэропортах *Кимпхо* и *Инчхон* отменены. Местами отключилась сотовая связь. Зарегистрирован рост числа пожаров, возникших в результате неправильного применения электроприборов населением, пытающимся спастись от холода. Большие трудности с их тушением, ибо замерзает всё — пожарные машины, вода в пожарных машинах, вода в пожарных шлангах... В общем, зима нанесла удар, к которому все оказался не готовы.

Но, зато, сегодня утром, по девятичасовым новостям, показали просто изумительный, на мой взгляд, репортаж. Основная тема была такова: у нас тут трагедия, никто не знает, что делать, как это делать и куда потом все это девать, а как обстоят дела в городе, где подобное количество снега — это привычное явление? Корреспондент телеканала, каким-то образом, мгновенно попал в Москву и провел свое расследование, в ходе которого выяснил как, как часто, каким образом, сколько машин, работников и т. д. убирают снег с улиц столицы России, где, по его словам, снег убирается тут же, дороги чисты через 10 минут после снегопада, жалоб жителей почти нет.

Меня, в его репортаже, в полнейшее умиление привели московские съёмки, на которых были показаны построившиеся уступом оранжевые водовозки с ковшами наперевес, лихо счищавшие снег с дороги. А так же снегоуборщики и периодически подъезжающие к ним КАМАЗы-самосвалы. Узнал места, где делали съёмку. Там, рядом с одним из них, есть пивнушка, в которой мы с парнями частенько играли... Нндда...

И мораль басни у репортёра оказалась замечательная: у старших учиться надо!

А тем временем, пока в Москве всё хорошо, в Сеуле, нежная корейская техника не выдерживает сибирских морозов и отказывает, заставляя прибегать к старой доброй ручной силе. Показали репортаж про дорогу до аэропорта Инчхон. Посмеялся. Железнодорожная ветка метро до аэропорта идет все время по поверхности земли, поэтому на каждой станции после прогона по диким морозам в -15... стали отказывать двери вагонов. Просто не открывались, когда поезд останавливался на станции. Что придумали корейцы? В каждый вагон поезда и на каждую станцию, они посадили лихих молодцов в синих куртках, которые эти двери открывали и закрывали пинками, ломиками и рычагами экстренного открытия/закрытия дверей. Журналисты, делавшие репортаж, что есть сил, воздавали должное мужеству и отваге работников метрополитена: если бы не они, то Инчхон, оказался бы вообще отрезанным от цивилизации!



Онни сегодня учиться не идёт. Её ветка метро идёт местами по поверхности и поэтому закрыта. Ещё, часть пути, ей нужно будет проехать на автобусе. В общем, помня, как она вчера лазила по сугробам и, посмотрев на толпы людей на платформах, которых показали с утра по телевизору, она благоразумно решила остаться дома. Тем более, что по ТиВи сейчас сделали объявление, что правительство просит всех граждан, в связи с аномальными холодами, по возможности, никуда не ездить и не ходить, а сидеть дома. Все государственные учреждения, в том числе и учебные — объявляются закрытыми. Кстати, есть уже и трупы. За ночь, в стране, семь человек замёрзло насмерть. Это тоже, по телеку сказали.

В общем, домашние, сегодня все сидят дома, кроме меня. Гостиница, где я работаю — частная, метро к ней идёт исключительно под землёй, от станций до работы и до дома — пешком, автобус не нужен. В общем, никаких формальных поводов не поехать туда, у меня нет. Хорошо, что сегодня у меня работа с часа дня до шести вечера. Может, к обеду потеплеет и будет не так холодно. Мама Юн Ми, правда, заикнулась, чтобы её дочь не ходила на работу, а осталась дома. Робко так заикнулась. Работа, как я уже понял, для корейца — это святое. Прогулять без уважительной причины — что-то сродни святотатству. Но всё же, мама сделала попытку наступить на горло традициям — оставить меня дома. Любит она Юн Ми, любит!

Но, я сказал ей, что поеду. Ну а чего мне? Зимы я, что ли не видел? Доеду, тем более, что днём, по светлому. А постояльцев ведь кормить нужно. Пусть я там самая мелкая боевая единица, но что-то подсказывает мне, что команда гостиницы играет сегодня не в полном составе... Наверняка, многие просто не доехали до работы.

## **Шкурка одиннадцатая**

*Время действия: тот же день*

*Место действия: поместье семьи президента «Sea group corporation». Небольшая квадратная комната с большим, во всю стену окном. Вдоль стен, высокие, до самого потолка, деревянные лакированные стеллажи, забитые книгами. Повсюду часы. На полу, на свободных от книг местах стен, на самих стеллажах. Все они работают, и комната наполнена чуть слышными тикающими звуками. У окна стоит большой стол из тёмного дуба, за которым, в удобном кресле сидит пожилой мужчина. Перед ним, на столешнице, аккуратно разложены различные инструменты для мелкой работы. Мужчина, склонившись над столом, изучает внутренности очередного механизма с помощью лупы, одетой на правое стекло очков. Рядом, в кресле повернутом к окну, полужёжа сидит Чжу Вон и меланхолично смотрит на падающий снег.*

— Бабушка хочет меня женить, — не поворачивая голову к собеседнику произносит Чжу Вон.

Пауза.

— Наверное, пришло время, — отвечает пожилой мужчина, не отвлекаясь от своего занятия.

— Дед! Ты же всегда был на моей стороне! — уже с возмущением в голосе говорит Чжу Вон и поворачивает к нему голову, — скажи ей!

Пауза.

— Что именно я должен сказать твоей бабушке?

— Что мне ещё рано обзаводиться семьёй.

Пауза.

— Откуда ты это знаешь?

— Ну-уу дед...

Пауза.

— Твоя бабушка — очень умная женщина, Чжу Вон. И если она хочет так поступить, значит, у неё есть на это причины.

— Да нет никаких причин! Она просто разозлилась, что я не ходил в университет!

— Всего-то?! А какие у тебя были причины не делать этого?

— Ну-у... Как бы тебе сказать....

Пауза.

— Девушки? — всё так же, не прерываясь, поинтересовался дед.  
Пауза.  
— Ну-у... В общем, да!  
Пауза.  
— Девушки, это хорошо.  
— Правда? — обрадовался Чжу Вон, — дед, ты скажешь бабушке?  
— Она со мною не разговаривает.  
— Ну-у дед! Ты один мне можешь помочь!  
— А я думал, что каждый мужчина может помочь себе сам.  
— Дед!  
— Даже не знаю, что тут можно сделать. Может, сделать так, как хочет твоя бабушка?  
— Смерти моей хочешь?!

\* \* \*

*Время действия: два часа пополудни того же дня. Полтора месяца после выписки из больницы.*

*Место действия: ресторан гостиницы «Golden Palace»*

— Столик пятнадцать. Салат — «Доминго», салат «Курица с овощами и ананасом», салат «Наполеон» две штуки. Супы: «Ла курже» — два, «Креме де шаторзе» — две штуки. Вторые блюда: «Пулькоги» — два, «Сосиски по-баварски на гриле» — два. Пиво — «Амстел», четыре по ноль пять.

Я быстро диктую с блокнота сделанные мною записи.

— Принято! Номер заказа — 63! — отвечает помощник повара, закончив делать пометки на экране монитора.

— Заказ 57, столик шесть! Готов! Первое, — сообщает он мне и командует — Забирай!

— Окей, кунчан-ним!

Подхватываю поднос с тремя большими тарелками из толстого белого фаянса и поднимаю его к плечу. Тяжёлый, зараза! А опыта таскания подносов с полными тарелками у меня — никакого.

Не торопясь, внимательно смотря под ноги, направляюсь к нужному мне столику. Если грохнусь, меня моя мЭнЭджерша, Хё Чжу, с говном сожрёт!

— Сегодня работаешь в зале, — с недовольным видом оглядев меня,

сообщила она мне, когда я явился на работу, — У нас не хватает официантов. Только попробуй опозорить отель, что-то уронить!

— Да, кунчан-ним! — поклонился я, — То есть, нет, кунчан-ним!

— Пффф, — презрительно фыркнула Хё Чжу, снова окинув меня взглядом, и высказалась о моих умственных способностях — я просто поражаюсь, как такую бестолковую как ты, приняли на такую ответственную работу!

— Простите, кунчан-ним! — поклонился я.

— Иди, работай! Быстро! — приказала она.

— Да, кунчан-ним! — снова поклонился я.

Эту девку лучше не злить. Не знаю, чего ей там именно в жизни не хватает: секса, денег или уважения окружающих, но стерва она ещё та. Десять штрафных баллов она мне уже нарисовала и на руки я получу уже не четыреста баксов, а триста восемьдесят. Но, как говорится, «ещё не вечер». До зарплаты целая неделя и она вполне себе может уменьшиться стараниями Хё Чжу. На работе я большей частью — помалкиваю и не выделываюсь, стараясь вжиться в чужой образ. Однако, моя жизнь в «чужой шкурке» протекает сложно. В корейском языке четыре уровня вежливости. Все их нужно применять правильно. Это у меня получается плохо: то говорю недостаточно вежливо — собеседник обижается, то говорю слишком уважительно — окружающие смеются. Я никак не могу понять, как эти корейцы определяют уровень значимости собеседника? То, что «отдельного, самого по себе», корейца в природе не существует, это я уже понял. При знакомстве, кореец обязательно скажет, какую должность он занимает — президент компании такой-то, служащий компании такой-то, врач больницы такой-то. Одну лишь свою фамилию и имя он не назовет никогда. Обязательно добавит «маркер» определяющий его социальное положение и указывающий, к какой прослойке общества он принадлежит. И вот в этих «маркерах» я вообще — не петрю. Что круче, врач госпиталя Чон Гдон, или врач государственной больницы Сола Чже? Работник государственной или частной компании? Совершенно без понятия! А вот местные прекрасно разбираются в этих нюансах! Спасает меня пока только то, что Юн Ми находится в самом низу социальной пирамиды, девочка и ещё почти ребёнок. К детям и девочкам тут отношение снисходительное. Считается, что этой категории граждан можно не блистать умом и сообразительностью. От них в основном требуется быть милыми и послушными. Окружающие над их ошибками с удовольствием и добродушно посмеиваются, однако, запросто могут прочесть мораль — как нужно делать правильно. Причём совершенно незнакомые дядьки и

тётки на улице. И если такое случается, то нужно внимательно их выслушивать, пока они не устанут и не наговорятся, кланяться при этом, и уважительно благодарить за науку. Я уже несколько раз «налетел» на такое. С одной стороны — бесценный информационный канал для «вживания в среду», с другой стороны — терпеть не могу, когда мне читают нотации! А именно так и происходит. Ничем иным, как нравоучительными нотациями, это назвать нельзя. Потом, кланяться я не привык... Ну не приучен я поклоны бить, как местные! Нет у меня такого навыка! Я уже краем уха тут услышал, проходя мимо как раз обсуждавших меня официанток, что Юн Ми — «гордячка, лишний раз спину не согнёт... Что у неё за воспитание?»

В общем, здесь полно каких-то совершенно странных обычаев. То, что принимать пищу в одиночестве — это своими руками записывать себя в изгой, это я уже понял, но вот про зубы, я совершенно был не в курсах. Оказывается, после каждого приёма пищи — следует чистить зубы. Не-е, то, что врачи это советуют делать, это для меня не секрет, но в России, на рабочем месте, это у нас никто не делает. А вот в Корее — совсем по-другому! Все работники, так же дружно как они ходят на обед, после того как покушали, встают и топают чистить зубы. У каждого для этих целей имеется специально заготовленная зубная щетка и паста, и это выглядит как настоящий ритуал — первые 15 минут после обеда в туалет не пробьешься, все дружно чистят зубы. Так тут принято, оказывается! Но я — то откуда?! Ни сном, ни духом ведь! Я раз пропустил ритуал, на меня покосились, я не понял, два пропустил, на меня опять покосились, я опять не понял, а на третий раз Хё Чжу устроила мне натуральную выволочку, причём на глазах у коллектива.

— Юн Ми, почему ты такая неблагодарная дочь?! — громко, с негодованием спросила она меня.

— Ээ-э? — искренне изумившись вопросу, не понял я, вытаращиваясь на неё.

— Почему ты не бережёшь труд родителей? Ты что же, хочешь, чтобы они свои заработанные деньги тратили на зубного врача, который будет лечить тебе зубы? Ты такая ленивая, что не можешь взять в руки зубную щётку и позаботится о благосостоянии своей семьи?

— Да нет... — промямлил я, стушевавшись под осуждающими взглядами десятка с лишним пар глаз, от неожиданного поворота разговора, — просто я не думала...

— Что, ты — не думала?! Ты никогда не думала о таком?! — удивилась менеджерша.

— Я забыла зубную щётку дома, кунчан-ним! Я обязательно завтра её

принесу! — решив не сопротивляться, а сразу начать каяться, ответил я.

— Пффф... Что за воспитание у тебя такое?! Завтра, принесёшь, покажешь мне! Я проверю! — с угрозой в голосе пообещала она.

— Да, кунчан-ним! Спасибо, кунчан-ним!

Теперь у меня на работе, есть жёлтая зубная щёточка с красными цветочками на ручке и белый пластмассовый стаканчик, с сердечками... Онни, испуганная тем, что я забыла, а она не проследила, и я так оконфузился, сбегала и купила. Старательно чищу зубы эмалеукрепляющей зубной пастой третий раз в день... Вот уж никогда не думал, что попав в чужой мир, вопрос чистки зубов будет для меня так внезапно остёр! Интересно, у них здесь что — всекорейский заговор против дантистов? Их тут так ненавидят? Или, может, вся нация «двинулась» на здоровом образе жизни? Подозреваю, что возможно и то и другое... Но расценки у зубников тут да, приличные. Ради интереса, нашёл в сети прайсы стоматологических клиник, глянул. Свою работу, маги бормашины, ценят весьма высоко... <sup>[34]</sup>

Из-за того, что стараюсь держать язык за зубами, в коллективе о Юн Ми сложилось мнение, что она туповата и плохо воспитана. Ещё — неповоротлива. Ну, это да. Грациозности ей явно не хватает.... Поджарку тут как-то опрокинул на пол, случайно смахнув на кухне сковородку с плиты. Хё Чжу такой крик подняла, прямо конец света был какой-то, а не пол головки жареного лука на полу... Сложно здесь всё. То нормально-нормально, как к человеку относятся, то прямо треш и сатания какая-то начинается. Причём неожиданно и на пустом месте...

— Пожалуйста, ваш заказ... (по-английски).

Я добрался до столика и аккуратно ставлю дымящиеся паром тарелки на стол, стараясь не надеть их на головы клиента. Тарелки вроде справа подают? Кажется да. Впрочем, сейчас это неважно. Главное, что они стоят на столе, а не на головах... И главное, что их принесли...

— Спасибо, — благодарят меня люди, сидящие за столом, и берутся за ложки. Я же направляюсь обратно на раздачу. Как я и предполагал, выезжая из дома, в отеле сегодня некомплект работников. Причём, весьма значительный. Очень многие не смогли сегодня попасть на работу, а предыдущая смена «слиняла» по максимуму, мотивируя свой отъезд тем, что беспокоятся за жизни своих близких. Сложно их в чём-то обвинить. По телевизору уже показали пару репортажей о людях, у которых в домах из-за сильного мороза вышло из строя отопление и они были вынуждены буквально спасаться от смерти у соседей или в общественных зданиях, где было тепло. Ещё энергетики обрадовали. Сообщили, что если морозы сохранятся, то в городе возможны отключения электроэнергии. Они,

конечно, пообещали, что будут стараться этого не допустить, но нужно быть к этому готовым. А ведь есть дома, в которых отопление — электрическое! И что их владельцы будут делать, если это случится? Костёр из мебели разводить? Это же все водопроводные трубы замёрзнут!

Позвонил домой своим женщинам, узнал как у них дела. Сказали, что всё в порядке, котёл «фурыкает» без проблем. Температура в доме плюс одиннадцать градусов, на улице — минус шестнадцать. Синоптики обещают усиление снегопада и мороза. Ночью, возможно, будет до минус двадцати семи! И это в Сеуле! Кошмар! Уборочной техники на улицах корейской столицы почти не осталось. Та, что как-то пережила эту ночь, продолжает выходить из строя, ибо мороз не спадает. Город постепенно уходит под снег. Движение на улицах практически замерло. За центральные магистрали коммунальщики ещё борются, ну а всё что в сторону от них — отдано на откуп госпоже зиме...

— Заказ 58, столик номер двадцать! Два вторых. Юна, забирай!

Забираю. Волоку. По дороге замечаю, что за пятнадцатым столиком закончили есть и встают из-за стола. Делаю себе в голове пометку, что нужно будет забрать на обратном пути грязную посуду. Сегодня в нашем ресторане — «танцуют все»! В том числе и Хё Чжу, старший менеджер зала. Из положенной смены в восемь официантов работают трое. Я, Хё Чжу и ещё один парень, который доехал до работы. На кухне — половинный состав. Шеф-повар, правда, на месте, он итальянец и живёт при отеле, но вот его помощников осталось у него только половина. Такая же картина по всем службам. Консьержки на этажах, уборщицы, бельевая, прачечная, гараж... Везде жуткий некомплект персонала. Самое забавное то, что из строя вышло всё руководство. Ни госпожа президент, ни её замы не доступны ни по телефону, ни по интернету. Это я на кухне услышал посторонний разговор, пока торопливо перекусывал. Такая ситуация объясняется скорее всего тем, что все эти люди — состоятельные буратины и живут за городом, в частных домах. Вчера они, после работы, туда, значит, выехали, а обратно, значит, вернуться не смогли. А то что до них нельзя дозвониться... По телеку объявили об авариях на ЛЭП и отключении электричества в некоторых районах под Сеулом и как следствие — отключение там сотовой связи. Вполне возможно, что вышло так, что начальство живёт как раз в этих районах. И сидят они сейчас, бедолажки, в своих многоэтажных загородных домиках, засыпанных снегом, без связи с внешним миром. А «*Golden Palace*» плывёт сам, в автономе, на плечах младшего состава, на его разумении и профессионализме...

... Приволакиваю грязную посуду на мойку, сваливаю. Блин! У меня уже спина от такой работы болит!

Иду к раздаче, поводя плечами, пытаюсь расслабить мышцы. Подхожу, и слышу недовольный голос Хё Чжу: Эй, Гун Джи! У вас кто-нибудь знает немецкий язык?

МЭнЭджерша, перегнувшись через широкий подоконник окна раздачи, заглядывает в кухню, спрашивая тех, кто в ней работает.

— Я — нет, — отвечает ей попавшийся помощник повара, — а что случилось, госпожа кунчан-ним?

— Да эти *вегуины*<sup>[35]</sup> даже на английском не говорят! Лопочут что-то на своём. Как можно ехать за границу, не зная английского!? Это же так глупо!

Сама дура, — подумал я, — это же твой заработок!

В институте нам ещё на первом курсе декан объяснял правильный взгляд на этот вопрос.

— ... Вы будете знать язык гораздо лучше многих людей, — сказал он нам, — но не стоит этим как-то особо гордиться и чувствовать какое-то превосходство перед ними. Существует много профессий, в которых работающие могут прекрасно обходиться без знания иностранного. Думаю, вы не будете спорить с тем, что хлебороб, энергетик, шахтёр — всё это очень значимые для общества профессии. Но работать ими, причём, хорошо работать, можно и не зная английского. А главное, помните: человек, не владеющий языками — это ваша работа, ваша карьера, ваш заработок. Если все вокруг вдруг станут говорить на разных языках, вы, как переводчики, станете не нужны. Никогда не забывайте об этом...

Выучила бы немецкий, и было бы тебе счастье, — подумал я о своей мЭнЭджерше. Та же потребовала у помощника спросить у остальных на кухне, попутно, вскользь высказавшись ещё о вкусовых пристрастиях туристов.

Да, тут есть ещё один прикол. Оказывается, корейцы никогда не едят некорейскую пищу. Это я тоже уже понял. И тоже, уже на этом погорел. Не стоит смотреть на многочисленные вывески ресторанов «некорейской» пищи в Сеуле. Все эти, с позволения сказать, «европейские» рестораны к европейской кухне имеют такое же отношение, как я к ядерной физике. Любая еда, предлагаемая тут, сделана под вкус корейцев. Это я внезапно осознал, когда в пиццерии, куда я зашёл, чтобы поесть чего-нить, без этого противного кисло-сладкого соуса, мне принесли вместе с пиццей — *кимчи*.

Это конец... — понял я тогда, разглядывая вонючую капусту и



осознавая только что снизошедшее на меня откровение — видно, всё же, придётся как-то привыкать. Иначе я тут сдохну...

В пиццерии я осознал, а погорел с едой — в ресторане «Golden Palace». Его шеф-повар — итальянец. Нормальный, натуральный *итало*, а не какой-нибудь кореец, пару лет проживший в Италии. Говорят, что его нашла и привезла в Корею сама наша замечательная Ким Хе Бин. Как-то раз, путешествуя по щедро заливаемой солнцем земле макарон и оливок, она остановилась перекусить в каком-то провинциальном городке у дороги. И была так поражена вкусом яств, которыми её попотчевали, что тут же, не раздумывая, уговорила повара собрать его манатки и отправится работать на неё на другую сторону земного шара... Не знаю, сколько в этой легенде правды, ибо про госпожу хозяйку тут говорят как про покойника — только хорошее, но итальянец готовит действительно классно! И всяких своих дипломов и сертификатов, в тёмных, траурного цвета рамках, на стене повесил — полно. Как-то раз мне перепал супчик его готовки, оставшийся в кастрюльке и не ушедший на столы постояльцев гостиницы. Местные — никто жрать не стали, ну а я — чего бы и не поесть нормальной, европейской еды? Едва положил первую ложку в рот, как понял — ммм, вот оно, райское наслаждение! Как же я, оказывается, успел соскучиться по привычной пище!

Выражение восхищения на лице Юн Ми не укрылось от зоркого глаза Марко Беннетто, так зовут нашего шеф-повара. Любому человеку приятно, когда его труд не оставляет людей равнодушным. Марко, после этого стал меня периодически подкармливать, с удовольствием наблюдая, как я ем. А произнесённые мною пара фраз на его родном языке, «заученные», как я ему сказал, вообще, расположили его сердце в мою сторону. Скучно ему тут, одному, без семьи, среди корейцев. Уверен, что для него они такие же чужие и странные, как и для меня.

Но, мои «поедалки» и внезапно возникшие дружеские отношения с шефом не остались незамеченными моей мЭнЭджершой. Это же вообще, как я сейчас понимаю, был для неё нонсенс! Как стажёр может иметь что-то общее с самим шеф-поваром ресторана, кроме работы?! Разве он может её чем-то угощать? Это общение совершенно не по статусу!

— Юн Ми! — жёстко обратилась она ко мне, опять же имея свидетелей разговора, — ты что, в Европу хочешь?

— Почему, госпожа *кунчан-ним*? — не понял я.

— Ну, я смотрю, ты европейскую пищу ешь. Наверное, за границу собралась. Школу правда ещё не закончила.

Официантки, свидетельницы разговора, с готовностью захихикали. Я

стою, молчу, не зная, что ответить. Ща опять как брякну что-нибудь, как бы хуже не стало.

— Или, может, ты не патриотка? — продолжила тянуть из меня жилы Хё Чжу, — что-то я не замечала, чтобы ты с таким же удовольствием ела корейскую пищу. Тебе что, не нравится наша еда?

— Просто, госпожа *кунчан-ним*, господин шеф-повар очень вкусно готовит, — вздохнув начал выкручиваться я, поняв, что отмолчаться не получится, — я никогда не была за границей и, наверное, поэтому мне его еда кажется такой необыкновенной...

Короче, включил режим — кающаяся глупая овечка.

— Пффф, — презрительно окинув меня взглядом, выдохнула Хё Чжу и произнесла: Какая же ты всё таки глупая, Юн Ми-ян!<sup>[36]</sup> Разве тебе твои родители не объяснили, что корейская пища — самая вкусная и полезная в мире? Разве в школе тебе об этом не говорили?

— Говорили, — понуро опустив плечи, сказал я, думая при этом — стоит ли для усиления образа кающегося грешника начать ковырять пол носком ботинка или это будет — перебор?

— Плохо тебе говорили! — припечатала меня Хё Чжу, — или ты всё пропустила мимо своих ушей, как пропускаешь то, что я тебе говорю!

Официантки опять похихикали, я покался, поклонился пару раз, пообещал работать усерднее и меня, удовлетворившись моим раскаянием, милостиво отпустили. Однако, с тех пор, понятное дело, кулинарные шедевры Марко Беннетто оказались для меня под запретом, рейтинг мой в глазах коллектива упал ещё ниже, а свою начальницу я стал считать — больной на всю голову патриоткой. И вот, эта ненормальность на двух ногах теперь ищет человека, который бы говорил на немецком языке! Что мне с этим делать? Прикинуться валенком и не обращать внимание? А о чём там долдонят немцы? Не просто ж так они суется? Может, им нужны лекарства или у них там какая-нибудь пищевая аллергия? Ща накормим, а скорая по сугробам — и не приедет... Будет труп. Нужен ли отелю — труп? Думаю, что нет. Но тогда — придётся показать свои знания. Нужно мне это или нет? Возможно, будут неприятности... А возможно и не будут... Однако, если сравнить гипотетические неприятности с человеческой жизнью, то... То придётся идти разбираться с немцами!

— Frau, ich weiß ein wenig Deutsch!

Хё Чжу, к которой я обратился на немецком, подойдя со спины, вздрогнула от неожиданности и резко обернулась, изменившись в лице. Только что не подпрыгнула.

Ага! — злорадно подумал я, — Испугалась?! Будешь знать, как плохо

об иностранцах за глаза говорить!

— Что ты сказала? — отходя от испуга, спросила начальница, с удивлением смотря на меня.

— *Кунчан-ним*, я сказала, что немного знаю немецкий.

— Ты?! Немецкий?! Откуда ты можешь его знать?

— Я ходила на курсы в школе. Могу попробовать перевести.

— Курсы немецкого? — искренне не поверила мне Хё Чжу, — в школе?

Похоже на то, что я опять неудачно вру. Иначе, почему она так удивилась? Может, в здешних школах есть только курсы английского? А чёрт его знает! Так, нужно перевести тему со школы куда-нить в другую сторону!

— *Кунчан-ним*, а почему в отеле никого нет, кто знает немецкий? Разве туристическим группам не положен переводчик?

Дохленький перевод стрелок, но ничего другого в голову не пришло.

— Эти туристы вернулись с аэропорта, — удивлённо смотря на меня, пояснила моя начальница, — они уже прошли регистрацию и пошли на посадку. Но погода ухудшилась и рейс задержали. Они долго ждали, но рейс всё-таки отменили. Их отправили обратно, но переводчики, сопровождающие группу, уже уехали и не смогли вернуться назад из-за снегопада. В отеле есть ещё другие *вегугины*, которые не знают английского. Они тоже вернулись из-за того, что самолёты не летают.

— А-а, понятно, *кунчан-ним*, — киваю я.

— Юн Ми, а ты что, действительно говоришь по-немецки?

— Немножко. Но думаю, что смогу понять, что они говорят, *кунчан-ним*.

— Не могу в это поверить!

— Zwei Dinge erfüllen das Gemüt mit immer neuer und zunehmenden Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der gestirnte Himmel über mir, und das moralische Gesetz in mir!

— Что... И что это значит? Что ты только что сказала? — прищурилась на меня старший менеджер зала.

— Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильными удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительней мы размышляем о них, — это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне! — вздохнув, перевёл я.

Хё Чжу, молча, оценивающе смотрит на меня, немного повернув голову в бок. Я же стою и помалкиваю, с интересом наблюдая за её лицом.

— Хм, Юн Ми, ты что, и вправду такая умная? — наконец спросила начальница, когда молчание совсем уже затянулось.

— Немножко, *кунчан-ним*, — улыбнулся в ответ я.

— Госпожа менеджер! — закричал в этот момент помощник повара, вбегая в помещение раздачи и заставив нас повернуть к нему головы, — я спросил! У нас никто не говорит по-немецки! Только по-английски!

— Ладно, — сказала Хё Чжу, поворачиваясь ко мне, — пойдём! Надеюсь, мне не придётся испытывать за тебя стыд, Юн Ми! Тебе главное нужно понять, что нужно этим *вегугинам* и сказать мне. А я уже сделаю всё то, что нужно. Поняла?

— Да, — коротко кивнул я, не став добавлять слово *кунчан-ним*.

— Пошли! — приказала она, поворачиваясь ко мне спиной и направляясь в зал ресторана.

\* \* \*

— Mädchen, Mädchen! Bitte hilf mir!

Оборачиваюсь. Та же полная фрау, с которой были проблемы днём. Опять взволнованный вид и активная жестикуляция. Очень эмоциональная особа.

— Что случилось, фрау? (по-немецки)

— Простите, пожалуйста, помогите мне. Молодой человек на ресепшене не понимает, что я ему говорю. Переведите ему! (по-немецки)

— Да, хорошо, — говорю ей я, — только сообщу своему менеджеру об отлучке!

Что у неё в этот раз приключилось? — подумал я, направляясь из зала на кухню в поисках Хё Чжу. Она в этот момент должна была быть где-то там.

Надеюсь, с её мужем всё хорошо? А то он жирный как боров и лицо у него красное. Я ничуть не врач, но говорят, что у людей с таким лицом давление «скачет». А если его инфаркт хватил? Только этого ещё не хватало!

В первый раз, предположив, что у немцев какая-то аллергия, я угадал. Редкая. На сельдереевое масло. И не у фрау, а у её мужа, о котором она очень активно волновалась. И ещё на пищевую добавку на E245.

Красиво жить не запретишь, — подумал я, впервые услышав о существовании в природе сельдереевого масла. Но ладно, чего там? Если люди говорят — значит, так оно и есть. Не дурака же они валяют?

Спокойно перевёл Хё Чжу просьбу исключить при готовке из блюд сельдереевое масло и добавку E245. Та прониклась, а от вида того, как я свободно общаюсь с *везугинам* на их языке, от неожиданности, впала в некоторую растерянность. Выяснив все подробности, у несказанно обрадованной фрау и поклонившись, мы с начальницей отбыли на кухню, дабы передать полученные знания шеф-повару. Но это оказалось не так-то просто. В английском словаре Марко Беннетто не оказалось тех слов, что мы ему принесли!

Блин! — подумал я, раздражённо смотря со стороны на его объяснения с Хё Чжу, — повар ты конечно классный, но мог бы уж английский-то и подучить! Чай, не в родном итальянском Зажопинске у плиты стоишь, а в заграничном отеле работаешь!

Короче, опять пришлось мне вмешаться. Поняв, что я могу ещё долго так стоять, слушая как они извращаются словесно и, сообразив, что нужного результата может и не быть, ибо Марко может понять всё не так как надо, я плюнул на своё инкогнито и, на итальянском, в три коротких предложения, объяснил ему, чего от него требуется. Ох и лица у них были, когда они меня услышали!

— Почему ты раньше не говорила, что знаешь итальянский?

Это был первый вопрос, который мне задал шеф-повар, выйдя из ступора.

— Стеснялась, — ответил я.

— Чего?

— Своего произношения. У меня было мало разговорной практики, и я уверена, что у меня ужасное произношение.

— Да ты прекрасно говоришь на итальянском!

— Грациас, синьор!

Потом они с менеджершей принялись было меня доканывать — «а что, да как?» но я напомнил им про голодных постояльцев и выяснения отложили на потом. Немцев мы накормили правильно. По крайней мере, они ушли от нас своими ногами. И вот опять эта фрау! Опять что-то приключилось. Главное, чтобы мы не траванули её мужа. Пусть умирает от чего угодно, но только не от еды!

\* \* \*

— Она говорит, *кунчан-ним*, что в её номере очень холодно. Дует из окон.

— Ага, ага, — с умным видом кивает *кунчан-ним*, но по выражению его лица я вижу, что он не знает, что делать.

Пак Ши Юн — так зовут парня на ресепшене, которому я перевожу жалобы замёрзшей фрау. По виду ему лет эдак, двадцать пять. Хотя я могу ошибаться и он старше. У меня всегда были некоторые проблемы с определением возраста собеседника по его виду, а тут ещё азиатское лицо!

Пауза. Немка выжидательно смотрит на Ши Юна, он, несколько растеряно, на неё, а я — с интересом на них, ожидая, — чего они выкинут?

— *Сонбе*, — обращаюсь я с советом к старшему коллеге, видя, что прогресса нет, — нужно заклеить щели скотчем. В комнате станет теплее.

— Ты думаешь? — обращается он ко мне.

Думаю, что горничные меня убьют, когда их заставят оттирать с окон засохший клей, оставшийся после клейкой ленты, вот что я думаю! Но надо же что-то делать? Нельзя губить репутацию отеля бездействием персонала!

— Да, — говорю я, — я так дома сделала. Сразу стало теплее.

Ши Юн несколько секунд соображает.

— Хорошо, я сейчас отдам распоряжение горничной этажа, — сказал он, беря с телефонного аппарата трубку, — скажи этой госпоже, чтобы она не беспокоилась. Сейчас всё сделают.

\* \* \*

— Ты отлично говоришь на немецком, — сделал мне комплемент Ши Юн, проводив взглядом ушедшую к лифтам фрау, довольную результатом её разговора.

— Спасибо, *сонбе*!

— Где ты этому научилась?

— Я занималась дополнительно. У меня есть способности к языкам.

— Аа-а... Понятно. А в каком университете ты учишься?

— В никакком. Я неудачно попала под машину. Пока все сдавали экзамены, я в это время лежала в больнице.

— Уу-у... — огорчённо покачал головою парень, с сочувствием глядя на меня, — как тебе не повезло!

— И не говорите, *сонбе*! Но ничего, поступлю на следующий год! Главное, что я живая!

— Да, это главное, — устало улыбнулся *снобе*, — а ты оптимистка!

— Спасибо, Ши Юн-*ши*!<sup>[37]</sup>

Я поклонился. Если подумать, что мне остаётся ещё кроме оптимизма?

— Может, ты ещё какие-нибудь языки знаешь?

— Ещё я знаю английский и итальянский, *сонбе*.

— О! А какой у тебя результат *тоик*?

— Девятьсот девяносто девять баллов.

— Уу-у! — восхитился он и задумался.

— Я пойду, *сонбе*? — спросил я, видя, что он где-то в астрале и понимая, что пора возвращаться в ресторан, таскать подносы с тарелками.

— Поможешь мне? — вдруг неожиданно спросил он.

— В чём? — удивился я.

— Подменишь? Я один всю ночь дежурил. И весь день на ногах. А впереди ещё ночь. Мне уже звонили, что меня не сменят. Хоть немного поспать бы...

— Да-а? Но я же работаю в ресторане... И я не знаю, что нужно делать на ресепшене. И вообще-то я собиралась домой. Мой рабочий день скоро закончится, *сонбе*!

— Думаю, тебе лучше остаться, — сказал он, повернув голову и смотря сквозь большие стеклянные окна на улицу, — на улице сильный снег, ветер и очень холодно. Будет безопаснее сегодня переночевать в отеле.

Я тоже посмотрел на улицу. Там по-прежнему сильно мело, и было уже совсем темно.

Да, пожалуй, остаться, это разумно. Но если остаться, то придётся «пахать» дальше. А я и так уже достаточно сегодня «наломался» работая за троих. Хотя, конечно можно вспомнить о том, что Юн Ми несовершеннолетняя и под это дело «откосить» от работы. Но... думаю, что это будет неправильно. Положение сложное, людей не хватает, все работают. Значит, и мне следует работать вместе со всеми. Но я действительно устал, и таскать тяжёлые подносы совершенно не хочется. А впереди ужин. Это два с лишним часа напряжённой работы как минимум. Ежу понятно, что все постояльцы по такой погоде никуда не пойдут, и будут ужинать в отеле. Лучше, конечно, домой, но вполне возможно, что метро уже совсем — «стоит». Тогда придётся возвращаться, сбегав перед этим до станции и обратно. А беготня по сугробам, в мороз — тоже, не лучшее занятие...

— Ты же уже почти отработала своё время? — спросил Ши Юн, выводя меня из задумчивости.

Видно ему надоело ждать, пока я что-то решу.

— Да, *сонбе*, — кивнул я.

— Устала, наверное?

— Да, — снова кивнул я.

— Думаю, что продолжать работать в ресторане тебе будет тяжело, а вот на ресепшене ты бы могла сильно помочь. Я бы отметил это в рапорте руководству. Как ты на это смотришь?

— А что тут нужно делать, *сонбе*?

— Да собственно, в данный момент — ничего. В такую погоду никто не приедет и не уедет, поэтому никакие документы *везугинам* оформлять не нужно. Нужно просто присутствовать. Так, на всякий случай. Вдруг, кто позвонит, или что-то случится. Поняла?

— Да, поняла, *сонбе*! — кивнул я.

А что? Такая работа меня вполне устраивает! Не нужно тащиться в темноте по сугробам домой и не нужно спину ломать, таская подносы. И людям помогу... Опять же, начальству сообщат. Может, — премию дадут за героизм? Нужно только *онни* звякнуть или *умме*... [\[38\]](#)

— Конечно, я помогу вам, *сонбе*! Но нужно будет как-то договориться с моим начальством...

— Я сделаю это, — подмигнул мне Ши Юн, вновь берясь за телефонную трубку, и широко улыбнулся, — я сегодня самый главный в этом отеле. А когда я буду спать, самой главной будешь ты.

— Я?!

— Да. По инструкции, в ситуации, когда нет руководства, все решения принимает дежурный ресепшена. Поэтому, не отдавай никаких страшных приказов, пока я буду спать!

Ши Юн опять мне широко улыбнулся, а я, честно говоря, растерялся от услышанного.

— *Сонбе*, может, лучше кого... поопытнее возьмёте? Я же ничего не знаю!

— Не бойся. Я тут, рядом буду. Если что, разбудишь. Я собственно, почему прошу именно тебя? Могут из Европы звонить, или из Америки. Со связью какие-то перебои и люди не могут дозвониться своим близким на сотовые. Но все знают, что у нас непогода. Люди волнуются и звонят прямо в отель, пытаюсь узнать что-то прямо у нас. Было уже три таких звонка. Но те, кто звонят, не знают корейский и плохо говорят по-английски. Думаю, раз ты знаешь несколько языков, тебе будет проще, чем другим, понять, что они хотят. Understand?

Теперь понятно, почему — я! — подумал я и, кивнув, сказал: I Get It...



— У нас совсем небольшой склад. Нам всегда подвозили свежее, никогда никаких проблем не было. Но вчера, вечером, ничего не привезли. Сегодня тоже, позвонили, сказали — что не смогут. На ужин ушли последние продукты. Завтра, утром, готовить будет не из чего!

Десятый час вечера. Первая проблема за пять часов. Пять минут назад на ресепшен, самолично, пришёл шеф-повар отеля и сообщил, что на его кухне закончились продукты. И чем он завтра будет кормить постояльцев на завтрак — он не знает. Поскольку дело было архиважное, я разбудил Ши Юна и сообщил ему, что завтра утром мы все умрём от голода. Тот, спросонья, похоже, сразу не врубился и поэтому вскочил как ошпаренный. Видно уловил только — «мы все умрём»!

Сейчас я работаю переводчиком между ним и Марко. Марко с радостью спихнул на меня обязанность шевелить мозгами — составлять предложения из чужих слов.

— Но отель же заполнен где-то только наполовину. Почему не хватает еды? — не понимает Марко Ши Юн.

Похоже, *сонбе* не верит толстому итальянцу. Неужели он думает, что тот сожрал всю еду сам? Или, может, подозревает, что у *вегугина* не хватает мозгов, чтобы правильно пересчитать запасы еды в кладовке?

— Мы готовим еду из самых лучших, дорогих продуктов, которые стоят немалых денег. Поэтому, стараемся не создавать запасов и исходить из расчёта имеющихся потребностей, — неспешно, с солидным видом отвечает на вопрос шеф-повар, — Таково распоряжение госпожи президента отеля.

— Аа-а, понятно, — наконец доходит до сонного Ши Юна, — и что теперь делать?

— Чтобы готовить, мне нужны продукты, — терпеливо, как идиоту, поясняет ему Марко.

— Но где я вам их возьму? — повышает на него голос *сонбе*.

— Ваши проблемы, — пожимает плечами шеф-повар, — есть продукты, я готовлю, нет продуктов — я не готовлю.

Марко кивает мне, переводчику, поворачивается спиной и величественно уходит на свою кухню, сочтя разговор законченным. Похоже, что он тоже не особо любит корейцев.

— Чёртов *вегугин*! — зло вслед ему шипит Ши Юн, правда, перед этим подождав, пока тот отойдёт подальше, — никаких манер!

— Угу, — поддакиваю я начальству.

— И где я ему продукты посреди ночи возьму?

— В магазине? — предполагаю я.

— Каком магазине? — не понимает тот, — для ресторана мы получаем продукты только от специальных поставщиков!

— Ситуация сложная, *сонбе*, — возражаю я, — сейчас вопрос стоит не о изысканности блюд, а ребром — есть или не есть, так сказать, в принципе! Думаю, нужно просто доехать до ближайшего супермаркета и закупить там сосисок, йогуртов, каких-нибудь хлебцев. Можно взять ещё колбасы, сыра, яиц, овсянки, молока. И устроить утром европейский завтрак. А тому, кто завтра будет возмущаться скудостью ассортимента, объясним, что много жрать — вредно. Нам главное, утро пережить. По телевизору синоптики обещали к обеду потепление и прекращение снегопада. Дороги расчистят и продукты привезут. А там — начальство приедет. Пусть оно за всё и отвечает!

— Мда? — *сонбе* крайне удивлённо посмотрел на меня, задумался и через пару секунд задал новый вопрос.

— Ну, в общем да. Наверное, это единственный возможный вариант. Вот только как привезти? Их же много будет. Это же машина нужна?

— Взять в гараже машину и водителя, — пожал я плечами, — в отеле ведь есть гараж? Если там нет грузовой, можно на автобусе привезти. Автобусы там точно есть!

— А кто поедет за продуктами? — уставился на меня Ши Юн.

— Ну, назначьте кого-нибудь, *сонбе*! — пожимая плечами развёл руками я, — Вы же тут главный!

Блин, всё нужно подсказывать! Не проснулся он ещё, что ли?

\* \* \*

Сижу, никого не трогаю. Смотрю телевизор. По телику показывают, как горит здание сеульского МЧС. Весело. Не-е, это точно ненормальная страна! Главная опора и надежда нации — МЧС, полыхает синим пламенем. Ну, если честно, пламя не синее, а тёмно-красное, с большим количеством чёрного дыма. Как будто внутри горит склад автомобильных покрышек. И хорошо горит так. Мощно. Похоже, у «мчэсников» есть хороший шанс сгореть дотла. Я совсем не пожарник, но вот как-то кажется мне, что двух пожарных машин для такого пожара — явно недостаточно. Журналист, освещающий происшествие, за кадром торопливо рассказывает, о том, что очаг пожара, по предварительной информации, находится в помещении энергоподстанции, там, где расположены дизельные генераторы.

Дизеля, они что ли факелом горели? — думаю я о возможной причине

возгорания, — ну а что ещё там могло загореться? Точнее, от чего? Сунулись, дизель пустить, а он — примёрз. Они его и подогрели, «шутники»...

У меня тут тоже весело. Когда я предлагал Ши Юну выбрать кого-нибудь, кто поедет в магазин, я совершенно не предполагал, что он выберет себя. Видите ли, женщин посылать нельзя, в грузовичке только два места и ещё нужно расписку написать за продукты, ибо денег ни у кого нет, чтобы заплатить за кучу еды. А он, как главный, поедет, договорится и всё оформит. И весь такой из себя — героический начальник. Ну, блин, раз приспичило — езжай. Хотя вполне можно было взять у Марко помощника, да отправить вместо себя. Похоже, *сонбе* на это харизмы не хватило, для требований к *везугину*. Вообще, я заметил, что корейцы к иностранцам относятся с большим пиететом. Почти как у нас, в России. Всё они какими-то особенными кажутся. Явный комплекс неполноценности.

А на «хозяйстве» *сонбе* оставил меня. Вообще — дурдом. Я спросил: «Может, не надо»? Но нет — «Я вернусь максимум через час!». Но вот уже полтора прошло, а от начальника — ни слуху ни духу. Может, он там с шофёром — заблудились? Выехали на набережную, да и свалились с неё на лёд? Вдруг, они там уже местных карасей собою кормят, а я их тут всё жду? Нуу... это вряд ли. Заблудиться в городе сложно, да и до реки ещё нужно доехать умудриться, по этим сугробам... Скорее всего где-то встали и не могут тронуться с места. А то, что не звонят, так это либо аккумулятор у сотового на морозе сел, либо сотовая связь не работает. По Сеулу в некоторых районах отключили электричество... Буду ждать. Приедут. Или позвонят. До утра времени много. Починяться....

В отеле тихо. Всех покормили, всем, кто интересовался о погоде — всё рассказали. Дополнительные одеяла давно выданы, окна, на сколько хватило скотча, заклеены. Бар закрыт, ввиду отсутствия персонала, постояльцы разошлись по номерам — готовится ко сну. Не все, правда. В фойе некоторые, похоже, страдающие бессонницей, смотрят на большом телевизоре корейское развлекательное шоу. Мазохисты... Что там можно понять, не зная корейского? Да и с корейским, тоже — фиг его знает, где там смеяться нужно? Я бы на их месте давно бы спать пошёл. Хотя, похоже, предприимчивые *везугины*, не сколько телек смотрят, а сколько потихоньку разливают, опасливо озираясь на ресепшен. Греются, паразиты. Правила нарушают. Да и бог с ними!

— Дррррр! Дррррр!

Внезапно прозвучавший звонок телефона заставил вздрогнуть от неожиданности.

Ну, вот, наконец, и звонок из Европы, — подумал я, поднимая трубку, — для которого я тут сижу.

— ОТЕЛЬ «*Golden Palace*», ресепшен. Добрый вечер, дежурная Пак Юн Ми вас слушает!

— Добрый вечер! — ответил мне взволнованный молодой женский голос, — это отель «Лесной приют», говорит Ли Ё Вон! У нас отключили свет! А вместе с ним — отопление! Что нам делать?!

— Это очень плохо. А почему вы звоните сюда?

— А куда мне ещё звонить? Вы же наш головной отель! «Лесной приют» входит в сеть отелей «*Sea group corporation*». Поэтому я вам и звоню!

Упсссс... какая неприятность! А я и не знал, что у нас есть ещё отели...

— А что, у вас нет никого из руководства, кто бы мог решить этот вопрос?

— Господин директор и его заместитель на звонки не отвечают. До этого мы сами справлялись, но вот сейчас выключили свет. И я не знаю, что теперь нам делать!

— А генераторы? У вас есть аварийные генераторы?

— Нет. У нас никогда раньше не выключали свет!

— Понятно... А энергетикам вы звонили? Что они сказали?

— Сказали, что у них нет возможности. Починят только завтра днём. Я звоню потому, что нужно вывозить постояльцев! Нельзя оставлять их тут на всю ночь. Среди них есть дети и пожилые люди. И женщины!

В голосе девушки была слышна нешуточная тревога.

— Спокойно, — сказал я, — не волнуйтесь, мы всё сделаем. А в МЧС звонили?

— Да, но там не отвечают!

— Понятно.... Вам есть куда эвакуировать людей?

— Нет!

— Почему?

— Наш отель располагается в стороне от города, в лесу. До автострады от нас — девять километров по дороге. Сейчас вся она засыпана снегом. Автобус просто не проедет. И у нас нет автобуса!

— Нет автобуса?

— Да. У нас небольшой отель. На сорок номеров. Поэтому, у нас нет своего гаража. Разве вы не знаете об этом? Почему вы ничего не знаете? У вас такой молодой голос. Сколько вам лет, Юн Ми-ши?

— Семнадцать, сонбе.

— Семнааааааать?! Девочка, что ты делаешь на ресепшене?! Немедленно позови кого-нибудь из старших! Это не шутки!

— Да, это не шутки, *сонбе*. Только обстоятельства сложились так, что главный и старший сейчас я.

Я коротко объяснил ситуацию и почему я сижу на ресепшене.

— И что же мне теперь делать? — похоже, прибывая в полнейшей растерянности спросила Ё Вон.

— Оставайтесь на телефоне, *сонбе*, — ответил я, — у нас есть автобусы и я попробую организовать эвакуацию вашего отеля. Сколько у вас людей?

— Шестьдесят семь, плюс семь человек персонала....

— Поняла. Ждите. Как вам позвонить, *сонбе*?

— Номер есть в справочнике, но на всякий случай запиши...

Я записал номер и, сказав, что обязательно позвоню, положил трубку.

Вот это я попал! И что теперь делать?

## **Шкурка двенадцатая**

*Место действия:*

*«Golden Palace», ресепшен.*

*Время: почти одиннадцать часов вечера.*

— Телефон абонента выключен или в данный момент он находится вне зоны доступа. Пожалуйста, перезвоните позже!

Ага! И Пак Ши Юн по-прежнему вне зоны доступа! Последний из списка... Блин!

Первое, чем я занялся, пообещав Ё Вон, что всё будет хорошо — «сел на телефон» и принялся обзванивать по справочнику всё хоть какое-нибудь значимое начальство отеля с тайной надеждой, что кто-нибудь да ответит и тогда можно будет свалить на него эту проблему. Но! Они либо как чувствовали и не брали трубку, либо, были недоступны.

Пффф, — выдохнул я, глядя на открытую страницу, — придётся суесться самому. С чего начать?

Позвоню-ка я в наш гараж! Узнаю, какие у нас шансы доехать до отеля? Так, гараж... 15-71....

....

Нннндаа... Ну, как в общем-то предполагалось, — подумал я положив трубку после разговора, — где взять тягач?

В гараже меня «обрадовали». Да, есть два водителя, шесть автобусов, все заправлены, все «на ходу». Да, водители знают, как доехать до «Лесного приюта». Только они до него не доедут. По таким сугробам, они сразу встанут. Так, по крайней мере пообещал человек, с которым я разговаривал. И я ему верю. Представить громадный двухэтажный туристический автобус, лихо бороздящий заснеженную дорогу, я не могу. Нужен либо трактор с ковшем, который расчистит путь, либо тягач, который проволочёт за собой. С расчисткой, похоже, дело дохлое. Не знаю, насколько быстро тут чистят дороги, но как-то мне кажется, что вполне могут закончить как раз к завтрашнему полудню. Когда, собственно, уже будет — не надо... Тягач смотрится предпочтительнее. Быстрее. Где взять? Либо тягач, либо трактор с ковшем? Хм... МЧС или дорожные службы. Сейчас буду звонить. Пффф... чувствую, это будет непросто... Ладно, перед тем, как звонить туда, пожалуй, следует занять чем-то персонал и постояльцев отеля «Лесной приют». Какой-нибудь осознанной деятельностью. Ожидание

смерти от холода, да ещё в темноте — не самое лучшее времяпровождение. Вдруг, у кого сердце прихватит? Это совершенно ни к чему. Пусть готовятся к эвакуации сами и готовят к эвакуации отель. Фраза — «движение это жизнь», в текущем контексте выглядит очень правильно. Пока двигаются — не замёрзнут.

Итак, что им нужно сделать?

Я придвинул к себе кубик жёлтых стикеров и взял ручку.

Значит, так! Первое, что следует сделать Ё Вон — собрать всех постояльцев в одном помещении. Так будет теплее. Пусть сделает объявление по системе трансляции отеля. Если она работает....Света-то там нет! Значит, пусть тогда пройдут по всем номерам и всех оповестят. Заодно проверят, выключены ли электроприборы и нет ли «нештатных» обогревателей. Вряд ли, конечно, туристы притащили в своём багаже кирпич, обмотанный нихромовой проволокой, но, как говорится, чем чёрт не шутит? Свет дадут, в отеле никого не будет — полыхнёт, сгорит всё к чертям. Кстати, нужно, чтобы там остался дежурный. На всякий случай. Пару каких-нибудь мужиков. Ну, доживут они до утра уж как-нибудь! Пусть оставят им ключи от бара! Так... Что там дальше? А! Пусть всех туристов пересчитают по головам, согласно списку. А то забудут кого-нить лежащего в пьяном угаре в номере, а утром будет труп... Так... Обязательно слить воду из водопроводной системы! В отеле должны знать, где перекрывается вода. И как слить воду. Хотя, второе, могут и не знать... Если нет на рабочем месте слесаря, то ничего не выйдет. Но, как перекрывается вода, знать должны «железно». Если не знают — пусть тогда закроют главные вентили, а на первом этаже откроют краны с горячей и холодной водой. Вода из стояка вся и сойдёт. Да, она останется от первого этажа до ввода, но что тут теперь поделаешь? Поменять этот «кусочек» будет проще, чем заменить трубы по всему отелю... Дальше... Пусть соберут все одеяла, что есть. Возьмут с собою. Вещи — пусть туристы оставят в отеле. Потом заберут. Багаж — лишний вес. Для автобуса, пробирающегося по сугробам, он может оказаться критичным... Что ещё? Мммм... Да вроде и всё! Если что-то вспомню ещё, тогда позвоню и скажу. А пока — пусть начинают действовать.

Я взял трубку и набрал номер отеля «Лесной приют».

— Алло? Это отель «Лесной приют»? Это из отеля «*Golden Palace*», Пак Юн Ми. Сонбе, это вы? Добрый вечер, сонбе. Сонбе, возьмите ручку и запишите, что вы должны сделать. Да, жду... Итак, первое. Сделайте объявление системе оповещения отеля...

*(пять минут спустя)*

.... Да, да, Ё Вон-сонбе! Как только мы к вам выедем, я обязательно вам сообщу! А пока — действуйте! Готовьтесь к эвакуации! Сонбе, не волнуйтесь, мы с вами обязательно справимся! Если что, сразу звоните! Да, да, обязательно! Действуйте, сонбе, действуйте!

— Вух! — выдохнул я, кладя трубку на рычаг, — как сложно разговаривать с женщиной, когда она на грани паники. Конечно, её можно понять, но это же не конец света, не ядрёная ж бомба к ним летит? Тут лишь ночь продержаться... Блин, где этот Пак Ши Юн?! Вот, ведь придурок! Как можно было так уехать в город и пропасть? Или, может, у него водила — местный Сусанин? Ладно, нужно искать трактор, или его заменитель... Таааак, куда мы можем позвонить? Начну, пожалуй, с МЧС... Может, они, наконец, догорели и их бардак — закончился? Должен же у них быть резервный командный пункт на случай таких казусов? Ну-ка!

...

Нет. МЧС не отвечает и, похоже, они там «глуханули» наглухо. Что за контора такая? Гнать их в три шеи за такую организацию! Ладно. Позвоним в полицию, пожарникам, в скорую и... каким-нибудь строителям!

...

*(пятнадцать минут спустя)*

...

Офигеть.... Велик Сеул, а трактор взять негде!

Я положил трубку и задумался. Отказали мне везде. В полиции сказали, что у них есть две подходящие машины, но сейчас они сломались. Замёрзли, короче говоря. Медики сказали, что первый раз про такое слышат, что у них якобы есть трактора с ковшом. А передвижные госпитали находятся в ведомости МЧС, которое благополучно догорает. У дорожников, которым я с трудом дозвонился, оператор, злобным голосом мне ответил, что у них сейчас ничего нет и до утра — не будет. Всё, что ещё ездит, где-то «фигачит» на очень важном направлении и снять технику оттуда не получится, при любом раскладе. Однако, есть ещё «сгинувшие» бригады, с которыми потеряна связь и которые тоже где-то «фигачат». Вот если их выцепят, то вот тогда, может быть... Ну, а в двух строительных конторах, куда я «звякнул» на всякий случай — мне тупо не ответили. Везде, правда, куда я позвонил, ситуацию поставили «на контроль» как очень важную, но толку-то с этого? Тракторов — то нет! И что делать?

Похоже, нужно выходить на кого-то повыше... — подумал я, — вплоть до правительства. Самому президенту звонить! Это же скандал мирового



уровня будет, если иностранцы помёрзнут! Люлей отгребут все, кто хоть каким-то боком, включая меня. Мне, даже может больше всех достанется. Как несовершеннолетнюю, Юн Ми, в тюрьму не посадят, поэтому, можно будет на неё многое «повесить». Угораздило же меня так попасть! Ладно, где найти телефон президента? Хотя бы его приёмной? Надеюсь, в интернете — найдётся всё, как в армии? Стоп! Я же ещё в одну контору не позвонил! Военные! У них точно — всё есть! Как я о них забыл? Голова дырявая! Так... так... так... Хорошо, комп работает и инет не отвалился... Так! Вот! Сайт Министерства обороны Южной Кореи. Пфффф, мои любимые иероглифффффы.... Есть! Де-жур-ный. Телефон. Надеюсь, они там не сгорели, как мчсники?

Беру трубку, набираю номер. Отвечают со второго гудка.

— Министерство обороны, дежурный оператор лейтенант *Кун У Сон*, слушает!

— Дежурная отеля «*Golden Palace*», Пак Юн Ми! Лейтенант, возникла угроза жизни гражданским лицам! Дети, старики, женщины. Иностранцы — шестьдесят семь человек, семь корейцев. Все они замерзают в отеле «Лесной приют», в котором отключили отопление. Требую помощи!

Пауза. Лейтенант соображает и находит решение.

— Переключаю вас на дежурного по городу!

— Так точно, господин лейтенант!

Три коротких гудка.

— Главный дежурный по городу Сеул, полковник *Пак Гон Хён* слушает!

Пересказываю ему то, что только что сказал лейтенанту и добавляю: В отеле есть два автобуса с водителями. Мы можем вывезти людей в «*Golden Palace*» одним рейсом. От вас нужны либо бульдозера, пробить дорогу, либо высокопроходимые тягачи, способные протащить автобусы по сугробам. Сами автобусы не доедут.

На той стороне пауза. Обдумывание полученной вводной.

— Почему вы звоните нам? Почему не в МЧС?

Рассказываю, куда я звонил и какие с этих звонков результаты.

Пауза. Обдумывание. Следующий вопрос.

— Сколько вам лет?

— Семнадцать.

— Как ты можешь быть в таком возрасте дежурным отеля «*Golden Palace*»?

Рассказываю о сложившихся обстоятельствах. О том, что я тут один за всех. Что даже моя начальница «слиняла». Её увёз на большущем джипе то

ли жених, то ли брат. Я это не понял, но чёрный джип, на здоровущих колёсах, через окна разглядел прекрасно.

Пауза. Обдумывание.

— Почему ты разговариваешь со мною неформально?

Блин! Опять эти заморочки! Забыл совсем!

— Прошу прощения, *аджосси*. Мне семнадцать лет и я первый раз в такой ситуации. Я сильно нервничаю. Прошу меня простить, *аджосси*, если я сделала что-то неправильно.

— Ты неплохо держишься для своего возраста, — похвалил меня Гон Хён, — хорошо, я понял ситуацию. Жди. Я сейчас всё проверю и перезвоню. Клади трубку.

— Пум, пум, пум, — гудки отбоя.

Куда он позвонит? — не понял я, с удивлением смотря на зажатую в руке трубку, — я же ему номер не сказал!.. Блин! Серёга, кончай тупить! Это же военные! У них вся база телефонов есть. И своя, параллельная телефонная сеть!

Я положил трубку и стал ждать. Минут через пять раздался звонок. В трубке раздался знакомый голос: «*Golden Palace*», Юн Ми-ян?

— Да, господин полковник, я вас слушаю.

— Юн Ми-ян, все, что ты сказала — правда. Я связался с отелем «Лесной приют», там подтвердили информацию. Кроме этого, информация о ситуации есть в полиции и министерстве здравоохранения. Они подтвердили, что не в состоянии ничего сделать...

— Спасибо, *аджосси*.

— Юн Ми-ян, проблема в том, что в данный момент у меня тоже нет резервов. Все инженерные роты брошены на восстановление энергоснабжения. Эта задача поставлена командующим верховным штабом. Вполне возможно, что сейчас они восстанавливают энергоснабжение к отелю «Лесной приют».

— И... И что?

— Я дам указание подчинённым связаться с МЧС, как только они восстановят систему управления. Тебе перезвонят.

— Полковник, вы что, с ума сошли?

— Что?!

— Там замерзают люди! Живые люди! Причём иностранцы. Вы представляете, какой скандал будет, если с ними что-то случится? Когда восстановят это ваше энергоснабжение? А если только к утру? Когда уже будет нужно трупы вывозить? Неужели у вас не найдётся пары занюханных полноприводных КамАЗов?

— Чего не найдётся? Я не понимаю, что ты говоришь!

— Ммммм... Я говорю, неужели у вас нет высокопроходимых машин? Всего-то нужно два армейских грузовика!

— Девочка, грузовики нужно подготовить к такому морозу! Нельзя на них просто так ехать! Если их отправить так, как они есть, то они встанут на таком холоде через час, как это случилось с гражданской техникой. А на это нужно время, люди и ресурсы. Это не делается по взмаху волшебной палочки! Ты понимаешь, что я тебе говорю?

— Ну, не знаю, чего там готовить... Я знаю то, что людей нужно спасать!

— Я полностью с тобою согласен. Но в данный момент у меня нет в наличии колёсных тягачей.

— Раз нет колёс, дайте гусеницы!

— Что дать?

— Дайте тягач на гусеничном ходу!

— Самостоятельное передвижение гусеничной техники по городу запрещено приказом!

— Полковник, там замерзают люди. Вы понимаете, — люди! Гражданские. Я прошу помощи. Какого чёрта, тогда спрашивается, вы нужны, если от вас нельзя получить помощь? Зачем народ вас содержит? Вдумайтесь, как будет выглядеть наша страна, наша армия, когда весь мир узнает, что мы дали замёрзнуть нашим гостям только потому, что наши военные боялись поцарапать гусеницами сеульский асфальт?! Асфальт оказался дороже человеческих жизней! Только вообразите себе реакцию мирового сообщества на эту дикость!

Длинная пауза. Тишина в трубке.

— Жди! — наконец коротко, как отрезал, зло приказал полковник и отключился.

Вот блин! Что за странные люди эти военные? Сначала приказы, а думать — потом! Его же разжалуют за бездействие! Неужели он этого не понимает? Или он за сегодня замудохался с этой погодой так, что плохо соображает?

Звонок через десять минут. Поднимаю трубку.

— Юн Ми-ян, я докладывал самому начальнику главного штаба!

— Бесконечно рада за вас, господин полковник!

— Аджжжжж, кто тебя только воспитывал?! Я хочу лично поговорить с твоими родителями!

— Аджосси, давайте оставим вопросы моего воспитания на потом. Лучше расскажите, что сказал вам начальник генштаба?

— Разрешение на самостоятельное движение по городу гусеничной техники получено. Готовьте к выезду автобусы. По расчётам, группа прибудет к отелю «*Golden Palace*» примерно через полчаса.

— Отлично! Прекрасная работа, господин полковник! Прикажите им, чтобы они не забыли взять с собою какие-нибудь буксировочные тросы или жёсткую сцепку. Я совершенно без понятия, — есть ли это в нашем гараже? Да! И ещё лопаты! Пусть обязательно возьмут как можно больше лопат! Наверняка, придётся копать.

— Юн Ми-ян, откуда ты про это знаешь?

— Мммм... В кино показывали, *аджосси*!

— Нда? Знаешь, Юн Ми-ян, пожалуй, я не буду разговаривать с твоими родителями! Я встречу и поговорю с тобою лично!

— Отличная идея, господин полковник! Уверена, что после успешно проведённой операции по спасению иностранцев вы получите новое звание, ну или как минимум, поощрение по службе. С удовольствием отмечу это дело, выпив с вами коньяка! Говорят, у армейцев — всегда отличный коньяк!

— ТЫ ПЬЁШЬ КОНЬЯК?!!

Голос полковника был полон неподдельного изумления.

Блин! Что-то меня понесло куда-то не туда! Юн Ми ведь семнадцатилетняя девочка и не как не может глушить коньяк с военными! Ей не положено! Чёрт! Это, наверное, стресс на меня так подействовал. Болтаю, не следя за языком!

— Прошу прощения, господин полковник! Это была шутка. Рекомендуют, когда волнуешься, нужно больше шутить. Тогда скованность пропадает. Прошу прощения, *аджосси*, если я зашла слишком далеко.

— Ну и дети пошли... — пробурчал полковник, — ладно, готовься. Рано ещё о наградах думать. Дело не сделано. Если что, — сразу докладывай.

— Так точно, господин полковник!

Полковник хмыкнул и отключился. Я же вздохнул и, сделав на телефоне «отбой», начал набирать номер гаража, сказать, что б просыпались и начинали готовить автобусы.

Нужно дать команду шоферам как-нибудь радиаторы картонкой закрыть, — подумал я, слушая гудки в трубке, — и пусть чего-нить нальют разжижающего в бак и в радиаторы... Если есть... Да! Надо ещё позвонить в «Лесной приют», я обещал. Сказать, что помощь идёт и конвой уже в пути!

*Место действия:*

*Заснеженная сеульская улица. Несколько уличных фонарей освещают окружающие их сугробы оранжевым светом. Тихо, пусто. Ни машин, ни людей. Лишь большой чёрный джип приткнулся у края дороги. На его крыше установлена большая хромированная «дуга», на которой закреплены пять ярко светящихся фар-прожекторов. На боках машины тёмно-красной краской написаны латинские буквы — «TV32». Рядом с джипом, приплясывают на морозе двое — девушка и мужчина. На плече мужчины большая камера, которой он снимает девушку, говорящую в микрофон.*

*Время: почти двенадцать часов вечера.*

— Итак, дорогие зрители 32-канала сеульского кабельного телевиденья! С вами я, корреспондентка Ку Хе Сон и съёмочная группа «быстрого реагирования» ТВ32! Мы делаем для вас прямое включение с улиц Сеула. Обрушившаяся на город непогода заставляет всех жителей города находиться дома, рядом с источниками тепла, но уверена, что многие хотели бы увидеть, что происходит сейчас на улицах. Есть ли там какая-нибудь жизнь? И вот, наш канал даёт нашим телезрителям редчайшую возможность увидеть заснеженный Сеул своими глазами! Мы составили уникальный маршрут, в котором намерены посетить все значимые места города и показать вам, что сейчас там происходит. Побываем у здания МЧС, где находится ещё одна наша группа, наблюдающая за тушением пожара, и узнаем у них самые последние новости. Побываем на автострадах, посмотрим, как дорожные службы убирают снег, попытаемся подняться к телебашне, чтобы увидеть панораму города. Если повезёт, доедем до аэропорта Инчхон и посмотрим, как застрявшие в аэропорту пассажиры переживают эту ночь. Оставайтесь с нами на канале ТВ32, и вы всё увидите своими глазами!

*Девушка выдохнула и после короткой паузы продолжила говорить.*

— Итак, время на часах — без четверти двенадцать, термометр показывает минус двадцать три градуса. Очень холодно. На таком морозе трудно говорить. Кажется, что воздух буквально обжигает горло. Очень хорошо, уважаемые телезрители, что вы находитесь у экранов своих телевизоров, а не на этой ледяной улице! Первый пункт нашего путешествия — простая сеульская улица. Мы свернули в сторону с

автострады, чтобы посмотреть, что же интересного происходит на самой обычной улице? Ну, в общем-то, как видите, ничего не происходит. Дорога засыпана снегом, который никто, похоже, вообще не чистил. Проехать обычным машинам по такой дороге невозможно. Лишь такие мощные джипы как наш, способны преодолеть подобную преграду... На улице тихо и пусто. Ни машин, ни людей. Даже следов на снегу никаких нет. Никто никуда не идёт и не едет...

— А нет! Смотрите, смотрите! Вдали показался яркий свет! Кто-то всё же ездит по заснеженным улицам! И быстро ездит! Интересно, кто же это может быть? Пока из-за света ничего не разобрать! Наверно это МЧС или дорожные службы. Кто ещё кроме них может быть в это время на улицах? А что они делают именно тут? Оля-ля, уважаемые телезрители, похоже, у нас появилась интрига! Что-то происходит! И мы первые это узнаем! Итак, машины приближаются, но по-прежнему ничего невозможно разобрать из-за слепящего света. Какие-то странные силуэты. Однако, они всё ближе и сейчас мы увидим, что же это такое едет... Ваауууу!!

Мимо присевшей от неожиданности телеведущей, плюясь прессованными пластинами снега из-под широких гусениц и повернув чуть в сторону башни с лихо задранными вверх стволами орудий, стремительно промчались два ярко-жёлтых, здоровенных танка. Следом за ними, прыгая на неровностях только что пробитой колеи и нервно тряся длинными тонкими антеннами, пронеслась квадратная танкетка в зелёно-коричневых камуфляжных разводах. За пару мгновений колонна военной техники просвистела мимо потрясённой съёмочной группы, обдав её запахом мощного дизельного выхлопа и облаком мелкой снежной пыли.

— Ваууу! Танки на улицах города! — восхитилась опомнившаяся телеведущая, к которой вернулся дар речи, — это потрясающе! Вы это видели, уважаемые телезрители?! Я просто в шоке! Явно происходит что-то невероятно интересное! Мы обязательно должны это с вами увидеть! Мы поедem следом и всё вам покажем и расскажем! Оставайтесь на нашем канале и ждите нашего следующего прямого включения!

Съёмочная группа быстро попрыгала в машину и джип, газанув облаком чёрного дыма, ринулся в погоню за танками...

\* \* \*

*Место действия:*  
*«Golden Palace», ресепшен.*

*Время: первый час ночи.*

— Ду-ду-ду-ду-ду-ду...

Неожиданно возникший низкий ритмичный гул проникает откуда-то извне и, такое ощущение, что стены отеля вибрируют ему в такт. Следом за гулом, появляется лёгкая дрожь пола.

Что это? Землетрясение? Тут бывают землетрясения?

Я поднял голову, напряжённо прислушиваясь и соображая, — стоит ли поднимать тревогу или это — не страшно?

Внезапно, пространство перед главным входом отеля ярко осветилось электрическим светом фар, и на пустую автомобильную парковку выехал.... Танк! Здоровый такой танк, с виду похожий на Абрамс и почему-то покрашенный в жёлтый цвет. Танк делово крутил гусеницами, ехал и создавал те самые гул и дрожь, которые я только что ощутил. Следом за первым танком выехал второй, точно такой же, тоже жёлтого цвета и тоже деловито лопотящий траками.

Фига се! — с отвисшей челюстью подумал я, наблюдая за внезапным появлением стальных машин, — это что ещё за чушь такая? Танки посреди ночи! И почему они — жёлтые? Здесь вроде не пустыня... Желтухой переболели?

Тут в поле моего зрения появилась зелёно-коричневая танкетка с двумя длинными антеннами-усами на крыше. Следом за нею — чёрный джип с красными буквами «TV32» на боку и ярко светящимися фарами на крыше. Танки, между тем, начали закладывать плавный вираж вправо, разворачиваясь мордами в сторону главного входа.

Надеюсь, они точно — вынули снаряды? — подумал я глядя сквозь стекло на стволы пушек, повернувшиеся точнёхонько в сторону моего ресепшена, — не хотелось бы, чтобы произошёл случайный выстрел!

Танки остановились, встав, рядом друг с другом. Тут же, около них, пристроилась танкетка. Джип остался сзади, освещая военные машины своими фарами. Из джипа вылез мужик с камерой на плече и похоже, принялся снимать.

Телевиденье? Танки? Блииин! Так это ж та самая группа, которая будет через полчаса! Та, о которой говорил полковник! Полчаса как раз и прошли! Ну, полковник, ну даёт! Танки прислал в помощь! Совсем что ли уже?! Понятно, почему он так кочевряжился, не желая давать мне «гусеницы». Это же настоящие танки! Сколько они весят? Они же тут все коммуникации под дорогой продают! «*Golden Palace*» не рассчитается, если «дорожники» и «коммунальщики» потребуют оплатить убытки! Ох, ё-

моё! Нафига я настаивал? Я же крайний буду! Ой, дурак! Ой, дурак!

В этот момент откуда-то из-за танкетки вышел человек в чёрном комбинезоне.

\* \* \*

*Место действия:*

*«Golden Palace».*

*Время: пять минут спустя. Юн Ми разговаривает с мужчиной в чёрном комбинезоне.*

— Аджосси, вы будете буксировать автобусы танками?

Капитан Ли Бён Хон, командир прибывшего броненосного соединения с жалостью смотрит на сказавшую глупость девочку, то есть на мою Юн Ми.

— Нет, Юн Ми — *ян*, — отвечает он, — танк не сможет буксировать автобус.

— Почему, Бён Хон-*ши*? — не понимаю я.

— К1 весит пятьдесят пять тонн. Он слишком тяжёлый, по сравнению с автобусом и у него очень мощный двигатель. Если он «дёрнет» застрявший автобус, то, скорее всего либо вырвет у него буксировочный крюк, либо, если тот окажется прочным, разорвёт автобус пополам. Понимаешь?

— Аа-аа, — с умным видом говорю я.

Я совсем не «Копенгаген» в буксировке автобусов танками, но услышанное выглядит разумно. Да, танк большой, в сравнении с автобусом. Большой по массе, я имею в виду. Что там за стенки у автобуса? Да никакие! А танк да... Как дёрнет! Тогда зачем они их пригнали, если не в состоянии буксировать?

— А зачем тогда танки, если нельзя буксировать автобусы, Бён Хон-*ши*? Я думала, они будут их тащить за собою...

— Танки будут пробивать дорогу, уплотняя снег. Следом за ними пойдёт командно-штабная машина. У КШМ масса меньше и двигатель слабее. Поэтому, она уже может тащить за собою на буксире автобус. Но мы рассчитываем, что два танка, идущие друг за другом, достаточно уплотнят за собою снег для того, чтобы автобусы могли ехать самостоятельно. КШМ — это страховка на всякий случай. Если всё же кто-то застрянет или сломается.



— *Аджосси*, тогда получается, что дорогу чистить вам не надо, и вы сможете ехать достаточно быстро? Я правильно поняла?

— Ты умная девочка, — кивнул капитан, — думаю, через час мы будем там.

— Удачи, капитан!

— Ты забавная, — усмехнулся в ответ Бён Хон, и, протянув руку, потрепал меня по голове.

Фау! Что за фамильярность? Не нужно трогать мой парик!

\* \* \*

*Место действия:*

*«Golden Palace».*

*Время: третий час ночи.*

— Итак, дорогие зрители 32-канала сеульского кабельного телевиденья! С вами снова мы, корреспондентка *Ку Хе Сон* и съёмочная группа «быстрого реагирования» ТВ32! Как вы только что видели, последний постоялец отеля на ваших глазах сел в автобус, и мы отправляемся в обратный путь, в отель «*Golden Palace*», где эти люди будут размещены...

Сию на диване рядом с вернувшимся, наконец, Ши Юном, вместе смотрим по большому телеку реалити-шоу — «спасти отель „Лесной приют“». Да, в предприимчивости воякам не откажешь... Прихватили с собою съёмочную группу и транслируют свой подвиг в прямой эфир. Шоумены... Но смотрится круто. Танки это танки. Это вам не пожарные машины и не убогая водовозка с ковшом. Когда колонна «лупила» по автостраде со скоростью под сорок километров в час, смотрелось очень эффектно. Телевизионщики на джипе обогнали её и снимали из люка на ходу, показывая, как из-под гусениц танков, влево и вправо, идут мощные завесы снега. В своём движении два стальных монстра напоминали какую-то торпеду, вспарывающую водную гладь. Я всё боялся, что они «нарвутся» в сугробе на какую-нибудь «мину-легковушку», ибо танки «пёрли» так, сами по себе, без всякого сопровождения полиции. Но, славу богу, ничего такого не случилось. Автотрасса была более-менее почищена и «дорожники», похоже, уже успели эвакуировать с неё все «вставшие» авто. Потом колонна свернула на дорогу к отелю. Здесь стало ещё интереснее. Натуженный рёв мощных моторов, стартующие в небо чёрные столбы

выхлопа газующих дизелей, облака снега, свет фар. словно ночное танковое сражение, не меньше. Оператор, чувствуя, что это его звёздный час, из кожи вон лез, чтобы дать лучшую картинку. Девушка за кадром трещала, не закрывала рта, а руководство канала, по которому всё это показывали, стало давать в эфир только спасательную операцию, перемежая трансляцию лишь короткими рекламными вставками. Война войной, а бизнес бизнесом!

Танки уверенно давили снег, автобусы так же уверенно ползли следом и, казалось бы, что вроде бы ничего больше неожиданного не произойдёт, и всех просто тупо спасут. Но тут, словно почувствовав, что накал действия падает и снижает градус зрительского интереса, водитель головной машины прозевал поворот. Дорога, петляющая между скалистых холмов, повернула направо, а он поехал прямо. Никто из телезрителей не успел и глазом моргнуть, как пятьдесят пять тонн, не тормозя, ухнули куда-то вниз, под откос. Разз! И танка нет! Только корма мелькнула. Блллиин! Это было самое то, нужное для шоу! Катастрофа! Спустя пару минут телевизионщики показали всем упавший танк, крупным планом сверху, с того места, с которого он сверзился. Лишь верхушка башни из снега торчит! Хорошо не перевернулся, на гусеницах остался. Дальше началось его спасение. Сначала он попытался вылезти сам. Бесполезно. Двигатель ревёт, а машина — ни с места! Потом попробовали завести буксир. Осторожно подвели второй танк к краю обрыва и взялись цеплять тросы. Зрелище ныряющих в снег танкистов у кормы танка и где-то там, на ощупь крепивших трос было не для слабонервных. Я как представил себя на их месте... В такой мороз, в снегу! Бррррр! Тут выяснилось, что троса для данного случая — короткие. Второй танк можно зацепить, если он спустится чуть вниз по откосу. Но военные не дураки, они только повороты иногда «зевают». Даже мне было понятно, что в этом случае тягач скорее съедет по ледяной горке вниз, к собрату, чем вылезет с ним на буксире наверх. Посоветовавшись, танкисты решили нарастить длину тросов, используя запасной комплект. Всё у них с собою для этого было, и рукастые ребята справились с задачей довольно быстро. Срастили троса, зацепили танки и начали тянуть. Для начала, танк, тот, что наверху, выгреб из-под себя весь асфальт и гравий, что был под ним. Я как увидел, что он делает своими гусеницами, аж глаза закрыл, чтобы не смотреть.

\*\*\*\*\* дороге! — подумал я, — не расплатимся!

Танк, между тем углубился в землю, нашел, похоже, точку опоры в виде скального основания и начал тянуть по-настоящему. Опять рёв моторов, облака чёрного дыма, свет прожекторов. Оператор, героически

стоя где-то сбоку, по яйца в снегу, показывает крупным планом звенящие от натяжения стальные троса. Не зря показывал. Есть у человека чутьё на то, что нужно снимать именно в данный момент. Один из тросов не выдерживает напряжения и лопаётся с громким хлопком. Хорошо, что военные соблюдали технику безопасности при буксировке! Никто рядом не стоял и не паялся, открыв рот, поэтому никого и не убило. Огрызок троса хлестанул по танку, да и всё. Ну, танк железный, ему всё равно. Только прожектор расколошматили... Короче, танкисты походили, побродили по краю откоса. Руками друг на друга поразмахивали. Погрустили, смотря вниз. Поняли, что это выше их текущих возможностей, плюнули и решили бросить застрявшего бедолагу. Потом, мол, вытащим! Связали автобусы и танкетку тросами между собой, перетаскивали их через яму, вырытую вторым танком и поехали дальше так, сосисочной гирляндой, оскудев на одного бойца. Ничего, доехали. Погрузили постояльцев и вот сейчас направляются назад. Думаю, вернутся без проблем. Дорога «пробита», повороты — пересчитаны...

— Нужно шеф-повара будить, сонбе, — поворачиваюсь я от телевизора к задремавшему Ши Юну.

— Зачем? — вскидывается тот, не понимая спросонья чего от него хотят.

— Люди приедут, — поясняю я, — замёрзшие и наверняка голодные. Нужно горячего чаю им организовать, сосисок отварить.

— Сосисок? Но я не рассчитывал на них, когда покупал! Я не знал, что у нас людей станет больше!

— Ничего, ещё раз съездите в магазин, сонбе, — пожимаю я плечами.

— Ещё раз?! — откровенно пугается в ответ тот.

Как я и предполагал, сонбе с водителем застряли по дороге, заехав в сугроб. Сначала они поехали в один магазин, тот оказался закрыт, они поехали в другой, там не было света, они поехали в третий. В третьем им повезло, взяли в долг всё, что хотели, но на обратной дороге проявили чудеса смекалки и решили «срезать» для быстроты. Заехали в какие-то сеульские курмыши, которые естественно, никто даже и не думал чистить и там, гружёная машина нашла сугроб своей мечты, в котором решила заночевать. Сонбе и толкал, и копал и под колёса подкидывал... Намёрзся и устал. А сейчас, в тепле, да ещё после горячего чая его разморило, сидит, засыпает, хотя старается не уснуть. Да в прочем, время-то уже — «не детское». Скоро три.

— Не, второй раз ехать опасно, — отрицательно мотая головой, убеждённо говорит сонбе, — нужно дожидаться утра. Когда станет светло.

— Сонбээ... У нас же теперь есть танк, — шучу я, — когда он вернётся, мы можем съездить за сосисками на нём! Хотите, я съезжу? Мне и расписка будет не нужна. Когда увидят на чём я приехала, в магазине отдадут всё так, без всяких расписок!

— На танке, за сосисками? — не «врубается» в юмор ситуации полуспящий сонбе, — а разве это можно?

— Да, наверное, не получится, — вздыхаю я, — наверняка у него солярки не хватит, заправляться поедет...

— Да, да, да... — с умным видом кивает мне Ши Юн, — конечно, поедет!

— Хорошо, тогда я пойду, решу с едой. Отдыхайте, сонбе!

— Да, спасибо Юн Ми. Я вот немножко, чуть-чуть подремлю... Совсем немного. А ты меня обязательно разбуди, когда приедут люди. Если я вдруг засну. Хорошо, Юн Ми?

— Да, сонбе, обязательно!

— Спасибо, Юн Ми. Ты надёжная. Тебе можно доверять.

— Я разбужу, спи.

— Ага...

Сонбе откинулся на мягкую спинку дивана, я же пошёл на ресепшен, думая о том, что вряд ли Марко Бенндетто обрадуется ночному звонку. Так оно и вышло.

— Варить сосиски? — не понял шеф-повар, — Мне? Сейчас? Разве это невозможно сделать без меня?

— Синьор, но ведь кухня — это ваша территория! — на итальянском языке начал я объяснять шефу ситуацию, — а там сейчас вообще никого нет! И я совершенно уверена, что люди, вырвавшиеся из ледяного ада, будут всю жизнь вспоминать не только этот пережитый ужас, но и те простые сосиски, которые вы, маэстро, лёгким прикосновением вашего таланта, превратили для них в шедевры кулинарного искусства!

— Ах ты, сладкоголосая маленькая корейская сеньорита! — засмеялся в трубку Марко, — слыша твою итальянскую речь, я готов простить тебе столь грубую и неуклюжую лесть. Хорошо, малышка. Я приду и сварю сосиски.

— Милле grazie<sup>[39]</sup>, шеф! Оставьте мне пару сосисок вашего приготовления. Окей?

— Окэй, сеньорита!

Улыбаясь, я положил трубку. Что-то настроение у меня больно хорошее. Это подозрительно. Как бы плакать не пришлось...

*Место действия:*

*«Golden Palace».*

*Время: через день после описываемых событий.*

— Деньги получишь завтра на карточку. Сдай пропуск на ресепшен и иди!

— Да, сонбе.

— Всего хорошего!

— Всего хорошего...

Буркнув под нос, я вышел из бухгалтерии в коридор. Меня только что уволили. Вот так! А ведь ничего, как говорится, не предвещало. Вчера я провёл весь день дома, отдыхая после суточного дежурства в отеле. Сидели, ели, смотрели телек. Природа выполнила обещания синоптиков. Температура поднялась, ветер разогнал тучи, и над Кореей засияло солнце. На улицах стало появляться всё больше оттаявшей и отремонтированной техники. Город, под руководством мэрии приступил к раскопкам. Но, похоже, раскопаться не успеют. Температура уже +2 и снег тает ударными темпами. Ответственные головы в телевизоре заговорили об угрозе наводнения. День назад рисковали замёрзнуть, на днях рискуем утонуть. Весело. В интернете и по телевизору все только пишут и говорят о провале МЧС. Вопросают прямо как у нас — «доколе?». Но, в отличие от нас, министр МЧС подал в отставку. Для моей России, дело невиданное. У нас хоть чё случись, никто на себя вину не возьмёт. Однако, отставку министра правительство пока не принимает. Видно, хотят на него «повесить» и наводнение, а потом уже уволить. А что, вполне разумно. Министру уже как-бы всё равно, а к потоку Сеул похоже готов так же, как и к морозам. По крайней мере, мне так кажется. Спрашивается, ну и зачем его преемнику «вляпываться» в наводнение? Лучше ему занять руководящее кресло потом, когда катаклизмы закончатся... Вообще, после всего произошедшего, Корея мне стала чем-то напоминать родную страну. То ли уровнем организации, то ли отношением к проблеме...

В общем, МЧСники облажались по полной программе. Зато кого хвалят, так это военных. И такие они молодцы и такие профессионалы, и так оперативно сработали, и всё-то у них есть! И правильно, что их наградят, и в Корее самая лучшая армия!

Репортаж о нашей спасательной операции прокрутили, пожалуй, по

всем новостным выпускам всех телевизионных каналов. Урезанно-редактированная версия происшествия выложена на *ю-тубе*, где она, по количеству просмотров уверенно приближается к миллиону. Я тоже, там пару раз мелькнул. Один раз, за ресепшеном, оператор издали «хватанул» общим планом, а второй раз — когда откачивали японского дедушку из «Лесного приюта». Привезли, а ему плохо стало. Естественно, по закону подлости в отеле врача не оказалась, а в скорой, куда я дозвонился, тоже, замечу, не с первого раза, мне посочувствовали и сказали, что смогут появиться у нас где-то примерно через час. Вот сейчас они тоже одного дедушку отвезут, то ли в морг, то ли в больницу (я не понял), машина освободится, тогда они к нам и приедут. Если у нас, конечно, надобность не отпадёт к тому времени... Пришлось кинуть клич-поиск по громкой отеля, разбудив всех. Нашлось два врача. Один француз, другой немец, пациент — японец. Феерия! Сначала я пытался переводить всех троих на нейтральный общий английский, но потом, увидев, что врачи в нём «плавают», начал делать перевод напрямую. Немецко-французкий, французко-немецкий. Японский дедушка участвовал вяло, но всё равно, был и японско-немецкий и японо-французкий речевой поток. Поначалу я малость «подтормаживал», но потом, что-то как-то разухарился и когда врачи начали спорить между собою о диагнозе, переводил им друг друга уже практически без задержек. Конечно, это был не «синхрон», спецификации темы я не знаю, но было что-то близкое к тому. Думаю, мои преподаватели остались бы довольны скоростью и уровнем моего перевода. Да мне и самому понравилось, как я шпарил!

Дедушку откачали, найдя ему подходящие таблетки, а *онни* несказанно понравилось, что меня показали по телевизору. Она скачала с интернета файл, и они на пару с её мамой, раз десять просмотрели те фрагменты, где показывали Юн Ми.

— Юна, ты так на парня похожа! — смеялась *онни*, наблюдая за мною на экране.

Ну да. В коротком парике, на покупке которого я настоял, в форменной одежде отеля, Юн Ми действительно очень похожа на мальчишку. Мне кажется, что в больнице она выглядела более женственно. Или, глаза меня обманывают? Может, это из-за того, что мне удалось сбросить за последнее время почти три килограмма? Возможно. Не знаю.

Хорошо, что оператор ТВ32 проявил деликатность и не стал соваться камерой к больному человеку, снимал издали. Поэтому, звука не было и мне удалось соврать, что я переводил английский. Не создавая волны ненужных вопросов.

Но это было всё вчера, когда я был умён и хорош собою. А сегодня я — «дура, идиотка, выскочка и ненормальная». Это так охарактеризовал меня директор отеля. Оказывается, моя идиотическая деятельность создала компании массу гигантских проблем. Во-первых, дорожные службы выставили отелю просто какой-то астрономический счёт за повреждённое дорожное покрытие. Во-вторых, коммунальщики поставили в известность, что у них вышла из строя половина коммуникаций Сеула. И это случилось именно потому, что наши танки (наши танки, нет, вы подумайте!) ездили по ихним трубам! Счёт за ремонт они пока, правда, не прислали, они так сразу не готовы сказать — сколько, но как подсчитают нанесённый урон — обязательно пришлют. В-третьих, говнюки военные сообщили, что нужно будет оплатить не только сожжённую солянку и ремонт разбитого танка, но, возможно, и упущенную коммерческую выгоду. Оказывается, эти два танка должны были лететь то ли в Юбу-Даби, то ли Муби-Паби, короче, на какую-то военную выставку для показательных выступлений в пустыне. Поэтому-то они и были покрашены в жёлтый цвет. Понятно, что теперь они никуда не полетят и вояки пообещали вчинить иск за «сорванный возможный многомиллионный контракт». От, жлобы! Разве я виноват в том, что у них ничего больше не оказалось под рукою кроме этих двух сараев на гусеницах? Директор же, в этом месте рассказа, просто осатанел. Глаза — выпучены, волосы — дыбом! Если он будет так близко принимать к сердцу все невзгоды, он долго не протянет...

В-четвёртых, показанное по телевизору шоу ударило по репутации сети отелей «Sea group corporation» показав низкий уровень сервиса и подготовленности к катаклизмам. Хотя все отели были в таком же положении, но их не показывали, а показали только наш! И все теперь говорят и склоняют только сеть отелей «*Golden Palace*»! Госпожа президент Ким Хе Бин, очень этим недовольна!

Ну и последнее, что было самым страшным. Полчаса спустя, как колонна ушла из «Лесного приюта» там дали свет. Значит, вся эта спасательная операция была — зря! И ничего бы сегодня этого не было бы, не было бы всех этих ужасающих исков и критики на телевиденье, если бы идиотка Юн Ми сидела ровно на своей заднице и не суетилась! Короче, виноватым во всём оказался я!

— Ну откуда я могла знать, что там дадут свет? — попытался было оправдаться я, — а если бы не дали? Что тогда? Если бы вы там вовремя поставили запасные генераторы, так никаких проблем бы и не было бы!

Онемев, директор пару секунд смотрел на меня, а потом показал рукою на дверь.

— Пошла вон! — приказал он и добавил, — Ты уволена, идиотка! Навсегда уволена!

Ну, уволена, так уволена. Только вот что я теперь скажу дома? А дяде? Блиииин... Воистину — благими намереньями выстлана дорога в ад! Что теперь делать?

Размышляя о неправильности и несправедливости мироустройства, я поплёлся на ресепшен. Там меня встретил Пак Ши Юн.

— Юн Ми-ян, тебя уволили? — сочувственно спросил он.

Уже в курсе? — подумал я, — а в прочем, чего я удивляюсь? Отель, это же маленькая деревня, где все, всё про всех знают. А ресепшен — так всегда первый все сплетни узнаёт...

— Уволили, — согласно кивнул я, не став отрицать очевидное.

— Что ты будешь делать? — поинтересовался сонбе, с интересом смотря на меня.

— Буду жить дальше, — ответил я, протягивая ему пропуск.

— А где ты теперь будешь работать Юн Ми-ян? У тебя уже есть, где работать? — спросил Ши Юн, беря его из моей руки.

— Пока нет, сонбе, — улыбнулся я и вздохнул, — найду что-нибудь. Спасибо за беспокойство!

— Постой, Юн Ми, разговор есть! Я на пару минут отойду, — сказал он согласно кивнувшей напарнице и мотнул мне головою в сторону, — пошли!

— Юн Ми, — обратился он ко мне, когда мы отошли в сторону, за колонну — хочешь поработать?

— Кем? — поинтересовался я, глядя ему в глаза.

— Гидом.

— Хм... Я уже пыталась устроиться гидом, но меня не взяли. Из-за того, что я несовершеннолетняя.

— Это ты наверно официально устраивалась, а я тебе предлагаю другое.

— Что, другое?

— Юн Ми-ян, постояльцы отеля периодически обращаются с просьбой в чём-то помочь. Куда-то отвезти, что-то показать. Очень часто это женщины, которые просят, чтобы их довели до магазина и помогли устроить шоппинг. Обычно мы обращаемся в фирмы, у которых есть переводчики, но я подумал, что, если вместо них, я буду обращаться к тебе? Что думаешь?

— Хм... И сколько на этом можно заработать?

— В среднем, час работы экскурсовода стоит 30–40 тысяч вон. Это при



условии, что в его группе несколько человек. Одиночные экскурсии стоят дороже, где-то около ста тысяч вон в час. Но их мало берут, потому что дорого для туриста и не интересно гидам, так как он, ведя группу, заработает больше. Если, скажем, брать за одиночную экскурсию пятьдесят долларов в час, то, думаю, спрос будет. Что скажешь?

— Сколько на этом заработаю лично я?

— Ну-у, скажем, двадцать пять процентов... — предложил сонбе, окинув меня оценивающим взглядом, — Устроит?

— Восемьдесят! Не меньше!

— Ты что?! Какой тогда мне в этом интерес?

— Но основную работу ведь буду делать я? Мне переводить, мне таскаться с клиентами! А ты будешь только заказы перенаправлять.

— Я буду находить тебе работу, — медленно и вдумчиво, видно чтобы до меня дошло, произнёс сонбе, — найти тех, кто готов платить деньги, сложно. Понимаешь?

Вообще-то да. Тут он прав. Можно быть каким угодно офигительным специалистом, но если нет желающих тебе платить, все твои умения становятся чистым мусором.

— А как часто ты сможешь находить клиентов? — поинтересовался я.

— Думаю, раз в два дня — точно. А с твоими знаниями нескольких языков, можно будет, наверное, и каждый день такое устраивать. Вон как ты здорово переводила, когда дедушка умирал! Я тут посчитал, получается, что ты знаешь целых пять языков — английский, немецкий, французский, японский и итальянский!

— Семь, — поправил я его, — семь языков. Ещё русский и испанский.

— Ничего себе! — поразился сонбе, — Юн Ми-ян, что ты забыла на кухне с такими знаниями?

— Жизнь такая сложная порою, — вздохнул я и принялся считать в уме.

Итак, давай посчитаем... — сказал я сам себе, — пусть пятьдесят процентов. От пятидесяти баксов, это двадцать пять долларов в час. Думаю, экскурсии будут в среднем по два часа... За час никуда не успеть, полчаса уходит обычно только на то, чтобы только доехать. Два часа — это мои пятьдесят баксов. Экскурсии через день, значит, пятнадцать раз в месяц. Пятнадцать на пятьдесят — это семьсот пятьдесят долларов, при условии работы два часа в день, через день. Неплохо! Это не каждый день по пять часов спину ломать на кухне! И за четыреста баксов! А там ещё могут быть и каждый день и не по два, а по три часа, да потом можно будет требовать повышение процента, когда дело пойдёт. Короче, вполне реально

за штуку долларов в месяц перевалить. Меня устраивает!

— Пятьдесят процентов, — твёрдо сказал я, — Не меньше. Идёт?

— Хмм, — задумался *сонбе*, подняв голову к потолку, так, словно размышляя.

— Идёт! — через пару секунд ответил он, опуская голову.

Похоже, он был сразу согласен на фифти-фифти, — подумал я, наблюдая за его лицом, — торговался так, для вида. А что ему? Стой себе за стойкой, а денежки — идут!

— Последний вопрос, — сказал я, неожиданно при этом, сообразив, что говорю с *сонбе* неформально, как с равным, — а насколько это всё законно, *сонбе*?

## Шкурка тринадцатая

Время: спустя неделю после увольнения Юн Ми. Одиннадцать часов дня.

Место действия: кафе-забегаловка, каких миллион в Сеуле. У высокого столика стоят Юн Ми и Ши Юн. Юн Ми размешивает в бумажном стаканчике пластиковой палочкой растворимый кофе. Глянув по сторонам, Ши Юн, придвигается к девушке и, с таинственным видом вынув из внутреннего кармана кожаной куртки тонкий конверт, кладёт его на стол, под руку Юн Ми.

— Деньги, — шепчет мне Ши Юн, кладя мне под руку белый конвертик.

Лёгким движением руки стягиваю его со стола и, в движении, сложив пополам, прячу в правый карман джинсов.

Что за шпионские игры? Так только больше внимания к себе привлечёшь. Ну, передал один человек другому конверт, ну мало ли? А все эти нервные озиранья и шипения... Тормоз этот Ши Юн! Однако, говорю ему не то, что думаю о нём на самом деле.

— Гран мерси, Ши Юн — *онна!*

— Семьдесят пять. За вчера, — вновь наклонившись ко мне, шепчет Ши Юн и отодвигается.

Семьдесят пять — это семьдесят пять баксов за мои вчерашние три часа работы. Почти четвертая часть месячной зарплаты стажёра. Если учитывать штрафные баллы. Нормально так!

— Завтра приедут итальянские туристы, — говорит Ши Юн, беря в руку купленный им стакан апельсинового сока, — Если что, сможешь на итальянском?

— *Il mio angelo custode e sempre con me!* — отвечаю я итальянской фразой.

— И как это переводится?

— Мой Ангел-хранитель всегда со мной!

Ши Юн качает головой.

— Мне бы так, — с лёгкой завистью говорит он.

— Учи, — говорю я, пожимая плечами.

А что я ещё могу посоветовать?

— Хотя, не знаю, может и не получится ничего с ними, — задумчиво

произносит *Ши Юн* смотря куда-то в пространство.

— Почему?

— Госпожа президент уволила директора...

— Ммм? Чего это она?

— Президент и раньше была недовольна его работой...

Аа-а, теперь понятно, почему директор был так не в себе, когда орал на меня. Видно он уже был в курсе, или понял, что ему «кранты» и это была «последняя соломинка». Поэтому так и психовал. Ну, что тут сказать? Только посочувствовать можно. Но как-то вот...не хочется.

— В «*Golden Palace*» будет теперь много новых начальников, — продолжил между тем делиться со мною последними новостями *Ши Юн*, — Президент *Ким Хе Бин* решила сменить весь руководящий состав. Говорят, что в отеле теперь будет работать её младший брат...

— Ммм, — показывая, что мне вроде это как бы интересно, мычу я.

На самом деле, мне как бы всё равно. Ну выгнала *Ким Хе Бин* директора со всей его командой — она хозяйка, её дело. Взяла брата на работу — да мне это абсолютно фиолетово. Лишь бы *Ши Юн* клиентов поставлял, а там, пусть что хотят, то и делают. Нет, понятно, что «новая метла по-новому метёт», но пока ничего не случилось — есть ли смысл горевать? Вот возникнут проблемы, тогда и будем думать. А сейчас, мне бы ещё часика три работы и у меня на руках было бы триста тысяч вон! Это вместе с теми деньгами, что мне насчитали за отработанные дни в отеле. Сумма, которую можно отдать как мою «зарплату» маме *Юн Ми* и начинать работать «на себя». На финансирование проекта «айдол». Удачно, в общем-то, неделя прошла...

— ... Поэтому, я и говорю, что может не получится никого найти. Смена руководства... Сама понимаешь...

Это будет плохо... — подумал я, — только денежки пошли, как придётся делать перерыв. А на проект денег нужно просто дофигища. Ладно, это не конец света. Сделаю паузу, скушаю Твикс. У меня — выше крыши занятий есть!

— ...*Юн Ми*... — отвлёк меня от размышлений *Ши Юн*, неодобрительно оглядывая меня, — ты бы как-нибудь... одевалась, что ли...

— Как? — насторожился я.

— Как положено. А то я говорю туристам, что гид будет девушка, — а ты как парень выглядишь!

Блин! Достали уже! То *Сун Ок* цепляется, то теперь *Ши Юн*! Ну, удобно мне в джинсах! У-доб-но! А в юбке — нет! Я, что, виноват в том,

что Юн Ми похожа на пацана? И что теперь прикажете делать? Из-за того, что она такая, юбку мне носить? Не буду!

— Зря ты так коротко постриглась, — продолжил критиковать Ши Юн мой внешний вид, — раньше тебе было лучше...

Да не постриглась, а, наконец, из парика вылез, придурок! Где глаза твои? Что, не видишь? Да, волосы ещё совсем короткие, может, поэтому Юн Ми на парня так и смахивает. Ну, отрастут они в конце-концов!

Я глубоко вдохнул и выдохнул.

— Ши Юн — *онпа*, — вежливо говорю я, — мне нравится мой стиль одежды. Менять я его не намерена. Если он вас беспокоит, тогда говорите туристам, что я — парень. И всё!

*Онпа*, на несколько секунд «зависает», услышав моё предложение.

— Ты такая странная, Юн Ми-ян, — выйдя из задумчивости и покачав головой, говорит он, — разве тебе всё равно, если люди будут думать, что ты — мальчик?

— А что тут такого? — не понял я, — разве плохо быть парнем?

— Да, парнем быть хорошо, — кивнув, соглашается Ши Юн, — но девочки разве не обижаются, когда им говорят, что они похожи на мальчиков? Тебе разве не обидно?

— Я особенная, — говорю я, — с головы до пят! И такая ерунда меня не волнует!

— Ерунда? Разве это — ерунда?

Так, мне сейчас только диспута «о внешнем виде, как об определении гендера» не хватало!

— Ши Юн — *онпа*, — снова медленно и вежливо, как положено воспитанной корейской девочке произношу я, — разве вы не говорили, что у вас мало времени, и чтобы я не опаздывала на нашу встречу? Вы ведь куда-то собирались пойти ещё, *сонбе*?

— Аа-а! Ну да, — заметив «смену стиля речи», насторожился Ши Юн.

Он уже понял, что с воспитанием у меня «не очень», но зарабатывая на мне деньги, закрывает глаза на то, что порою, без посторонних, я разговариваю с ним как с равным. *Сонбе* не дурак, соображает только медленно, но, соображает правильно.

— Хорошо, что ты мне напомнила, Юн Ми! — говорит Ши Юн, и улыбается, — я совсем забыл! Мне действительно нужно идти! Я тебе позвоню, если что-то получится!

— Буду ждать, *сонбе*!

— До свидания Юн Ми-ян!

— До свидания, Ши Юн — *онпа*!

*Ши Юн* быстренько заливает в себя остаток сока, остававшийся в его стакане, кивает и направляется к выходу. Поклонившись в ответ, я провожаю его взглядом, пока он не уходит.

— Пффф, — выдыхаю я, возвращаясь к своему стаканчику с кофе, — как же надоели эти бесконечные траблы с политесом! То скажи, это не скажи! И я постоянно забываю об этом! Всё сбиваюсь на привычный европейский стиль общения. Хм, а не пойти ли мне к окну? Там можно сесть...

Подхватив стаканчик, я перебазируюсь к окну и принимаюсь неспешно потягивать горячий кофейный напиток, глядя на улицу. Кафе находится на втором этаже торгового комплекса, и смотреть сверху вниз на уличное движение интересно. В Сеул пришло первое время года. Весна — это первое время года, так как отсчёт времён года в Корее начинается с весны. Второе — лето, третье — осень, ну а четвёртое, стало быть, зима. Это мне как-то по случаю рассказала *Сун Ок*. Даже не помню, с чего тогда разговор у нас об этом зашёл. Ещё она рассказала, что корейцы очень гордятся тем, что у них есть четыре времени года. Я, честно говоря, не понял. То ли шутка, то ли нет? Покивал, с умной физиономией. Так, на всякий случай. Но всё же, видно выражение недопонимания появилось на моём лице, потому что *онни*, глянув на меня, объяснила, что в Таиланде, круглый год лето. И гордится им там нечем. От её объяснения меня «отпустило». Я понял, что это местные особенности. И если бы засмеялся над услышанным, или подверг сомнению, то выглядел бы глупо в глазах *Сун Ок*. Лучше на всё непонятное — реагировать умным видом и молчать...

...Снег на улице уже почти весь растаял. От «исторического» снегопада недельной давности не осталось практически никаких следов. Так, кое-где, мелкие островки в тени зданий. Но часы их сочтены. Солнце, каждый день, вылезая на небосвод, греет не на шутку. Поэтому, снег растаял буквально за считанные дни. Однако, ожидаемого наводнения не случилось. Земля быстро впитала в себя всю влагу, и теперь по телевизору говорят, что в этом году будут прекрасные урожаи, потому, что почва хорошо увлажнена. Если, конечно, летом не случится засуха...

...Корейскую зиму я видел, весну — вижу сейчас, а потом мне предстоит на своей шкуре узнать — какое оно, корейское лето? Говорят, что жарень страшная... Вот тогда можно будет и в юбку влезть... Куплю себе какую-нибудь шотландку. Буду корейским Дунканом Маклаудом...

Я вздохнул, представив *Юн Ми* в зелёной, с красными клетками, юбке и белых гольфах.

...Что-то я как-то близко принимаю всё к сердцу. Нервничаю... Опять, что ли, в «календарик» пора смотреть? Пфффф... Вообще, нужно спросить Сун Ок — а какой был характер у её сестры? Мне кажется, что излишне вспыльчивый. Порою на ровном месте «заводится». Хотя, нужно отменить, в нужные моменты удачно помалкивает. Например, когда директор орал — «пошла вон!». Впрочем, тут скорее спокойная реакция была не её, а моя. Когда кунчан-ним побагровел и начал орать, я, заглянув ему в его глаза, понял — долбан! Видел я таких кадров, когда по кабакам с парнями играли. Глаза зальют, курнут, ширнутся и ходят, докапываются потом, до всего, что шевелится. Впрочем, могут и до неживого докопаться. В зависимости от того, как и чего у них там именно в мозгах замкнуло. До вешалки, например, могут докопаться. Видел самолично. И ничего ты с ним, таким красивым, не сделаешь. Только «вырубить». Или отползать, занимая оборонительную позицию так, чтобы можно было пинаться, пока охрана на подмогу не подтянется. Руки ведь беречь нужно...

Я опять вздохнул, смотря на машины и людей на улице.

...Сложно всё... Но директора я тогда правильно проигнорил. Что с дураком связываться? Ну, уволил, так уволил. Не очень-то и хотелось, как говорится, бороться за место мусорщика в престижном отеле. Я достоин большего. Конечно, обидно немного. Честно говоря, за проявленную инициативу, я рассчитывал на какую-нибудь премию. Думал купить на неё подходящий комп, с хорошей звуковой картой... Но, как говорится — «даже когда у тебя на руках все карты, жизнь может начать играть в шахматы». С другой стороны, если посмотреть объективно — чего такого я героического сделал? Ну, позвонил. Любой на моём месте, сидящий на ресепшене, это мог сделать. И даже не мог, а обязан был сделать! Что ещё? Припёр к стенке полковника? Можно было этого и не делать, как я понимаю теперь задним числом. Во-первых, в отеле дали свет, а во-вторых — кто сказал, что постояльцы «Лесного приюта», собранные все в одной комнате, не дожили бы до утра? Да наверняка бы дожили. Это я себе чего-то ужасного придумал и поднял излишний кипеш. Полковник, кстати, коньяк зажал. Так и не появился, как обещал. Хотя по телеку сказали, что все военные, участвовавшие в спасательной операции, будут предоставлены к наградам. Я понимаю, что полковник — тоже ведь участвовал? Значит и его наградят! Впрочем, ожидать, что взрослый мужик прихватит бутылку и поедет благодарить какую-то неизвестную ему девчонку — смешно. За что благодарить-то? За то, что он дурак, не сообразил, а она ему, профессионалу, с опытом и возрастом — подсказала? Ну и зачем ему нужно позориться, всем об этом рассказывать? Он что,

мазохист? Или — идиот? Конечно же, нет. Тут и думать нечего. Он тоже хорошо рисковал. Например, танкисты могли запросто раскатать впотьмах в блин какую-нибудь легковушку с детьми и женщинами внутри. Кто бы за это в итоге отвечал? Он бы и отвечал. Он же у верховного разрешения просил выпустить танки на улицы города? Он! Пусть и верховный отвечал бы тоже, но суд без полковника бы точно не обошёлся... Я так думаю. Поэтому, все военные, действительно заслужили свои награды. И рисковали, и в снегу купались, и с обрыва в танке летали. А я — всего лишь пару раз позвонил, сидя в тепле и безопасности. Так что, претензий на то, что меня лишили какой-то там награды, быть не может. Ну а то, что меня уволили... Думаю, что мне просто тупо не повезло попасть к директору именно в тот момент, когда он был в состоянии переживания крушения личной карьеры. Чёрт его знает, что значило для него это место? Может, он теперь на паперть пойдёт? Или его дети образования не получают и будут жить на помойке? В *дорамах*, что я смотрел, всегда показывают, что увольнение для корейца — это катастрофа. Ну, наверное, так оно и есть. Не зря же он по потолку бегал? А тут я, весь такой «красивый», из-за которого весь этот тарарам поднялся, пришел, и ещё оправдываться начал. Как сейчас понимаю, нужно было стоять и как можно униженней просить прощения. Это было бы верно. А я нарушил все протоколы поведения. Девочки, женщины, подчинённой. Плюс, как мне сейчас кажется, я не совсем корректно построил фразу, когда оправдывался. «Вы» — я имел в виду не его лично, а организацию в целом. А вот как мне удалось правильно выразить свою мысль и что в итоге понял директор — это вопрос... Однако, всё уже в прошлом. Сейчас я думаю, что можно бы ему и спасибо сказать. За то, что он меня уволил. Хоть он и придурок. Но как только он меня выставил за дверь, я, как обезьяна, освободившийся рукой ухватился за другую ветку, взамен выпущенной. Предложение *Ши Юна* было очень своевременно и гораздо интересней перспективе торчания на кухне. И по деньгам и по режиму работы. Я уже как-то привык у себя дома работать не «от и до». Вроде того, что в девять пришёл, в восемнадцать ушёл. Если вспоминать, то я, общем-то, уже на третьем курсе в институт не каждый день ходил. Не то, что бы тупо прогуливал. Просто как-то у меня образовалась привычка работать, ну как бы это сказать... В «рваном режиме», что ли? То поделал, переключился, сё поделал. Там поработал, переехал в другое место, сям поработал. Ну, как-то так. Работа с перерывами в разных местах, короче говоря. Привык я к такому режиму. И сидение на кухне по пять часов подряд было для меня утомительно не только в физическом, но ещё и в моральном плане. А *Ши Юн* предложил



знакомую работу в привычном ритме. Единственно, у меня возник вопрос с законностью этого занятия. Если это криминал — то это мне не подойдёт. Это может сказаться на моём становлении как *айдола*...

— А насколько это всё законно? — поинтересовался я у *сонбе*, — И что мне будет, если меня поймают за незаконной предпринимательской деятельностью?

— Почему незаконной? — не понял он, — я тебя на работу приму. Как положено.

— На работу? — теперь уже не понял, — как вы меня примете на работу, *сонбе*, если сами работаете?

— Я собирался как-то начать бизнес, — сказал *Ши Юн*, — Даже зарегистрировал фирму, но у моего партнёра возникли проблемы в семье, и дело пришлось отложить. А фирма открыта. Так что я тебя могу принять на работу. Всё законно. Только пока об этом лучше никому не говорить.

— Почему?

— Потому, что я буду «забирать заказы» у отеля. Каждый туристический отель в Сеуле работает с конкретными фирмами. Если возникает надобность в гиде, нужно звонить им. А я буду часть таких заказов забирать себе. Тебе понятно?

Понятно, — подумал я тогда, — система мне совершенно понятна. Ничто не ново под луною, как говорится.

— А если это откроется? Что будет тебе за это? — поинтересовался я.

— Не бойся, *Юн Ми-ян*! — улыбнулся *Ши Юн*, — не откроется! Я умный. Например, скажу, что для постояльцев эти фирмы были дорогими и я нашёл им дешевле.

— Дорогими? — не понял я, — дорогими для постояльцев отеля «*Golden Palace*»? В нём же сплошные богачи живут!

— *Юн Ми-ян*, — нравоучительно сказал *сонбе*, — они богатые не только потому, что много зарабатывают, но ещё и потому, что не тратят деньги куда попало. Знаешь, какие они жадные? Чаевых никогда не дадут!

Я, честно говоря, как-то слабо поверил, что такая глупость прокатит. Что лицо *Юн Ми* тут же и отобразило. Увидев моё недоверие *Ши Юн* принялся меня убеждать.

— Чего ты боишься? Ты же несовершеннолетняя! Что тебе будет? Деньги буду брать у постояльцев я. Потом буду отдавать тебе твою часть. Если хочешь, давай я тебя не стану брать на работу. Будешь говорить, что просто помогала туристам. Стой на этом и всё. Никто ничего не докажет!

— Хорошо, — сказал я тогда *сонбе*, — я подумаю. Посоветуюсь. С дядей.

Не то что бы я горел желанием общения с дядей, но разговора с ним было не избежать. Ведь он же меня устроил в «*Golden Palace*»? Он. Значит о том, что меня уволили, он всё равно узнает. И возможно, одним из первых. Сообщат. Скажут, что его протеже не оправдала возложенных на неё надежд и всё провалила. Поэтому, ничуть не сомневаясь, я набрал его номер и, дождавшись ответа, сказал: Добрый день, уважаемый *самчон-ним*<sup>[40]</sup>, это Юн Ми! Меня выгнали с работы и мне очень нужно с вами поговорить! Срочно!

Дядя, на той стороне трубки, от услышанного, похоже выпал в «осадок». По крайней мере, после моих слов уважаемый *самчон-ним*, издал какой-то хрюкающий звук и секунд десять молчал, видно собирая мозги в «кучку».

— Как это могло случиться? Ты же так хорошо справлялась?! Тебя ведь даже по телевизору показали! — наконец пришёл в себя дядя.

— *Самчон-ним*, я как раз хотела это рассказать при встрече! Пожалуйста, не говорите пока об этом *онни* и *умми*!

Чтобы семья пока не знала, я хотел потому, чтобы не возникали лишние разговоры. Опять вспомнят, что Юн Ми — больная, начнут охать, ахать. Про врачей вспомнят. Хватит того, что я «врачевателям душ людских» каждый вечер делаю и отправляю тесты. Начинает напрягать уже это занятие. Нужно уже как-нибудь придумать, как отделаться от их надзора. Но пока непонятно — как? В общем, я решил сначала поговорить с дядей, определится с новой работой, а потом уже ставить в известность родных. Одно дело — указали на дверь, другое дело — нашёл лучшее место.

Встреча с дядей произошла в назначенном им кафе. *Аджосси* появился в знакомом чёрном плаще и тёмных очках-капельках. Не вылезает он из них, что ли? Или у него нет ничего другого?

Мой рассказ о событиях той бурной ночи его весьма озадачил. Больше его поразило то, что я вот так вот, (*сама!*), взяла и позвонила военным.

— Тебе кто-то сказал так сделать? — несколько раз, на разные лады, не веря мне, спрашивал он.

— Сама придумала, *самчон-ним*, — скромно отвечал я.

То, что меня берут на работу переводчиком, поразило его ещё больше. Правда, когда он узнал, что это не совсем «честно», его удивление уменьшилось, но я тут же восстановил его «градус», сообщив, что хочу знать — насколько такая полуполюгальная работа может повредить моей будущей карьере *айдола*?

Дядя от изумления аж очки снял.

— Ты хочешь стать — айдолом? — смотря на меня круглыми глазами, спросил он.

— Да, *самчон-ним*, — смотря ему в глаза, твёрдым голосом ответил я.

— А твоя мама об этом знает?

— Да. Она против. И *онни* против.

— Юна-ян, — дядя принялся зачем-то объяснять мне причину, почему они против, — в агентствах очень строгие требования к внешности, — ты, конечно, красивая девочка, но не фотомоделё. А туда берут только фотомоделей.

— Дядя, я всё решила, — так же твёрдо как и прежде ответил я, — меня возьмут. Увидите.

— Ты так изменилась, Юна-ян, — сказал дядя, покрутив шеей в воротнике плаща, — совсем тебя не узнаю. Ты такая... уверенная в себе стала! Это хорошо, что ты повзрослела, но твоё решение стать *айдолом* — глупость. Зачем это тебе вдруг понадобилось?

— *Самчон-ним*, я хочу заработать деньги!

— Зачем тебе деньги?

— Хочу купить дом, чтобы было, где жить, оплатить учёбу сестры за границей и обеспечить старость *умми*. Ещё, хочу быть независимой и жить так, как я хочу! Человек без денег выглядит жалким. Я не хочу выглядеть жалко, *самчон-ним*!

*Самчон-ним* только головой покачал, услышав, на что мне нужны деньги.

— Большие деньги, — покачал головою дядя, — А большие деньги, это всегда большой риск их не получить. Может, правильнее будет выучиться, выйти замуж и спокойно жить, работая переводчиком? Глупо ставить всё на одну карту. Жизнь это не казино, Юна! Какой она у тебя станет, если ты проиграешь? Ты думала об этом?

— Смерть достаточно близка, чтобы можно было не страшиться жизни, *самчон-ним*, — ответил я ему фразой Ницше.

— Юна! Ты меня пугаешь! — услышав, что я сказал, изменился в лице дядя, — что ты такое страшное говоришь?

— Так, — неопределённо сказал я, сделав лёгкий жест рукой, — в мою голову стали приходить умные мысли. Наверное, я действительно повзрослела, как вы говорите, *самчон-ним*!

Дядя опять покачал головой, помолчал, посмотрел на меня и попробовал убедить по-другому.

— Мне кажется, что ты придаёшь слишком много значения деньгам, — сказал он, — и в твоём возрасте это выглядит достаточно

странно. Не знаю, почему ты вдруг стала к ним так по-особому относиться. Раньше у тебя такого не было. Скажу тебе, что деньги, это, конечно, хорошо, но отнюдь не главное в жизни. Ты в этом сама убедишься через пару лет, когда влюбишься, и любовь станет для тебя важнее всего на свете.

— Деньги важнее любви, *самчон-ним*, — не согласившись, отрицательно покачал я головой, — без них любви между мужчиной и женщиной не бывает. А если бывает, то очень быстро заканчивается. Поэтому, деньги — первое, любовь — второе.

— Откуда ты об этом можешь знать, в твоём возрасте?

— Ммм... В кино показывали, *самчон-ним*.

— Что за фильмы ты такие смотришь? — недовольно проворчал дядя, усаживаясь поудобнее, — Во всех *дорамах* по-моему только и показывают про беззаветную любовь...

— Я не верю сказкам, *самчон-ним*. Вы-то сами в них верите?

— Ну, а любовь к родным? — не ответив на мой вопрос, спросил дядя, — Разве я помогаю вам из-за денег?

— Я знаю, что вы любите меня и мою сестру, *самчон-ним*, и уважаете мою маму, — ответил я, — Вы искренни в своих чувствах. Но думаю, что и тут изначально дело было в деньгах. Если бы у вас нечего было дать, чтобы помочь тем, кого вы любите, разве вы бы пришли тогда? Зачем бы вы пришли? Смотреть, как страдают близкие и чувствовать себя жалким и беспомощным от того, что ничем не можете им помочь? Думаю, что вы тогда бы не пришли, *самчон-ним*... И не потому, что вы плохой, а потому, что для мужчины такое невыносимо. Вот поэтому, я считаю, что деньги лежат в основе всего. Прошу меня простить, *самчон-ним*, если я в своих размышлениях зашла слишком далеко...

Дядя был весьма сильно удивлён нашим разговором. Очень сильно. Можно сказать — ошарашен.

— Ты странная стала *Юна*, — вновь сказал мне он, прощаясь и подводя итог нашей встрече, — Да, этот несчастный случай сильно повлиял на тебя... Сильно.

А по поводу моего вопроса о новой работе он сказал, что это, конечно, незаконно. Но раз я буду наёмным работником, то ничего в этом такого нет. За всё отвечает директор. Пусть только все бумаги как нужно оформит. В общем, сказал то, что я думал сам об этом. Поэтому, получив подтверждение своим мыслям, я дал согласие *Ши Юну* на сотрудничество. Вот только договор мы с ним уже неделю никак не подпишем. *Ши Юн* дал мне почитать его образец, я прочитал, *онни*, *унни* прочитали, согласились, теперь он никак до нашего дома не доедет. Пообещал, что приедет сам,

чтобы моя мама никуда не ездила, и мы всё у нас дома и подпишем. И в нашей кафешке это дело и отметим. Вот, всё едет. То одно, то другое. Нужно напомнить ему. Если не может, пусть даёт подписанный с его стороны два экземпляра, мама Юн Ми их оба подпишет, один — верну. Обойдётся без халявного банкета, тормоз, раз никак не соберётся! А то это уже начинает напрягать...

Я вздохнул.

Всё нужно делать самому... Всё нужно пихать... Никто за тебя ничего не сделает... Ладно, договор я с этого тормоза обязательно вытрясу на этой неделе, а сегодня у меня запланирован очередной «пробег» по туристическим местам Сеула. Хочу посмотреть своими глазами, как они выглядят «в натуре», дабы потом туристам рассказывать реальные вещи, а не фантазии из цветных буклетов. Да и самому интересно. Ощущаю себя тем самым *белым везугином*, открывающим для себя удивительную Корею! На улице весна, солнышко, я гуляю, глазею. Деньги, пусть на мелочёвку, в кармане уже есть, просить ни у кого не нужно. Свобода! Красота!

А жизнь-то, налаживается! — подумал я, вставая из-за столика, — поеду-ка я на рыбок посмотрю. Ни разу не был в океанариуме, наверное, здорово там. Весьма туристическое место. Думаю, что не один раз придётся сводить туда экскурсию...

\* \* \*

*Время: вечер того же дня*

*Место действия: Дом мамы Юн Ми. Комната сестёр.*

В интернете сижу. В экран гляжу. Информацию впитываю. Пытаюсь разобраться в вопросе — «как не отсвечивать»? А если точнее — как сделать так, чтобы Юн Ми не выделялась на фоне других девушек? А то у меня последнее время такое впечатление, что стоит мне лишь где появиться, как все на меня только и пялятся. Я понимаю, что я не местный и делаю ошибки в разговоре, не зная принятых правил поведения. Я понимаю, что я не знаю в подробностях поведения девушек, ибо всегда был парнем. Всё это не тайна для меня и всё это я прекрасно понимаю. Но всё же? Может, я делаю фатально что-то не так? Почему у меня такое ощущение, что все смотрят только на меня, когда я просто иду или стою? Паранойя? Начало шизофрении и расщепления сознания от попадания в другое тело? Только этого мне не хватало!

Зная, что у меня есть проблема требующая решения, я «залез» сегодня в интернет с целью найти информацию о корейских девушках. Разобраться — «что я делаю не так»? Можно, конечно, *онни* — «попытать». Но думаю, что в этом случае она будет как та многоножка из известной басни, которая хорошо танцевала. Пока она просто танцевала — всё было тип-топ, но как только у неё стали спрашивать подробности, про то, как она именно это делает, какую ногу, за какой поднимает и почему, многоножка впала в ступор, не сумев объяснить то, что до этого делала легко и непринуждённо. Думаю, что так же будет и с Сун Ок. Она делает всё, что положено делать девушке — автоматом, не задумываясь, на подсознательном уровне. Потому, что она девушка. Попробуешь перевести это бессознательное в сознательное — вряд ли она сможет связно объяснить, почему она делает так, а не иначе. Я знаю. Пытались мы с друзьями как-то раз узнать у знакомых девчонок — почему они такие странные и делают как-то всё по-особенному, хотя понятно, что нужно делать — иначе? Ну, ничего хорошего из этого не вышло. Поругались тогда с подругами в пух и прах. Объяснить они не смогли и решили, что мы, таким хитрым образом намекаем им, что они — дуры. Хотя цель с парнями мы преследовали совсем иную — исследовательскую. Так что, *онни* — это на крайний случай. Потом, совсем недавно, она меня «мордой по столу повозила» и общаться мне с ней нынче как бы — беее... Предложила пойти, сходить, оценить мои таланты. Так сказать — предварительно, до участия во всяких конкурсах в компаниях.

— Тебе разве самой не интересно? — спросила она, — Узнать, насколько ты готова к прослушиваниям?

Спросила и с мамой так многозначительно переглянулась. Я это заметил и понял, что это «жжжжж — неспроста»! Похоже, у кого-то родилась идея спустить меня с небес на землю, поставив нос к носу с суровой реальностью. Однако я согласился, решив, что идея здравая и мне бы было действительно неплохо оценить свой стартовый уровень в хореографии и пении.

Сначала, мы с *онни* пошли в развлекательный центр, где по её словам любила бывать Юн Ми. Там были игровые автоматы с большими разноцветными кнопками в полу, на которые нужно было нажимать ногами, стараясь успевать за танцующей мультяшкой на экране, которая показывала, куда именно нужно жать. Ну-у... Что сказать? Облажались мы с Юн Ми по полной. Ног-то, оказывается, у неё — не две! А целых пять, или даже семь! И все — не двигаются! И путаются между собою! И вообще, это не ноги какие-то, а самые настоящие коряги! Соревновавшаяся со мною *онни* выиграла с разгромным счётом. И не один раз.

Потом мы с ней пошли петь в один из караоке-баров, которые тут на каждом углу. Сун Ок заказала нам кофе и десерт, и мы взялись под них с нею петь. Сначала выяснилась такая «засада» — я не знаю ни одной местной песни! Ни слов, ни музыки. «Забыл» всё, наффиг... Забыл! Разучили песню. Онни показала, как она поётся. Ну, что сказать? Слабенько у Юн Ми вышло, слабенько. Если Сун Ок уверенно «выбивала» из караоке 70–90 баллов, то я, только 50–60. В общем, подводя итоги теста на «айдолную профпригодность», я могу занести себя только в категорию — «мясо». Причём даже не высшего сорта, а так, «третий сорт — не брак»... Онни тогда, после нашего похода, мне ничего не сказала, впрочем, как и умма. Видно, решили дать мне время самому сделать выводы и «созреть». Что ж, молодцы. Психологичненько так обыграли. Только вот одно но, которого они не знают. Отступать я не собираюсь! Не боги горшки обжигают! Ногами дрыгать можно научиться за пару лет. Пусть уровня Майкла Джексона мне не достичь, но на сцену выйти будет не стыдно. Не совсем же Юн Ми ущербная? А голос... Голос тоже можно развить в какой-то мере. И совсем не обязательно пытаться переплюнуть Карузо. Если вспомнить, к примеру, голос Дитер Болена, так вообще можно подумать, смотря на него, что можно без одного обойтись... Эстрада, это не опера, где действительно, нужно что-то иметь. Потом, всякие программы есть, для «улучшения» голоса. Короче, прорвёмся! Главное — мелодия, ритм! А с танцами и голосом можно что-то и придумать...

После «теста» «родные» меня не трогают, видно ждут, когда я сам приду с покаянием в своей дурости. Ладно, меня это устраивает, пусть ждут. Я же пока попробую решить проблему — «маскировки»...

Итак... Что тут у нас? Угу... Статья в интернете — «Корейские девушки или что значит быть девушкой по-корейски?» И что же это значит — быть девушкой по-корейски?

*«...Идеальная женица в корейском варианте представляет собой покорность, умение запрягать свои эмоции подальше и не высовываться. Робкая, слабая, бессловесная, терпеливая, покорно выполняющая любое приказание — такова идеальная корейская невеста и невестка...»*

Просто потрясно. Всегда мечтал о таком! Спал и видел...

*«...Быть яркой, сильной личностью — невестке весьма рискованно. Потому, что порядки, с которыми она сталкивается в доме свекрови, бывают куда жестче дедовицины в армии. И гораздо разумнее в этих условиях ей оставаться тихой, молчаливой и покорной, чтобы, не ровен час, „крышу“ не снесло или „дно“ не вышибло в „невесткиной кастрюле“, неся разрушения ограниченного масштаба в рамках жилища, сметая на*

своем пути новоприобретенных маму с папой, а заодно и мужа с бабушкой...»

Моё решение не обзаводиться второй половинкой — верх мудрости!

«...Умение готовить новоиспеченной невестке, как и любое умение, в таких условиях было вовсе не нужно. В современном корейском обществе считается, что если девушка умеет вкусно готовить кимчи, она очень хорошая кандидатура в жены...»

Пффф... А я-то думал, что все корейки классно готовят... Что же это за жена такая, которая не знает с какой стороны к плите подойти? Вот те раз!

«...В Корее было не принято учить девочку секретам домашних дел или ремесел. Это считалось не только ненужным, но и даже вредным. Для корейца, дочь с рождения была чужой, заранее принадлежавшей дому будущего мужа. „Ласковый вор“ — так называли в Корее в родной семье дочь, вышедшую замуж. Тут подразумевалось многое — и добрачное содержание дочери, и свадебные расходы, и подарки родне, и то, что дочь не будет ухаживать за родителями в старости, это — прерогатива сына, если он есть. С традиционной точки зрения, все эти траты для семьи были напрасными — деньги были все равно, что украдены. Дочь была бесполезной приживалкой, и ей это постоянно давали чувствовать (не родители, так родственники или соседи), внушая смесь стыда и вины за свой пол. От этого комплекса многие корейские женщины не могут избавиться и сегодня. По причине „бесполезности“ дочерям и старались не прививать никаких особых навыков. Ведь научить их домашним кулинарным или хозяйственным секретам означало добровольно раскрыть эти секреты чужим семьям. Зачем? Считалось, что по-настоящему научить секретам домашнего ремесла женщину должна свекровь или любая другая старшая женщина из рода мужа. В этот дом невестка, по идее, должна была приходить как чистый лист бумаги...»

Ну, тут и порядочки....

«...Традиционное воспитание девочки в Корее отразилось и в сегодняшнем дне. Неумение наладить свой быт и поразительный инфантилизм девушек, который сохраняется вплоть до замужества — а замуж сегодня их выдают лет в 25–29, (а не в 12–16, как раньше). Постоянная демонстрация своей слабости — известная манера корейнок волочить при ходьбе ноги и постоянно охать, задуманы как раз с этой целью. Покорность, с которой они, бывает, мирятся с грубостью и даже насилием со стороны своих бой-френдов (парню ничего не стоит на людях стукнуть свою подругу-студентку по лбу и не только) обусловлена



воспитанием...»

Тссс... Вот оно в чём дело! Ноги я при ходьбе не волочу! И не охаю! И вообще — хожу прямо, голову держу ровно. Наверно у меня слишком независимый вид, поэтому на меня все и пялятся! Нужно обратить внимание на походку девчонок возраста Юн Ми... Впрочем... Ну, обращаю я внимание. И что потом? Тоже, как они — ноги волочить? Пффф... Вряд ли у меня это получится. Они такое поведение, можно сказать, — с молоком матери впитали, а я-то тут, всего третий месяц себя убеждаю, что я не в дурдоме! И что?...Что-что? Походу, страдания мои будут бесконечны...

\* \* \*

*Время действия: поздний вечер того же дня.*

*Место действия: Сеул, район Каннам, ночной клуб. Громкая музыка, цветные лучи прожекторов, столики с весёлыми компаниями и танцующая молодёжь. У барной стойки, отодвинувшись подальше от шумной дискотеки, на высоких стульях сидят двое очень хорошо одетых парней. Один из них — Ким Чжу Вон. Перед парнями на стойке стоит початая зелёная бутылочка с соЧжу, две рюмки и большая тарелка с закуской. Оба парня слегка выпивши.*

— Чон Хан, у меня такое чувство... Такое чувство... Как у волка, которого обложили со всех сторон и он видит, как к нему подбираются охотники, — наклонившись к другу, доверительно говорит Чжу Вон.

— Что, всё так плохо, хён? — спрашивает Чон Хан.

— Да просто ужасно! Такое ощущение, что за мною охотятся все половозрелые девушки Кореи! Где их только бабушка столько находит?

— Все девушки Кореи? Это, наверное, здорово! Я бы хотел такое попробовать!

— Не дай бог, — машет на него рукой Чжу Вон, — не желай того, чего не знаешь! Ты просто не представляешь, какая это бесконечная скука сидеть и слушать их болтовню! И все говорят одно и то же! Спрашивают, какой я знак по гороскопу, люблю ли я маленьких детей или собачек, что я думаю о последней выставке Тэ Гю? «Какая у тебя группа крови?» «А знак зодиака?» Все девушки всегда об этом спрашивают. Как они могут верить в чушь, что индивидуальность связана с группой крови? Даже когда пьют вино, они выбирают его согласно их группе крови! А ещё они спрашивают, похожи ли они на известных актрис. Разных актрис, в зависимости от

степени их безобразности.

— Безобразности? Хён, а я думал к тебе на свидания только красивые девушки ходят!

— А! — разочарованно снова машет рукою Чжу Вон, — все они, так или иначе — уродки. Всем им нужен не я, а деньги моей семьи и её положение. Те, что красивые — сразу видно, что стервы, те, что потолще, или лицом не вышли — готовы на всё. Только подмигни и можно везти в *love hotel*...

Чжу Вон тяжело вздыхает.

— И что, возишь? — заинтересованно наклоняется к нему Чон Хан.

— Я ещё с ума не сошёл, — берясь за пустую рюмку, отвечает ему тот, — уверен, что они тут же забеременеют. А если вдруг нет, то их семья будет требовать компенсации. Как же меня это достало! Лучше бы я остался в Париже!

— А как тебе француженки, а? — подмигивает Чон Хан, толкая друга локтем в бок, — Кто лучше, они или наши?

— Француженки... — задумывается Чжу Вон, крутя в руке пустую рюмку, — ну... наверное они поинтереснее будут. Наши какие-то.... Какие-то... Одинаковые все. И слишком покорные, вот!

— Но жена должна быть покорной и слушать мужа! Это хорошая жена. Какая же тогда тебе нужна девушка, Чжу Вон? — удивляется Чон Хан.

— Какая? Ну... не знаю. Наверное, мне бы понравилась молчаливая девушка с большими тёмными глазами, темпераментная, конечно красивая, не обязательно высокая, которая имела бы цель в жизни и имела бы своё мнение. Спорила бы со мною. Которая интересовалась бы мной, а не деньгами, которые она получит, выйдя за меня замуж. Вот такая девушка могла бы меня заинтересовать!

— Хён, зачем нужна такая девушка? — искренне удивляется Чон Хан, — Если она будет иметь на всё своё мнение, и ей не нужны будут деньги твоей семьи, она же будет всё время с тобою спорить! Вы же будете постоянно ругаться! Никакой *love story* у вас не получится!

— Ммм... — пьяненько мотает указательным пальцем перед носом друга Чжу Вон, — знаешь кто сидит сейчас перед тобою? Знаешь?

— Кто?

Чжу Вон несколько раз хлопает себя ладонью по груди.

— Лучший в мире укротитель женщин, вот кто, — отвечает он, — любая, слышишь? Любая девушка, стоит мне на неё только обратить внимание, влюбится в меня сразу, раз и навсегда! Понял?

— А-а, хён, я понял, — кивает Чон Хан.

— Только это всё — ерунда, — усмехнувшись, говорит Чжу Вон, — а на самом деле, мне бы больше хотелось встретить такую девушку. Только, увы, таких не бывает. У всех девушек в головах только одно — деньги, шоппинг, тряпки, сумочки и бесконечная болтовня по телефону...

— Хён, я и не думал, что всё так плохо!

— Я сам не думал...

— Да, прости, что сразу не спросил, хён! Как твоя семья, хён? Как родители, бабушка, дедушка, брат, сестра? Мы с тобою считай, год не виделись! Как они?

— Спасибо, Чон Хан, всё хорошо. Все живы и здоровы!

— Слышал, твоя сестра теперь управляет сетью отелей? Недавно видел, как по телевизору хвалили отель «*Golden Palace*». Это же отель твоей сестры?

— Да, — кивает Чжу Вон, — нуна молодец. Когда случилась эта история с «Лесным приютом», все начали было говорить, что сеть отелей «*Sea group*» недостаточна хороша, но Хе Бин быстро со всеми разобралась. Выгнала директора «*Golden Palace*» и всех, кто был с ним, запустила новую рекламную компанию и теперь, по рейтингу, наши отели вновь считаются лучшими в Корее. Слышал слоган — «Ради наших постояльцев мы поднимем даже танки!»?

— Угу, — согласно кивает Чжу Вон, — классная реклама. С танками. Ни у кого такой нет. А я слышал, что вам предъявили иски? И не маленькие.

— Забудь, — снова машет рукою Чжу Вон, — Хе Бин, с разрешения отца, подключила к разбирательствам главный юридический отдел корпорации. И сейчас выходит так, что все должны ей, а не она им. Думаю, нуна хорошо заработает на этой истории. И деньгами и репутацией.

— Твоя сестра очень умная девушка, — с уважением в голосе говорит Чон Хан.

— Да, — мотает головой в знак согласия Чжу Вон, — она знает, чего хочет.

— А ты, хён, знаешь, чего хочешь?

Чжу Вон задумывается.

— Наверное, нет, — подумав, говорит он, — и, похоже, в этом моя проблема. Хотя, именно сейчас я хочу, чтобы меня просто оставили в покое, и прекратилась эта карусель свиданий вслепую! Я даже решил пойти работать в отель к Хе Бин, в надежде, что от меня отстанут. Но бабушка сказала, что не может больше видеть меня таким...

— Каким, таким?

— Не знаю, — пожимает плечами *Чжу Вон*, — каким-то таким.

— А-а... Хён, так ты теперь будешь работать в отеле? Кем?

— Исполнительным директором.

— Что будешь делать?

— Наверное исполнять... что скажут, — опять пожимает плечами *Чжу Вон*.

— А кто тебе может сказать, хён?

— Ну, отец, брат, нуна или бабушка... Кто-нибудь из семьи, короче.

— Понятно... Хотел бы я, чтобы у меня была такая работа.

— Да я собственно желал, идя на эту работу, чтобы бабушка свидания отменила. Но не вышло. Теперь у меня есть свидания и работа. Вот невезуха!

— Мда, тяжело... Как же мне тебе помочь, брат?

*(Чон Хан несколько секунд сидит, приложив к кубам палец и задумчиво смотря в пространство перед собою, потом обращается к Чжу Вону.)*

— Слушай, а что если тебе пустить какой-нибудь слух, чтобы невесты сами перестали бы к тебе ходить? Например, что ты... болен! А? Что скажешь, хён?

— Ха! Болен! Семья сразу упечёт меня в госпиталь. И через день обман раскроется. А я получу по шее.

— Хм... нда, так не получится. Тогда... А если тебе пустить слух, что ты — гей?

— *Чон Хан*, ты что, с ума сошёл, что ли, такое предлагать?! Что потом станут про меня говорить?!

— Так это же будет не по-настоящему. Все, кто тебя знают, будут знать, что это неправда, а те, кто не знает, попадутся на эту хитрость! Те стервы, которые ходят к тебе на свидания! Они же только твои анкетные данные знают, ведь так?

— Ну, так. И что?

— А то, что по-настоящему они тебя не знают. Притворись, что ты — гей! Слухи быстро пойдут. И через месяц, ни одна девушка не придёт к тебе на свидания. Гарантирую.

— Да ну, *Чжу Вон*! Распускать о себе такие слухи... Не... не пойдёт!

— Хён! Альтернатива — женитьба на страшной и жирной дуре! Она ещё и стерва будет! За свою свободу нужно бороться! Свобода стоит дорого!

— Дороже репутации?!

— Ты же наследник «Sea group»! У тебя и так репутация — выше

некуда! Это мне нужно заботиться о своей репутации, а ты же из небожителей! Всё, что не сделаешь, люди воспримут как должное. Что можно тебе, но недоступно им. Разве не так?

— Ну-у... — задумался *Чжу Вон*, — может быть и так...

— В твоей ситуации, в первую очередь, нужно думать о себе. Уверен, что все кругом только и делают, что пытаются использовать тебя в своих интересах. Ну, кроме семьи, конечно. *Хён*, я прав?

— Точняк! — согласно кивает тот, — все пытаются! Даже в семье... тоже пытаются!

— Видишь, *хён*! И сейчас у тебя выбор — поприкидываться месяц и стать потом навсегда свободным от всяких свиданий или жить всю жизнь с какой-то... Не пойми с кем! А как же твоё семейное счастье? Ты не хочешь, чтобы оно у тебя было? И как же та девчонка, с большими тёмными глазами, которую ты хотел найти?

— Которая будет думать, что я гей?

— *Хён*! Ты что, не сможешь убедить девчонку, что ты не гей?

— Да запросто! Пара поцелуев и всё!

— Во, я тоже так думаю! Ну, как тебе моя идея?

— Ммм... — задумавшись, мычит *Чжу Вон* вертя в руках рюмку.

— Бабушка определённо меня убьёт, — через пару секунд говорит он, — и как же я это сделаю? Просто объявлю себя геєм и всё? Мне ведь никто не поверит. Нужны будут доказательства.

— Заведи себе любовника!

— Кого?! *Чон Хан*ты совсем рехнулся?! Что ты мне предлагаешь?!

— Это же будет не настоящий, липовый любовник. Подставной.

— Нда? Мммм... И где я его, по твоему, возьму?

— Найдёшь где-нибудь. Например, на *Номо Hill*...

— Чтобы со мною рядом был настоящий гей?! Тьфу! Да никогда!

— Ну, тогда найди не настоящего! Парня, который им будет просто притворяться!

*Чжу Вон* надолго задумывается.

— Не, не получится, — наконец говорит он.

— Почему? — спрашивает *Чон Хан*.

— Не смогу, — отвечает *Чжу Вон*, — это ведь нужно будет всякие уступки делать, которые влюблённые делают. Хотя бы за руки держаться. Я не смогу. Меня вывернет.

— Жаль, — помолчав, произносит *Чон Хан*, — отличная была идея... Можно было бы классно повеселиться! Но, наверное, я бы тоже не смог.

— Да, — соглашается с ним *Чжу Вон*, — Вот если бы этот парень был

девушкой, то тогда, я бы, может, и попытался бы. А так — не получится.

— Хён, как парень может быть девушкой? Что ты говоришь такое?

— Я говорю, что ничего не получится. Давай закончим этот разговор, а то он у нас какой-то очень странный стал, не находишь? Может мы уже много выпили? Какая это уже по счёту бутылка, ты не помнишь?

— Третья... или четвёртая, кажется. Не, не помню.

— Тоже, не помню. Думаю, нам нужно проветриться. СоЧжу уже не лезет. Пойдём, посмотрим, что там сегодня за девчонки на танцполе?

— Пшли!

\* \* \*

*Время действия: два дня спустя. Почти два месяца после выписки Юн Ми из больницы.*

*Место действия: Кафе, рядом со зданием «63 city». За столиком с чашечками кофе и пирожными сидят Юн Ми и молодящаяся женщина-иностранка.*

— Юн Ми, — смеётся *Силви*, закидывая назад голову и показывая отличные белые зубы, — а как будет по-корейски — «В Корее много красивых девушек?»

— Никак, *Силви*.

— Почему? — удивляется она.

— Потому, что тут красивых девушек практически нет, — отвечаю я, — все красивые девушки Кореи — это результат работы пластического хирурга!

— Really? — говорит *Силви*, делая большие глаза.

— Yes, of course, mademoiselle! — кивнув, подтверждаю я.

*Силви* смеётся в ответ. *Силви* — сорокалетняя француженка. Приехала в Корею из Франции, делать что-то со своим лицом. То ли подтяжку, что ли что ещё. Короче, пластику. У неё уже всё договорено, завтра она ложится в клинику, а сегодня у неё неожиданно случился свободный день, который она тратит на знакомство с Кореей. Ши Юн подсунил её мне вместо обещанных итальянцев. При обсуждении туристического маршрута француженка поставила мне две цели, которые хотела достичь — посмотреть океанариум и «что-нибудь ещё».

Часа на три, минимум, — прикинул я, услышав желания клиентки.

Вообще-то, в Сеуле есть два океанариума — океанариум «63 Sea

*World*» и океанариум «*COEX*». «63 Sea World» меньше, чем «*COEX*» но у него есть — *фишки*. Во-первых, он находится в здании «63 city». Это 63-х этажное здание, которое ещё называют «Золотой башней» из-за облицовки его стен стеклом золотистого оттенка. На крыше здания расположена смотровая площадка, с которой можно обозреть Сеул. Поэтому, получают сразу две достопримечательности рядом. Во-вторых, в океанариуме проводятся ежедневные шоу. Одно с морскими котиками, другое — «Принцесса моря». Так что, если человек не исключительно «рыбий фанат» и пришёл увидеть не только их, то ему можно дать посмотреть что-то ещё, чтобы он получил больше впечатлений за те же деньги. В-третьих, пусть всего один раз, но я тут же был и знаю, что к чему. Поэтому, сложив все аргументы «за», я решил повезти француженку в «63 Sea World». Котиков я посмотрел, будучи в океанариуме прошлый раз, а «Принцессу моря» я увидел впервые вместе с *Силви*. Красивое шоу: симпатичная девушка в коротком изумрудном платье опускалась в большой аквариум с рыбами и выделяла под водой различные акробатические пируэты (перевороты, вращения и так далее) — ну прямо как русалочка. Что интересно, работала она без дыхательной трубки, поэтому периодически поднималась на поверхность — глотнуть воздуха.

Шоу *Силви* понравилось, мне — тоже. Так же, в этом океанариуме помимо рыб есть ещё пеликаны, пингвины и рыба — *doctor fish*, а в определенное время можно покормить выдр маленькими рыбками за 2000 вон. Мы попали как раз в это время. *Силви* решила на это дело потратиться, ну а я — посмотрел со стороны. Ещё есть зал, где под толстым стеклянным полом находится аквариум, и когда наступаешь на этот пол, из динамика раздаётся звук бьющегося стекла. Хороший повод женщинам повизжать. В общем, поход в океанариум удался. Потом мы поднялись на смотровую площадку, полюбовались Сеулом. Погода была хорошая, солнечная, — видно было далеко. На смотровой площадке я до этого не был, решив прошлый раз не тратиться, поэтому, тоже, как и *Силви*, смотрел с интересом. Билет — «рыбок посмотреть» стоит 15000 вон, билет «на крышу» — 11000 вон. Двадцать шесть долларов — дорого. А так — за меня, гида, клиентка заплатила. Вид с высоты на дневной Сеул меня не поразил. Ничего особенного. Современный мегаполис на двух сторонах реки. Нужно вечером на смотровую площадку приходить. Город в разноцветных электрических огнях наверняка будет смотреться красивее. Сейчас сидим с *Силви* в кафе рядом с «63 city», передышаем. Болтаем с ней на французском, иногда она пытается напугать меня английским. Она слышала, что корейцы плохо знают английский. Проверят. Но меня не

напугаешь. Я сам кого хош английским напугаю, хе-хе.

*Силви* своими мыслями, похоже, вся уже там, в клинике. Как она там это там, а потом она вся такая красивая и вся Франция падёт к её ногам. Я утрирую, конечно, но видно, что она слегка возбуждена и волнуется перед завтрашней операцией. Она почему-то решила, что корейцы все как один — с большими глазами, римскими носами и прекрасным профилем лица. Похоже, пересмотрела реклам корейских клиник. На самом деле, на мой взгляд, корейцы — реально некрасивая нация. Особенно меня «вымораживают» их глаза, без привычного второго века. Если на мужиках его отсутствие иногда смотрится — «ну, в общем, ничего», то на женщинах — «ну очень некрасиво»! Что на молодых, что на старых. Без разницы. Я тут как-то наткнулся на фото, в альбоме Юн Ми, где она, видно, с подружками на экскурсии в младшем классе. Тихий ужас. На снимке нет ни одной мало-мальски не то что красивой, там нет даже одной, просто симпатичной девочки! Мне как-то говорили, что все корейские актёры и айдолы — сделали себе пластику. Тогда мне было всё равно, в сей вопрос я не вникал и поэтому, в такое особо не верил. «Ну не может того быть», — думал тогда я, — «чтобы во всей нации, не нашлось хоть сколько-нибудь красивых от рождения людей! Быть такого не может!» Теперь я думаю — вполне может! Нет на здешних улицах большеглазых и длинноногих анимешных красавиц. У нас есть, тут — нет! Но зато всё залеплено рекламой клиник пластической хирургии. Чуть ли не на каждом столбе и углу висит. Поэтому, я и говорю *Силви*, что — «ноу, ноу, нет тут ничего!».

*Силви* смеётся. У неё хорошее настроение.

— Юн Ми, — в какой ты школе учишься? — спрашивает она, — или уже в институте?

— Я бросила школу, *Силви*, — отвечаю я.

— О-у! Такая умная девочка и бросила школу? Почему? — поражается она.

— Я решила стать *айдолом*, — тянет меня на откровенность, — нужно для этого заработать денег.

— *Идол*? — не понимает собеседница, — Что значит в Корее — *идол*? Ты хочешь, чтобы на тебя молились?

— *Айдол* — это корейская звезда эстрады, — поясняю я, — И если на меня будут молиться, я буду не против!

Я широко улыбаюсь. *Силви* мне нравится. Хоть она уже и не молода, но симпатична. Не то, что местные. Пока я улыбаясь разглядываю её, *Силви* с удивлением смотрит на меня.

— Но, мон шер, — удивлённо говорит она, — ты ведь похоже на



мальчика? Такой милый корейский *Гамен*! Хи-хи-хи? Ты достаточно красива для сцены?

*Гамен*? Кто такой этот — *Гамен*? Может, это местный аналог нашего французского Гавроша? Да и бог с ним! Не важно.

— Вот заработаю денег, сделаю себе операцию и буду красивой, — говорю я.

— О-у, у тебя высокая цель! — восхищается *Силви*, — Высокий полёт! Я буду тебе аплодировать! И много тебе ещё нужно собрать денег?

— Много, — вздыхаю я, — много...

*Силви* ненадолго задумывается, смотря в потолок, потом внимательно смотрит на меня.

— Я хочу купить твой автограф, — неожиданно говорит она.

Автограф? У меня? Какой у меня автограф? Хочет дать мне денег? Пожалела? Пффф... Не нужна мне жалостливая благотворительность!

— Не нужно, — хмурюсь я и отрицательно качаю головой, — я сама всё себе заработаю.

— Не обижайся, — улыбается мне *Силви*, видимо догадавшись, почему я нахмурился, — я хочу сделать рисковую ставку. Я люблю немножко играть в казино. Я заметила, — когда хороший день и всё получается, то в такой день можно выиграть. Сегодня хороший день и у меня всё получается. Поэтому, я хочу поставить на тебя. Продай мне свой первый автограф! Он же у тебя будет первый? Продай, я куплю. Двести долларов. Ок?

Хм? Ух ты, какая шустрая! Как быстро сообразила! А ведь действительно, лет так эдак через пять, мой автограф будет стоить гораздо больше этих двухсот баксов! И никакая это не благотворительность. Нормальная сделка.

— Ок, *Силви*! — говорю я, — я согласна! Что и на чём вам написать?

*Силви* оглядываясь по сторонам и, вынув из держателя на краю стола красочный вкладыш десертного меню, протягивает его мне.

— Вот, — говорит она, — напиши на этом. Напиши — мой самый первый автограф для *Анруа Силви*. И свою имя и фамилию. И сегодняшнее число.

— Ок, — киваю я и делаю так, как она просит. Фразу пишу на французском, свою фамилию и имя — иероглифами.

— Вот, — говорю я, протягивая свой первый автограф в этом мире.

— Спасибо, — отвечает мне она, передавая взамен две зелёные бумажки, — отличное вложение средств!

— Да, — киваю я, пряча деньги в карман джинс, — смотрите, только

не потеряйте, мадмуазель! Через несколько лет эта рекламка будет стоить несколько тысяч долларов!

— Не потеряю! — весело смеётся в ответ *Силви*, с интересом разглядывая то, что я написал.

Эх, хорошо, когда деньги есть!

\* \* \*

*Время действия: тот же день. Девятнадцать часов вечера.*

*Место действия: «Golden Palace».*

*По боковой лестнице, не пользуясь лифтом, с шестого этажа спускается Юн Ми, подводя про себя итоги дня.*

А день действительно сегодня удался! Просто класс! Шесть часов, по двадцать пять баксов, да двести за автограф, да три доллара чаевых... Это, это, это — триста пятьдесят три доллара! За пол дня неустомительной работы! Погулял, посмотрел, развеялся. И ещё деньги за это заплатили! Не, здорово, что я переводчик! Неплохая работёнка иногда выпадает. Единственно, пришлось потом по магазинам за *Силви* потаскаться, но должны же быть какие-то в жизни трудности? Потом, это было не совсем бесполезно для меня. Юн Ми тоже одевать во что-то нужно будет. Что-то более солидное. Конечно, не прямо сейчас, а потом, в будущем. Но всё равно, походил, приценился. Чтобы знать, как там, в женских отделах? Единственно, пришлось зайти в «*Golden Palace*». *Силви* попросила помочь дотащить её покупки до номера и я не смог отказать. Я, после того, как стал работать с *Ши Юном*, в отеле больше не появлялся, стараясь как можно меньше «отсвечивать». Встречался с клиентами в кафе, рядом с «*Golden Palace*». Но вот сейчас пришлось зайти. Неудобно было отказать. Француженка была сегодня в ударе и понабрала тряпок, швыряясь деньгами, словно у неё их куры не клюют. Не понимаю — зачем покупать столько одежды, если завтра в больницу ложиться? Или она к выписке так готовится? Чтобы сразу, во всём красивом? Но там вроде послеоперационный период длительный... А впрочем, что мне голову ломать? Женская логика — предмет странный. Мне бы сейчас незаметно выскочить на улицу, чтобы никто не признал, да и всё. Надеюсь, моя мальчишеская одежда и надвинутая на глаза кепка окажутся достаточными для этого?

Я спустился на первый этаж и, открыв дверь, вошёл в боковой

коридор, ведущий к центральному холлу и главного выхода.

Внезапно меня кто-то схватил за обе руки.

— Что? — не понял я, — отпустите! Кто вы такие?

— Служба охраны отеля. Пожалуйста, пройдёте с нами! Не нужно устраивать шум и привлекать внимание постояльцев. Это не в ваших интересах. С вами просто хотят поговорить.

Два молодых парня в чёрных костюмах, подхватив меня под руки, уверенно повлекли меня по коридору, отрицая собой всякую мысль о сопротивлении.

## Шкурка четырнадцатая

*Время действия: тот же день, полвосьмого вечера.*

*Место действия: «Golden Palace». В небольшом квадратном кабинете, за высоким столом, в дорогом светлом костюме и платиновыми часами с золотым циферблатом на руке, сидит Чжу Вон. Посреди комнаты, опустив голову, с хмурым выражением на лице стоит Юн Ми.*

— Ши Юн никогда не имел права заниматься предпринимательской деятельностью, — говорит Чжу Вон, смотря на Юн Ми.

— Как это нет? Он мне показал учредительные документы!

Чжу Вон с брезгливым видом, за уголок, поднимает со стола прозрачный файл, в котором видны листки с отпечатанным текстом.

— Вот эти? — спрашивает он.

— Э-э, вроде да. Мне отсюда не совсем видно, но, вроде, похоже...

— Всё липа, — говорит Чжу Вон небрежно бросая файл на стол, — Подделка. Фальшивка. В государственной регистрационной палате такая фирма не зарегистрирована. Ши Юн сказал, что занимается этими вещами уже год. Год он обворовывает отель, принадлежащий моей семье. А ты — его пособница. Вы — преступная группа, занимавшаяся воровством под прикрытием оказанного вам доверия!

Юн Ми несколько секунд растеряно молчит.

— Да нет же! — вновь принимается оправдываться она, — всё не так! Ши Юн сказал, что у него есть фирма...

— В общем так! — веско произносит Чжу Вон, — Ши Юн попался. Он обвинён в занятии незаконной предпринимательской деятельностью и нанесению ущерба репутации отеля. Ущерб оценён в сто тысяч долларов. Ши Юн, как всякий преступник, будучи по своей натуре подлым человеком, решил, что платить в одиночку это для него дорого. Он назвал тебя своей сообщницей. Так что, готовься к судебному процессу. Будешь доказывать судье, что это не так. Мне же, доказывать ничего не нужно.

— Сто тысяч долларов?! Да я-то тут причём?!

— Не перебивай, когда говорит старший! Ты что, совсем не воспитана?

— Простите, *ачжусси*, но я...

— Слушай дальше, я ещё не закончил говорить. Так вот, свою невиновность будешь доказывать в суде. Тебя же, привести сюда, я

приказал с одной целью — предупредить, чтобы ты тут больше не появлялась. Служба безопасности знает, чем ты занимаешься, знает твоё лицо и поэтому, если ты появишься тут ещё раз, тебя задержат и передадут в полицию, как преступницу, упорствующую в своих криминальных желаниях. Захочешь появиться здесь ещё раз, подумай вначале хотя бы о своих родителях.

— Родителях?!

— Да, родителей. Думаю, повестка в суд станет для них сокрушительным ударом.

— Повестка в суд? Но... Но... Я же ничего не сделала такого!? Какой ущерб я могла нанести?! Это же просто смешно, *ачжусси!*

— Основным трендом сети отелей «*Golden Palace*» является предоставление её клиентам услуг высочайшего качества, — со скучающим видом смотря на Юн Ми, начинает объяснять Чжу Вон, — и в этом плане наши отели являются общепризнанными лидерами. Для того, чтобы добиться такого выдающегося результата, нами были проведены многочисленные конкурсы среди компаний, желающих стать нашими партнёрами. Мы выбрали среди них самые лучшие. В результате, все наши партнёры по бизнесу предлагают услуги высочайшего качества. Так, переводчики, которые работают с клиентами нашего отеля — все высококвалифицированные, дипломированные специалисты, отлично владеющие иностранными языками и прекрасно знающие историю Кореи. А ты? Вот ты. У тебя, к примеру, — есть диплом?

— Уку, — сильно загрузив, отрицательно качает головой Юн Ми, смотря в пол, — нет у меня диплома.

— Не удивительно. В твоём возрасте диплом иметь просто невозможно. Где ты вообще учишься?

— Эээ... Нигде, *ачжусси...*

— Вот как? Твои знания, оказывается, настолько ничтожны, что ты даже нигде не учишься? Понятно...

Чжу Вон, скрещивает на груди руки и откидывается на спинку кресла, с лёгким презрением смотря на Юн Ми.

— *Ачжусси*, были обстоятельства... — делает попытку объяснить Юн Ми.

— Мне неинтересны твои обстоятельства. Позволь, я не закончил говорить. Хочу до конца объяснить тебе ситуацию раз ты не понимаешь. Итак, мы выбрали лучших среди лучших, тех, кто действительно достоин с нами работать. Мы заключили договора с этими компаниями на долгосрочное сотрудничество. Взамен, они предоставляют нам различные

скидки и льготы. Это был большой труд, в который были вложены не малые деньги и время. И вдруг, появляется Ши Юн, со своими «работниками» вроде тебя! Необразованными, ничего не знающими, горящим лишь желанием сшибить себе пару долларов и не думающих ни о чём другом, кроме этого. Представляю, что ты там наболтала нашим гостям!

— *Ачжусси*, всё было не так...

— Не так? А как? Наши партнёры думают, что мы их обманываем, что у нас нет порядка, что мы ненадёжны. *Вегугины* думают, что мы их тоже обманываем, получая вместо заявленного нами высочайшего сервиса — дешёвку, от дешёвых людей. И ты считаешь, что «*Golden Palace*» не понёс никакого ущерба? Точно в этом уверена? Думаешь, репутация — ничего не стоит?

Юн Ми задумывается на несколько мгновений.

— Да, всё так и есть, как вы сказали, — отвечает она, — и я согласна понести наказание. Я готова возместить причинённый отелю ущерб. Прошу учесть, что была введена в заблуждение и проработала у Ши Юна всего две недели. Я готова вернуть все деньги, которые получила за это время. Думаю, что сумма возмещения ущерба, которую вы мне назначите, будет для меня по силам. Я надеюсь на ваше великодушие, господин Ким Чжу Вон!

Юн Ми кланяется.

— Единственное, о чём я вас хочу просить — продолжила она, выпрямляясь, прошу вас, не предавать это дело огласке. Не нужно суда. Пожалуйста, *сонбе-ним*!

Юн Ми снова поклонилась.

— Хм! — хмыкнул в ответ, — не хочешь отвечать за свои поступки? Думаю, что тебе не стоит отказываться от посещения суда. Обычное дело для преступника. Не попавшись — повторяют, повторив — совершают нечто более серьёзное. Лучше тебе сразу получить от этого прививку на всю жизнь.

— Господин Ким Чжу Вон, я не преступница. Я ничего не крала, я работала и получала за деньги за свою работу. Меня просто обманули, воспользовавшись моей наивностью. А не предавать дело в суд, я прошу потому, что это испортит мою репутацию. Я хочу стать *айдолом*. Но ни одна компания не сделает меня своим стажером, если у меня будет судимость. У них такие правила. Претендент не должен иметь приводов в полицию! Поэтому, я и прошу не предавать моё дело огласке. Пожалуйста, господин Ким Чжу Вон, будьте великодушным!

Юн Ми вновь кланяется.

— *Айдолом?* — искренне удивляется Чжу Вон вертикально садясь в кресле и круглыми глазами вытаращиваясь на Юн Ми, — Ты? Правда? А ты себя в зеркале видела? Разве можно с таким лицом, как у тебя — стать *айдолом*?

— Я как раз зарабатывала деньги на пластическую операцию, господин Ким Чжу Вон!

— Боже, эти школьницы просто безумны! — восклицает Чжу Вон, вновь откидываясь на спинку кресла и патетически вскидывая руки к потолку, — что творится в их головах! Какой из тебя — *айдол*? Ну, какой?! Ты же — вылитый мальчишка по виду!

— Думаю, что всё не так страшно, как кажется. Я решу эту проблему, господин исполнительный директор!

Чжу Вон снова вертикально садится в кресле и подперев рукою подбородок внимательно принимается разглядывать Юн Ми. На десять секунд в кабинете воцаряется тишина.

— Повернись, — неожиданно приказывает Чжу Вон, прервав молчание.

— Зачем? — настораживается Юн Ми.

— Не задавай не нужных вопросов. Твоя судьба в моих руках. Если ты собираешься отработать, то должна беспрекословно выполнять мои приказы. Давай, шевелись.

С опаской озираясь через плечо, Юн Ми поворачивается к Чжу Вону спиной.

— Теперь боком, другим боком, лицом, — командует Чжу Вон, помахивая кистью руки, задавая направление — хмм, а ты действительно похожа на мальчишку! Ты когда-нибудь участвовала в конкурсах театрального мастерства?

— Нет. А нужно было?

— Ты же хочешь стать *айдолом*. Разве ты не собираешься сниматься в дорамах, быть актрисой?

— Собираюсь. Только на курсы я ещё не собрала денег, поэтому я на них и не ходила, господин генеральный директор.

— Понятно. Вопрос — есть ли у тебя талант я даже задавать не стану. Уверен, что ты ответишь — есть! В данном случае — не попробуешь, не узнаешь. Юн Ми! Как далеко ты можешь зайти, чтобы получить прощение?

— Ну-у, достаточно далеко. Если это будет не криминал или какие-то извращения...

— Что ж, это радует, — оживляется Чжу Вон, — знаешь, я хочу

предложить тебе... работу. Выполнив которую, ты снимешь свою вину перед отелем «*Golden Palace*». Ты согласна, поработать?

— Что за работа, господин Ким Чжу Вон?

— Актёрская.

— Актёрская?

— Да. Нужно кое-кого изобразить.

— Кого?

— Моего любовника.

— Что-о-о? Вы что, с ума сошли?

— Тссс... — выдыхает сквозь зубы Чжу Вон, — я так и знал, что ты так отреагируешь. Поясню более подробно. Ты должна будешь сыграть роль парня. Якобы, моего любовника.

— Я же сказала — любая работа кроме извращений и криминала! — с негодованием произносит Юн Ми.

— Тссс... Почему женщины никогда не слышат главного? Я тебе предлагаю роль. Слышишь меня? Я тебя беру на работу актёром. Беру сразу, без всяких кастингов и проб. Тысячи бездарностей мечтают о таких условиях, а тебе всё достаётся даром! И ты ещё пытаешься отказываться, бубня при этом, что хочешь стать актрисой! Ты что, глухая?

— Какая же это роль?

— Роль. Ещё какая. Или ты думаешь, что в кинофильмах злодеев играют настоящие злодеи, а голубых — настоящие геи? Если ты действительно так думаешь, то ты ещё глупее, чем выглядишь. Ты слышала такое слово — перевоплощение?

— Перевоплощаться... в гея?

— А если тебе когда-нибудь понадобится это сделать? Например, ради своей карьеры? Мало ли, какие причуды бывают у сценаристов? И что, — откажешься? А может, ты просто боишься, что у тебя не получится? Какая же ты тогда — актриса, если боишься играть?

Юн Ми задумавшись, молчит, смотря в пол. Чжу Вон с интересом следит за ней.

— А что это за роль? — Юн Ми поднимает глаза на Чжу Вона, — В смысле, что конкретно в ней нужно будет делать?

— Будешь портить мои свидания, — просто отвечает Чжу Вон.

— Твои... свидания?!

Широко распахнув глаза, Юн Ми смотрит на Чжу Вона.

— Да. Видишь ли, моя семья решила меня женить. Я с этим не согласен. Поэтому, мне пришла в голову идея, что мне нужен липовый любовник, который отведит от меня всех бабушкиных невест. Теперь тебе



понятно, что это за роль?

— Мммм... А ты не боишься, что тебя будут считать — «странным»?

— С чего? Разве ты — не девушка? Встречаться с девушкой... С каких пор это стало «странным»?

— Но все же будут думать, что ты встречаешься с парнем?!

— Разве я виноват в том, что у кого-то в головах грязные мысли? В конце мы с тобою устроим отличную шутку. Надеюсь, у тебя есть хоть одно платье?

— Зачем?

— Наденешь его, а я представлю тебя всем тем, кто думал, что ты парень.

— Пффф... А если я откажусь?

— Тогда твоим единственным шансом услышать адресованные тебе аплодисменты, будет твоё яркое выступление в суде, госпожа несостоявшийся *айдол*!

— Аджжжж! — оскалившись, крутит головой Юна, — ты пытаешься воспользоваться моим безвыходным положением! Как так можно обращаться с людьми?

— Что поделать? — философски говорит Чжу Вон, с кротким выражением на лице поднимая глаза к потолку, — Все кем-то пользуются, когда у них есть такая возможность. Семья пользуется мной, я пользуюсь тобой... Такова жизнь!

— Но, всё же?! Неужели тебя не волнует, что люди будут думать о тебе — «странное»? Как ты потом будешь общаться со своими деловыми партнёрами? Разве это не важно?

— У меня есть старший брат, который и будет руководить корпорацией. В том числе и той долей, которая принадлежит мне. Взамен, передав ему управление своей части наследства, я могу жить, не придерживаясь всех принятых условностей. Просто жить, жить как богатый человек. Так что, особого большого числа деловых партнёров у меня не предвидится, а простые люди... Простые люди сочтут это экстравагантной причудой, не более. Какое мне дело до них? Тем более, что ты не парень, а девушка.

— Мда? — сомнением в голосе произнесла Юн Ми, — ну, если так... И сколько времени мне нужно будет играть эту роль?.

— Думаю, не больше месяца. Бабушка быстро узнает. Ну, максимум, полтора. Я так думаю.

— А что будет потом, когда твоя семья узнает, что у тебя есть... «друг»?

— Что будет? — Чжу Вон на секунду задумывается, — Бабушка будет в ярости. Но я скажу, что это всё сплетни. Одну тебя в платье и покажу ей. Скажу, что ты девушка моей мечты и попрошу у неё разрешения встречаться с тобой. Конечно, она запретит. Я сделаю печальное лицо, при свидетелях скажу тебе, что любовь прошла и вычеркну тебя из своей жизни. Тебя такой вариант устраивает?

— А точно? Точно запретит?! — прищурившись, с подозрением, уточняет Юн Ми.

— Ха! — усмехается в ответ Чжу Вон, — у тебя, что, внезапно появились на меня какие-то планы? Даже не мечтай. Ни по одному критерию: красота, образование, ум, — ты не подходишь. Чем, кстати, занимается твоя семья?

— У нас есть небольшой ресторанчик...

— Сама видишь, — делает пренебрежительный взмах рукою Чжу Вон, — и по размеру приданного ты не проходишь. Так что, не волнуйся. Бабушка гарантированно укажет тебе на дверь.

— Да? Ну ладно, раз так. А... эта роль... Она предполагает... поцелуи?

— А что тебя это так волнует? Ты не любишь целоваться?

Чжу Вон насмешливо смотрит на Юн Ми.

— Я не целуюсь с первым встречным! Тем более, ещё в таком... образе!

— И чем же тебе так неприятен этот образ? Я бы ещё понял, если бы ты была парнем. А так, — ты девушка, просто похожая на парня. Я буду делать вид, что ухаживаю за тобой. Ты будешь принимать ухаживания. Всё естественно. Что тебя так взволновало?

— Но... но... просто... — с некой растерянностью в голосе, пытается что-то сказать Юн Ми и не найдя слов, замолкает.

Чжу Вон встаёт из-за стола и делает круг вокруг девушки, критически оглядывая её фигуру.

— У тебя даже парня нет? — остановившись напротив неё, спрашивает он, — Так?

Услышав вопрос, Юна дёргается.

— Ну.... — неопределённо читает она.

— Всё ясно, — говорит Чжу Вон, — можешь не продолжать. Похоже, у тебя вообще ничего нет. Но тебе выпал уникальный шанс — потренироваться. И не с кем-нибудь, а с наследником «*Sea group corporation*», с одним из принцев Кореи. Слышала, как таких наследников как я, называют в СМИ?

— Это просто дурдом какой-то, — произносит Юн Ми поднимая глаза на парня.

— Юн Ми-ян, — иронично говорит Чжу Вон, — ты странная. Я наследник «*Sea group corporation*». Я красив, умён, образован и богат. Ты — никому неизвестная девчонка. Некрасивая, глупая, необразованная и бедная. Я тебе предлагаю работу, выполняя которую, ты прикоснёшься к жизни высшего общества. Пусть чуть-чуть, но коснёшься. Побываешь в ресторанах, в которые ты сама бы в жизни бы не попала, посмотришь, что едят люди, которые на вершине, какую одежду они носят, какие украшения. Да любая, твоего уровня, ухватила бы за такое предложение даже не думая! А я тебя уговариваю. Или, может, ты думаешь, что интересуешь меня как девушка? У тебя совсем с мозгами плохо? Любая красавица Кореи, не раздумывая, примет моё предложение и будет на седьмом небе от счастья! И ты. Кто такая ты? Посмотри на себя! Неужели ты решила, что я буду с тобою целоваться? Дорам пересмотрела?

— То есть, точно — целоваться не надо? — уточняет Юн Ми с подозрением смотря на Чжу Вона.

— Чтоб ты знала. Я очень разборчив во всём. В одежде, еде, машинах и девушках. Я использую только то, что моего уровня. Такие, вроде тебя, в обычной жизни для меня не существуют. Просто сейчас так сложились обстоятельства. У меня нет никакого желания целоваться с тобою.

— А как же тогда изображать великую любовь? — не понимает Юн Ми.

— О! — говорит Чжу Вон, — смотрю, ты даже не обиделась? Похвально, что ты знаешь своё место. Вместо поцелуев обойдёмся объятиями.

— Объятиями?

— Эй, эй! Зачем ты делаешь такое лицо? Ничего с тобою не случится, если парень тебя пару раз обнимет! Вообще, я не понимаю, почему я тебя уговариваю? В твоей ситуации я должен лишь щёлкнуть пальцами и ты сразу должна была начать танцевать! Ну, ты согласна или нет?

— А если кто-то что-то заподозрит? Твои друзья, например?

— У тебя точно с мозгами что-то не в порядке. Думаешь, я стану знакомить тебя со своими друзьями? Позориться стану? Совсем идиотка?

— Эээ....?

— Тебя будут видеть только мои невесты, — вздохнув, поясняет Чжу Вон присаживаясь на край стола и скрещивая руки на груди, — которые тебя не знают. Ближе к ним подходить не станешь, чтобы они не раскрыли обман. Поэтому, слов учить тебе никаких будет не нужно. Уверен, что с

твоими мозгами, запомнить даже пару фраз будет для тебя проблемой. В общем — ничего сложного. А то, что кто-то заподозрит... Так это всё равно случится. Твоя задача — продержаться как можно дольше, чтобы слухи распространились как можно дальше и родители невест в них поверили. Поняла?

— А если я не справлюсь? Что тогда?

— Тогда наш договор будет считаться расторгнутым.

— А что у нас за договор?

— Очень простой. Ты работаешь на меня, пока об этом не узнает моя семья. Потом мы с тобою расстаемся, считая, что ничего не было. Если ты что-то выкинешь, до этого времени, или не справишься с работой, то я аннулирую нашу договорённость и отправлю тебя бороться за своё честное имя в суде. Вопросы есть?

— Угу, — кивает Юн Ми, и делово интересуется, — Договор на работу будет?

— Пффф... Чтобы ты меня им потом шантажировала? — презрительно хмыкает Чжу Вон.

— Шантажировала?

— Конечно. Уверен, что от таких, как ты, всего можно ожидать.

— А как же тогда... гарантии?

— Гарантии — моё слово. Короче, ты согласна или нет? Последний раз спрашиваю!

— Аджжжж! Согласна! Сколько ты мне будешь за это платить?

— Платить? Это с чего это я тебе должен вдруг платить?

— Ну, ты же принимаешь меня на работу? Значит, должен платить.

— Я тебя беру на работу из сострадания, чтобы ты не попала в тюрьму и смогла осуществить свою мечту. Какая тебе ещё зарплата? С ума сошла?

— Чтобы стать айдолом, нужны деньги! На занятия танцами, на студию вокала, на синтезатор...

— Ничего страшного. Просто отложи на два месяца свой звёздный час и всё.

— Отложить?!

— Слушай, похоже, тебя всё же следует отправить в тюрьму! Ты такая неблагодарная! Никто для тебя не сделал бы столько, сколько уже успел сделать я, а ты всё недовольна!

— Я — недовольна?

— Ну не я же?

— Хорошо, пусть так. Но реквизит, всё равно, будет за твой счёт!

— Реквизит? Какой ещё реквизит?

— Театральный! Напитки, закуски, одежда...

— Напитки? Закуски? Что это ещё за напитки, закуски?

— Ну, раз ты не собираешься мне платить, хоть кормить-то ты меня должен? Чтобы я ноги таскала? Или ты со своим «другом» собираешься сидеть за пустым столом?

— Тщщщ... А ты наглая для своего возраста! А что за одежда?

— Ну, я же не могу приходить абы в чём? Одежда твоего «друга» разве не должна соответствовать твоему уровню? Это же очевидно. Но я не смогу купить такую одежду, потому что у меня нет таких денег!

— Пффф... ну надо же! В твою голову приходят умные мысли! Ладно, договорились. Реквизит за мной. Что ещё?

— Больше ничего.

— Тогда, дай мне номер своего телефона. И с этого момента прекрати разговаривать со мною неформально. Я теперь твой начальник. Обращайся ко мне — господин *кунчан-ним*. Ещё, можешь обращаться ко мне — *хён*, когда мы будем ломать комедию перед девицами. Если потребуется. Тебе понятно?

— Да, господин *кунчан-ним*, — кланяется Юна.

— Хм, а ты не настолько глупа, как кажешься на первый взгляд, — с удовлетворением смотря на Юн Ми, говорит Чжу Вон.

\* \* \*

*Время действия: на следующий день. Десять часов утра.*

*Место действия: фешенебельный магазин в районе Кангман. Полированный каменный пол приятного золотистого оттенка, в котором отражаются яркие потолочные лампочки. За прозрачными стеклянными витринами выстроились в ровный ряд манекены, одетые в мужские костюмы. В отделах, на полочках вдоль стен, разложены мужские рубашки разных цветов и моделей. На блестящих хромированных держателях висят галстуки и ремни. На нижних полках расположилась обувь дорогих фирм. В общем, этот магазин — рай мужской одежды.*

*В эти утренние часы в залах ещё практически пусто, но в одном из отделов уже есть два первых покупателя. Один из них — совсем ещё молодой парень, сидит в кресле с мрачным выражением на лице. Второй, — парень постарше. Он выбирает одежду. Внимательно разглядывает пиджаки, держа их на вытянутых руках, задумчиво выпятив губы, оценивает качество ткани рубашек, щупая пальцами их*

*воротники и рукава, придирчиво рассматривает галстуки. Его сопровождают две продавщицы в форменной одежде магазина. Стоя сзади и чуть наклонившись в уважительном полупоклоне, они терпеливо ждут, когда клиент сделает свой выбор...*

Сижу. Никого не трогаю, ничего не делаю, но хочу кого-нибудь убить. И даже знаю — кого. Вчера несколько раз набирал номер Ши Юна, чтобы сказать ему «пару ласковых», но этот падла-сука-пидорас, трубку так ни разу не взял. А потом, похоже, поставил меня в «игнор», ибо его телефон стал «отбиваться» сразу после первого же гудка моего «дозвона». Ладно. «Судьба нас ещё встретит»!

... Чёрт! Надо ж было мне так вляпаться! Ничё не делал! Только хорошее! И результат? Рабство у какого-то мажора, которого хотят насильно женить. Видать, эта перспектива настолько ему поперёк горла, что он решил распустить слух, что он гей. Не, я могу понять, что парень жениться не хочет. Невеста страшная, рано ещё... Как парень — я его прекрасно понимаю и ничуть не осуждаю. Однако, ну что за дела, право слово?! Мужик ты или нет? Сказал бы — не хочу! Стукнул бы кулаком по столу и все дела! Не, бабушку он боится, видите ли! Блин... Ненормальная страна. Прикинутся «голубой ветошью» парень считает для себя безопаснее, чем устроить разборки с родными, которые намерены сломать ему жизнь. Почему нельзя просто поговорить, обсудить в кругу семьи этот важный вопрос? Не понимаю. Кажется, что я тут вообще ничего не понимаю! Все, что не делаю, приводит к какому-то феерическому геморрою! Просто боюсь думать о том, что будет, когда я полезу на сцену. Как бы меня оттуда не выгнали с «волчьим билетом» раз и навсегда. Эх... И девочку из себя изображать не получается. Вчера, когда мажор меня в асфальт закатывал, я, несколько растерявшись от возникшей ситуации, вспомнил, что: «...идеальная корейская женщина представляет собой абсолютную покорность. Робкая, слабая, бессловесная и терпеливая....». Вспомнив этот факт, попробовал использовать полученные в интернете знания, так сказать, «в бою». «Блеть» попробовал. Но... То ли на морде было недостаточно терпеливости, то ли голос был не достаточно жалобным... Быть покорным совершенно не хотелось. Хотелось просто дать в морду самовлюблённому идиоту и всё разом решить. Больше никаких желаний не было. В общем, не получилось у меня. Не вышло. Не удалось, используя женские уловки, получить — «плюшек». Хотя сам неоднократно видел в институте, да и так, по жизни, как девушки эти «плюшки» получали лишь только за то, что они девушки. Пффф...

Наверное, я что-то не так сделал. Может, это из-за того, что Юн Ми — не «няша»? Вполне возможно... Страшненьким «плюшек» не полагается. Что парням, что девчонкам. Эх, жизнь моя жестянка!

Я покосился на Чжу Вона, которому что-то объясняли продавщицы и презрительно фыркнул себе под нос.

Пссс! Красавчик! Первый раз с таким сталкиваюсь. Уж на что Серёга Шапкин у нас был мажором, но и то нормальной выглядел! А этот, Чжу Вон, похоже конкретно влюблён в себя и в своё положение. Хотя, если их сравнивать между собой, то, конечно, Серёге, до этого корейца далеко. Вчера, придя домой, я полез в интернет, чтобы навести хоть какие-нибудь справки о том, в кого же это я «вляпался»? Таки да. Ким Чжу Вон — «корейский принц». Так тут называют неженатых сыновей-наследников владельцев корпораций, доля наследства которых превышает один миллиард долларов. Серёга на «принца» не тянет. Деньги не те. Я уже читал о том, что Корея «держит у себя» почти пятьдесят процентов мирового судостроительного рынка. А «Sea group corporation» имеет в этих пятидесяти процентах больше трети. Плюс всякие ещё гостиницы, торговые и строительные фирмы, транспортные компании... Короче, одним словом — многомиллиардные годовые долларовые обороты. Будь у отца Сергея такой же бизнес, может тогда, Серёга, по осознанию собственной значимости, и дотянул бы до Чжу Вона, но... Как говорится, он — «не пляшет». «Пляшет» Чжу Вон.

Вчерашний поиск в «инете» информации о своём «работодателе», вынес меня на какой-то корейский сайт женской направленности. И на нём оказалась страничка с перечислением самых богатых и молодых женихов страны. Да, Чжу Вон, в списке «до тридцати лет, наследуемое состояние более миллиарда» — второй сверху, с цифрой в две целых и три десятых миллиарда долларов. А всего кандидатур в этом списке — пятеро. Не соврал он мне про то, что стоит ему «свистнуть», как любая девушка Кореи будет безмерно счастлива услышать этот свист. Конечно, с такими-то деньгами любая глухая красавица враз слух обретёт! В комментариях о нём, на этой же страничке — каких только записей нет. И красавчик, и я его люблю, и я хочу от него ребёнка... В общем всё, как на наших сайтах, на которых прекрасная половина ищет себе партию подороже. Женщины, они, похоже, во всех мирах одинаковы.

Вчера, размышляя над полученной информацией, я подумал о том, что фраза Чжу Вона, что его мнимое гейство расценят как причуду, вполне может оказаться правдой. У него в кармане — два с лишним миллиарда... На публику, как я понял, он не лезет... Да пофигу ему, что там станут про

него говорить! Меня бы, вот в такой ситуации — ну совершенно «не запечалило» бы, кто там что болтает. Я бы плюнул на этих нищевородов-болтунов, сел в яхту, да отправился бы в кругосветное путешествие! И красоток бы с собою, длинноногих, прихватил бы для компании. Да побольше! Скучно ж в море одному! Через год — вернулся, а тут уже никто и не помнит, что что-то такое было. За год, столько скандалов случится, что о моём и не вспомнят. Будут только про два миллиарда помнить. Эх, хорошо иметь много денег! С деньгами жизнь становится комфортной с любой стороны... Мда...

Вчера ещё, кроме чуши, написанной экзальтированными особами женского пола, случайно найденная страничка оказалась богата на подробную информацию. На ней оказались перечислены все тактико-технические характеристики представленных экземпляров и их достижения — увлечения. На каждого. Про Чжу Вона я узнал следующее:

**«Пак Чжу Вон:**

- **возраст — 22 года;**
- **рост — 179 сантиметра;**
- **вес — 88 килограмм;**
- **размер ноги — 41;**
- **цвет глаз — тёмный;**
- **цвет волос — каштановый;**
- **группа крови — вторая;**
- **знак по гороскопу — Близнецы;**
- **знак по восточному гороскопу — Дракон.**

**Таланты:**

- **образование: учится в Парижском университете.**
- Специализация — экономика, финансы;**
- **языки: английский, французский, японский;**
- **спорт: тхэквондо (техники: массоги, туги, хосинсуль).**

**Обладатель красного пояса.**

**Увлечения:**

- **автомобили, мотоциклы.»**

Наверное, нужно было ещё в увлечения девок написать. С такой рожей как у него и деньгами, их у него должно быть точно, как грязи. К бабке не ходи, автомобили и мотоциклы куплены для того, чтоб баб возить!

Выйдя из созерцания стены напротив, я перевёл взгляд на Чжу Вона. Ишь, пижон какой! Выбирает! Это ему не так, то ему не сяк! Что



может быть не так, в таком магазине? Ну что? Суметь ещё нужно найти, к чему здесь придраться. Видать, зануда по жизни. Но, мозги у него соображают нормально. Вчера он меня чётко «подсёк», поняв, что деваться мне некуда. А куда мне было деваться? В суд идти? Там в полицейскую базу занесут, что было предъявлено обвинение в мошенничестве. Даже если потом оправдают, всё равно запись останется. Захочет ли агентство иметь дело со стажёром, у которого есть такое пятно на биографии? Ну-у, может быть и захочет, но для этого, этот стажёр, должен будет быть просто адски талантливым, чего у меня в данный момент явно не наблюдается. Мне нужно учиться петь, танцевать и играть на синтезаторе. Можно, конечно, овладеть этим всем, занимаясь в частных фирмах, но... Сколько бабла туда придётся вколотить? А когда его зарабатывать, бабло-то? Ночью? Где ночью можно заработать? Причём девушке? На ум приходит только одно... Которое мне никак не подходит! Тогда, зарабатывать днём, а ночью заниматься? Тоже нереально. Кто будет по ночам учить? Ночью нормальные люди спят, и правильно делают. Лучше всего заниматься в агентстве, которое работает с «реальной» эстрадой, с известными исполнителями. «Затачиваться» сразу под их требования с перспективой «стартануть» у них же. Причём, я слышал, что солидные конторы денег за обучение особо не дерут, перекладывая свои текущие затраты на будущие доходы звезды. Такая схема меня очень устраивает. Не нужно влезать в кредит, бегать где-то, пытаться хоть сколько-то заработать, чтобы их отдать. А так — планомерная, ежедневная работа, ориентированная на достижение результата. Выучусь, раскручусь, тогда и рассчитаюсь за учёбу, а сейчас тупо нет денег. Ну, нет их, нет! И неизвестно когда будут. Сейчас, считай месяц «вылетел», а может и два. Буду таскаться за Чжу Воном, изображать то его секретаря, то «любовника». Никогда бы не подписался на такое, если бы Ши Юн меня так не подставил! Ведь было у меня какое-то предчувствие такое, что что-то он с контрактом тянет, паскуда... Зря я не акцентировался на этом чувстве. Рукой махнул. Кинулся деньги зарабатывать. Заработал! И дома об этом лучше не заикаться. Представляю, какую женщины истерику поднимут. Ещё, не дай бог, справку мою, о моей больной голове достанут и суду её покажут. И будет тогда у меня не просто судимость, а судимость с недееспособностью... Вот тогда-то меня точно, никуда не возьмут! Поэтому, семье «о ситуации», даже лучше не заикаться, а затаиться, переждать и как-то выкрутить самому, без огласки. Ладно, это не конец света... Перетерплю. Буду считать это ролью. Но если этот придурок себе что-то позволит...

— Бухх!

Груда одежды, упав на меня, погребает меня под собою.

— Что за...?! — «вырывшись» из-под неё с негодованием начинаю было я и умолкаю.

Рядом с моим креслом стоит Чжу Вон. Это он бухнул на меня эту кучу тряпья. Сзади, за его спиною, две продавщицы с приветливо-непроницаемыми лицами.

— В примерочную! — хмуро смотря на меня сверху вниз приказал Чжу Вон, — мерить!

Блин! Что за обращение? Я что, раб ему, что ли?

\* \* \*

*Время действия: некоторое время спустя.*

*Место действия: Тот же магазин. В его углу, у примерочных кабин, удобно усевшись в большом кресле сидит Чжу Вон, с задумчивым видом подперев левой рукою подбородок. Из кабинки периодически появляется Юн Ми, каждый раз в новом «прикиде». Рубашках, пиджаках, штанах, ботинках, в общем, во всём том, что было отобрано Чжу Воном для примерки. При каждом появлении Юны, Чжу Вон неторопливо её осматривает, небрежным жестом кисти правой руки приказывает повернуться, вновь оглядывает и произносит: следующий! Юн Ми, делая «бешеные глаза» исчезает за дверью примерочной, чтобы через пару минут появиться в новом костюме. Так длится примерно с полчаса. Под конец Юна уже вытирает с лица пот, убирая со лба прилипшие к нему волосы.*

— Хм! — наконец удовлетворённо хмыкает Чжу Вон при виде очередного наряда, — вот это, похоже... неплохо. Повернись.

Юн Ми поворачивается. Потом, ещё раз.

Чжу Вон встаёт с кресла и близко подходит к девушке, нависая над нею. Та отодвигается назад, упираясь спиною в зеркальную дверь примерочной. Чжу Вон протягивает руки к дёрнувшейся Юн Ми и поправляет узел её чёрного узкого галстука. Делает шаг назад и ещё раз осматривает результат.

— Вот это, — говорит он, оборачиваясь к продавщице.

*Время действия: некоторое время спустя.*

*Место действия: Небрежно засунув руки в карманы светлых брюк,*

*Чжу Вон, выходит из дверей магазина. Сзади него, с сумками в руках, волочится Юн Ми. По её радостному виду можно предположить, что она просто счастлива, покинуть это заведение.*

— Я потратил на тебя один миллион, двести тысяч вон, — говорит Чжу Вон, поворачиваясь к Юн Ми, — помни об этом.

— Не на меня, — отвечает ему Юн Ми, — а на свою свободу. Свобода всегда дорого стоит, хён.

Чжу Вон удивлённо смотрит на девушку.

— Почему ты говоришь со мною неформально? — с удивлением спрашивает он, — и почему ты обращаешься ко мне — «брат»?

— Вживаюсь в образ! — бодро рапортует Юн Ми, — мы же с тобою — «друзья»? А друзья говорят неформально друг с другом, не так ли, хён?

— Пффф... — выдыхает хён, окинув взглядом Юну.

— Что-то я начинаю сомневаться в этой затее, — задумчиво говорит он, — вчера это выглядело как-то иначе...

Юна чуть приподнимает брови.

\* \* \*

*Время действия: вечер того же дня.*

*Место действия: комната сестёр. Юн Ми в чёрном мужском костюме, наклонив голову к плечу, рассматривает себя в зеркале. В комнату входит Сун Ок.*

— Ой! Юна, это ты? — немного растерявшись от неожиданного вида сестры, спрашивает онни.

— Угу, — мычит в ответ та, продолжая задумчиво разглядывать своё отражение.

— Что это у тебя за одежда? Купила?

— Да, — на мгновение задумавшись, согласно кивает Юн Ми, — купила.

— Это ведь мужской костюм? Зачем он тебе?

— Для работы, — вздыхает Юна, — дресс-код.

— А-а... — понимающе кивает Сун Ок, — ясно. А что, разве женских не было? Почему — мужской? Ты в нём совсем на парня похожа.

— Мужской получилось купить дешевле, — поясняет Юна, — И в компании в основном мужчины работают. Поэтому, купила его. Мне разрешили, онни.

— Ну, раз разрешили, тогда ладно, — кивает Сун Ок, — и сколько он стоит?

— Ммм... Двести долларов.

— У-уу, не дешёвый!

Покачивая головою, Сун Ок подходит к сестре и проводит ладонью по пиджаку на её спине.

— Хорошая ткань, — говорит она, — приятная. Выглядит, как на дорогом костюме.

— Да, — соглашается с ней Юна, — не колючая.

— Мама сказала, что ты дала ей триста тысяч вон?

— Да.

— Ты молодец, Юна! — Сун Ок обнимает и крепко прижимает к себе сестру, — ты такая молодая но уже зарабатываешь и помогаешь семье. Это правильно. Но тебе обязательно нужно учиться. С дипломом ты будешь гораздо больше зарабатывать, чем сейчас.

— Нет, *онни*, — отрицательно покачала головою Юн Ми, — я знаю, чем я буду заниматься. Я стану *айдолом*.

— Опять ты про это! — возмущённо взмахивает руками *онни*, выпуская младшую сестру из объятий, — мы же с тобою ходили в караоке! И танцевать пробовали! Неужели ты не видишь, что это не для тебя?!

— Почему — не для меня? — пожимает плечами Юн Ми, — просто путь к вершине будет несколько сложнее, чем хотелось бы. И всё.

— Ну что ты за упрямая такая! Всегда, как начнёшь упрямиться!

— *Онни*, а какая я была? — повернувшись от зеркала к Сун Ок, неожиданно спрашивает Юна.

— Что значит — какая? — не понимает та, растерявшись от странного вопроса.

— Ну... какой у меня был характер? — поясняет Юн Ми, — понимаешь, я не помню...

— А, а, ты об этом? Я же тебе уже рассказывала. Ты весёлая, трудолюбивая...

— Всегда-всегда? А когда у меня было плохое настроение? Какая я была тогда?

— Плохое настроение? Плохое настроение... Когда у тебя плохое настроение то я бы не сказала, что у тебя хороший характер... — припоминая, задумчиво говорит Сун Ок, — я бы даже сказала, что у тебя непростой характер. Ты тихая, тихая, хорошо себя ведёшь, а потом каа-ак сделаешь, что-нибудь такое! Что люди совсем от тебя не ожидали! Например, один раз ты взяла на улице палку и побила ею *ачжуму*, которая

проходила мимо тебя. Но ты тогда маленькая была, в школу ещё не ходила. А в младшей школе ты подралась с мальчиком и сильно его покусала. И ещё разбила стекло в классе. Камнями кидалась. Маме было так стыдно за тебя перед учителями! Тебя хотели даже из школы исключить! Но потом ты стала ходить в школу, и всё стало хорошо. Ты больше не дралась и камнями не кидалась...Ещё, ты иногда бываешь очень упрямой. Тогда ты никого не слушаешь. Даже маму.

— А дядю?

— Дядю ты всегда слушаешь, — улыбается Сун Ок, — Юна! Ну, правда, бросай уже эту глупость стать *айдолом*! Смотри, сколько ты денег заработала! И меньше чем за месяц! Будь у тебя диплом, ведь больше бы было! Зачем упрямится? Ты ведь даже танцевать не можешь так, как другие девочки это умеют. А без умения танцевать ни в одно агентство не возьмут!

— Научусь!

— Юн Ми, почему ты не слушаешь старших? Вспомни, как ты не могла ходить после аварии! Врач тогда сказал, это последствия травмы. И что они могут долго сказываться. Может, ты потому так плохо танцуешь, что ещё не до конца выздоровела? Подумай! Мне кажется, что тебе нужно сначала вылечиться до конца, а потом уже мечтать о карьере *айдола*. А пока ты выздоравливаешь, ты можешь в это время учиться. Что думаешь, Юна?

— Я думаю, что я об этом не подумала... — медленно говорит Юн Ми, с видом усиленно размышляющего человека.

— Вот и подумай! — обрадованно говорит Сун Ок, от того, что сказанное ею достигло цели.

— Ты завтра пойдёшь на работу в новой одежде? — через пару секунд спрашивает она, видя, что Юн Ми крепко задумалась.

— Нет, — рассеяно отвечает та, — завтра у меня свободный день... Работа начнётся послезавтра. Завтра хочу съездить на *Итэвон*.

— *Итэвон*? — удивилась Сун Ок, — Зачем?

— Читала, что там много иностранцев. Хочу посмотреть. Может, работа, какая подвернётся...

— Так ты же уже работаешь?

— Мало ли... Вдруг, что-то лучше найду...

— И что, ты пойдёшь на новую работу? — с удивлением смотря на сестру спрашивает Сун Ок.

— Конечно, — не понимает вопроса Юн Ми, — если будут больше платить, почему нет?

— Юна, ну ты даёшь! — восхищается сестрою *онни*, — за месяц поменяла две работы и хочешь найти новую! Я бы так не смогла.

— Почему, не смогла бы?

— Понимаешь, так не принято. Если человек устроился на работу, то он там и должен работать. На тех, кто часто меняет работу, косо смотрят. Считают, что у человека плохой характер, раз он нигде не может надолго остаться. Потом, доплаты за стаж пропадают. Лучше работать на одном месте. Выгоднее и люди плохого говорить не станут. Поняла?

— Поняла, — кивает Юн Ми, — расскажешь, потом, подробнее, хорошо? А то я сейчас обещала маме помочь.

— Конечно, расскажу, — улыбается *онни*.

Она протягивает руку и треплет волосы на голове Юны.

— Ну... — недовольно говорит та, уворачиваясь из-под её руки.

— Я тоже пойду, помогу маме, — сказала Сун Ок, — пойдём, вдвоём?

— Пойдём, — буркает Юн Ми, — я только переоденусь...

## Шкурка пятнадцатая

*Время: примерно два часа следующего дня*

*Место действия: Итэвон*

Ну что, пора домой? Пожалуй, для первого раза достаточно...

Я критическим взглядом окинул улицу, на которой находился, решая — хватит или ещё пройтись? Наверное, хватит. Думаю, лучше будет вернуться. Устал немного уже, да и время, к вечеру. Вообще-то я планировал приехать сюда пораньше, но пришлось задержаться дома. Оптовик привёз продукты для кухни, и мама попросила помочь их принять и разложить. Что ж, надо, значит надо. Ресторан — главный кормилец. Это автоматически ставит его нужды на первое место. Как говорит народная мудрость — «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда»! А чтобы кушать регулярно, бизнес должен работать непрерывно. Это всё понятно, никаких вопросов тут быть не может, единственно, занимаясь необходимым делом, на *Итэвон* я попал на два с лишним часа позже, чем рассчитывал и мою «туристическую программу» пришлось «урезать».

Парефразируя вопрос *онни* — «чего я попёрся на *Итэвон*?» яей ответил правду. Да, действительно нужно подыскать новое место работы. Через месяц — другой я освобожусь от свалившегося на меня маразма и продолжу свой проект, на который требуются деньги. А ещё, каждый день нужно будет кушать. Хоть меня пока кормят... Вот именно, что пока. Пока кормят, нужно подготовиться к тому моменту, когда это прекратится!

*Итэвон* я выбрал потому, что о нём пишут как самом большом скоплении иностранцев в Сеуле в одном взятом месте. С моими знаниями языков, как не в таком месте искать себе работу? Вот я поехал «на разведку». Посмотреть, примериться, «на зуб попробовать».

*Улица Итэвон*, как говорится о ней в туристическом путеводителе, — это туристическая достопримечательность в самом центре столицы возле горы *Намсан* и рядом с американской базой на *Йонсане*. Строго говоря, если судить по карте, это не улица, а целый район рядом с нею. Изначально *Итэвон* был бедным районом, заселенным в основном беднейшими представителями корейского общества, центром которого и стала американская база, занявшая его значительную часть к югу от *Намсана*. В то время не только этот район, но и вся Корея была довольно бедной страной со слабо развитой экономикой и инфраструктурой, и военная база

самой сильной военной державы неминуемо влекла к себе людей, как источник работы и дохода. Корейцы, работающие на базе и их родственники, стали заселять небольшой участок земли между базой и горой *Намсан*, который так и называли «Хэбанчхон<sup>[41]</sup>». *Итэвон*, который изначально был известен в городе, как притон беднейших социальных прослоек со множеством питейных заведений и услугами ночных бабочек, стал местом «расслабона» американских солдат в свободное от службы время. Ситуация, однако, со временем постепенно менялась. После прокладки метро, район стал более оживленным, здесь начали появляться рестораны, магазины, бары. Тем не менее, все это было целиком и полностью направлено на американских солдат: рестораны были практически полностью американизированы, одежда продавалась только американская, под американский стиль, цвет и размер и т. д. Немногочисленные в то время сеульские иностранцы были рады и этому, поскольку *Итэвон* был единственным местом в Сеуле, где можно было поесть не-корейской кухни и купить не-корейские товары. Однако эволюция района на этом не остановилась. С каждым годом в Корею, и в Сеул в частности, приезжает все больше и больше иностранцев, из самых разных стран и уголков мира (а не только из Штатов). Большинство из них селится именно в районе *Итэвона* или прилегающих к нему районах *Ханнам-доне*, *Ноксапхёне* и *Хэбанчхоне*. Постепенно *Итэвон* стал обжитым местом для многочисленных в Корее English teacher'ов (преподавателей английского языка из англоязычных стран, массово приезжающих в Корею за легкими деньгами в языковых школах), поскольку большинство языковых «хагвонов» находится либо на *Каннаме* (до которого с *Итэвона* 10–15 минут на автобусе по прямой) или в районе *Чонно* (минут 20 на автобусе через *Намсан*). Так, шаг за шагом, *Итэвон* превратился в мультикультурное место, где компактно (но не всегда мирно) проживают самые разные этнические группы и представители самых разных национальностей. Сейчас здесь можно найти рестораны самых различных кухонь: русской, американской (несмотря на то, что понятия «американская кухня» не существует в принципе), азиатской, латиноамериканской, арабской, африканской... Сформировались и появились места, куда ходят только «свои»: рестораны для черных (никакого расизма, просто констатация факта), клубы для арабов и т. д. На данный момент *Итэвон* больше всего напоминает Нью-Йоркский Бронкс (или Гарлем, кому как нравится).

Не удивительно, что именно здесь нашли себя и представители сексуальных меньшинств Кореи: куда еще им идти, как не в этот «центр



разврата», где не работают правила корейского приличия, а публика на 90 % состоит из иностранцев, которые к этим самым меньшинствам относятся весьма толерантно? Поэтому прямо за русским клубом «Рио» и черным «King Club» расположился целый *Homo Hill*, — улица с барами и клубами для тех, кто предпочитает представителей своего пола. Обычно корейцы до последнего держатся за мысль, что в Корее «голубых» нет, но если прийти на *Гомо хилл* в пятницу или субботу вечером — легко убедиться в том, что общеевропейские ценности не обошли Корею стороной.

*Итэвон* — одно из немногих мест в Сеуле, где можно развлечься (если под развлечением понимать поход в бар и клуб), остальные — это район университета *Хондэ* или *Каннам* и *Апкучжон*, и, в отличие от других мест его отличает публика. На 90 % она состоит из иностранцев, со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами, и прежде всего, преступностью, как главным из всех минусов. Будучи скованны рамками незнакомой культуры в будни, в выходные, иностранцы «отрываются» по полной программе и не всегда способы такого «отрыва» легальны. Полицейских, несущих дежурство на *Итэвоне*, особенно по выходным, просто по-человечески жалко...

... Все эти сведения о районе *Итэвон* я почерпнул из блога одного русского мэна, живущего в Корее и периодически делящимся с другими своими впечатлениями об этой стране. Очень интересно пишет и по делу. Не рассусоливает на десять страниц как на других сайтах. И, да, написанное им, соответствует действительности. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Из-за того, что времени на ознакомление с районом у меня было не очень много, и для первого раза я планировал «просто посмотреть», я «быстро пробежался» по *Итэвону*, желая создать общее впечатление, «привязаться к ориентирам» и отметить интересные объекты для дальнейшего, более детального ознакомления.

...Видел вход на пиндовскую военную базу. Ничего зловещего. Никакого «ока Саурана» над крышами не висит. Если не знать что это вход туда, то со стороны, проход выглядит чуть ли не дыркой в заборе. Правда, на заборе колючая проволока...

...Видел магазинчики с русскими названиями, типа «Хорошо», «Продукты». Заходить не стал, поскольку торопился, но сделал заметку в памяти — зайти. Может, у них там — гречка есть? В меню рестораника мамы Юн Ми, я её не видел. Говорят, что за границей России гречку не едят. Не знаю, правда ли это? А гречки, я бы поел. Я её люблю...

...Видел множество всяких непонятных церквей, с названиями,

написанными на английском языке. Сложилось такое впечатление, что на *Итэвоне* их столько же, сколько и кафешек...

...Видел вмурованные в тротуар таблички стран с названиями, картами, флагами и приветствиями на национальных языках. Вариант американской «аллеи звёзд»? Попалась на глаза «русская табличка». Сверху написано большими буквами — «ЗДРАВСТВУЙТЕ», а внизу, буквами поменьше — «*RUSSIA, MOSKVA*»...

...Видел из-за крыш домов, белые стрелы минаретов какой-то мечети. Совсем недалеко от этого места, на крыше какого-то кафе увидел здорового рекламного поросёнка розового цвета. Тихо, мирно. Никто не бегают, не возмущается. Ещё, у дверей очередной едальни, видел сделанную из металлических полос скульптуру бегемота с широко открытой пастью. Это что, скрытый намёк на то, что в действительности хозяева думают о своих посетителях? Нашли же, что у дверей поставить...

... Видел клубы и рестораны с русскими названиям. Тоже сделал заметку в памяти. Может. Посещу как-нибудь, когда с деньгами станет получше. В интернетах пишут, что там дорого. На *Ното Hill* я заходить не стал, времени уже почти не было, да и не интересно мне это...

В итоге, моё первое впечатление о районе *Итэвон* — шумно, пёстро, много магазинов и мест, где можно покушать и посидеть. Если идти гулять с экскурсией на *Итэвон*, это можно легко часа на три зависнуть, как минимум. А то и на все четыре-пять. Это, считай, сто баксов заработка в день, как минимум... Эх, если бы идиота Ши Юна не замели, можно было бы тут неплохо зарабатывать! Своё агентство открыть, что ли? Только вот где экскурсантов потом брать? Реклама, борьба за клиентов, за репутацию, выплата налогов, сама работа... Будешь целый день как савраска носиться, язык на плече. Всё время на это и уйдёт... Бизнес есть бизнес. Чтобы он работал — придётся впахивать. На *айдолство* времени уже не останется. Однако, эта мысль светлая уже лишь только потому, что почти вся прибыль будет в моих руках. Нужно подумать, как это сделать «дёшево и сердито». Чтобы и деньги были и на жизнь ещё время оставалось. И что бы законов не нарушать... Ха! Похоже, как бы мне не хотелось этим заниматься, но изучение законов придётся поставить на первую позицию в моём списке — «нужных и полезных для себя дел». А то так и буду тыркаться как слепой котёнок. Как с Чжу Воном. Чёрт его знает, может он меня где-то и «наколел», с этим судом? Но я ж законов толком не знаю. В принципе, как оно, должно быть, представляю, но тут другой мир, другая страна. Наверняка есть отличия от того, что было у меня дома. Считаю, что в такой ситуации я поступил правильно, не став «лезть в бутылку». Я даже где-то,

как мужчина мужчину, могу его понять, с этой эго женитьбой. Если бы меня, например, на Гречкиной в принудитивку заставили жениться, я бы тоже, пожалуй, мог геем прикинуться, лишь бы избежать такого «подарка». Это же на всю жизнь! Лучше месяц-другой позора, чем пожизненная каторга... Не, Чжу Вон, мудень ещё тот, конечно, так обращаться с людьми. Но это его проблемы. Если подумать — он же мажор. С карманами набитыми деньгами, и самомнением до луны, которое у него всю его жизнь усиленно возвращали окружающее. У таких, как он — мозги по-другому устроены. Основной их посыл — ему все должны, а он может соизволить снизить. В кабаках, подобных индивидуумов достаточно повидал. Как выпьют — так вообще, он пуп земли и нужно спрашивать разрешение, чтобы рядом с ним дышать. Да и чёрт с ним, с этим Чжу Вон! Месяц проболтаюсь, и свалю. Может, что интересное из жизни «верхушки» узнаю. А может, знакомства, какие появятся? Почему бы и нет? Как говорится — если тебе жизнь подсунула лимон, сделай из него лимонад! Мне, правда, сразу объяснили, что Юн Ми — прах у ног падишаха, но там видно будет... Поживём, как говорится, увидим. Получится — хорошо, нет — плакать не стану. У меня свой проект есть. Главное, чтобы ему, моему проекту, кислород не перекрыли...

Так... а это, если судить по номеру, уезжает мой автобус... Да, точно! Блин! Вот чёрт!

Пока я, не спеша, думая о трудностях бытия, «шлёпал» к остановке, от неё ушёл нужный мне маршрут.

Неудачка... И когда будет следующий? Что тут пишут в расписании? Аж через пятнадцать минут! Ффффф... Шевелил бы быстрее ногами, оказался бы на четверть часа дома раньше! Ладно, что поделаешь? Посижу пока на скамеечке, подожду. Вся жизнь, это цепь упущенных возможностей...

Я сел на металлическую скамеечку на пустой остановке и с удовольствием вытянув ноги, опёрся спиной о стеклянную стенку. Суетиться и искать альтернативный маршрут, смысла не было. В этом районе я первый раз, маршрут у меня жёстко записан, других вариантов ему, кроме такси, не имею. Лучше пятнадцать минут подождать, чем начать экспериментировать и уехать не пойми куда, на два часа времени. Тем более, что коль написано, что автобус будет через пятнадцать минут, то через пятнадцать минут он будет стоять у остановки. Не знаю, как они этого добились, но с соблюдением графика движения — тут просто шаманизм какой-то! Автобусы ходят с точностью — плюс минус одна минута. И никого это тут абсолютно не удивляет, кроме меня. А я вот никак

не могу к этому привыкнуть. Не могу понять — как можно соблюдать расписание? А пробки, а посадка пассажиров? Как это можно всё учесть? Это же фантастика, самого чистого разлива!

Ммм? А это что такое? Музыкальные инструменты?

Неожиданно мой рассеяно-блуждающий взгляд наткнулся на узкую вертикальную вывеску, которая установлена на стене в конце длинного дома через дорогу так, чтобы была видна с проезжающих машин. На её белом фоне, сверху вниз, чёрными иероглифами написано — «Музыкальные инструменты» и ещё один иероглиф, переводящийся как б/у. Внизу, вывеска заканчивается большим треугольником, видно изображающим стрелку.

Бэушные инструменты? — подумал я, — лениво разглядывая рекламу.

Сходить, что ли? Вдруг он там лежит на полке и ждёт меня? Нужно только встать и перейти дорогу. Вряд ли, конечно, но всё равно 15 минут делать совершенно нечего... А до магазина — 25 метров максимум...

Ещё немного поколебавшись — вставать или не вставать с уже «обжитой лавочки» я вздохнул и поднялся на ноги.

Схожу! Посмотрю. Ещё неизвестно, когда я тут снова окажусь...

Я перешёл дорогу и, пройдя вдоль дома, дошёл до вывески. Под остриём указывающей вниз стрелки, обнаружился вход в подвал, в котором располагался магазин. Спустившись по короткой лестнице, я открыл звякнувшую колокольчиком дверь и вошёл внутрь. Небольшое помещение, плотно заставленное стеллажами, на которых лежат разного размера и разных фирм синтезаторы, по стенам развешены яркие электрогитары. В углу — барабанная установка. Тихо, пусто, никого. Окромя продавца. В воздухе пахнет пылью, пластиком, лаком и *кимчи*. Тесно. Продавец за стойкой — плотненький мужчина с лысиной и остатками волос на висках, поднял голову от какой-то книги, которую читал и окинул меня оценивающим взглядом круглых глаз.

— Доброй день, *аджосси*, — улыбнувшись, изобразил я головой местный поклон-книксен, — я тут посмотрю?

— Смотри, — чуть пожав плечами, равнодушно сказал он и вновь уткнулся в книгу.

Получив разрешение, я неспешно пошёл по узкому проходу между стеллажами, рассматривая лежащие на полках «клавиши». Roland, Yamaha, Simbo, Casio... Неплохие фирмы, хулить не стану. У всех у них есть удачные модели, есть не очень... Но мне вот хочется взять знакомый инструмент. Пусть это моё личное заблуждение, но его звук мне кажется самым лучшим. И ещё, я знаю, что с ним, я смогу сделать всё, что мне

нужно по музыке. Поэтому, мне нужен... KORG! King KORG!!

В тупичке из стеллажей, в который, похоже, заглядывают лишь по случаю, сбоку, на самой нижней полке, лежал «король», тускло отсвечивая белыми клавишами...

\* \* \*

*Время: тогда же*

*Место действия: Итэвон.*

*Магазин подержанных музыкальных инструментов. У синтезатора, лежащего на подставке возле прилавка, торгуются Юн Ми и продавец.*

— Сколько он стоит, аджосси?

— Три миллиона вон, — отвечает продавец не моргнув глазом.

— Скооооока?!

Юн Ми вытаращивается на продавца.

— Три тысячи долларов. Так тебе — понятнее?

— Аджосси, вы что — «странный»? У него же всё брюхо разбито!

Внутренности видны. Детальки выпадают...

— Девочка, это ты «странный». Новый — шесть тысяч баксов стоит. Хочешь, я тебе рекламку дам отличного магазина? Сходишь, целый себе купишь.

— Аджжжж! Аджосси, я ведь несовершеннолетняя. А вы толкаете меня к проституции!

— С чего это?

— Где я вам ещё смогу заработать такие деньги, кроме как встав на путь порока?

— Начни экономить на школьных завтраках!

— Пффф... Хорошо, так и быть — уговорили! Я подпишу вам три автографа. С указанием даты. Когда я стану звездой, вы продадите их, минимум, по пять тысяч баксов каждый! Идёт?

— И когда это случится? Когда ты станешь звездой?

— Ну... Думаю, что в ближайшие пару лет!

— А до этого я, по-твоему, не должен ни есть, ни пить? И светом не пользоваться? И бачок в туалете не смывать? Да?

— Аджосси, вы разбиваете моё юное сердце!

— Язык-то, смотрю, у тебя хорошо подвешен. И от скромности — не умрёшь. Ты же себе не игрушку покупаешь, так? Если бы для баловства —

купила бы CASIO с подсветкой клавиш. А ты — профессиональный инструмент берёшь. Хочешь на нём зарабатывать и жизнь строить? Плати!

— Мм... Тут кровь где-нибудь принимают?

— У тебя не возьмут. Маленькая ещё.

— *Аджжжжж*! А если — скелет свой продать?

— Попробуй. Правда, не представляю, кому сейчас такое может понадобиться... Слышал — органы продают, да. А скелет...

— Органы мне самой пригодятся!

— А я тебе и не предлагаю!

— Тысяча долларов.

— Три и не меньше.

— Да он же вам наверняка даром достался! Ну, признайтесь, что вы его из помойки вытащили? Разве можно быть таким жадным?

— Так, всё! Пошла отсюда!

— *Аджосси*, вы выгоняете единственного клиента готового купить вашу рухлядь?! Ушам не верю!

— Вон отсюда!

— Две тысячи!

— Три!

— *Аджжжжж*... ну хорошо. Я могу ещё помыть у вас пол. Может, даже целых два раза...

— Убирайся! Видела бы тебя сейчас твоя мать!

— Две двести!

— Вон!

— Две триста.

— Я сказал — три тысячи!

— Ну, хоть сто баксов-то скиньте! Что же это такое?!

— Хорошо, две девятьсот пятьдесят! И ты ещё здесь уберёшься. Два раза!

— Аа...й, ладно, договорились!

Юн Ми сокрушённо мотает головой и машет рукою.

— Отложите мою покупку, а я пойду за деньгами. До свидания, *аджосси*!

— Эй, эй! А убираться когда будешь?

— Как деньги найду. Если не найду — зачем мне тогда убираться? Вы такой странный, *аджосси*...

— Кто тебя только воспитывал?

— Я сама себя воспитываю.

— Да я и вижу. Вот уж не завидую твоему будущему мужу!

— Не завидуйте. Уверенна, что в этом веке, герой, способный стать моим мужем, просто не родится.

— Тшшш... Оно и видно! Если через две недели деньги не принесёшь — я его продам! Слышала?!

— Да слышала, слышала...

....

— Блин! Где взять три тысячи долларов? — по-русски произносит Юн Ми, выйдя из подвала на улицу и жмурясь от солнечного света, — Чёрт! Опять мой автобус уезжает! Да что же это такое сегодня?

\* \* \*

*Время: на следующий день*

*Место действия: Небольшой зал кафетерия в одной из гостиниц в районе Кангман. На полу — искусственное ковровое покрытие с разноцветным рисунком. Круглые лакированные столики тёмного дерева. У каждого столика — по четыре кресла с плетёными спинками и включенный торшер с большим жёлтым абажуром для создания уюта. За одним из столиков сидит с сонным видом Чжу Вон и девушка. Судя по тоскливым глазам парня, он явно скучает.*

— Ты очень любишь кофе, верно? — с улыбкой говорит девушка, обращаясь к Чжу Вону.

Выглядит так себе, — думает о ней про себя тот, неторопливо кивая, — и слишком много болтает... Господи, прошло только пять минут, а мне уже так скучно...

— Говорят, что я похожа на Минг Ё Ён, — продолжает общения девушка всё так же дружелюбно улыбаясь, — я правда на неё похожа?

Чжу Вону, насупившись, молчит.

— Похожа? — требует признать её слова девушка.

Чжу Вон молчит.

Пауза.

— Извини меня, — улыбаясь, говорит девушка, — я ненадолго отойду.

Чжу Вон согласно кивает. Девушка встаёт из-за столика и уходит, направляясь в туалет. Как только она скрывается из виду, Чжу Вон резко оживляется. Сделав на лице смешную гримасу, он достаёт из внутреннего кармана пиджака телефон и делает по нему звонок.

— Готова? — спрашивает он, дождавшись ответа.

Получив утвердительный ответ, говорит: Шоу начинается! Вперёд!

\* \* \*

*Время: тогда же*

*Место действия: Коридор отеля.*

*Из-за квадратной колонны выглядывают Чжу Вон и Юн Ми, ожидая жертву. Наконец, в коридоре появляется нужная девушка.*

— Идёт! — говорит Чжу Вон заметив её.

Он разворачивает Юн Ми к себе лицом, спиной к девушке.

— Тихо! Никаких ошибок. Сразу делай всё как нужно! — говорит он, сжимая голову Юны в ладонях.

— Хорошо, — морщится та, отпихивая его руки.

Чжу Вон обхватывает Юн Ми левой рукою за талию, а правой — за шею и тянет к себе.

— Что ты делаешь?! — возмущается Юна, упираясь в него руками, — мы так не договаривались!

Чжу Вон наклоняет свою голову к левому плечу.

— Быстро поверни голову, — шипит он, не обращая внимания на её протест.

Секунду поколебавшись, Юна наклоняет голову в ту же сторону, что и он.

— Думаешь, это смешно? — сердито шипит Чжу Вон.

— Ты просил повернуть голову! — не понимает Юн Ми, — я и повернула. Что не так?

— В другую сторону, — шипит Чжу Вон, — как будто целуемся, идиотка!

Сообразив, что нужно делать, Юна наклоняет голову к левому плечу. Пара замирает в такой позе.

Идущая по коридору девушка натывается на них взглядом и останавливается в недоумении. Она никак не ожидала увидеть в таком отеле так вульгарно себя ведущих людей. Тем более, что они вроде бы... мужчины?!

В этот миг, Чжу Вон Выглядывает из-за Юн Ми, давая увидеть себя. Увидев девушку, он делает испуганное лицо и выпускает из рук Юну. Та тоже поворачивается. Девушка видит перед собою двух парней. Немая пауза.



— Ах ты, мерзавец! — приходит в себя девушка.

Поудобнее перехватив большую сумку, которая была у неё в руках, она решительно устремляется к парочке.

— Эй, подожди... — начинает было Чжу Вон.

— Бац!

Первый удар достаётся Чжу Вону.

— Бац!

Второй приходится на долю Юн Ми.

— Бац! Бац! Бац!

Девушка, с удовольствием, вкладывая душу, дубасит Чжу Вона, прижатого к стенке. Юна, потирая ушибленное плечо, отскочила метра на два в сторону и с сочувствием наблюдает за экзекуцией.

— Постой! Подожди, — говорит Чжу Вон, выставив вперёд руки и пытаясь взять контроль над ситуацией, — приличным леди не стоит так делать!

— Кто сказал, что я должна ждать?! Яя-я! БаЦ!

Девушка удачно попадает сумкой парню по голове. То хватается руками за голову и сгибается.

— Бац! Бац! Бац!

Девушка с удовольствием ещё секунд тридцать избивает не сопротивляющегося Чжу Вона сумкой, и под конец, пинает его в ногу.

— Уу-у! — воя и ухватившись за колено, Чжу Вон падает на пол.

Девушка несколько секунд думает — пинать поверженного врага или нет, но, похоже, решает, что это будет слишком.

— Мерзавец! — громко говорит она и, закинув сумку на плечо, удаляется, гордо подняв голову вверх и презрительно фыркнув напоследок.

— Шеф, ты как? — присев на корточки рядом с Чжу Воном, осторожно спрашивает Юн Ми.

— Она ушла? — интересуется тот, открывая один из зажмуренных глаз.

— Угу...

— Вот дура, — говорит Чжу Вон, ставая на ноги и начиная оттряхиваться, — представляю её своею женой! Это же постоянные спаринги будут, а не семейная жизнь!

— Так ты притворялся?! — доходит до Юны.

— А ты что, действительно думала, что меня может сбить с ног женщина?

— Ну... ты упал. А зачем ты притворялся?

— Она имела право на компенсацию, — поясняет Чжу Вон закончив

оттряхивать брюки и смотря на свои ладони, — похоже, всё получилось! Она поверила, что ты — парень! Ты не безнадёжна, как актриса!

Чжу Вон улыбаясь, несильно, по-дружески, толкает Юну в плечо.

— Тшшш, — шипит та, хватаясь противоположной рукою за место толчка, — не знаю как ты, а она меня огрела, дай бог! Что у неё там в сумке? Кирпичи?

— Издержки профессии, — усмехаясь говорит Чжу Вон, — считай это травмой на съёмочной площадке. Поехали, поедим! Еда — прекрасно врачует раны.

— Поехали! — с энтузиазмом соглашается Юна.

— Вперёд! — приобняв девушку правой рукою командует Чжу Вон.

— Эй, эй! Руки убери! Съёмки уже закончились!

— Ха! Недотрога...

\* \* \*

*Время: тогда же*

*Место действия: стоянка отеля. К большому спортивному автомобилю красного цвета подходят Юн Ми и Чжу Вон. Чжу Вон достаёт из кармана ключи и нажимает на брелок. Машина радостно отзывается блякнанием сигнализации и миганием фар.*

— Вау, твоя машина?! — искренне восхищается Юн Ми.

— Да, — небрежно отвечает Чжу Вон, — *Ferrari F12, Berlinetta*. Кованные колесные диски *Mansory*, подогрев и вентиляция сидений, навигационная система, *premium sound sistem*, камера заднего вида... Много ещё чего...

— Никогда на такой не ездила!

— Видишь, как тебе повезло. Садись! Только руками ничего не трогай!

Парень и девушка садятся в машину.

— Пристегнись, — командует Чжу Вон, запуская двигатель.

— И за сколько секунд она разгоняется до ста километров? — интересуется Юна, пристёгивая ремень.

— За три, — коротко отвечает Чжу Вон, внимательно смотря на приборную панель.

— За три секунды? — поражается Юн Ми, — это же какой у неё тогда двигатель? Восемьсот лошадей, что ли?

— Семьсот сорок, — отвечает Чжу Вон, оглядевшись по сторонам и

трогая машину с места, — тебе что, это действительно интересно? Или ты прочитала книжку — «О чём говорить с парнями?»

— Ничего я не читала! — хмурится Юн Ми, — просто я интересуюсь техникой. Мне это интересно.

— Ты интересуешься техникой? Правда?

— Что в этом такого?

— Странное увлечение для девушки. Обычно, девушки интересуются парнями.

— Я особенная.

— Я уже знаю об этом.

Пауза.

— Чжу Вон — *оппа*, покажешь сотню за три секунды? — просит Юн Ми наклоняясь вперёд и заглядывая в лицо Чжу Вону.

Тот некоторое время обдумывает предложение.

— За город ехать нужно, — наконец говорит он, — в городе негде разогнаться.

— Долго, что ли, выехать?

— Ха! — хмыкает Чжу Вон, — бензин денег стоит! Заправишь полный бак, покажу...

— У тебя нет денег на бензин? — поражается Юна.

— Всех катать никаких денег не хватит. Кто ты такая, чтобы я тебя катал?

— Пффф... — с обиженным видом выдыхает Юна, откидываясь на спинку сидения.

— Ну и ладно, — через секунду говорит она, — стану *айдолом*, куплю себе что-нибудь получше этого. Буду сама ездить.

— Тцсс, — насмешливо тсыкает Чжу Вон, — ты точно — особенная! Эта машина стоит восемьсот пятьдесят тысяч долларов. Думаешь, сможешь заработать такие деньги?

— Запросто! — отвечает Юна.

— Ну-ну, посмотрим! — всё так же с насмешкой в голосе отвечает Чжу Вон, — пока ты даже улыбаться не можешь.

— Не могу улыбаться? Как это?

— Девушки-*айдолы* всегда улыбаются. А ты не улыбаешься. Не умеешь? Значит, никогда *айдолом* не станешь.

— Это так важно, уметь улыбаться, чтобы стать *айдолом*?

— Конечно. В жизни всегда нужно улыбаться. Кому-то искренне, кому-то назло. Научись для начала делать хотя бы это. Говорят, улыбка привлекает удачу. Разве ты не слышала о таком?

— Ммм... наверное слышала.

\* \* \*

*Время: тот же день, чуть позже.*

*Место действия: небольшой ресторанчик, специализирующийся на мясных блюдах.*

— Это хорошее место, — говорит Чжу Вон, усаживаясь поудобнее на полу за низким столиком, — мне тут нравится. Можно заказать любое мясо. Даже мясо бегемота.

— Любое? — задумывается Юн Ми, сидящая напротив, — что, правда?

— Ну, про бегемота я пошутил, — говорит Чжу Вон, — но любое мясо, которое едят люди, можно заказать.

— Что будете заказывать? — спрашивает подошедшая официантка, сгибаясь в вежливом поклоне.

— А можно у вас заказать говядину без соуса? — спрашивает Юн Ми.

— Без соуса? — удивляется официантка.

— Да. Мясо, солёное, слегка перчёное, но без всяких соусов. Просто мясо.

— Хорошо, — кивает головою официантка, — что ещё?

— И... пива, — говорит Юн Ми, заглядывая в меню, — Cass, разливное, пол-литра. Попробовать...

— Но... — говорит официантка, растерянно посмотрев сначала на Чжу Вона, потом на Юн Ми, — но, ведь...

— Чего? — перебивает её Чжу Вон, обращаясь к Юне, — пива? Какого ещё тебе пива? А ну, посмотри на себя, сколько тебе лет?! Пива! А по шее ты не хочешь получить?!

— Кока-колы принесите ей! — командует он официантке, — а мне порцию говядины в бамбуковом соусе, чёрной лапши с креветками и апельсиновый сок!

— Хорошо, господин, — кивает головой девушка-официантка, быстро записывая в маленьком блокнотике заказ, — что-то ещё? Девушка мало заказала.

— Ей больше нельзя, — недовольно посмотрев на сидящую с изумлённым видом Юн Ми, говорит Чжу Вон, — она собирается стать айдолом, поэтому, она на диете...

— Правда? — с интересом глянув на Юн Ми говорит официантка.

— Да. Спасибо. На этом всё. Если что-то ещё понадобится, я закажу дополнительно.

— Спасибо, господин.

Поклонившись, девушка уходит.

— И что это значит, Юн Ми? — строго смотря на Юну, спрашивает Чжу Вон.

— Что, что значит? — надувшись, переспрашивает та.

— Этот твой заказ пива. Ты что — алкоголичка?

— К жареному мясу пиво хорошо идёт! Чтоб ты знал...

— Кто тебя только воспитывал?! Школьница, пьющая пиво! С ума сойти! Ты падшая женщина?

— Не нужно ставить знак равно между пивом и падшей женщиной! Пиво — это просто напиток!

— Алкогольный, дурында! Разве не знаешь, что женщинам алкоголь вреден? Особенно девушкам? Это потом плохо сказывается на детях.

— В мои планы — рожать не входит! — огрызается Юна.

— Это пока. Вы, девушки, никогда не думаете о последствиях. Живёте «только сейчас». Потом, когда наступают эти последствия — плачете, пытаетесь вызвать жалость. А всё от того, что вы не пользуетесь своим мозгом как нужно...

Чжу Вон с нравоучительным видом поднимает вверх указательный палец.

— Ой, да ладно, — кривится Юн Ми глядя на этот палец, — нормально мы им пользуемся!

— Что-то я по тебе это не вижу. Надо же — пиво заказать! И ещё возмущается, когда ей старший говорит. Что у тебя за воспитание?

— Ты не моя мама, чтобы читать мне нотации!

— Пффф... Нет, нужно точно рассказать твоей матери о твоём поведении! Чтобы она выдрала тебя хорошенько, пока надежда сделать из тебя приличного человека совсем не пропала...

В этот момент приносят заказ — сырое мясо в тарелочках, салаты и напитки. Молодые люди перестают выяснять отношения и приступают к трапезе. На круглую жаровню, стоящую посреди стола они выкладывают кусочки мяса и начинают их жарить, переворачивая палочками.

— Эй, эй! Это мой кусок! — возмущается Юна, увидев как Чжу Вон утаскивает в свой рот мясо, с принадлежащей ей половины жаровни.

— Ну ты и жадная, — говорит Чжу Вон, задумчиво жуя украденный кусок, — что такого, если твой *сонбе* возьмёт себе кусочек — попробовать?

Тем более, ведь за еду платит он. Ты как из дикого леса выбралась, никаких манер. Во! Придумал! Я буду звать тебя — *зверёныш*. Отличное прозвище для тебя. Такая же мелкая, дикая и пронируливая. Ну, что скажешь? Как тебе твоё прозвище?

— Пффф...! — отвечает на его вопрос Юна, окатив парня презрительным взглядом, — я так понимаю, что для *сонбе* — прозвища придумывать нельзя?

— Правильно понимаешь, — с видом восточного мудреца кивает Чжу Вон, продолжая жевать.

— Пффф!

— Гадость, — резюмирует три секунды спустя Чжу Вон, прожевав и проглотив кусок Юны, — безвкусно. Как такое можно есть?

— Не нравится — не ешь, — хмуро отвечает Юн Ми, подгрребая палочками свои кусочки мяса на жаровне поближе к себе...

\* \* \*

*Время: чуть позже.*

*Место действия: там же. Чжу Вон заказал себе кофе и мороженное, Юне — только кофе.*

— Сладкое — портит фигуру, — с оттенком злорадства в голосе говорит Юна, наблюдая за тем, как Чжу Вон ест мороженное.

— Вот именно, — кивает тот, — ты должна быть мне благодарна за то, что я забочусь о тебе, хотя ты этого совершенно не достойна. Думаю, что мне крупно повезло, что ты решила стать *айдолом* и сидишь на диете. Представляю, на сколько денег ты бы сейчас наела, если бы не это.

— Я не говорила, что сижу на диете!

— Не сидишь? Это ты зря, *зверёныш*... Так *айдолом* не стать, хе-хе...

Юна ничего не отвечает на подколку и подносит к губам чашку с кофе.

Чжу Вон окидывает её внимательным взглядом.

— Скажи, — спрашивает он, — а чего ты так упиралась, когда мы изображали поцелуй?

— А что, ты ожидал, что я брошусь в твои объятия?

Чжу Вон задумывается и берёт за ручку чашку с кофе, поднимая её со стола.

— Малявка, а ты с кем-нибудь вообще целовалась? — спрашивает он, с усмешкой глядя на девушку поверх белой шапки пены.

— Тебе что за дело до этого? — сердится Юна.  
— Хм, судя по твоей реакции, вижу, что нет...  
— И что с того?  
— Хочешь, научу? — неспешно, с видом сытого кота, лениво предлагает Чжу Вон, отхлёбывая кофе.  
— Ха! С чего такая щедрость?  
— Ну, я вдруг подумал, что мог бы оказать тебе благотворительность. Первый поцелуй с наследником «Sea group» это ведь, несомненно, лучше, чем первый поцелуй с каким-то никому не известным школьником. Ты сможешь потом гордиться этим всю свою жизнь. Будешь хвастаться перед подругами. Что думаешь?  
— С чего ты решил, что твои губы отличаются чем-то от миллиона других мужских губ?!  
— Откуда тебе об этом знать? Давай, попробуй! Потом сравнишь.  
— У тебя мания величия?  
— Нет. Я реалист. Девочка, ты понимаешь с кем ты сейчас сидишь за одним столом?  
— Ты мне должен пятьсот баксов! — выставив вперёд указательный палец, и направив его на собеседника, внезапно меняет тему разговора Юна.  
— Почему?! — искренне удивляется Чжу Вон, отставляя в сторону чашку с кофе.  
— За сексуальные домогательства!  
— Какие ещё домогательства?  
— Ты только что словесно склонял меня к поцелуям!  
— Это была благотворительная акция, — усмехается Чжу Вон, — от которой ты только что отказалась, потеряв единственный шанс в жизни на уникальный приз. Получив твой отказ, я снимаю своё предложение и не настаиваю. Одно предложение — один отказ. Всё честно. Так что, ничего я тебе не должен... И никаких домогательств.  
— Пффф...!

\* \* \*

*Время: ещё чуть позже.*

*Место действия: на выходе из ресторанчика.*

— Поехали, — предлагает Чжу Вон стоящей рядом с ним Юн Ми, — я

довезу тебя до ближайшей станции метро.

— Я лучше на автобусе, — хмуро отвечает девушка, отворачиваясь в сторону.

— Обиделась? Зря, — улыбнувшись, говорит парень, — похоже, ты не знаешь, что *айдолы* никогда не обижаются. Особенно те, кто ими ещё только становятся. На всё, чтобы им не сказали, они должны кланяться и благодарить, благодарить и кланяться. И делать то, что скажут. Только так. *Айдол* и гордость — вещи мало совместимые. Поэтому, садись в машину. Я отвезу. И согласишься, что после обеда ехать на феррари гораздо приятнее, чем трястись в автобусе.

Юн Ми несколько секунд раздумывает, потом, нахмурившись, идёт за Чжу Воном к машине.

— Мне нужен контракт, — мрачным голосом говорит Юна, когда они выезжают со стоянки на дорогу, — дома хотят, чтобы у меня был подписанный договор на работу.

— Контракт? — на пару мгновений задумывается Чжу Вон не отвлекаясь от дороги, — что ж... Можно сделать тебе контракт. Раз ты сегодня не провалилась, то надеюсь, дальше будет так же. Поэтому, я вполне могу взять тебя... секретарём-помощником на испытательный срок. На месяц. Как мы договаривались.

— Сонбе! Ты же вроде говорил о двух месяцах? — напоминает ему Юна.

— Я говорил — максимум два месяца! — отвечает тот, — уверен, что всё случится за месяц. Дольше от бабушки это скрывать не получится.

— А что потом? — спрашивает Юн Ми, — что будет потом для тебя, когда она узнает? Тебя разве не заставят больше жениться?

— Ну... — задумчиво говорит Чжу Вон, — месяц на эту игру, потом скандал, возможно, бабушка не будет со мною разговаривать неделю. Может, даже две. Это было бы очень хорошо. Потом, она будет убеждать свадебное агентство и знакомых, что это всё не так... На борьбу со слухами месяца два уйдёт точно... А потом я пойду в армию... Надеюсь, что за два года моего отсутствия брат с женою сделают ребёнка и от меня отстанут...

— В армию? — поражается Юна, — ты пойдёшь в армию?

— Да. А что такого? Что тебя так это удивило?

— Ну, ты же из богатой семьи! И ты пойдёшь в армию?

— Хочешь сказать, — прищуривается Чжу Вон, смотря на дорогу, — что я буду использовать деньги и влияние своей семьи, чтобы не пойти в армию? Так?

— А что в этом такого? — искренне не понимает Юн Ми.



— Ты точно, из дикого леса, — немного помолчав произносит Чжу Вон, — как можно говорить такое парню? Скажи спасибо, что у меня руки заняты рулем, и я не могу сейчас дать тебе затрещину. Но я это обязательно сделаю, когда остановлюсь. Поняла?

— Не, ну... А что я такого сказала?

— Ты безнадёжна, — вздыхая, огорчённо крутит головою Чжу Вон, — говоришь такие вещи, словно ты всегда в другой стране жила. Не-е, не стать тебе *айдол*ом! Один раз рот свой перед камерами откроешь, глупость такую скажешь и всё. Вся твоя карьера на этом и закончится.

— Мда? — озабоченно произносит Юна и задумывается.

В машине на некоторое время наступает тишина.

— *Сонбе*, — нарушает её Юн Ми, — я не хотела сказать ничего такого. Просто так получилось.

— Слово — «прости», оно отсутствует в твоём словаре?

— *Сонбе*, прости меня, — немного подумав произносит Юна, — я не хотела тебя обидеть.

— Хорошо, на первый раз прощаю, — кивает головою Чжу Вон, — думай в следующий раз, что говоришь. И слово «прости», употребляется вместе со словом «пожалуйста». Поняла?

— Да, *сонбе*, — не спорит Юна, — поняла.

— Ну надо же, — хмыкает Чжу Вон глянув на девушку.

Ещё молчание.

— *Сонбе*, — вежливым голосом говорит Юна, — можно мне задать тебе вопрос?

— Попробуй, — хмыкает в ответ тот.

— Ты ведь из высшего класса, так? Ты бы не мог оценить Юн Ми. Скажи, что ты о ней думаешь?

— Говоришь о себе в третьем лице? — озадаченно произносит Чжу Вон, — странная такая...

— Ничего странного. Я просто хочу, чтобы кто-то из высшего класса оценил меня. Хочу понять, почему такие богатые люди, как ты, всегда смотрят на людей свысока?

— Мда? Я даже не знаю, что тебе на это сказать. Тем более, что ты даже ещё не девушка, а девочка. Ну, хорошо, давай я попробую объяснить, почему я так отношусь к таким людям как ты. Твой наряд... Он даже не из прошлогодней коллекции. То, в чём ты ходишь и нарядом-то назвать даже нельзя!

— И всё? Дело только в одежде?

— Не только, — бросив взгляд на девушку через зеркало заднего вида,

отвечает парень, — не добавляй сахар в кофе, как ты это делаешь. Это изменяет уровень танина и делает кофе кислым, ухудшая твоё дыхание. Кроме того, твой ломанный английский — это ключ к твоему провалу.

— Мой ломанный английский? Разве ты слышал, как я говорю по-английски?

— Да, твой ломанный английский. Или, может, ты училась в какой-то престижной школе? Может, была на стажировке в Англии или ещё где?

— Нет, но...

— Раз ты не училась в *хорошей* школе и нигде не была, значит и английский у тебя такой. Никакой. Совсем не обязательно слушать, как ты говоришь, чтобы это знать.

— А-а, — кивает Юна, — поняла.

— Потом, — продолжает Чжу Вон, — Если ключ от автомобиля представляет статус мужчины, то кольца и часы представляют элегантность девушки. У тебя на руках нет вообще ни часов, ни колец. Впрочем, так может быть даже и лучше, чем носить дешёвку. Если ты купишь недорогую вещь, она всем скажет: «Эй, смотрите, мы дешёвые!». Но всё равно. Если у тебя нет денег на хорошие часы, ты всё равно — «дешёвая». Потом, посмотри на свои волосы! Как давно ты была в парикмахерской, где делают хорошие причёски? Ты вообще когда-нибудь пользовалась масками для волос? А посмотри на своё лицо! Изображать парня оно способно, но иметь такое лицо для девушки — просто ужасно. Ты была у пластического хирурга? Нет? Похоже, ты никогда у него и не будешь! Знаешь, в чём проблема таких людей как ты? Ты была на шоу в Милане? Была на последнем шоу, на Бродвее? Какой твой любимый ресторан Мишлен? Какой твой любимый художник или музыкальный инструмент? Ты даже не понимаешь, о чём я говорю. Если твоя цель — высший класс, как ты сможешь найти с ними что-нибудь общее, если даже не пытаешься жить их жизнью? Как ты сможешь их понять, если ты не делаешь даже этого?

— Ну... — несколько растеряно начинает Юна, — все с чего-то же начинали...

— Согласен, — кивает Чжу Вон, — но это было давно. И с тех пор, условия вхождения в высший класс сильно изменились. Сейчас, богатые имеют всё и сразу. Потому, что они рождаются такими. Потому, что у них есть семьи, старшие которых смогли создать тот достаток, которые сейчас у них есть. А у таких людей как ты, нет ничего. Даже родственников, которые смогли заработать. И ничего у таких людей не будет. Если в прошлом, их семьи не смогли создать богатство, то почему это должно произойти сейчас? Я имею в виду наследственность, если ты не поняла.

Умения передаются с родством. Если дед, прадед, отец — не умели зарабатывать деньги, то, как они научат этому своего потомка? Понимаешь, о чём я?

— В общих чертах да, — кивает Юна, — конечно, можно поспорить...

— Спорить? — искренне удивляется Чжу Вон, — собираешься спорить со старшим? Ты это правда, собираешься делать?

— Ээээ, — озадаченно тянет Юн Ми, видно не зная, что ответить.

— Метро, — говорит Чжу Вон, останавливая машину у тротуара, — завтра у меня свидание там же, в то же время. Ты помнишь?

— Да. Я помню, — с растерянным видом кивает Юна.

— Вылазь тогда. И подумай над тем, что я тебе сказал.

— Да, хорошо, — отвечает Юна отстёгивая ремень, — до свидания, сонбе!

— До свидания.

...

— Ну, я и попал, — пару секунд спустя, по-русски, произносит Юна, ошеломлённо смотря вслед уезжающему красному феррари, — полный фимоз головного мозга... Какие тут тараканы у людей в мозгах-то бегают! Не тараканы, а тараканища какие-то!

## ***Шкурка шестнадцатая***

*Время: восемь дней спустя*

*Место действия: машина Чжу Вона.*

Berlinetta легко скользит по дороге, создавая чувство полёта. Чуть слышный гул двигателя намекает на то, что малышка совсем не напрягается и по лёгкому нажатию педали газа готова выдать гораздо больше. Красная финальная цифра 360 в правом углу спидометра внушает уважение. Да и внутри, для тех, кому технические характеристики ничего не говорят, машина тоже найдёт чем «внушить». Кожаный салон, отделка натуральным деревом, всё подогнано тютелька в тютельку, ни щелочки, ни одной неровной линии. А сиденья, какие классные! Кажется — прямо спину обнимают! Сказка! Нет, разбогатею, обязательно куплю что-нибудь подобное — эксклюзивное и элитное. И ведь это реально! Переводчиком я бы в жизнь на такое чудо не заработал бы, а тут, один удачно проданный альбом и считай, пару лимонов в кармане есть! Могу я потратить миллион на машину, которая мне нравится, или нет? Думаю, что могу. Правда, в данный момент я не знаю где взять три тысячи баксов... Вообще-то знаю, но вот никак не могу решить — стоит мне так поступить? С одной стороны — это же инвестиции в будущее, в ту же семью... Я же всё верну, десятикратно! А с другой стороны, это выглядит не очень красиво... На воровство смахивает. Смахивать-то смахивает, но время-то идёт! Полторы недели из двух заявленных уже прошли, нужно что-то решать. Сомневаюсь, конечно, что продавец возьмёт и продаст синтезатор, больно уж специфичный инструмент. Но чем чёрт не шутит, найдётся ещё вдруг такой же «понимающий», вроде меня и всё. Деньги выложит, инструмент тю-тю! Где потом его опять брать? Думаю, что мне просто дико повезло вот так, случайно, взять и наткнуться. В «интернетах» я так до сих пор никакого внятного предложения не нашёл. И главное — он полностью исправен! На первый взгляд повреждения выглядят просто чудовищно — вся нижняя крышка разбита в «полный хлам». Да так, что пластмасса вывалилась кусками, оставшись чуток посередине и по краям. В дырки прекрасно видно печатные платы, провода и остальные электронные «штучки» инструмента. Когда продавец переносил KORG со стеллажа, одна маленькая зелёная платочка вывалилась из внутренностей и так и провисела всю транспортировку, болтаясь на узком плоском кабеле. Продавец, видно

вполне себе знал о таком нюансе своего товара, потому что, поставив синтезатор на подставку, он заглянул под него, взял рукою эту платочку и аккуратно пристроил её внутри, положив на остатки пластмассового днища. Я, увидев такое, просто в оторопь впал. Но, фантастика! «Король» оказался исправным. Я два часа потратил на то, чтобы «прогнать» его по всем тестам. Результат — никаких нареканий! Ни к звуку, ни к механике клавиш. Как можно было умудриться так разбить ему «брюхо» не задев ничего другого, просто ума не приложу! Мистика какая-то! Короче, меня всё устраивает и нужно брать. Но вот деньги... Взять или не взять?

— Tout pas, tout cas, tout las!

Неожиданно в мой разум проникает криво произнесённая французская фраза

— Tout passe, tout casse, tout lasse! — автоматом поправляю я произношение, продолжая думать о своих проблемах.

— Что?

— Неправильное произношение, — рассеяно поясняю я, — Не pas, а passe! Tout passe, tout casse, tout lasse!

— Что ты сказала?!

Выныриваю из своих мыслей и поворачиваюсь к источнику шума — сидящему рядом на водительском месте Чжу Вону. Натыкаюсь на его изумлённый взгляд. Вытаращиваюсь на него в ответ, мол, — чего надо?

— Что ты сказала? — повторяет он, смотря на меня круглыми глазами.

— Что я сказала? — не понимаю я.

А что я сказал? Ничего я вроде такого не говорил...

— Юн Ми, ты знаешь французский?!

Ох, ёшки-матёшки! Чёрт, зачем я влез? На кой я это сделал? Решил же, что с этим придурком буду помалкивать, пока срок каторги не закончится! И что теперь говорить? Куда стрелки переводить теперь?

— Ну... немножко, — осторожно улыбнувшись сказал я, надеясь при этом, что веду себя как должна вести себя скромная корейская девушка.

— Немножко? Если ты знаешь — «немножко», почему ты тогда поправляешь человека, который три года прожил во Франции, в Париже?

— Простите сонбе, я не подумала! — изобразил я лицом раскаянье, а головой — вежливый поклон.

Ну его нафиг, общаться с этим сверхчеловеком! У него в голове Геббельс живёт с идеей о кастовом превосходстве! Или Борман... Не скажу точно кто, но, кто-то из нациков — точно живёт!

— Хм, — многозначительно хмыкает Чжу Вон и отворачивается к дороге.

Я же сижу и ругаю себя последними словами за свою рассеянность.  
— Ты поняла, что я сказал? — после длинной паузы интересуется Чжу Вон.  
Сказать — не знаю? Тогда зачем поправлял? Понятно будет, что вру.  
— Tout passe, tout casse, tout lasse, — вздохнув, повторяю я французское изречение и говорю, — это можно перевести как — «ничто не вечно под луною!»  
— Хммм, — хмыкает Чжу Вон, — и где ты так научилась?  
— Немножко занималась с самоучителем, *сонбеним*... — вешаю я ему на уши лапшу, чувствуя при этом, что она — «больно горяча». «Уши» Чжу Вона её, похоже, прекрасно ощущают.  
— Что, правда? — оторвавшись на миг от дороги, парень бросает на меня внимательный взгляд, — а почему у тебя такой вид, будто ты врешь?  
Вот чёрт, у этой Юн Ми — всё на лице написано! Ну, она и деревенщина!  
— Это вам кажется, *сонбе*, — говорю я, пытаюсь создать на фейсе непроницаемое выражение и делаю попытку увести разговор в сторону, — а почему вы произнесли эту фразу, *сонбе*? Вы что-то имели в виду?  
— Это так, тебя не касается, — отвечает он и отворачивается к дороге.  
Ммм? Чжу Вончик почувствовал миг приближения расплаты за свою шутку? Сегодня свидание не состоялось. Претендентка не пришла. Похоже, задуманное им у него получилось и слухи распространились достаточно далеко, чтобы начать действовать. Но коль они начали действовать, то теперь следует ожидать «прилёта обратки» от семьи, охреневшей от вскрывшихся обстоятельств. Кто там у них самый страшный зверь? Бабушка, кажется... Ну, вот пусть она его зонтиком и отхреначит... Мозгов добавит...  
— Метро, — хмуро сказал Чжу Вон, останавливая машину, — вылазь!  
— Спасибо *сонбеним*! — вежливо поблагодарил я, отстёгивая ремень, — всего хорошего!  
— Всего хорошего, — ответил он, окидывая меня внимательным взглядом.

\* \* \*

Время: два дня спустя. Вечер.  
Место действия: гостиная дома мамы Юн Ми. Напротив телевизора, подвернув под себя ноги сидят Сун Ок её мама. Пьют чай, смотрят

дораму. В дверях гостиной появляется Юна, с хмурым выражением на лице и, уставившись в пол, останавливается на пороге.

— Юна, дочка, — с ласковой улыбкой оборачивается к ней мама, — где ты ходишь? Почему не смотришь дораму? А почему у тебя такой вид? Что-то случилось?

— Я взяла деньги... — мрачно отвечает Юна и с упрямым видом поджимает губы.

— Что за деньги? — не понимает мама, с недоумением смотря на дочь, — какие ты взяла деньги, Юночка?

— Три миллиона вон, — говорит Юна и, сделав небольшую паузу, делает глубокий вдох, перед тем, как продолжить, — те деньги, что были отложены на моё лечение!

Мама и Сун Ок изумлённо переглядываются.

— Зачем ты их взяла? — не понимает мама.

— Я их потратила. Купила... синтезатор.

Услышав, что она сказала, родные Юн Ми замирают с приоткрытыми ртами смотря на младшую. Первой приходит в себя онни.

— Синтезатор? Зачем он тебе? — не понимает она.

— Учиться играть и писать песни...

— Аа-а! Так это ты для своего айдольства купила?!

Всё недоумение с лица онни исчезает как по мановению волшебной палочки. Теперь оно выражает злость и негодование.

— Ты что, с ума сошла, дурочка!? — напрягая горло кричит на Юну Сун Ок, — я же тебе говорила, что ты должна пойти учиться! Почему ты не слушаешь, что тебе старшие говорят?!

— Сун Ок, не нужно говорить такие слова своей младшей сестре, — растеряно говорит ей мама и обращается к Юне.

— Дочка, как ты могла так поступить? Не сказав ничего ни мне, ни своей онни?

— Я всё верну, — хмуро говорит Юна, смотря в пол, — многократно верну...

— Как же ты вернёшь?! — поражается Сун Ок, — только чтобы научиться играть на музыкальном инструменте нужно несколько лет потратить! Или ты думаешь, что ты сможешь сделать это за месяц?

— Я быстро научусь, — говорит Юна, поднимая взгляд от пола и смотря в глаза сестре, — за полгода научусь. Так будет, онни, поверь...

— У тебя что-то с головою не в порядке, если ты так думаешь!

— Тихо! — говорит мама, наклонившись в сторону старшей дочери и

хлопая её по коленке, — Тихо, не кричи, Сун Ок! Ничего страшного не случилось. Мы вернём инструмент в магазин. Может, если он не дорогой, мы сможем даже оставить его у себя. Музыка, это так красиво. Юна, дочка, сколько ты потратила?

Юн Ми поджимает губы.

— Все, — наконец, нехотя произносит она после паузы.

— Всеее?! — поражается Сун Ок, — Аджжжжжж! Аджжжжжж!

Сун Ок мотает головой и лохматит обеими руками свои волосы, тряся ими во стороны.

— Все? — тоже удивляется мама, — Он столько стоит?

— Это дорогой, профессиональный инструмент. В магазине его цена — шесть миллионов вон. Я его взяла с рук. Всего за три тысячи долларов. Но он стоит этих денег!

— С рук купила?! — поражается *онни*, и тут ей приходит в голову новая мысль, — значит, в магазин вернуть не получится?

Юна отрицательно мотает головой.

— Хозяин инструмента сегодня в обед улетел в Америку, — говорит она, — поэтому, мне так срочно деньги и понадобились...

Сун Ок и мама потрясённо смотрят друг на друга.

— Боже мой, — говорит мама и в глазах у неё появляются слёзы.

\* \* \*

*Время: тот же вечер, только чуть позже*

*Место действия: маленькая кухня в доме мамы Юн Ми. На кухне, мама и Сун Ок.*

— Ну попадись мне только этот гад, — с смотря в кружечку с чаем, с ненавистью в голосе произносит Сун Ок, — зzzзздушу подонка!

— Дочка, не говори так, — устало сложив на коленях руки, произносит сидящая рядом мама, — так не хорошо...

— Не хорошо?! Не хорошо?! А детей обманывать — хорошо? Видела — какие там дырки? Он же ей неисправный инструмент продал! За три миллиона вон! Гад! Сволочь! Негодяй!

— Бог ему судья, — тяжело вздохнув, говорит мама.

— Ма! Ну что ты всегда со всем соглашаешься?! Как так можно?!

— Переживём, дочка, — вновь тяжело вздохнув, с горечью в голосе говорит мама, — и это переживём. Это не первая потеря в моей жизни и



боюсь, не последняя. Денег конечно жалко, но меня больше сейчас волнует Юна. Что с ней стало? Она ведь никогда такой не была! У меня даже и в мыслях не было помыслить, что кто-то из моих дочерей может взять что-то без спроса. И у нас отродясь никогда подобного в доме не было! Что с ней такое случилось? И что теперь с ней делать? Что мне делать, Сун Ок?

Подняв глаза, мама вопросительно смотрит на старшую дочь. Та в ответ хмурится и молчит.

— Я думаю, что это из-за аварии, — наконец говорит Сун Ок, — после неё, она стала очень странная. Совсем на себя не похожая. Мама, ты только, пожалуйста, не волнуйся. Всё будет хорошо. Может, нам нужно сходить к врачу? Ну, который лечит Юну? Рассказать?

— К врачу? — задумчиво говорит мама, — рассказать, что моя дочь взяла без спросу деньги? Со стыда сгореть!

— Мама, Юна так сделала не потому, что она плохая, а потому, что с ней что-то не так! Кто, как не врач может объяснить, что делать? Может, нужно каких-то таблеток попить, или полечиться? А, мама? Не зря же в больнице сказали, что нужно наблюдать. Наверное, предполагали, что могут быть проблемы. Просто сразу нам не сказали, чтобы не расстраивать раньше времени. Может, надеялись, что обойдётся. А сейчас они появились. Нам нужно пойти и рассказать врачам!

— Да? — задумчиво говорит мама, — наверное, ты права... Хорошо, что ты у меня такая умная! А то я просто не могла придумать, что делать.

— Ма, ну ладно тебе! Ты, главное, не волнуйся! Всё будет хорошо, вот увидишь!

\* \* \*

*Время: утро следующего дня. Начало одиннадцатого.*

*Место действия: комната сестёр.*

*На раскладной подставке, положенный вверх разломанным днищем, лежит синтезатор. Рядом с ним, с длинными листами бумаги возится Юн Ми.*

Тссс... опять съезжает! Неудобно одному. Жаль, что у людей нет второй пары рук... Вот, вожусь, пытаюсь снять размеры. Хочу сделать KORGu днище. Ещё в магазине, увидев выкрошившуюся пластмассу, подумал — «чего это продавец не прикрутил ему целую крышку? Дороже ведь можно было бы потом продать?» Оказалось всё просто. До

банальности просто. Да, на фирме можно заказать эту деталь для синтезатора. Ровно за один миллион семьсот тридцать тысяч вон. Без проблем! Берёшь и заказываешь. Через три месяца получишь выполненный заказ. Я как увидел указанную цену — дар речи потерял! Вот ничего себе! Почти треть цены нового инструмента!

Потом, позже, остыв и придя в себя, немного подумал, поразмыслил и спросил себя — «ну а почему бы и нет?». Инструмент уже не выпускают. Считай, как снятая с производства машина, запчасти для которой сразу становятся дороже её «серийных товаров». И сама деталь — нижняя крышка корпуса. Она большая, сделана с расчётом на хорошие нагрузки и средней силы удары. Ну как часто такая деталь может прийти в такое состояние, что её потребуется заменить? Разумно предположить, что такое случается очень и очень не часто. А если уж корпус — «в хлам», то и весь синтезатор должен быть тогда — в «хлам» и тут нужно покупать новый, а не чинить разбитый. Ну, вот так на фирме, похоже, и рассудили. На складе у них можно быстро и много заказать клавиш на замену, ручек, кнопок, всяких внутренних электронных модулей для ремонта, а вот деталей корпуса — ноль позиций. Только спецзаказ. Наверное, будут для этого специальное производство организовывать. По-новой ставить матрицу или пуансон для литья пластмассы...

В общем, фирменного корпуса мне не видать. Не по моим средствам. Это я понял и решил решить проблему своими силами, тем более, что имею похожий опыт. Как-то раз, после рок-концерта в одном районном ДК у нашей группы «скомуниздили» футляр моего синтезатора. Залезли в гримёрку и пока мы пели — обокрали. Утащили, в общем-то, так, помелочи. Одежду не тронули, а вот набор запасных шнуров, два микрофона, барабанные палочки и футляр — упёрли. Наверное, это были наши собраты-музыканты, которым чуть-чуть не хватало на барабан себе на голову...

Украденный футляр у меня был «фирмовый», и мне его было жалко. Покупать новый? Чтобы его опять спёрли? К тому же, у нас тогда была запланирована серия выступлений по подобным «очагам культуры». Что делать? Парни предложили сделать футляр из фанеры. Чё-нить такое «дубовое» и «страшное», на которое никто не позарится даже в пьяном виде. Тем более, что в гараже у нашего басиста, как раз на тот момент было три листа четырёхмиллиметровой фанеры, оставшиеся после ремонта квартиры. Вот из них-то мы и сколотили зелёный «гробик» для моего KORGa. Обложили внутри поролоном, поставили замки-защёлки снятые с военного ящика и покрасили в ядовито-зелёный цвет. Отлично получилось!

При надобности, мы его потом ещё как стол для еды использовали, и сидеть на нём было можно, ибо на рёбрах жёсткости не сэкономили. Очень практичная вещь вышла.

Поэтому, имея, пусть единичный, но всё же опыт столярного дела, я решил пройти знакомым путём — сделать «королю» фанерное днище. На первый взгляд — ничего сложного. Плоское основание, которое крепится винтами в места креплений штатного днища и узкие боковые стенки. Считай, половина фанерного футляра, который я один раз уже помогал делать. Главное — точно снять все размеры, чтобы потом не пролететь фанерой над Парижем...

А для того, чтобы не пролететь с размерами я придумал следующее. Разодрал на листы альбом для рисования и склеил из них один большой — размером немного большим, чем синтезатор. Потом аккуратно вывернув винты, снял остатки днища. Положив его на лист, обвёл карандашом контур и обрезал ножницами лишнюю бумагу. У меня получилась выкройка плоской части будущего дна. Теперь я вожусь, пытаюсь надёжно зафиксировать её на перевернутом клавишами вниз синтезаторе, чтобы проколоть в ней дырки под будущие отверстия для винтов. И вот это у меня не получается. Съезжает. Помог бы кто...

Эххх! — вздохнул я про себя, — тяжела и неказиста жизнь народного артиста! На семью рассчитывать не приходится. У меня язык не повернётся просить помочь, после вчерашнего. Думал, *онни* меня побьёт, так она разозлилась. Нет, обошлось без тумачков. Но они так расстроились. Особенно мама Юн Ми... Им даже не сколько денег было жалко, как я понял, а то, что я взял их тайком. Не принято тут так делать. Не принято. Да и нигде, наверное не принято! Но куда было деваться? Время вышло, нужно было либо брать, либо отказываться. Получилось так, что я случайно увидел, куда мама Юн Ми убрала оставшуюся сумму от тех десяти тысяч, которые заплатили за аварию. Ну, я их и взял...

— Эххх! — на этот раз уже вслух вздохнул я, — ладно, потом, когда все увидят, что я был прав, мне всё простят и забудут. Но до тех пор нужно молчать и терпеть. А кто сказал, что будет легко?

Блин! Опять всё съезжает! Похоже, что без помощи мне тут не обойтись! Кого бы попросить? Маму Юн Ми? Уверен, поможет. Но... как же не хочется этого делать! Сун Ок? Она на меня зла, как тысяча чертей... Ещё кто? Да вроде и всё. Хм... Не слишком ли я одинок в этом мире? Надо бы какими-нибудь друзьями обзавестись. А то, реально — гвоздь поддержать некому! Вообще-то у меня ещё есть знакомый мажор... Он же уже раз помог, почему бы ему не помочь ещё? Хотя, вряд ли он будет

бумажки держать... Не его уровень...

Чжу Вон оказал мне гигантскую услугу, когда я попал в совершенно неожиданный для меня капкан. Случилось следующее. Когда я пришёл выкупить синтезатор, продавец, увидев в моих руках деньги, внезапно сказал: «Приходи с родителями».

«Как с родителями? Почему с родителями?» — не понял я.

«Вчера у тебя не было денег, а сегодня ты приносишь три миллиона вон» — пояснил он, — «откуда у тебя деньги?».

Как я его не убеждал, что эти деньги «честные» и они мои, он ничего слушать не захотел. «Приходи с родителями» и всё. А когда я несколько увлёкся и попытался «надавить горлом», он меня просто выгнал из магазина нафиг.

Я был в шоке от возникшей ситуации. Ежу понятно, что ни о какой покупке вместе с «родными» не может даже и идти. Чёрта с два, они согласятся на подобное!

— Ты чего такая? — спросил меня Чжу Вон, когда я с ним встретился на следующий день для «санобработки» очередной претендентки на его руку и сердце, — случилось чего?

Похоже, моя мыслительная работа по придумыванию вариантов преодоления препятствия была у Юн Ми целиком на лице.

— Да вот, — хмуро ответил я, — хочу купить одну вещь и не могу...

— Что за вещь? — спросил Чжу Вон.

— Ну... — начал я и, не зная зачем, всё ему рассказал. Как есть.

— А откуда у тебя деньги? — поинтересовался сонбе, следя за дорогой и не выражая никаких эмоций.

— Эти деньги мама отложила на мою учёбу, — пояснил я.

— Как я понимаю, ты взяла их без разрешения? — уточнил он.

— Да. Я взяла их без разрешения, — не стал врать я.

— А ты подумала, как будет огорчена твоя мама, когда узнает, что заработанные ею деньги ты потратила на ерунду? — спросил он.

— Да. Подумала, — спокойно ответил я, — только я потрачу их не на ерунду, а на учёбу. Просто я их потрачу на то, что действительно сама хочу выучить, а не на то, чтобы бессмысленно тратить свою жизнь на выполнение желаний других людей!

Чжу Вон бросил на меня внимательный взгляд и снова обратился к дороге.

— А если ты ошибаешься? — после некоторого молчания спросил он, — если у тебя не получится? Что тогда?

— Я не ошибаюсь, — сказал я, — но даже если случится так, то это

будет моя ошибка, а не чья-то!

— Ты такая смелая? — спросил Чжу Вон, не смотря на меня и неотрывно следя за дорогой, — или такая глупая?

— *Сонбе*, — неожиданно для себя попросил я, — купи мне этот синтезатор, а? Пожалуйста!

— Ты просишь меня? Почему? — искренне удивившись выставился на меня Чжу Вон.

— А мне больше некого попросить, — честно сказал я, — только тебя, *сонбе-ним*.

— Хм... — задумался Чжу Вон, вновь поворачивая голову на дорогу, — а потом меня сделают виноватым в том, что ты потратила деньги?

— Клянусь здоровьем моей матери, что ни слова никому не скажу про *сонбе*! — поклялся я.

— Сильно сказано, *зверёныш* из дикого леса, — сказал Чжу Вон бросив на меня удивлённый взгляд, — это для тебя так важно?

— Очень! — ответил я.

— Хм... — задумался Чжу Вон смотря на дорогу.

Пару минут мы проехали в молчании.

— Почему больше не просишь? — неожиданно спросил он, не глядя на меня, — ведь это же так важно для тебя?

— Всё что я хотела сказать, я сказала, — ответил я, — как девушка, я бы могла, наверное, ещё заплакать, но я этого не умею.

— Не умеешь плакать? — поразился Чжу Вон.

— Я никогда не плачу, — сказал я.

— Никогда?! — вновь поразился Чжу Вон.

— Никогда! — кивнув, подтвердил я.

— Ну ты и монстр, — сказал Чжу Вон, покрутив головою и бросив на меня пару взглядов через зеркало заднего вида, — школьницы совсем сумасшедше пошли...

Опять ехали несколько минут в молчании.

— И где находится этот твой магазин? — наконец подал голос Чжу Вон.

— На *Итэвоне*, *сонбе*! — с готовностью говорю я.

— На *Итэвоне*? Что ты делаешь в таком районе, *зверёныш*?

— Работу ищу, *сонбе*, — честно ответил я.

— Работу? На *Итэвоне*? О, боже мой! Впрочем, это твоя жизнь... Хорошо. Адрес магазина знаешь? В навигатор вбить...

— А как же свидание, *сонбе*? — спросил я.

— Да ну его, — сказал *сонбе*, прижимая педаль газа и уводя машину в крайний левый ряд...

В общем, не знаю, чего у Чжу Вона в мозгах замкнуло, но он купил мне за мои деньги KORG и ещё взял к нему в качестве бесплатного бонуса от продавца: раскладную подставку, матерчатую сумку-чехол, наушники и комплект аудио-шнуров. Всё, конечно, не «новье», но ладно. Дарёному коню в зубы не смотрят, как говорится...

И вот теперь мне некому поддержать лист бумаги. Чжу Вон мог бы это сделать. Однако, думаю, наглеть не стоит. И так непонятно, чего он это вдруг решил помочь? Жалко стало? Да? Ну и ладно... Даже если это так, переживу. От жалости ещё никто не умирал. Главное, у меня теперь есть KORG! King KORG!

.... Хм? Как бы мне этот лист закрепить? Может, скотчем один край прихватить? А, что, хорошая идея! Только вот есть ли в доме скотч? Последний я, кажется, извел, когда заклеивал окна, в комнате мамы Юн Ми. Кто-нибудь в доме новый скотч покупал после этого? Почему-то мне кажется, что вряд ли...

В этот момент у меня зазвонил телефон.

Чёрт! Кому я ещё понадобился? Что за манера звонить в самый неподходящий момент? Чжу Вон, что ли? Ну да, кто же ещё... Впрочем, больше мне звонить практически некому...

— Добрый день, *сонбе*! — постаравшись сделать голос как можно доброжелательнее, произнёс я в трубку, отвечая на звонок.

— *Зверёныш*, ты жива? — удивился с той стороны Чжу Вон.

— Почему я должна была умереть, *сонбе*? — не понял я.

— Разве вчера твоя семья не била тебя по голове синтезатором, пытаясь вбить в неё хоть каплю мозгов?

Вот гад! Доброе дело он сделал! Помог! Ага, аж три раза!

— Нет, *сонбе*, — вежливо ответил я, — семья не била меня по голове синтезатором. Если в вашей семье так принято, то в моей семье — иные порядки.

— Мда? Жаль, что не били. Это могло бы научить тебя хотя бы минимальной почтительности к старшим. Ладно, жизнь тебя научит этому в следующий раз. Как там твой ящик с клавишами? Он работает?

— Прекрасно работает, *сонбе*. Скоро сделаю ему нижнюю крышку, и он будет вообще — как новенький!

— Ты делаешь ему нижнюю крышку? Сама? Интересно, из чего? Из цветной бумаги, что ли? Или шьёшь из тряпочек?

— Я его делаю из фанеры, *сонбе*!

— Из фанеры? — удивился Чжу Вон, — Юн Ми-ян, ты что — плотник?

— У меня много талантов, сонбе. Если бы у меня была ещё одна пара рук — вообще бы было замечательно! Одной трудно всё делать. И инструментов нет...

— А как же твои родные? Разве они не могут помочь?

— Ммм... это сложно, сонбе... Особенно после вчерашнего...

— Понятно. Хм... Я собираюсь в гараж. Если хочешь, могу взять тебя с собой.

— Зачем?

— Ну, во-первых там нужно убратся. Во-вторых, у меня там есть инструменты и кое-какие станки, которые ты сможешь использовать, если сможешь, а в-третьих, мне интересно посмотреть на девушку, которая будет что-то пилить и сверлить. В жизни подобного не видел. Обезьяну, играющую в шахматы — видел, девушку с пилой в руках — нет! Как, поедешь? Согласна?

— Согласна! А краска у тебя есть?

— Какая?

— Чёрная!

— Ммм... не помню. Кажется, была. Ладно, там разберёмся! Собирайся, я перезвоню. Скажешь, где тебя встретить. Не хочу, чтобы твоя семья меня видела. Окей?

— Окей.

Блин! — подумал я, «положив трубку», — семью мою он не хочет видеть! Боится, что синтезатор на голову оденут? Правильно делает, что боится. Мне кажется, что Сун Ок смогла бы сотворить подобное. Особенно, если её разозлить хорошенько перед активными действиями. Так, ладно, это лирика... Что мне нужно взять с собою? И как объяснить своё отсутствие? И как незаметно вынести KORG?

\* \* \*

*Время: полтора часа спустя*

*Место действия: гараж Чжу Вона. Двухэтажное здание, отделанное снаружи серым сайдингом. Внутри, на первом этаже, вдоль стен стоят столы, со всяким «железом» лежащих на них. Над столами, на стене, висят на гвоздиках всякие инструменты: пилы, плоскогубцы, гаечные ключи... В центре гаража — несколько полуразобранных мотоциклов*

накрытых жёлтым брезентом. В воздухе слабо пахнет маслом, бензином, железом и пылью. Широкая железная лестница ведёт на второй этаж. На втором этаже — большой кремового оттенка холодильник и большая телевизионная панель. Перед телевизором — кожаный чёрный диван и несколько кресел, тоже обтянутых чёрной кожей. В стеклянной тумбе на колёсиках — музыкальный центр и видеоаппаратура.

Ворота гаража подняты. В воротах стоят Юн Ми и Чжу Вон. За их спинами видна красная Berlinetta.

— Заходи, — небрежно произносит Чжу Вон, направляясь вперёд.

— Вау! — восхищается Юн Ми с приоткрытым ртом оглядывая помещение, — Круто! Это что, гараж твой?

— Ну да, а что? Нравится?

— Да это же целый дом! Тут жить можно!

— Можно. Всё есть. И душ и санузел, и кухня. Но жить тут не стоит. Это моветон.

— А что за мотоциклы? — интересуется Юн Ми, с любопытством разгадывая накрытые тряпками машины, — Что ты с ними делаешь?

— Так... — Чжу Вон делает вялый жест рукою, — планировал кое-что сделать, но, пришлось отложить... Пошли, я покажу где тебе нужно будет навести порядок.

— Навести порядок? Мне?

— Я же тебе сказал, что нужно будет убратсья в гараже. Что, пропустила мимо ушей? Чем ты слушала?

— Хочешь сказать, что я должна тут убираться?!

— Конечно, — удивляется Чжу Вон, — Когда я сказал, что нужно убратсья, я имел в виду, что делать это будешь ты. Что не так?

— Но это твой гараж! — возмущается Юна, — почему я должна вдруг убирать твой гараж?

— Потому, что ты — женщина, — с усмешкой смотря на возмущённую девушку поясняет Чжу Вон, — а уборка, это самый привычный для вас род деятельности. Не понимаю, почему ты так возмущаешься?

— Мы так не договаривались! — зло говорит Юн Ми и, повернувшись спиною к парню с намереньем уйти, бросает ему через плечо, — твой гараж, ты его и убирай!

— Ну и манеры, — с осуждением в голосе произносит Чжу Вон, смотря ей в спину, — значит, просьба сонбе, для тебя — пустой звук? А ведь совсем недавно ты просила его купить тебе синтезатор, и он сделал



это. И что теперь? Значит, вот она какая твоя благодарность? А я ещё хотел дать тебе инструменты, которых у тебя нет... Помочь что-то там тебе поддержать... Похоже, я сильно заблуждался в своих представлениях о тебе!

Юна замирает, остановившись на входе в гараж. Потом медленно, нехотя, поворачивается.

— Хорошо, — говорит она, хмуро смотря на Чжу Вона из-под бровей, — наверное, я была не права. Думаю, что уборка этого гаража будет достойной благодарностью моему *сонбе*, за его помощь в покупке мне синтезатора.

— Думаешь? — заинтересованно спрашивает Чжу Вон, с интересом смотря на девушку, — а я думаю, что помощь твоего *сонбе* стоит гораздо больше чем одна уборка. Гораздо больше. Она стоит много-много таких уборок!

Чжу Вон радостно улыбается кисло кривящейся Юн Ми.

— И сколько же мне придётся отрабатывать ваш благородный жест, *сонбе-ним*? — интересуется Юна.

— Как тебе фраза — «пока мне не надоест»? — широко ухмыляется Чжу Вон.

— Да это же рабство какое-то! — возмущается Юна.

— Конечно! А ты разве ещё не поняла, что ты моя рабыня? Ладно, не расстраивайся. Мусора не так уж много. А пока будешь убираться, подумай о том, как станет здорово, когда ты прибьёшь гвоздями кусок фанеры к своему ящику с клавишами, напишешь на нём супер-хит, станешь звездой и заработаешь миллион долларов! Вот увидишь, что твоя жизнь сразу заиграет новыми красками!

— Пффффф.... — выдыхает Юна, смотря на шутника взглядом, не предвещающего тому ничего хорошего.

— Не надо на меня так смотреть, — говорит Чжу Вон, — У тебя не получается выглядеть страшно. Ты похожа на надувшегося кролика. Или, пожалуй, нет! Ты скорее как ёжик без иголок. Шипишь, пыхтишь, а иголки растопырить не можешь, потому что их нет. Так что, побереги свою ярость до той поры, пока они не отрастут и пошли! Скоро привезут лист твоей фанеры. Да этого ты должна успеть навести порядок...

— ...Эй! Ты собираешься заниматься делом или так и будешь бессмысленно стоять, и спорить со мною?

— Пошли, — говорит Юн Ми и сжимает челюсти.

*Время: около часа спустя*

*Место действия: гараж Чжу Вона. Чжу Вон, с несколько удивлённым выражением на лице наблюдает за Юн Ми, одновременно прижимая коленом к низкой скамейке лист фанеры. Юн Ми, с сосредоточенным выражением на лице, пилит этот же лист большой пилой с жёлтой пластмассовой ручкой. Крупные зубья пилы в месте распила, «рвут» края фанеры, выдёргивая щепки и делая их «лохматым». Юна морщится, видя как плохо получается.*

— Фух! — выдыхает Юн Ми, наконец, допилив до конца и выпрямляясь, — фух!

— Некрасиво, — говорит Чжу Вон, разглядывая результат её работы, — сплошные заусеницы торчат.

— Зубья крупные у пилы, — часто дыша, объясняет ему Юна, почему вышло так плохо, — нужна пила с мелкими зубчиками. А у тебя такой нет...

— Может ты просто пилить не умеешь? — делает предположение Чжу Вон, — смотри, как неровно всё получилось!

Юна не отвечает, мрачно рассматривая получившийся результат, потом смотрит на свою правую ладонь. На ладони — красное пятно. Натёртая, лопнувшая и содранная мозоль, от ручки пилы.

— Вот чёрт! — говорит Юна, рассматривая руку.

— Мда-а, — сочувствует Чжу Вон, смотря на то же, на что смотрит она, — пила — инструмент не для женских ручек. Может, тебе нужно было взять «электролобзик»?

Юн Ми поднимает глаза на Чжу Вона.

— А он, что, у тебя ЕСТЬ?!

— Есть.

— А какого... ты молчал?!

— А ты не спрашивала. Схватила пилу со стены и начала пилить. Я думал — так надо!

— Не спрашивала?! Ну, ты и.... Аджжжжж! Аджж!

Оскалившись, Юна мотает головой, трясая короткими волосами.

\* \* \*

— Что, будешь всё переделывать?

— Конечно! Сделаю как нужно. Листа ещё на одно днище хватит. А из

— Ты правда не ешь свиные шкурки? — интересуется Чжу Вон смотря

на девушку, — и кишки — тоже не ешь?

На секунду прервавшись в поедании, Юн Ми с жалостью смотрит на парня.

— Я предпочитаю чистое мясо! — говорит она, — желательно говядину! Если ты решил поддержать отечественного свиного производителя, это твоё личное дело. Понятно?

Юн Ми вновь, с удовольствием возвращается к еде.

— Как не патриотично, — осуждающе произносит Чжу Вон, — разве ты не из этой страны? И почему ты говоришь со мною так неуважительно, маленькая девочка?

— Сонбе, если бы вы сейчас взяли бы мне пива, как я просила, а не колу, то я бы была к вам более уважительна. Вы не знаете, что мясо и пиво это лучшие «примирители» с действительностью?

— Что за странное у тебя желание — пить пиво? — удивлённо отзывается Чжу Вон, — Обычно девушки пьют соджу, чтобы показать всем, что их сердце разбито. Ты же просишь пива... Непонятно...

Он окидывает взглядом сидящую напротив него Юну и на секунду задумывается.

— А, я понял! — говорит он, кидая в рот кусок жареной свиной шкурки и принимаясь его сочно жевать, — Ты хочешь, чтобы твоя грудь выросла. Я смотрел передачу, в которой рассказывали о том, как женщинам можно сэкономить на пластическом хирурге. В ней им предлагали пить больше пива, поскольку в нём есть эстрогены, благотворно влияющие на рост молочных желёз. Но не слишком ли рано ты начала? Боюсь, что ты успеешь спиться ещё до того, как у тебя там что-то вырастет...

— Чего-о?!

Юна «зависает», замерев с не вынутыми изо рта палочками и вытаращив глаза на Чжу Вона. Тот в ответ насмешливо «играет» бровями.

— А что? — спрашивает он, — я ошибся?!

— Да блин! — возмущается Юна, вынимая палочки изо рта и кладя их на стол, — ничего я не хочу отращивать! Я просто хочу выпить холодного пива! Без всяких задних мыслей! Пива! Просто пива! Пива с мясом! Пива!

— Не кричи. Людей не пугай.

— Да блин!

— Пивавва! Бах!

Пьяный кореец, один из «квасившей» в углу компании и незаметно подошедший сзади, не справившись со своими ногами, неожиданно падает на спину Чжу Вона, перевалился через парня и рушится на стол, сметая с

него всё. Полёт свой он заканчивает, достигнув пола, вместе с грохнувшимся на бок столом.

— Пива! — требует он, упираясь локтями в асфальт в попытке встать.

— Бддддддд! — орёт в ответ Юн Ми вскакивая со стула и пытаясь стряхнуть с себя опрокинутые на неё горячий рамен, соус, мясо, салаты и колу со льдом.

— Пииииивва!

— Уррорд!

Юна от души пинает копошившегося на земле мужчину, — придууррррок!

Юна пинает его ещё раз. Видно удачно, поскольку тот хрюкает и плюхается обратно на живот, перестав возиться.

— Ей, *парень*, чё делаешь?! Зачем бьёшь? — возмущается один из друзей упавшего корейца, с неким трудом поднимаясь из-за своего стола на ноги.

— А если я тебя ударю? — интересуется он.

— Рот будешь у стоматолога открывать! — рывкает на него Юн Ми, — не умеете пить, сидите дома! Дебббилллы!

— *Кыньё*, как ты разговариваешь со старшими? Да как ты посмел такое сказать мужчинам, сопляк? Да я тебя сейчас!

Кореец с угрожающим видом делает неуверенный шаг вперёд.

— *Аджосси*, — вежливо произносит Чжу Вон появляясь сбоку от него в стойке *тхэквондо*, — давайте всё решим...

Однако, как он там хотел решить дело, это для мира так и остаётся неизвестным. Закончить фразу он не успевает. Юна, завизжав до звона в ушах у всех присутствовавших, кидается вперёд и, подскочив к противнику, с разворота, «пробивает» ему ногой в грудь. Удар удачно приходится на тот момент, когда её враг опирается лишь на одну ногу, делая второй — шаг и поэтому, неустойчив. Ахнув, мужик отлетает назад и грохается спиной на стол, за которым только что сидел. Разом на все бутылки, салаты, закуски, *кимчи*, опрокидываясь затем с него на асфальт и валя с собою сидевших на стульях друзей. Крики, вопли, звон бьющегося стекла, матерные корейские выражения. Возмущённо-визгливые крики хозяйки. Чжу Вон, наблюдающий всё это с отвисшей челюстью и круглыми глазами. Матерясь, мужчины принимаются подниматься на ноги.

— *Зверёныш*, ты что делаешь? — интересуется *сонбе*, подобрав челюсть

Не ответив, Юна, нагибается, подхватывает с полу две пустые зелёные бутылки из-под *соджу*. Пац, пац! — отбивает она им донышки об асфальт,

держа руками за горлышки.

— Банзай!! — кричит Юна, выпрямляясь и вытягивая руки с «розочками» в сторону поднявшихся на ноги мужиков, — Синдзимаэ, бакаяро!<sup>[42]</sup>

Те замирают, глядя на неё круглыми глазами.

— Банзаййййй!!

— Якудза!! — «выдыхает» только что «летающий» кореец, — Ниндзя! Бежим!

Он разворачивается и кидается прочь. Чуть замешкавшись, его приятели бросаются за ним.

— Банзаййййй!!

Однако, сбежать пьяным корейцам не суждено. Вместо «реального» выхода, предводитель отступающих бежит в художественно нарисованную в углу, на внутренней стороне палатки, дверь. Друзья его «ломаются» следом. Через пару секунд три испуганных носорога упорно бегут на месте, пытаясь скрыться от опасности, при этом плотно наваливаясь телами на тощую брезентовую стенку.

— Чпок! — колышек, к которому привязана одна из растяжек палатки, не выдерживает их напора и выскакивает из земли

— Чпок! — следует за ним другой.

Лишённая поддержки палатка, медленно и величественно, гигантской красной медузой, под негодующие крики хозяйки заведения, накрывает всех, кто был под нею.

Через минуту, к шевелящимся и матерящимся на разные голоса руинам, подъезжает полицейская машина...

\* \* \*

*Время: полчаса позже*

*Место действия: Полицейский участок. За столом заваленным папками с бумагами, сидит полицейский в синей форменной куртке и брюках и набирает текст на клавиатуре. Перед ним, на стульях, сидят Юна и Чжу Вон.*

— Значит, вы утверждаете, что вы — пострадавшие? — не глядя на молодых людей спрашивает полицейский, щёлкая клавишами.

— Да, да, — подтверждающее кивает Чжу Вон, — пострадавшие. Именно так!

— А вот хозяйка палатки, госпожа *Ким У Кон*, говорит, что драку затеяла девушка...

— Ну, что, вы господин полицейский, — мило улыбаясь возражает Чжу Вон, — это же нонсенс. Вы только посмотрите на неё...

Чжу Вон поворачивается вбок и жестом циркового шпрыхсталмейстера, двумя руками, указывает на Юн Ми.

— ... разве эта хрупкая и слабая девочка способна устроить драку с четырьмя большими, сильными мужчинами? Как в такое можно поверить? Или она сумасшедшая, раз бросилась на них?

Полицейский отрывается от монитора и оценивающе окидывает взглядом Юну.

Юн Ми сидит со скорбным выражением на лице, сутулясь и сложив руки на коленях. Вид у неё кроткий и беззащитный, как у агнца божьего.

— Мда, — говорит полицейский, — вижу.

— Она же мухи не обидит, — продолжает упражняться в роли адвоката Чжу Вон, — она же ещё школьница. Какая драка? Ну что она может сделать взрослому мужчине?

— Пак Юн Ми, — не удостоив парня ответом, обращается полицейский к Юне, — это ведь ты обезвредила и задержала маньяка возле своей школы?

— Да, — вздохнув, грустно отвечает она, — я...

— Угу, — довольно хмыкает полицейский и вновь обращается к своему компьютеру.

У Чжу Вона отвисает челюсть. Пару секунд он круглыми глазами таращится на девушку, открыв рот.

— Ты задержала маньяка? — поражённо спрашивает он, придя в себя и наклоняясь к Юн Ми.

Та делает неопределённое движение плечом, не подтверждая и не опровергая сказанное.

— Задержала, задержала, — радостно улыбаясь, подтверждает полицейский, выглядывая из-за монитора, — да так, что его пришлось в больницу отвезти, вместо тюрьмы! Я как раз тогда дежурил!

Юна, подняв брови, делает непонятное движение головой. Ну типа — мало ли, что там было?

— А вы, господин Ким Чжу Вон, что можете сказать по поводу происшествия? — обращается полицейский от Юн Ми к Чжу Вону.

— А? — не понимает тот, продолжая ошарашенно смотреть на Юну, потом до него доходит, — я? Я хочу позвонить адвокату! Я ведь имею право на звонок адвокату, господин полицейский?

— Да, конечно, господин Ким Чжу Вон, вы имеете право на звонок адвокату, — спокойно отвечает ему полицейский, — Когда вы намерены им воспользоваться?

— Прямо сейчас, *кунчан-ним!*

— Хорошо, звоните.

Чжу Вон достаёт телефон и звонит. Дождавшись ответа, он кратко обрисовывает в трубку суть вопроса, потом спрашивает у полицейского адрес участка и диктует его адвокату.

— Всё, — говорит Чжу Вон полицейскому, убирая телефон, — он сказал, что будет максимум через полчаса.

Полицейский кивает с удовлетворённым видом.

— Хорошо, — говорит он, — подождём. Пока посидите в «обезьяннике», а я опрошу остальных свидетелей. Могу заказать вам ужин, молодые люди, если хотите. Рамен и курицу.

— Ты будешь? — спрашивает Чжу Вон Юну.

Та, наклонив голову, оглядывает свой испачканный едой джинсовый костюм и молча отрицательно кивает головой.

— Нет, мы не будем, спасибо, — говорит Чжу Вон.

— Ну, идите тогда.

Полицейский кивает головой в сторону огороженного решёткой участка помещения.

Парочка встаёт со стульев и плавно перемещается в указанном направлении. Зайдя внутрь клетки, они усаживаются на узкие коврики возле стены и вытягивают ногт. Пару минут молчат. Наконец Чжу Вон не выдерживает и задаёт вопрос.

— Юн Ми — а ты, точно девушка? — спрашивает он.

— Почему ты спрашиваешь? — настораживается Юна, чуть отодвигаясь от парня и смотря на того исподлобья.

— Я много чего сегодня видел... необычного, — объясняет свой вопрос Чжу Вон, — как ты пилила, как кричала «*синдзимаэ, бакаяро!*»... Теперь ещё оказывается, что ты и маньяка поймала! Поэтому, я и спрашиваю тебя — ты, точно девушка, Юн Ми?

— Я выросла в трущобах Сеула, — отвечает Юн Ми, после секундного обдумывания заданного ей вопроса, — и имеют опыт борьбы за выживание. Так что, имей это в виду, если вдруг задумаешь сделать что-то... «странное».

Чжу Вон, услышав ответ громко фыркает.

— С каких это пор район, в котором ты живёшь, стал — «трущобой Сеула»? — насмешливо спрашивает он.



— С тех самых, — отвечает Юна, мрачно смотря сквозь решётку на то, как полицейский опрашивает пострадавшую хозяйку «едадьни».

— Наверное, с тех, как ты в нём поселилась? — хмыкает Чжу Вон, — Понятно. Хорошо, я теперь знаю, что ты — «девушка из трущоб». А по поводу «странного»... Извини, но чтобы задумать сделать с тобою «странное» нужно выпить много *соджу*. Очень-очень много *соджу*. Я столько не выпью. Упаду. Поэтому — не беспокойся об этом.

— Пфффф! — презрительно отзывается Юна и отворачивается.

Дальше некоторое время они сидят в молчании. У Юн Ми тяжелеют веки и она начинает «клевать носом». Похоже, что бурные события последних нескольких часов оказались слишком напряжёнными для тела девушки. В конце-концов непродолжительная борьба со сном оказывается ею проигранной. Юн Ми засыпает и сползает вбок по стенке, на которую она опиралась спиной, утыкаясь в Чжу Вона.

— Тсссс... — презрительно цедит тот, увидев на своём плече голову Юны. Но, не смотря на своё презрительное «тсссс», «подставку» не убирает.

Юн Ми спит, положив голову на плечо Чжу Вона.

Ничем не примечательной внешности мужчина достаёт фотоаппарат и быстро делает несколько снимков Чжу Вона и Юн Ми. Хотя делает он это в полицейском участке, его действий никто не замечает.

\* \* \*

*Время: вечер следующего дня*

*Место действия: Дом мамы Юн Ми. Гостиная. Семья пьёт чай и смотрит телевизор.*

Сижу. Смотрю телек. Никого не трогаю. Настроение — мрачное. По «ящику» показывают яркое весёлое шоу. Точнее — условно весёлое. Или для кого-то весёлое. Сун Ок смеётся. Лично я не понимаю, где там и чему следует смеяться. Корейское название шоу — «*Минёдыре суда*». На русский можно перевести как — «Разговоры красавиц». Но, если точнее и исходя из содержания программы, то самый правильный перевод будет — «иностранки о Корее». Невероятно популярная передача в стране и очень, очень странная для меня. Я вообще не понимаю — как это можно смотреть? Шестнадцать симпатичных девушек-иностранок, хором, сидят и рассказывают, как в Корее, оказывается, жить хорошо! Нет в мире лучше

страны, чем Корея! И это на полном серьёзе, из передачи в передачу! Я их тут штук десять уже посмотрел, вместе с Сун Ок. Одно и то же. Причём, интересно ещё то, что всё то, что они рассказывают, не совпадает с моим реальным опытом жизни в этой стране. Не совпадает и всё тут! Может, они рассказывают о какой-то другой Корее? Анреал, так сказать? Ну, не знаю... Ладно бы, передача задумывалась бы с целью обсуждения только одной темы — отношения с корейскими парнями, было бы понятно. Так ведь нет, продюсеры замахнулись в целом на отношение иностранцев к Корее! Разумеется, всё равно, половину времени передачи, разговоры «красавиц» крутятся вокруг «отношений». Подозреваю, что всё, что можно было сказать хорошего о стране, ими сказано в предыдущих семидесяти сериях, а плохого говорить им нельзя, вот они и обмусоливают то, что можно «мусолить» вечно — половой вопрос. Это понятно, единственно неясно — как подобное можно смотреть?

Вот как себе представить подобную передачу в России? Собрать, значит, шестнадцать девушек: китайнок, молдаванок, эстонка чтоб сидела, грузинку пригласить, украинку для политкорректности... И сидеть рассуждать на всю страну на главном канале в прайм-тайм, как в России хорошо иностранцам. А еда-то какая обалденная! А парни — так те вообще супер, нигде таких нет! А от водки — вообще все в восторге!

Ну и кто такой бред смотреть будет? Да никто! А в Корее смотрят. И не просто смотрят — программа получает бешеные рейтинги. Что за странная страна?

— Правда, Бронин — красавица? — оборачивается ко мне Сун Ок с довольным выражением на лице.

Кто красавица? Вот это лопоухая негрityанка? Тшшш... да наши девчонки с потока, таких Броней — по десять штук себе за пояс заткнут и ещё место останется!

— Да, красавица, — соглашаясь, киваю я Сун Ок.

— Она мне так нравится!

Радостно улыбнувшись мне, *онни* вновь поворачивается к телеку. Я тихонечко вздыхаю и закатываю глаза — если бы *онни* только знала, кто тут самый главный красавец! Я! Вот кто тут главный красавец! Такой «красоты» натворил! Причём походя, не задумываясь и не напрягаясь.

Во-первых, это деньги, которые я взял без спроса. Хоть к этой теме родные Юн Ми больше не возвращаются, всё равно, жутко неудобно. Пусть это и не так, но такое ощущение, что я их украл. Ещё потом пришлось соврать, что хозяин KORGa улетел в Америку. Это для того, чтобы родные не пытали меня, требуя вернуть инструмент и забрать назад деньги. Так —

улетел да улетел, все дела. Куда — не знаю. Представляю, как скажется на моей карме мой поступок, плюс враньё! А тщательно обдуманное враньё — наверное, идёт как отягчающие обстоятельства... Блин!

Во-вторых, этот мой поход с Чжу Воном в гараж! Он же мог меня там реально изнасиловать! Прекрасно помню наши криминальные хроники. Вечно с девчонками в гаражах какая-то фигня происходила. Классический сценарий — свидание, машина, гараж, статья! А я, с коргом наперевес, без единой мысли в башке о безопасности — попёрся! Наверное, всё из-за того, что до сих пор думаю, что это я — могу, а не меня... Мда... И мысль о таком развитии событий меня посетила уже только в полицейском участке. А до этого — даже в голову не приходило! Просто идиота кусок, что тут можно ещё сказать? Хорошо, что Чжу Вон видит в Юн Ми только клоуна, а не «объект». Поэтому, когда я намекнул — «типа, мол, смотри у меня», он мне ответил — «я столько не выпью». Прриид-дурок! Вот уж я не думал, что однажды, этот анекдот про меня расскажут. Воистину — «никогда не говори — никогда»!

Ну и в-третьих, драка, которую я устроил в уличной кафешке. Не знаю, что на меня нашло, словно «планка упала». Никогда я таким агрессивным не был! А тут, соорудил «розочки» и попёр на трёх пьяных мужиков. Да они бы меня прибили бы и не заметили! Или морду бы изувечили бы так, что ни один потом хирург не взялся бы «собирать». Тут бы хана и пришла бы моему всякому *айдольству*. Хорошо, что им с пьяных глаз что-то показалось, и они кинулись убежать. Будь иначе, даже не знаю, чем бы закончилось это происшествие. А если бы я их ещё и порезал, то точно бы в полиции дело завели! Полиция, кстати, приехала быстро. Только выбрался я из-под упавшей палатки наружу, как — оба-на, «луноход»! Стоит, разноцветными огнями переливается, в путешествие зовёт. Ну, мы всей толпой на нём и «полетели»: я, Чжу Вон, четыре пьяных алконавта и хозяйка красной обители скорби. В полицейском участке сначала мне повезло в том, что корейцы были совсем уже не в «дугу» и говорить практически не могли. Поэтому, для полиции картина была совершенной ясной. Четыре мужика нажрались и устроили «бузу». Мысль о том, что девочка напала на четырёх пьяных мужиков полиции даже в голову не пришла. Правда, хозяйка кафе начала было говорить что-то не нужное про меня, убеждать господ полицейских, что это я — «кашу заварил», но тут мне повезло во второй раз — появился адвокат Чжу Вона. После этого, всё как-то сразу, быстро, тихо и само-собою утряслось. Все расстались, не имея никаких претензий, ни друг к другу, ни к полиции, ни она к нам. Правда, как я понял, *сонбе* всё же что-то возместил пострадавшей *аджуме*, но

особо в это вникать не стал. Сидел и тихо «офигевал» от содеянного, от того, что заснул и «улёгся спать» на Чжу Вона. «Офигевал», пытаясь понять причины произошедшего.

Покидая участок, Чжу Вон, на прощание, сказал мне, что большей дуры и идиотки чем Юн Ми, он в жизни не встречал и думает, что и не встретит, ибо — такое не переплюнуть. В общем-то, спорить по этому поводу с ним сложно... Не понимаю, как мог я так сделать? Столько агрессии! Не было в моей жизни такого, чтобы я, не помня себя, на людей кидался! В чём причина? Ну выбешивал меня до этого Чжу Вон, развлекаясь, но не до такой же степени он меня выбесил, что я разум потерял? Не-е, тут дело в чём-то другом. Скорее всего, дело в Юн Ми. Сун Ок сказала, что Юн Ми ещё в детстве была вспыльчивой. Копит, копит, а потом — как даст! Сейчас, правда у неё всё хорошо, но думаю, что это результат усилий, приложенный к ней педагогическим коллективом. Если вспомнить методы воспитания в корейских школах, то положительный результат их усилий особенно не удивляет. Но, только вот вопрос! Мог ли действительно измениться характер Юн Ми от их усилий? Думаю, что вряд ли. Мне кажется, что характер, это такая штука, которая даётся раз и на всю жизнь. Да, можно как-то там пытаться корректировать, но, как говорит народная мудрость — «горбатого могила исправит». Однако, *онни* мне сказала, что после того, как её сестра пошла в школу у неё — «всё стало хорошо». Тогда, что же происходит сейчас? Это же совершенно неконтролируемые вещи! Если бы у неё и раньше подобные «закидоны» случались, то её бы давно уже лечили. Но ничего подобного до этого времени не было! А вот теперь — есть! В чём дело? В чём причина?

Хммм... Любая психическая реакция — это результат наличия в крови веществ, вырабатываемых различными железами организма. Чем их больше, тем сильнее реакция. Думаю, что чтобы так психануть, как я психанул — для этого нужна их изрядная концентрация в крови.

У Юны что-то не так? Слишком много вырабатывается? Но, ведь, выписывая, врачи сказали — всё тип-топ и лучше просто не бывает! Неужели, с того момента как я покинул больницу, у неё уже что-то «сломалось»? Идти к врачам, проверятся? А я ведь только что, все деньги, отложенные на лечение, потратил... Блин! Вот будет номер, если они срочно понадобятся! Эх... ладно, к врачам я всегда успею! Может, есть ещё какая-нибудь причина кроме болезни? Например, объяснить происходящее с «технической» точки зрения?

Если представить себе человеческое тело как компьютер, то тогда, разум и душу в нём можно отнести к «софту», что-то вроде операционной

системы, а тело можно считать — «хардом». Теперь представим, что в компе, в котором всё было «своё, родное» — взяли и заменили «операционку». Например, в интеловскую машину воткнули «яблочную ось». И что? Что тогда будет? Ежу понятно, что ничего хорошего. Если не поставить драйвера — вообще ничего работать не станет! Не, конечно, какие-никакие «драйвера» Гуань Инь мне похоже, «воткнула», коль я сейчас функционирую, но, сдаётся мне, что они — вполне себе «кривоваты» и высоковероятно, — не отлажены... Если бы это было бы не так, то тогда Юн Ми начала бы ходить сразу, без всяких проблем, без того геморроя с коляской! Однако, неходящие ноги — это «косяки» сразу видимые, но ведь в организме есть много чего ещё, просто невидимого для глаз! Например — общение с внутренними органами. Вот, мой разум, к примеру, посылает какой-нибудь железе сигнал в каких-нибудь ихних десять единиц, мол, давай! Но на своём пути этот сигнал проходит через «кривой драйвер» в мозгу и воспринимается ею уже не как десять, а как двадцать, или сто единиц! Бедная желёзка напрягается, выдавая всё, на что только способна, а я от этого по потолку бегаю, а потом не могу понять — что же случилось? Возможен такой вариант? Вполне, почему бы и нет? Выглядит нормально себе так, жизненно и реально. Короче говоря, другими словами — моя «операционка, криво встала на хард Юн Ми».

И если принять мои «умопостроения» в качестве рабочей версии, то моё поведение становится понятным и легкообъяснимым. Просто я психанул, испугался, разозлился ну и так далее. Нагрузка на нервную систему возросла, потом ещё возросла, а потом ещё возросла. Возникла перегрузка и «кривые драйвера» — «заколбасило». Начиная с какого-то момента, с какого-то уровня «напряжения», «сигнал» от мозга стал умножаться на какое-то число. И всё пошёл вверх как по экспоненте, или по какому она там закону прёт, когда умножается? Экспонента, это кажется, возведение в степень... Да собственно, без разницы, какое там умное слово требуется сказать для описания процесса!

Главное тут — результат! А результат — полная потеря контроля над своими поступками! Хм...

И... и что мне теперь делать? Это можно как-то исправить? Даже не знаю, что тут можно сделать... Единственно, что сразу приходит в голову — не перевозбуждаться по пустякам, чтобы «крышу не сносило». Может, со временем, мои «драйвера» как-нибудь самоулучшатся и как-нибудь так... «притрутся», где-то там, внутри? Научился же я ходить? И тут, может, тоже всё хорошо станет?

— Ну, Юна как тебе эта серия, — пихает меня локтём в бок Сун Ок, —

понравилось?

— Фигня какая-то, — автоматом отвечаю я, продолжая думать о своих проблемах, — смотришь, и такое ощущение, что у корейцев комплекс неполноценности.

— Что-о? Что ты такое сказала?

Что я сказал? Чёрт, опять я что-то сказал! А что я сказал? У-уу, вот жешишиши!

Прокрутив в голове свои последние слова, я понял, что брякнул своё виденье совершенно не к месту и у меня сейчас будут проблемы. Как в воду глядел!

— Юна, — строго смотря на меня, произнесла *онни*, — что это ты только что сказала? Ты что же, считаешь, что у нашей нации есть комплекс неполноценности? Отвечай!

Ммммм... Кто тянул меня за язык?

— Я имела в виду телевиденье, — ответил я и вздохнул, понимая, что отшутиться в столь непростом вопросе как этот, не получится, — я не понимаю, зачем из кожи лезть, рассказывая о том, как хорошо жить в Корее? Все корейцы и так это знают. Зачем тогда, для кого? Для иностранцев? Кому надо, придет и все увидит сам. Мы же, кряхтя от натуги, доказываем себе и всему миру, какие мы хорошие, какая у нас самобытная культура, какие хорошие люди. Как ты думаешь, как это выглядит со стороны? Разве самодостаточный и уверенный в себе человек будет такое делать? Если же он всё же будет поступает так, как делают на нашем телевиденье, то сразу возникает ощущение что что-то тут на самом деле не так, как представляется. Что человек, который это доказывает, на самом деле сам не так уж в этом в этом и уверен. Отсюда возникает вывод — у этого человека комплекс неполноценности...

— ...Скажи — зачем наше телевиденье оказывает нашей стране медвежью услугу, ставя в глупое положение перед целым миром?

— Ну, — вдохнула *онни* полную грудь воздуха, настраиваясь на длинное объяснение, — ну...

Вдохнула, три секунды помолчала, потом выдохнула.

— Не знаю, — сказала Сун Ок, — Если думать об этом это так, как ты сказала — то да, ты права. Но всё равно, ты ошибаешься, говоря, что не нужно рассказывать, как хорошо жить в Корее. Люди во всём мире должны знать это.

— Да я согласна, что нужно рассказывать, — ответил я, — но не таким же образом! Это же смешно!

— Хм... Юна, а что такое — «помощь медведей»? Кому они должны

помогать?

Опс! Я что, сказал — «помощь медведей»? Пффф... похоже, что сказал. Хотя я говорил «медвежья услуга», прозвучало это как «медвежья помощь». Что я несу? Почему я матерился на японском? Боже, что у меня в голове?

— Видишь ли, онни... — неспешно начал я, пытаюсь при этом быстро придумать, — чего бы такого сказать, чтобы выкрутиться?

\* \* \*

*Время: чуть позже*

*Место действия: дом мамы Юн Ми. Маленькая кухня. На кухне мама и Сун Ок.*

— Мам, ты когда к врачу Юн Ми пойдёшь?

— А что такое, Сун Ок? Почему ты об этом спрашиваешь?

— Ма, ну ты разве не видишь, какая она совсем странная становится? «Разговоры красавиц» ей не нравятся. Всё время о чём-то думает. Мысли у неё какие-то стали... не такие. Никогда она так прежде не говорила! Я переживаю за неё. Как бы ей плохо не стало.

— Да доченька, ты права. Хорошо, я завтра позвоню, узнаю у доктора, когда мне можно будет прийти.

— Спасибо, мама!

## Шкурка семнадцатая

*Время: на следующий день*

*Место действия: гараж Чжу Вона. Юн Ми мрачно рассматривает свой синтезатор. А точнее — результаты своих усилий по воссозданию его нижней крышки. В стороне, Чжу Вон в большом фартуке из пластика, вдумчиво и неторопливо разбирает лежащий на столе мотоциклетный двигатель.*

Мда, первый блин вышел комом... И очень кривым!

Хмуро разглядываю получившееся. Выглядит — убого. Такое впечатление, что везде, где только можно было накосячить, я — накосячил. Во-первых я пролетел с последовательностью соединений днища и стенок. Фанерный лист, пошедший на дно, нужно было делать меньше, на его толщину, а стенки приделывать уже к нему по бокам, чтобы края нижнего листа не было бы видно. А я сделал как проще — вырезал его по размерам старой крышки, а на него сверху «поставил» боковины. Результат — нижний лист видно и по характерной слоистой структуре понятно, что это — фанера! Блин! Как я сразу об этом не подумал?

Во вторых — по узкому краю, снаружи, пришлось пустить металлические уголки. В пластмассовом корпусе, внутри, в местах перехода от горизонта к вертикали, сделаны для жёсткости и прочности специальные «наплавчики». Я думал в этом месте положить реечку и «саморезиками» аккуратненько снаружи прикрутить. Однако, оказалось, что в этих местах у Корга нет свободного пространства. И всунуть туда даже небольшой брусочек не получилось, ибо он упирался в электронные платы. Помыкавшись, я сделал единственное, что мог сделать — прикрутил снаружи металлические уголки. Понятное дело, что красоты это моей поделке совершенно не добавило.

Ну и в — третьих. Ровность краёв. Она тоже — не задалась. Хоть я и пилил электрическим лобзиком, но всё равно, край шёл заметной на глаз «волною».

В общем, вышло — унылое «гэ». Хотя, функциональное «гэ». Прочное, надёжное, закрывающее внутренности и пахнущее деревом. Запах оказался неожиданным «бонусом».

Переделать? — подумал я рассматривая результаты своей работы, — да ну его нафиг! Какова вероятность, что у второй раз выйдет лучше? Я же,



действительно, не плотник! И так, таким потом и кровью всё далось. Ладони до кровавых мозолей стёр и пальцы ноют... Покрашу чёрной краской в несколько слоёв, лаком покрою — да и гори оно всё синим пламенем! Разбогатею, — куплю нормальную, «родную», крышку. А сейчас — не до жиру. Тем более, что «второй раз» делать будет негде... Если только дома...

Я покосился на спину Чжу Вона. Сегодня этот «отпрыск богатого дома» мне заявил, что ему предложили купить фотки, где мы с ним сидим в за решёткой в полицейском участке. Где я, а точнее Юн Ми, спит, прикорнув у него на плече.

— И что? — спросил я, напрягаясь, — что теперь?

— Ничего, — пофигистически пожал плечами этот «дятел» и добавил, — я дал «сталкеру<sup>[43]</sup>» телефон начальника службы безопасности. Пускай звонит. Бабушка купит...

— Бабушка? — не понял я, — почему бабушка?

— Ну не начальник же охраны будет их выкупать? — как на идиота посмотрел на меня Чжу Вон, — позвонят ему, он сообщит бабушке, бабушка купит...

— А почему ты не взял? — не понял я.

— Тшшш! — презрительно выдохнул Чжу Вон, — вот ещё мне деньги на такое тратить! Тем более, что это удобный момент поставить семью в известность. А то уже невесты ко мне ходить перестали, а она всё — не знает... Я решил поторопить события. Тем более, что находиться с тобою рядом становится обременительно...

Сказав это, Чжу Вон многозначительно посмотрел на меня.

— Обременительно? — переспросил я, размышляя при этом об истории с фото и пытаюсь сообразить — чем это может мне грозить? Неужели я опять «вляпался»? Как-то вот, про журналистов, охотящимися за «жареными фактами» из жизни богемы, я не подумал... А если они напечатают моё фото в газете или в сеть выложат? Это же будет амаргедец...

— Да, обременительно, — подтвердил Чжу Вон, — объяснять утром за завтраком — какого чёрта я делал в полицейском участке? Хорошо, отец уехал по делам, а то бы пришлось правду рассказать. А так...

Чжу Вон покрутил пальцами в воздухе.

— ... Прошло, — сказал он, видно имея ввиду то, что он отбрехался.

— А твоя бабушка — их точно, купит? — спросил я, думая «о своём, о девищем».

— Боишься? — ехидно поинтересовался Чжу Вон, правильно

интерпретировав мой интерес, — раньше нужно было думать. До того, как драку устраивать. Первый раз вижу такую девушку как ты. Да ты просто настоящая *сасигя*<sup>[44]</sup> из аниме!

Сам ты — *сасИгя!* — подумал я в ответ на это, — и ещё до конца неизвестно, кто из нас реально — *аниме*...

— ... В следующий раз, — продолжил Чжу Вон, — думай, прежде чем учинить нечто подобное. Если решила стать знаменитостью — будь осторожна. Это Корея. Здесь глаза — повсюду...

В общем, Чжу Вон сказал, чтобы я заканчивал свои столярные работы, забирал синтезатор и уматывал, ибо скоро наши пути разойдутся как в море корабли, чему он весьма рад. Поэтому, ещё раз переделать крышку не получится. Банально нет времени...

— Я всё, закончила, — сказал я, подойдя сзади к Чжу Вону.

Чжу Вон в этот момент пытался скрутить гайку с болта, одновременно держа в руках два гаечных ключа. Гайка «не шла». Похоже, где-то слетела резьба. То ли на болте, то ли на гайке.

— Угу, — кивнул тот, не оборачиваясь, — получилось?

— Так себе получилось, — честно ответил я, — но, на первое время сойдёт. Потом, деньги появятся, куплю нормальную крышку...

— Так может, ты сыграешь? — всё так же не оборачиваясь предложил мне Чжу Вон.

— Не, — отрицательно помотал я головой, — во-первых, нужен усилитель и динамики, а во-вторых, мне нужно сначала потренироваться...

— Звяк!

Ключ соскочил с головки болта. Рука Чжу Вона резко дёрнулась вперёд и треснулась костяшками пальцев об радиатор.

— А шоб тебя! — высказался Чжу Вон, тряся ударенной рукой.

— Давай, помогу, — сказал я, нагибаясь и поднимая с пола упавший ключ, — такие гайки нужно откручивать вдвоём. Один держит, другой крутит.

— Ты откуда знаешь? — удивился Чжу Вон.

— Так, — пожал плечами я, — у меня есть скутер. Я его иногда чиню.

— Ты сама чинишь скутер? — не поверил мой собеседник.

— А что тут такого невероятного? Ничего сложного в этом нет.

— Да ну? — не поверил Чжу Вон, и ткнул указательным пальцем в лежащий перед ним двигатель: Вот это, что такое?

— Картер, — назвал я указанную часть, — там масло.

— А это?

— Цилиндр.

— Хорошо, — сказал Чжу Вон беря правой рукой со стола поршень, — то, что снаружи — это просто. А вот внутренние детали уже сложнее... Вот это что?

— Поршень, — ответил я.

— А вот это?

— Компрессионное кольцо.

— Это отверстие для чего?

— Сюда поршневой палец вставляется. Для крепления поршня на шатуне.

— Вот эти углубления наверху, зачем сделаны?

— Это выборка под клапаны. У двигателей с большой степенью сжатия поршень подходит под самую «голову» цилиндра, практически упираясь в клапана. А для повышения эффективности работы двигателя нужно, чтобы клапана открывались либо чуть раньше, либо чуть позже, чем он дойдёт до упора. Вот эти проточки и сделаны для того, чтобы клапана могли двигаться, не задевая поршень...

— ...Чего ты на меня смотришь? Что, неправильно, что ли? — спросил я уставившегося на меня Чжу Вона.

— Холь!<sup>[45]</sup>

С резким восклицанием Чжу Вон кинул железку обратно на стол.

— Охренеть, — сказал он смотря на меня, — Юн Ми-ян, ты что, техник? Откуда ты это знаешь?

— Но это же просто, — с лёгким недоумением от его удивления ответил я, — один раз увидеть и всё понятно. Что тут такого? Давай, гайку открутим. Я буду держать болт, а ты крути!

Чжу Вон хмыкнул, увидев как я захватил ключом головку болта.

— Ну держи, — сказал он.

Вдвоём мы быстро справились с непокорной железякой.

— Ладно, — сказал я, кладя на стол гаечный ключ, — я бы ещё могла помочь, но мне уже пора домой. Ещё нужно синтезатор упаковать. Спасибо, что помог... сонбе.

— Пожалуйста, Юн Ми-ян, — ответил он, и секунду спустя спросил, — как поедешь?

— На автобусе. Такси — дорого.

— Давай, подвезу, — помолчав, неожиданно предложил он.

— Давай! — с готовностью согласился я.

Переть на себе тяжёлый KORG не было никакого желания.

Хорошо иметь машину! — подумал я, поворачиваясь к Чжу Вону спиной и направляясь к синтезатору, — обязательно нужно обзавестись

«колёсами»!

\* \* \*

*Время: этот же день*

*Место действия: имение семьи Ким. В небольшой комнате находятся бабушка Чжу Вона и его мать — Ким Ин Хэ. Бабушка заканчивает разговаривать по телефону.*

— Да, уважаема Чун Хва, спасибо, что ты мне об этом рассказала. Я обязательно узнаю, в чём тут дело и расскажу тебе. До свидания.

Бабушка, держа в левой руке телефон, далеко отставила его перед собою, прицелилась и ткнула правым указательным пальцем в экран, нажимая клавишу отбоя.

— Этот парень просто полон сюрпризов, — произнесла она, кладя телефон рядом с собою и поворачиваясь к невестке.

— О ком вы говорите, мама? — спросила та.

— Я говорю о твоём сыне. Мне только что звонила Чун Хва. Она сказала, что Чжу Вона видели целующегося с парнем.

— Не может быть! — ахнула Ин Хэ прикрыв рот пальцами.

— Я так ей и сказала, но она уверяет, что это совершенно точно. И все об этом уже знают. И даже девушки перестали ходить к нему на свидания.

— Но этого не может быть! Чтобы мой сын... Этого не может быть!

— А я-то думаю, что так тихо... — задумчиво произнесла бабушка не обращая внимания на слова невестки, — Никто не звонит, не жалуется на его поведение... Даже было подумала, что внук за ум взялся. А вон оно что...

— Мама, неужели вы правда думаете, что Чжу Вон на такое способен?!

Ин Хэ испуганно уставилась на свекровь.

— Я думаю о том — что он придумал на этот раз, этот маленький негодник? — ответила бабушка, — В Париже он бегал исключительно по девушкам. А тут, вдруг — парень. Почему? Та-ак, а что об этом знает наш начальник охраны? Почему он мне ничего не доложил? Почему я узнаю, что с моим внуком что-то происходит, лишь от старой подруги?

В этот момент в дверь комнаты негромко постучали.

— Да! — крикнула бабушка.

— Госпожа Му Ран, — поклонилась бабушке вошедшая горничная, —

пришёл начальник охраны, господин *Чже Сан У*. Он просит вас принять его.

— Как говорится — лучше поздно чем никогда? — ворчливо произнесла бабушка и поджала губы.

— Ладно, пусть войдёт, — недовольно разрешила она спустя пару секунд.

Горничная поклонилась и вышла.

— Добрый день, госпожа *Му Ран...* — поклонился бабушке появившийся в дверях крепкий мужчина в чёрном костюме.

— Добрый день, госпожа *Ин Хэ...* — мужчина поклонился маме Чжу Вона.

— Здравствуй, *Сан У*, входи, — кивнула ему бабушка, — что случилось? Зачем ты хотел меня видеть?

— Госпожа, опять журналисты, — ответил *Сан У*, делая несколько шагов внутрь комнаты, — они сфотографировали господина Чжу Вона в полицейском участке и грозят опубликовать снимки. Но для начала они предложили выкупить снимки нам.

— Что за агентство? — поинтересовалась бабушка.

— «*Sport step*».

— Пфф, — презрительно фыркнула старая женщина, — опять эта самая мерзкая и беспринципная сеульская газетёнка, погрязшая во лжи? В ней работники обманывают своего начальника! И что там за снимки? За что они хотят денег?

— Вот, прошу вас взглянуть...

*Сан У* вынул из тонкой чёрной папки, с которой пришёл, несколько фотографий и протянул их бабушке. Та взяла их и отставив их перед собою так, как это делают дальнзоркие люди, принялась их разглядывать, со скептическим выражением на лице.

— Кто этот мальчик, который рядом с ним? — через пару секунд спросила она.

— Это не мальчик, это девушка, — ответил *Сан У*, — но в «*Sport step*», об этом, похоже, не знают, поскольку запросили за снимки всего две тысячи долларов.

— Две тысячи долларов?

— Да. Ничего скандального в этом фото нет. Никакой обнажёнки, никто не пьян. Виновниками инцидента полиция признала четырёх нетрезвых мужчин, обрушивших палатку. Репортёр, сделавший этот снимок, понимает, что скандала из него сделать не получится, и поэтому, он пытается продать его нам, чтобы хоть что-то получить...

— Так похожа на мальчика, — удивлённо сказала бабушка, продолжая разглядывать снимок, — взгляни, *Ин Хэ*!

Она протянула фото невестке.

— Почему она спит на плече у моего сына? — задала вопрос *Ин Хэ*, посмотрев на фотографию, — Кто она такая, что позволяет себе это делать?

— Эта девушка — Пак Юн Ми, — ответил ей начальник охраны, открыв папку и принявшись читать с вложенного в неё листа, — ей семнадцать лет. Проживает вместе с мамой и старшей сестрой в Сеуле, район Гванак-гу...

— Гванак-гу? — удивлённо переспросила, перебив его, *Ин Хэ*.

— Да госпожа, район Гванак-гу...

Мама Чжу Вона поморщилась и кивнула. *Сан У*, приняв этот кивок за разрешение продолжить, принялся читать дальше.

— ... Отец умер, когда ей было пять лет. Мать девушки имеет небольшое кафе быстрого питания. Сестра учится в университете *Ёнесай*. Семья относится к группе населения с низким доходом. Юн Ми — ученица выпускного класса этого года школы для девочек — *Ви Рyeong*. Однако, школу она не закончила и никуда не поступила. Осталась на второй год...

Мама Чжу Вона снова поморщилась.

— ... Официальная причина повторного обучения в школе — плохое состояние здоровья...

Мама Чжу Вона совсем сморщилась. Бабушка же слушала с бесстрастным выражением на лице.

....Последние три недели, Пак Юн Ми, переодетая в мужской костюм, вместе с Чжу Воном изображают влюблённую парочку, успешно распуская приходящих к нему на свидание девушек...

— Боже мой! — голосом, полным ужаса, вскрикнула мама Чжу Вона, — что же это такое?!

— Ха-ха-ха! — засмеялась бабушка, закидывая голову назад. — ха-ха-ха! Придумал всё-таки! Ну, внук, ох и получишь ты у меня!

— Мама, что тут смешного? — не понимая поворачиваясь к ней *Ин Хэ*, — это просто ужас какой-то!

— Мы потом с тобою поговорим, невестка, — махнув на неё рукой, ответила бабушка и обратилась к начальнику охраны, — *Сан У*, почему ты только сейчас рассказываешь мне об этом?

— Госпожа, — склонив голову отвечает тот, — был приказ незаметно обеспечивать безопасность Чжу Вона. Мои люди занимаются этим двадцать четыре часа в сутки. Приказа докладывать о всех поступках господина Чжу Вона, я не получал. Если бы возникла какая-нибудь угроза

его здоровью, я бы тут же принял меры и доложил вам. Но эта девушка и действия вашего уважаемого внука не являются подобной угрозой. Господину Чжу Вону могло не понравиться, если бы мы стали вмешиваться в его личную жизнь. Поэтому, мы только наблюдали. Если вы хотите, чтобы служба безопасности сделала что-то ещё, прошу вас дать мне новые указания.

*Сан У*, почтительно поклонился, прижимая руки к бокам.

— Хорошо, я поняла тебя, — кивнула головой бабушка, — я подумаю над формулировкой нового приказа, если решу его дать. Спасибо, *Сан У*, можешь идти.

— Госпожа, — вежливо напомнил начальник охраны, продолжая стоять в поклоне, — какое решение вы примите по поводу журналиста из «*Sport step*»?

— А-а, да! — вспомнила бабушка, — заплатите тысячу. Пусть подавится. Нет — подадим на них в суд.

— Будет сделано, госпожа. Осмелюсь спросить — желаете ли вы, чтобы мы собрали сведения о *Пак Юн Ми* более подробно?

— Зачем? — прищурилась на *Сан У* бабушка.

— С целью проверки её на контакты с конкурентами «*Sea group*». Пока всё, что нам о ней известно, взято из открытых источников...

— Сам, как думаешь? Нужно?

— Думаю, это будет бессмысленной тратой денег, госпожа *Му Ран*...

— Так и решим, — кивнула бабушка, — я доверяю твоему чутью *Сан У*...

— Благодарю вас, госпожа...

*Сан У* сделав несколько поклонов, распрощался и вышел. Бабушка взяла оставленную им фотографию и вновь принялась её рассматривать.

— Мама, что вас так рассмешило? — осторожно спросила её *Ин Хэ*, — это ведь просто ужас какой-то!

— Твой сын, невестка, — ответила ей бабушка, продолжая рассматривать фото, — хоть он и лентяй, но когда его прижимают к стенке, он начинает быстро соображать. Ты разве не поняла, что он придумал способ, как выкрутиться из ситуации? Выдавая девчонку за парня, он распугал всех невест, да так, что они вообще перестали ходить на свидания. Если же ему сказать, что он гей — он обидится и представит всем эту *Юн Ми* в платье и будет клясться, что любит её больше жизни. А кто, чего там подумал — не его дело...

— Любит? Он её любит?! Вот эту?

— Невестка, — урезонивающее сказала бабушка, — не стоит так

шумно реагировать. Конечно же, Чжу Вон её не любит. Это совершенно не его уровень. Ни по красоте, ни по уму, ни по положению — она ему не пара. Но я уверена, что он заключил с ней договор и будет убеждать меня, что это так. А она — станет ему подыгрывать. Он просто тянет время, надеясь уйти в армию так и не женившись. Думает, что я стану ему запрещать с ней встречаться, а он будет изображать из себя убитого горем влюблённого и поэтому не ходить на свидания. Ох, хитрец...

Бабушка замолчала, задумавшись.

— И что же теперь делать? — с тревогой в голосе спросила *Ин Хэ*.

— Возможно, что я слишком жёстко разговаривала с ним. Пообещав, что женю его, — ответила бабушка, — но он меня так разозлил своей безответственностью и ленью! Хорошо, я не стану больше заставлять его жениться, но всё равно, пусть побудет ещё наказанным.

— Разве он недостаточно уже наказан, мама? Как вы хотите ещё его наказать?

— Эта Юн Ми... Если ему хватит наглости утверждать, что любит её, то пусть тогда она станет его девушкой. До тех пор, пока он не уйдёт в армию.

— Его девушкой? Зачем? Я, мама, вас не понимаю.

— Она некрасивая. Не образованная. Я уверена, что она не умеет вести себя в обществе. Пусть Чжу Вон постыдиться за свою избранницу. Походит вместе с ней к своим друзьям. Покажет им, какое чудо он себе нашёл.

— Мама, но как же это можно?! Это же будет такой позор для него!

— Мужчина должен отвечать за свои поступки, *Ин Хэ*! Он подумал о том, как его шутка с переодеванием скажется на его семье? Подумал о тех сплетнях, что сейчас бродят по Сеулу? Думаю, что подумал, мозги у него есть. Подумал, но решил спихнуть последствия на своих родных, оставив нас разбираться с ними. И нам придётся это сделать. Но мужчина в жизни не должен опираться на женское плечо. Поэтому, пусть платит, негодник, раз создал такую ситуацию. Не так уж много времени ему придётся позориться. Всего несколько месяцев. Возможно — будет в следующей раз думать, что он делает. Тем более, что другого варианта сделать минимальным этот скандал — просто нет. Я же должна буду как-то объяснить Дон Вуку, откуда взялась у его сына эта Юн Ми? Уверена, что для моего сына интерес Чжу Вона к девочке-деревенщине будет гораздо более лучшим вариантом, чем известие о его дружбе с мальчиком-геем. Так что, пусть Чжу Вон изображает из себя влюблённого олуха. Он сам себя загнал в эту ловушку.



— А эта девушка? Что она будет делать?

— Что она будет делать? — удивилась бабушка, — Будет ему подыгрывать как они там раньше договорились. Жить красивой жизнью, одеваться в дорогих магазинах и есть в шикарных ресторанах. Мы же ведь ничего обещать не станем. Ни ей, ни её семье. Если вдруг потребуется прокомментировать ситуацию, сообщим прессе, что это очередная подружка Чжу Вона, но отнюдь не невеста. Скажем, что внимательно наблюдаем за развитием событий. Пока будем наблюдать, время пройдёт и он уйдёт в армию, а через два года всё уляжется и никто не вспомнит эту историю.

— То есть, получается, что она будет рядом с ним? Мама, а если она действительно в него влюбится? Что тогда с нею будет, когда это всё закончится?

— Будет ей впредь наука. Пусть знает своё место и не лезет к тем, кто не её уровня, — сварливо ответила бабушка, — Не выдумывай, Ин Хэ! Ей всего семнадцать. В этом возрасте все девушки обязательно в кого-то влюбляются. Но, однако, не все они выходят замуж за тех, в кого влюбились. И с ней будет тоже самое. Найдёт себе новую любовь. С её матерью я решу вопрос, если вдруг возникнет такая необходимость. Думаю, от денег она не откажется...

— Да, мама. Я тоже так думаю. Район Гванак-гу... Это надо же такое!

\* \* \*

*Время: этот же день, примерно в то же время.*

*Место действия: Медицинский центр, небольшой медицинский кабинет. Большое окно, пропускающее много света. Стеллажи из зелёных полочек вдоль стен. На стеллажах стоят папки и книги. Стол, за которым сидит врач Юн Ми — доктор Ким Чен Сёк и её мама. Перед врачом лежит исписанная тетрадь. Врач, поставив локти на стол и закрыв глаза, устало массирует пальцами лоб. Мама Юн Ми с напряжением смотрит на него.*

— Видите ли уважаемая Пак Дже Мин, — произносит Чен Сёк убирая руки от лица и открывая глаза, — всё, что вы рассказали... Внезапные способности к английскому, смена жизненных целей.... Всё это очень интересно. Но... непросто! И я не могу, тут, прямо сейчас, однозначно ответить вам на ваши вопросы, лишь основываясь на сделанных записях...

Доктор легонько похлопал рукою по исписанной тетради и продолжил.

— ... Например, история с деньгами, которая вас так взволновала... Да, с одной стороны она выглядит как ярко асоциальное поведение. Но с другой стороны, вы же сами видите, что ваша дочь отдаёт себе отчёт в совершаемых ею поступках. Иначе бы она не пришла просить прощения и не стала бы обещать всё вернуть. Это очевидно. Совершённое вашей дочерью в данный момент больше похоже на поступок человека остро нуждающегося в деньгах, ради достижения своей цели, чем человека, взявшего деньги чтобы бездумно их потратить.

— *Чен Сёк-сии*, но... Цель, которую она перед собою поставила? Стать *айдолом*! Разве это реально? — возражает ему мама Юн Ми.

— Ну кто-то же становится *айдолами*? — улыбается доктор, — значит, это не является принципиально недостижимым, не так ли?

— Но доктор!

— *Дже Мин-сии*, давайте мы с вами поступим следующим образом, — не вступая в полемику, предлагает врач, — всё что вы сказали, требует времени и тщательного анализа. А, пока...

Доктор выделил интонацией слово — «пока».

— ...Пока я не вижу оснований для чрезвычайной тревоги. Да, есть проблемы. Но было бы удивительно, если бы их не было бы. Ведь память же к ней так и не вернулась? Значит, главный «возмущающий» фактор не устранён, а из этого всё и идёт. Если честно, то из всего вами сказанного, больше всего меня сейчас волнуют ваши слова о том, что она изменилась внешне. Это так?

— Да, доктор. Она похудела и со своими короткими волосами стала очень походить на мальчика!

— То есть вы утверждаете, что её лицо сильно изменилось, *Дже Мин-сии*?

— Ну, не то чтобы сильно. Я бы сказала, доктор, что в нём появились какие-то новые черты. Иной раз смотришь — Юна, потом повернёт голову, глянет как-то по-особому — ну словно незнакомая девочка, а потом снова — прежняя Юна.

— Хмм, — задумчиво говорит доктор, — думаю, что тут следует сделать анализ на гормоны. Изменение пропорций тела — это результат работы желёз. А ими управляет мозг. Мы знаем, что с ним не всё в порядке. Значит, управлять подчинёнными ему системами он может с ошибкой. Обязательно нужно сделать анализ! Давайте поступим так. Я приглашу Юн Ми на осмотр, который у неё, кстати, уже должен быть, поскольку уже прошёл месяц, даже уже полтора. Побеседую с ней и она сдаст кровь. И мы

посмотрим, что там так или не так. Хорошо?

— Да, доктор, как скажете!

— А потом мы с вами ещё раз встретимся, *Дже Мин-сии*, и я вам расскажу результаты исследования. И уже из этого, имея на руках результаты анализа и моё впечатление от разговора с Юн Ми, примем решение о наших дальнейших с вами действиях. Хорошо?

— Хорошо, доктор Ким! Спасибо! Дай вам бог здоровья!

— Всего доброго, *Дже Мин-сии*!

\* \* \*

*Время: тот же день. Ближе к вечеру.*

*Место действия: Улица, недалеко от дома мамы Юн Ми. По улице, возвращаясь из университета, расслабленной походкой студентки, перегруженной знаниями, идёт Сун Ок.*

— Эй, Сун Ок! — кричит ей бодрая женщина средних лет, выглядывая из дверей своего дома, — как здоровье твоей мамы?

— Здравствуйте, тётя Во! — остановившись и кланяясь, здоровается Сун Ок, — большое спасибо, что вы беспокоитесь о моей маме. У неё всё хорошо со здоровьем, спасибо.

— Ну мы же не один год с ней знакомы! А как дела у твоей младшей сестры? Я сегодня видела, как её подвозил на машине парень. Такой красавчик! И машина у него сразу видно, что дорогая. У твоей сестры появился богатый парень?

— Ээ-э, — не смогла ответить на вопрос Сун Ок, впад в некоторую растерянность, — Парень у Юн Ми? Тётя Во, а вы точно уверены, что это была она? Не перепутали?

— На глаза я ещё не жалуюсь. Это была точно Юн Ми. У неё ещё было такое маленькое пианино с белыми клавишами. У твоей сестры есть такая штука?

— Да, — кивнула Сун Ок, — она недавно купила синтезатор... Значит, это действительно была Юна... А что за парень был с ней? Вы его знаете?

— Хэй, деточка, неужели твоя младшая сестрёнка тебя обскакала? — уперев в бока руки заулыбалась женщина, — Нашла себе жениха и ничего тебе не сказала?

— Да ей только семнадцать лет! Какие ей женихи? Что вы говорите такое, тётя Во?!

Сун Ок с возмущением уставилась на смеющуюся женщину.

— Ладно, ладно, — улыбнулась в ответ та, — я ничего такого не имела ввиду. Если у Юны появился парень — ничего плохого в этом нет. А уж парень как хорош: и машина дорогая, ярко-красная, и одет хорошо. И воспитанный — помог твоей сестре её пианино из машины вытащить. Такими женихами разбрасываться нельзя. Если она тебе с мамой ничего не сказала, то это не правильно. Нужно узнать — кто он, из какой семьи и какие у него намеренья. Расспроси Юн Ми, узнай у неё. С мамой, ей, наверное, будет неудобно говорить, а тебе она всё расскажет. А ты потом расскажешь маме и с ней вместе подумаете, что тут нужно будет сделать. Поняла?

— Да, тётя Во! — поклонилась Сун Ок.

Вид у неё был ошарашенный.

— Ну иди, поговори с сестрой. И мне потом расскажешь — что за парень такой? Я же тебе рассказала, что видела, значит, и ты мне должна рассказать, что узнаешь. Договорились?

— Да, тётя Во! — поклонилась Сун Ок, — до свидания!

— До свидания, Сун Ок, — кивнула тётя.

Сун Ок, распрощавшись, вновь пошла по улице. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Последние метры до двери она преодолела чуть ли не бегом.

— Мама, я дома! — закричала Сун Ок, войдя в дом и торопливо переобуываясь в тапочки в прихожей.

— Да доченька, хорошо! — ответила та, выглядывая из маленькой кухни, — сейчас будем кушать. Ты проголодалась?

— Ужасно! Мама, а где Юна?

— В гараже. Красит свой синтезатор.

— Красит синтезатор?

— Да. Она привезла его сегодня из ремонта. А что случилось?

— Да ничего... Просто хотела её увидеть. Соскучилась.

— Как хорошо, что ты так любишь свою младшую сестру, — улыбаясь сказала мама.

«Настолько, что я её просто прибью, если узнаю, что она „любовь“ с богатеньким закрутила», — подумала про себя Сун Ок, решительным шагом направляясь в гараж.

В гараже она обнаружила хмурую Юн Ми, кисточкой размазывающую чёрную краску по деревянному днищу синтезатора.

— *Аннён, Юна!* — сказала Сун Ок.

— *Аннён,* — без воодушевления отозвалась та, продолжая возить

кисточкой.

— Что делаешь?

— Да вот, пытаюсь придать хоть какой-то вид...

Юн Ми грустно вздохнула.

— Юна, а что это за парень подвозил тебя на машине? — внимательно смотря в лицо сестре спросила Сун Ок.

Кисточка в руке Юны на мгновение замерла.

— А, ты об этом... — ответила она.

Кисточка вновь загуляла по фанерному днищу, размазывая краску.

— Это родственник бракодела, — после короткой паузы сказала Юн Ми.

— Какого ещё бракодела? — не поняла Сун Ок.

— Иди сюда, — подзывая, мотнула головой Юна, — смотри. Вот тут неровно отпилено. Видишь? И тут... И здесь криво получилось...

С минуту, Юн Ми, тыкая ручкой кисточки, показывала Сун Ок все огрехи сделанного днища.

— ...А ещё, днище получилось больше по размерам и теперь на него старый чехол не налезает. Придётся покупать другой, побольше...

— Да кто тебе так сделал?! — возмутилась Сун Ок, — это не работа, а просто безобразие какое-то!

— Вот и я о том же, — снова вздохнула Юн Ми.

— Пусть переделывает! Это никуда не годиться!

— Боюсь, что второй раз получится не лучше...

— Что значит — не лучше? Если мастер деньги взял — пусть делает как следует! Или возвращает деньги назад! Если он не хочет тебе их возвращать, давай я схожу, поговорю с ним! Кто этот человек?

— *Онни*, — проникновенным голосом ответила Юн Ми, — не нужно никуда ходить. Мне эту крышку сделали, считай задаром. Мне и так, пришлось долго уговаривать. Никто не хотел браться за такую странную работу, но я уговорила. Сказала, что согласна на всё, что получится. Будет неудобно, если ты теперь придёшь туда и начнёшь ругаться. Понимаешь?

— Да? Ну ладно, смотри, раз так... Раз даром. Но если тебя не устраивает, или ты думаешь, что тебя обманули...

— *Онни*, спасибо, всё хорошо...

— Дети! Пойдёмте, поедим! — закричала мама из глубины дома.

— Да, мам, сейчас! — отозвалась Сун Ок.

— Да, Юна! — вновь обратилась она к сестре, — так кто же тот парень, с которым тебя видела тётя Во?

— Это родственник человека, который делал мне крышку, — смотря

на сестру честными-пречестными глазами ответила Юна, — Мастеру было неудобно, что так плохо получилось и он попросил своего родственника, приехавшего к нему в гости, подвезти меня. Я согласилась. KORG тяжёлый...

— Вот оно что, — ответила Сун Ок, понимающе кивнув, — а почему он тебя тогда не до дома довёз?

— Я попросила его остановиться там. Не хотела, чтобы кто-нибудь увидел и начал ерунду всякую говорить. Но, похоже, нужно было останавливаться ещё дальше.

— Да, от тёти Во не скроешься! — засмеялась Сун Ок, — ладно, пойдём, поедим! Я так проголодалась в этом университете! Мы сегодня с тобой будем заниматься английским?

— Конечно, *онни*, — ответила Юна, закрывая крышку банки с краской, — никаких проблем.

— Спасибо, Ю! Пошли есть!

— Пошли!

\* \* \*

*Время: тот же день. Поздний вечер*

*Место действия: Ночной клуб. За столиком, свободно развалившись в креслах сидят Чжу Вон и Чон Хан.*

— Хён, я слышал... — осторожно говорит Чон Хан, обращаясь к другу, — ...слышал про тебя... странную историю.

— Какую? — с интересом смотрит на него Чжу Вон.

— Нет, я конечно не верю, в то, что болтают. Но говорят, что ты... в общем...

— Встречаюсь с парнем? — помогает закончить ему вопрос Чжу Вон.

— Ну, что-то типа того, — подтверждающее кивает Чон Хан смотря в пол.

— Хочешь знать, правда это или нет? — хмыкает Чжу Вон.

— Ну... В общем, да.

— То есть, Чон Хан, ты вполне допускаешь, что я могу встречаться с парнем? Так, что ли?

— Нет, не допускаю, — отрицательно крутит головою Чон Хан, — но я хочу понять, чем вызваны эти слухи? Я об этом слышал от многих людей. Что-то же стало причиной их разговоров?

— Не парься, — усмехнулся *Чжу Вон*, беря со столика фигурный стакан с коктейлем, — это не парень, это девушка.

*Чжу Вон* делает глоток коктейля.

— Просто она очень похожа на парня, — секундой позже добавляет он.

— Девушка — похожая на парня? — удивился *Чон Хан*.

— Да. Помнишь наш тот разговор, когда я рассказал, что бабушка решила меня женить? Ты тогда предложил, чтобы я нашёл парня и изобразил с ним «сладкую парочку». Так вот, я творчески доработал твою идею — нашёл девчонку, похожую на парня и изображаю «парочку» с ней. Правда, при этом все думают, что она — парень... Но я же не виноват, что у людей нет глаз?

— Да ты что?! — ахает *Чон Хан*, до которого «дошло», — Ты воплотил в жизнь мою безумную идею?! Вот это да, хён! Ты просто сумасшедший! Я бы никогда не рискнул повернуть такое! Ты просто невообразимо какой смельчак!

— Хм, — польщённо хмыкает *Чжу Вон*, — ещё неизвестно, на что будешь способен ты, когда тебя припрут насильной женитьбой к стене.

— Даже если припрут! У меня просто духу не хватит совершить подобное! Пойти против семьи? А кто эта девушка? Где ты её нашёл?

— Так, подвернулась по случаю, — неопределённо говорит *Чжу Вон*, крутя в руке стакан и слушая как лёд стучается о его стенки.

— Ты ей за это платишь? Или, может, она делает это из-за любви к тебе, а, хён?

— Она мне должна. Я спас её от тюрьмы.

— Да ты что?! — глаза *Чон Хан* изумлённо расширяются, — правда? Она что, преступница?

— Она глупая школьница, решившая стать *айдолом*, — с иронией в голосе говорит *Чжу Вон*, — она очень боялась, что её привод в полицию плохо скажется на её будущей карьере. Я её спас от полиции. Поэтому — она мне должна.

— Чёрт, почему со мною не происходят такие интересные истории?!

— Не знаю, — пожимает плечами *Чжу Вон*, — наверное, ты слишком занят для них.

— Да, — загрустив, говорит *Чон Хан*, — эта моя учёба... Совсем нет времени на жизнь. А, что, эту девушку, действительно, могли забрать в полицию? Что она сделала?

— А, — пренебрежительно кривится *Чжу Вон*, — совершенно ерундовая история. Думаю, что её бы просто отпустили бы домой, да и всё.

Но она этого не знала и согласилась искупить вину, даром работая на меня.

— *Чжу Вон*, ты такой коварный с девушками?!

— Не волнуйся, девушки ещё более коварны со мною. Даже эта глупая школьница умудряется получать бонусы от общения со мною. Я так бесконечно добр...

*Чжу Вон* корчит физиономию.

— Все девушки одинаковые, — поддакивает ему *Чон Хан*, — вечно просят им что-то купить.

— Не, она не такая, — отрицательно мотает головою *Чжу Вон*, — она если что и просит, так это поддержать лист фанеры, который она пилит, или дать ей электрическую дрель.

— Что, правда? — удивляется *Чон Хан*.

— Угу, — подтверждающее мычит *Чжу Вон*, — а ещё, она разбирается в мотоциклетных двигателях и может подраться с четырьмя пьяными мужиками.

— Школьница? Подраться? Да ну, разыгрываешь!

— Правду тебе говорю. Она настоящая *сасигя*! Из-за драки, которую она устроила, я попал в полицейский участок!

— Фють! — присвистнул *Чон Хан*, — вот это девушка! Ты так о ней рассказываешь, что мне захотелось её увидеть!

— В чём проблема? — пожимает плечами *Чжу Вон*, — завтра у меня свидание с очередной претенденткой, приходи, познакомлю.

— Хён, разве это будет удобно? У тебя же будет свидание?

— Брось, — машет рукой *Чжу Вон* на *Чон Хана*, — девушки уже не ходят ко мне на свидания. Мы, с *Юн Ми*, давно уже всех распугали. Завтра как раз воскресенье, учиться тебе не надо. Придётся?

— *Юн Ми*?

— Да, так её зовут. Так тебя ждать? Возможно, это будет последняя возможность.

— Последняя? Почему?

— Бабушка должна вот-вот всё узнать. Думаю, моё шоу закончится в самое ближайшее время. Завтра, в обед, схожу на последнее свидание, а вечером, хочу устроить шутку на вечеринке у *Ким Сан Гён*. Дальше, уверен, дома будет скандал и я с ней больше не увижусь.

— У, даже так? А что за шутку ты придумал, хён?

— Приходи, узнаешь, — улыбается *Чжу Вон*, — рассказывать не буду. *Сан Гён* тебя приглашал? Есть приглашение?

— Да, хён, есть.

— Ну так будь. Будет весело.



— Хорошо, Чжу Вон, буду. И завтра приду. Только ты ей не говори, что я знаю, что она не парень.

— Почему?

— Так будет интереснее.

— Окей, не скажу.

\* \* \*

*Время: следующий день, воскресенье, около одиннадцати часов утра*

*Место действия: магазин брендовой женской одежды. В одном из отделов, перед большим зеркалом, в розовом платье, стоит Юн Ми. Немного наклонив голову к плечу, с некоторым недоумением во взгляде, она рассматривает своё отражение. Сзади неё, с глубокомысленным выражением на лице стоит Чжу Вон и тоже разглядывает отражение Юн Ми.*

Не, розовое, это вообще пипец... Юна в нём на поросёнка смахивает. Хотя я её и «похудел» немного, но всё равно, от свинки в ней ещё многое осталось. А розовый цвет это только подчёркивает. Черное платье — лучше всего было. И влезать в него проще... Что-то Чжувонище увлёкся. Я ему что, кукла Барби, что ли? Будет он тут меня одевать-раздевать, то же мне, нашёлся... Фетишист. Во всём происходящем, одно только «держит меня на плаву» — пережить сегодняшний вечер и этот маразм должен закончиться навсегда.

Чжу Вон решил напоследок устроить шутку. Семья о его проделках вот-вот узнает и чтобы всем его друзьям всё было совершенно ясно и «ничего такого» о нём они не думали, он решил их разыграть. План розыгрыша прост и незатейлив как стоптанный валенок: мы с Чжу Воном идём на вечеринку к какому-то Сан Гёну. Там, у этого Гены, я, в мужском костюме, поначалу играю роль парня. Моя задача — чтобы все поверили в то, что я мальчик. Потом, когда данная цель будет достигнута, я, по сигналу Чжу Вона, быстро переодеваюсь в платье и являюсь перед публикой в образе Юн Ми. Чжувонище думает, что это будет страсть как весело и офигительно. Ну и пусть думает. Моя личная задача — дожить до утра и проснуться на рассвете свободным человеком...

...Что-то сил нет сегодня никаких. Родители ночью snились. Мама была такая грустная.... Плохо спал, не выспался. А сейчас чего-то хочется. Чего — непонятно. То ли борща, то ли сала... Ещё эта дурацкая

примерка... Какая разница, какого цвета тряпка будет на Юн Ми? Главное, что на ней будет платье, а не штаны!

... Настроение просто алесс капут. Вчера *нуна* докапывалась — что за парень меня подвозил? Пришлось творчески врать, импровизируя на ходу. Хорошо, прокатило. Но точно добавил к своей карме минус один. Ведь специально же, вылез из машины за три квартала до дома! Нет, всё равно — засекли! Засекли и «настучали». Что за город, право слово? Деревня какая-то, а не город. Деревня, в которой все всех знают и всем до всего есть дело. Ну мало ли, кто с кем в машине ездит? Обязательно нужно языками чесать?

...А сегодня с утра, выяснил, что угробил результаты своего адского труда. Покрасил вечером днище KORGu в чёрный цвет, а на ночь — сверху лаком покрыл. Утром встал, глянул — ё-моё! Лак с краской вступил в какую-то нецензурно-противоестественную реакцию. Всё покрашенное пошло пятнами. Где чёрный цвет, где фанера лакированная. Ну, самый низ-то не очень видно, он снизу. Так ведь и бока местами тоже захватило! Прекрасно видно, что фанера... Эх, чёрт! Всё переделывать придётся! Столько труда вложил и всё зря...

— Я возьму чёрное платье, — говорит за моею спиной Чжу Вон продавщице.

Слава тебе яйца! — думаю я про себя, — с выбором платья покончено. Что там дальше? А, он ещё туфли собирался покупать! О господи, дай мне сил!

\* \* \*

*Время: этот же день, воскресенье, около двух часов дня.*

*Место действия: зал в одном из ресторанов. Чжу Вон ждёт своего друга — Чон Хана. Ни его, ни Юн Ми пока нет. Чжу Вон недовольно хмурится смотря на часы. В этот момент у него звонит сотовый телефон. Звонит Юн Ми.*

*Телефонный разговор:*

(Юна) — Сонбе, у меня тут... проблемы...

(Чжу Вон, возмущённо) — Где ты ходишь? Ты же на пару минут отошла?! Какие ещё проблемы? Вот-вот уже... претендентка придёт! Сейчас же возвращайся на рабочее место!

(Юна, печально) — Сонбе, у меня эти... начались...

(Чжу Вон, непонимающе) — Эти, это кто? Что там у тебя началось?

(Юна, очень-очень грустно) — Месячные...

(Чжу Вон) — Что? И что с того? Хочешь, чтобы я тебя поздравил, что ли?

(Юна, тоскливо) — У меня прокладок нет...

(Чжу Вон) — Пффф! Ну ты и идиотка! И что теперь?

(Юна) — Я из туалета выйти не могу... Сонбе, пожалуйста, купи мне прокладки...

(Чжу Вон, охреневающе) — Ты с ума сошла?! Как ты можешь просить парня о таком?

(Юна) — А кого мне ещё просить? Онни, в институте, мама, дома... Только ты и рядом...

(Чжу Вон) — Ну ты и чокнутая!

(Юна) — Ну, если нет, тогда я буду сидеть в туалете. Сам с претенденткой разбирайся!

(Чжу Вон) — И сколько же ты собираешься там просидеть?

(Юна) — Позвоню сестре. Пока не придёт, буду сидеть...

(Чжу Вон) — Тсссс...

(Пауза в разговоре.)

(Чжу Вон) — Ничего не знаю, ты должна работать! Ты нарушаешь наш договор!

(Юна) — Я не нарушаю. Это непредвиденные обстоятельства. Форс-мажор...

(Чжу Вон, возмущённо) — Какой ещё форс-мажор?! Как месячные могут быть форс-мажором? Что ты несёшь?

(Юна, меланхолично) — Месячные — всегда форс-мажор... К твоему сведенью.

(Чжу Вон, подумав и согласившись) — Ладно, чёрт с тобою! Какие именно прокладки тебе нужны?

(Юна) — Купи... какие-нибудь. Я в них не разбираюсь.

(Чжу Вон, изумлённо) — Не разбираешься?! Эй, кто тут девушка, я или ты?! Или ты издеваешься?!

(Юна) — Там есть, такие... С синенькой полосочкой...

(Чжу Вон) — Что значит — «с синенькой полосочкой»? Ты можешь сказать как они называются?

(Юна) — Не помню... Ну я правда в них не разбираюсь! Честно.

(Чжу Вон) — О боже, что ты за странное существо? Хорошо, я спрошу в аптеке. Стоп! А как я тебе их передам? Я же не пойду в женский туалет?!

(Юна, грустно) — Я в мужском...

(Чжу Вон) — В мужском?! Зверёныш, что ты делаешь в мужском туалете?! Совсем с ума сошла?

(Юна, печально) — Сонбе... Подумай сам! Я же выгляжу как парень. Как я могу пойти в женский туалет? Меня же там — побьют.

(Чжу Вон) — Пфффф! Рассказать кому такое — не поверят!

(Юна) — Сонбе, я делаю для тебя лучшее, на что только способна. Можно сказать — живу чужой жизнью. А ты не можешь мне помочь в совершенно пустяковом деле...

(Чжу Вон) — Ха, живёт она! Ладно, и где мне тебя потом искать, в этом туалете?

(Юна) — Третья кабинка, от начала...

(Чжу Вон) — Сиди и жди... Чучело!

Чжу Вон разрывает соединение.

— Идиотка, — возмущённо говорит он, убирая во внутренний карман пиджака телефон и вставая с кресла, — откуда она только такая взялась? Как её только мать воспитывала?

## Шкурка восемнадцатая

*Время: чуть позже*

*Место действия: зал ресторана. За столиком сидят Чжу Вон, Юн Ми и Чон Хан. Чжу Вон и Чон Хан достаточно оживлённо общаются между собою. Наверное их оживление обязано двум зелёным бутылочкам соджу, стоящих на столе рядом с каждым из парней. Около Юн Ми ничего не стоит. Юн Ми занимается тем, что с вежливым выражением прислушивается к разговору старших и время от времени таскает с большого блюда, стоящего посреди стола, на свою тарелку кусочки хитроприготовленного мяса. Чон Хан периодически бросает на неё заинтересованные взгляды. Юна делает вид, что их не замечает.*

Опять я без пива остался. Чжувонище мог бы уж и взять, коль у нас тут «мужская» компания на троих образовалась. А то сижу дурак-дураком, смотрю, на тех, кто пьёт и откровенно не понимаю, — на кой я тут?

Чжу Вон откуда-то взял друга. Когда я, приведя себя в порядок, вышел из туалета и вернулся в зал, то за столиком, вместо девушки, я увидел парня, разговаривающего с Чжу Воном. Видя такое дело и не имея инструкций как действовать в подобной ситуации, я попытался — «тихо исчезнуть», но Чжу Вон заметил меня и стал махать рукою, подзывая. Интересно в Корее это делают. Вытягивают руку, переворачивают кисть ладонью вниз и начинают двигать прижатыми к друг-другу пальцами, словно гребя к себе. Так подзывают людей. Если же перевернуть руку ладонью вверх и повторить пальцами те же движения, то так тут подзывают собак... Всего-то, ладонь вверх или вниз, а какая разница в информационном посыле! Восток, дело явно тонкое... Но у них тут так заведено и они к этому приспосабливаются с детства. Мне же, мимоходом, оскорбить человека — раз плюнуть. Достаточно поманить его к себе ладонью вверх. Как привык... Идиотизм.

Короче говоря, Чжу Вон мне «исчезнуть» не дал. Пришлось идти к столику — знакомиться. Парень оказался старым другом Чжу Вона и зовут его Сон Чон Хан. Чжу Вон представил меня ему тоже, как своего друга — Ли Гун Сё. Ну и имечко он мне придумал! Глядя на довольное лицо Чжу Вона, я понял, что в данный момент имеет место быть розыгрыш. Единственно, лишь не совсем понятно, кто кого тут разыгрывает. То ли я, то ли меня. Решив, что это, возможно вынужденный экспромт, я стал

подыгрывать своему работодателю — поздоровался за руку с Чон Ханом, представился. Ну, как парень. Потом сели за стол. Чжу Вон заказал себе и другу — соджу и закусь. Понимая, что соджу Юн Ми пить не стоит, я, на волне праздника, попытался включить в заказ кружку пива. Ну не сидеть же мне просто так, смотря как другие — употребляют? Заказал, но был жестоко «обломан» Чжу Воном, который не поленился прочитать мне мораль по поводу того, что положено в моём возрасте, а что нет. Чон Хан с большим интересом наблюдал за этим представлением внимательно меня разглядывая. Он что, что-то подозревает?

В итоге, я остался ни с чем. Что за идиотизм? Разве так принято делать? Они «квасят», а я на них смотрю. Ну и где тут — «дружба»? Даже «за знакомство» не выпить, ибо у меня банально нечего налить!

Ладно, переживу. Пиво как-нибудь сам себе куплю. Зато у меня есть моральное утешение — удалось отправить за прокладками Чжу Вона. В принципе, я и сам бы мог выкрутиться. Туалеты тут «богатые». И унитазы со всякими наворотами и средства гигиены разные — бумага, салфетки. Я уже было совсем собрался начать «выкручиваться», как мне в голову пришла мысль о том, что я не знаю где тут рядом можно купить прокладки. Вполне возможно, что придётся поискать. А делать это нужно быстро, ибо Чжу Вон ждёт моего возвращения. Как-то сомнительно, что у меня получится это быстро сделать, в такой ситуации. Лучше, конечно, чтобы кто-то сходил и купил. Но, кроме Чжу Вона рядом никого не было и уж если кого-то посылать, то получалось, что посылать можно только его.

А собственно, почему бы и нет? — подумал я обдумывая пришедшую в голову мысль.

Почему бы не отправить за прокладками этого придурка? В качестве мести за его шуточки и пренебрежительное отношение. Пусть сбегает. Он сейчас ждёт, Юн Ми ему нужна. Может прийти невеста. Для него есть хороший стимул привести меня «рабочее» состояние. Не пойдёт? Да и бог с ним, сам схожу! Будет у меня официальная причина отсутствия. А так — потренирую девчачье поведение. Попросить помощи, это так по-женски...

Я попробовал. И у меня — получилось! Чжу Вон, повозмущался, повозбуждал, но сгонял, купил. Кажется я научился секрету получения слабым полом «плюшек». Нужно прикидываться глупой, беспомощной ветошью и ныть, ныть и ныть, прося помощи. Похоже, именно это и срабатывает. В принципе, никакого секрета в этом нет. Я тоже, помнится, по молодости, всегда отзывался на просьбы помочь от девушек. Потом, когда немного поумнел, понял, что меня просто используют и стал стараться «отмазываться» от благородных рыцарских дел. Но всё равно, до

сих пор, когда меня просит девушка, первое движение души — помочь, потом включаются мозги — «мною пользуются» и я — «сваливаю»... В принципе, ничего сложного нет. Возможно, что и научиться подобному поведению будет не так уж и тяжело. Почаще практиковать да и всё. Но! Я мужик или не мужик? Почему я должен у кого-то что-то выпрашивать прикидываясь слабым и беспомощным? Нафиг мне это нужно? Я же не настоящая девчонка...

— Гун Сё, а ты что скажешь?

... Я сам могу всё сделать, что мне надо! Без попрошайничества...

— Гун Сё! Ты что, не слышишь? Чего молчишь?

Чжу Вон, хлопает ладонью по столу, привлекая моё внимание.

— Гун Сё!

Так, Гун Сё, это вроде бы я. Чего надо?

Я вынырываю из своих мыслей о добыче «плюшек» женским путём и говорю: А что случилось?

— Чон Хан спросил тебя, что ты посоветуешь? — с лёгким нотками недовольства в голосе говорит Чжу Вон, — а ты молчишь.

— Прости, хён, — отвечаю я, — задумался. И ты извини меня, Чон Хан. О чём ты меня спросил?

Чон Хан в это время, скаля зубы, смотрит на меня.

— Я студент университета *Koryo*, — закончив скалится говорит он, — лучшим ученикам преподаватель раздал задания — сделать собственный бизнес-проект «под ключ». Придумать идею бизнеса и провести её экономическое обоснование. У меня уже есть несколько вариантов, но они кажутся слишком простыми. Хочется сделать что-то более значимое. Поэтому я и спрашиваю у своих друзей и знакомых. Может, появится какая-нибудь более интересная идея?

— Ты лучший ученик университета *Koryo*? — спросил я Чон Хана, окидывая его оценивающим взглядом.

Так вот как выглядят ученики одного из престижного университета Кореи! Да, совсем не так, как выглядят наши задохлики-ботаны из Баумановки. На человека похож. Ах, ну да, я же читал, что учёба в корейском университете это скорее отдых перед взрослой жизнью, чем учёба. Тут главное — поступить...

— Не лучший, а один из лучших, — скромно поправил меня Чон Хан одновременно при этом гордо расправляя плечи, — мне ещё предстоит долгий путь к вершинам знания.

Я заметил на лице Чжу Вона промелькнувшую гримасу недовольства. Чего он морщится? Не нравится, как Чон Хан хвастается успехами? А ну,

да. Он же говорил, что бросил учиться. А теперь его друг — один из лучших в *Koryo*. Понятно. Ну что тут поделаешь? Сиди радуйся успехам друга, коль у самого — мозгов нет...

— Я думаю, *Чон Хан-сии*, что тут нужен проект, который будет интересен лично вам. Вот какое у вас есть увлечение?

— Можешь говорить со мною неформально, — сказал *Чон Хан*, обращаясь ко мне и добавил, — а моё увлечение....

*Чон Хан* на секунду задумался, подняв глаза к потолку.

— Мне нравятся машины, — сказал он, опуская глаза, — машины, мотоциклы. Как *Чжу Вону*.

— Отлично, *хён*, — сказал я, — тогда могу предложить тебе разработать концепцию информационно-развлекательного центра, связанного с машинами. Какой-нибудь мотор-шоу клуб.

— ...«Пространство, где культура и машины стали объединяться» — процитировал я слоган возможной рекламы, закатывая к потолку глаза и разводя поднятые вверх ладони, изображая «воспарение». И тут же предложил ещё один вариант «речёвки», — или, «где люди и машины стали объединяться».

— Клуб? — не понимаяще переспросил *Чон Хан*, — что за клуб?

— Место, где будут собираться люди интересующиеся машинами.

— Ерунда, — пренебрежительно скривился *Чжу Вон*, — такое уже есть в Америке и Европе. Там полно всяких байкерских клубов. И у нас тоже такие есть.

— Клуб клубу рознь, — возразил я, — многое будет зависеть «начинки». Что делают американские байкеры в своих клубах? Дуют пиво и играют в бильярд. И всё. А если *Чон Хан* впихнёт в свой проект автосервис для установки аксессуаров и «прокачки» тачек? А ещё — спортивный тотализатор с прямым включением с гонок, бар-кафе с пивом, под просмотр этих гонок, презентации автопроизводителей своих новых моделей машин, какой-нибудь исследовательский отдел, для разбирающихся, как повысить мощность двигателя, чем смазать, что залить? Краш-тесты ещё, например, делать. Очень зрелищная вещь. Ночью, при свете прожекторов, о стенку — бамц!! И брызги во все стороны! Можно делать «краши» с выездом за город. Мясо, пиво на природе. Какие-нибудь гонки прокаченных авто устраивать. Где-нибудь на автотрассах. С призами, с галереей славы.... Какую-нибудь техническую библиотеку по раритетным авто ещё организовать в клубе. Опять, же, можно отдельно выделить ангар под раритеты. С аукционом на «родные» запчасти «к древностям». Или просто магазин с их предзаказом. Но, аукцион



интереснее выглядит. И, наверное, прибыльнее будет магазина. Что ещё? Дизайн сделать интересный. Машины, там, висящие на цепях, или замурованные в стену, или в зеркалах. Можно заказать стеклянные кузова, чтобы внутренности были видны. И подсветку в них...

...Опять же, торговля. Сопутствующая. Аксессуары всякие, одежда, для гонщиков, от известных производителей. И для женщин можно предусмотреть продажу каких-нибудь ювелирных финтифлюшек с автомобильной тематикой. Будут покупать её своим мужчинам в качестве подарков. Например, перчатки, расшитые брюликами... Или, шлем, с платиновыми вставками... Золотая педаль газа... Удобно, всё рядом, ходить никуда не нужно! И конечно — развлечения! Музыка, бар, танцы. Можно приглашать известных певцов, актёров.... Во, ещё стриптиз-бар открыть! Вот это будет центр так центр, а не какой-нибудь унылый американский рок-клуб с пивом! Клуб, куда никому не стыдно будет прийти... А ещё можно сауну сделать... Что?

Оба парня смотрели на меня слегка округлившимися глазами.

Так, что-то я увлёкся. Нужно было сидеть и помалкивать. А сейчас, по-видимому, начнутся неудобные вопросы... Просто тема мне до боли знакомая. Мы, с моими парнями, там, ещё на той Земле, как-то обсуждали вопрос по поводу открытия подобного мото-клуба. Дальше фантазий у нас дело не пошло, но напридумывали мы тогда изрядно. Вот эти все «придумки» я и вывалил...

*Чон Хан* повернул голову к *Чжу Вону* и вопросительно приподнял брови. На его лице было удивление.

— Стриптиз? — тоже, с удивлением на лице, переспросил, обращаясь ко мне *Чжу Вон*.

— Стриптиз можно выкинуть, — не споря, быстро согласился я, сообразив, что предложение от семнадцатилетней девушки открыть подобное заведение выглядит в его глазах... скажем так — неоднозначно.

— Ты хоть представляешь, сколько это будет стоить? — спросил меня *Чжу Вон*.

— Ну так ведь... *Чон Хан* же хотел интересный проект? Совсем не обязательно вкладывать в это деньги. Задача была поставлена — что-то посчитать. Вот, пусть *Чон Хан* и посчитает. Ему будет не скучно, потому, что он этим интересуется. В чём проблема? Меня спросили, я предложил. Если ему не нравится, пусть придумает другое. Я не обижусь.

— Нет, *Гун Сё*, — сказал *Чон Хан*, — твоя идея мне кажется интересной, просто...

Но закончить свою мысль ему не удалось.

— Чжу Вон! — раздался рядом недовольный женский голос, — что это значит?

Чжу Вон повернулся и у него буквально — челюсть отвисла. Мы, с Чон Ханом, тоже, повернулись на источник недовольства. Рядом, с нашим столиком, стояла расфуфыренная девушка, держа обеими руками ручки большой модной сумки, розового цвета. Подобные сумки я видел в витринах дорогих бутиков. Вид у девушки был сердитый. Она с недовольством смотрела на нашу «тёплую» компанию.

— Ю Чжин! — справившись с удивлением произнёс Чжу Вон, подобрав упавшую челюсть и обращаясь к незнакомке, — что ты тут делаешь?

— *Оппа*, — капризным голосом ответила девушка, — я пришла к тебе на свидание! Почему ты не один?

— Какое свидание? — не понимая переспросил Чжу Вон. Вид у него был слегка охреневающий.

— Свидание в слепую, — произнесла Ю Чжин делая шаг вперёд и ставя сумку на столик, — поэтому я и спрашиваю — почему ты не один, *оппа*?

— Привет, Чон Хан! — кивнула она моему соседу.

— Здравствуй, *нуна*! — ответил тот, — рад тебя видеть.

Похоже, они были знакомы.

— Как ты могла прийти ко мне на свидание? — спросил Чжу Вон.

Похоже, Чжувонище решил проявить упорство в отрицании очевидного и сопротивляться до конца.

— Взяла и пришла, — ответила Ю Чжин, садясь за стол и окидывая меня внимательным взглядом, — твоя сестра сказала мне какое агентство занимается организацией твоих встреч. Я пошла туда и записалась в очередь. И вот я тут. *Оппа*, разве ты не рад?

— Ага, значит *Хе Бин*? — понимающе кивнул Чжу Вон, — и она поучаствовала?

— У *Хе Бин* нет секретов от своей старой подруги, — несколько поучающим тоном пояснила ему Ю Чжин и повернулась ко мне.

— *Оппа*, кто это? — спросила она Чжу Вона, смотря при этом на меня, — познакомь нас.

Тот не отозвался, напряжённо о чём-то размышляя. Затем поднял левую руку и посмотрел на часы.

— Ю Чжин, ты опоздала на пятнадцать минут, — сказал он, — свидание было отменено по причине твоей неявки. Я уже давно ушёл. Очень жаль, что мы с тобою не встретились.

— Фхх! — насмешливо фыркнула Ю Чжин, расправляя руками юбку на своих коленях, — *оппа*, ждать девушку пятнадцать минут — входит в правила хорошего тона. Не нужно вести себя неподобающе твоему уровню. Лучше закажи мне коктейль и познакомь меня со своим другом. Я его не знаю. Это невежливо с твоей стороны.

Чжу Вон тяжело вздохнул.

— Познакомься, — сказал он, делая рукою жест в мою сторону, — это, ммм... *Гун Сё. Ли Гун Сё*. Мой друг.

— *Гун Сё*, — обратился он ко мне, делая движение головой в сторону девушки, — это моя знакомая, Ким Ю Чжин!

— Очень приятно, — произнёс я, наклоняя голову и стараясь сделать голос «пониже». Не нравится мне это её пристальное рассматривание! А если она догадается, что я только прикидываюсь парнем? Девчонки, они наблюдательные...

— Очень приятно, — так же ответила мне Ю Чжин, тоже, кивнув, — а сколько тебе лет, *Гун Сё*? Ты так молодо выглядишь.

— Восемнадцать, *Ю Чжин-сии*, — ответил я, накинув, на всякий случай, себе годик.

Девушка в ответ снова кивнула.

— Я старше тебя на четыре года, — сказала он, — но ты можешь разговаривать со мною неформально. Можешь обращаться ко мне — *нуна*.

— Хорошо, *нуна*, — ответил я, — спасибо тебе.

— А откуда ты, *Гун Сё*? — спросила меня Ю Чжин, — где живёшь, где учишься, как ты познакомился с Чжу Воном? Что у тебя за семья?

Пипец, приплыли, — понял я, услышав эти вопросы.

Я же ничего тут толком не знаю! Ежу понятно, что с ходу придумать правдоподобную историю я не смогу. Спалились!

Я покосился на Чжу Вона — может, он, поможет? Тот сидел с кислой физиономией и помогать мне отнюдь не рвался. Похоже, Чжувонище «поднял» лапки и смирился с тем, что явка резидента будет провалена. Ладно, пропадать так с музыкой! А то ещё потом скажет, что я не прилагал усилий ко спасению.

— *Нуна*, — вежливо ответил я, — я пока ещё нигде здесь не живу. В смысле, у меня нет постоянного места жительства. Я только совсем недавно приехал в Корею.

— Правда? — удивилась Ю Чжин, — а откуда ты приехал?

— Мои родители живут в Англии, — ответил я, — Мой отец владеет фирмой, по оказанию консалтинговых услуг. И я закончил колледж в Англии. Я хотел поступить в Лондонский университет, но отец решил, что

я должен завершить образование в Корее. Он отправил меня в Сеул, чтобы я, на родине предков, попрактиковался в языке и выбрал университет, в котором смогу учиться. А пока я живу у Чжу Вона. Наши отцы знают друг друга.

А что? Нормально пока идёт. Смотри-ка, как вон у Чжу Вона глазки округлились! Похоже, он прямо так и хочет воскликнуть — «вот это поворот»! Хочет, но молчит.

— Как интересно! — воскликнула вместо него Ю Чжин, — я никогда не была в Англии! Мне кажется, что это такая удивительная страна. Я хотела бы там побывать. Но думаю, что мне сначала будет нужно попрактиковать мой английский. *Гун Сё, ты не сможешь попрактиковать меня в английском?*

Последнюю фразу Ю Чжин произнесла на английском, пристально смотря на меня.

Похоже, она точно что-то подозревает... Краем глаза я заметил, как было выпрямившийся Чжу Вон, услышав про английские разговоры, сделал разочарованную гримасу.

— Буду очень рад, *нуна*, — ответил я, переходя на язык туманного Альбиона, — только я не учитель и не знаю, насколько моя помощь окажется действенной. Впрочем, говорят, что для практики нужно как можно больше разговаривать и слушать. Мне тоже, нужно практиковаться в корейском. Мы бы с вами могли совместить наши занятия. Посетить вместе какие-нибудь сеульские достопримечательности. Я бы говорил на английском, а вы, *нуна*, говорили бы на корейском. Думаю, это было бы не плохо. Если, конечно, *хён* будет не против...

Я перевёл взгляд на *хёна*. *Хён* был не против. *Хён* был в трансе. Чжу Вон, вытаращив глаза и открыв рот, смотрел на меня. Похоже, мой английский никак не совпадал в его мозгу с образом нищенки сеульский окраины.

— Ух ты! — восхитилась *нуна*, — у тебя действительно отличное произношение!

— Ну я же жил там, *нуна*, — скромно ответил я, вновь переходя на корейский, — ничего удивительного в этом нет.

— *Онна*, почему ты замер? Что с тобой? — обернулась к Чжу Вону моя собеседница, заметив его состояние, — что-то случилось?

— Ээ. э, нет, ничего, — ответил тот, подбирая челюсть и принимая обычный вид, — ничего не случилось.

— *Онна*, давай я завтра заеду к вам домой и вместе с тобой, и *Гун Сё*, потом куда-нибудь поедем, а?

— Нет, не получится.

— Почему, *онна*? — обиженно надула губки Ю Чжин.

— У нас с *Гун Сё* завтра запланированы... дела. Мы поедем с ним в... университет! В *Koryo*! В гости к *Чон Хану*!

*Чон Хана* неожиданно повело вокруг его оси. Похоже, со смеху, если судить по его перекошенному лицу.

— Он нам там всё расскажет и покажет, — не обращая на внимание на поведение друга, продолжал заливать Чжу Вон, — и ты никак не вписываешься в эту встречу. Никак.

*Хён* отрицательно помотал головой, подтверждая свои слова.

— Почему это я не вписываюсь? — похоже, действительно обиделась Ю Чжин, мне тоже интересно посмотреть на университет *Koryo*! *Онна*, я тоже хочу с тобой!

— *Онни*, может быть в другой раз? — предложил ей я, пытаюсь как-то сгладить «углы разговора»

— *Онни*?! — резко повернулась ко мне Ю Чжин, — *онни*?! Так ты всё-таки девушка?!

Блин, что я сказал?! Чёрт!

За столом немая пауза.

— Я хотел сказать — *нуна*, — начал оправдываться я, пытаюсь выправить ситуацию, — я не очень хорошо говорю по-корейски. Я перепутал.

— Она перепутала. Тьфу! Перепутал! В смысле, он хотел сказать... — влез в разговор Чжу Вон и замолк, запутавшись в местоимениях.

Раз debil, два debil, оба мы debилы... — смотря на Чжу Вона вспомнилась мне присказка из прошлой жизни.

— Хватит делать из меня дуру! — неожиданно разозлившись, рывкнула на Чжу Вона Ю Чжин, — я в жизни не поверю, что ты встречаешься с парнями! Специально пришла посмотреть, когда услышала эти слухи про тебя! Что я, не вижу что ли, что она — не парень? Считаешь меня идиоткой?!

Чжу Вон поднял вверх глаза и принялся что-то заинтересованно изучать на потолке. *Чон Хана*, закрыв лицо ладонями, похоже откровенно в них ржал, стараясь делать это беззвучно. Видно, о том, что я не парень, он знал с самого начала.

— Кто ты такая?! — повернулась ко мне Ю Чжин, не дождавшись ответа от Чжу Вона, — почему ты ходишь на свидания к моему *онне*?

Сплющился мне этот твой... *онна*, — подумал я, посмотрев на разглядывающего потолок Чжу Вона, — век его не видеть... Почему я

должен что-то объяснять? Вон, есть этот дятел, заваривший эту кашу, пусть он и отвечает!

— Все вопросы к моему *кунчан-ниму*, — сказал я, беря с подноса кусочек мяса и кладя его на свою тарелку, — я не знаю, что можно говорить, что нельзя. Пусть Чжу Вон тебе расскажет сам.

— Чжу Вон, почему она со мною так неуважительно разговаривает? — возмущённо повернулась к своему *оппе* Ю Чжин.

— Успокойся Ю Чжин, — сказал тот, наконец перестав разглядывать потолок и переведя взгляд на девушку, — эта девушка работает на меня. Изображает моего любовника. Понятно?

— Любовницу? — поразилась та, вытаращиваясь на меня.

Чем она уши чистит? — подумал я, жуя мясо, и оценивающе разглядывая Ю Чжин, — влюблена в него, что ли? Почему все влюблённые ведут себя как идиоты? Что в кино, что в жизни...

— Ю Чжин, прекрати, — сказал Чжу Вон, — она просто работает на меня. Распугивает невест. Поняла? Она актриса.

— Да-а? — протянула Ю Чжин, продолжая с подозрением смотреть на меня, — Актриса? Разве в её возрасте это возможно? Или она учится в художественной школе?

— Пока она нигде не учится. Она школьница.

— Школьница? Как тогда она может быть актрисой? И откуда она так хорошо знает английский?

Судя по голосу, Ю Чжин одолевала сомнения. Нет, а что? Трудно начать так вот вдруг безоговорочно верить, если тебе ещё минуту назад самозабвенно врал.

— Юн Ми, расскажи Ю Чжин, где ты так хорошо изучила английский, — попросил меня Чжу Вон.

Ага. Ловко перебрал вопрос, на который не знает ответа. Ладно. Расскажу.

— По самоучителю выучила, — с наглым видом ответил я, — купила и выучила.

— Куп-пупилла? — поразилась Ю Чжин.

Да так поразилась, что даже рот приоткрыла.

— Да, купила, — подтвердил я, не поняв причины её удивления и на всякий случай уточнил, для повышения правдоподобия, — за три бакса. А что? Нельзя?

Рядом захрюкал в ладони Чон Хан. Похоже, он просто рыдал от смеха, потому что его повело в сторону, да так, что он чуть не завалился со стула.

Что я такого сказал? — не понял я, смотря на него, а потом на тоже

улыбающегося Чжу Вона, — что тут смешного?

— Ах ты *мичинн-ян*! Да как ты смеешь мне такое говорить?! — вскочив на ноги и сжав кулачки, заорала на меня Ю Чжин, выйдя из ступора.

У Чжу Вона, опять отпала челюсть. В который раз за последние три минуты.

*Мичинн-ян*? — подумал я, обдумывая перевод услышанного, — распутная девка? Это кто тут такая? Я, что ли?! Точнее — Юн Ми? Чего себе эта дура позволяет? Это что, высший класс?

Я разозлился.

— Чжу Вон! — обернувшись к ошалевшему парню, приказным тоном, произнесла Ю Чжин, — На сегодня все! Отвези меня домой. Настоящий *оппа* всегда провожает подружку домой. Придется играть роль джентльмена, раз из-за тебя мне пришлось встретиться с ней!

Ю Чжин, взмахнув рукой, порывисто ткнула в мою сторону пальцем.

Да она офигела тут руками размахивать! — совсем разозлился я, — и так тут еле сижу с этими месячными, так ещё местная Гермiona в меня пальчиком тыкать будет!

— Ты что, *оджэсама*<sup>[46]</sup>, не видишь, что Чжу Вон и Чон Хан заняты разговором? — прищурившись, холодно поинтересовался я у Ю Чжин, — как ты смеешь мешать мужчинам? В таких случаях, как этот, девушка говорит парню, что провожать не надо, ведь он тоже устал. Поэтому, изобрази заботливую подружку и проваливай. А мы продолжим пить дальше.

Наклонившись вперёд, я протянул руку и подняв зелёную бутылочку *соджу* за горлышко, со стуком поставил её на стол рядом с собою.

Чон Хан упал со стула и, изогнувшись на полу криветкой, завыл, давясь смехом.

— Аааах! — потрясённо, втянула в себя воздух Ю Чжин.

\* \* \*

*Время: четверть часа спустя*

*Место действия: машина Чжу Вона.*

*Он и Юн Ми только что сели в неё. Чжу Вон завёл двигатель. Юн Ми возится, пытаясь пристегнуть ремень.*

— Ты точно — *сасигя*, — говорит Чжу Вон к Юн Ми смотря при этом

на показания приборов на приборной панели.

Юна молчит, продолжая возиться с ремнём.

— Как ты могла так с ней разговаривать? У тебя что, вообще никакого воспитания нет? — продолжает докапываться до Юн Ми Чжу Вон переводя взгляд с приборов на неё.

— А что не так? — интересуется Юна.

Ей наконец удаётся защёлкнуть язычок ремня в замке.

— Она ведь старше тебя на пять лет!

— Ну и что? — говорит Юн Ми, — я слышала теорию про то, что с возрастом приходит мудрость. Только жизнь показывает, что чаще всего возраст приходит один. Без мудрости.

Услышав такое, Чжу Вон громко фыркает.

— Хочешь, чтобы тебя уважали? — продолжает пояснять Юна свою позицию по данному вопросу, — Тогда сделай, чтобы было за что. А то — возраст! Все когда-то станут старыми.

— Ну ты даёшь! — покрутил головою Чжу Вон, — тебя учителя в школе за это не били?

— Не помню такого, — буркает Юна и отвернувшись, принимается смотреть в боковое окно.

— Понял, — сказал Чжу Вон, с улыбкой смотря на девушку, — у тебя там была банда, которая держала в страхе не только школу ну и всю округу. А когда на вашу территорию случайно забрёл маньяк, то этот несчастный предпочёл сам сдаться полиции, лишь бы не иметь дела с вами. Так?

Чжу Вон с насмешкой смотрит на девушку.

— Да, именно так и было, — подтвердила Юна, — а в свободное от учёбы время мы грабили караваны.

— Какие караваны?

— Всякие. Какие только попадались!

— Ну у тебя и язык! — качает головой Чжу Вон, — твой муж сбежит от тебя через неделю, если ты будешь говорить ему такие вещи.

— Не сбежит, — уверенно говорит Юна, — женитьба, точнее замужество, никак не входят в мои планы.

— Все девушки хотят замуж. Одна ты — не хочешь, — говорит Чжу Вон, вновь смотря на приборы и выносит вердикт — Ты какая-то больная....

— Я — особенная, — спокойно поясняет ему Юн Ми.

— Да, да. Я это уже понял. На вот, возьми, «особенная»!

Вынув из внутреннего кармана пиджака стильный кожаный кошелёк из коричневой кожи, Чжу Вон раскрывает его и, вынув две стодолларовые



бумажки, протягивает их Юн Ми.

— Что это? — интересуется та, смотря на деньги, но не спеша их брать.

— Гонорар. За отлично сыгранную роль.

— Отлично сыгранную? Разве это был не провал? — удивляется Юна.

— Выражение лица Ю Чжин... Это было бесподобно! Держи!

— Всего двести баксов за такую великолепную игру? — снова удивляется Юн Ми, смотря на купюры.

— Эй, эй, эй! Я тебе что — банкомат, что ли? Не хочешь, не надо!

Чжу Вон делает движение, собираясь их убрать.

Наклонившись вбок, Юн Ми ловко выхватывает деньги у него из пальцев.

— Ну, раз я их заработала, тогда, так уж и быть — возьму, — говорит она, смотря парня.

— Ну ты шустрая, — качает тот головою.

— Мой первый актёрский гонорар, — говорит Юн Ми, — разглядывая купюры, — Думала, что он будет гораздо больше. Хотя и за это — спасибо. Сонбе, так значит, с Ю Чжин, всё нормально получилось?

— Да, — кивает Чжу Вон, — это неплохой ей урок. Она меня достала, бегаёт везде за мною.

— Она — тебя преследует? Правда?

— Ю Чжин — «сталкер». Она решила, что выйдет за меня замуж. Поэтому, постоянно донимает меня этой ерундой, мелькая в моих глазах.

— Аа-а! — понимающе поизносит Юн Ми и спрашивает, — А почему она вдруг так разозлилась? Я вроде бы ничего «такого» не сказала, пока она орать не начала.

— Хм, — иронично хмыкает Чжу Вон, — у неё всегда было плохо с иностранными языками. Ты не представляешь, сколько она времени и денег потратила, чтобы знать английский так, как она знает его сейчас. И я и Чон Хан об это знаем. И вдруг ты, говоришь ей, что выучилась по самоучителю за три бакса.

— Понятно, — кивает Юна, — она решила, что я над ней смеюсь.

— Скорее всего, — соглашается Чжу Вон, и помолчав, задаёт вопрос, внимательно смотря в лицо девушки: Зверёныш, а откуда ты, так знаешь английский?

— Занималась, — пожимает в ответ плечами та.

— По самоучителю? — иронично уточняет Чжу Вон.

— Да, — отвечает Юн Ми, — в нашей семье денег на *тичеров* нет.

— И ты так хорошо выучила английский? Сама? По книжке? — не

верит ей Чжу Вон.

— Я же уже говорила, *сонбе*. Я — особенная. У меня есть способности к языкам.

— Если у тебя есть способности к языкам, почему ты тогда не идёшь учиться на переводчика?

Юна насмешливо хмыкает.

— А что я буду иметь став переводчиком и потратив на это пять лет жизни? — спрашивает она и сама же отвечает на свой вопрос, — Зарплату в один миллион вон? И долги по кредиту за учёбу?

— Пффф... — выдыхает Чжу Вон, — Тебя не устраивает миллион вон? Сколько же ты хочешь зарабатывать?

— Несколько миллионов в год. Долларов, естественно. А лучше не несколько, а несколько десятков.

— Фють! — изумлённо присвистывает Чжу Вон, — ты так любишь деньги?

— Не то, что бы люблю... Трудно любить то, чего нет, — отвечает Юн Ми, — но да. Их присутствия в моей жизни весьма не хватает. Скажу по-другому — деньги скорее не люблю, а уважаю. Так будет правильнее.

— Ты решила стать *айдолом*, чтобы много заработать?

— Ага.

— Ты точно — ненормальная, — говорит Чжу Вон, трогая машину с места.

\* \* \*

*Время: тот же день около трёх часов дня*

*Место действия: дом мамы Юн Ми. Устроившись в углу гаража, Юн Ми играет на синтезаторе.*

Взял на полчаса тайм-аут мытья посуды. Обед уже прошёл, так что ничего страшного. А я замудохался мыть эти тарелки и решётки. Вот, пошёл передохнуть и восстановить душевное равновесие — немного помузицировать. Устроился я прямо в гараже. От KORGa несёт резким, ещё не выветрившимся запахом лака и краски. Внутрь дома его нести нельзя, ибо провоняет всё на свете. Надо ж было мне так влететь с этой покраской! Ладно, это переживаемо. Главное, можно уже играть, чем я сейчас и занимаюсь. Начал с самого начала — с постановки рук. Сижу в наушниках, чтобы никого не беспокоить и гоняю по квинтам. Странные ощущения.

Будто какая-то стенка между мною и пальцами. Хочу шевельнуть, вроде бы даже дал головою команду, а в ответ — тишина... Лишь чуть спустя, с задержкой, происходит движение. И неприятное напряжение мышц в кисти. Ещё отсутствуют знакомые ощущения от нажатия клавиш. Нет, от пальцев они приходят, но они не мои. Какие-то они.... такие... Не такие! Короче говоря — «пальцев я не чувствую». Хотя я до этого и делал упражнения для их развития, без инструмента, но, похоже, особого результата это не принесло. Не мои это руки! Чужие! Чужие и всё тут!

Но это не конец света. Терпение и труд, упорство и прилежание — вот стезя музыканта желающего достичь вершин. Это я знаю. Этому меня научили. И я в это верю, на все сто процентов. Тем более, что вершина, которую я хочу покорить, не так уж и велика. Это не победа на международном конкурсе пианистов имени Чайковского. Нет, я на такое не претендую. Я бы и раньше, как говорится, «туда бы не рискнул», ибо знаю свои возможности. Сейчас я просто хочу восстановить свои навыки игры. Эстрада — это проще, чем конкурс пианистов. Причём, гораздо. Уверен, если упорно заниматься — всё для меня осуществимо. Пальцы — есть, инструмент — есть, память и знания о том, что нужно делать — тоже есть. Нужно только время. Нормально всё будет...

Сижу, играю, сам себя успокаиваю. Заодно, пока голова не занята, вспоминаю последние события и свои странное поступки. Вот, хоть убей, не помню за собой столь эмоционального поведения. Не помню, что бы мои деяния были лишь одни сплошные эмоции!

Похоже, что что-то явно «не так встало» при переносе моей души в новое тело. Может, я действительно прав в своём предположении о том, что моя внутренняя энергетика оказалась слишком сильна для него? Говорят же, что есть люди эмоциональные, вспыльчивые, а есть безэмоциональные, спокойные. Это — общепризнанный факт. Ну, а раз люди разные в плане выражения эмоций, то и нервные системы их должны отличаться, не так ли? За счёт чего-то же должно формироваться отличие? Думаю, что Юн Ми была вспыльчивым человеком. Предполагаю это, исходя из рассказов её сестры. А потом, когда она умерла, к нервной системе её тела «прикрутили» более мощный источник эмоций — мою душу. Она и так была до этого возбудима, а тут, получилось, что ещё — «добавили». Итог — тело Юн Ми не справляется с такой перегрузкой. Стоит мне поднять «градус своего психа» как её энергетические каналы, (или, по чему там ещё передаются эмоции?) — просто захлёбываются... А «градус» у меня поднимается скорее всего из-за того, что на мозг действуют женские гормоны, при «этих делах». Мда, как всё запущено-то. Это же замкнутый

круг получается!

И у меня появилась ещё одна проблема — нужно контролировать себя во время месячных. Я узнал, что месячные у Юн Ми, могут случиться в любой день. Когда читал первый раз в интернете «про циклы», там было написано — двадцать восемь дней. В среднем. Но у Юны нифига не двадцать восемь дней! Меньше! Сегодня ничего не должно было быть! Как так? Стал об этом думать. Вспомнил фразу — «нарушение цикла». Сегодня, вернувшись домой, по-быстрому залез в интернет, чтобы прояснить ситуацию. Узнал просто потрясающие вещи. Оказывается, нарушение может быть: от того, что ты подросток, от травмы мозга, от приёма лекарств, от нервного напряжения...

«Блин, да это всё про меня написано!» — подумал я, когда прочитал, — «и семнадцать лет, и голову стукнул, и постоянно в стрессе нахожусь...»

Получается так, что у Юн Ми всё может «начаться» в любой момент. Без всяких оглядки на то, месяц там прошёл, или всего неделя? Блин! Придётся с собою постоянно прокладки носить, чтобы не попасть в такую глупую ситуацию, как сегодня. А где мне их носить? В сумочке? Ох, блин, сумочки мне вот только не хватало! Правильно говорят сведущие люди: жизнь — это боль. А я-то думаю, чего у девчонок вечно с собою «крылышки»? А у них видно тоже, всё «гуляет», туда-сюда... Господи, как же они с этим живут? Им же молоко за это давать нужно. За вредность! Мда, знал бы раньше — как оно, не фыркал бы на случайно выпавшие из сумочки прокладки... Вот она, реальная жизнь! Пока самому на голову не нахлобучат — не проникнешься...

О! Правый мизинчик-то двигается оказывается! А я уж подумал — атрофия нерва... Чёрт! Руки устали. Поиграл всего-то ничего, а ощущения такие, словно полдня музицировал. Ладно. Перенапрягаться не стану. Всё равно толку с этого не будет. Пойду помою посуду, а если её мыть не нужно — пойду в интернете посижу. Может, у меня на фрилансе кто-то мечтает сделать перевод? Было бы неплохо. Двести баксов на комп уже есть. Правда, нужного мне класса звуковые карты тут начинаются с пятисот... Да ладно! Двести уже есть. Считай, почти половина. Потихонечку, полегонечку. Сегодня я избавлюсь от этого рабства у Чжу Вона и пойду, найду себе работу. Мне кажется, что в этот раз с поисками будет полегче. Я уже немножко здесь «пообтёрся». Чувствую, что постоянное внутреннее напряжение, в котором я всё это время прибывал — спадает. Пусть ещё не совсем, не до конца, но «дышать уже можно». Как-то поспокойнее стало. И мысли стали появляться, разумные. Похоже, мозги

освободились от грузившего их «психа» и стали думать. Плодотворно думать можно в спокойной обстановке, а не когда только и делаешь, что озираешься по сторонам, ожидая — откуда «прилетит»? Вот, пришла в голову мысль: почему бы мне не пройтись по посольствам? По всяким? Шесть языков, с вычетом корейского, шесть посольств. Может, им посыльный нужен? Или, человек по связям с общественностью? Пусть не на официальном уровне, но мне-то какая разница? Была бы работа. Что придётся сказать по этому поводу родным Юн Ми? Ну, можно ничего и не говорить. Посыльный есть посыльный. Это не переводчик. А потом, у меня же 999 балов есть! Скажу — общаюсь на английском. Откуда они узнают — на английском я там говорю, или на французском, к примеру? К «нашим» нужно обязательно зайти. Если местные россияне тут такие же как на моей Земле, то с оформлением документов на работу у них тоже, должно быть — «попроще». Наши, главное — не кинули бы. Но тут вроде посольство. Приличные люди. Не должны. Потом, можно попробовать поучаствовать в каких-нибудь местных конкурсах или олимпиадах. С ценными призами. Хотя я в школу больше не собираюсь, но формально, Юн Ми сейчас числится школьницей. По крайней мере до тех пор, пока срок справки не истечёт. Неужели директор откажется, если я приду и предложу ему «срубить» первое место в олимпиаде по английскому для его школы? Слава — ему, деньги — мне. Нормальный ход! Начнут задавать вопросы, скажу — «занималась». Думаю, никто особо копать не станет. Ну занималась, да занималась. Главное — результат! А результат — будет. Если не первое место, то в тройку победителей я наверняка попаду. На полученные деньги — «построю» вокруг звуковой карты компьютер. К тому времени, глядишь, и пальцы, «двигаться начнут». Можно будет уже заняться серьёзными вещами — написать композицию, обработать её в звуковом редакторе и попытаться её куда-нибудь пристроить, чтобы привлечь к себе внимание.

А ещё, можно попробовать поучаствовать в каких-нибудь местных конкурсах композиторов. Чёрт с ним, пожертвую какой-нибудь известной мелодией! Зато, ни петь, ни играть, ни танцевать в этом случае не придётся. Смогу обратить на себя внимание и опять же — денежный приз для «строительства» компьютера! Тоже, весьма перспективная идея. Почему она мне раньше в голову не приходила? Наверное, потому, что у Юн Ми мозг был «частично» отключен. Занят был переживаниями и притиркой к моей душе. А теперь, потихоньку, всё налаживается и жизнь становится — веселее. Всё будет, Серёга! Всё будет!

*«Не вешать нос, гардемарины!  
Дурна ли жизнь, иль хороша,  
Едины тело и душа,  
Мозги, желания  
Едины!»*

*Виват!*

Ладно, хорош создавать себе настроение. Пойдём посмотрим, что там на посудомойке творится? Если есть что там делать, можно будет ещё там подумать, варианты поприкидывать. И не забыть, что сегодня я даю «последний гастроль». А потом: «Я свободееееен! Словно птица в небесах!...»

Что-то у меня излишне хорошее настроение... Это подозрительно...

\* \* \*

*Время: около девяти часов вечера*

*Место действия: ночной клуб в районе Итэвон. Людно, шумно. Громкая музыка. Среди тусующейся публики заметны военные с американской базы, проводящие тут своё увольнение. В небольшом закутке, на большом П-образном диване вокруг длинного стеклянного столика — шумная компания корейской молодёжи. Среди них Чжу Вон и Юн Ми. Юн Ми изображает парня.*

Сижу. Никого не трогаю. Терпеливо жду, когда закончится эта «бодяга», и можно будет свалить. Компашка «Гены» мне особо не нравится. Все на меня пялятся. Наверное, представляют себе, как я делаю «это» с Чжу Воном. Вот уроды! Впрочем, мне тоже нужно было подумать, в качестве кого и куда я иду. Как-то вот я этим вопросом не озаботился. Голова занята планами, музыкой, «впитыванием» окружающего мира. Мозгов просто на всё не хватает. Я, собственно, пришёл на эту вечеринку как актёр, с намерением сыграть роль да и исчезнуть. Что будет происходить в течении времени, пока я буду её играть, об этом я не задумывался. Вот, сижу, получаю теперь за это. Можно, конечно, встать и уйти, но, тут уже осталось-то, до конца-то, всего ничего. Много будет смысла в том, чтобы взять и остановиться на финише лишь потому, что мне

не понравилось, как на меня смотрят? И потом, не знаю — удастся ли пройти мимо охраны на входе так, чтобы ко мне не прицепились? Как я и ожидал, все эти разговоры про то, что несовершеннолетних в «такие» места не пускают — разговоры из серии — «потрындеть». Пускают. Как у нас. Когда нельзя, но очень хочется, то можно. Вот и тут так же. Когда входили с Чжу Воном, секюрити покосились, но дорогу не заступили. Возможно, у того тут всё «схвачено», но чёрт его знает, будут ли они вести себя со мною так же, как с ним, если я буду один? Не хватало ещё, чтобы меня в ночном клубе повязали...

Ладно, переживу. Тут уже немного осталось. Про то, что я из Лондона — рассказал. На английском — поговорил... Странные эти корейцы. Как услышат, что человек из-за границы, сразу изъявляют желание «попрактиковаться» в языке. Ну ладно бы, там, какие-нибудь бедняки. Я бы это ещё понял. Ну это же — золотая молодёжь! Уж наверняка и на преподавателей, и на курсы деньги есть, да и за границу, не один раз съездили. На кой им — практиковаться у каждого встречного иностранца? Или это желание у них на подкорке, насмерть прошито? И то, что мы «зависаем» на *Итэвоне*, рядом с амеровской базой, это тоже, из поклонения перед Америкой произрастает? «Вау, это же круто, мы в одном баре с американцами!» Так, что ли? Да, бродят тут эти «носители демократии». *Конкретно* ужратые. К местным девкам подваливают. Вот блин, то же мне — ориентир для равнения. Просто слов нет...

Чжу Вон цветёт и пахнет. Улыбается, шутит. Я поддакиваю, хоть и не совсем уверен, что это смешно. Но, народ смеётся, я тоже смеюсь, за компанию. Мне не трудно. Ещё в самом начале вечера, Чжу Вон, посадил меня рядом, обнял за плечи и притянул к себе. Мол, смотрите, как у нас всё здорово! Не, скандалить я не стал. Просто, пристально посмотрел ему в глаза. Молча. Пристально и молча. Чжувонище всё прекрасно понял. Обнимашки прекратил, а руку переместил с моих плеч на спинку дивана, на котором мы сидим. Со стороны, возможно, оно выглядит так, как будто мы сидим в обнимку, да и чёрт с ним. Не долго уже осталось....

— Пора, — шепчет мне Чжу Вон, наклоняясь к моему уху, — давай, иди, переодевайся.

Ну, пора, так пора.

Встаю, подхватываю на плечо небольшую сумку, с которой пришёл. Там у меня туфли и платье для Юн Ми. Мой путь лежит в туалет. В нём я должен быстро перекинуть «одежку» и вернуться. Прохожу вперёд и спускаюсь по небольшой лестнице вниз, на танцпол. Мне нужно пройти через него. Иду по краю, стараясь не углубляться в толпу танцующих.

Неожиданно сталкиваюсь с каким-то мужиком, выскочившим на меня каким-то прыжком. На незнакомце — военная форма.

— Гёлз, гёлз, — бормочет он, наклоняясь ко мне и дыша в лицо перегаром, — мани, мани...

Глаза у него совершенно осоловевшие. Какой-то америкос, походу, заливший зенки. Вооше охренел?! Не видит, что ли, что я парень?

— Отвали, — говорю я и толкнув его плечом, отпихиваю в сторону, — бог подаст...

Вот, блин! Ещё пьяных американцев в моей жизни не хватало!

Иду дальше, решая в уме интеллектуальную задачу. Если пойти переодеваться в женский туалет в мужской одежде, что будет? Будет много визга и могут побить, да и секюрити на шум легко прибегут. Если пойти в мужской парнем, а выйти из него в женской одежде, что будет? Ну, наверное — ничего. Посмотрят удивлённо в след, да и всё. Выбор очевиден — иду в заведение под буквой «М»!

Туалет находится в конце длинного и пустого полутёмного коридора, с какими-то не освещёнными боковыми ответвлениям. Подозрительное местечко! Для проституток, что ли, эти чуланчики? Во, дают!

Захожу внутрь, и, закрывшись в кабинке быстро переодеваюсь. Платье, туфли. Зеркала нет и не совсем понятно, криво я его напялил или нет? А, ладно, так сойдёт! Тут главное — само наличие платья. А уж как там оно надето — вопрос второй. Запихиваю снятый джинсовый костюм и кроссовки в сумку. Прислушиваюсь к происходящему за дверкой кабинки. Вроде тихо... Открываю замок и стремительно прошмыгиваю к выходу. Быстро иду по коридору назад. Внезапно, дорогу мне преграждает чья-то фигура.

— Гёлз, гёлз, — бормочет она, — мани, мани...

Блин, опять этот придирик! Откуда только вылез?

— Отвали, — говорю я и пытаюсь обойти его. Неожиданно он хватается меня за руку.

— Маза фака! — ругаюсь я на него по-английски, пытаюсь вырваться, — ща получишь, урод!

Однако вырваться не получается. Неожиданно, придурик притягивает меня к себе и облапив, пытается поцеловать.

— Да блин! — дергаюсь я в его объятьях, пытаюсь освободиться, — мужик, ну ты конкретно попал! А ну, быстро грабли свои назад задвинул!

В ответ он прилепляется к моему рту. Такое ощущение, что я целуюсь с разом со всей дворовой помойкой.

— Ммм... На!



Как только он перестаёт жевать мои губы и отодвигает от меня свою морду, бью лбом ему в лицо. Удар получается слабым, потому, что бью из положения изогнувшись назад. Этот америкос повис на мне и мне требуется прилагать значительные усилия, чтобы удержаться на ногах и не упасть под его весом. Но всё равно, хоть бил я из неудобного положения, удар достигает цели. Попадаю в губу. Мужик вскрикивает и выпускает меня из объятий. Я успеваю порадоваться целых две секунды. Ровно до того момента, как тяжёлая, хлёткая пощёчина взрывает в моей голове фейверк из миллиона звёздочек. Я полностью теряю ориентацию в пространстве. Перед глазами разноцветные круги. Звук рвущейся ткани и я чувствую, как на мне разрывают платье.

Он же меня сейчас ИЗНАСИЛУЕТ!

Америкос хватает меня и с разгона впечатывает спиною в стену, выбивая из лёгких воздух и наваливаясь на меня всем телом. Чувствую, как опять жуют мои губы и твёрдые руки, шарящие по моему телу. Никак не получается вздохнуть под весом навалившейся на меня туши. Внезапно, оказываемое на меня давление исчезает. Ублюдок куда-то девается. Сползая спиной по стене, наблюдаю, как Чжу Вон, с перекошенным от ярости лицом, делает руками и ногами «замес» из моего насильника.

Классно дерётся, — думаю я о своём спасителе, приземляясь задницей на пол, — мне бы так уметь...

Тут в поле моего зрения появляются два мужика в военной форме. Заорав что-то невнятное, они дружно бросаются на Чжу Вона. Тому на помощь, откуда-то сбоку, выскакивает кореец в чёрном костюме и великолепным ударом ноги в скулу, отправляет одного из нападающих в полёт по коридору.

Я продолжаю свои безуспешные попытки сделать вдох, но воздух по-прежнему не поступает в мои лёгкие. Уже сидя, я продолжаю сползать по стене, заваливаясь на бок. Вижу, как Чжу Вон ловит скользящий удар в лицо. От недостатка кислорода свет в моих глазах меркнет и продолжающаяся драка исчезает во мраке...

\* \* \*

*Время: начало десятого часов вечера*

*Место действия: ночной клуб в районе Итэвон.*

По служебному коридору ночного клуба бежит Чжу Вон, держа на

руках Юн Ми в разорванном платье. Девушка без сознания. Впереди Чжу Вона — кореец в чёрном костюме, указывающий дорогу. Сзади — ещё двое в таких же, в чёрных костюмах. Они прикрывают отступление, периодически делая угрожающие выпады в сторону преследующих их людей из охраны клуба. Те отскакивают назад и снова устремляются в погоню. Впрочем, они не проявляют особой агрессивности и фанатизма в желании задержать беглецов.

— Сюда, господин.

Кореец, бегущий впереди, распахивает железную дверь с болтающейся на ней растянутой пружиной. За дверью — тёмная сеульская ночь. Чжу Вон, повернувшись боком, чтобы не задеть своей ношей о дверной косяк, выскакивает на улицу. Десяток шагов мимо мусорных баков и вот уже узкая улица. Чёрный автомобиль, притаившийся за углом, включает фары. С переднего сидения машины выскакивает человек и повернувшись, распахивает заднюю дверь. Чжу Вон подбегает к машине и усаживает Юн Ми на заднее сиденье. Сам садится рядом.

— Быстро в больницу! — тяжело дыша командует он водителю, захлопывая дверь.

Тот кивает и нажимает на педаль газа.

\* \* \*

*Время: пять минут спустя*

*Место действия: машина подъезжает к ярко освещённому подъезду больницы.*

С переднего сидения автомобиля назад оборачивается сидящий на нём кореец.

— Господин Чжу Вон, — говорит он, — позвольте, мы всё сделаем сами. Будет лучше, если о вашем участии в этой истории будет неизвестно.

Чжу Вон секунду думает.

— Нет, — отвечает он, — это моё дело.

— Могут быть проблемы с журналистами, — деликатно произносит кореец.

— Подавятся! — резко отвечает Чжу Вон.

— Ваш отец может быть очень недоволен... — приводит следующий аргумент его оппонент.

Чжу Вон вновь задумывается. На этот раз он думает дольше.

— Нет, — наконец говорит он, — я хочу убедиться, что с ней всё в порядке. Я сделаю всё сам.

— Как скажете, господин.

Кореец наклоняет голову в знак согласия с решением. Въехав на пандус, машина останавливается у подъезда больницы.

\* \* \*

*Время: пятнадцать минут спустя*

*Место действия: Больница. Первый этаж, зал приёмного покоя. Большое помещение с яркими лампами дневного света под потолком. Вдоль стены — медицинские кровати отделённые друг от друга клеёнчатыми занавесками. Салатового цвета пол, салатые стены, салатые занавески. Белый потолок, белые, до хруста, простыни на кроватях. У дверей, ведущих из приёмного покоя в коридор, стоит стойка, за которой находится дежурная медсестра. За дверью — небольшой коридор, в котором, сидя на стульях вдоль стен, ожидают близкие и знакомые пострадавших. На одном из стульев, сидит Чжу Вон, с хмурым выражением на лице смотря на ключ от машины, который он вертит на руках.*

*На одной из кроватей, на спине лежит Юн Ми. Она уже в сознании. Рядом с её кроватью стоит врач и медсестра. Медсестра держит в руках большой блокнот, в который она делает записи.*

— Как себя чувствуешь? — спрашивает врач, обращаясь к Юн Ми, — где болит?

— Грудь болит, — прислушавшись к себе отвечает девушка, — рёбра. Когда вдыхаешь.

— Угу, — кивает врач, — понятно. Не волнуйся, ничего страшного у тебя нет. Мы сделали рентген, рёбра целы. Переломов, трещин нет. Боль, которую ты испытываешь при вдохе, это результат мышечного спазма. К завтрашнему дню болеть перестанет. Скажи мне, что с тобой случилось?

— Я... упала, — немного подумав отвечает Юн Ми.

— Угу, — вновь кивает доктор, — а твоё разорванное платье? Что случилось с ним?

— Я... зацепилась. Когда падала.

Чёрные глаза Юн Ми, которыми она смотрит на доктора, ярко блестят в свете «дневных» ламп.

— Не нужно бояться, Юн Ми-ян, — говорит доктор, смотря ей в глаза, — ты здесь в полной безопасности. Если на тебя напали, то я сообщу об этом в полицию и преступников арестуют. Не бойся.

— Но это правда, доктор, — говорит Юна, — я правда, упала.

Доктор неодобрительно качает головой.

— Хорошо, — говорит он, — если ты так на этом настаиваешь. Скажи свою фамилию и адрес. И телефон родителей. Мы сообщим им, что ты в больнице.

— Не помню, — слегка набычившись отвечает Юна.

— Что ты не помнишь? — не понимает доктор.

— Ни фамилии, ни адреса, ни телефона. Ничего не помню. У меня амнезия.

— Амнезия? — доктор окидывает пациентку оценивающим взглядом, — паа-анятно...

— Сестра, — обращается доктор к своей помощнице, — как к нам поступила эта девочка? Кто её привёз?

— Её привёз молодой человек, — отвечает сестра смотря в свои записи, — он должен быть в приёмной. Он сказал, что будет ждать.

— Пойдёмте, посмотрим, — говорит ей доктор и направляется к дверям, ведущим в коридор. Сестра следует за ним.

Юн Ми, некоторое время смотрит в их удаляющиеся спины, затем с усилием приподнимается на локте и с кряхтением начинает слезать с постели. Встав на ноги, она оглядывает своё разорванное платье, секунду думает, потом приседает, чтобы не нагнуться и взяв с кровати простынь, накидывает её на себя. Вздохнув, плавной походкой, стараясь не наклоняться, она, негромко шлёпая босыми ногами, направляется за врачом и сестрой.

— Юн Ми! — громко произносит врач, выйдя в коридор, — девочка Юн Ми! Тут есть кто-нибудь, кто её сопровождает? Есть кто-нибудь, кто отвечает за неё?

Услышав прозвучавшее имя, с кресла быстро поднимается на ноги молодой парень. Левая часть лица его слегка опухшая.

— Я отвечаю за неё! — говорит он.

Доктор неспешно оглядывает его.

— Мне нужно поговорить с вами, — говорит он, — я доктор Ким Ри Сок.

— Ким Чжу Вон, — уважительно наклоняет голову Чжу Вон, — студент.

— Чжу Вон, — говорит доктор, мне нужно поговорить с тобою. О

девушке, которую ты привёз в больницу.

— Да доктор, — отвечает ему парень, — конечно.

— Я упала, — неожиданно раздаётся голос из-за их спин, — Упала и ничего не помню. Ни фамилии, ни телефона, ни адреса родителей. Ничего.

Все дружно поворачиваются на голос. У дверей, закутавшись в белую простынь, накинутую на голову, стоит Юна, зябко поджимая пальцы босых ног.

— Что ты тут делаешь? — изумляется доктор, — зачем ты встала? А ну, марш в кровать! Сестра, сейчас же отведите её назад!

— А платье порвалось, потому что зацепилось, когда я упала, — уже через плечо сообщает Юна, увлекаемая медсестрой.

— Чжу Вон, — обращается доктор к озадаченно чешущему затылок в этот момент парню, — кто тебе эта девочка?

— Знакомая, *Ри Сок-сии*, — отвечает тот, — Как она? С ней всё в порядке?

— Да. Мы сделали рентген. Внутренних повреждений нет. Судя по симптомам, она сильно ударилась грудью. Я хочу поговорить с тобою об этом. Что с ней случилось?

— Ммм, она упала, доктор.

— Чжу Вон, ты взрослый парень, а она несовершеннолетняя. У неё разорвано платье, что позволяет предположить попытку изнасилования. Я не говорю, что это сделал ты, но это преступление. По крайней мере — попытка его совершить.

— Но ведь изнасилования не было, *Ри Сок-сии*?

— Да. Осмотр этого не показал.

— Доктор, она просто упала. И она будет утверждать это хоть тут, в вашей больнице, хоть в полиции, хоть дома. Я в этом не сомневаюсь.

— Ты так хорошо её знаешь?

— Не так, чтобы очень, *Ри Сок-сии*, но в некоторых вещах с ней я могу быть уверен. Она хочет стать *айдолом*. Поэтому, огласка этой истории ей совершенно ни к чему. Вы ведь понимаете?

— *Айдролом*? — улыбается доктор, — ну надо же, какая высокая цель. Да, теперь понятно её желание всё скрыть. И всё же, я хочу знать, — что произошло?

— Только между нами, доктор? — спрашивает Чжу Вон, внимательно смотря на собеседника, — как мужчина мужчине?

Доктор молча кивает.

— Какой-то пьяный ублюдок решил повеселится. Я в этот момент отвлёкся. Мне следовало вмешаться раньше. Я виноват.

— Понятно, — произносит доктор, рассматривая слегка опухшую физиономию Чжу Вона, — а что случилось с тем человеком?

— Он тоже... упал, — отвечает Чжу Вон, — но не смертельно.

— Ладно, — говорит доктор, немного подумав, — в полицию я сообщать не стану, потому, что это, похоже, бессмысленно. Но её родителям я должен сообщить. Они должны возместить медицинские расходы.

— Я оплачу её счета, *Ри Сок-сии*. Не волнуйтесь за это.

— Хорошо, — кивает доктор, — но всё равно, её родителей я должен поставить в известность. Такие правила. Сообщи мне их телефон.

— Доктор, но я не знаю их телефон. Честно. Я совсем недавно с этой девушкой и ещё не знаком с её семьёй.

— Да? Тогда адрес скажи.

— Я и адреса не знаю. Она его от меня скрывает.

— Раз так, тогда я сообщу в полицию. Пусть они выясняют её адрес. Она несовершеннолетняя. Я не могу отпустить её из больницы с просто знакомым.

— Доктор, может быть я позвоню своему адвокату? Я не силен в законах, а он их все отлично знает. Уверен, вы с ним быстро сможете решить эту проблему. Говорю это потому, что просто хочу быстрее отвезти её домой, чтобы её родные не волновались. Вот и всё. Пожалуйста, доктор.

— У тебя есть адвокат? — удивляется доктор вновь разглядывая Чжу Вона и уделяя особенное внимание его одежде.

— Да, есть, *Ри Сок-сии*.

— Ты же сказал, что не знаешь адреса. Куда ты её повезёшь?

— Я зрительно помню как нужно ехать. А адреса я правда, не знаю, *кунчан-ним*.

— Хорошо, звони своему адвокату, — кивает доктор.

\* \* \*

*Время: ещё десять минут спустя*

*Место действия: машина, на которой Чжу Вон привёз Юн Ми в больницу. За рулём — Чжу Вон, рядом, на соседнем сидении молча сидит Юн Ми поджав под себя ноги и кутаясь в пиджак Чжу Вона. Вид у неё такой, что глядя на неё, можно предположить, что она находится в некоторой прострации.*

— Как ты? — спрашивает Чжу Вон, поворачиваясь к девушке, — в порядке?

— В порядке, — чуть кивая, односложно отвечает Юн Ми.

— Я отвезу тебя домой, — кивнув, говорит парень.

Он запускает двигатель и выезжает на дорогу. В зеркале заднего вида его автомобиля появляется отражение чёрной машины, едущей следом.

— Чжу Вон, — негромко произносит Юн Ми спустя пару минут после того, как они выехали на дорогу, — мне нужно переодеться. Я не могу появиться дома в таком виде.

— Чёрт! — восклицает тот, — я об этом не подумал!

— Где моя сумка? — спрашивает Юн Ми, — в ней одежда.

— Скорей всего она осталась в клубе, — предполагает Чжу Вон.

— Нужно вернуться.

— Там наверняка сейчас полно полиции. Боюсь, не получится, — отрицательно качает головою Чжу Вон.

— Я не могу приехать домой в разорванном платье.

— Заедем в магазин, — предлагает Чжу Вон, — и всё купим. Я позабочусь о тебе. Не беспокойся.

## Шкурка девятнадцатая

*Время: раннее утро следующего дня*

*Место действия: комната сестёр в доме мамы Юн Ми. На полу, свернувшись в клубочек под одеялом, спит Юн Ми. Рядом с её постелью — пустая постель Сун Ок. В комнату, держа в руках какую-то одежду входит Сун Ок. Лицо её нахмурено. Она подходит к постели младшей сестры и начинает её будить.*

— Юн Ми... Юн Ми... Просыпайся. Давай, вставай уже.

Знакомый голос проникает в мой сон, разрушая его. А я только в нём подошёл к дверям своей квартиры!

— Юн Ми... Просыпайся!

Сун Ок? Что, уже утро? Чёрт, опять мне приснился этот сон! В который раз снится, что я возвращаюсь домой, поднимаюсь на этаж, стою перед дверью и никак не могу найти от неё ключ. И то ли я его потерял, то ли забыл... Никак не могу точно вспомнить, лишь ощущение страха от осознания этого факта. Мерзкий сон!

— Юн Ми... Да просыпайся ты уже! Сколько можно спать?

Открываю глаза — нуна с недовольным лицом. Держит в руках какие-то тряпки.

— Доброе утро, Сун Ок! — хриплым после сна голосом говорю я, переворачиваясь с бока на спину и вытягиваясь.

— Юна! Что это такое?! — вместо пожелания доброго утра возмущённо произносит в ответ та и встряхивает свои тряпки.

— Где? — не понимаю я.

— Вот это!

Сун Ок вытягивает в мою сторону руки, показывая то, что держит в своих руках.

Какая-то одежда, — думаю я, разглядывая предложенное к рассмотрению.

— Одежда? — спрашиваю я Сун Ок, хотя это очевидно.

— Да! Та, в которой ты вчера приехала!

Ой, блин! Точно! Это же те шмотки, которые купил Чжу Вон вместо разорванного платья. Да, джинсы, рубашка, вон, белая, помню её, и красная, словно прозрачным лаком сверху облитая, куртка.

— И что? — спрашиваю я не понимая смысла предъявляемых мне



претензий.

— Что — что? Это я тебя спрашиваю — что это такое?

— Одежда. А что не так?

— Сколько это стоит?!

Сколько это стоит? Откуда я знаю, сколько это стоит? Чжу Вон расплачивался. Я только раз померял, подошло, купили и по-быстрому в машину, домой.

— Не знаю, — честно говорю я, — А сколько?

— Одна куртка только стоит пятьсот тридцать тысяч вон! Джинсы — двести девяносто девять тысяч вон, и рубашка — пятьдесят тысяч вон! Да тут почти на миллион вон!

Бли-иин, Чжувонище, свинью подложил! Неужели ничего не мог подешевле взять? Впрочем, куда мы с ним заехали? Помнится, он что-то говорил, что уже поздно и все магазины закрыты. Ну, это да. Магазины здесь закрываются рано, как в Европе. Нет, есть, конечно, которые работают допоздна и круглосуточно, но это только в определённых местах, которые нужно знать. Чжу Вон, как вижу, их знает, но вот только эти места — места его уровня. Дешёвые вещи он не носит. Ну и мне, когда потребовалось, купил соответствующие его уровню... Чёрт! Миллион вон — это средняя месячная зарплата здешнего молодого специалиста после университета. И как теперь объяснить, почему на меня потратили за раз такую сумму?

— Что ты молчишь? — сердито спросила меня *нуна*.

А что я могу сказать? Я ещё толком даже не проснулся, чтобы что-то объяснять. Так, нужно сосредоточиться и постараться вспомнить — что я вчера врал, когда вернулся? Хм... Вчера женщины сразу заметили, что на мне новая одежда. Я сказал, что там был ремонт и на меня и на моё начальство, с лесов, упала банка краски. И что *кунчан-ним* купил себе новую одежду, ну и мне заодно... Потом я отгрёб люлей за то, что уже поздно и не брал телефон. Про телефон я рассказал, что забыл его в испачканном пиджаке. История, конечно шита белыми нитками, но более правдоподобного, как я ни силился, придумать мне не удалось. Хорошо хоть такое придумал. Голова была вчера как в тумане...

— У тебя что, появился парень? — пристально глядя мне в глаза спросила Сун Ок.

— С чего ты взяла? — не понял я.

— Эти вещи, он тебе купил? Тот, богатенький, на красной машине? Ты соврала, когда сказала, что не знаешь его?

Сун Ок, гневно нахмурившись, смотрит на меня.

— *Онни*, это совсем не то, что ты думаешь...

— Ах ты идиотка!

Одежда, которую она держала в руках, полетела мне в лицо.

— Я тебе что говорила?! Чтобы ты не смела даже близко подходить к богатым! Почему ты не выполняешь то, что тебе говорят старшие? Неужели ты думаешь, что он действительно тебя любит? Совсем дура?! Дорам обсмотрелась? Для таких как он — это всё игра! Он с тобой поиграет, а потом бросит! Что с тобою станет потом? Богачи — это не наш уровень, как ты этого не понимаешь?!

Вот, блин! — подумал я, стаскивая с головы джинсы, — фраза — «это совсем не то, что ты думаешь» явно самая неудачная для начала объяснений. В кино, помнится, после того, как её произносили, так самый треш в разборках и наступал... Нафига я её сказал?

Тут мой взгляд упал на ценник, привязанный верёвочкой к петельке для ремня на джинсах. Опс! — какая-то ещё не осмысленная, но явно перспективная мысль шевельнулась в моём мозгу.

— Если ты забеременеешь, я тебя, — задушу, — пообещала Сун Ок, перейдя к угрозам.

...Ну, это вряд ли, — подумал я, разворачивая сложенную пополам куртку, — А тут, на ней, ценник есть?

.... — Потом убью его....

Вот кто дорам явно пересмотрел, так это ты... О, есть ценник! Получается, вчера их никто не оторвал. Отлично!

— ... А сама потом прыгну с моста в реку *Ханган*! И всё это будет на твоей совести, Юн Ми! Слышишь меня?

— *Онни*, не нужно говорить такие страшные вещи, — ответил ей я, — Вот, смотри. Видишь, ценники на одежде? Их никто не отрывал, чтобы одежду можно было вернуть назад и получить деньги. Смотри! Просто было уже поздно и работал только дорогой магазин. *Кунчан-ним* заплатил с карточки и сказал, чтобы я потом отнесла вещи обратно, а деньги вернула ему. Я так сегодня и сделаю. Не нужно ничего придумывать. Разве стал бы парень дарить вещи с ценниками? Сама подумай!

Сун Ок задумалась.

— Ну, не знаю, — наконец сказала она, и спросила, — а разве они обязательно нужны, для того, чтобы вернуть вещь в магазин?

А чёрт его знает — нужны или нет? Я без понятия, какая тут система возврата купленного товара. Но других идей нет и нужно педалировать мою «отмазку». Похоже, это возможная ситуация.

— А зачем их отрывать, если нужно вернуть? Зачем усложнять

продавщицам жизнь? Они же тоже — люди!

Нуна, соглашаясь со мною, что «тоже люди», кивнула.

— И вообще, — сказал я, чувствуя, что «дело пошло» — с чего ты меня вдруг одарила богатым *онпой*? *Онни*, твоя младшая сестра отнюдь не красавица! Откуда ему взяться?

— Ты слишком строго относишься к своей внешности, — сказала Сун Ок, критически разглядывая моё лицо, — тебе нужно просто научиться правильно пользоваться косметикой. Давай, я тебя научу?

Ну слава богу, вроде с темы — «спрыгнули»...

— Спасибо, *онни*, — сказал я, — я буду тебе очень благодарна за это.

— Прости, что я так сказала, — обратилась ко мне Сун Ок после секундной паузы, — просто, когда я увидела сколько стоит эта одежда, я подумала, что тебе её купил какой-то богатый парень. У тебя же таких денег ведь нет? А за что парни делают девушкам богатые подарки? Сама должна знать...

Нахмурившись, Сун Ок замолчала.

— Ну я и подумала, что ты... — спустя секунду добавила она.

— *Онни*, всё будет хорошо, — пообещал ей я, перебивая.

— Я тоже в это верю, — кивнув, согласилась со мною нуна, не став продолжать свои объяснения.

Она подошла ко мне и присев, принялась собирать брошенную в меня одежду.

— Вставай, — потрепав меня по голове и ласково улыбнувшись, сказала она, — я пока пойду, повешу одежду.

— Ага, — ответил я, — чуть-чуть только полежу ещё.

— Только недолго, — сказала Сун Ок, поднимаясь на ноги.

— Угу, — пообещал я.

Она ушла, а я остался приходить в себя после внезапного утреннего допроса. Завернулся в одеяло и поёрзав на своём тощем матрасике, устраиваясь поудобнее, смежил веки. О том, чтобы поспать ещё, даже речи быть не могло. Так, чисто полежать немного. Разговор с Сун Ок и вспомнившиеся события вчерашнего вечера напрочь выдули из меня весь сон.

Закрыв глаза, я мысленно пробежался по телу Юн Ми, «спрашивая» — как ты там? Удивительно, но ничего нигде не болит, кроме рёбер. Да и они, скорее «ноют» чем болят. Всё, как обещал врач. Сказал — пройдёт, прошло. Молодец, мужик. И уколы у него хорошие. Вкололи, в больнице, мне, похоже, что-то из серии «слоноуспокоительного». Голова, правда, как ватой стала после этого набита, зато — никакой волнительности в организме. Всё

— словно происходит не со мной, и я — смотрю на происходящее откуда-то извне. Безэмоциональное кино, короче.

Эмоции меня настигли, уже тогда, когда я развесив на ушах родных Юн Ми лапшу и сходяв в душ, лёг спать. Видно, укол «рассосался». Сначала меня заколотило от омерзения, потом от страха, потом от ненависти. Блин, надо же было так попасть! И как же гадко быть таким слабым! Никогда не думал, что настолько. Всегда, по необходимости мог дать в морду, если что, ну а там, по обстоятельствам. А тут же — ну ничего не смог сделать! Боднул только раз! Тшшшшш.... И что теперь делать? Пойти в каратэ или бокс записаться? Возможно, но тогда сразу можно крест ставить на идее стать звездой эстрады. Даже дело не в руках, которые придётся уродовать. Можно ногами, на крайняк, махать. Вес, вот главное препятствие. Я тут уже предварительно ознакомился с требованиями, предъявляемыми к претенденткам на «звёздность». Так вот, тут стандарт: рост 165 см, вес — 45 кг. У Юн Ми рост — 163 и почти десять килограмм лишку к 45-и килограммам. А поскольку она ниже стандарта на два сантиметра, то и вес должен быть наверное, тоже пониже. Скажем, эдак 43–44 килограмма. Что такое сорок три килограмма? Да ничего! Дунешь — улетит! Какие могут быть единоборства с таким весом? «Не смешите мои тапочки», как говорят в Одессе. Тут только одно остаётся — пнуть по яйцам, да бежать, молясь, чтобы не схватили. Скорее нужно лёгкой атлетикой заниматься, а не единоборствами. И дышалке, опять же полезно... Либо так, либо вес наращивать, чтобы в одной весовой категории быть с противником. Но если наращивать вес, тогда мимо эстрады — пролетаю. Где вы видели хоть одну толстую «звезду»? Если только в опере, но там своя специфика. Так что, единоборства для меня — это бред. Проще шокер купить, или пистолет... газовый. Но как-то сомнительно, что когда вот так внезапно выскакивают и хватают, что от них будет какой-то толк. Достать не успеешь, как по «тыкве» получишь. А как показала практика — голова у Юн Ми слабая. Одна оплеуха — и весь млечный путь в глазах. Мда... Похоже, что лучшим вариантом будет «пассивная защита» — помнить, что Юн Ми девочка и не ходить в те места, где можно попасть в такую ситуацию. И по ночам не шляться. Вообще, в «интернетах» пишут, что Корея очень безопасная страна. Женщинам тут можно в одиночку ходить ночами в самых невзрачных городских районах — и ничего не случится. А угон машины — событие, о котором месяц будут в новостях по местному каналу рассказывать. Но, конечно, стопроцентную гарантию, как говорится, даёт лишь господь. Судьба — штука сложная. Это я уже понял. Лучше не искушать. Или, иметь

защитника...

А Чжу Вон — молодец. Если бы не он, даже не представляю, чем бы это для меня всё закончилось. Как ни крути, а выходит, что я ему — должен. Вот уж не знаешь, как жизнь повернёт... Я думал, что он «мажор конченный», а он за меня — «вписался»...

— Юн Ми, вставай! Хватит валяться! — закричала откуда-то из глубины дома Сун Ок, — иди завтракать!

— Иду! — крикнул я и подумал, — ну вот, ещё один день начался...

\* \* \*

*Время: этот же день. Около девяти часов дня.*

*Место действия: Кабинет бабушки Чжу Вона. Его хозяйка, сидя за столом, держит перед собою бумажные листки, отставив их впереди себя так, как это делают дальнзоркие люди. Очки её сдвинуты на край носа. Посреди комнаты, недалеко от стола, с почтительным видом стоит Сан У.*

— Так значит, Чжу Вон не пострадал? — спрашивает бабушка, закончив читать и кладя листки на стол.

— Нет, госпожа *Му Ран*, — делая лёгкий поклон, отвечает Сан У, — всего лишь один скользящий удар. Небольшой синяк и всё.

— Ему нужно больше тренироваться, совсем забросил тренировки, — ворчливо говорит бабушка, — посмотрю, что там у него за синяк. Я его со вчерашнего дня не видела, а на завтрак он не спустился. А вашим людям, *Сан У*...

Бабушка строго смотрит на начальника охраны.

— ... Нужно шевелится быстрее, чтобы у моего внука не появлялись синяки!

— Прошу простить, госпожа *Му Ран*, — склоняется в низком поклоне *Сан У*, — за эту оплошность. Подобного больше не повторится...

*Му Ран*, поджав губы, неодобрительно смотрит на него.

— Ты тут пишешь, что американцы не станут ничего предпринимать, — говорит она, имея в виду только что прочитанный доклад, — на это точно можно рассчитывать?

— Думаю, что да, госпожа. Главный виновник был настолько пьян, что не помнит, кто его бил и за что. У меня такая информация о результатах его допроса военной полицией. Его приятели придерживаются той же версии.

Мол, увидели, что кто-то бьёт их друга, — вмешались. Считаю, что им не выгодно раздувать это дело. Все вовлечённые — из командного состава, пусть и невысоких званий. Разбирательство может негативно отразиться на их послужном списке. Выгоднее всего всем сделать вид, что ничего не было. И сеульской полиции и командованию базы.

— Подумать только, какие негодяи, — покачивая головою говорит бабушка, имея в виду американских военных, — ведут себя как в завоёванной стране.

*Сан У* молча склоняет голову, показывая, что всецело поддерживает мнение госпожи.

— Эта девушка... — переходит к следующему вопросу *Му Ран*, — с которой был мой внук. Она сильно пострадала?

— Нет, госпожа. Господин Чжу Вон вмешался очень вовремя. Повёл себя как настоящий мужчина.

Бабушка приподнимает брови.

— Скажи, *Сан У*, — спрашивает она, — я не поняла, зачем он взял её с собою в такое место? Это ведь компания не её уровня и никто в ней её не знает. Я не понимаю поступка Чжу Вона.

— Думаю, госпожа, он планировал розыгрыш, — отвечает *Сан У*, — она пришла на вечеринку в костюме парня, а когда на неё напали, она была уже в платье. Думаю, молодой господин хотел пошутить над своими друзьями, убедив их, что Юн Ми — парень, а потом показать, кто она есть на самом деле.

— Хм, — хмыкает *Му Ран*, — вот значит как он хотел выйти из ситуации. Но, как я понимаю, у него это не вышло?

— Да, госпожа.

— Хорошо, *Сан У*. Можешь идти.

— Да, госпожа.

*Сан У* кланяется и выходит из комнаты.

— Этот парень просто переполнен энергией, — сокрушённо качая головой говорит сама с собою *Му Ран*, вновь беря в руки доклад, — надо же, устроить такую драку! О чём он только думает, этот мальчишка? И эта Юн Ми... Раньше я думала, что она должна быть рядом с ним, как наказание для него, а теперь получается, что она обязана быть рядом, чтобы выполнить его задумку. Чтобы все увидели, что она девушка. Но если ему приказать — он опять упрётся и найдёт способ это не делать. Лучше сделать по-другому...

Бабушка ещё раз качает головою и вновь принимается перечитывать текст.

*Время: этот же день. Около десяти часов дня.*

*Место действия: Кабинет бабушки Чжу Вона.*

*За столом сидит бабушка, На небольшом диванчике, справа от стола сидит Чжу Вон.*

— Что ты себе позволяешь, пустая ты голова?! — с возмущением кричит бабушка на внука, громко хлопая ладонью по лежащему перед нею отчётом Сан У, — совсем мозги растерял?

— А что я такого сделал, бабуля? — наиграно удивляется внук.

— Что ты сделал? Что сделал? Что, драка с американцами по-твоему — пустяк?! Из ума выжил?

— Ба, — отвечает Чжу Вон, — ну ты же знаешь, что там случилось. Ты что, хотела бы чтобы я стоял и смотрел как мою девушку будет кто-то пытаться изнасиловать? Даже если этот кто-то — американец? Никогда в это не поверю.

— Пффф, — выдыхает бабушка смотря на парня.

Секундная пауза. Старая женщина поджимает губы и, не ответив на вопрос, меняет тему разговора.

— Ты сказал — твоя девушка? У тебя появилась девушка? Говори — кто она такая? Как её зовут?

— О, это очень хорошая девушка. Уверен, что когда ты её увидишь, она тебе понравится, бабуля, — улыбается Чжу Вон, — Её зовут Пак Юн Ми, ей семнадцать лет и она учится в школе.

— Школьница? — несколько делано удивляется бабушка, — Чжу Вон, скажи, на какую полку ты их положил? Я немедленно пошлю за ними!

— Кого, положил, бабуля? — не понимает Чжу Вон.

— Свои мозги! Из Парижа ты вернулся с совсем пустой головой! Думаю, ты забыл их где-то там, на полке. Нужно поехать и вернуть их.

— Зачем ты так говоришь, бабушка? — с довольным видом спрашивает внук, пытаясь при этом сделать обиженное лицо, — это несправедливо, не зная человека, так сразу его не любить.

— С чего это я должна её любить, если ни разу её не видела? Она ещё ничего не сделала, чтобы мне понравиться! — сварливо отвечает бабушка.

— Она очень постарается, — обещает Чжу Вон, — вот увидишь!

— Ты хочешь, чтобы я с нею встретилась? — удивляется бабушка.

— А что, разве не станешь? Как же она тогда сможет тебе

понравиться? — удивляется в ответ тот.

— Кто её родители? Чем они занимаются?

— У неё есть только мама и старшая сестра. У них маленькое кафе.

— Кафе в *Гванак-гу*? И ты об этом так спокойно говоришь? О чём ты только думаешь? Она совершенно не соответствует нашему уровню, Чжу Вон!

— *Гванак-гу*? Бабушка, разве я об этом говорил? Откуда ты знаешь, где она живёт?

Бабушка на секунду впадает в растерянность, поняв, что сболтнула лишнего.

— Ну, а где она может ещё жить? — быстро находится она с ответом, — если ты нашёл такую негодную девушку, то и жить она должна в негодном месте. Что может быть хуже *Гванак-гу*?

— Есть места и похуже, — говорит Чжу Вон, — И что в том такого, что *Гванак-гу*? И на пустырях розы растут.

— Ты нашёл розу на пустыре?

— Свою половинку можно найти в самом неожиданном месте, бабушка.

— Хочешь сказать, что влюбился в неё?

Бабушка с подозрением смотрит на внука.

— Я думаю — да! — глубоко вздохнув, счастливо улыбается Чжу Вон, расправляя плечи и интересуется, — надеюсь, бабуля, ты не против?

Поджав губы, бабуля секунду смотрит на него.

— Значит, вот он какой, твой выбор? — говорит она, — что ж, хорошо. Я не стану возражать.

— Что, правда?! — почему-то удивляется Чжу Вон резко выпрямляясь на диване.

— Зачем мне идти наперекор счастью своего внука? — с философской ноткой в голосе отвечает бабушка, — раз ты её любишь, что ж теперь поделаешь? Давай, будем готовиться к свадьбе.

— К свадьбе?! Как, к свадьбе? — растеряно переспрашивает Чжу Вон.

— Ну ты же её любишь? Значит, хочешь чтобы она стала твоей женой. Почему ты удивляешься? Что в этом не так?

Чжу Вон нервно проводит кончиком языка по верхней губе. По его виду понятно, что он растерян и никак не ожидал такого поворота разговора.

— То есть, как моя невеста, она тебя устраивает? — уточняет он, внимательно смотря на бабушку.

— Главное, чтобы она тебя устраивала, — отвечает та, пожав



плечом, — мне от неё нужно только лишь, чтобы она родила мне здоровых правнуков. Сможет она это сделать? Как её здоровье?

— Н. нн... Не знаю... — совсем теряется Чжу Вон.

— Не проблема, — решительно кивает бабушка, — я отправлю вас на обследование. Обоих.

— Куда ты нас отправишь?! — потрясённо переспрашивает Чжу Вон.

— В клинику. Пусть они там вас проверят. Мне нужны здоровые правнуки!

— Бабушка, ты говоришь так, словно собралась заняться разведением лошадей! — возмущённо кричит Чжу Вон.

— А что тут такого? Мой внук — безголовый бездельник, совершенно потерянный для жизни. Единственное, что с него можно получить — это правнуков. Вот я и хочу это сделать. Их я буду воспитывать сама!

— Ты что, вечно жить собираешься?!

— Ах ты мелкий паршивец! Да я ещё всех вас переживу! Никакого уважения к старости! Я спрошу твою мать, как она тебя воспитывала!

— Бабушка, Юн Ми только семнадцать лет! О чём ты говоришь?

— В мою молодость, девушки выходили замуж в пятнадцать! Твоего отца я родила как раз в семнадцать! И ничего, стал всеми уважаемым человеком. Не то, что ты, балбес, которого мать родила в двадцать три! И что с этого вышло? Что с тебя можно взять? Да ничего, кроме одного...

Бабушка недовольно поджимает губы.

— Бабушка, я просто поражён! Как ты можешь так легко поступать с людьми?!

— Точно так же, как ты можешь легко выдавать девушку за парня, распугивая всех невест!

— Они дуры! И совсем не годятся в жёны!

— А эта, значит, умная и годится? Ну раз годится, значит — женись. У нас с тобою был договор. И ты его обещал выполнять. Помнишь? Если ты его не выполняешь, то я буду действовать не спрашивая тебя.

— Это как?

— Ю Чжин, очень хорошая девушка из хорошей семьи. Она недавно приходила в гости к *Хе Бин*, та сказала, что она жаловалась, что ты совсем не обращаешь на неё внимания...

— Ю Чжин?! Это ты от неё узнала про девушку, похожую на парня? И причём тут она?

— Ты ещё глупей, чем я думала. Так, всё, хватит, — бабушка несильно хлопает ладонью по столу, — Я уже устала от того шума что ты производишь. Посмеялись и хватит. Значит так: Чжу Вон — ты придурок!

Надо ж было умудриться самого себя загнать в такую ситуацию! Я оценила твою шутку с подменой парня на девушку. Однако, она была бы хороша, если бы ты довёл её до конца. Но ты этого не сделал! И поэтому, все продолжают думать, что ты встречаешься с парнем. Нужно это исправить и завершить всё, как ты планировал. Я хочу, что бы эта девушка, Юн Ми, была с тобою рядом, до тех пор, пока ты не уйдёшь в армию. Ты меня понял? Взамен, я не буду больше требовать от тебя, чтобы ты женился.

— Уу-уу, бабуля, ты всегда делаешь предложения, от которых просто невозможно отказаться! Как тебе это только удаётся?

— Потому, что в отличие от тебя, у меня есть мозги! У твоей тёти Ри, через неделю день рождения младшей внучки. Надеюсь, ты помнишь, что она их всегда отмечает? Так вот, хочу, чтобы ты пришёл на праздник с Юн Ми и от моего имени поздравил её и её внучку. А я позвоню ей и скажу, что «приболела».

— К тётё Со Ри, с Юн Ми? — искренне ужасается Чжу Вон.

— Ничего, пусть это будет тебе наукой, не ставить рядом с собою не пойми кого.

— Ну, бабушка... Я даже не знаю... Привести Юн Ми к тётё? Я не понимаю, зачем тебе это нужно?

— Пусть Со Ри объяснит тебе, что ты заблуждаешься и эта девушка тебе не подходит. Надеюсь, тебе хватит ума не говорить тётё, что на самом деле всё не так и эта девчонка тебе никто?

— Бабуль, зачем такие сложности? Разве это хорошо — обманывать тётю?

— Твоя тётя, как впрочем и все наши родственники, которые придут поздравлять её и её внучку, наверняка знают о слухах про тебя. Пусть они лучше увидят своими глазами, что это не так, чем услышат чей-то очередной рассказ. Ты меня понял?

— Да, — подумав, кивает Чжу Вон, — я понял, что ты хочешь. Но если я откажусь? Что будет тогда?

— Тогда я окончательно разозлюсь. Возьму телефон, позвоню родителям Ю Чжин и договорюсь о дне вашей свадьбы.

— Ю Чжин?! — удивляется Чжу Вон, — почему Ю Чжин? Ведь кроме неё полным-полно претенденток? Почему она?

— Мне кажется, что ты настроен больше всего против неё, хотя совершенно не понимаю, почему это так. Хорошая девочка, умная, милая. Любит тебя. Что тебе ещё нужно от жены?

— Она занудливая. И порою смотрит на меня умоляющими глазами, словно собака. Терпеть такого не могу. И говорить с ней не о чем. И

никакая она не умная. Тупая, как пробка! Юн Ми в сто раз лучше неё знает английский, хотя ещё школу не закончила.

— Не выдумывай, — отмахивается от сказанного Чжу Воном бабушка, — Ю Чжин учится в университете и много практиковалась в языке за границей. Она никак не может знать английский хуже, чем школьница из *Гванак-гу*. Просто ты слишком негативно настроен против Ю Чжин, поэтому так и говоришь.

Чжу Вон пожимает плечом, говоря без слов: Не веришь? Ну и ладно.

— Выходит — Юн Ми, это наказание для меня? — спрашивает он.

— За всё нужно платить, — ворчливо отвечает бабушка, — за мои волнения, за переживания твоей матери, за покой отца, за нелепые слухи о семье. Заварил кашу — ешь!

— Хорошо, — немного подумав, склоняет голову Чжу Вон, — я понял. Я сделаю так как ты хочешь, бабушка. Хотя не удержусь напомнить о том, что всё началось с того, что ты отправила меня в университет, не спросив моего мнения.

— Ты бы ещё дольше молчал о том, что собираешься делать после школы, — хмыкает в ответ та, — уверена, что если я и сейчас спрошу тебя об этом, ты опять ничего не ответишь. Скажешь — не так?

Чжу Вон, делает неопределённое движение головой и молчит.

— Поэтому, чтобы ты не погряз в безделье, мне пришлось принять решение за тебя, — внимательно смотря на внука продолжает объяснять свой поступок бабушка, — Виновата тут не я, а твоя пассивность и нежелание принять ответственность за свою жизнь...

В комнате на несколько секунд наступает тишина.

— Возьмёшь её к себе на работу, — нарушая её, говорит бабушка, возвращаясь к начальной теме разговора.

— Кого? Юн Ми? — удивляется Чжу Вон, — зачем?

— Пусть и работники увидят, что это только слухи. Уверена, что они их тоже слышали.

— Кем я её возьму? — пытается возражать Чжу Вон, — она же ещё школьница!

— Ты же директор, — отвечает бабушка, — который, правда, ничего не делает, но всё равно — директор. Назначь её своим секретарём. Пусть она за тобою везде ходит.

— Но у меня уже есть секретарь!

— Хватит со мною спорить! — повышает голос бабушка, — если сам не можешь решить этот вопрос, спроси свою сестру. Может, хоть чему-то научишься...

Опять молчание.

— Если она решит тебя шантажировать, — нарушая тишину произносит бабушка, — скажешь мне. Я найду на неё управу.

— Кто, шантажировать? — не понимает Чжу Вон, — Юн Ми?

— Ну не *Хе Бин*, же!

— Я же её спас! Зачем ей так поступать?

— Ты по-прежнему, наивен и веришь в благородство людей. С одной стороны, это не плохо, но, с другой стороны — пора бы уже и взрослеть, Чжу Вон. Просто сейчас очень удобный момент для шантажа. Не знаю, как ты договорился с ней, чтобы она изображала парня, но вот последнее происшествие — слишком большой соблазн. Драка с американцами, попытка изнасилования, в которую замешан сын чеболя... Как думаешь, сколько могут заплатить журналисты за подобную историю?

Чжу Вон хмурится.

— Не так уж и много, наверное, — подумав, отвечает он.

— Для тебя, наверное, да, немного, — кивнув, соглашается бабушка, — а для неё, эта сумма может выглядеть иначе.

Чжу Вон, молча двигает челюстью, размышляя.

— Хорошо, я понял, — говорит он, — ты как всегда мудра, бабушка *Ран*.

\* \* \*

*Время: этот же день. Ещё чуть позже.*

*Место действия: загородное имение семьи Ким. Чжу Вон разговаривает с Сан У.*

— Уважаемый *Сан У*, — обращается Чжу Вон к начальнику охраны, — у меня есть к вам небольшая просьба.

— Буду рад помочь, господин Чжу Вон, — с готовностью отзывается тот, — что вы хотите?

— Знаете, *Сан У*, у меня появилась новая знакомая девушка. Так вот, у неё есть, скажем так, некоторые странности, которые мне непонятны. Я бы хотел, чтобы вы смогли их прояснить.

— Что за девушка? — спрашивает *Сан У*, доставая смартфон и вынимая из него стилус, готовясь записать, — И что за странности?

— Её зовут Пак Юн Ми, — отвечает Чжу Вон, — вы её знаете.

*Сан У*, не возражая, кивает.

— Она очень хорошо говорит на английском, — продолжает говорить Чжу Вон, — так, словно она жила за границей. Хотя сама она утверждает, что всю жизнь прожила в Корее. Когда я спросил её об этом, она ушла от ответа. Сказала, что занималась. Но учится она в обычной школе. Уважаемый Сан У, я хочу взглянуть на её школьные оценки. Хочу понять, действительно ли она так успешна, или она — обманывает? Я достаточно понятно объяснил, Сан У?

— Вполне, — кивает в ответ тот, делая на экране смартфона пометки — я сообщу об этом вашей бабушке, и если госпожа разрешит, я займусь этим делом. Но на это потребуется некоторое время.

— Хорошо, Сан У, — тожекивает в ответ Чжу Вон, — как только что-то узнаете, сообщите мне! Да! И ещё. Ещё есть сведения, что она обезвредила маньяка. Я хочу узнать об этой истории подробно.

— Хорошо, господин Чжу Вон!

\* \* \*

*Время: этот же день.*

*Место действия: небольшой сквер недалеко от гостиницы, где работает Чжу Вон. Яркий солнечный день. Чистое голубое небо, лёгкий ветерок, качающий ветки деревьев с проклюнувшимися из почек зелёными листочками. Чжу Вон, вытянув ноги и закинув руку на спинку скамейки, на которой он сидит, разглядывает проходящих мимо женщин и девушек. Ждёт Юн Ми. Появляется Юн Ми — в синей юбке и белой рубашке под пиджачком. На ногах — чёрные женские ботиночки и белые гольфы. Вид у Юн Ми — хмурый. В руках она держит пластиковый пакет в котором что-то лежит. Проводив взглядом очередную девушку, Чжу Вон поворачивает голову и упирается взглядом в Юн Ми.*

— Куда это ты так вырядилась? — не здороваясь и окинув оценивающим взглядом голые колени и ноги девушки в целом, интересуется Чжу Вон.

— Работу искать, — отвечает Юн Ми, ставя принесённый пакет на скамейку рядом с ним.

— Что это? — интересуется тот, глядя на него.

— Одежда, — отвечает Юн Ми, — та, что ты мне вчера купил.

— Одежда? — удивляется парень, — зачем ты её принесла?

— Чтобы ты её сдал в магазин, — поясняет девушка.

— Сдал в магазин? — ещё больше удивляется Чжу Вон, — почему ты её просто не оставила себе?

— Кто ты такой, чтобы покупать мне одежду?

— А-а! — на секунду задумавшись, отвечает Чжу Вон, — Показываешь, что ты гордая? Хорошо, я увидел. Можешь её выкинуть. Я такой ерундой заниматься не стану.

— Ты же говорил, тебе денег на бензин не хватает?

— Это тогда было, — на мгновение смутившись, отвечает Чжу Вон, — теперь хватает. Не беспокойся.

— Как хочешь, — отвечает Юн Ми, — ты потратил на неё деньги, тебе решать, как с ней поступить дальше. Это не моё.

На некоторое время возле лавки наступает молчание.

— Это всё, что ты хотела мне сказать? — наконец спрашивает Чжу Вон, — оторвала меня от работы из-за такой ерунды?

— Нет, я ещё хотела сказать... — произносит Юн Ми, смотря в землю, и замолкает.

— Что? — прищуриваясь, с некой долей агрессивности в голосе спрашивает её Чжу Вон, — что ты хочешь мне такого сказать?

Юн Ми набирает полную грудь воздуха.

— Чжу Вон, — говорит она и видно, что говорить ей непросто, — вчера... ты меня спас. Если бы этот урод меня... изнасиловал, то я, честно, не знаю, как после этого... В общем, спасибо тебе! Я теперь твой должник!

В подтверждении своим словам, Юн Ми, протягивает Чжу Воноу руку для пожатия и поднимает голову, смотря парню в глаза. Тот, секунду удивлённо смотрит ей в лицо, затем протягивает в ответ руку и несильно сжимает маленькую девчоночью ладонь.

— Хорошие слова, зверёныш, — говорит Чжу Вон, не выпуская её руки, — именно способность к благодарности отличает людей от животных и делает человека человеком. Я принимаю твой долг.

Чжу Вон выпускает руку Юн Ми.

— Мне как раз нужна твоя помощь, — говорит он.

— Какая? — спрашивает та.

— Видишь ли, моя бабушка, хочет, что бы....

\* \* \*

*Время: две минуты спустя.*

*Место действия: у той же скамейки.*

— Но мы так не договаривались! — с возмущением на лице произносит Юн Ми, — я не могу тратить столько времени на тебя!

— В этом нет моей вины, — раскинув руки в стороны по спинке скамейки и сидя, заложив ногу за ногу, отвечает Чжу Вон, — всё шло по плану и должно было закончиться вчера, как мы договаривались. Но возникли непредвиденные обстоятельства о которых ты прекрасно знаешь. Поставленная задача — не выполнена. Все по-прежнему думают, что ты парень, а я гей. Это нужно исправить. Исправить, до моего призыва в армию. Всего три с небольшим месяца.

— Три месяца! Целых три месяца!

— Всего три месяца. Не ты ли только что сказала, что должна мне? Это вот значит как ты относишься к своим словам?

— Но... — немного теряется Юн Ми, — просто я собиралась найти работу. Мне нужно на что-то жить и оплачивать занятия...

— Я возьму тебя на работу, — закинув голову и смотря в небо, небрежно произносит Чжу Вон.

— Возьмёшь меня на работу? — очень заинтересованно смотрит на него Юна, — Что за работа?

— Моим секретарём, — всё так же небрежно говорит Чжу Вон, — довольна?

— Секретарём? — удивлённо переспрашивает Юн Ми.

На лице её растерянность и непонимание. Уловив интонации её голоса, «работодатель» поворачивает к ней голову.

— Чем недовольна? — спрашивает он, — Что, не так?

— Это же женская работа.

— А ты кто? — насмешливо фыркает Чжу Вон, — Парень, что ли? Так вошла в роль?

— Ээээ... я имела в виду, что секретарь, эта работа, которую нужно делать очень тщательно. Кропотливо всё записывать, соблюдать везде порядок... Думаю, что это не для меня.

— Ну ты даёшь, — говорит Чжу Вон, — первый раз вижу девушку, которая признаётся, что не способна к порядку. Если уж ты всё раскидываешь и за тобою убирает твоя мама, то хоть вслух об этом не говори. Держи за зубами свой язык. Похоже, он твой главный враг. Поняла?

— Ну... — начинает было что-то говорить Юн Ми и замолкает.

— Значит так, — окинув жертву оценивающим взглядом, говорит Чжу Вон, — должность — стажёр секретаря-переводчика. Зарплата...

Чжу Вон ещё раз окидывает девушку взглядом.

— ... Восемьсот тысяч вон в месяц. Срок стажировки — три месяца. Обязанности — сопровождение руководителя, то есть меня, в деловых и личных поездках. Вопросы?

— Ты будешь мне столько платить?!

— Тшщ! — презрительно выдыхает сквозь зубы Чжу Вон, — ты что, решила, что я рабовладелец и воспользуюсь твоим долгом, для твоей бесплатной эксплуатации? Как ты вообще ко мне относишься?

— Я согласна! — заявляет Юн Ми, не став отвечать на последний вопрос.

— Ещё бы ты отказалась! — фыркает Чжу Вон, — когда ты сможешь приступить к работе? Как ты себя чувствуешь? После вчерашнего, ничего не болит?

— Нет, всё хорошо.

— Ну раз так, тогда, пошли со мной. Составим договор, дома подпишешь. И заодно, заберёшь свою сумку с вещами.

— Мммм... — задумчиво мычит Юн Ми, — а я дома уже сказала, что на одежду упала банка с краской и она испорчена. Куда теперь её девать?

— Ну ты и врать, — качает головою Чжу Вон, вставая со скамейки, — врёшь, как дышишь. Телефон, ты тоже — в краске утопила? В сумке ведь ещё твой телефон.

— Вот чёрт! — восклицает Юн Ми.

— Ладно, получишь зарплату — купишь новый, — усмехаясь, говорит Чжу Вон. — это будет тебе наказание за враньё. Пошли! И с этого момента, прекращай говорить со мною неформально. У нас нет с тобою никаких отношений, я тебя старше и теперь ещё я твой начальник.

— Да, кунчан-ним, — послушно отзывается Юн Ми.

— Да! А как ты мне позвонила? Телефона ведь у тебя не было? Откуда ты взяла мой номер?

— Не знаю, — несколько удивлённо пожимает плечами Юна, которая, похоже, до этого не задумывалась об этом, — запомнила, Чжу Вон-сии.

— Запомнила? Ты так легко запоминаешь большие цифры?

— Не знаю. Наверное, да. Никогда не думала об этом, кунчан-ним.

\* \* \*

*(чуть позже, в машине)*

Сижу в машине, смотрю на дорогу. Чжу Вон везёт меня в офис. Вот уж



правда и не знаешь, где найдёшь, где потеряешь! На меня упала работа в восемьсот баксов! Чёрт, это же получается, что я теперь смогу и комп купить и занятия оплатить! Свезло. Даже не ожидал. Правда, ничего бесплатно не бывает. Придётся опять изображать «друга» Чжу Вона, правда уже в женском варианте, ну да ладно. Всего три месяца. За восемьсот баксов в месяц могу и потерпеть. Тем более, что я малость уже «пообтёрся» в этой роли и ничего страшного в ней не вижу. Чжу Вона, Юн Ми, как девушка, не интересует. Нечего себе «такого» не позволяет.

— По вчерашнему... — говорит Чжу Вон отвлекая меня от моих мыслей, — тот американец... Он был настолько пьян, что не помнит кто и за что его бил. Есть информация, что это дело решили не расследовать. И американцы и наша полиция....

Решили спустить «на тормозах»? Фига себе тут порядочки! Прямо как у нас! А я думал что за границей порядка всё же больше...

— Так что не беспокойся, — продолжает говорить между тем Чжу Вон, чуть-чуть двигая рулём, — никто тебе претензий предъявлять не станет.

— Мне не беспокоиться? — удивляюсь я, — я вообще-то думала, что беспокоиться нужно как раз не мне!

Чжу Вон бросает на меня взгляд. Глаза его серьёзны.

— Юн Ми-ян, — говорит он, — не знаю, почему ты об этом не знаешь, но раз так, то придётся объяснить мне. Никогда, слышишь? Никогда не подходи к американским солдатам. Если хочешь — считай их всех насильниками и подонками. Так у тебя не будет проблем. Поняла?

Я кивнул в ответ.

— Они все — «неприкасаемые», — ещё раз глянув на меня, объясняет свои слова Чжу Вон, — что бы они не сделали, судить их будут не тут, где они совершили преступление, а в Америке. А в Америке... там свои законы. Преступления, совершённые её военными за её границами считаются в американском суде незначительными. У нас бы, тот, вчерашний ублюдок, сел бы в тюрьму, а там ему, в худшем случае, штраф назначат выплатить...

Чжу Вон замолчал, следя за дорогой.

Да, помню. Когда изучал японский, я читал их газеты. Так вот, там с периодичным постоянством писали о том, что вот опять, американские солдаты, в очередной раз, изнасиловали очередную школьницу. В конце охреневающие от такого беспредела жители в очередной раз брали в руки вилы и сбившись в толпу, блокировали военную базу, вопрошая у своего правительства — «доколе»? Правительство в очередной раз говорило им,

что: «дык, пык, они союзники, япона-мать!» и обещало разобраться. После чего преступника увозили в Америку, толпа «рассасывалась» и всё затихало до следующего раза. До следующих «вил». А наказания для американской военщины, они, да, такие... Специально поинтересовался этим вопросом. Почитал статьи наших журналистов, разбиравших эту тему. Так вот, в Америке, этим горе-воjakам, максимум два года за изнасилование несовершеннолетней давали. Причём даже не всегда. В основном — какие-то ихние дисбаты, переводы на новые места службы и прочий «неадекват». Фигня, короче, а не наказание. «Отделались лёгким испугом», как говорится. Ну а чё? Не американцы? Значит люди второго сорта! Пошто наших защитников демократии наказывать за их развлечения? С аборигенов не убудет. Пусть будут благодарны за то, что их защищают...

— Ты меня поняла? — спросил Чжу Вон, смотря на дорогу.

— Да, — кивнув, ответил я, — спасибо за предупреждение.

— Только не вздумай этого где вслух сказать, — сказал Чжу Вон, повернувшись ко мне, — или, что это я тебе сказал.

— Я не дура, — ответил я.

— Да? — с иронией в голосе отозвался Чжу Вон, — это радует...

«Притопив» педаль газа, он резко увёл машину влево, обгоняя тихохода на нашей полосе.

\* \* \*

*(ещё чуть позже. Там же, в машине)*

— Отправлю тебя на курсы, — говорит Чжу Вон, смотря на дорогу.

— Курсы? Какие курсы?

— Делопроизводства и этикета. Пусть тебя там научат правильно подшивать бумаги и пользоваться кофемашиной.

— Что, уметь пользоваться кофеваркой — это самое главное в моей работе?

— Конечно! — восклицает Чжу Вон, — если ты уничтожишь кофемашину, значит, я лишусь кофе, если я лишусь кофе, то моя голова станет плохо соображать. Если она станет плохо соображать, то я могу принять неверное решение! Неверное решение — это убытки. Убытки — это отсутствие зарплаты у работников компании. Ты хочешь получать зарплату?

— Хочу, — уверенно отвечает Юн Ми.

— Вот видишь. Значит тебе просто жизненно необходимо научиться пользоваться кофеваркой и правильно готовить кофе. Могу даже сказать, что от того, как ты справишься с этой задачей, будет зависеть благосостояние множества людей. В том числе и твоё! Усекла, зверёныш?

— Пфффф... — выдохнула зверёныш и спросила, — Но, а этикет-то зачем?

— Я смотрю на тебя и с ужасом думаю о надвигающемся празднике у тётушки *Ри*. Мне совсем не хочется, чтобы со мною рядом оказалась девушка из дорамы.

— Девушка из дорамы? — удивляется, не понимая, Юн Ми, — как это?

— Ты смотрела дорамы в которых бедная девушка попадает в богатую семью? — спрашивает её Чжу Вон, — Наверняка видела. Каждая вторая дорама с таким сюжетом. Так вот, во всех фильмах есть момент, когда эта девушка оказывается за столом с семьёй главного героя. И тут начинается страшное... Она не умеет пользоваться вилок, ест руками из тарелок, вытирает руки о свою одежду, волосы, о скатерть... Рыгает, напившись лимонада и дико хохочет выпив разом бокал вина. А? Понимаешь, о чём я?

Чжу Вон, отвлекшись от дороги, поворачивается к Юн Ми. Девушка молча смотрит на него потемневшими от гнева глазами.

— Не нужно на меня так смотреть, — с удовольствием говорит Чжу Вон, убедившись, что Юн Ми разозлена, — потом ещё спасибо за это скажешь. Ну, сама подумай? Если ты решила стать айдолом, то без знания этикета тебе в будущем просто не обойтись. А мне спокойней будет сейчас, если я буду знать, что с тобою можно безопасно сидеть рядом за столом. Смотри, все в выигрыше — ты, я, тётя *Со Ри*. Всем выгодно. И заметь, за твоё обучение — плачу я. Ну, как, ты поражена моей щедростью и дальновидностью? Пойдёшь на курсы?

— Пойду, — секунду подумав кивает Юн Ми.

— Пфффф... — разочарованно выдыхает Чжу Вон, — ты совсем не девушка из дорамы!

Юна с вопросом во взгляде смотрит на него.

— Если следовать классическому пути развития сюжета дорамы, ты должна была сейчас с негодованием отказаться, продемонстрировав свою гордость и независимость. А ты взяла и согласилась.

— Я гордая, но практичная, — немного подумав, с серьёзным видом объясняет свой поступок Юн Ми.

— Ха-ха-ха! — заходится в смехе Чжу Вон, наклоняясь к рулю, — ха-ха-ха!

*(ещё чуть позже. Кабинет Чжу Вона обставленный стильной мебелью европейского дизайна. Юн Ми с интересом оглядывается, изучая обстановку. Чжу Вон, с небрежным видом сидя за столом в «большом кресле руководителя» даёт указания своей секретарше, стоящей рядом у его стола с блокнотом и ручкой в руках.)*

— ...Это теперь ваша подчинённая...

*(секретарша бросает быстрый взгляд на Юн Ми и вновь переводит его на своего начальника)*

— ...Найдите ей недельные курсы по этикету и делопроизводству...

*(секретарша быстро пишет в блокноте)*

— ... Возьмите у неё документы и оформите договор на должность секретаря-стажёра...

Чжу Вон поворачивается кресло к Юн Ми.

— Какие у тебя есть документы? — спрашивает он.

— Вот, господин кунчан-ним, — говорит девушка, снимая с плеч маленький рюкзачок и доставая из него прозрачную папку, — сертификат TOEIC и удостоверение личности...

— Всего-то? — хмыкает Чжу Вон, — давай сюда!

Юн Ми протягивает ему папку.

— Вау, золотой сертификат! — восхищается Чжу Вон, достав жёлтый лист, — Ты смотри, а у тебя оказывается есть чем гордиться!

*(секретарь бросает уважительный взгляд на Юн Ми)*

— Девятьсот девяносто девять баллов! — удивляется между тем Чжу Вон, — ничего себе! А почему не тысяча? Куда делся один балл?

Чжу Вон вопросительно смотрит на Юн Ми.

— Подозреваю, это из-за того, что неправильно сделана программа, — отвечает она, — думаю, что те, кто её писал, ошиблись с числом оценок, задав диапазон от 0 до 999. В итоге, в компьютере, общее число оценок, которые можно поставить, получилось равным тысяче, с учётом нуля, но значение 1000, с четырьмя знаками, напечатать никогда не получится, потому, что его там нет...

— Я понятно объяснила, кунчан-ним? — поинтересовалась Юн Ми, глядя на «зависшего» начальника.

— Чушь какая-то, — подумав секунды три, выносит услышанному вердикт Чжу Вон, — ты училась компьютерным технологиям?

— Нет, но...

— Тогда не говори глупостей, стараясь казаться умнее.

— Почему, глупостей?

Юн Ми непонимающе смотрит на собеседника.

— Потому, что во-первых, этой программой не один год пользуется вся страна. Если бы в ней были бы ошибки, их бы давно уже заметили. Но это, так, из общих мыслях о вопросе. А во-вторых, и это главное, тест состоит из двух частей. И если ты оба их сдала на отлично с неверной программой, то у тебя было бы 998 восемь баллов, а не 999. Понимаешь о чём я говорю? Минус один бал за один тест, минус за другой, итого — минус два. А у тебя — минус один. Окей?

— Окей... — задумавшись на пару секунд, кивает Юн Ми, — об этом я не подумала, кунчан-ним...

— То-то же, — довольно говорит Чжу Вон и обращается к секретарю, — И не забудьте заказать ей форменную одежду!

— Да, господин исполнительный директор, — одновременно кланяясь и записывая говорит секретарь.

\* \* \*

*Время: Вечер того же дня.*

*Место действия: дом мамы Юн Ми.*

— Мама, я дома! — кричит Сун Ок, входя в прихожую.

— Да, дочка! Да! — кричит ей в ответ мама из кухни, — мой руки и иди кушать!

...(спустя некоторое время)

— А Юна? Она уже ела? — спрашивает Сун Ок, входя на кухню, — где она?

— Играет на своём пианино, — отвечает мама, — Устала, дочка? Проголодалась? Скорее садись! У нас хорошая новость!

— Какая? — спрашивает Сун Ок садясь за стол и беря палочки.

— Нашу Юну повысили в должности! Теперь она секретарь-стажёр!

— Правда? — удивляется Сун Ок и тут же радуется, — вот здорово!

— Теперь она будет получать восемьсот тысяч вон! — с гордостью говорит мама.

— Что, правда что ли? — поражается Сун Ок.

— Да. И ещё ее посылают на курсы секретарей. Будет учиться целую

неделю. Я уже позвонила дяде, он сказал что это всё очень хорошо. И он одобряет.

Сун Ок с озадаченным видом жуёт кусочек мяса.

— Чего это вдруг её повысили? — задаёт она вопрос маме, — за какие успехи? Она же даже года ещё не проработала?

— Ну, наверное увидели, что она умная и перспективная! Ты же знаешь, Юна у нас — молодец! Ладно, ты кушай, а я пойду. Работать нужно.

— Ма-а, ну что я, одна что ли есть буду? Сказала бы, я бы сразу в большую кухню пошла! Не хочу есть одна!

— Позови Юну. Пусть она тебе расскажет, как её повысили. Ну всё, давай, кушай. Я пошла!

Мама уходит. Сун Ок остаётся одна.

— Ну да, оторвёшь её от синтезатора... — говорит она, имея в виду сестру, — если только тросом к машине привязать...

Они принимается есть дальше, при этом о чём-то размышляя.

— Восемьсот тысяч вон... — произносит она вслух, говоря сама с собою, — это же почти столько же, сколько зарабатывают после университета. Да, у неё хороший результат по *TOEIC*. Но диплома-то нет! Странно...

Сун Ок некоторое время задумчиво ест продолжая размышлять над ситуацией.

— А это случаем не тот парень, на красной машине, всё устроил? — снова говорит она вслух, — но тогда получается, что Юна мне... соврала?

— Не, не может этого быть! — мотает головой Сун Ок, — Юна не такая. Она никогда не станет врать сестре. Какую глупость я подумала!

Сун Ок взмахнула палочками отгоняя неприятную мысль и снова принялась за еду.

\* \* \*

*Время: два дня спустя*

*Место действия: улица рядом с домом мамы Юн Ми. Красный автомобиль. Открывается передняя дверь и из машины выходит Юн Ми. В этот момент, из узкого проулка выходит Сун Ок, возвращающаяся из университета. Повернув голову она задевает взглядом Юн Ми возле машины и останавливается в изумлении. Секунду смотрит, затем прищуривается, понимающе кивая головой и скрещивает на груди руки.*

— Спасибо, — наклонившись, говорит внутрь машины Юн Ми, — до завтра, Чжу Вон.

Юн Ми выпрямляется, закрывая дверь. Поворачивается и внезапно натывается на полный негодования взгляд Сун Ок. Юна замирает, словно птица под взглядом змеи.

— Это ещё что такое? — голосом, не предвещающим ничего хорошего, спрашивает Сун Ок.

Юн Ми молчит с сосредоточенным видом, видно думая, что сказать.

— Опять красная машина и красавчик за рулём! Что ты чинила в этот раз?

Юн Ми продолжает молчать, недовольно сжимая губы.

— Так значит ты мне врала? Врала, глядя прямо в глаза?! Врала своей сестре?!

Юн Ми глубоко вздыхает, но продолжает молчать.

— Мы, с мамой, только и думаем о тебе, а ты тут с парнями развлекаешься? Разве я тебе не говорила, чтобы ты не вздумала подобным заниматься! А тебе, значит, всё равно?! Вместо того, чтобы учиться, готовиться к тестам, она на машинах разъезжает! Ах ты идиотка!

Возмущению *онни* нет предела. На её гневный крик, из окон домов начинают выглядывать люди. Открыв дверь, из машины вылезает Чжу Вон, видно собираясь что-то сказать, но не успевает.

— Эй, ты! — резко выпрямив правую руку и направив на него выставленный указательный палец, восклицает Сун Ок, — Да, ты, богатенький красавчик! Ты что думаешь, что тебе всё сойдёт с рук?! Как ты смеешь заниматься подобными вещами со школьницами?!

— Да всё не так! — возмущается Чжу Вон, кинув взгляд вдоль уличных окон, в которые выглядывают люди.

— Что — не так?! А-а, хочешь сказать, что встречаешься с моей сестрой, потому, что безумно любишь её? Да? Правда? Так вот! Я запрещаю тебе встречаться с ней! Понятно?

— Почему? — с обалделым видом спрашивает Чжу Вон, вытаращиваясь на девушку.

— Потому, что ты из богатых! — отвечает, как отрезав ножом, Сун Ок.

— А что в этом плохого? — искренне не понимает Чжу Вон.

— Плохого? — удивляется в ответ на его непонимание Сун Ок, — не знаешь? Хорошо, тогда я тебе объясню!

Сун Вновь скрещивает на груди руки и презрительно прищурившись приступает к разъяснению.

— Богачи — это люди, не знающие жалости и сострадания, — говорит она, — всё меряют только деньгами. Они разрушили жизнь нашей семьи. Отобрали у нас дом и кафе, где работали наши родители, выплатив им грошовую компенсацию. Им было нужно хорошее место под строительство. А что станет с нами, им было — плевать! Наш отец надорвался и умер, работая, чтобы заработать денег для своей семьи! Юн Ми сбил на своей машине богач, из-за чего она попала в больницу. У него тоже, была дорогая машина, как у тебя! Юна хорошо училась. Но после аварии она не смогла закончить школу. Как она теперь будет жить? Как заработает, не имея профессии? Но разве его это интересует? Дал денег и думает, что чист перед богом! Ты тоже — из богатых. Ты — такой же! Тебе нельзя верить. Поиграешь с моей сестрой, а когда надоест — бросишь, уничтожив её жизнь и разбив ей сердце! Дашь напоследок денег, чтобы совесть не мешала тебе спокойно спать и всё! Я не хочу, чтобы такое случилось! Пусть Юн Ми не твоего уровня, но она в сто раз лучше тебя! И она достойна лучшего, чем быть просто игрушкой какого-то богатенького бездельника! Поэтому — уходи и не приходи больше!

— Но, нуна... — пытается возразить Чжу Вон.

Услышав, как он к ней обратился, Сун Ок аж подпрыгивает на месте.

— Нуна?! Нуна?! — возмущённо вопит она, — Не смей называть меня сестрой! Я тебе — не сестра! И никогда ей не стану! Убирайся! Посмеешь ещё раз прийти — я тебе голову проломлю за Юн Ми! Так вот и знай!

Взбешённая Сун Ок подскакивает к машине и хватает Юну за руку.

— А ну марш домой, глупая коза! — орёт она на неё, — я всё маме расскажу, чем ты занимаешься! Сейчас ты получишь, идиотка!

Схватив Юн Ми за руку, Сун Ок тащит её за собой по улице, продолжая ругаться почем свет зря. Чжу Вон озадаченно смотрит им след.

— Ну и семейка... — говорит он покрутив головой и вновь, глянув на торчащие из окон головы любопытных, быстро садится в машину.

\* \* \*

*Время: немного позже*

*Место действия: маленькая кухня в доме Юн Ми. Мама с растерянным лицом. Юна, с мрачным видом. Злая-презлая Сун Ок. Сун Ок и мама сидят за столом, Юна стоит у двери.*

— Не смей больше с ним встречаться! Поняла?! — агрессивно



наклоняясь над столом прессует Сун Ок Юн Ми, продолжая её воспитание.

— Подожди, дочка, подожди! — вмешивается в процесс мама, — успокойся. Давай, сначала всё выясним, прежде чем что-то делать.

— Что-тут выяснять? — возмущается в ответ Сун Ок, — и так всё ясно!

— Молчи! — машет на неё рукой мама, — если тебе всё ясно — молчи! Дай мне разобраться.

— Дочка, — обращается она к Юн Ми, — кто этот молодой человек, который привёз тебя на машине?

— Вообще-то это был мой работодатель, — нахмутив лоб, отвечает дочь.

— Работодатель? — поражается мама.

— Да, работодатель, — подтверждает Юн Ми, — который недавно меня повысил в должности, а его, непонятно за что, буквально обматерили на пороге нашего дома. И я вот теперь не знаю, есть ли у меня работа? Или я уже — безработное животное?

Мама поворачивается и вытаращивается на старшую дочь. Та, под её взглядом, несколько теряет уверенность, но каяться не собирается.

— Она — врёт, — говорит она матери, — подумай сама, с чего это её начальнику возить её на своей машине? Такой дорогой машине? Зачем?

— Он маршрут проверял, — вздохнув, объясняет Юна, — завтра будет встреча иностранной делегации. В программе показ достопримечательностей Сеула, один обед и два кофе-брейка в разных местах. *Кунчан-ним* решил ещё раз лично проверить как готовы в ресторане и кофейнях.

От услышанного у мамы круглеют глаза.

— Дочка, что ты натворила? — спрашивает она у Сун Ок.

— Не верю, — отвечает та, и обращается к сестре, — почему именно ты сопровождала начальника? Ты же только стажёр который ещё только учится? Неужели никого больше не нашлось? Поопытнее?

— Именно потому, что я стажёр я и поехала. Работа тупая и глупая — записать в блокнот всё то, что скажет записать *кунчан-ним*. А у его дежурного секретаря сегодня годовщина — сто дней как она встречается с её молодым человеком. Ну вот, она и выпихнула меня вместо себя...на практику. *Кунчан-ним* возражать не стал...

— И что ты записала? — прищуривает глаза Сун Ок.

— Ничего, — смотря на неё честными глазами, отвечает Юна, — всё подготовлено на отлично. Замечаний нет.

— Дочка, что ты натворила? — вновь спрашивает мама обращаясь к

Сун Ок, — что ты ему сказала?

Сун Ок не отвечает. Лицо у неё мрачнеет всё больше и больше. Похоже, она вспоминает, что именно она сказала. Юн Ми тоже молчит, смотря в пол.

— Юна, — так что она сказала? — обращается мать к младшей дочери, видя, что старшая говорить не желает.

— Сказала, что проломит ему голову, если он тут ещё раз появится, — продолжая смотреть в пол, хмуро говорит Юн Ми.

— Ой ты, страх-то какой! — взмахивает руками мама, — Сун Ок! Как ты могла такое сказать незнакомому мужчине? Это совершенно на тебя не похоже! Что случилось, с тобою, дочка?

— Просто я разозлилась, — отвечает ей дочь, — все беды нашей семьи из-за таких вот богачей. Одно, другое, третье. И теперь они к Юне руки протянули! Я не допущу этого! И мне всё равно, какое у них там богатство!

В кухне воцаряется на некоторое время тишина. Слышно лишь гудение горящего пламени в котле.

— Сун Ок, доченька, — обращается мама к старшей дочери, — зачем ты так говоришь? Зачем такая непримиримость? Вам обоим нужны хорошие мужья. Я хочу, чтобы ваша жизнь была достойной. Лучшей, чем смогла дать я. Это единственное, о чём я теперь мечтаю. Я не хочу, чтобы мои дочери до конца своих дней считали каждую вону. Вам ещё нужно будет детей растить. Подумай, как вы станете это делать, если будет не на что жить, а?

Сун Ок поджигает губы.

— Деньги нужно зарабатывать, — секунду спустя возражает она, — а не так, чтобы они падали с неба, а ты не знаешь куда себя деть от безделья. Мой муж будет хорошо зарабатывать. Но богатым бездельником он не будет! Мне такой мужчина не нужен!

Мама осуждающе качает головой.

— Сун Ок, — говорит она, — ты слишком молода, поэтому так категорична. Люди, они все разные. И среди богатых это тоже так. Среди них есть и такие, про которых ты говоришь, но есть и те, кто работает. Имеют в жизни цель и добиваются её. В каждом случае нужно смотреть на конкретного человека. Какой он, какие у него родители? Что он хочет?

— Юночка, — обращается мама к не участвующей в разговоре младшей дочери, — кто этот молодой человек? Как его зовут, что у него за семья и кем он работает?

Юна тяжело вздыхает.

— Его зовут Ким Чжу Вон, — нехотя отвечает она, видимо уже

представляя, что будет дальше, — Его семья владеет крупнейшей судостроительной компанией Кореи — «Sea group corporation» и всякими прочими фирмами. А сам он работает исполнительным директором в гостинице «*Golden Palace*». Это головной отель сети гостиниц принадлежащих «Sea group»...

— «Sea group»? — искренне изумляется Сун Ок, — так он что... ЧЕБОЛЬ?!

— Да, его семья — основной держатель акций, — кивает Юна, — а Чжу Вон — младший наследник. У него, где-то там миллиард, с лишним, наследства... В долларах.

— Ты с ума сошла! — испуганно ахает мама, — Это совсем не наш уровень! Куда ты полезла, дочка?

— Никуда я не лезла, — отвечает Юна, — он сам пришёл.

— Сам пришёл?! Как такое может быть?

— Ну, вот так вот... получилось.

— Это что, правда? Ты не шутишь? — спрашивает Сун Ок сестру, наконец подобрав свою отпавшую челюсть.

Она бледнеет и вид у неё становится растерянным.

— Нет, — отрицательно качает головой Юна, — в том-то и дело, что всё — правда...

— Боже, что же ты наделала, Сун Ок! — вскрикивает мама в ужасе прикрывая пальцами губы, — что же теперь будет? Юну теперь точно выгонят с работы! И как бы чего похуже не случилось!

Сун Ок сидит с испуганным видом, прикусив нижнюю губы. Видно, что она не знает, что делать, но напряжённо размышляет, пытаясь что-то придумать.

— Юн Ми! Почему ты не остановила свою сестру?! — с упрёком спрашивает мама, — что теперь скажут соседи?

— Можно подумать, что она дала там кому-то рот раскрыть, — ворчливо отвечает та, — она была как извержение вулкана. У меня не было подходящей затычки, чтобы заткнуть жерло.

— Нужно пойти и извиниться, — принимает решение Сун Ок, — я пойду и извинюсь, скажу, что это моя вина и Юн Ми и моя семья тут не причём. Если понадобится — встану на колени и буду просить, чтобы он простил. Да, завтра с утра прямо так и сделаю! Юна, где он работает? Покажешь?

— Подожди, — поморщившись, отвечает ей Юн Ми, — дай я ему сначала позвоню. Может, его завтра с утра и не будет на работе...

— Позвонишь ему? — поражается Сун Ок, — вот так вот просто

возьмёшь и позвонишь?

— А как я ему должна позвонить? — не понимает вопроса Юна, — сложно, что ли?

— Но он же чеболь! — поясняет своё удивление сестра, — и ты ему просто позвонишь?

— Он такой же придурок как и все остальные, — отвечает Юна, доставая телефон, — ничего особенного.

Она принимается тыкать пальцем в телефон, выбирая из списка абонентов номер для звонка.

— Включи пожалуйста динамик, — попросила её Сун Ок, — я хочу слышать что он скажет.

— Да, и я хочу слышать, — поддерживает её мама.

Юна бросает взгляд на родных и пожав плечами выполняет их просьбу. Затем задумывается.

— Почему не звонишь? — спрашивает Сун Ок.

— Думаю, что сказать, — отвечает Юна.

Наконец, кивнув самой себе, она задаёт телефону набор номера и подносит его к уху, ожидая ответа. Мама и Сун Ок, вытянув шеи, с напряжением смотрят на неё.

*(телефонный разговор. На фоне голоса Чжу Вона слышен шум автомобильного двигателя. Он едет где-то в машине)*

(Чжу Вон) — Я слушаю тебя.

(Юн Ми) — Добрый вечер, господин Чжу Вон.

(Чжу Вон) — Пффф... *(насмешливое фырканье)*. Господин? Почему ты вдруг такая вежливая? Тебя что, наконец-таки выпороли и ты вспомнила о правилах поведения?

(Юн Ми) — Я же уже говорила, что физические наказания в нашей семье не приняты!.. Господин Чжу Вон! Я хотела объяснить случившуюся неприятную ситуацию и извиниться за свою сестру.

(Чжу Вон) — Вот как? Неприятная, значит, ситуация? Зверёныш, скажи, твоя сестра, что — тоже такая же ненормальная как и ты? У вас в семье, все такие? Куда только смотрела ваша мать, когда воспитывала своих дочерей? Я просто поражён.

(Юн Ми) — Наша мама замечательно нас воспитала, Чжу Вон-сси. Просто в данном случае так сложились обстоятельства.

(Чжу Вон) — Оно и видно. И что же это за обстоятельства, позволь узнать?

(Юн Ми) — Сун Ок меня защищала.

(Чжу Вон) — Пффф... А что, при этом соблюдать правила приличия — не обязательно?

(Юн Ми) — Это от испуга. Ты же мужчина, а она — женщина. Она испугалась тебя, но всё равно, стала меня защищать. Поэтому она так и кричала, чтобы ей самой было не страшно. Понимаешь?

(Чжу Вон. *(небольшое раздумье)*) — Зверёныш, так ты ещё и дипломат оказывается? Как ловко всё повернула. Сама придумала?

(Юн Ми) — Я ничего не придумываю. Всё было так, как я говорю. Моя сестра успокоилась, снова начала соображать и хочет завтра прийти, извиниться перед тобой. Ты примешь её извинения? Чжу Вон, пожалуйста, прости её. Она очень переживает.

(Чжу Вон *(подумав несколько мгновений)*) — Не нужно ко мне приходить. Не хватало мне ещё рыдающих девушек в приёмной. Скажи своей сестре, что её извинения приняты. Пусть не переживает.

(Юн Ми) — Спасибо, Чжу Вон-сии.

(Чжу Вон) — Не благодари меня. Лучше постарайся сделать так, чтобы подобное не повторилось. Следующий раз выбирай для остановки машины места, где не ходит твоя сестра. Мне не нравится, когда меня называют «озабоченным».

*(круглые глаза мамы от услышанного)*

(Юн Ми) — Прости. Она перестаралась.

(Чжу Вон) — Я так и понял. Ладно, если это всё, что ты хотела мне сказать, тогда — до свидания. Надеюсь, что всё же твоя мама тебя как следует выпорот за то, что ты в таком нежном возрасте уже шляешься с парнями. А твоя сестра будет тебя при этом держать.

(Юн Ми) — Обязательно, господин Чжу Вон. До свидания.

(Чжу Вон) — Приятной порки, зверёныш!

(Юн Ми *(с сарказмом)*) — Спасибо за пожелание.

(Чжу Вон) — Хех! *(отключается)*

*(Юн Ми заканчивает телефонный разговор)*

— Ты назвала его «озабоченным»? — потрясённо спрашивает мама у Сун Ок.

Та молча сидит, красная как рак.

— Да, — отвечает за неё Юн Ми, — а ещё — червяком. Земляным червяком!

— Червяком? — поражается мама, — дочка, да как у тебя язык повернулся сказать такое?!

— Ну если честно, то про червяка и про «озабоченного» она не говорила, — говорит Юн Ми, убирая телефон, — но общий смысл её высказывания был примерно таким.

— Боже, что за день сегодня! Моя старшая дочь так себя ведёт! Да, я виновата в том, что уделяла тебе мало времени, — говорит мама Сун Ок, — но ты всегда была умной и послушной девочкой, дочка! Что же сегодня случилось такого странного с тобою?

— Так сложились звёзды, — произносит Юн Ми, переключая мамино внимание на себя, — но всё кончилось хорошо. Так что можно жить дальше.

— А что теперь про Сун Ок будут говорить соседи? — спрашивает мама

— Будут говорить, — отвечает Юна, что Сун Ок за свою сестру — любому горло перегрызёт. Даже чеболю. Пусть боятся и обходят нас стороной.

— Юна! — возмущается мама, — что за глупость ты говоришь?! Разве можно так думать о соседях?

— Я есть хочу, — немного подумав, отвечает ей дочь, — поэтому, наверное, мне и приходят в голову такие кровожадные мысли.

— Может, пригласить его к нам на ужин? — предлагает мама, — похоже он неплохой человек раз решил не помнить зла. Думаю было бы правильно, если бы мы его отблагодарили. И пусть он не очень хорошего мнения обо мне и моих дочерях, но я бы постаралась!

— Мама, не сходите с ума, — говорит Юн Ми, — где он и где наше кафе?! Вы, что думаете, он придёт?

— Ой и правда, что это я? — спохватывается мама, всплеснув руками, — совсем от переживаний соображать перестала! Юна, дочка, а почему ты ко мне на вы обращаешься, словно я тебе чужая?

— У меня тоже — мозги отказывают, — подумав, отвечает Юна, — никаких нервов не хватит, чтобы так жить. Прости, мама.

Сун Ок встаёт со своего места и подойдя к Юн Ми, обнимает и целует её.

— Спасибо, сестра, за то, что позаботилась обо мне, — говорит она, — Я всегда буду на твоей стороне!

— Не за что, — отвечает Юн Ми, освобождаясь из объятий и вытирая ладонью поцелованную щёку, — ты вступилась за меня, я ответила за тебя. Мы же сёстры! Всё правильно. И я тоже, всегда буду на твоей стороне, Сун Ок!

— Дети! — говорит мама, вытирая пальцем вдруг заслезившийся

глаз, — пойдёмте, поедим, дети. Еда — лучше успокоительное!

\* \* \*

*Время: начало одиннадцатого вечера*

*Место действия: комната сестёр. Юн Ми, кряхтя, возится на полу, раскладывая постель и готовясь ко сну. На Юне розовая пижамка с большими красными клубничками и жёлтые носочки. Рядом, уже на разобранной постели сидит по-турецки Сун Ок, в стильной пижаме насыщенного синего цвета. Девушка держа на коленях раскрытый ноутбук и внимательно вглядывается в его экран, периодически касаясь пальцем тачпада.*

— Ким Чжу Вон, 22 года, не женат... «корейский принц»... — произносит Сун Ок, разглядывая фото парня на экране, — да, это он. А мне ещё показалось, что я его где-то видела...

— Ты чего кряхтишь? — поворачивает она голову к укладывающейся Юн Ми.

— Да эти... курсы, — сделав заминку на пропущенном слове, отвечает Юн Ми, — кланяться там учат. Сегодня все четыре часа занятий, кланялась! Спина теперь не сгибается!

— Да? — удивляется Сун Ок, — почему так? Разве на курсах не должны учить как обращаться с принтером, компьютером, сканером?

— Ну, принтер я за пару минут разобрала, — отвечает Юна, наконец плюхаясь своей пятой точкой на матрасик, — потом собрать полчаса не могли. Оказалось, что я там какую-то лишнюю штуку вытащила. Которую не нужно было вытаскивать. Кофеварка и сканер признали моё безусловное лидерство, зачёт я по ним получила. Разговор по телефону на английском — тоже зачёт. А вот кланяться я не умею. И ходить не умею. И кофе, чай подавать не умею. Хожу с чашками на подносе и кланяюсь, кланяюсь и хожу с подносом... Словно официанткой буду работать...

— Ты сломала принтер? — озадачилась Сун Ок.

— Да вставили эту штуку обратно! — небрежно отзывается Юна, залезая под одеяло, — пришёл аджосси и воткнул её куда надо. Всё работает. Просто преподавательница не знала, как это сделать и не разрешала ничего трогать...

— А-а, — понимающе кивнув, говорит Сун Ок, — а я уже подумала, что придётся за ремонт заплатить... Юн Ми!

— Да? — отзывается Юна.

— Может ты всё же расскажешь, как ты встретила с Чжу Воном? Я маме не расскажу. Обещаю.

— Я же уже вам сказала, — отвечает Юн Ми, натягивая на себя одеяло повыше, — это конфиденциальная информация, которую я обязалась не разглашать.

— Пфф... Что в ней может быть конфиденциального? — недовольно спрашивает Сун Ок.

— Компании лучше знать об этом, — пожимает под одеялом плечами Юна и просит, — *Онни*, давай спать. Завтра у меня будет ещё один безумный день с учёбой плюс ещё посещение врача-психиатра. И тебе тоже нужно будет идти в университет...

— Да, — согласно кивает на это Сун Ок и закрыв ноутбук, откладывая его в сторону, — давай спать. Я так сегодня перенервничала...

— Ты сегодня была очень убедительна, — с лёгкой ехидцей в голосе комментирует происшествие Юна.

— Юна, а какие у тебя с ним отношения? — не обратив внимание на эту ехидцу, спрашивает Сун Ок, залезая под одеяло, — с Чжу Воном?

— Отношения? — удивляется Юн Ми? — Какие отношения? Обычные отношения подчинённого с начальником.

— Мда? — недоверчиво мыкает Сун Ок, — но начальник и подчинённый так не разговаривают. Ты сегодня говорила с ним по телефону, словно вы друг друга хорошо знаете. Как друзья. Почти как парочка.

— Не выдумывай, — отвечает на это Юн Ми, немного помолчав, — просто у него такой стиль общения. Он же учился в Париже. Обзавёлся европейскими привычками. Приходится подстраиваться под его манеру.

— Ты говорила с ним неофициально, — не приняв версию сестры возражает Сун Ок, — не всё время, конечно, но один раз было, я заметила. Словно ты забылась и стала говорить с ним как привыкла. Мне так показалось.

— Тебе показалось, — отвечает Юн Ми, — Может, дело в том, что я всё ещё забываю, как нужно правильно говорить с людьми? Говорю, говорю, а потом — раз, и забыла! Потом снова вспоминаю и говорю правильно. Наверное, ты как раз заметила этот момент.

— Когда же к тебе наконец память вернётся? — трагичным голосом говорит Сун Ок, и интересуется, — и что, твой *кунжан-ним* на это не обращает внимания? Прощает, что ты говоришь с ним неформально?

— Его забавляет, что я себя так веду, — отвечает Юн Ми, — все



разговаривают с ним официально, лишь я одна, говорю с ним неформально. Он называет меня за этой зверушкой из дикого леса. Я его развлекаю. Вот, они, наши с ним реальные отношения, о которых ты спрашивала. Давай спать, *онни*! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — ошеломлённо отвечает Сун Ок, выключая свет.

## Шкурка двадцатая

*Время: утро следующего дня*

*Место действия: дом мамы Юн Ми, маленькая кухня. Мама кормит завтраком Сун Ок. Юна уже ушла на работу.*

— Ма, ты чего такая странная сегодня? — спрашивает Сун Ок, с лёгким недоумением смотря на мать, — молчишь, ничего не говоришь. Что с тобой?

— Ой, дочка! — вздыхает мама, садясь за стол напротив дочери и перестав ходить между столом, холодильником и плитой, — я полночи не спала! Всё думала, да думала...

— О чём?

— Ты слышала, как Юна, вчера разговаривала с Чжу Воном по телефону? Она с ним говорила так, словно она ровня ему. И это прозвище, которым он её называл... Вот я думала — что это значит? Неужели есть что-то между ними? А?

Мама вопросительно смотрит на дочь.

— Ма, не выдумывай, — говорит Сун Ок, — Не одна ты это заметила. Я тоже обратила на это внимание. Я спросила Юну. Она сказала, что ничего у них нет, просто она по-прежнему забывает, как нужно правильно говорить, а потом снова вспоминает. А его это забавляет. Вот и всё.

— Ой ты, боже мой! — испуганно вздыхает мама, — когда же она выздоровеет? Она ведь так жить с людьми не сможет. Все будут думать, что она невоспитанная и будут гнать отовсюду.

— Всё будет хорошо, мама, — успокаивает Сун Ок, — не волнуйся. Юн Ми обязательно поправится. Вот увидишь.

— Я так на это надеюсь, — вздыхает мама, — вчера лежала, думала обо всём. Правильно рассудил Юн Сок, что Юне нужно выйти замуж! Я как представила, что у моей дочки богатый муж, так прямо на сердце тепло стало.

— Пфффф, ну ты и фантазёрка! — насмешливо фыркает Сун Ок, — спишь и видишь, что Юна станет женою чеболя? Ты ещё представь, что его семья будет нас на коленях упрашивать, чтобы она согласилась выйти за него замуж! Ха! Как тебе такое только в голову могло прийти, ма?

— Неужели твоей глупой маме нельзя немножко помечтать? Сколько бы сразу проблем решилось! И тебе бы помощь была. Юна ведь никогда

тебя не бросит. Уговорила бы мужа помочь, или жениха хорошего, тоже с деньгами найти. И я бы, со спокойной душой, могла умереть...

— Мама, прекрати, — говорит Сун Ок.

Она встаёт со своего места, подходит к маме и наклоняясь, обнимает её.

— ... Никакая ты не глупая. Просто ты устала. Не так уж всё плохо, чтобы тебе ночью приходили в голову такие мрачные мысли. Не нужно нам никаких богатеньких придурков. Ни мне, ни Юне! Мы сами справимся, вот увидишь. Ты только, мамочка, пожалуйста, не умирай. Нам без тебя будет очень-очень плохо. Пожалуйста.

Сун Ок целует маму в щёку.

— Куда уж тут умирать, — вздыхает мама, обнимая и прижимая к себе дочь, — пока у вас не будет всё хорошо, умирать мне нельзя...

\* \* \*

*Время: утро следующего дня*

*Место действия: гипермаркет. В отделе, где продают овощи, рядом со стеллажом стоит Юн Ми и внимательнейшим образом разглядывает лежащую на полке свеклу.*

Хм, какая хорошая свеколка... В одном месте кожица чуть содрана и видно, что под ней, внутри, очень правильного, свекольного цвета овощ. Такой, какой он должен быть. Вот стою и думаю — а не сварить мне борщ? Остахренела мне эта экзотическая пицца! Хочется чего-то такого, понятного, родного... Хотя бы того же борща! Правильнее, конечно не выделяться, а стиснув зубы есть и привыкать, но... Я же человек в конце-концов, или нет? Могу я себе сделать послабление? Тем более, что есть повод — иду из больницы, от психиатра. Кровь сдал, да ещё час за разговорами провёл. Аж язык уставать начал. Но вроде — всё нормально прошло. Врач ничем не показал, что он что-то заподозрил или знает. Внимательно слушал, кивал, заинтересованно задавал вопросы. Спрашивал, нет ли у меня беспричинных перепадов настроения, не изменились ли у меня вкусовые предпочтения? Золотой собеседник, если смотреть со стороны. Золотой, бы не одно — «но». Постоянно приходилось думать — что говорить, а что нет? И сможет ли он проверить то, что я тут ему рассказываю? Поэтому, никакого удовольствия от беседы я не испытал. Какое может быть удовольствие, если чувствуешь себя идущим по минному

полю? Ставишь ногу и не знаешь — рванёт или не рванёт? В общем, как говорится, поговорили. Рассказал я ему, что еда стала для меня слишком острой. Рассказал про драку в школе, про маньяка. Ну, а чего-тут? Бывает. Да и потом, такое не скроешь, а промолчишь — решит, что что-то скрываешь. Зачем мне это надо? Историю с работой в отеле — «закруглил». Сказал, что уволили меня из-за того, что в нём сменилось руководство, и я не вписался в его новые планы. А что? Почти правда. Так и было.

С неохотой рассказал про *TOEIC*. Чувствовал, будут вопросы. Но, к моему удивлению врач лишь кивнул, сделал пометку, но подробности выпытывать не стал. Ну, а с отличной оценки по тесту, я перекинул мостик на свою нынешнюю работу — «мол, взяли, потому что такой замечательный результат». Тоже, не вызвало вопросов. Снова кивок, снова пометка в книжке. Интересно, что значат эти его закорючки? Плохо или хорошо? Немного подумав, я задал врачу прямой вопрос — как, на его взгляд, у меня дела?

— Говорить о чём-то плохом, причин нет, — ответил тот, — думаю, можно говорить о некой ремиссии заболевания. Но, о полном выздоровлении речи пока не идёт. Ты адаптируешься в обществе, общество тебя не отвергает. Конечно, не всё так гладко, как хотелось бы, но, в конце-концов это жизнь. Люди, общаясь с тобою, не делают скидку на твою болезнь, поскольку не знают о ней. Общаются с тобою, как с равной. Равной, я имею в виду в плане здоровья. Значит, даже сейчас, когда прошло совсем не так уж много времени после случившегося, ты социально адаптивна. И это очень хорошо. Если вдруг память к тебе так и не вернётся, то ты не станешь из-за этого изгоем. Исходя из того, что я сейчас вижу, у меня есть оптимистически взгляд на твою дальнейшую жизнь...

В общем, «лекарь душ людских», меня ободрил, сказал что-то вроде — «так держать» и «всё будет окей». Но, нужно наблюдаться. По крайней мере — год, ибо нарушения высшей нервной деятельности вещь малоизученная и от этого, порой непредсказуемая...

Я в ответ — покивал, поулыбался и попытавшись изобразить на лице радость (уж не знаю, чего там в итоге на нём вышло) согласился. Ну, а что было делать? Отказаться? Не в моём положении. Врачи, особенно которые «по голове» — только с виду безобидные люди. Пару закорючек поставят на бумаге и всё! Всю жизнь человеку ими переворачивают. Напишут ему, к примеру — «годен к строевой», и жизнь у него пойдёт одним путём, напишут — «не годен», пойдёт другим. Напишут мне — «ку-ку на голову» буду куковать, а напишут — «здорова», буду «чирикать». Так что, с врачами, лучше аккуратно...

Устал я от этого разговора как собака. Зашёл по дороге в магазин, йогурта питьевого захотелось, горло промочить, зашёл и наткнулся на свёклу. Как-то до этого она мне на глаза тут не попадалась. При мысли о борще — рот слюною наполняется. И проблем-то особых нет. Свеклу куплю, капуста дома есть, мясо, картошка — тоже есть. Томатная паста — банками стоит. Приготовить — тоже ничего сложного, я могу. И совсем не потому, что жил в общежитии и жизнь заставила. Ничего подобного. Сколько себя помню — я всегда умел готовить. Не буду говорить, что это у меня врождённое, но, факт есть факт. С готовкой у меня никогда трудностей не возникало, если только в конце дня не разобьёт у плиты постоять. У меня отец отлично готовит. Даже лучше чем мама. Может, это я у него научился? Просто видел, как он делает и повторял? Ну, не знаю... Меня, поэтому, всегда удивляют люди, которые говорят, что они не умеют готовить. Не понимаю, как это может быть? Вот лежат продукты. Смотришь на них и уже на языке чувствуешь вкус того, что из них получится. Какие проблемы? Ерунда это на постном масле, а не проблемы.

Посему, куплю-ка я эту свеколку и сварю борща! Если что, дома скажу, что нашёл в интернете интересный рецепт — захотелось попробовать. Юн Ми же девушка в конце-концов, или нет? Кулинарить ей не должно возбраняться.

Значит, мне ещё нужно будет купить петрушку, укроп и сметану. Почему-то этих ингредиентов на кухне у мамы Юн Ми, я как-то не замечал...

\* \* \*

*Время: пять минут спустя*

*Место действия: там же, гипермаркет. Юн Ми методично обшаривает полки в овощном разделе. Заинтересовавшись её действиями, за ней наблюдает работница магазина, благо посетителей в данный момент в нём немного.*

— Девочка, что ты ищешь? — спрашивает работница, увидев, что девочка с недоумённым видом остановилась, закончив осмотр.

— А? — поворачивается та к ней, — А, добрый день нунним!<sup>[47]</sup> Скажите, пожалуйста, а где у вас лежат петрушка и укроп? Я никак не могу их найти.

— Петрушку и укроп? — удивляется в ответ та, — а что это?

— Ну... — несколько теряется от неожиданности вопроса девочка, — это приправа такая... Травка... Зелёная...

— Не слышала, — отрицательно качает головою *нунним*, — никогда такого не продавали.

— *Мин Ку!* — повернувшись, кричит она напарнице, которая раскладывает в этот момент товар на полки в соседнем отделе, — *Мин Ку!* Ты слышала про такую приправу — петрушка? И *укрон*? Ты же у нас известная кулинарка, может, знаешь?

— Петрушка? — переспрашивает её напарница, бросив своё занятие и охотно подходя, чтобы поучаствовать в разговоре, — а кому она нужна?

— Вот, девочка спрашивает. А я даже не помню, чтобы мы такое продавали. Девочка, а ты ничего не перепутала в названии? Мама тебе так и сказала — пе-труш-ка? Точно?

— Точно, — растеряно отвечает Юн Ми.

— Я знаю, что это такое, — говорит напарница, обращаясь к Юн Ми. — это очень вонючие травы. Их запах просто ужасен. Зачем они тебе?

— Я хотела приготовить борщ, — признаётся Юн Ми, — они идут туда как приправа...

— Бошчъ? — прищуривается на неё признанная кулинарка, — что это такое?

— Ну... это что-то типа супа, — пытается объяснить Юн Ми, — суп со свеклой и помидорами...

— Свеклой?! — поражается кулинарка, — ты положишь свеклу в суп?

Женщина удивлённо смотрит на прозрачный пакетик в руке девочки, в котором лежат три небольшие свеклы.

— Да, а что? — осторожно спрашивает Юн Ми, с опаской смотря на женщину.

— Девочка, не знаю, что ты там решила приготовить, но скажу тебе, что варить свеклу — очень плохая идея. У неё землистый привкус и блюдо выйдет очень невкусное. Никто такого есть не станет, и твои труды пропадут даром. Если ты хочешь чтобы тебя оценили, приготовь что-то другое. Что у тебя за странный такой рецепт? *Бош-чи!* Где такое вообще готовят?

— На Украине, — немного подумав, отвечает Юн Ми.

— А где это? — удивлённо переглядываются женщины.

— Это рядом с Россией. Ладно, спасибо, я пойду, — говорит девочка, начиная потихоньку пятиться назад.

— А-а, Россия! — кивнув, произносит первая женщина, — знаю. Это на севере. И что, там едят варёную свеклу? Правда?

— Ну, в рецепте так написано, — оправдывается Юн Ми и кланяется, — спасибо, но мне надо идти. До свидания, *аджумы*.

— Ну, иди, иди, — говорит одна из них.

...

— Ну надо же! — проводив девочку взглядом, восклицает «кулинарка», — варёная свекла, петрушка и укроп! Кто такое в рот возьмёт? Это же отравиться можно!

\* \* \*

*Время: ещё пару минут спустя*

*Место действия: этот же гипермаркет. Юн Ми задумчиво разглядывает полки в молочном отделе. К ней, с заинтересованным видом подходят женщины, с которыми она только что разговаривала.*

— Что ты опять ищешь? — спрашивает «кулинарка».

— А? — оборачивается к ней девочка, — мне ещё сметана нужна, нунним...

— Сметана? — переглядываются женщины, — А что это такое?

— Такое, белое, густое, из молока делают... — без энтузиазма объясняет Юн Ми, видимо смекнув, куда опять поворачивает оглобли телега разговора.

— Не слышала, чтобы у нас продавалась какая-то сметана! Девочка, это опять для твоего *бош-чи*?

Девочка молча кивает.

— Да что за рецепт такой удивительный?! — восклицает первая женщина, взмахивая руками, — в нём есть всё, чего нет в нашем магазине! Наверное это очень экзотическое блюдо? Так?

— Да нет, — грустно говорит Юн Ми, — его едят там каждый день. Почти...

— А-а! — «кулинарка» окидывает девочку оценивающим взглядом, — а откуда ты знаешь?

— Я жила там, — подумав, отвечает Юн Ми, — немножко...

— Вот оно в чём дело! — кивает «кулинарка», — теперь понятно. Решила удивить, приготовив то, что пробовала там? Или кто-то в гости приехал? К сожалению, у нас не продают таких продуктов. Ни *петрушки*, ни *укропа*, ни *сметаны* у нас нет, и никогда не было!

— Понимаю, — грустно вздыхает девочка, опуская плечи, — хорошо,

спасибо тётеньки, я пойду. До свидания.

— До свидания, — говорят тётеньки.

— Девочка, стой! А хочешь, я тебе расскажу отличный рецепт кимчи с креветками? — предлагает «кулинарка», которой, по-видимому, стало жалко недотёпу, — пригостишь, все ахнут!

— Нет, спасибо, не нужно, — отрицательно мотает головою в ответ «недотёпа», — я сама.

Женщины молча провожают её глазами.

— Беда с этими детьми, — говорит «кулинарка» обращаясь к сослуживице, — как придумают чего — хоть просто стой и падай! Просто поражаюсь, как им подобное в голову придти может! Это надо же, придумать накормить близких такой отравой да ещё с какой-то сметаной! Её матери следует уделять ей больше внимания, а то, как бы чего не вышло...

— Угу, — соглашаясь мыгыкнула товарка, — это точно.

....

— Поел борщичка! — по-русски, зло произносит девочка, выйдя из гипермаркета на улицу, — сметаны даже нет! Вот... *тэн — чан!*<sup>[48]</sup>

\* \* \*

*Время: час спустя, ближе к вечеру.*

*Место действия: комната сестёр Юн Ми. Юна сидит, держа на коленях раскрытый ноутбук и с хмурым выражением читает что-то на экране.*

Сижу, никого не трогаю, пытаюсь понять, что это сегодня было в гипермаркете? Что, неужели действительно в Корее нет ни петрушки, ни укропа ни сметаны? Серьёзно? Вот, нашёл сайт, где россиянки делятся своими, впечатлениями о своей Корейской жизни. Страничка называется оптимистично — «Чего вам не хватает в Корее?» Читаю, вникаю, чего же тут не хватает русской душе?

*«...очень не хватает нашего хлеба. Как известно, вкус хлеба везде разный. В Корее почти весь хлеб по вкусу похож на сладкую булку. Хочется вкусного черного хлеба и нормального белого, московского батона...»*

*...это точно. Хлеб тут вообще никакой...*

*«...Со сладостями похожая история. Тортиков и пирожных очень много. Все они красивы, глаз не отвести! Но вот на вкус, совсем не так*



хороши, как на вид. Иногда, в какой-нибудь частной кофейне с искусным поваром, можно наткнуться на действительно вкусный десерт, но это бывает не часто. В основном корейские торты — это бисквиты со взбитыми сливками и фруктами. Все бы ничего, если бы не специфические корейские вкусовые предпочтения. То что для нас сладко, для них слишком сладко. Поэтому и тесто, и сам крем в тортах делают почти пресными. Получается вкус чуть сладкой булки (бисквит) и жирный, почти несладкий крем...»

... подпишусь под тем, что не сладко. Пробовал — пресное, чуть сладкое. Фигня какая-то, а не пирожные...

«...Пожалуй, больше всего не хватает солёностей и сладостей. Морепродуктов корейцы едят очень много. Все-таки полуостров и кругом море. Но обычно их употребляют либо сырыми, либо добавляют в супы и прочие горячие блюда. Наши солёные рыбные деликатесы для них суцья пытка — слишком солоно...»

... рыба есть, а рыбу — не солят. Хотя, если постоянно всё свежее, её солить? Это понятно, но всё же?...

«...Но чаще всего, наверное, не хватает хороших колбас и сыров...»

... но этого-то, почему нет?...

«... Также корейцы не едят красную свеклу, понятия не имеют, что такое молочный творог, кефир или ряженка, (но с удовольствием едят соевый творог — тофу), гречку употребляют обычно на муку, а не как крупу. Помню от гречневой каши с молоком у моего мужа, когда он гостил в Москве, закружилась голова, настолько для него это было невообразимое блюдо. В нашем ежедневном рационе отсутствует сливочное масло. Да и хлеб мы едим далеко не каждый день. Куда ж еще хлеб, если каждый день ешь рис...»

... ну, вот и приплыли! Как же я умудрился свеклу купить, если они её не едят? Как экзотику привезли? На пробу, что ли, кто-то вырастил? Ну я и попал... Похоже, давиться мне кисло-сладким соусом до конца дней своих... Или, пока не перееду...

«...из-за специфичности корейской кухни найти какую-то замену привычным европейским продуктам практически невозможно. Вообще, у меня такое впечатление, что тут едят все, что движется и шевелится...»

Так, ладно! Хватит читать всякую хрень. Говорите — едят всё что движется? Пусть. А я хочу борща! Сметану меняем на майонез, петрушку с укропом на... На что-нибудь зелёное! И вперёд! Танки грязи не боятся!

\* \* \*

*Время: вечер того же дня.*

*Место действия: Дом мамы Юн Ми, кухня. За столом сидит уставшая, вернувшаяся с учёбы Сун Ок. Мама хлопочет вокруг, кормя дочь ужином.*

— Дочка, а ты знаешь, сегодня твоя младшая сестра приготовила заграничное блюдо, — говорит мама, — хочешь попробовать?

— Юна? — недоверчиво перепрашивает дочь, — приготовила? Сама?

— Да, — с гордостью подтверждает мама, — нашла в интернете рецепт и приготовила. Как его? Этот... Бошчь. Нет. Боришичь... Бори-ишь. Вот, как — то так. Странное такое слово.

— Хм, — хмыкает Сун Ок, — и что, его можно есть?

— Да, я попробовала. Вкус странный, но что-то такое в нём есть. А Юна так вообще две тарелки съела.

— А где она? Опять занимается?

— Да. Как только у неё появляется свободное время — бежит играть на своём синтезаторе. Я прямо не знаю, что и думать. Интересно было бы послушать, что там у неё получается? Но всё в своих «наушниках» сидит. Ну, доченька, так тебе дать попробовать, что твоя младшая сестра приготовила?

— Ну давай, — соглашается Сун Ок, — только немножко...

\* \* \*

*Время: на следующее утро*

*Место действия: машина Чжу Вона едущая по улице. В машине находятся сам владелец и Юн Ми.*

— Куда мы едем? — осторожно интересуется Юн Ми, прерывая затянувшееся молчание.

— Женщину из тебя буду делать, — хмуро отвечает Чжу Вон, не отрываясь от дороги.

— В смысле? — настораживается Юн Ми, поворачиваясь на сиденье в его сторону.

— В салон красоты тебя везу, — поворачивает к ней голову парень, —

пусть там тебя сделают хоть чуть похожей на девушку...

— ... Постой, — вновь смотря на дорогу, через пару секунд говорит Чжу Вон, — а ты что подумала, когда я это сказал?

— Ничего я не подумала, — отвечает Юн Ми, отворачиваясь.

— Тсссс... — выдыхает воздух сквозь зубы Чжу Вон, — зверёныш, ты что, озабоченная? У тебя, что, в голове одни мысли о сексе с парнями? Признайся.

— Тшшшш... — тоже выдыхает сквозь зубы Юна, — больно надо!

— Нда? А мне показалось, что надо...

— Мало ли кому что показалось. Лучше скажи мне, где тут можно купить подержанный компьютер? Или, может, есть место какое-нибудь, где продают к ним запчасти? С рук.

— Почему ты думаешь, что я это знаю? На мне что, висит табличка «Скупка подержанных компьютеров»? — недовольным голосом интересуется Чжу Вон.

— Не знаешь? — удивляется Юна, — я думала, знаешь. Извини, что спросила.

— У тебя удивлённый голос. Позволь спросить, что тебя так удивило? — спрашивает Чжу Вон.

— Просто странно, — пожимает плечом Юн Ми, — жить и не знать где, чего можно купить.

— Я «корейский принц», — медленно произносит Чжу Вон, — почему я должен знать, где находятся какие-то помойки?

— О! — восклицает Юна, так, словно что-то вспомнив, — прости, я забыла, что ты «принц». И это не твой уровень. Извини.

— Забыла, кто я такой? — удивлённо переспрашивает Чжу Вон и бросает на девушку внимательный взгляд, пытаясь определить, говорит она правду или нет, — Поэтому ты ведёшь себя со мною без должного уважения?

— Да нет... — на мгновение задумывается над вопросом Юн Ми, — я тебя уважаю. Просто мы знакомы. А знакомые, говорят по-простому.

— Угу, знакомы, — с сарказмом повторяет Чжу Вон, насмешливо кивая при этом.

— А разве нет? — удивлённо смотрит на него Юна, не понимая его сарказма.

— Ты ещё скажи, что мы — друзья!

— Считаешь, что я не способна быть другом? — прищуривается на парня девушка.

— Юн Ми, ты что, совсем без мозгов? Сама подумай. Даже если

отбросить наше социальное положение, я — парень, ты — девушка. Парни с девушками — не дружат! Запомни это, глупая!

— Почему? — не понимает Юн Ми.

— Тсссс... Парни с девушками — не дружат! — учительским тоном принимается втолковывать азбучные истины Чжу Вон, — они — занимаются сексом. Вся такая дружба — это всего лишь пролог к постели. Парни дружат только с парнями, а девушки — с девушками. А между парнями и девушками — любовь и секс! Поняла? Боже мой, просто поверить не могу, что ты не знаешь таких элементарных вещей! Неужели в школе тебе это не объяснили? Или ты не согласна с этим?

— Согласна, — немного подумав, кивает Юн Ми.

— А чего тогда говоришь? — удивляется Чжу Вон, — или, ты всё знаешь, но ты всё равно будешь действовать по-своему? Ты такая упрямая, Юн Ми?

— Да нет, просто я хотела сказать... — говорит Юна и не закончив, замолкает, не став объяснять, чего она там хотела.

*(в машине на некоторое время воцаряется тишина)*

— Зачем тебе компьютер? — спрашивает Чжу Вон.

— Обработать музыкальные файлы, — не задумываясь, отвечает Юна, — по технологии звукозаписи, вначале пишутся отдельные звуковые треки, а потом «сводятся» между собой. Это если говорить в общих чертах. Ещё нужно будет делать *мастеринг*, трюки, эффекты всякие накладывать. Много чего нужно будет делать на компьютере с музыкой.

— И ты всё это умеешь?

Чжу Вон, оторвавшись от дороги, с интересом бросает взгляд на спутницу.

— Ну... почти, — отвечает та.

— Ха! — иронично хмыкает Чжу Вон и замолкает, вновь уставясь вперёд.

— Если хочешь, могу отдать тебе свой компьютер. Устроит? — спустя минуту, неожиданно предлагает он.

— Твой компьютер? — не понимающе переспрашивает Юна, — какой твой компьютер?

— У меня дома есть компьютер, — поясняет Чжу Вон, — я его в своё время купил в игры играть. Если тебя такое устроит — возьми.

— А ты? Тебе что, не надо?

— Да он уже год у меня был, перед тем как я во Францию уехал, два года простоял, пока я учился, теперь я вот в армию иду на два года.

Вернусь — ему будет уже пять лет будет. Старый совсем станет. Новый себе куплю. А этот — или выкину, или волонтерам отдам. Так что, если тебе надо — бери.

— Ну, если так... — растеряно отвечает Юн Ми, — тогда — спасибо! Конечно, возьму! Спасибо, Чжу Вон!

— Опять ты разговариваешь со мною неформально, — помолчав говорит Чжу Вон, неотрывно смотря на дорогу, — в чём дело, женщина?

— Странно постоянно называть тебя начальником или господином директором. Мы же не на работе, — пожав плечом, объясняет своё поведение Юна.

(небольшая пауза)

— Можешь обращаться ко мне — «онна», — так же, не отрывая взгляда от дороги и чуть покривившись, разрешает Чжу Вон.

— Онна?<sup>[49]</sup> — удивляется Юн Ми.

— Да, онна, — недовольно повторяет Чжу Вон и добавляет, — вот уж не думал, что онпой меня будет называть девушка, подобная тебе. Но всё равно, обращай ко мне так. У тёти ты должна называть меня только так. Тренируйся.

— Мммм... — размышляя над услышанным, задумчиво мычит Юн Ми.

— Что опять ещё? — несколько агрессивно спрашивает Чжу Вон.

— Мне тоже не хочется говорить тебе онна, — неожиданно говорит Юн Ми.

— Да ну?! — поражается Чжу Вон, поворачиваясь к ней, — и почему это?

— Потому, что ты не мой парень, — поясняет Юна, — а люди могут подумать, что это правда.

— Пффф... — выдыхает онна, — хочешь сказать, что твоё самолюбие не будет страдать?

— В смысле? — не понимает Юн Ми, и вопросительно смотрит на собеседника.

— Разве тебе не хочется, что бы другие девушки завидовали тебе, что у тебя такой парень?

— Ха! Какая ерунда, — насмешливо фыркает Юна и смеётся, — вот уж чего меня меньше всего волнует, так это чтобы девчонки завидовали мне из-за парня. Ха!

— Что, совсем-совсем не хочешь? — не верит Чжу Вон и говорит, — Не верю!

— Почему?

— Потому, что все девчонки одинаковые. Все хотят, чтобы у них был принц. И хвастаться этим.

— А я не хочу!

— Хочешь!

— Не хочу!

— Хочешь!

— Не хочу и могу доказать!

— Как?

— Я буду обращаться к тебе... — хён! Идёт?

— С ума сошла?! — пугается Чжу Вон, — будешь говорить так, словно ты — парень? Хочешь, что бы люди решили, что я связался с ненормальной?

— Что, не хочешь, что бы я доказала? Ну ладно, как хочешь...

(спустя пару секунд)

— Ты такая странная, Юн Ми, — озадаченно говорит Чжу Вон, поворачивая шею в воротнике и бросив пару удивлённых взглядов на девушку, — говоришь такие... неожиданные вещи.

— Я не «странная», — поясняет Юн Ми, я — «особенная».

— Это я уже заметил....

(опять на некоторое время в машине воцаряется молчание)

— Будешь мне должна, — говорит Чжу Вон, после продолжительной паузы.

— За что? — не понимает Юн Ми.

— За компьютер. Напишешь мне на нём песню. Поняла?

— Хорошо, — легко согласившись, кивает Юн Ми, — ты в каком стиле хочешь?

— Ха! Ну ты и наглая, — говорит Чжу Вон, осуждающе качая головой, — ты хоть одну сначала напиши. А то принимает тут заказы, понимаешь...

\* \* \*

*Время: чуть позже*

*Место действия: салон красоты. Шикарная приёмная с мягкими диванчиками, низенькими стеклянными столиками с наваленными на них яркими глянцевыми журналами. В приёмной Чжу Вон и со скептическим выражением на лице — Юн Ми. Их принимает владелица салона и две девушки — подчинённые.*

— Вот, — говорит Чжу Вон делая рукою жест в сторону своей спутницы, — сделайте с ней что-нибудь. Причёска там, макияж, платье, туфли. В общем, сделайте её похожей на девушку.

— Может, лучше брюки? — подаёт голос жертва.

Чжу Вон поворачивается на источник звуковых колебаний и молча, не мигая смотрит на него.

— Я в платье себя неудобно чувствую, — продолжает говорить Юна, сразу «не врубившись» в ситуацию, — и туфли не умею носить...

Юн Ми замолкает под взглядом Чжу Вона, поняв, что происходит что-то не то.

— ...*Оппа*, — немного подумав, добавляет она к сказанному короткое слово.

На лице хозяйки и её подчинённых не дрогнул ни один мускул. Приветливые, улыбающиеся лица, которые ничего не видели, ничего не слышали и ничему не удивляются.

— Хорошо, — неожиданно кивнув, соглашается Чжу Вон и поворачивается к хозяйке, — прошу вас, подберите ей женский костюм. Что-нибудь модное.

— Как скажете.

Хозяйка и её помощницы неторопливо и синхронно кланяются.

\* \* \*

*Время: тот же день, ближе к вечеру.*

*Место действия: Дом мамы Юн Ми. Перед большим зеркалом в коридоре, в новой форме стоит Юн Ми. Мама и только что вернувшаяся из университета Сун Ок разглядывают её обновку.*

— Сун Ок, — с гордостью говорит мама, — разве наша Юна не красавица? Смори, как ей всё идёт! Всё по ней. Прямо такая взрослая стала!

— Да, — отвечает Сун Ок, — оценивая оглядывая младшую сестру, — красивая форма. Ну да, в такой большой компании, секретари должны выглядеть соответствующе.

— ...Я смотрю, ты ещё подстриглась? — тут же спрашивает она Юну.

— Да, — кивает та, смотря в зеркало, — забрала заказ, а по дороге зашла, подстриглась. Подумала, что это будет правильно.

— Слушай, а хорошо тебя подстригли, — говорит Сун Ок разглядывая голову младшей сестры, — выглядит, как дорогая модельная стрижка. Словно в салоне делали. Где стриглась?

— Мммм... — задумчиво мычит Юна, — сложно сказать. Там по дороге был такой подвальчик с парикмахерской. Я в него и зашла, увидев вывеску. Адреса не знаю. Если хочешь, пройду там ещё раз, возьму у них визитку... Надо?

Юна поворачивается от зеркала и вопросительно смотрит на Сун Ок.

— Ну, если будешь там ещё раз, — говорит она, — возьми. Мне нравится. Я, вообще-то всегда у одного мастера стригусь, но если вдруг захочется чего-то новенького...

— Ок, — кивает Юна, вновь поворачиваясь к зеркалу, — буду там ещё раз, возьму.

— Тебе-то самой нравится твоя форма? — спрашивает Сун Ок.

— Самое классное в ней — это бейджик, — отвечает Юна.

— «Секретарь — стажёр Пак Юн Ми» — читает она, скосив глаза на левую грудь.

— Ну, ты даёшь! — поражается старшая сестра, — такая красивая форма, а тебе бейджик нравится!

— Бейджик приносит восемьсот тысяч вон в месяц, — поясняет Юн Ми, — потому, что он — должность. А форма... Форма это просто форма! При должности...

\* \* \*

*Время: тогда же*

*Место действия: там же*

Господи, ну чем они там восхищаются? Форма как форма. Белая рубашка, хитрым бантиком завязанный женский пёстро-красный галстук под горло, пиджак и юбка светло-кремового цвета. Чёрные туфли-лодочки и колготки телесного цвета. Не скажу, что этот наряд волшебным образом преображает Юн Ми. Ну... чуть лучше, чем обычно, но «прорыва» я не вижу. Юбка длинная, до икр, ещё и сужается к низу. Ходить чертовски неудобно. Приходится делать «шажочки», а не нормально ходить. Это что, я буду скользить по офису «семенящей походкой гейши»? Вот не было печали...

Я ещё раз посмотрел в зеркало.



....Да, «подравняли» волосы Юн Ми хорошо. Вышла короткая, современная причёска. Ей идёт. Видать, в салоне красоты, в котором из Юны «делали женщину», не профессионалов не держат. И постригли и на лицо «марафет навели», и одежду подобрали. Но то, что там профи работают, никак не сказалось на моих негативных впечатлениях от посещения этого места. Ну, во-первых, там банально скучно. Сидишь, с тобой чего-то делают, а ты не знаешь, куда мозги свои деть. Во-вторых, все эти макияжи. Наложили грим на лицо, так оно сразу начало подавать сигналы в мозг — «Я испачкалось! Вытри меня!» Это ж какие усилия нужно приложить, чтобы не стереть одним движением всю эту «красоту»! Губы покрасили — они слипаются! И тоже просят — «свободы и свежего дыхания!» Потом у меня брови выщипывали, без наркоза... Садюги. А у Юн Ми, похоже, корни у этих волосинок — словно у тысячелетнего баобаба. Как дёрнут, так такое ощущение, что из позвоночника нервы выдирают! Ну, так, прошлись по «грядкам», «сорняков» подёргали... Жив остался.

Потом взялись за ногти на руках. Хотели, вначале, «запилить». Но, оказалось, что «пилить» нечего. Ногти я Юне обрезаю коротко, чтобы не мешали играть на синтезаторе и «шуршать» по хозяйству. Посмотрев на такое дело, решили — наклеить сверху. Тут я упёрся. Никогда не считал длинные ногти признаком красоты. Наоборот, когда я вижу «ногтища», у меня почему-то сразу вспоминается Баба Яга из фильма, виденного мною в детстве. У той тоже были тоже здоровые, загибающиеся ногти. Не знаю, кому как, а по мне — некрасиво, неопрятно. Как бы длина их намекает на благосостоятельное безделье? Тоже не понимаю. Молодая, здоровая девка — и бездельница! На кой такое надо? Я, конечно, надеюсь, что девушки просто все повернуты на моде и всё это — на показ. Придя домой, они их отстёгивают и ставят в угол, чтобы те не мешали им работать по дому, но... Не нравится мне, короче.

В общем, я «поднял вопрос» и тут же узнал, что «мой номер последний» и моё мнение мало кого вообще интересует. Пошли узнавать у «господина, который меня привёл», как быть? Вот уроды. Причём, глядя на их лица, мне серьёзно так показалось, что дай Чжу Вон, команду «клеить!», привязали бы к стулу, и приклеили бы, не взирая «на», как говорится. Жуткое дело, эти корейские заморочки. Но, «господин Чжу Вон» посмотрел на меня, и видно о чём-то ему глаза мои сказали, поскольку махнул рукой и сказал «сделайте, как она хочет». Короче, ногти подравняли пилкой, покрасили бесцветным лаком. Пусть будет так. Ногти сигналов в мозг не посылают, в отличие от лица!

В общем, всё неприятно и дискомфортно. Однако, я сказал себе, что это тренировка перед выходом на сцену. Как ни крути, без косметики там не обойтись. Даже не для того, чтобы выглядеть красивее, а из-за тонкостей съёмочного процесса. Если снимать человека под ярким светом, то без грима, его лицо, в записи, будет выглядеть «пятнами» из-за кровеносных сосудов, которые будут по-всякому просвечивать сквозь кожу. Я знаю. У меня с парнями был опыт подобной съёмки. Поэтому, я решил, что салон красоты, это тренировка и не дёргался, воспринимая всё как неизбежное зло, с которым придётся смириться и жить в дальнейшем. Единственным приятным моментом в салоне оказался массаж головы, который мне «забабахали», когда мыли голову. Меня так растащило! Кажется, я даже уснул, на минуту, сидя прямо в кресле. Никогда у меня ещё таких «тасок» не было в парикмахерских! Впрочем, раньше меня в них стригли, а не устраивали «танцев с бубном», чтобы понравиться раз и навсегда.

После посещения салона, в машине, я по-быстрому ликвидировал наведённый марафет. Достал из «бардачка» влажную салфетку и всё стёр, вызвав удивлённый взгляд у Чжу Вона. Ну а чего было делать? Лицо прямо зудеть начало. Может, аллергия какая? Вот не было печали! А может это я себя просто «накрутил»? Ходят же девчонки целый день в макияже и ничего? Наверное, нужно просто привыкнуть к тому, что на лице что-то есть. Чжувонищу я объяснил свой поступок тем, что «сестра сразу заметит макияж». У того враз отпали все вопросы. Причёску спрятать, конечно, не получилось бы, но тут удачно подвернулся тот момент, что я сегодня получил форменную одежду, в которой буду работать. Подстричься под это дело — вполне себе нормальный ход, не должный вызывать вопросов у окружающих. Что было проверено и доказано. А «подвальчик, где меня стригли», я не найду. Скажу *онни* — не нашла. И глазами глупо похлопаю. Топографический кретинизм! Ну и на этом закруглимся. Кто там будет искать, где меня стригли?

Всё это понятно, одно печалит. Я вру, вру и вру. Постоянно вру. Когда это закончится? Если я буду продолжать и дальше в том же духе, то не видать мне приличной реинкарнации как своих ушей. Да, надо бы как-нибудь добраться всё же до какого-нибудь храма. Не знаю, что я там услышу, но думаю, что нужно таки сходить...

Я тяжело вздохнул.

*Время: следующий день*

*Место действия: загородная резиденция Кимов. Кабинет бабушки Чжу Вона. Через сдвинутые на краешек носа очки бабушка читает листок, держа его в руках. Рядом со столом, за которым она сидит, стоит, с почтительным видом начальник охраны с папкой в руке..*

— Ну-у, совсем не отличница, — с недоумённым видом говорит старая женщина, поднимая глаза и смотря на мужчину поверх очков.

— Да, госпожа, — согласно кивает тот.

Бабушка осуждающе качает головой.

— В мои годы девочки были более прилежными, — недовольно говорит она и возвращается к чтению.

— Девятьсот девяносто девять балов? — через мгновение вновь удивлённо поднимает она глаза, — *Сан У*, это ошибка?

— Нет, госпожа *Му Ран*, всё верно. Никакой ошибки. Мы проверили. Сертификат получен на совершенно законных основаниях.

— Хм... — задумчиво хмыкает бабушка, — как же это у неё получилось?

— В этом есть какая-то неопределённость, госпожа *Му Ран*, — говорит начальник охраны. Если прикажете, я более подробно займусь этим вопросом.

Бабушка несколько мгновений молча смотрит на него, потом, так и нечего не сказав, вновь возвращается к чтению.

— Задержала эксгибициониста? — опять удивлённо приподнимает она брови, — правда?

Бабушка требовательно смотрит на *Сан У*, ожидая ответа.

— Так точно, госпожа, — кланяется тот, — у меня есть документы из полиции, подтверждающий этот факт.

— Смелая девочка, — качает головою бабушка, — не испугалась.

Она вновь возвращается к чтению.

— Хорошо, — кивает бабушка, дочитав доклад до конца, — передайте его Чжу Вону. Пусть узнает то, что хотел.

— Да, госпожа, — кланяется *Сан У*.

— Можешь идти, — говорит бабушка.

*Сан У* почтительно кланяется и выходит из кабинета.

Бабушка ещё некоторое время изучает листок бумаги и наконец, кладёт его на стол.

— Надо же, какая... — произносит она вслух и на секунду задумывается, подбирая подходящее слово, чтобы охарактеризовать Юн

Ми.

— ... *подвижная* девочка, — заканчивает она свою мысль.

\* \* \*

*Время: этот же день.*

*Место действия: Кабинет врача. Мама Юн Ми беседует с Чен Сёк.*

— У меня для вас хорошие новости, уважаемая *нунним*, — говорит врач, держа в руке бумажку и разглядывая, что на ней написано, — результаты анализов показывают, что гормональный фон у вашей дочери находится в пределах нормы. Хотя, практически все показатели находятся в максимуме, но они их не превышают и с формальной точки зрения — всё хорошо.

— Формальной? — переспрашивает мама Юн Ми, — что вы хотите этим сказать, доктор?

— Видите ли, — чуть вздохнув, говорит доктор, кладя листок на стол, — хотя превышения предельных показателей и нет, но всё они повышены. Не один-два, а все. И это, в совокупности, выглядит как гормональный взрыв. Понимаете?

— И чем это может грозить, доктор?

— Обычно такую концентрацию гормонов в крови наблюдают у быстрорастущих подростков. К сожалению, у меня нет на руках результатов наблюдений Юн Ми предыдущих лет. Просто раньше никто не делал ей таких анализов, из-за ненадобности. Поэтому, мне сейчас трудно однозначно сказать — что это? Нарушение или ваша дочь просто растёт?

— Растёт? Доктор, моя дочь растёт? — удивляется мама.

— Растёт, но это совершенно не имеется в виду, только увеличение длины тела, *нунним*. Тут речь идёт о комплексном росте организма. С набором массы тела, укреплении костей и да, с увеличением их длины. У подростков так бывает. Обычно дети растут постепенно, прибавляя понемногу год от года. Но бывают случаи бурного роста. Когда ребёнок постоянно отстаёт в росте от сверстников, а потом, внезапно, за какой-то год, скачком, догоняет их. Конечно, первый, постепенный вариант, предпочтительней, но в жизни есть и второй, который нежелателен, но не менее, не считается патологией, требующей экстренного вмешательства. Я вам это объясняю для того, чтобы вы поняли, почему мне так трудно сделать однозначное суждение о происходящем. Тем более, повторюсь, что

у меня нет данных её предыдущих наблюдений. Может, ей просто пришла пора — расти? Вы не помните, *ннуним*, у неё были периоды бурного роста?

— Нет, — отрицательно качает головою мама, — не припомню такого. Она никогда не отличалась от других девочек. Росла, как они. У меня никогда не было с нею проблем, доктор.

— Что ж, будем вести наблюдение. Ежемесячно сдавать анализы, следить.

— Но, доктор... — растерянно произносит мама, — куда ей расти? Она такая сейчас ладненькая девочка. На кого она станет похожа, если вырастет, доктор?

— Не всё так страшно, *Дже Мин-си*, — успокаивает женщину доктор, — Её рост сейчас 163 сантиметра, идеальным ростом женщины считается — 165. Если она вырастет на два сантиметра, то это будет неплохо. Как вы думаете, *нунним*?

— Ну, наверное, да, — задумчиво отвечает мама, — лишь бы она дальше не росла, доктор.

— А что бы этого не случилось, — оптимистично произносит доктор, — мы будем следить за процессом, ежемесячно сдавая анализы. Если увидим, что что-то пойдёт не так, то мы сразу вмешаемся. Не беспокойтесь, *Дже Мин-си*. Давайте не будем волноваться, пока для этого нет причин. Хорошо?

— Хорошо, — согласно кивает мама, — доктор, меня очень беспокоит, что к ней никак не возвращается память. Юна устроилась на работу и там над ней смеются. Она постоянно забывает, как нужно себя правильно вести и разговаривает с начальником как с равным. Пока она ещё девочка, и это ей как-то прощают, но, что будет, когда она станет старше? Кто ей тогда станет прощать подобное поведение?

Доктор переплетает пальцы и, положив руки на стол, задумывается над заданным вопросом.

— *Дже Мин-сси*, — спустя некоторое время говорит он, обдумав ответ, — буду с вами откровенным. Думаю, что лучше вам иметь ясную картину перед глазами и действовать уже исходя из этого знания. Понимаете, *нунним*, случившееся с вашей дочерью, это редкий, но отнюдь не уникальный случай в медицине. Научой накоплена определенная статистика наблюдений за подобного рода заболеваниями. Так вот, согласно этой статистике, чем больше времени проходит с момента потери памяти, тем меньше шансов у больного на её восстановление.

Мама Юн Ми испуганно ахает, прикрывая рот пальцами.

— Обычно, — продолжает говорить врач, — память

восстанавливается в течение первых двух недель, при отсутствии выраженных физических патологий. Либо — до месяца. У нас с вами уже прошло гораздо больше времени. Я не стал говорить вам об этом с самого начала, чтобы не причинять вам лишнего беспокойства, тем более, что прогноз на благоприятный исход был велик. Юн Ми, по выходу из больницы, была здорова и никаких патологий у неё не наблюдалось. Но, похоже, мы столкнулись с одним из тех сложных случаев, когда все предпосылки к выздоровлению есть, а выздоровления так и не происходит...

Доктор вздыхает и, расцепив пальцы, разводит руками.

— И что же теперь делать, доктор? — испуганно спрашивает мама.

— Наблюдаться, — отвечает тот, — лечиться. Принимать укрепляющие память и улучшающие работу мозга препараты. Я же не сказал, что излечение невозможно. Просто шансы уменьшаются. Есть случаи, когда память к людям возвращалась и через пять, и через десять с лишним, лет. Но нас с вами, *нунним*, сейчас интересует то, как Юн Ми, прожить это время.

— Да, доктор, да, — энергично кивает мама.

— Я вижу только один выход, — советует доктор, — учите вашу дочь заново. Представьте, что она совсем маленькая и учите её всему, что она должна знать. Конечно, маленьким детям даётся больше поблажек и времени на то, что бы они стали полноценными членами общества, но ваша дочь старше, разумнее и значит обучаться должна быстрее. Видите, какая она у вас адаптивная? Не взирая на трудности, которые она испытывает, она всё равно находит общий язык с людьми и работает наравне со всеми. Ей просто нужна помощь, чтобы быстрее пройти этот сложный период её жизни. Помогите ей. Сама она не справится. Или справится, но это может потребовать большего времени и большего числа «разбитых коленок». Вы понимаете, а чём я говорю, *Дже Мин-си*?

— Да, да, доктор, — соглашаясь, снова кивает мама, — конечно! Конечно, я помогу своей девочке! Стану больше уделять ей больше времени. Как я об этом сразу не подумала? Спасибо вам, за совет, доктор!

— Рад был помочь вам, *нунним*. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы?

— Да доктор, но у меня ещё есть один.

— Какой, *Дже Мин-сси*?

— Я уже говорила вам, доктор, что Юна решила стать *айдол*ом. Она говорит, что не видит смысла больше учиться в школе. С того момента как её в голову пришла эта мысль я ни разу не видела, чтобы она брала в руки

учебники. Учёба совершенно перестала её интересовать. Всё играет на своём синтезаторе и поёт. И совсем не слушает того, что говорю ей я или её старшая сестра. Если раньше я видела, что мои слова для неё много значат, то теперь она их просто пропускает мимо ушей! Если так будет продолжаться дальше, то из-за своего упрямства она останется без образования! Я чувствую, что моя дочь отдалилась от меня. Это всё меня очень беспокоит, доктор! Пожалуйста, подскажите, как сделать так, чтобы она меня послушала и снова стала прежней Юн Ми?

— Хммм... — задумывается доктор, барабанив пальцами по крышке стола, — хммм...

— И хорошо она поёт? — интересуется он.

— Не очень, доктор, — вздыхает мама Юн Ми, всё какие-то ла-ла-ла. Говорит, что развивает голос.

— А как играет?

— Я так ещё и не слышала. Она всегда в «наушниках» играет...

Мама вновь вздыхает.

— Понятно, — говорит доктор, — что я вам могу ответить на ваш вопрос, *Дже Мин-сси*?

На несколько мгновений он замолкает, обдумывая ответ.

— Я, как доктор имеющий дело с различными отклонениями в работе мозга и нервной системы, могу вам сказать, что порою эти отклонения выглядят весьма и весьма странно. Настолько странно, что никаких логических построений «здорового» человека, подкреплённого историей и опытом всей мировой медицины не хватает, чтобы дать им хоть какую-то, устраивающую всех трактовку. Конечно, можно объяснять подобные непонятные случаи бредом повреждённого мозга, но существует очень много документально зафиксированных свидетельств, показывающих, что это не всегда так. Порою, люди, которые казались «странными» добивались неожиданных результатов, думая и действуя при этом самым необычным образом. Это, в особенности касается тех, кто пережил клиническую смерть. Как показывает накопленная статистика, люди, которые умерли и вернулись назад, кардинально меняют свою жизнь в подавляющем большинстве случаев. Когда читаешь истории их жизни, их попытки объяснить свои поступки, то невольно приходишь к выводу, что они оценивают время совсем не так, как те, кто ни разу не умирал. Похоже, заглянув за грань, люди меняют свои представления о ценностях. Хотя все говорят и знают, что время их жизни это самое ценное, что у них есть, но на самом деле не все это до конца осознают. Не наслаждаются каждым прожитым мгном, не жалеют каждый прожитый час. Чтобы такое

случилось, людям нужна потеря. Чтобы времени у них осталось очень мало. Вот тогда-то они задумываются и начинают проживать каждый час, каждый день, скрупулёзно подсчитывая оставшиеся минуты. Но, как правило, это случается, когда человек уже смертельно болен или ожидает казни в тюрьме. По сравнению с ними, пережившие клиническую смерть, находятся в гораздо лучшем положении. Как правило, после возвращения, их здоровье не так уж и плохо, чтобы нельзя было прожить ещё несколько десятилетий, а если несчастный случай случился в молодости, можно считать, что впереди ещё целая жизнь! Я как раз говорю о случае с вашей дочерью, *Дже Мин-сии*.

Доктор на мгновение останавливается, и снова продолжает.

— Похоже, у вашей дочери произошла переоценка ценностей, *нунним*. Хотя она очень молода, и у неё нет жизненного опыта, который она могла бы переосмыслить, но её нынешнее поведение выглядит именно так. Думаю, Юн Ми, выбрала для себя цель в жизни, которую она намерена достичь. И делать это она будет без особой оглядки на мнение окружающих. Что она вам и продемонстрировала, взяв без спроса деньги и купив на них синтезатор.

— Доктор, — испуганно говорит мама Юн Ми, прикасаясь пальцами к щеке, — вы такие страшные вещи говорите. Неужели ничего нельзя поделать?

— А нужно ли что-то тут делать, *Дже Мин-сии*? Ваша дочь нашла для себя смысл жизни, знает, для чего она живёт... Многие всю жизнь пытаются это понять и не могут. А ваша дочь уже его знает. Повторюсь — стоит ли что-то делать?

— Но, доктор... такая цель? Какая-то она несерьёзная. Если бы она хотела стать врачом, или учителем... Я бы ещё поняла. Но, стать *айдолом*? Это... как-то... смешно, доктор! По-детски.

— Это её выбор, — пожимает в ответ плечами доктор, — если она так хочет, значит, ей это нужно. И думаю, глядя на неё, вряд ли вам удастся её переубедить. Потом, *айдол* — это только первая ступенька. В нашей стране есть много прекрасных певцов и актёров, которых помнят и чтят до сих пор, хотя некоторых из них уже давно нет в живых. Попробуйте подумать о ситуации в этом ключе.

— А если у неё не хватит для этого таланта?

— Вряд ли я смогу ответить на ваш вопрос, *нунним*. Я врач, а не предсказатель. Это шаманы могут сказать, будет ли сопутствовать человеку успех в его делах или нет. Я же могу только предсказать — будет человек здоров или нет. И то, как видите, мои прогнозы не всегда сбываются.



Доктор разводит руками. Мама Юн Ми задумывается.

— Ну а всё же, доктор, — спрашивает она, — если я заставлю её бросить её занятие? Как вы думаете, она — послушает меня?

— Вам виднее. Это же ваша дочь и вы должны знать её лучше, чем я. Однако, мне, как лечащему врачу, кажется, что в этом случае, впустую, будет потрачено много душевных сил, которые можно было бы направить в созидательное русло. И напомним, что стрессовые ситуации, для вашей дочери, в её состоянии, сейчас категорически противопоказаны. А ежедневные скандалы — это будет несомненный и непрерывный стресс. Вы понимаете меня, нунним?

— Да, доктор, — вздохнув отвечает мама, — я всё поняла. Спасибо большое, господин доктор....

\* \* \*

*Время: На следующий день, вечер.*

*Место действия: Небольшая комната, все стены которой увешана различными оберегами и амулетами на цепочках, а так же иероглифами, написанных на узких полосках бумаги. Множество колокольчиков, висящих на тонких нитях под потолком. В комнате, на толстом синем квадратном татами, поджав под себя ноги, сидит старая женщина с морщинистым лицом. Наряд её непонятен и кажется, что большей частью он состоит из лент коричневого цвета. На голове её — воздушная грива из седых и чёрных волос. В правой руке женщина держит трубку, с длинным и изогнутым мундштуком. Перед ней — небольшой низкий столик цвета тёмного каштана. На столике справа — подставка для трубки. Напротив, за столиком, тоже поджав под себя ноги сидит посетительница, одетая во всё красное. Вид у неё немного испуганный.*

— Принесла? — спрашивает женщина, вынув мундштук изо рта.

— Да, госпожа мудан<sup>[50]</sup>, — кланяется посетительница, — волосы.

— Бросай, — кивает шаманка, кивая головою в сторону небольшой жаровни.

Посетительница достаёт маленький мешочек, сшитый из золотистой ткани и, вынув из него тёмную прядь волос, бросает их на угли. Вспыхнув, волосы сгорают с лёгким треском. Шаманка глубоко затягивается из трубки и не торопясь выдыхает дым через ноздри. По комнате плывёт сладковатый запах.

— Духи здесь, — говорит шаманка, смотря на посетительницу расширенными зрачками, — они будут говорить со мною. Спрашивай.

— Уважаемая госпожа *мудан*, — снова поклонившись, говорит посетительница, — я хочу узнать о своей дочери. О том, что мне следует предпринять, чтобы сделать всё должным образом.

Шаманка согласно кивает и достаёт откуда-то из складок своей одежды длинный мешочек из тёмно-синего атласа с вышитым на нём золотыми нитями иероглифом. Не торопясь, развязывает и со стуком вытряхивает из него на стол какие-то косточки и палочки.

— Карты будут сегодня говорить, — сообщает шаманка после длительного изучения получившейся на столе композиции.

Она аккуратно складывает веточки и косточки обратно в мешочек и достаёт толстую колоду карт. Вытаскивает из неё карту и бросает на стол «рубашкой» вниз.

На обращённой верх стороне карты — фигура в чёрном плаще с косою в руках.

— *Аджума*, — удивлённо поднимает глаза гадалка на посетительницу, — разве твоя дочь не мертва?

— Что вы говорите, уважаемая *мудан*?! — пугается посетительница, взмахивая руками, — моя дочь жива!

Шаманка задумывается.

— Карты говорят о смерти, — наконец говорит она, — а мои карты не лгут.

— Я, кажется, знаю, в чём тут дело, — говорит посетительница, — дело в том, что моя дочь не так давно попала в аварию и у неё произошла клиническая смерть. Её сердце не билось целых десять минут...

Шаманка удовлетворённо кивает и, вытащив следующую карту, кидает её рядом с первой.

— Вот оно что, — говорит она, — *Гуань Инь*, светлая заступница. Тогда понятно.

— Что понятно, уважаемая *мудан*? — вытягивает шею посетительница, чтобы лучше видеть карты на столике, — прошу вас, скажите.

Шаманка неспешно затягивается из трубки и выпускает дым через ноздри.

— *Аджума*, у твоей дочери есть сильная небесная покровительница, — говорит она поднимая взгляд, — думаю, что благодаря лишь ей, твоя дочь вернулась, переступив «порог»...

— Аххх, — улыбаясь, радуется *аджума*, — такая хорошая новость,

госпожа мудан! Спасибо вам за хорошие вести.

Посетительница сидя, делает поклон.

— Только это уже не твоя дочь, — жёстко произносит шаманка, с прищуром смотря на женщину.

— Как не моя?! — ахает посетительница, — почему?!

— Той девочки, которую ты знала, больше нет. Переступив «порог», нельзя вернуться прежним. Понимаешь меня?

— Да, да, да, — с готовностью закивала посетительница, — И врач об этом говорил! Она стала такой странной! Иногда я её просто не узнаю! Это меня пугает, госпожа мудан, я так переживаю за неё! Госпожа, вы такая сильная шаманка, сразу всё сказали как есть! Скажите, прошу вас, что ждёт мою девочку? Какая у неё будет судьба? Пожалуйста!

Посетительница молитвенно соединяет у груди ладони. Шаманка качает головой и, поставив трубку на подставку, собирает со столика карты. Перетасовав колоду, она вновь начинает выкладывать карты, одновременно говоря, что она «видит».

— Путь, ведущий на самый верх... «Солнце», «ключ» и «кошелёк с монетами» легли рядом. На пути нет преград — «ключ» откроет двери. «Кошелёк» — богатство, которое ждёт путника. «Солнце» — удача, освещающая дорогу. Можно подняться очень высоко, если следовать этому пути. Но следует остерегаться падений. «Чёрная змея» указывает на недоброжелателей, а карта «колокол» принесёт плохие вести. И снова — карта «смерть». Что-то нехорошее.

Шаманка берёт с подставки трубку и делает затяжку. Вернув трубку на место, она неспешно собирает разложенные на столике карты. Посетительница в это время напряжённо обдумывает услышанное.

— Этот «ключ»... — вслух произносит она, — что это может быть? Она хочет стать звездой. Может, этот «ключ», это... талант?! Госпожа мудан, я права?

Посетительница требовательно поворачивается к шаманке.

— Будущее покажет, — усмехается в ответ та, — не шуми, *аджума*. Духи разговаривают со мною. Будешь шуметь, они обидятся и уйдут. Ничего не узнаешь.

— О, простите госпожа, — кланяется посетительница, — я виновата. Простите.

— Посмотрим, — не ответив на извинение, говорит шаманка, — что у неё на сердце. Что за мужчина ждёт твою дочь?

Все матери хотят знать о мужах своих дочерей...

Шаманка не глядя вынимает из колоды карту и бросает её на стол. На

карте оказывается изображение черноволосой девушки с розой в руке.

— «Темноволосая госпожа», — удовлетворённо говорит шаманка и объясняет, обращаясь к посетительнице, — это твоя дочь. Теперь те, кто её окружает...

— Хмм, — спустя несколько секунд говорит она, разглядывая окружившую «темноволосую госпожу» карты, — хмм...

Задумавшись, шаманка вновь берёт в руку трубку.

— Что-то не так? — осторожно спрашивает посетительница, видя, что «говорящая с духами» молчит, — что-то плохое?

— Не то, чтобы плохо... — выходя из задумчивости, отвечает та, — карта «кот» — означает флирт. Вокруг твоей дочери много мужчин. Очень много. Взгляни, *аджума* — вокруг неё сплошные короли, вальты и шуты. Но, похоже, истинный король среди них будет только один — пиковый туз, вот он справа от неё. Черноволосой красавец. «Кольцо» рядом с ним — любовное объяснение. «Роза» — любовь. Ещё одна «роза» — очень сильная любовь. Но есть кто-то ещё. Видишь — карта «серый человек»? Этот кто-то будет очень важен для «темноволосой госпожи», потому, что карта лежит напротив её сердца. Пиковый туз лежит в головах, а он — в сердце. Почему-то я не «вижу» этого человека. Он словно как будто далеко-далеко. А, вот оно в чём дело! Духи говорят, что это человек из далёкой страны, поэтому он такой непонятный.

— Что принесёт с собою Пиковый Туз?

Задав вопрос, гадалка поочерёдно вытащила из колоды три карты и покидала их поверх пикового туза.

— ... «Роза», «роза», «смерть», — сообщила она.

— Что принесёт с собою человек из далёкой страны?

— ...«Мельница» — означающая пустые разговоры, «венки» — означающий надежду и снова «смерть».

— Хммм... — хмыкнула шаманка и, подумав, снова задала вопрос, начав выкидывать карты на «серого человека».

— Что на сердце у него? «Коромысло», означающее сомнения, карта «предательство», карта «младенец». Хмм....

— Чем успокоится сердце «темноволосой госпожи»?... Печаль, смерть, любовь...

— Хмм...

Шаманка, раздумывая над карточным раскладом, глубоко затягивается из трубки. Так, что раздаётся слышимый треск сгорающего табака.

— Береги дочь, *аджума*, — веско произносит она, вынув изо рта мундштук и поднимая глаза на посетительницу, — береги свою

«темноволосую госпожу»! Сама видишь — смерть всегда рядом с ней.

— Как же так? — испуганно ахнув, растеряно говорит посетительница, — в чём виновата моя девочка, если смерть всегда рядом с ней?

— Ни говори глупостей! — сердится на неё шаманка, — разве я сказала, что она в чём-то виновата? Нет! Зачем ты тогда придумываешь? Слушай, что я тебе говорю, и ничего не придумывай! Я не понимаю, что значит это постоянно повторяющаяся карта. Либо, её жизнь будет постоянно подвергаться опасности, либо какие-то её поступки приведут к смерти. Но это грозная карта. Такое предостережение нельзя оставлять без внимания. Тем более, что твоя дочь уже была за «порогом». Она знает путь, и пройти по нему вновь ей гораздо легче, чем тому, кто идёт по нему в первый раз. Поэтому, я говорю тебе — береги дочь.

В этот момент, под потолком неожиданно громко звякает один из висящих колокольчиков. Шаманка меланхолично поднимает взгляд на звук. Посетительница вздрагивает и тоже, напряжённо смотрит туда. Однако, там ничего нет и колокольчик висит спокойно больше не звоня.

— «Серый человек» — говорит шаманка, опуская взгляд, — он очень опасен для твоей дочери. Он разрушит её жизнь. Лучшее, что ты могла бы сделать — это защитила её от него. Но это невозможно...

Шаманка огорчённо качает головой.

— Почему? Почему невозможно? — восклицает посетительница, — скажите, кто он и я всё сделаю, что бы защитить Юну!

— Я сама не знаю, кто он, — опять качает головой шаманка и, вынув из колоды карту, бросает её на стол.

— Видишь? — спрашивает она.

— Что? — испуганно спрашивает посетительница.

— Карта «любовь». У тебя нет над этим власти. Ты можешь только помочь, чтобы всё не закончилось...

Шаманка достаёт ещё одну карту и бросает на стол. На ней — фигура в темном плаще с косою в руках.

— ...Вот так не закончилось, — говорит она.

Посетительница расширенными глазами смотрит на карту «смерть».

— Но... но как я узнаю? — спрашивает она, поднимая взгляд от карты на гадалку.

— Сердцем почувствуешь, — отвечает та, вновь берясь за трубку, — и прекрати произносить имена, если не хочешь, чтобы не вышло ничего плохого. Это не то место, где можно это делать.

Некоторое время в комнате царит молчание. Посетительница, кивнув,

задумывается, уйдя в себя. «Говорящая с духами», затягивается и, оставив в сторону трубку, собирает со стола все карты, кроме «темноволосой госпожи».

— Ну? — говорит она, обращаясь к посетительнице, — чего сидишь? Хочешь еще что-то спросить?

— Госпожа *мудан*, — вежливо склонив голову, отвечает посетительница, — я столько всего узнала, что просто голова идёт кругом. Я запуталась. Я просто хотела спросить... Моя дочь хочет стать *айдолом*. Я не знаю, следует ли ей разрешить это или нет? Я пришла, что бы вы дали мне совет, как мне поступить. Простите, но я до сих пор не знаю, какое мне следует принять решение. Прошу вас, помогите мне.

Посетительница кланяется. Шаманка усмехается и вновь берёт в руки колоду карт.

— Что получит «темноволосая госпожа» за своё желание? — громко спрашивает она и бросает на лежащую на столе карту, ещё одну.

— «Булава», — с удовлетворением произносит шаманка, глядя на то, что выпало, — «Булава» — это высшее достижение, успешное завершение всех начатых дел. Это знак победы, триумфа, успеха, радости и счастья. Всё сходится. В начале, карты предсказали ей путь на вершину, сейчас говорят о том, что её цель будет достигнута. У тебя остались ещё вопросы, *аджума*?

\* \* \*

*Время: вечер после дня рождения внучки.*

*Место действия: Машина Чжу Вона. Он и Юн Ми только что в неё сели и пристёгиваются.*

— Какого чёрта ты там устроила? — зло шипит Чжу Вон, пытаясь вытащить зацепившийся за что-то ремень.

— Где? — интересуется Юн Ми, сражаясь в этот момент со своим.

— На луне! Как у тебя наглости хватило ругаться с Ю Чжин? Она старше тебя на пять лет!

— Старше? Ну и что? Какого она полезла к тебе при всех обниматься? Мне собственно всё равно, какие у тебя с ней дела, но, согласно легенде, пришли мы с тобою вдвоём. Что, мне следовало молча смотреть, как она тебя тискает?

— Ты что — приревновала, что ли?

— Щас! Меня интересует исполнение роли, которую я взялась играть. Если бы я никак не прореагировала на это, то кто бы поверил тогда, что мы — «пара»? Сам подумай.

— И ты из-за этого ругалась с ней?

— Она первая меня назвала «тыквой, которой место только на огороде». Я ей и сказала, что она сама «тыква» коль за два года, проведённые в Париже не смогла произношение себе поставить.

— На французском?

— Ну, она же залепетала на нём? Чтобы ей не казалось, что она тут самая умная, я ответила ей на французском.

— Ага. А потом рассказала ей, что выучила его по самоучителю. За три бакса!

— А что, говорить правду теперь запрещено?

— Ты идиотка. Ю Чжин тебе этого никогда не простит. Теперь у тебя есть личный враг. Поздравляю, зверёныш.

— Переживу, — помолчав, отвечает Юн Ми.

— Я посмотрю, как это у тебя получится. Так всё таки, откуда ты знаешь французский?

— Занималась.

— По самоучителю?

— По самоучителю.

— За три доллара?

— Я не помню уже, сколько он стоил. Ну, есть у меня способности к языкам. Это что, наказуемо?

— Если у тебя такие способности к языкам, а ты решила стать айдолом — ты полная идиотка.

— Я уже это слышала.

— Слышала и что? Не будешь принимать никаких мер?

— Будет так, как я решила.

— Ха! — говорит Чжу Вон, и на некоторое время замолкает, заводя машину и с резкой прогазовкой трогаясь с места.

— Почему ты не пожелала тёте доброго здоровья?

— А должна была? — озадачивается Юн Ми.

— Совсем не знаешь правил? — бросает на неё взгляд Чжу Вон, — Если ты говорила с пожилым человеком, то в конце разговора ты обязана была пожелать ему доброго здоровья. Почему ты этого не сделала?

— Прости, я забыла.

— Забыла? Как такое можно забыть? Все сразу поняли, что ты невоспитанная девчонка! Как так можно себя вести?

— Прости.

— Прости? Прости и всё? А что ты там наговорила тётё, рассказывая, почему ты не поступила в институт? Сказала бы правду. Зачем ты стала врать? Стыдно вдруг стало? Так учиться нужно было лучше, а не банды организовывать.

— Врать? — удивляется Юн Ми, — где я стала врать?

— Что ты попала в аварию и пока все сдавали экзамены, ты лежала в больнице.

— Но ведь так и было.

— Экзамены длятся не один день. И специально для таких случаев есть дополнительные дни прохождения тестов. От последнего экзамена до первого дня учёбы в институте есть целый месяц. Тебя что, так переломало в аварии, что ты весь этот месяц была прикована к постели? По твоему теперешнему виду этого не скажешь.

— Ну... — сказала Юн Ми и замолчала.

— Только не говори, что стукнулась головой и месяц провела без сознания. Это не драма. Все прекрасно поняли, что ты провалила экзамены, и врешь, чтобы это скрыть.

Юна промолчала, поджав губы.

— А что за анекдоты ты рассказывала парням, пока я разговаривал с тётей?

— Обычные анекдоты...

— Обычные? А мне сказали, что похабные. Судя по тому, какой был смех, это похоже на правду.

— Никакие они не похабные. Анекдоты, как анекдоты...

— Расскажи!

— Что?

— Расскажи, что ты рассказывала. Я не слышал.

— Ммм... — задумывается Юна, припоминая, чего она там рассказывала, — например: «Мимо, весело звеня карабинами, пролетела связка альпинистов...»

— Хм... — хмыкает Чжу Вон, — разве это анекдот? Какое-то предложение. Рассказывай пошлый.

— Ну, — вздыхает Юна, — вот: «Жена решила устроить мужу сюрприз. Придя с работы, она загнала его в душ. После душа она обмазала его всего взбитыми сливками. Начала его облизывать и, дойдя до самого интересного места, остановилась...

Он:

— Что случилось?



Она:

— Блин, я обожралась!!»

— Кошмар, — говорит Чжу Вон, покрутив голову, — и это у тебя «не пошлый» анекдот? А что же тогда для тебя — пошлый?

— Возможно, это был не совсем удачный вариант, — подумав, признаёт свою неправоту Юна.

— Не самый удачный? Как тебе вообще пришло в голову пойти к парням? Разве ты не знаешь, что девушкам прилично общаться с девушками, а не с незнакомыми парнями?

— С девушками было скучно, — ответила Юн Ми, — они молчали и смотрели на меня. И всё. А парни там что-то рассказывали, смешное. Ну, я и пошла туда. Послушать...

— Я тебя им не представлял! Ты же с ними незнакома?! Как ты могла так поступить?!

— Я сама с ними познакомилась. Что тут такого?

— Боже мой, — крутит голову Чжу Вон, так, словно ворот рубахи душит его, — боже мой! Я только сейчас полностью осознал коварство бабушки. Согласиться пойти с тобою — это глупость, за которую мне будет стыдно до конца своих дней!

— Зато все увидели, что ты встречаешься с девушкой, — с едва уловимым ехидством в голосе говорит ему Юна.

\* \* \*

*Время: поздний вечер того же дня.*

*Место действия: дом мамы Юн Ми.*

— Не верю своим ушам! — возмущённо кричит Сун Ок, — ты разрешаешь ей? Как ты можешь?! Это же глупая трата времени! У неё ничего не выйдет!

— Замолчи, Сун Ок! — говорит мама, — замолчи и слушай меня!

— Я позвоню дяде и скажу, что ты сошла с ума! — упорствует та.

— Замолчи! — хлопает по столу ладонью мама, — замолчи и послушай свою мать!

— Юн Ми, доченька, — обращается она к младшей дочери, — я разрешаю тебе заниматься музыкой. Я буду гордиться тобой, если ты станешь *айдол*ом, а потом известным артистом. Иди, и не бойся упасть. Помни, мамины руки всегда поймают тебя!

— Мама... — недоумённо произносит замолчавшая Сун Ок с удивлением смотря на неё.

— Только пообещай мне, — продолжает говорить мама Юне, — пообещай, что не будешь молчать о своих трудностях. Когда тебе будет нужна помощь, ты всегда будешь приходить ко мне и всё рассказывать, прося моего совета. Обещаешь?

Мама требовательно смотрит на дочь. Юн Ми молча кивает. Вид у неё ошарашенный.

— Спасибо, мама, — говорит она, найдя нужные слова, — обещаю, что тебе не будет за меня стыдно.

**Конец первой книги.**

*От автора: Продолжение следует...*

---

<b>notes</b>
--------------

## Примечания

**1**

(от автора. Посмотреть можно тут — <http://www.youtube.com/watch?v=QwXpwu2FrJY>)

(от автора. Исходник тут — <http://www.youtube.com/watch?v=Qk52ypnGs68>)

3

(послушать можно тут — <http://www.youtube.com/watch?v=qVmsCAbKZnY>)

*сии* — уважительная приставка к имени. Она создает официальную обстановку и подчеркивает, что говорящий не знает слушающего, дистанцируется от него и старается быть нейтрально вежливым. прим. автора.

суффикс — *ним* может прикрепляться к личному имени или титулу, должности и делает обращение более вежливым



пр. автора. Такие носил Шурик в фильме «Кавказская пленница»

пр. автора. *сачжанним* — уважительное обращение в Корее. Переводится как — директор. Даже если человек, вовсе не директор

*аджжж* — звук выражающий неодобрение. Произносится корейцами с одновременным сокрушённым качанием головой. Прим. автора

*ян* — суффикс к имени в корейском языке, указывающий на пол. Может указывать на возраст. В данном случае — «девочка», «девушка». прим. автора.

переводится как "большое спасибо!" пр. автора

*пулькоги* (сладкое мясо) — известное корейское блюдо из мяса. Готовится зажариванием его в сладком соусе. Пулькоги очень любят дети.  
прим. автора

*кимчи* — блюдо корейской кухни, представляющее собой остро приготовленные квашенные овощи, в первую очередь пекинскую капусту. Кимчи корейцы едят всегда и везде, как украинцы сало. Прим. автора.

Южная Корея стоит на втором месте в мире по количеству самоубийств. Прим автора.  
[http://en.wikipedia.org/wiki/List\\_of\\_countries\\_by\\_suicide\\_rate](http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_suicide_rate)



В сегодняшней Корее, действительно, у людей есть «два возраста». Один — по паспорту, второй — «как принято». Поэтому, для определённости, следует уточнять, какой именно возраст называет ваш собеседник. Нынешний возраст совершеннолетия в Корее — 20 лет. Обещают понизить до 19-ти. По достижению совершеннолетия можно пить алкоголь, посещать ночные бары и вступать в брачные узы. Автор накинул один год к совершеннолетию — для сюжета. Прим. автора

«тётенька»

«дяденька»

«девушка»

«старший брат», «брат»

обычно. англ.

В Лондоне царит вечная осень. англ.

рассказывая про Лондон, Сергей говорит на английском языке. Прим.  
автора



«агасси», если смотреть дословно в словарь, означает — «маленькая девочка-госпожа»

переводится — «ты». Прим. автора

начальников — прим. автора

*ачжуммы* — в данном контексте переводятся как "бабки, старухи".

*мэна* — man (англ.) — мужчина

Извините, не могли бы Вы сказать, где находится кваннаку? итал.

добрый день, синьора! итал.

Юна — сокращение имени от Юн Ми. прим. автора



*аннён* — привет! прим. автора

*файтинг* — искаженное от английского fight, — борись! прим. автора

ласковый вор — так в Корее называют дочь, уходящую из семьи и уносящую с собою приданное. прим. автора

дискотека — так в армии называют мытьё посуды в кухонном наряде.  
прим. автора

Стоматология в Корее действительно не покрывается медицинской страховкой

*вегугин* — иностранный турист по-корейски. прим. автора

дословно — девчонка. прим. автора

*ши* — обращение к малознакомым людям по имени. Прим. автора.



*умма* — мама, по-корейски, прим. автора

Милле грацие — миллион спасибо. Итал.

*самчон*, — родной дядя. Прим. автора

«Район освобождения», в честь американцев, освободивших Корею от японского ига. Прим. автора

*Синдзимаэ, бакаяро!* — убирайтесь к чёрту, ублюдки! японский

«сталкер» — в Корее, это человек, преследующий знаменитость, происходит от английского слова *stalker* (ловчий, упорный преследователь).  
прим. автора

«сасигЯ» (ударение на последний слог) переводится с корейского как — хулиганка, сумасшедшая, бешенная. прим. автора

*Холь!* — В Корее данное восклицание означает сильное удивление от какого-то совершенно неожиданного факта или ситуации. прим. автора



*Одзёсама* (ojousama) — «принцесса», испорченная девчонка из богатой семьи. яп. Прим. автора

*Нунним* — уважительное обращение к женщине. прим. автора

*тэн* — *чан*, по-корейски — ох\*реть, прим. автора

*оппа* — обращение девушки к парню, имеет много градаций, но чаще всего подразумевается, что это «её» парень. Прим. автора.

*Мудан* — в Корее, это женщина-шаманка. Прим. автора